

БАШКИРСКОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

Scan Kreyder - 04.04.2016
STERLITAMAK

БАШКОРТ ХАЛЫК ИЖАДЫ

5 ТОМ

ТОРМОШ-КӨНКҮРЕШ
ӘКИӘТТӘРЕ

ӨФӨ
БАШКОРТОСТАН КИТАП НӘШРИӘТЕ
1990

БАШКИРСКОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ТОМ 5

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

УФА
БАШКИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

ББК 82.3
Б-33

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. Т. ЗАРИПОВ (главный редактор)
Л. Г. БАРАГ, С. А. ГАЛИН,
Р. Г. КУЗЕЕВ, Ф. А. НАДРШИНА, А. М. СУЛЕЙМАНОВ,
З. Г. УРАКСИН, А. П. ФИЛЛИПОВ, Г. Б. ХУСАИНОВ

Составитель А. М. СУЛЕЙМАНОВ
Вступительная статья, комментарии, указатели
Л. Г. БАРАГА и А. М. СУЛЕЙМАНОВА

Ответственный редактор тома Л. Г. БАРАГ

Б-33 Башкирское народное творчество. Том V. Бытовые сказки.— Уфа: Башк. кн. изд-во, 1990.— 496 с.

В том вошли новеллистические и частично сатирические сказки — весьма разнообразные популярные разновидности бытовых сказок.

4702110500—199
В ————— 48—90
М 121(03)—90

ББК 82.3

ISBN 5-295-00455-4 (Т. V)

ISBN 5-295-00637-9

© Башкирское книжное издательство, 1990

БАШКИРСКИЕ БЫТОВЫЕ СКАЗКИ И ИХ РАЗНОВИДНОСТИ

В бытовых сказках, как и в волшебных, совершается невероятное, но не в чудесных, а в житейских обстоятельствах и обыкновенными людьми. Своим человеческим превосходством, — остроумием, находчивостью, нравственной стойкостью, — герой бытовой сказки одерживает верх над противостоящими ему обычно тоже обыкновенными людьми. Если в эпизоды бытовой сказки входят персонажи из потустороннего чудесного мира, они оказываются лишенными демонической или чародейской силы и терпят поражение, столкнувшись с силой человеческого разума, играют комическую роль. Особенно комичны они в гротескных сказках об одураченном дэве или шайтане-черте.

Форма бытовой сказки свободна от композиционных и стилистических канонов. Время и пространство в ней менее условно, чем в волшебной сказке. Отсюда широта творческого вымысла, свойственная сказке бытовой.

Общие особенности стиля рассказывания башкирских сказок проявляется в разных жанрах. Рассказчики довольно часто употребляют вводные слова «говорят» («ти») или «будто бы говорят» («икэн ти»), выделяя их интонационно, а затем делают паузу и приступают к рассказыванию следующего эпизода. Словом «ти» оттеняется удивительность сказочного события, о котором будто бы рассказчик слышал от людей. Для возбуждения интереса слушателей и чтобы выразить свое личное отношение к поступкам и словам сказочных персонажей, рассказчики применяют прием несобственной прямой речи. Не все особенности стиля рассказывания на тюркском и, в частности, на башкирском языке переводимы на другие языки. Например, употребление в повествовании от третьего лица, наряду с разными глагольными формами прошедшего времени, формы настоящего времени в значении прошедшего. Иногда рассказчики обращаются по ходу повествования к слушателям с репликами типа «сказка есть сказка», вклинивают в диалог персонажей свои пояснения. Юмористическая тональность бытовых сказок сопряжена с использованием рассказчиками комических образных сравнений, поговорок, каламбуров, специфичных для башкирского разговорного языка фразеологических оборотов.

Исторические корни бытовых сказок не менее глубокие, чем сказок о животных и волшебных сказок. Исследователями обращено внимание на генетическую связь всемирно известных народных сказок о хитрецах-обманщиках, ловких ворах с архаическими и классическими мифами. Согласно мифам, культурный герой обманывает тотемного зверя, духов хозяев, смерть и крадет у них недоступные людям сокровища, огонь и прочие блага. «Геракл, отнимающий у Смерти Алкестиду, — отмечает в статье «Сказочные талисманы невидимости» Р. Г. Назиров, — не гра-

битель, а герой. Аналогичным образом в мифах героизируется обман высшего божества: Прометей сначала обманывает Зевса при дележе мяса, затем крадет огонь для людей. Этот героический вор по сей день любимец человечества»¹. Примером того, как мотивы мифа об обмане Прометеем Зевса оригинально трансформируются в социальном бытовом сатирическом сюжете, может служить башкирская сказка «Кучер проучил скрягу», записанная в недавнее время, и сходная с нею казахская «Как Алдар еще раз обманул черта» (См. текст 190 и коммент.).

По древнейшим памятникам письменности известны разные сказочные бытовые сюжеты, устно распространенные в странах современного мира. Во множестве национальных вариантов записана сказка о ловких ворах, грабивших сокровищницу египетского фараона Рамзеса, которую в V веке до н. э. пересказал Геродот в своей «Истории». Ниже публикуются башкирские сказки данного сюжетного типа — по международному указателю АТ 950 (см. тексты 142, 143, 146). История сюжета АТ 782 «Рогатый царь» (тексты 40, 41) связана с тотемным иранским мифом, известным еще 4000 лет тому назад. Фрагмент сюжета АТ 981 «Почему перестали убивать стариков» (см. тексты 38, 39) известен по египетскому папирусу, датируемому 420 годом до н. э. Сюжет башкирской сказки «Алмирьян» типа АТ 922А (текст 34) имеет многоязычную фольклорную и литературную традицию, связанную с ассирийской «Повестью об Ахикаре» VII века до н. э. Литературная обработка сюжета о находчивой мудрой женщине (АТ 875В — «Приплод от баранов»), популярного в устной сказочной традиции ряда тюркских, в том числе и у башкир (тексты 1—3, 11), а также у иных народов, имеется в индийском сказании VI—V в. до н. э. «Махабхарата». Сюжет типа АТ 860* об украденной жене (текст 78) находит параллель в комедии римского драматурга III века до н. э. Т. М. Плавта «Хвастливый воин».

В трудах современных этнографов и фольклористов утвердилось мнение, что этнографические истоки бытовых сказок восходят к эпохе родового строя². Это подтверждается записанными в наше время неустойчивыми в сюжетном отношении устными рассказами, например, о победе ума, находчивости, ловкости над силой. Они непосредственно связаны с обычаями и обрядами народностей, которые еще ведут близкий к первобытному образ жизни. Такие бытовые рассказы наряду с мифами могли издавна служить первоосновой сказочного творчества. Между тем в отличие от них бытовые сказки о победе ума, находчивости над силой, развивались, традиционно варьируясь, в историческом процессе взаимодействия сложных этнических культур, сменяющих друг друга социальных формаций. Поэтому отдаленно-связанные с отжившими архаичными обычаями и обрядами, например, испытания загад-

¹ Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Вып. 11.— Уфа: Баш. ГУ, 1984, с. 33.

² См.: Золотарев А. М. Родовой строй и первобытная мифология.— М.: Наука, 1964; Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники.— М.: Изд-во Вост. лит., 1963; Турсунов Е. Д. Генезис казахской бытовой сказки.— Алма-Ата; Наука, 1973; Михайлов Г. И. Проблемы фольклора монгольских народов.— Элиста, 1971; Котляр Е. С. О некоторых чертах фольклора Африки южнее Сахары//Фольклор народов Африки.— М.: 1972; Юдин Ю. И. Русская народная бытовая сказка: Дис... д-ра филол. наук. 10.01.09.— Курск, 1978.

ками сообразительности девушек и юношей брачного возраста, национальные сказки типов «Мудрая девушка» (АТ 875, см. текст 11) и «Загадки царевны» (АТ 861А, тексты 48, 49) отразили эти обычаи и обряды в образном преломлении через исторические напластования как что-то удивительное³.

Неоднородные по содержанию и форме бытовые башкирские сказки в зависимости от преобладающего в них художественного пафоса, характера композиционного строения и доминирующих функций персонажей можно разделить на жанровые группы: 1) новеллистические, 2) сатирические, анекдотические сказки. Каждая из этих групп имеет разновидности, различаемые по сюжетно-тематическим циклам.

Из новеллистических сказок выделяются сказки об умных делах и словах, об интимно-нравственных, семейных отношениях, сказки-притчи. К первой разновидности, в основном, относятся первые 39 текстов этой книги. В них нередко остроумные слова, как и дела, движут сюжет, имеют решающее значение в развязке. В своем большинстве такие сказки одноэпизодичны или состоят из двух-трех сценок разных сюжетных типов. Бывает, что на композиционный стержень нанизывается много эпизодов (шесть — в тексте 1, десять — во втором). Иногда в сюжетную ткань входят загадки, пословицы, и действие, тяготея к диалогической форме, начинается с первых слов, без вступления (тексты 2, 4, 5, 8, 10, 12, 17 и др.), развивается в ней от завязки до неожиданной анекдотично заостренной развязки (напр., тексты 32—34, 48, 49). В сказке «Балкантаз» главная часть — стихотворный диалог загадками, выдержанный в традиционном ритме башкирского кубaira (эпической героической песни), получает своеобразную драматическую выразительность. Для новеллистических сказок данной разновидности сочетание нравоописательного пафоса с юмористическим настолько характерно, что они не всегда поддаются отграничению от собственно юмористических и сатирических сказок.

В сказках об умных делах и словах герои и героини всех возрастов выполняют типичные сюжетные функции: отгадывают загадочные вопросы; дают добрые советы; справедливо решают споры; проницательно открывают истину; честно выходят из затруднительного положения; успешно состязаются в остроумии; посрамляют острословием власть имущих.

Особенно полное и яркое выражение получает тип народного мудреца в сказках о сэсэне-сказителе Ерэнсэ. Он и его мудрая жена Бендебика, или Карасэс, являются также героями местных преданий, например, о могиле Ерэнсэ, находящейся будто бы близ села Башкирский Урген Зианчуринского района, и о т. н. мавзолее Бендебика на кладбище села Максютово Кугарчинского района. Целый ряд сюжетов о Ерэнсэ-сэсэне имеет параллели в казахских, каракалпакских, киргизских сказках о Джиренше-шешене (по-киргизски — Джээренче-чечен) и в сказках-анекдотах многих тюркоязычных и ираноязычных народов о Насреддине, а также в армянском фольклоре о Пул-Пуги, в туркменском — о Мирали, в узбекском — об Алишере Навои. Примечательно, что в некоторых башкирских вариантах всемирно известных сюжетов, например, об остроумном дележе жареного гуся (АТ 1533, текст 4), находчивый герой именуется Ерэнсэ-сэсэном.

Ерэнсэ-сэсэн в сюжетных ситуациях особенно часто сталкивается с баем или ханом, одурачивает могущественного властителя, как и другие сэсэны, воспетые в башкирском эпосе:

³ См.: Колесницкая И. М. Загадка в сказке // Уч. зап. ЛГУ. Серия филол. наук. Вып. 12. — Л., 1941, с. 98—142.

Острее булата, секущего в бою,
Без крови побеждавший врагов,
На границе родины прославившийся,
За пределами ее чтимый,
Подобно стреле хана уязвляющий,
Против баев огнем обратившийся —
Кто же это, если не сэсэн⁴.

Превосходство мудрости, остроумия над богатством, знатностью подчеркивается в сказках об Ерэнсэ-сэсэне независимо от того, в каком возрасте он действует, — молодом, зрелом или пожилым. Сказочный Ерэнсэ преодолевает любые трудности, решает, казалось бы, невыполнимые задачи. Но если в тех эпизодах, где действует холостой Ерэнсэ, ему нет равных, то в сказках, повествующих о женившемся мудреце, он отнюдь не превосходит супругу изобретательностью и находчивостью и следует ее советам. Это определяется сказочной традицией изображения мудрых жен, выручающих в трудных обстоятельствах своих мужей.

Короткие сказки об умных делах и словах, как и близкие им собственно назидательные, анекдотические сказки, включаются иногда в разговор-беседу. Примером этого может служить беседа отца с сыновьями в повести Мустая Карима «Долгое, долгое детство». Отец, сетуя на то, что характеру старшего сына недостает самостоятельности, приводит «к слову» популярную сказку «Как Ерэнсэ-сэсэн невесту для сына искал» (вариант — текст 6).

Башкирские сказки об интимно-нравственных отношениях утверждают моральные идеалы. Характерны для них детально разработанные сюжеты о преодолении препятствий к счастливой женитьбе или счастливому замужеству, к достижению справедливости, освобождению отважных от насильников и обретению благополучия ловкими проделками. Действие ведут самые разные по социальному положению и роду занятий персонажи: царь, крестьянин, купец, солдат, мулла, везир, бай, работник, пастух, музыкант, охотник, сапожник, живописец, их жены, дочери, сыновья, а также неуловимый ловкий вор. Главная роль часто принадлежит женщине. Напряженность действия связана с возникновением неожиданных ситуаций. Эффект неожиданности получает высшее выражение в развязке.

Значительная часть башкирских новеллистических сказок связана с многонациональными фольклорными и литературными традициями. В комментариях к отдельным сказкам обращено на это внимание.

Влияние литературной новеллистики, имевшей коренные фольклорные истоки, на народные сказки передавалось преимущественно не прямым книжным путем, а через устное их переосмысление. Сюжет новеллы при этом творчески развивался в духе собственных сказочных традиций. Так обстояло, например, с трансформацией в башкирских сказках многоплановых новеллистических любовных историй «Тысячи и одной ночи» с их разноцветьем словесной ткани и восточной классической манерой литературного повествования (см. коммент. к текстам 59, 60, 62). Так обстояло и с трансформацией в народных сказках сюжетов «Декамерона» Боккаччо, порожденных гуманистической культурой итальянского Ренессанса и проникнутых авторским идейно-эстетическим отношением к частной сфере быта, где проявля-

⁴ Башкирское народное творчество: Эпос, книга 3, с. 134. — Кубаир о состязании Акмырзы-сэсэна с Кубагуш-сэсэном. Приводим подстрочный перевод.

лись индивидуальные характеры персонажей этих новелл (см. коммент к текстам 67, 84, 85).

Однако опосредованное влияние литературных новелл на народные новеллистические сказки заметно в стремлении современных рассказчиков к своеобразной детализации сюжетов, к психологическому мотивированию действий персонажей, а также к некоторой модернизации сказочного быта.

В комментариях к текстам новеллистических сказок есть указания на их историко-типологические сходения с литературными произведениями разных исторических эпох, например: древнегреческих (коммент. №№ 56, 96), древнеримских (№№ 40, 78), персидских и индоперсидских (№№ 17, 28, 36, 56, 72), азербайджанских (№ 25, 40), итальянских (№№ 17, 24, 38, 52, 67, 78, 79, 84, 85, 91, 92, 96, 112, 146, 150, 153, 161), немецких (№№ 24, 33, 57, 78, 84, 92, 145, 146, 150, 171, 187, 189), английских (№№ 12, 33, 67, 92, 112, 136), французских (№№ 57, 84, 96, 156), испанских (№ 150), датских (№ 47, 92, 153), русских (№№ 31, 33, 93, 101, 137), польских (№ 33, 96, 150), белорусских (№ 156), украинских (№ 31), башкирских (№ 144).

Исходный башкирский сказочный и сравнительный не только сказочный, а также литературный материал располагает к историко-типологическому изучению новеллистических сказок в контексте и на фоне мирового фольклора и мировой литературы.

Увлекательная напряженность действия в новеллистических сказках, особенно повествующих о выполнении трудных задач, похищении красавицы, женитьбы на красавице-царевне (тексты 46—48, 52—54, 59—61, 65), злоключениях и преодолении невзгод гонимыми оклеветанными девушками и верными женами (тексты 58, 62, 67—69, 71—73, 75) сродни драматизму авантюрно-волшебных сказок. Неслучайно в фольклорном материале башкир и казахов часто встречаются контаминации волшебных-авантюрных и новеллистических сюжетов. Например: «Чудесная утка» + «Страдать лучше смолоду»; «Безручка» + «Чудесные дети» + «Оклеветанная девушка»; «Деревянный орел» + «Подземный ход» (БНТ, т. 4: Волшебные сказки, №№ 54, 67, 58).

Волшебная сказка, особенно у тех народов, у которых она получила строгую, замкнутую жанровую форму, заняла относительно обособленное положение в системе жанров сказочного фольклора, что придавало ей значительную непроницаемость для влияния на нее новеллистической сказки. Башкирская и другие тюркские волшебные сказки, не отличаясь столь стойкой формальностью, свободнее взаимодействовали, контактировались с прочими жанрами.

В неравномерном противоречивом процессе затухания традиционного устного сказочного творчества, начавшемся в большинстве регионов страны с прошлого столетия, нарушалась жанровая отъединенность волшебной сказки от сказки новеллистической. Определилась характерная теперь для фольклора тюркских и иных народов активная тенденция к новеллизации волшебных сказок путем приближения приключений героев к реальной действительности. Наряду с волшебными сказками некоторых сюжетных типов в башкирском и казахском фольклоре стали традиционными новеллистические сказки того же сюжетного типа: «Искусный купеческий сын» (АТ 654В*, текст 29) и «Красавица-жена» (АТ 465С, текст 65). Получили распространение на башкирском, казахском и других языках новеллистические варианты древнего волшебного сюжета «Марко Богатый» (АТ 461, текст 102). Представлены в данной книге и новеллистические варианты других волшебных сюжетов: «Свиной чехол» (АТ 510В, текст 57), «Терпеливая жена» (АТ 706С, текст 58), «Правда и Кривда» (АТ 613А, текст 135)

В названных сказках жанровое переоформление фантастических сюжетов в новеллистические связано с глубоким изменением структуры повествования. При этом выпадают некоторые традиционные эпизоды, они заменяются другими. Так, например, в башкирской сказке «Первая красавица» на сюжет о свином чехле введена в действие мать героя, которая обращает внимание сына на девушку, и это делает излишним традиционный эпизод примеривания башмачка. В сюжет «Красавица-жена» включены также новые действующие лица.

Сказками переходного жанрового типа являются и такие, в которых новеллистическая занимательность комедийного любовного или семейного сюжета об обманувших и обманутых связана с сатирической заостренностью — антибайской (тексты 64), антиклерикальной (текст 79), против уродливых отношений между супругами (тексты 84, 85, 94—98).

Особую разновидность новеллистических представляют сказки-притчи (назидательные сказки). В них развитие действия подчинено утверждению моральных идеалов, связанных с примерным трудолюбием, увлеченностью творческим делом, правдивостью, верностью своему слову, милосердием, хозяйственной сметкой, бережливостью, уважительным отношением к людям старшего поколения. Вместе с тем в них осуждаются зло, несправедливость, низменные страсти, жестокость. Назидательная направленность определяется уже завязкой сюжета и оттеняется неожиданной развязкой. Ее драматическую выразительность иногда усиливают фантастические мотивы, например, в сказках «Страдание матери», «Сердце матери» (тексты 127, 128). Башкирский репертуар сказок-притч весьма обширен. В некоторых из них есть эпизоды, традиционные для международных сюжетных типов новеллистических сказок, имеющих литературную историю (тексты 112, 114, 136).

Сатирические и юмористические сказки этого тома повествуют о хитрецах и обманутых, одураченных ими (юмористические сказки о глупцах составят часть следующего тома). К первым, обладающим интеллектуальным и моральным превосходством, относятся чаще всего бедный крестьянин, работник, солдат, а ко вторым власть имущие — хан (царь), бай, мулла, кадий (судья), везир, генерал — жестокие, надменные, жадные, скупые. Сюжетный конфликт связан с обличением социальной несправедливости смехом. Среди данной разновидности бытовых сказок выделяются особые сюжетно-тематические группы: о неуловимых идеализированных ворах, тяготеющие к новеллистическому жанру, и о неудачливых простаках-глупцах, набитых дураках, тяготеющие к жанру анекдота, проникнутые преимущественно незлобивым юмором.

Устная сказка о ловком воре, имея историческим истоком архаический миф о культурном герое-похитителе, обрабатывалась литературно, влияла на становление литературной плутовской новеллы, а также испытала обратное ее влияние в странах Востока и Запада. Со сказками о ловком воре сближают новеллы сюжетные перипетии, связанные с выполнением трудных задач, состязания героя с его товарищем-вором и обретением, благодаря превосходной ловкости, житейского благополучия, он становится царским зятем. В основном сказочный ловкий вор сродни хитрецу-обманщику, типичному для сатирических сказок. Так башкирский Алдар действует в роли обманщика-плута в самых разных сюжетах о хитрых и ловких людях, в том числе и в традиционных для сказок о ловких ворах («Как Алдар украл золото»). В сказках других сюжетных типов Алдар добивается женитьбы на царской дочери, становится сам царем (№ 160, 161), как и вор во всемирно известных сказках типа «Сокровища Рампсинга» (тексты

142, 143, 146). Примечательно, что контаминации сюжетов о ловком воре и шуте-обманщике характерны для башкирской сказочной традиции.

Судя по количеству опубликованных и архивных вариантов (23), самым популярным у башкир сказочным бытовым сюжетом является «Ловкий вор» (АТ 1525А): по требованию бая или царя вор показывает свое удивительное мастерство, обкрадывая его (обычно в разных сочетаниях с другими сюжетами-мотивами о ловком воре или с сюжетами и мотивами о шутах). Весьма популярны тоже в разных сочетаниях с другими сатирическими сюжетами-мотивами типы «Дорогая кожа» (АТ 1535, текст 154) и «Шут» (АТ 1539, тексты 161—163). В их башкирских вариантах встречаются оригинально разработанные эпизоды. Не имеют аналогий в известном инонациональном фольклорном материале башкирские сказки «Как старик-конокрад творил молитву» (текст 144), «Судья и конокрад» (текст 149: творческое переосмысление и развитие сюжета типа «Шемякин суд»), «Как Таз двух братьев проучил» (текст 166), «Как два шакирда уразу продали» (текст 183).

Сказки о хитрых и ловких людях часто имеют стержневой основой сюжетного строения сцепления анекдотических эпизодов обманывания, последовательность которых в вариантах бывает разной. Стремительность развития действия, относительная ограниченность его времени и пространства сравнительно с приключенческими новеллистическими сказками связаны с целеустремленной активностью главного героя. Преимущественно им самим подстраиваются комические ситуации, ведущие к развязке. Так, например, бедняк, принужденный баем лаять ночью вместо убитой собаки, так запугивает бая в темном лесу, что тому приходится самому по-собачьи лаять на почудившегося ему медведя (текст 159); Алдару-обманщику удается убедить надменного генерала раздеться, сесть на куриные яйца высидывать цыплят и тем самым осрамить себя перед царем, лишиться предназначенной награды (текст 182). Иногда в безвыходной ситуации оказывается сам хитрец-обманщик. Например, в сказке «Всезнающий Тыз-Быз» обманщику грозит разоблачение, если не угадает, что у царя в кулаке, но случайно он угадывает и окончательно укрепляет свою репутацию провидца (текст 176). В отличие от своих противников, посрамляемых в комической ситуации, сказочный хитрец, оказываясь в комическом положении, выходит из него торжествующим победителем. Такая развязка бывает проникнута добродушным юмором.

В сказках о хитрых и мудрых людях, как и в сказках о мудрецах, важную сюжетную функцию, особенно в развязке действия, имеет иногда находчивость героя, его остроумный ответ. Например, тексты 163, 174, 186.

Встречаются в значительных по объему сатирических, юмористических и в новеллистических сказках те же традиционные стилистические формулы, преимущественно финальные, что и в волшебных сказках. Медиальные формулы (общие места) для бытовых сказок необычны, а комические зачины отмечены лишь в нескольких опубликованных башкирских сказках о глупцах и хитрецах. Например, в сказке «Девять Гундосых и один Писклявый»: «Давным-давно, когда сороки были пестрыми, а люди наши шустрými, жил, говорят, один старик...» (текст 154). Из традиционных концовок-прибауток относительно популярны «Пошел вчера, вернулся сегодня» и «Сказка моя пошла дальше, а я тут». Они чаще всего следуют за кратким сказочным эпилогом. Например, в сказке «Гусь для любовника», «Гость с бабаем, говорят, до сих пор так и бегут, никак бабай гостя догнать не может. Я сегодня туда поехал, вчера вернулся. Разбил там чашку, вспомнить тяжко. Тьфу, тьфу!» (Текст 85).

Некоторые рассказчики сказок данного тома — выдающиеся мастера народного творчества. Это, например, слепой сэсэн-импровизатор Фаррах Давлетшин (1887—1956). Книги его баитов и юморесок изданы на башкирском языке в 1928, 1939 и 1947 годах. Публикуемые три из довольно многочисленных записанных от него и хранящихся в архивном фонде ИИЯЛ УрО АН СССР юмористических и сатирических сказок — «Как мулла женил на своей жене егета» (текст 78), «Как муллы превратились в шайтанов» (текст 79) и «Отцовская мудрость» (текст 113) — своеобразные варианты традиционных сюжетов и мотивов, носящие отпечаток его личного творчества. В проникнутых живым чувством юмора сказках Давлетшина весьма выразительны диалогические эпизоды. В них раскрываются в многообразии оттенков характеры комедийных персонажей: например, лукавый и насмешливый Минлика-мал — молодой красивой жены старого муллы. Одураченный мулла сначала показан добродушным, затем беспомощно подозрительным, гневным и в развязке сюжета жалким, погибающим.

Искусной сказочницей, обладавшей обширным репертуаром сказок всех жанров была Маузифа Мингажетдинова (1901—1987) из деревни Кубагушево Учалинского р-на. Большую часть произведений своего устного репертуара она переняла от матери. Рассказывала сказки часто своим детям, внукам, соседям, — дома и на летнем кочевье, а также в других деревнях, куда ее приглашали в гости. Ее сын фольклорист М. Х. Мингажетдинов так вспоминает о слышанных сказках матери. «Мать рассказывала тихо, спокойно, без жестов-движений. Ее сказки отличаются богатством конкретных деталей, полнотой, последовательностью развития действия. Сюжетное напряжение она выразительно подчеркивала интонационными средствами. Живая интонация, точно передающая черты характеров сказочных персонажей, их действий, поступков, речи, — характернейшая особенность ее манеры рассказывания. Песенные эпизоды получают речитативное звучание. Изображая повторные действия, она прибегает к одним и тем же стилистическим формулам, но согласно характеру действия и персонажа каждый раз придает им особую интонационную окраску. Местами повествование становится ритмичным и даже переходит в рифмованную прозу... Она иногда высказывает свои личные замечания по поводу поступков или характерных черт персонажей»⁵.

Более двадцати записанных от Мингажетдиновой сыном и внучкой Альфией Мингажетдиновой, студенткой БГУ, сказочных текстов хранятся в фольклорном фонде кафедры башкирской литературы университета (ед. хр. 56—1958 г. и ед. хр. 170—1979 г.). Волшебные сказки Мингажетдиновой «Черный щенок» и «Шагали» вошли в предыдущий том. Им свойственна эпическая стройность и отточенность традиционного стиля волшебных башкирских сказок. Публикуемая в настоящем томе ее сказка «Еренсэ и бай», не имеющая вариантов в известном фольклорном материале, — образец традиционного стиля башкирской комической народной новеллы. Хранительница и тонкий знаток уга-сающей устной традиции национального сказочного творчества Мингажетдинова ревностно ее отстаивала в спорах с иными рассказчиками. Об этом тоже вспоминает М. Х. Мингажетдинов в статье о сказках матери: «...мне в детстве и в последние годы не раз приходилось наблюдать, как она, возвратившись из гостей или с посиделок, возмущалась неосведомленностью и ограниченностью некоторых местных

⁵ Мингажетдинов М. Х. Сказки Мавзихи Магафуровны Мингажетдиновой // Фольклор народов РСФСР. Вып. 1. — Уфа: Баш. ГУ, 1974, с. 164.

рассказчиков и исполнителей песен. Критически она относится и к тем знатокам фольклора, которые слишком свободно обращаются с традиционными фольклорными сюжетами, домысливают их, увлекаются импровизацией»⁶.

Есть среди народных рассказчиков талантливые юмористы, репертуар которых состоит исключительно из бытовых сказок. Это, например Зиннат Валеев (1902 г. р.) из деревни Туишево Абзелиловского р-на и Тагир Гибадуллин (1898—1981) из дер. Абзай Кигинского р-на. Часть их своеобразного большого репертуара, записанная А. М. Сулеймановым, хранится на кафедре башкирской литературы и фольклора БГУ. Три сказки Валеева — «Ерэнсэ-сэсэн и хан», «От злой жены убежит даже дью-пярий» и «Упаси, аллах, от злых жен» вошли в данный том (тексты 3, 96, 97). Двадцать шесть юмористических сказок Гибадуллина готовятся к изданию отдельной книжкой на башкирском языке. Если слушатели сказок Маузихи Мингажетдиновой были чаще всего детского и юношеского возраста, то Фаррах Давлетшин Зиннат Валеев и Тагир Гибадуллин имели довольно постоянную аудиторию взрослых слушателей в родной деревне. Как поведал Тагир Гибадуллин записывавшему от него сказки А. М. Сулейманову, лесорубы в 1940-е годы принимали его в свою рабочую артель, чтобы рассказывал им сказки каждодневно. За это ему начислялась заработная плата наряду с лесорубами, в официальной ведомости лесхоза он значился в должности точильщика.

К самым популярным сюжетам-мотивам сказок этого тома, которые имеют наибольшее количество вариантов, относятся. АТ 875, 875В (тексты 1—3, 11), АТ 882 (тексты 67—70), АТ 881 (текст 71), АТ 950 (тексты 142, 143, 146), АТ 1358А (тексты 88—90), АТ 1525А (текст 146), АТ 1537 (тексты 153, 154), АТ 1535 (тексты 154, 155), АТ 1528 (текст 156), АТ 1530 (тексты 159—161), АТ 1542 II (тексты 159—161), АТ 1539 (тексты 161—163).

Сюжетные типы, учтенные в международном указателе АТ, абсолютно преобладают в сюжетном репертуаре башкирских бытовых сказок. В 67 текстах из 192 данного тома получили самостоятельную разработку или в контаминации с другими сюжетами типы, вакантные в указателе Аарне-Томпсона и в «Сравнительном указателе сюжетов. Восточнославянская сказка» (СУС). Они отмечены нами звездочкой впереди цифрового обозначения сюжетного типа. Однако значительная часть таких особых типов находит параллели в восточном сказочном материале, что отмечено в комментариях.

Некоторые сказки данного тома имеют самые близкие соответствия в татарском, казахском, узбекском, турецком, иранском, русском, грузинском и другом национальном фольклорном материале (См. комментарии). Причем значительная часть таких сказочных сюжетов, творчески своеобразно переосмысленных башкирскими рассказчиками, могла быть ими воспринята непосредственно как из русских, так и нерусских фольклорных источников, — например, татарских, чувашских, казахских.

Глубоко и сложно связанные с устным и литературным творчеством других народов башкирские бытовые сказки вместе с тем своеобразны трактовкой сюжетов, образов, стилем. Национальное и общечеловеческое в сказочном художественном наследии каждого народа нераздельны.

Л. Г. Бараг, А. М. Сулейманов

⁶ Мингажетдинов М. Х. Сказки Маузихи Магафуровны Мингажетдиновой // Фольклор народов РСФСР. Вып. 1. Уфа: Баш. ГУ, 1974.

1. ТУРАХАН¹, ЯНЕБАХАН² И ЕРЭНСЭ-СЭСЭН³

Жили, говорят, в старину два хана — Турахан и Янебахан. В соседстве жили, в шестидесяти верстах пути друг от друга.

Однажды жеребец Турахана громко заржал. В это же время кобылы Янебахана выкинули жеребят. Не будет, значит, приплода. Янебахан послал соседу обвинение: так, мол, и так, из-за громкого ржания твоего жеребца мои кобылы повыкидали приплод. Удивился Турахан: «Как это кобылы повыкидали приплод из-за ржания жеребца в шестидесяти верстах от них?»

Собрал Турахан свой народ и свое войско, спрашивает, какой тут можно послать ответ. А народ и войско руками разводят, не знают, что и сказать. Но один старик сказал:

— Есть у меня шелудивый парнишка, Таз*. Он при стаде остался. Может, он знает.

— Ну-ка, приведите этого шелудивого парнишку! — кричит хан.

Послали мальчишку за Тазом. Он пас стадо за рекой.

— Айда, Таз-агай, — говорит мальчишка, — тебя хан зовет.

Ладно, идут они. Таз нес свои сапоги, перекинув через плечо, а когда дошли до реки, обулся.

— Бэй-бэй*, агай! Почему ты посуху шел босиком, а в реку идешь обутой? — спрашивает его спутник.

— Боюсь ногами камни пропороть, — отвечает Таз.

Пришли к хану, а вокруг полным-полно народу. Хан спрашивает:

— Так и так, Таз, можешь ли ты дать ответ?

— Могу, — говорит Таз. — Дай мне для этого шестьдесят моих сверстников.

Собрали шестьдесят сверстников Таза.

— Дай всем по сабле.

Дал хан всем по сабле.

— Дай упрямого быка.

Привели упрямого быка.

— Дай еще старого козла.

Нашли и старого козла.

Получил все это Таз и отправился в ханство Янебахана, велев сверстникам показывать свое умение — кому петь, кому плясать, кому на курае играть.

Идут они так, а Янебахан, оказывается, сидел на чердаке и увидел их вдалеке.

— Много странных людей сюда идет. Не воевать ли идут? — обеспокоился хан и послал навстречу своих солдат.

— Вы по какому делу идете? Не воевать ли? — спрашивают солдаты.

— Нет, мы вышли погулять-повеселиться, — отвечают Таз и его спутники, а сами убивают всех попавшихся под руку собак. Кинулись к ним две собаки Янебахана — их тоже принялись лупить.

— Погодите, погодите! — кричит хан. — Вы за что собак убиваете?

— За то, — отвечает Таз, — что на мое стадо напали волки и передушили овец, а ваши собаки не залаяли, не отпугнули волков.

— Ай, глупец! — говорит хан. — Откуда им было знать, что в шестидесяти верстах от них волки душат овец?

— Эй, мудрый хан, с чего же в таком случае ты взял, что кобылы выкинули жеребят из-за ржания жеребца Турахана, который был в шестидесяти верстах от них? — отвечает Таз.

Призадумался хан, потом спрашивает:

— Нет ли среди вас мудреца помудрей?

— Как не быть, есть! Вот он никого не признает, своим умом живет.

И Таз вытаскивает вперед упирающегося быка.

— Да какой же это мудрец! — говорит хан. — Я спрашиваю, нет ли седобородого.

— Есть и седобородый!

И Таз выставляет старого козла.

— Ладно, — говорит хан. — Цена каждого твоего слова — один алтын. Пусть отныне зовут тебя Ерэнсэ-сэсэном.

Так пастух Таз стал Ерэнсэ-сэсэном и вернулся в свое ханство, получив за каждое слово один алтын.

— Ну как, дал ответ? — спрашивает его Турахан.

— Дал.

— Коли так, будешь у меня за сына. Вот тебе добрый конь, вот хорошая одежда. Поезжай, присмотри себе невесту.

Оседлал Ерэнсэ-сэсэн коня и поехал искать невесту. Догнал в пути одного старика. Ехали они молча, ехали, и егет* не выдержал.

— Давай,— говорит,— бабай*, время скоротаем, а то оно больно долго тянется.

— Ай, глупец! — отвечает старик.— Разве долгое время может стать коротким?

Едут они дальше, и опять Ерэнсэ-сэсэн говорит:

— Давай, бабай, из земли сделаем котел.

— Ай, глупец! — отвечает старик.— Где это видано, чтобы земля в казанок превратилась?

Подъехали они к дорожной развилке: одна дорога ведет прямо, другая — в объезд.

— Как, бабай, поедешь: эта дорога прямая, но... извилистая, а эта извилистая, но... прямая...

Тут уж совсем рассердился старик.

— Ай, глупец! — говорит.— Разве прямая дорога может быть извилистой?!

Поехал старик прямо, а егет — в объезд. Подъезжает Ерэнсэ-сэсэн к аулу и видит: ходит по крайнему двору красивая девушка. Корову, должно быть, собирается подоить.

— Эй, сестрица, проголодался я в пути, не накормишь ли меня? — спрашивает егет.

— Нет,— отвечает девушка,— отец с матерью заругают.

— Совсем я обессилел, накорми уж, пожалуйста! — просит егет.

— Ладно, коли так...

Завела его в дом, налила похлебки. Встарь пшенную похлебку варили с клецками. Сидит девушка, смотрит, как егет ест. Сначала Ерэнсэ-сэсэн отправил в рот сразу пять клецок, во второй раз — три клецки, в третий — две, а потом — одну.

— Дом у вас крепкий, бревна толстые. Интересно, по сколько бревен за раз привозили? — спрашивает он, наевшись.

Девушка-то видела, как он ел, вот и отвечает:

— Пока лошадь была худая, по пять бревен возила, потом — по три, а когда ее откормили, еле-еле по одному таскала.

«Ладно»,— думает Ерэнсэ-сэсэн и говорит:

— Печка в этом доме красивая, да труба кривовата.

А на самом деле заметил он, что нос у девушки — с маленькой горбинкой.

— Труба кривовата, зато тяга хорошая, — отвечает девушка.

Отправился Ерэнсэ-сэсэн проситься на ночлег в другой дом. А тут и давешний старик подъехал. Оказался он отцом той девушки.

Решил егет высватать девушку, послал свата. Приходит сват: так, мол, и так, приехал один егет, сватом меня послал. А старик, узнав, кто сватается, руками замахал:

— Нет, нет, не надо такого, знаю я его — недоумок он. Ехали мы вместе, а он и говорит: «Давай, бабай, время скоротаем, а то оно больно долго тянется». Разве долгое время может стать коротким?

— А ты, отец, когда ехали, молчал? — спрашивает девушка.

— Молчал.

— Выходит, он хотел завязать разговор, скоротать время беседой.

— Ладно, пускай будет так. Едем дальше, а он говорит: «Давай, бабай, из земли сделаем котел».

— Очень просто. Он хотел испечь тетерку в ямке под костром.

— Ладно. Но когда подъехали к развилке, он спросил: «Как, бабай, поедешь? Эта дорога прямая, но извилистая, а эта извилистая, но прямая. Зачем ехать в объезд, коли есть прямая дорога?»

— Так ведь он раньше тебя приехал? Ты выбрал неудобную дорогу. Не зря люди объездную проложили... Выходит, умный он егет. Хоть отдашь, хоть не отдашь, я выйду замуж за него, — говорит девушка.

Растерялся старик, но все еще гнет свое.

— Пусть, — говорит, — пришет мне шесть кобылиц, и, главное, чтобы все они были пегие, все одной стати, ничем друг от дружки не отличались.

— Да где же он возьмет шесть кобылиц, и, главное, одной масти, одной стати? — опечалился сват. Но делать нечего, вернулся к егету и слово в слово передал, чего требует старик.

— Э, не печалься из-за этого, агай! — говорит Ерэнсэ-сэсэн. — Принеси-ка мне лучинку.

Тот принес. Егет ровненько разрезал лучинку на шесть одинаковых частей и опять послал свата к старику, научив, что сказать.

— Уф, вот глупец так глупец! — говорит старик. — Разве это я просил?

— Ты сказал: «Главное, чтобы ничем друг от дружки не отличались». Главное условие выполнено, а уж из-за мелочей не стоит спорить,— говорит сват.

Старику деваться некуда. Сговорились.

Вернулся Ерэнсэ-сэсэн к хану, рассказал, что и как.

— Что ж! — говорит хан.— Только я сам тоже ум снохи испытаю. Пусть-ка она сошьет мне калоши из камня.

Снохой, значит, он ту девушку назвал.

Возвращается гонец с ответом девушки: «Я сошью калоши из камня, ежели хан нарядит ниток из песка»⁴.

— Хорошо,— говорит хан,— может, оказывается, достойно ответить. Теперь отведите к ней быка и скажите, что я приеду к ней в гости. Пусть сделает так, чтобы к моему приезду бык отелился.

Загоревал отец девушки, когда привели к ним быка:

— Ай-яй-яй! Да разве ж бык отелится?

— Не горюй, отец,— говорит девушка,— иди, зарежь быка, мясо у тебя будет.

Заставила зарезать быка, а потом велела отцу натянуть за воротами полог и забраться под него. Вот едет хан, а девушка возле полога мечется, будто бы места себе не найдет.

— Ах,— кричит,— скорей бы отец разродился мальчиком!

Услышал хан ее слова.

— Эй,— говорит,— неразумная, где это видано, чтобы отцы рожали?

— А где, мудрый хан, видано, чтобы быки телились?

Нашла ведь ответ! Повернул хан коня и ускакал домой.

После этого увез егет девушку, и стали они жить-поживать самостоятельно. По-прежнему Ерэнсэ-сэсэну за каждое слово давали алтын. И загордился он, хвастался:

— Вот какой я мужчина — за каждое слово получаю алтын!

А жена говорит:

— Нет, еще не мужчина ты, а недоросль. Зрелый мужчина тот, у кого шерсть на груди растет.

Ладно. Пошел Ерэнсэ на охоту и встретился с охотником в годах. Выстрелили они в одного зайца.

— Я его застрелил,— говорит один.

— Нет, я застрелил,— говорит другой.

— Ах ты, такой-сякой! — рассердился пожилой охот-

ник. — Только-только из материнской утробы вылез, а хочешь взять верх надо мной?

Скрутил егету руки и повел его к себе домой, грозит там с ним разделаться. Придя домой, посадил его на крыльцо, а сам сел обедать. Пока ел — вспотел и ворот расстегнул, грудь распахнул. Увидел егет его грудь и рассмеялся.

Вскочил охотник с места.

— Ах ты, такой-сякой! Я собирался застрелить тебя после обеда, а ты смеяться надо мной вздумал?

— Что ты, что ты! — отвечает Ерэнсэ-сэсэн. — Я над словами жены смеюсь. Я сказал ей: «Вот какой я мужчина: за каждое слово получаю алтын». А она: «Нет, еще не мужчина ты, не созрел. Зрелый мужчина тот, у кого шерсть на груди растет». Вот над этим смеюсь, агай, только над этим.

— Хорошая, оказывается, у тебя жена, умная, — говорит охотник. — Ладно, ради жены прощаю тебя, иди домой.

Приходит егет домой, а в это время его братишку казнить собрались, к виселице потащили. Братишка тоже был охоч на зайца ходить, на охоте произошел скандал, из-за этого, оказывается, и решил его казнить.

— Ты обедать не садись, сейчас твоего братишку убьют, хотят его повесить, беги скорей туда, — говорит Ерэнсэ-сэсэну жена.

Тут уж не до обеда, побежал.

— Пойдите, — кричит, — пойдите! За что вы его хотите казнить?

— За вранье, — отвечают палачи. — Он говорит, что его стрела через ногу попала в ухо зайца. Так не может быть, а он на своем стоит, поэтому и решили его казнить.

— Разве может стрела через ногу попасть в ухо? — шумят вокруг.

— Может, — говорит Ерэнсэ. — Я сам это видел. Заяц как раз ухо ногой чесал, когда он выстрелил. Стрела пробила ногу и попала в ухо.

Так Ерэнсэ-сэсэн спас братишку от смерти. И до сих пор, говорят, они живы-здоровы.

2. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЕРЭНСЭ-СЭСЭНА

Однажды Ерэнсэ-сэсэн и царь отправились путешествовать. Едут они и видят: четверо мужиков дерутся. Подъехали к ним, спрашивают:

— Вы почему деретесь?

— Мы, — отвечают те, — братья родные. Недавно умер

наш отец, осталась в наследство коза, из-за нее вышел спор...

Когда поделили наследство, каждый из братьев стал хозяином одной козьей ноги. Три ноги у козы были здоровые, четвертая — пораненая. Старшие братья сбагрили больную ногу самому младшему. Ладно. перевязал тот рану тряпицей. А коза возьми да угоди этой ногой в жаркие угли, — какой-то путник возле леса костерок оставил. Тряпица на ноге загорелась, коза ошалела и — стрелой на хлебное поле. Хлеб подпалила. Поле это принадлежало баю, самому жадному и злому человеку в ауле. Пришел бай к братьям, плату за сгоревший хлеб требует. Но раз огонь перекинулся на хлеб с перевязанной козьей ноги, старшие братья указали на ее хозяина: мол, вот у него требуй. По этой причине, оказывается, и завязалась драка.

Послушал Ерэнсэ-сэсэн поскандаливших братьев, послушал и рассудил по справедливости:

— Вы, братцы, смотрите на это дело неверно. Тут больная нога не виновата. Ей ведь ходить не хотелось, покой был нужен, а здоровые ноги силком тянули ее за собой. Они и виноваты. Раз так, то и за сгоревший хлеб должны заплатить хозяева здоровых ног.

Поехали Ерэнсэ с царем дальше. Ехали, ехали и доехали до озера. Царь спрашивает:

— Почему, интересно, в этом озере камыш не растет?

— Потому что дождей не было, — отвечает Ерэнсэ-сэсэн.

— Хе! — говорит царь. — Зачем камышу дожди, коли он в воде стоит?

Вскоре пришлось им переехать речку вброд. Царь стал коня поить, а Ерэнсэ натянул поводья, не дает своему пить.

— Почему коня не поишь? Ведь он хочет пить, — говорит царь.

— А зачем его поить, он же в воде стоит, — отвечает Ерэнсэ.

Убедил-таки этим царя, что камыш, хоть и стоит в воде, без дождей расти не может.

Пока Ерэнсэ-сэсэн путешествовал, у него умерла жена. Царь узнал об этом, но Ерэнсэ не сказал, а потом спрашивает:

— С чем можно сравнить смерть отца?

Ерэнсэ:

— Смерть отца можно сравнить с закатом только что сиявшей луны.

Царь:

— С чем сравнима смерть матери?

— Смерть матери сравнима с исчезновением животворного родника.

— С чем сравнима смерть жены?

— Смерть жены сравнима со смертью правителя.

— Как это так?

— Правитель умрет — страна омрачается, жена умрет — омрачается дом.

Вернувшись из путешествия, Ерэнсэ-сэсэн узнал о смерти жены. Что поделаешь, пришлось ему спустя некоторое время жениться на вдовой енгэ*.

Однажды царь спрашивает:

— Ну, Ерэнсэ, доволен ты новой женой?

— Да живем помаленьку. Спать ложимся вчетвером, встаем вдвоем.

— Как это понять?

— Да так: когда ложимся спать, она думает о своем прежнем муже, а я — о своей умершей жене. Ну, а как встанем — остаемся вдвоем.

— Ну, раз у вас мысли идут врозь, не сможете вы жить вместе, — говорит царь. — Придется тебе жениться на девушке. Калым я сам заплачу.

Ерэнсэ развелся с енгэ и отправился искать невесту. В пути встретился ему один старик. Расспросив друг друга о здоровье, поехали вдвоем.

— А не затопить ли нам деревянные печки? — говорит Ерэнсэ старику.

Старик не понял его и промолчал.

— А не накормить ли нам голодного коня?

Старик по-прежнему — ни слова в ответ.

Доехали до речки, а за речкой дорога раздваивается.

— Вот эта дорога, — говорит Ерэнсэ, показав вправо, — прямая, но хоть и прямая, а долгая. А эта, — показывает влево, — кружная, но хоть и кружная, а короче прямой, лучше ехать по ней.

— Я у тебя не спрашивал, какой дорогой ехать, — рассердился старик, — поезжай, какой хочешь.

И разъехались они: старик поехал вправо, Ерэнсэ влево. Но хоть и поехал старик прямой дорогой, намаялся на ней, чуть не утоп, — шла дорога по топкому месту. А дорога, которую выбрал Ерэнсэ, делала крюк, зато была сухая, и ехал он без всяких хлопот.

Неподалеку от аула встретились Ерэнсэ-сэсэну несколько девушек. Несли они хворост из лесу. Тут откуда

ни возмись дождь закрапал. Одна из девушек быстренько сняла бешмет и прикрыла им хворост.

— Сестрица, ты зачем одежду свою мочишь? — спрашивает Ерэнсэ.

— Коль одежда намокнет, я истоплю печь этим хворостом и высушу, а коль хворост намокнет, все в доме останутся голодными, — отвечает девушка.

Понравились Ерэнсэ-сэсэну и сама девушка, и ее ответ. Последил в ауле, в который дом она войдет. В это время подъехал и давешний старик, весь в слякоти вывоженный, направился в тот же дом, куда вошла девушка. Ерэнсэ — следом. Попросился переночевать. Старик, узнав его, воспротивился: нет и нет!

— И без того, говорит, — всю дорогу всякой бессмыслицей голову мне морочил.

— А дочь — звали ее Карасэс — любопытствует:

— Какой бессмыслицей? Что он тебе, атай, сказал?

— То спрашивает, не затопить ли деревянные печки, то — не накормить ли нам голодного коня?

Старик слово в слово передал все, что услышал от Ерэнсэ-сэсэна.

— Атай, — говорит девушка, — ничего бессмысленного в его словах не было. Ты сам не понял его. Сказав: «Не затопить ли деревянные печки?» — он предложил закурить трубки. «Заморить червячка» — значит, поест. Верно он сказал, что прямой дорогой ехать дольше, потому что она топкая. А слова: «Кружная дорога короче прямой», — означают, что она удобней, ехать по ней легче.

Убедила дочь старика и пустил он мусафира* переночевать.

Сели все вместе пить чай. Ерэнсэ окинул взглядом комнату и говорит:

— Юрта у вас красивая, но сагарак* великоват.

А девушка отвечает:

— Сагарак можно прикрыть, хуже, когда великоват порог.

Сагарак-то Ерэнсэ назвал глаза девушки, а она не растерялась, намекнула, что нос у него большой.

Таким образом, испытал Ерэнсэ ум девушки и посватался к ней. Карасэс, глядя на него, притронулась к своим ресницам. Дала понять, что дело сладится, если он сможет заплатить калым столько, сколько ресничек. А Ерэнсэ погладил свои волосы — мол, столько денег дам, сколько волос на голове, — не то что ресничек.

Старик запросил за дочь мешок золота.

Вернулся Ерэнсэ к царю: так и так, нашел хорошую

невесту, да старик просит за нее мешок золота. Царь согласился дать золота. Только оказалось, что маловато его, мешок не наполнится. Хитрый старик выслал дочь навстречу жениху с большущим мешком из крапивного волокна. А красавица Карасэс тоже не дура, заранее гальки припасла.

— Слыханное ли дело,— говорит Ерэнсэ-сэсэн,— наполнять такой мешок одним золотом!

Насыпала в мешок камешков и сверху прикрыла золотом Ерэнсэ-сэсэна.

Увез Ерэнсэ-сэсэн красавицу Карасэс. Неплохо они зажили.

Через некоторое время приехал царь поглядеть на молодую и поразился ее красотой. Взяла царя зависть. Как бы, думает, придраться и отобрать у Ерэнсэ-сэсэна жену. И стал придумывать поручения, которые Ерэнсэ не смог бы выполнить.

В один из дней царь велел Ерэнсэ-сэсэн построить двухэтажный дворец из камней и глины между небом и землей.

— Коль не справишься,— говорит,— отберу у тебя жену.

Закручинился Ерэнсэ и, вернувшись домой, рассказал о поручении царя красавице Карасэс. А она ему говорит:

— Сходи в лес, поймай несколько попугаев.

Принес Ерэнсэ попугаев, а Карасэс принялась учить их. Когда научила выкрикивать слова «камней!» и «глины!», Ерэнсэ отправился в царский дворец. Оставив попугаев на крыше, входит к царю.

— Ну, спрашивает,— готово ли у тебя, царь-государь, из чего строить? Я сюда целое войско привел.

В это время попугаи принялись выкрикивать:

— Камней! Глины!

— Камней! Глины!

Решил царь, что Ерэнсэ в самом деле привел целое войско и, испугавшись, отправил его мирно-тихо домой.

Но проиграв на этот раз, царь все же не отступился от своего. Дает Ерэнсэ-сэсэн новое поручение:

— Вот есть у меня сорок баранов. Заставь их объегниться.

Опять Ерэнсэ, вернувшись, советуется с женой.

— Было бы из-за чего расстраиваться! — говорит жена.— Когда приедет царь, я дам ему ответ.

Много ли, мало ли времени прошло — едет царь. Увидев его, Карасэс быстренько постелила постель и уло-

жила мужа. Сама вышла встречать гостя. Царь первым делом справился, где Ерэнсэ.

— Дома он, — отвечает Карасэс, — только сильно хворают. Никак не может оправиться после родов.

— Хе, глупая, — говорит царь, удивившись. — Где это видано, чтобы мужчина родил?

— А где это видано, чтобы бараны объягнились? — отвечает Карасэс.

Растерялся царь, услышав умный ответ, и не найдя, что сказать, повернулся и уехал. Решил придумать какую-нибудь новую хитрость.

Вскоре прикинулся он больным и вызвал Ерэнсэ-сэсэна.

— Ох, — говорит, — кабы поел я пищи, приготовленной красавицей Карасэс, — скорей бы выздоровел. Пусть она для первого раза испечет мне хлеба.

Вернувшись, сказал Ерэнсэ жене, чего царь требует. А жена не растерялась, выдоила молока из своей груди, замесила тесто на этом молоке, испекла хлеб и отправила с ним мужа к царю.

Ест царь этот хлеб да похваливает:

— До чего же вкусный! Интересно, что красавица Карасэс добавила в тесто?

Тут Ерэнсэ-сэсэн и раскрыл секрет.

— Ах, — говорит царь, — больше я никакого зла причинять вам не буду. Раз я поел хлеба из теста, заквашенного на молоке красавицы Карасэс, теперь она моя молочная мать, а я ее молочный сын.

Через некоторое время Ерэнсэ-сэсэн опять, как прежде, стал самым близким везиром царя. А случилось это вот как.

Царь собрал своих везиров и, сидя на троне, велел всем поочередно пройти перед ним. Как проходит везир мимо, так царь голову себе поглаживает. Никто из везиров не мог понять, что бы это значило. Последним в очереди стоял Ерэнсэ. Когда он проходил мимо трона, царь погладил себе голову, а Ерэнсэ язык ему показал.

— Ну, как вы это поняли? — спрашивает царь.

— Ничего мы не поняли, — отвечают везиры.

— А вот Ерэнсэ, которого все вы не любите, когда я погладил голову, показал язык. Я спрашивал: «Из-за чего беда обрушивается на человеческую голову?» Он ответил: «Из-за длинного языка». Отныне Ерэнсэ будет самым близким моим везиром.

Так Ерэнсэ взял верх и над царем, и над везирами, которые ненавидели сэсэна.

3. ЕРЭНСЭ-СЭСЭН И ХАН

Жил в прежние времена человек по имени Ерэнсэ-сэсэн. Был он очень находчив и до того щедр, что всякого, кто бы ни зашел к нему, — старый ли, малый ли, — привечал и непременно угощал. И пошла о нем слава.

Дошла молва о нем до хана.

— Как бы мне этого Ерэнсэ-сэсэна повидать? — говорит хан. — Больно уж его хвалят.

И решив повидать Ерэнсэ-сэсэна, сел хан на коня, отправился в путь. Едет он, едет и думает: «Когда я к нему приеду, он ведь спросит, кто я такой. Что я ему отвечу? Постой-ка, скажу, что я — друг его прапрадеда». Приготовив такой ответ, успокоился хан. Думает: «Коли я так ему скажу, он окажет мне почести».

Вот доехал хан до ворот Ерэнсэ-сэсэна, и едва вошел во двор, как Ерэнсэ выбежал навстречу.

— Айдук, айдук*! — говорит. — Милости прошу, заходи в дом.

Завел в дом, посадил на почетное место. Завязав беседу, спрашивает:

— Кто ты будешь?

— Я, — отвечает хан, — друг твоего прапрадеда.

«Врешь, плут, — думает Ерэнсэ-сэсэн. — Не мог ты знать моего прапрадеда, слишком для этого молод». Тут догадался он, кто его гость, пошел в другую половину и сказал жене:

— Ты никакой еды не подавай, а налей в суповую чашу чистой воды и принеси нам.

Налила жена полную чашу чистой воды и поставила перед ними.

— Ну, давай, дорогой гость, пообедаем, — говорит Ерэнсэ, зачерпнув ложкой воду. — Придвинься поближе, угощайся.

И сидит, хлебает воду. Хану тоже пришлось хлебать воду, но не выдержал хан, спрашивает:

— Это что же за еда?

— Что, спрашиваешь, за еда? Это — суп из прапразайчатины.

Таким вот образом ответил Ерэнсэ на хитрость хана. Уехал хан несолоно хлебавши и думает, как бы отомстить. Думал, думал и надумал. «Постой-ка, — говорит сам себе, — поручу-ка ему одно дело. Не выполнит — голову отрублю». Заело его, значит, а раз он хан, то и голову отрубить в его власти.

Надумав так, вызвал хан Ерэнсэ-сэсэна. Ну, раз вызвал, приехал Ерэнсэ. Хан говорит ему:

— Вот даю тебе сорок баранов. Я к тебе приеду.— И называет день и час, когда приедет.— Сделай так, чтобы к моему приезду бараны объягнились и стало их восемьдесят. Не сделаешь — голову тебе отрублю.

Ерэнсэ и так, и эдак прикинул, но ответа не нашел. Пришлось гнать баранов к себе. Пригнал их в свой двор, зашел домой, сидит, пригорюнившись. А жены в это время дома не было. Но вскоре пришла она и спрашивает:

— Ты что пригорюнился? О чем задумался?

— Да вот,— отвечает Ерэнсэ-сэсэн,— дал мне хан сорок баранов. «Сделай,— говорит,— так, чтобы они объягнились и стало их к моему приезду восемьдесят, а не сделаешь — голову отрублю». Вот об этом я и задумался.

— Хей, не горюй, не ломай голову из-за пустяка,— говорит жена и подает ему нож с точильным камнем.— На-ка, наточи нож.

Наточил Ерэнсэ нож.

— Иди,— говорит жена,— зарежь самого упитанного барана. Гостей позовем.

Ерэнсэ зарезал хорошего, самого упитанного барана, освежевал, разрубил мясо и, положив в котел вариться, позвал в гости соседей. Угостили хозяин с хозяйкой гостей на славу и проводили, дав каждому трех-четырех, а то и пять или шесть баранов. Ни одного барана во дворе не осталось.

Ладно. Подошел срок, названный ханом. Ждут его Жена говорит мужу:

— Ты сиди дома, я сама выйду навстречу. Когда подъедет — завопи дурным голосом.

— Будь по-твоему,— отвечает Ерэнсэ.

Подъехал хан, не задержавшись ни на час, ни на минуту. Только подъехал — ворота распахнулись. Только повернул хан во двор — из дому слышался вопль.

— Это кто там вопит? — спрашивает хан.

— Ерэнсэ.

— С чего это он вопит?

— Он, мой хан, рождает — все никак не разродится.

— Так разве ж мужчины могут рождать?

— А бараны могут ягниться? — отвечает женщина.

— Ах, вот оно что! — сказал хан и отправился вос-
вояси.

Но все еще не угомонился хан. Надо же как-то придумать и отрубить Ерэнсэ голову, зло сорвать. Вызвал он опять Ерэнсэ-сэсэна. Вызвал и спрашивает:

— Ну-ка, Ерэнсэ, скажи, где в июне месяце мух нет. Должно быть, допекли его мухи, хочет построить дом в таком месте, где они не будут надоедать.

— Где нет людей, там и мух нет,— отвечает Ерэнсэ

— А где людей нет?

— Во-он на той горе.

— Давай сходим туда, коли так,— говорит хан.

Повел его Ерэнсэ, ведет то в гору, то с горы. Запыхался хан, жирный он был, хан-то. А Ерэнсэ идет и идет,— мол, не дошли еще, вот-вот дойдут. Совсем обессилел хан. Наконец, поднялись еще на одну гору, и Ерэнсэ сказал:

— Вот та самая гора.

Сели передохнуть. Хан дышит тяжело, весь в поту. Сидит, прислушивается, не зажужжит ли муха. И вдруг — бз-з-з... Опустилась муха ему на грудь.

— Ты сказал — мух тут нет, а вот она — муха! — кричит хан.

— Я сказал — где нет людей, там и мух нет,— отвечает Ерэнсэ.— А мы с тобой не люди — собаки, что ли?

Так Ерэнсэ, измаяв хана, опять взял верх. С тех пор хан больше уже не пытался перехитрить его.

4. КАК ЕРЭНСЭ-СЭСЭН ГУСЕЙ ДЕЛИЛ

Заглянул Ерэнсэ-сэсэн к одному баю, а бай с женой, два их сына и две дочери сидят за столом в растерянности.

— Что это вы так приуныли? — спрашивает Ерэнсэ-сэсэн.

— Да вот, Ерэнсэ, сварили на шестерых пять гусей, а как поделить их, чтобы всем досталось поровну, не знаем.

— Коль вы окажете мне такую честь, с вашего разрешения я могу поделить,— сказал Ерэнсэ-сэсэн.— Только мне понадобится чистый мешок.

Младшая дочь бая быстренько принесла мешок. Ерэнсэ пересчитал вслух гусей, потом пересчитал сидевших за столом и принялся делить. Подал одного гуся баю и говорит:

— Ты, бай-агай, жил с женой душа в душу, дай вам аллах и дальше так жить. Вам на двоих — один гусь. Посчитайте-ка: два да один — сколько будет?

— Три будет, Ерэнсэ, три.

Второго гуся Ерэнсэ подал сыновьям бая.

— Вас было двое, а с гусем стало — трое. Правильно говорю?

— Правильно, трое нас стало.

Еще одного гуся Ерэнсэ подал дочерям бая.

— Вот и вас стало трое. Так?

— Так, Ерэнсэ, так.

Оставшихся гусей Ерэнсэ придвинул себе.

— Два гуся да я — нас тоже трое. Получилось всем поровну, кругом — по-трое, верно?

— Верно, верно, — отвечают те.

Ерэнсэ-сэсэн аккуратноенько положил двух гусей в мешок, перекинул мешок через плечо и ушел своей дорогой.

Когда шел он по улице, увидел его в окно другой бай и позвал:

— Загляни-ка, Ерэнсэ, дело есть.

Заходит Ерэнсэ в байский дом и видит: тут тоже бай с женой и детьми за столом сидит, а на столе, на подносе, лежит гусь.

— Вот, Ерэнсэ, коль сумеешь разделить этого гуся по справедливости, чаем тебя напою, — говорит бай.

Засучил Ерэнсэ рукава, взял гуся, повертел и так и сяк, осмотрел со всех сторон и начал делить. Отрезал голову, протянул баю:

— Это, бай-агай, тебе, главе семейства.

Затем отрезал шею гуся.

— А это, байбися, тебе. Муж в доме — голова, жена — шея.

Отрезал Ерэнсэ ножки гуся и отдал сыновьям бая.

— Это, — говорит, — вам. У егетов должны быть крепкие ноги, чтобы весь свет смогли обойти, других повидать и себя показать.

Крылышки достались дочерям бая.

— Вам, девушки, по крылышку, чтобы поскорее нашли суженых и улетели из родного гнезда.

Так Ерэнсэ оделил всех.

— Каждый из вас получил свою долю, эта часть — лишняя, придется мне ее взять, — сказал Ерэнсэ, взял туловище гуся и ушел.

5. ДЕВУШКА-КАЛМЫЧКА ПРЕВЗОШЛА В ОСТРОУМИИ ЕРЭНСЭ-СЭСЭНА

Дошел до Ерэнсэ-сэсэна слух, будто бы живет среди калмыков девочка всего-то тринадцати лет, но стольмышленная и находчивая, что никому превзойти себя

в остроумии не даст. И решил Ерэнсэ отыскать ее, испытать ее ум. Долго ехал он от аула к аулу, от яйляу* к яйляу, расспрашивая встречных. Вот впереди показалось еще одно становище. Заторопил Ерэнсэ коня, чтобы побыстрее до него доехать, и вскоре видит: старуха с внучкой белье в речке полощут. Отдал Ерэнсэ салам*, отозвалась на приветствие старуха.

— Не тут ли живет остроумная девочка-калмычка? — спрашивает Ерэнсэ.

— Тут, — отвечает старуха.

— Хочу повидаться с ней, испытать ее остроумие, — говорит Ерэнсэ. — Наверно, ей все ж не превзойти самого Ерэнсэ-сэсэна.

— Кто знает, — отвечает старуха, бросив взгляд на внуку.

— Не подскажешь ли, бабушка, как найти ее юрту?

Не успела старуха ответить — внучка ее опередила.

— Как, — говорит, — въедешь в становище, так быстро отыщешь. Есть там юрта на девяти копьях, в ней она и живет.

Поехал Ерэнсэ-сэсэн в становище. «Наверно, — думает, — девятью копьями она назвала девять подпорок в юрте». Искал, искал такую юрту — не нашел. Зашел, утомленный, еще в одну юрту. Хозяева встретили его гостеприимно, усадили пить чай. Пока пили чай и беседовали, небо прояснилось, сквозь дырочки в кровле, будто копья, пробились в юрту лучи солнца. Посчитал Ерэнсэ — и дырочек, и солнечных копий как раз по девять. И тут сэсэн, приехавший испытать остроумие девочки, понял, что уже проиграл ей.

6. КАК ЕРЭНСЭ-СЭСЭН НЕВЕСТУ ДЛЯ СЫНА ИСКАЛ

Жил в давние времена старый сэсэн по имени Ерэнсэ. Был у него сын. Вырос сын, пришло время женить его. Он сам завел речь об этом.

— Отец, пришла пора, жени меня.

— Хорошо, — отвечает старик Ерэнсэ, — я подыщу тебе невесту, но с одним условием. Если выдержишь то, что я задумал, во какая будет у тебя жена!

Сын не долго думая согласился.

На другой день запряг Ерэнсэ лошадь, посадил сына и повез в соседний аул. Там заехал к знакомому чаю попить, рассказал о своем деле и спрашивает:

— Ну как, найдется у вас подходящая невеста?

— Хей, как не найтись, найдется! — отвечает знакомый и называет пять-шесть домов с невестой

Напившись чаю, запряг опять Ерэнсэ лошадь посадил сына и подъехал к одному из домов указанных знакомым. Подъехав, соскочил с телеги и давай хлестать сына кнутом. Хлещет и хлещет, только держись! Выбежала из дома девушка, спрашивает:

— Дедушка, а дедушка, за что сына бьешь?

А Ерэнсэ:

— За послушание.

— Бэй, разве человека бьют за послушание? — удивляется девушка. — Ведь послушный — значит, умный

— Айда, сынок, дальше не вышло у нас тут дело, — говорит Ерэнсэ и поворачивает лошадь к другим воротам. Подъехав, останавливается и опять лупит сына. Опять выбегает девушка, задает тот же вопрос, а Ерэнсэ дает тот же ответ.

— Ах, дедушка, зачем мучаешь сына? — удивляется девушка. — Ведь это хорошо, что он послушный!

— Ладно, сынок, поехали дальше, — говорит Ерэнсэ, перестав лупить сына, — и тут нет нашей доли. Но ничего, найдем.

Остановился у третьих ворот и опять начал хлестать сына. Хлещет и хлещет. Тут распахнулось окно, высунулась девушка.

— Дедушка, за что сына бьешь?

— Да очень послушный, вот за это бью.

Засмеялась девушка.

— Ну и правильно! — говорит. — Бей, дедушка, сильней. Уже егетом стал, хватит ему только чужим умом жить, пора и свой иметь.

Сказала так и захлопнула окно.

Ерэнсэ улыбнулся, подмигнул сыну.

— Слыхал? Выгорело дело! Вот ее для тебя я искал. И высватал, говорят, эту девушку за сына.

7. ЕРЭНСЭ И БАЙ

Жил встарь один егет, волосы у него были рыжие, поэтому и прозвали его Ерэнсясом*. Очень умный и очень хитрый он был. Кто бы ни поспорил с ним, оставался, говорят, в дураках.

Однажды решил Ерэнсяс мир повидать и себя показать. В пути встретился ему один бай.

— Кто ты и куда держишь путь? — спрашивает бай

— Я — Ерэнсяс. Решил вот мир повидать и себя показать,— отвечает Ерэнсяс.— А сам ты кто и куда направляешься?

— Я — бай из такого-то города,— отвечает бай.— Еду в далекое путешествие. Ты назвался Ерэнсясом. Не тот ли ты Ерэнсяс, что всякого, кто с ним поспорит, будто бы оставляет в дураках?

— Тот самый.

— Ага! Хотел бы я посмотреть, как ты, голодранец, оставишь в дураках меня! Сам я сообразительный, а жена у меня благочестивая. Не будь я баем, который носит вот эту шапку и ездит на этом аргамаче, коли проиграю тебе! — говорит бай.

— Не спеши, бай, не спеши! — отвечает Ерэнсяс.— Каждому делу — свой срок. Сейчас ты путешествуешь. Будем живы-здоровы, так еще встретимся. Тогда и посмотрим, кто сообразительней. А пока мы оба — путники. Грешно задерживать путника в дороге, путнику надлежит продолжать свой путь.

Сказав так, Ерэнсяс повернул в одну сторону, бай — в другую.

Ехал Ерэнсяс, ехал, расспрашивал встречных, и доехал до города, названного баем. Решив: «По хозяину и дом», — высмотрел богатый с виду дом, попросился на постой.

— Мужа дома нет, уехал путешествовать, ладно, поживи до его возвращения,— сказала хозяйка.

Выходило по всему, что это — дом того самого бая. Были у хозяйки дочь и сын, очень похожие на него.

Живет, значит, Ерэнсяс у байбиси. Погуляет по городу, хозяйкиных угощений отведаёт, опять погуляет и опять — за стол. Был он лицом довольно-таки красивый, а в городе, когда приделся, и вовсе похорошел. Байбися возьми да и прилепись к нему! Стали они вскоре жить, как муж с женой.

А срок возвращения бая все ближе и ближе. Ерэнсяс говорит байбисе:

— Когда муж твой придет, скажешь, что я — сапожник.

— Ладно,— отвечает та.

И вот Ерэнсяс, человек, сроду не державший сапожного молотка, приготовил кожу, дратву, шило, гвозди, переоделся в одежду поплоше и принялся в хозяйственной половине — тук да тук — тачать сапоги.

Приехал бай. Жёна прикинулась обрадованной, вокруг него вьётся.

— Без тебя,— говорит,— я сапожника наняла. И сапоги нужны, и ката* нужны. Чем к городским сапожникам ходить, лицо чужим мужчинам показывать, пусть, думаю, у нас дома тачает. Что ты на это скажешь?

— Очень хорошо сделала,— отвечает бай,— пускай у нас тачает.

А Ерэнсяс, прислушиваясь к их разговору, думает: «Ага, сел, бай-агай, в лодку без дна? Что, интересно, ты скажешь, когда я сдору с тебя втридорога за никудышные сапоги?»

Недельку спустя принес Ерэнсяс баю кое-как сшитые сапоги и, отчаянно поторговавшись, содрал с него втридорога. Потом скинул с себя одежду сапожника, превратился в нарядного егета и говорит:

— Теперь, бай-агай, снимай шапку, выводи аргамака. Ну, а звание бая пусть уж за тобой останется.

Тут вспомнил бай встречу в пути и все понял. Начало его бросать то в жар, то в холод, на лбу пот выступил, руки затряслись. Но делать нечего, пришлось и шапку отдать, и аргамака.

Вот так Ерэнсэс выставлял баев на посмешище. За острое слово и хитрый ум стали называть его Ерэнсэс-сэсэнном*, а позже чуть короче — Ерэнсэ-сэсэнном.

8. КАК ЕРЭНСЭ-СЭСЭН ПЕРЕХИТРИЛ БАЯ

Один скупой бай нанял Ерэнсэ-сэсэна поработать денек.

— Какая плата тебя устроит? — спросил бай.

— Чем больше наработаю, тем больше гороха дашь,— ответил Ерэнсэ-сэсэн.

Обрадовался бай, подумав, что Ерэнсэ и полтора пуда гороха достаточно будет и привел его к себе.

Поработал Ерэнсэ на совесть, сделал все как надо, и вечером зашел к хозяину.

— Работу я, бай-агай, закончил.

А бай отвечает:

— Сегодня, кустым*, не могу с тобой расплатиться, зайди завтра.

Пришел Ерэнсэ наутро, а бай опять от платы увильнул. Ерэнсэ-сэсэн подождал немножко и, когда бай со своим семейством сел завтракать, постучался в ворота. Выглянула в окно жена бая.

— Нету его, нет бая дома,— говорит.

— Вот и ладно,— говорит Ерэнсэ.— Дело-то у меня как раз к тебе, байбися. Отопри-ка ворота.

Но не отперла байбися. Ерэнсэ опять постучался. Выглянула в окно дочка бая.

— Нету их, ни отца, ни матери дома нет.

— Очень хорошо! — говорит Ерэнсэ-сэсэн.— У меня, красавица, как раз к тебе дело есть. Впусти-ка поскорей.

Но не впустила его байская дочь. Ерэнсэ — опять стучится. Выглянул в окно сын бая.

— Нету их, ни отца, ни матери, ни сестры дома нет.

— Хай, до чего же удачно получилось! — говорит Ерэнсэ.— Мне, егет, как раз с тобой надо поговорить. Открой ка быстренько!

Тут бай не вытерпел. Вышел, бранясь, во двор, сам отпер ворота.

— Чтоб ты,— бранится,— пропал! Ведь сказано тебе — никого из нас дома нет. Что еще нужно?

— Я нарочно пришел, пока вас дома нет,— ответил Ерэнсэ-сэсэн, проходя напрямиком в дом.— А то ведь беспокоил бы вас, завтрак ваш прервал. Чем, думаю, беспокоить людей, один позавтракаю.

Что баю делать? Стоит со своим семейством, глазами хлопает. А Ерэнсэ сел за стол, наелся досыта, потом отсыпал заработанный горох и ушел своей дорогой.

9. АГЗАМ

Жил, говорят, в городе Куфар один благочестивый егет, звали его Сабитом. Все время ходил он к реке, совершал там омовения и творил молитвы. Однажды, придя к реке, увидел он, что мимо плывет яблоко. Поймал Сабит яблоко и начал его грызть. Когда сгрыз половину, пришла ему в голову мысль: «Хорошо ли это, что я без разрешения ем чужое яблоко? Если б нашелся хозяин, я бы заплатил ему». Только подумал так — подходит к нему незнакомый мужчина.

— Ты,— говорит,— почему грызешь мое яблоко? За то, что взял чужое без спросу, постигнет тебя на том свете кара.

— Я готов заплатить,— отвечает Сабит.

— Ты-то готов, но твоя плата меня не устроит. У меня своя цена,— говорит незнакомец.— Послушай-ка, что я скажу:

Ищу я дочке жениха,
Да больно уж она плоха,

Ну, вроде как убогая,
Безрукая, безногая,
Слепая, безъязыкая,
К тому же нравом дикая.

Женись на ней, а то не избежать тебе адской муки за съеденную половину яблока.

— Что ж, коли так, то я винюсь,
Спасу себя от адской муки,
На дочери твоей женюсь,—

ответил егет.

Тогда привел его незнакомец к своему дому. Увидев такое дело, сбежался народ. Пошли за невестой. Жених ждал встречи с невестой в большом беспокойстве, с отвращением в душе. Глядь — у девушки руки-ноги целы, все у нее в порядке. Удивился егет.

— Тут,— говорит,— вышла какая-то ошибка. Моя суженая должна быть без рук, без ног, слепая и немая.

— У нас другой дочери нет, только эта,— отвечает мать невесты.

Разозлился егет, расшумелся:

— Вы хотите посмеяться надо мной! Отец невесты — лжец. Я отказываюсь от своего обещания.

Тут вступил в разговор отец невесты.

— Извини,— говорит,— я хотел испытать тебя и загадал загадку. В моих словах не было никакой лжи. Наша дочь никогда ничего чужого не трогала, будто у нее и рук нет. На гулянки не ходила, будто ног нет. На егетов не заглядывалась, будто и не видела их. Когда при ней заводили пустые разговоры, молчала, как немая, поэтому кое-кому казалась диковатой.

После этого сладилось дело, сыграли веселую свадьбу. В положенный срок родился у молодых сын. Когда мальчонке исполнилось шесть лет, отдали его учиться в школу. В те времена учил ребятишек мулла. Вот ходит мальчонка в школу, ходит и видит однажды, что их мулла плачет.

— Ты что плачешь? — спрашивает дитя.

— Э, да разве ты поймешь! — отвечает мулла.— Иди, занимайся своими делами.

Но не отступился мальчонка, и второй раз спросил, и третий. Когда спросил третий раз, мулла объяснил, почему он плачет.

— Наш падишах поссорился с женой. «Ты,— говорит жена падишаху,— сатана, ты — исчадие ада». — «Ах так! — говорит падишах.— В таком случае — талак, талак, талак¹! Ты мне больше не жена». Но вскоре падишах

пожалел об этом, а как вернуть жену, не отдавая ее другому мужчине, не знает. Созвал он всех мулл, спрашивает, как тут быть, а мы тоже не знаем. Дал нам падишах три дня сроку. Коль не найдем ответа, отрубят всем голову. Ответа нет. Поэтому я плачу.

— Возьми меня с собой к падишаху, я попробую ответить, — говорит дитя.

Вот снова собрал падишах мулл.

— Ну, нашли ответ?

— Мы привезли с собой одного мальчика, он должен дать ответ, — говорят муллы.

Падишах велел ввести мальчика. Ввели.

— Ты согласен с моим условием? — спрашивает падишах. Ведь если мальчик не даст ответа, ему тоже отрубят голову

— Согласен, — говорит мальчик. — Ты сойди с трона, я отвечу с твоего места.

Сошел падишах с трона, а шестилетний мальчик сел на его место и спрашивает у падишаха:

— Ты зарекся поступать так, как поступил?

— Зарекся.

— Коли зарекся, талак твой не имеет силы, с женой ты не разведен, и хлопотать тут не о чем.

Все нашли слова мальчика мудрыми. Падишах на радостях устроил пир на весь мир. На том пиру дали мальчику имя Агзам.

10. О ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТНЕМ ХАНЕ, КОТОРЫЙ ПОСВАТАЛСЯ К ДЕВУШКЕ

Как-то один хан отправился на охоту. С ним и визири его были. Поохотились какое-то время, и вдруг началась песчаная буря, глаз не раскрыть. Заблудился хан. Ткнулся туда, ткнулся сюда — не знает, куда ехать. Блуждая по пустыне, наехал на землянку. В землянке огонек горит. Заглянул хан в оконце, чтобы узнать, кто же это среди песков живет, и видит: в землянке девушка сидит.

Девушка вышла на стук, поздоровалась, помогла путнику с коня сойти, коня привязала, а гостя в землянку пригласила и поесть ему выставила.

— А родители твои где? — спросил хан.

— Они живут в горах, овец там прячут. Хан у нас дурной, — пожаловалась девушка.

Удивился хан, но ничего ей в ответ на это не сказал.

Наутро, вернувшись домой, рассказал хан своим визирям, что видел и слышал.

— Живет,— говорит,— в пустыне одна девушка. Найдите ее родителей, дайте, что они запросят, высватайте мне эту девушку.

Отправились везиры в пустыню, нашли землянку. Девушка встретила их приветливо, коней приняла, самих накормила-напоила. Везиры говорят:

— Нам бы с твоими родителями повидаться. Есть у нас разговор.

— Нет нужды с ними говорить,— отвечает девушка.— Вы ко мне приехали, со мной и говорите.

— Ты нашему хану приглянулась,— говорят везиры.— Он хочет на тебе жениться.

— Очень хорошо! — отвечает девушка.— Я пойду за него, лишь бы прислал выкуп. А выкуп такой: двадцать лисиц, двадцать волков, двадцать барсов, двадцать облезлых лошадей и двадцать недоузdkов.

— Э, для такого хана, как наш, это пустяк, говорят везиры.— Все, что ты просишь, можно за день добыть. Вернулись они к хану, рассказали все, как есть, и смеются:

— Девушка сама за себя выкуп просит

Но хан понурился и долго молчал, удивив везиров. Наконец, заговорил.

— Если бы,— говорит,— вместо меня посадить ханом эту девушку, было бы лучше.

Еще больше удивились везиры, а хан продолжает:

— Да, в двадцать лет человек молод и ловок, как лисица. С двадцати до сорока он подобен волку, рыщет в поисках добычи. С сорока до шестидесяти осторожен, как барс. С шестидесяти до восьмидесяти превращается в облезлую лошадь, а с восьмидесяти до ста он как недоуздок без лошади, пользы от него мало...

Было хану уже за шестьдесят. Устыдился он, говорят, и отказался от намерения жениться.

II. ФАУКИНУР

В давние времена жил, говорят, один коварный царь. Однажды царь объявил: «Тому, кто за сорок дней получит по козленку от сорока моих козлов и вернет восемьдесят, отдам половину своего богатства».

Но никто за это не взялся.

В тех же местах жил в ауле бедный старик. Была у него дочь, звали ее Фаукинур. Дочь говорит отцу:

— Иди, атай*, пригони этих козлов.

Старик не соглашается.

— Царь ведь,— говорит старик,— велит за сорок дней получить приплод от сорока козлов и удвоить их число, а как мы удвоим?

— Иди, атай, иди, потом решим как-нибудь.

Все-таки девушка уговорила отца, отправила за козлами. Пригнал он козлов и сидит горюет:

— Нажила ты, дочка, беду на свою голову. Когда это бывало, чтобы сорок козлов превратились в восемьдесят!

— Ничего, не горюй,— отвечает дочь.— Иди, зарежь сегодня одного козла.

И стали они резать каждый день по козлу, и за сорок дней съели их всех.

Царь, когда прошло сорок дней, послал к старику своих везиров:

— Идите-ка, узнайте, довел ли он число козлов до восьмидесяти.

Приходят везиры, а старика дома нет. Спрашивают у дочери:

— Где твой отец?

— Он в бане мальчика рождает,— отвечает Фаукинур.

— Что ты несешь, дура! — говорят везиры.— Разве может мужчина родить мальчика?

— А разве могут царские козлы родить козлят? — отвечает девушка.

Вернулись везиры к царю с ответом девушки.

— Ах, вот как! — говорит царь.— Ну, я ее проучу. Отнесите ей вот эту овчинку, пусть сошьет мне из нее шубу, ни долгую, ни короткую, а в самый раз.

Получила девушка овчинку и в ответ отправила царю прутик в четверть длиной: пусть, мол, на этом прутике отметит свой рост и толщину.

Понял царь, что опять проиграл, и велел везирам:

— Идите, позовите ее сюда. Пусть придет по дороге и в то же время не по дороге, с подарком и в то же время без подарка.

— Ладно, приду,— ответила девушка.

Поймала Фаукинур воробья и пошла к царю по обочине дороги, а когда вошла к нему, выпустила воробья — царь и моргнуть не успел, как воробей вылетел в окно.

— Ну, умница,— говорит царь,— согласишься ли ты выйти за меня замуж?

— Бэй,— отвечает девушка,— как не согласиться, раз сам царь сватается. Только я ведь — дочь бедняка.

— Все равно я беру тебя в жены,— говорит царь,— но с условием: без меня ничего не решать, суд не вершить. Коль нарушишь условие, я разведусь с тобой.

Согласилась девушка, и они поженились.

Однажды царь куда-то уехал, а в это время пришли с мельницы два мужика, чтобы разрешить свой спор. Оказывается, ночью кобыла одного из них ожеребилась, но когда они проснулись, жеребенок крутился возле телеги другого. Вот и вышел спор.

— Это моя телега ожеребилась,— говорит один.

— Нет, ожеребилась моя кобыла,— говорит второй.

Скандалили, скандалили, но верха никто взять не смог, поэтому отправились к царю. Приходят, а царь в отъезде, только жена дома. Рассказали о своем деле ей.

— Жеребенок-то за моей телегой бегаёт,— твердит один.

— Ну и что ж! — отвечает Фаукинур. — Дитя всегда тянется к тому; что звякает-брякает, так и жеребенок.

Рассудила она таким образом спор, отступился хозяин телеги от жеребенка. Когда царь вернулся, жена рассказала ему об этом случае.

— Ты нарушила условие. Бери, что тебе надо, и уходи. Я развожусь с тобой,— говорит царь.

А жена:

— Много ли, мало ли, хорошо ли, плохо ли, а прожили мы вместе. Легко сказать: «Разводимся»,— да нелегко расстаться. Раз уж дело так обернулось, давай устроим прощальный пир. У хмельного ума нет, легче будет нам расстаться.

Царь, недолго думая, дал согласие. А жена напоила его допьяна, уложила в кибитку и повезла в свой старый дом.

Вот едут они, а царь в пути проснулся и спрашивает:

— Где я, куда мы едем?

— Ты сказал: «Бери, что тебе надо, и уходи». О, мой царь, мне ничего, кроме тебя, не надо. Вот я и взяла с собой тебя,— отвечает Фаукинур.

— Видать, тебя не переспоришь. Поехали обратно,— сказал царь.

Вернулись они в царский дворец и стали опять жить-поживать вместе.

12. ДОЧЬ, ЛЮБИВШАЯ ОТЦА, КАК ЛЮБЯТ СОЛЬ

Было у царя три дочери. Однажды царь позвал их и спрашивает:

— Как вы меня любите?

— Я тебя, отец, люблю пуще меда,— ответила старшая дочь.

— Люблю пуще сахара,— ответила средняя.

А младшая:

— Я тебя люблю, как любят соль.

Порадовался царь ответу старших дочерей, а на младшую, раз она приравняла его к горькой соли, разобиделся и старших выдал замуж за царевичей, а младшую, чтобы отомстить ей, решил выдать за самого никудышного человека.

У одной старухи был единственный сын. Хотя исполнилось ему двадцать пять лет, он все еще лежал в зыбке. Вот за него-то царь и решил выдать свою дочь. И вскоре девушку отправили в дом этого никудышного егета.

Пришлось царевне зарабатывать на жизнь: шить-вышивать, вязаньем заняться. Шьет она тюбетейки, а старуха на базаре их продает. Однажды, когда старуха собралась на базар, сноха попросила ее принести пару колючих прутьев. Принесла старуха прутья. Молодая взяла и раз-другой стеганула колючими прутьями мужа, лежавшего в зыбке. Тот живо вскочил и принялся за работу. Жена научила его работать, егет способным оказался. Зажили они неплохо.

И вот царевна позвала отца с матерью в гости.

— Поедем,— говорит царица.

— Нет, не поедем,— противится царь.

Спорили, спорили, все ж царица переспорила.

Дочь наготовила угощений, на столе — чего только душа ни пожелает, все есть. И настолько вкусно все приготовлено, что не хочешь, да съешь. Сели гости за стол, едят и хозяйку хвалят, только один царь морщится, ничего не ест. Дочь-то, оказывается, для него все без соли приготовила. И тут понял царь свою ошибку.

— Ах, дочка,— говорит,— ошибся я. Без соли-то, оказывается, все невкусно.

Попросил у дочери прощения и наделил ее богатством.

И прожили, говорят, они долгую жизнь в согласье и довольстве.

13. САМЫЙ ВКУСНЫЙ ГОСТИНЕЦ

В давние-предавние времена жили, говорят, старик со старухой. Очень бедно, все больше впроголодь жили. Не было у них сына, чтоб заботился, кормил-поил их на старости лет. Рождались сыновья, да вскоре умирали. Только дочь одна жива осталась, выросла. Выросла и красотой своей по всей округе прославилась. Дошла ее слава и до ханского сына. Приехал он посмотреть на красавицу. Посмотрел. И с первого взгляда, говорят, влюбился. Девушке егет тоже приглянулся. Поэтому ее родители, когда ханский сын прислал сватов, противиться не стали. Свершив обряд, женился ханский сын, прожил несколько дней у тестя да и увез молодую к себе. Прощаясь, отец с матерью сказали дочери:

— Пришли нам оттуда в гостинец что-нибудь вкусное.

— Пришлю,— пообещала дочь.

В доме хана, раз привезли невестку, было устроено празднество. Столы ломились от множества всяких яств, каких молодуха, живя у бедных родителей, сроду не видела. Чтобы выбрать гостинец, решила она перепробовать все яства. Пробовала, пробовала и, сильно захотев пить, напилась холодной воды. И хорошо ей стало. Вода показалась вкусней всего остального. Послала отцу с матерью полный бурдюк воды.

14. ХОРОШАЯ ЖЕНА И ПЛОХОНЬКОГО МУЖА В ЛЮДИ ВЫВЕДЕТ

В давние-предавние времена жил, говорят, один злой царь. Однажды услышал он голоса пролетающих диких гусей. «Канг-канг-канг»,— перекликались гуси.

— Узнай, о чем они разговаривали,— велел царь своему везиру.— Даю тебе на это три дня сроку. Коль не узнаешь, я тебя повешу.

Испугался везир, ума не приложит как быть. Пошел за советом к одной старухе. Старуха говорит:

— Об этом только царевна знает, спроси у нее.

Царевна пожалела везира и сказала:

— Гуси разговаривали о том, что хорошая жена и плохонького мужа в люди выведет.

Через три дня призвал царь везира.

— Ну, узнал?

— Узнал.

И везир повторил то, что услышал от царевны.

— Кто тебе это сказал? — спрашивает царь. — Говори правду, а то я тебя повешу.

— Твоя дочь, пожалев меня, сказала, — признался везир.

Сильно разозлился царь на царевну и решил отомстить ей. Жил в том городе нищий парнишка-сирота. Царь велел отыскать его и отправил свою дочь с этим нищим за семь гор, семь лесов, семь озер.

А царевна умыла сироту, придела, в человеческий вид привела. Потом сделала луки, стрелы, и стали они охотиться на разных пушных зверей. Шкурки снимали и сушили, так и зажили.

Как-то остановился около них отдохнуть старенький странник. Они его накормили-напоили, словом, приветили. Перед тем, как отправиться дальше своей дорогой, старичок сказал:

— Сейчас тут проедут караванщики. Есть у них запаршивевший конек и собачонка. Продайте караванщикам шкурки, попросив в уплату этого конька и собачонку.

Только ушел старичок — подъехали караванщики. Оказалось, скупают они пушнину, много уже скупили. Эти двое тоже продали им шкурки, как научил старичок.

Уехали караванщики, а царевна принялась ухаживать за коньком и собачонкой. И, благодаря ее стараниям, превратился паршивый конек в красавца-тулпара, а собачонка — в большую, как лев, охотничью собаку. Стал возмужавший егет ездить на охоту с собакой, на тулпаре.

В один прекрасный день тот злой царь тоже выехал на охоту со своими везирами. Гонялись они за оленем, гонялись — никак не могут настичь. Все же настигли, окружили, оставалось только свалить, а олень вдруг взвился и перемахнул через царя. Тут откуда ни возьмись выходит из лесу молодой охотник и валит оленя. Свалить-то свалил, да руку себе немного поранил. Царь, восхищенный смелостью и ловкостью егета, перевязал рану своим шелковым платочком. На платочке имя царя было вышито.

Вернулся царь с охоты, а тот егет из головы не идет. Велел разослать людей, чтобы узнали, кто это был такой. И вот царю говорят: так и так, живут в одном месте молодка и смелый егет.

Поехал царь взглянуть, тот ли это егет. Подъезжает и видит: платочек, которым он перевязал руку молодого охотника, постиран и на просушку вывешен. Тут выходит из дому молодка. Глядь, а это — его дочь. И дочь узнала отца, подошла, поздоровалась.

— Вот,— говорит,— ты, отец, хотел меня осрамить, отослав сюда с нищим, а я не осрамилась, и сироту не осрамила — в люди вывела.

С тех пор и говорится: хорошая жена и плохонького мужа в люди выведет.

Царь устроил большой пир, и зятя на царство посадил. Мы тоже на том пиру были, пили — не опьянели, ели — не наелись. Тех, кто терпеливо слушал, мы баснями угощали.

15. О ЧЕМ ГОВОРИЛИ ГУСИ?

Однажды царь беседовал в саду со своим везиром. В это время пролетали над ними, перекликаясь, дикие гуси.

— Ты, господин везир, человек, прочитавший множество книг,— говорит царь.— Скажи, пожалуйста, о чем говорят гуси?

— О, мой повелитель,— отвечает везир.— Эти гуси говорят: «Когда отправляешься в путь, твой спутник должен быть лучше, чем ты сам. Берегись плохого друга, опирайся на хорошего».

Ответ везира не удовлетворил царя.

— Что-то,— говорит,— тут не так. Ежели сопоставить твои слова с криками гусей, то они не сходятся. Не похоже, чтоб они говорили об этом. Выслушай-ка их повнимательней.

А гуси уже пролетели, и голосов их не слышно. Вскочил везир и побежал в ту сторону, куда они пролетели. Бежал, бежал, из города выбежал — все бежит. Добежал до одного аула. А тут шла от родника с ведрами на коромысле девушка-красавица. Выйдя из проулка, увидела она бегущего везира и спрашивает:

— Ты, бабай, куда бежишь? Уж не случился ли пожар?

Везир, держась за грудь, еле дыша, отвечает:

— Ах, дитя мое, недавно пролетели в ту сторону, перекликаясь, дикие гуси. Царь спросил, о чем они говорят, а я не смог дать верный ответ. Вот бегу за гусями, чтобы повнимательней выслушать их.

Улыбнулась красавица.

— Бабай, ты летящих гусей не догонишь, скорей упадешь и умрешь. Когда я набирала воду из родника, они пролетели, перекликаясь, надо мной, и я хорошо поняла их. Они повторяли одно и то же: «Мужчин и любят, и губят, и возвышают, и сокрушают женщины».

Вернувшись к царю, везир сообщил то, что услышал от девушки. Но царь не поверил ему.

— Ты,— говорит,— хочешь за один раз обмануть дважды. Во-первых, будто бы догнал гусей. Во-вторых, будто бы они повторяли то-то и то-то. Признавайся, кто тебе это сказал. Ежели не признаешься, я сейчас же уволю тебя из везиров.

Раз дело обернулось так, пришлось везиру признаться, что сказала ему это в ауле девушка-красавица, которая несла воду из родника. Царь тут же велел доставить к нему эту девушку. Везир снова отправился в аул, вошел в дом напротив проулка, ведущего к роднику, и видит: как раз та самая девушка волосы расчесывает. И девушка узнала вчерашнего бабая, посадила на почетное место, быстренько чаю вскипятила и принялась угощать, чем богата. Разговор начал везир.

— Я,— говорит,— дал царю ответ с твоих слов, а он не поверил, что я догнал гусей. Мол, не сам ты узнал, а от кого-то услышал. Требуется доставить к нему этого человека. Нет у меня другого выхода, я за тобой пришел, придется тебе, дочка, пойти к царю.

А девушка и отвечает, улыбаясь:

— Почему не пойти? Поиду. Предстану перед царем, нисколечко не страшась.

Привел везир девушку в царский дворец. Царь принялся расспрашивать ее:

— Как дела, дочка? Слышала ли ты голоса диких гусей? О чем они говорили?

— Слышала, мой повелитель,— отвечает девушка. — Они говорили: «Мужчин и любят, и губят, и возвышают, и сокрушают женщины».

— А чем можно подтвердить это утверждение? — спросил царь.

И девушка в ответ рассказала такую историю:

— У одного царя была молоденькая жена. Видно, из-за того, что царь был стар, жена ничуть его не любила. Служил у царя один егет. И обуяла молодую царицу страсть к нему. Стала она каждый день звать его к себе, а он, опасаясь, не шел туда, куда она звала. Но вот, когда царя не было дома, царица через служанку позвала егета в свою комнату будто бы по делу. Вошел егет к ней с опаской, а как только вошел, она обняла и начала целовать его. Егет, испугавшись, старался скорей вырваться, а царица не пускает. Егет все же вырвался и — вон из комнаты, царица — за ним. А тут царь вернулся: «Что случилось? Почему бежишь?» — спрашивает царь

у царицы. А царица: «Смотри, каков твой слуга! Воспользовавшись тем, что тебя не было, ворвался, бесстыжий, в мою комнату и пытался накинуться на меня. Вели сейчас же повесить его».

Царь, поверив жене, без всякого разбирательства велел казнить егета. А когда его казнили, царица затосковала и с тоски отравилась. Царь любил свою жену, поэтому не вынес ее смерти, тоже покончил с собой, выпив яду. Вот, мой повелитель,— закончила девушка свой рассказ,— разве одна женщина не погубила двух мужчин.

— Ладно,— сказал царь,— это ясно. А есть ли основание утверждать, что мужчин возвышают женщины?

— Есть, мой повелитель, есть,— ответила девушка.— Жил на свете один егет, такой бедный и безвредный, что люди даже считали его тронутым. Во многие дома ходили от егета сваты, но люди, имевшие дочерей, не то что разговаривать со сватами — в ворота пускать их не хотели. «Кем считать этого вашего егета? — говорили сватам.— Человеком — слишком много чести, а скотиной — нет на нем шерсти. Как ему содержать жену, как детей растить?»

Не было к егету никакого уважения, всяк, увидев его, насмеялся над ним.

Все же из вежливости пустили сватов в один дом, и родители девушки сказали: «Вот уже год ради этого бедняги вы ходите в сватах, а никто дочь за него не отдает. И у нас нет такой дочери, чтобы отдать за никудышного человека». Но тут вошла дочь и говорит отцу с матерью: «Наверно, этот егет — моя судьба. Не тревожьтесь, не показывайте сватам хмурых лиц, я выйду замуж за этого егета». И родители не воспротивились, выдали дочь за никудышного человека.

Начали молодые жизнь свою налаживать. Жена оказалась искусной в рукоделии. Брала у богатых людей работу, шила-вышивала, а потом покупала на свои деньги товары и учила мужа торговать. И вот егет, которого считали никудышным, стал самым удачливым купцом. Все стали смотреть на него с уважением. И объясняя его удачи, говорили: «На умной девушке женился. Она его возвысила».

Так закончила девушка свой второй рассказ.

Царь, восхитившись ее умом и целомудрием, женил на ней своего сына, будущего царя.

Девушка, благодаря уму, никогда ничем чести своей не запятнала.

16. МИЛОСЕРДНАЯ ЖЕНА

Жил в прежние времена жестокосердный царь. А его жена, напротив, была добра, милосердна.

Однажды пошли они вдвоем погулять, послушали в лесу птичье пенье. Особенно понравилась им одна пташка: очень уж красиво пела. Вернувшись, царь собрал своих везиров и говорит:

— Услышали мы пенье одной пташки. Кто сумеет поймать и принести сюда эту пташку, тому дам много золота.

Немало на свете всяких хитростей. Четверо, обдумав хитрость, отправились в лес. Нашли ту пташку, заманили в ловушку и, посадив в клетку, принесли царю. Царь взял клетку, насыпал в нее корму, и запела пташка.

В первый день пела она очень хорошо, просто за сердце брала. На второй день пела меньше, на третий — еще меньше. Спустя десять-пятнадцать дней пела уже совсем немного: чуть-чуть попоет и замолкнет. Потом стала петь через день, потом через два-три дня и в конце концов совсем умолкла.

Жаль стало ее милосердной царице.

— Давай, — говорит она царю, — отправим пташку обратно. Видишь, в каком бедняжка состоянии, совсем петь перестала. Если выпустить на волю на прежнем месте, может, опять запоеет.

Царь вызвал везиров и велел им:

— Отнесите эту пташку на прежнее место. Когда выпустите, послушайте, запоеет или нет.

Отнесли везиры пташку в лес, и, как только выпустили ее на волю, она запела. Как она пела, их, как пела! До темна не умолкала.

Вернулись везиры и доложили, как обстоит дело. Царь говорит жене:

— Съездим-ка туда, послушаем, так ли это.

На другой день царь с царицей запрягли лошадей и поехали в лес. Приехали, а пташка, как тогда, когда первый раз ее услышали, распевает. Ждали до самого вечера, не замолкнет ли, — нет, не замолкла. Тут жена и говорит царю:

— Ты вон сколько людей в тюрьме держишь! Есть среди них виноватые, есть и правые. С тебя за это на том свете спросится. Видишь, что с пташкой произошло? А ведь и тех, кто в тюрьме, дома ждут — кого отец с матерью, кого жена и дети, кого родня. Ты разберись-ка, не держи в тюрьме обиженных несправедливостью.

Слова жены заставили царя задуматься. Вернувшись, гут же разослал он фарман*: таких-то и таких-то сегодня же выпустить из тюрьмы.

Благодаря милосердию царицы раскрылись тюремные двери, и всех невинных выпустили, говорят, на волю.

17. СУД ЦАРЕВНЫ

Один старик пахал в поле и наткнулся на горшок золота. Посоветовался с другом:

— Что делать с этим кладом?

Тот посоветовал:

— Ты отнеси его к царю.

Старик и понес к царю. Повстречались ему три человека, они спрашивают:

— Куда идешь, дед? Что в горшке?

Старик ответил, что несет царю золото. Эти люди отняли у него золото. Старик приходит к царю и говорит:

— Я нес Вам найденный в поле горшок золота. Его отняли у меня трое встречных.

Царь велел разыскать и привести к нему этих людей. Спрашивает их царь:

— Как вы смели отнять золото у старика?!

Грабители не признают своей вины:

— Мы не брали!

По царскому приказу они были посажены в тюрьму.

У царя была умная дочь. Она и говорит отцу:

— Ты отдай мне этих людей, я узнаю правду.

Согласился царь. Когда к ней привели этих трех человек, она им объявила:

— Мой отец напрасно заточил вас в тюрьму, поверив старику. Я прошу вас помочь мне разобраться в одном деле, высказав свое мнение.

И вот что она им поведала:

«В старину жил богатый человек. У него была красивая взрослая дочь. Эта девушка однажды прогуливалась по саду и увидела на высоком дереве очень красивый цветок. Сказала она своим служанкам:

— Достаньте мне этот цветок. Тогда я буду вам очень благодарна.

Как ни старались служанки не смогли достать цветок. Девушку это огорчило. Тогда подошел к дереву садовник-караульщик, влез на него по стволу, сорвал цветок и подал девушке. Девушка обрадовалась и говорит ему:

— За это награжу тебя чем угодно.

Садовник ответил:

— Когда будешь выходить замуж, то в первую брачную ночь покинешь своего жениха и придешь сюда ко мне.

Через некоторое время эту девушку выдавали замуж. После свадебного пира ночью, оставшись наедине с женихом, она вспомнила об обещании, данном садовнику, и рассказала, как было дело, жениху.

Жених сказал:

— Если дала обещание, надо сдержать свое слово. Иди.

Она оделась и поспешила в сад к садовнику. На пути ей повстречался волк и хотел ее съесть. Девушка ему говорит:

— Я дала слово садовнику-сторожу придти к нему в ночь после свадьбы. Отпусти меня, чтобы я смогла выполнить обещание.

Волк не тронул девушку. Вот пришла она в сад к садовнику-сторожу и молвит:

— Я дала слово придти тебе в первую брачную ночь. Я пришла.

Тот ответил:

— Я убедился, что слово твое честное. Мне от тебя больше ничего не надо. Возвращайся поскорее к твоему жениху. Пусть аллах будет милостив к тебе!

Девушка благополучно вернулась к жениху».

Закончив рассказ, царевна спросила тех трех нечестных людей:

— Что вы скажете об этом: почему жених отпустил невесту в первую ночь, почему волк не растерзал ее, почему садовник-сторож немедленно, как только она пришла к нему, отправил ее обратно?

Один из троих ответил:

— Видно, что жених той девушки глупец-простофиля.

Другой сказал:

— Тот волк, который повстречался ночью девушке, видно, был беззубый, потому не смог ее съесть.

Третий сказал:

— Тот садовник, видно, был дряхлым, никчемным, потому отпустил ночью красивую девушку, которая сама к нему пришла.

Царевна, разузнав думы этих низких людей, сообщила царю полученные ею ответы на вопросы. Царь вполне убедился в том, что это они отняли золото у старика и говорит им:

— Теперь ясно: вы отняли золото, отдайте его, иначе я прикажу вам отрубить головы!

Они очень испугались. Достали золото и отдали царю.

18. ХИТРЫЙ САПОЖНИК

В давние-предавние времена в одном царстве-государстве на самой окраине главного города жил бедный сапожник. Ни единого рубля не скопил он за свою жизнь, все, что зарабатывал с утра до вечера, в тот же день проедал с женой и детишками.

Но хоть и бедно жил сапожник, настроение у него всегда было хорошее: идет утром на работу — песни напевает, возвращается вечером домой — шутками да прибаутками прохожих веселит. Словом, не знал сапожник уныния.

А царь в этом царстве был очень злой и коварный. Много было у него солдат, а шпионов и доносчиков и того больше. Превратил царь своих подданных в рабов.

Однажды захотелось царю своими глазами увидеть и своими ушами услышать, как живут его подданные, о чем говорят. Нарядился он слугой и, когда стемнело, вышел в город. Долго ходил царь по городу, в окна заглядывал, у дверей подслушивал. Но сколько ни ходил, ничего особенного не увидел и не услышал: одни подсчитывали дневную выручку, другие печалились из-за убытков, третьи ссорились с женами, четвертые ругали ребятишек. Но вот дошел царь до маленького домика на самом краю города. И только в этом домишке слышались пенье, шутки, смех. Удивился царь, а потом разозлился. Дай-ка, думает, узнаю, что за люди тут живут, отчего им так весело. Постучался в дверь. Хозяин тут же распахнул дверь, встретил незнакомого человека приветливо и сразу пригласил на табын*. Зашел царь, огляделся. В доме, видит, очень бедно и на столе не очень-то богато, но лица у сидящих за столом радостные, настроение веселое.

Сел царь на указанное ему место, мяса отведал и со всеми шурпы похлебал. Сидит, смотрит на веселые лица и в душе злится. Не злился бы, да не привык видеть в своем царстве счастливых людей. Решил выведать секрет такого веселья и говорит хозяину:

— Не прими, друг, в обиду, хочу узнать, кто ты, какое ремесло тебя кормит и с чего это в будний день вы веселитесь, будто в праздник.

А хозяин отвечает:

— Я — сапожник. Сам видишь — живу бедно. Есть у меня на базаре махонькая лавочка. Там я прохожим обувку чиню: где прохудилось — заплатку поставлю, где распоролось — зашью. Тем с утра до вечера и занимаюсь. На заработанное за день вечером еду покупаю. Коли есть что поесть, так нам и в будни — праздник.

— А коли, — говорит царь, — случаем прикажут таким, как ты, закрыть свои лавчонки — что тогда?

— Не дай бог! — отвечает хозяин. — И врагу такой беды не пожелаю. Ведь мы тогда со всеми домашними с голоду перемрем. Не должно бы такое случиться. Какому злодею придет это на ум?

Посидел царь еще немного и, попрощавшись, ушел во дворец. А наутро выслал он в город вестников. Прошли вестники по всем улицам, по всем площадям и базарам, объявили царское повеление: когда царь отдыхает, ремесленникам не работать, всем закрыть свои лавочки.

Удивился народ, с чего это пришла царю в голову такая непутевая мысль. Ругают его люди меж собой. Но ругать-то ругают, а знают, что нрав у царя крутой, поэтому никто не смеет ослушаться. Закрыли ремесленники свои лавчонки, разошлись по домам.

Когда стемнело, опять оделся царь по-вчерашнему, вышел из дворца и напрямиком — в домишко сапожника. Посмотрим-ка, думает, так ли тебе весело, как было вчера, скажешь ли теперь, что и будний день для вас — праздник.

Приходит, а хозяева, как ни в чем не бывало, сидят за столом, едят и за едой шутят и смеются. Обрадовался сапожник вчерашнему гостю.

— Айда-айда, — говорит, друг, садись с нами за стол.

А царь:

— Вы, я гляжу, опять пируете. Никак ты не слышал сегодняшнего повеления или, может, нарушил его? Где денег-то добыл?

— Хай, — отвечает сапожник, — будь он неладен, этот царь! Выдумывает там указы, которые ни в какие ворота не лезут. Чуть из-за него я с семьей голодным не остался. Что, думаю, теперь делать? Пошел по улице, одному помог покупки до дому донести, другому воды натаскал. Ну, и еще два-три дела такого рода сделал, заработал немного денег. Вот на них купил снеди, и теперь ужинаем.

Царя злость взяла. Прямо-таки изжевал бы неумы-

вающего сапожника. Лишь для того, чтобы не выдать себя, посидел он немного и ушел.

На другой день рано утром прибежал к сапожнику царский гонец, повел его во дворец. Во дворце по приказу царя прицепили к поясу сапожника тяжеленную саблю и поставили его охранять вход.

— Стой,— говорят,— тут и не двигайся. Коли сделаешь хоть шаг в сторону, царь прикажет отрубить тебе голову.

Простоял бедняга весь день на страже и ничего принести домой не смог. А все же не пал сапожник духом. Дома принялся, напевая, обстругивать толстую палку. Строгал, строгал, и получилась сабля, по виду точно такая же, какую царь ему на бок повесил. После этого сапожник сунул деревянную саблю в ножны, а булатную продал соседу-купцу, на вырученные деньги накупил много всякой еды.

— На,— говорит жене,— приготовь ужин. Хорошо сделал царь, поставив меня на стражу, богатый будет у нас сегодня стол.

А царь и в этот вечер к нему заявился. Уж сегодня-то сапожнику не с чего веселиться, думал царь, сегодня ему, должно быть, не до песен. Но вошел и глазам своим не поверил: сапожник даже веселей, а стол у него богаче, чем прежде.

Обрадовался сапожник приходу знакомца, встретил его как близкого друга, принялся потчевать. Рассказал, смеясь, что продал царскую саблю, а вместо нее выстрогал деревянную.

— Ну-ка,— говорит жене,— подай саблю, покажем ее другу.

Когда подала жена саблю, все от души посмеялись, а потом наелись-напились, и царь ушел.

Наутро опять поставили сапожника на стражу у входа во дворец. Стоит, значит, он с деревянной саблей на боку, соколом глядит. Раз сабля деревянная, не так ему тяжело, как было вчера. А царь, подумав: «Ну, теперь попался, теперь уж не вывернется!» — хорошенько позавтракал и, довольнешенький, уселся на своем троне. Сидит, соображает, как бы половчей разоблачить плутовство сапожника. Потом послал стоявшего рядом слугу позвать начальника казны. Вот пришел начальник казны, а царь как затопает ногами, как закричит:

— Ты,— кричит,— преступник, вор и обманщик! Украл из казны золота на сто рублей, а сам стараешься глаза мне замазать, верным мне прикидываешься! Ну-

ка, — кричит, — приведите стражника, пусть сейчас же отрубят этому негодяю голову!

Слуги в мгновение ока исполнили повеление, привели и поставили перед царем стражника, стоявшего у входа. А это был тот сапожник.

Царь, чтобы сапожник его не узнал, корону свою на самые глаза надвинул, накидку из-за спины подтянул, лицо ею маленько прикрыл и говорит:

— Отруби-ка своей саблей голову этому преступнику, он — вор, из моей казны золото украл.

Ни в чем не повинный начальник казны, оказавшись вдруг в таком положении, сначала от изумления онемел, а придя в себя, встал перед царем на колени и принялся, заливаясь слезами, умолять:

— О, — говорит, — твое уважаемое царское величество, нет на мне никакой вины, совесть моя чиста, всю жизнь я служил тебе верно. Давай-ка, — говорит, — проверим казну, там все на месте, копейка в копейку. Гнев твой напрасен, не губи меня зазря!

А царь и слушать не хочет.

— Нечего, — говорит, — там считать-пересчитывать, и слез тут не лей! Эй, стражник, ты что стоишь столбом? Приказ же отдан! Отруби ему голову!

Сапожник растерялся, не знает, как выкрутиться, вот и стоит столбом. Замахнуться-то он замахнулся бы, да ведь, когда ударит по шее начальника казны деревянной саблей, сам головы лишится. «Не смягчится ли царь, не простит ли начальника казны?» — подумал сапожник и говорит:

— Эй, милостивый царь, прости уж этого несчастного, не казни его. Коли взял он малость из твоей казны, так теперь, небось, на всю жизнь зарекся брать. В крайнем случае, посади его в тюрьму — и делу конец.

А царь ни в какую.

— Ни за что, — говорит, — не прощу. Пускай это другим уроком будет, пусть все увидят, что ждет того, кто царя обманывает. Ты в мои дела не вмешивайся, делай, что велено. Сказано тебе — отруби, вот и руби, да поживей! А то прикажу оторвать голову у тебя самого!

Ну, думает сапожник, раз так ничего не вышло, надо найти другой путь к спасению. Тут как раз пришла ему в голову одна хитрая мысль. Поднял он взгляд к потолку, воздел руки и говорит:

— О, аллах, ежели этот человек и впрямь невиновен, преврати мою булатную саблю в деревянную! Спаси меня от греха, не дай убить безгрешного!

Сказав так, выхватил он саблю из ножен, и все, кто был возле царя, ахнули: сабля «превратилась» в деревянную. Только царь знал, в чем тут секрет. Но он не разгневался. Очень ему понравилось, как ловко вывернулся сапожник из трудного положения. Помиловал царь начальника казны, а сапожнику сказал:

— Видать, тебя не перехитрить. Хоть и обманул ты меня, твой ум и находчивость достойны похвалы.

И, дав много золота и серебра, отпустил сапожника домой.

После этого сапожник все-таки опять принялся работать по-прежнему с утра до вечера, а вечером, вернувшись домой, садился за стол с женой и ребятишками, и ели они весело, и жили счастливо.

19. КАК БЕДНЯК ИСКАЛ ПРИЧИНУ НЕРАВЕНСТВА ЛЮДЕЙ

В давние времена жил один старик. В крайней бедности жил. Сорок лет пас чужое стадо. Однажды отправился он в путь, решив узнать, почему одни живут хорошо, а другие очень плохо, хотя все люди на вид одинаковы. Ехал он, ехал, доехал до леса и видит человека, творящего молитву.

— Я сорок лет пас чужое стадо, жил в бедности, увижу ли я когда-нибудь хорошую жизнь? — спросил бедняк.

— Я сорок лет творю молитвы, — ответил тот человек. — Ладно, я твое желание до бога доведу, давай за это твою лошадь и еду.

Оставив лошадь и еду, пошел бедняк дальше. Шел, шел и зашел в один дом. Тут его накормили-напоили, дали хорошую одежду. Оказывается, жили в этом доме шестеро разбойников, которые грабили только баев. Проводили они бедняка, дав еду еще и на дорогу. Продолжая свой путь, встретил бедняк одного мудреца. Рассказал ему о своем житье-бытье, о том, зачем отправился в путь и что в пути увидел.

— Человек, творивший молитву, обманув тебя, отобрал все, что ты имел, — сказал мудрец. — Всю жизнь он обманывает людей и живет за счет тех, кто добывает пищу в поте лица. На том свете гореть ему в аду. А тем разбойникам уготовано место в раю, потому что они отбирают у баев награбленное богатство и раздают таким, как ты, беднякам. В сравнении с творящим молитвы они делают правое дело.

Посоветовал мудрец старику не верить ни баям, ни творящим молитвы. На обратном пути бедняк зашел к разбойникам и передал им слова мудреца. Разбойники проводили его, дав много золота, другого добра и еды на дорогу.

20. ЦАРЬ И ДЕРВИШ

Один царь был очень образованным человеком, но плохо знал жизнь. Когда у него умерла жена, надумал он снова жениться. Куда только ни посылал он своих везиров в качестве сватов: мол, там-то живет такой-то, имеет дочь, так не отдаст ли ее за меня?

— Нет, не хочет отдавать, — возвращались с отказом царедворцы.

Царь и сам пускался на поиски, да ни разу не повстречал достойной для себя женщины. Однажды он прослышал: мол, в таком-то городе живет одна вдова, уж и умна она и очень красива.

— Не попытаться ли мне съездить в тот город? — стал советоваться он с везирами.

— Надо бы съездить, — угодливо отвечали они.

Царь оставил вместо себя одного из самых своих надежных помощников, сменил богатое одеяние на скромную одежду простолюдина и отправился в странствие.

А вокруг творились удивительные дела, с какими он никогда в жизни не сталкивался. Вот люди землю вспахали, хлеб посеяли, приступили к жатве. Оглянулся царь, проезжая мимо, и диву дался: хлеборобы сложили снопы в скирды и подожгли их. Чем это объяснить? Нет ответа.

Едет он дальше. В одном месте собралась огромная толпа народу, а над нею недоступно возвышается один человек. Люди изо всех сил стараются докричаться до него, однако он не отвечает, лишь рукою машет. Толпа не понимает его повелительные жесты, и он, как видно, не понимает собравшихся. Почему так? Тоже нет никакого объяснения.

Царь дальше держит путь. Видит: лежит на дороге большой камень. Какой-то человек хочет поднять его, но не может. Тогда положил он поверх этого камня другой, еще побольше, и сумел поднять до самой груди. Добавил еще третий камень, потяжелее остальных, — и вовсе легко.

вскинул на вытянутых руках. Удивился царь, недоумение овладело им.

Подъехал он к реке, заметил на берегу раскидистый дуб. Решил остановиться под ним, вскипятить чай, отдохнуть и перекусить с дороги. Подошел к дереву — там под раскидистой кроной сидит дервиш.

— Ассалам агалейкум! — вежливо обратился к нему царь.

Дервиш обернулся и, здороваясь, протянул обе руки:

— Вагалейкум ассалам! Присаживайся рядом, странник.

— Сейчас я наберу воды из реки, поставлю чай кипятить, — сказал царь.

— Не надо, не возись. Чаю и у меня достаточно, на обоих хватит. Садись.

— Ладно, — согласился царь.

За скромной трапезой они разговорились.

— В нашей стране творится немало дива-дивного. Иногда происходят такие вещи, что неподвластны здравому разуму, — произнес дервиш. — Ну, сынок, поведай о том, что видел в пути.

— Пересказывать то, что слышал — пустое дело. Лучше расскажу о том, что видел, — начал царь. — А видел я то, как люди землю вспахали, хлеб посеяли, начали жатву. Оглянуться не успел, как они поднесли к собранным снопам огонь и сожгли их. Думаю, что тут заложен какой-то свой особый смысл.

— Эге, хотя ты и одет просто, но, как вижу, человек не простой. Очень наблюдательный и думающий. А тому, что ты рассказал, есть объяснение: когда ты есть — все перед тобой угодничают, но стоит тебе уйти, как сразу стремятся сжечь, то есть избавиться.

Царь мысленно согласился, так как он и раньше замечал подобное поведение со стороны приближенных, окружающих трон.

— Дальше было вот что, — продолжал он рассказ. — Увидел я большую толпу народа, над нею возвышается один человек. Все кричат, и не понять, то ли хотят спустить его вниз, то ли еще что-то сделать.

— Это народ царю кричит, да не может докричаться. Не слышит он. Тебе тоже так будут кричать, — сказал дервиш.

Затем странник поведал о человеке, поднимавшем камни.

— Все это можно истолковать так, сынок, — ответил дервиш. — Кто-то, допустим, никогда в жизни не лгал,

не воровал. Он удерживал себя от греха, думая не только о себе, но об отце и матери, братьях и сестрах: мол, если согрешу, то пятно позора ляжет и на них. Совершить преступление впервые так же тяжело, как поднять тот первый камень. Но тот человек положил камень на камень — и до груди поднял. Если уж один раз солгал, если совершил преступление, то во второй раз сделать это уже легче. А потом человек и вовсе не может остановиться, все ему становится нипочем. Но ты еще не во всем открылся мне. Какая твоя главная цель?

Царь признался:

— Слышал я, что в одном городе живет очень умная и красивая вдова. Я хотел встретиться и поговорить с ней — может быть, она пошла бы за меня замуж.

— Оставь эту мысль, странник. Пустое дело надумал, возвращайся обратно. Эта женщина прошла через объятия многих мужчин, и ни с одним не могла ужиться. Я ее знаю, наша родственница она, — пояснил дервиш. — Неужели в своем городе не сумел ты найти себе пару? Или у вас нет хороших женщин?

— Есть-то есть, много сватов я посылал, да возвращались они с отказом. Никто со мной считаться не захотел.

— Ты ошибаешься, сынок, — возразил дервиш. — Твои сваты не за тебя просили. Они себе забирали тех женщин, которых ты присмотрел.

Запомнил царь слова дервиша. Вернулся домой, устроил проверку. В самом деле, так все и было. Везиры шли от его имени, а невест забирали себе. Если же им не хотели отдавать, то они возвращались с отказом. Он же ни у кого не спросил, кому отказывают, за кого не хотят выдать дочь. В голову ему это не пришло, надеялся, что люди преданные, свои. И вот начал он вызывать к себе сватов по одному, требуя ответа. Пытал тех, кто не признавал свою вину, а тем, кто признался, вынес суровое порицание и даровал жизнь. Свершил он суд над теми своими приближенными, которые при нем притворялись верноподданными, а в его отсутствие готовы были пустить прахом все царство.

Когда во дворце был наведен порядок, царь послал очень надежного человека к той девушке, к которой сватался в самый первый раз, и получил согласие. Мулла прочитал никах, сыграли свадьбу. На свадебном пиру, как и положено, были скачки, состязались борцы, играли кураисты, пели певцы, плясали танцоры.

Бочонками были кумыс, медовуха, много бузы,

Чашу держи, сват, закусывай казы.

В таком веселье прошла неделя. И я на той свадьбе был, кумыс и медовуху пил.

На свете и такое вот происходит.

21. СТАРИК, ОТКАЗАВШИЙСЯ СТАТЬ ЦАРЕМ

В давние времена жили, говорят, старик со старухой. Небогато жили, была у них в хозяйстве всего лишь одна корова. Однажды старик говорит своей старухе:

— Слушай-ка, всю жизнь мы прожили в бедности, давай зарежем корову, позовем гостей, получим их благословение — тогда, может, разбогатеем.

А бабка:

— Ладно, коли так, зарежь корову, позовем гостей.

Зарезал старик корову. Бабка полный котел мяса сварила. Позвали на угощение всех, кого знали. Но никто к ним не пришел — что уж, решили, мы пойдем этих бедняг объедать! Повздыхали старик со старухой: «Нас, бедных, в ауле за людей не считают!» — и сели сами мясо есть. Тут торкнулся к ним нищий старец. Старик-хозяин обрадовался:

— Айда, — говорит, — проходи, дедушка, в красный угол, садись, угощайся!

Когда поели, хозяин говорит:

— Переночуешь у нас.

— Да нет, ночевать я не останусь, — отвечает старец. — Коль у тебя нужда какая появится, я буду в дремучем лесу, найдешь меня там.

Съели старик со старухой свою корову и, когда совсем нечего стало есть, отправился старик в дремучий лес. Шел, шел и видит — у дороги медведь спит. Когда старик поравнялся с ним, медведь открыл глаза.

— Ты куда, старик?

— Да вот в дремучий лес к старцу иду, — отвечает старик. — Нужда у меня к нему.

— Коли так, — говорит медведь, — порасспроси там, как избавиться от моей хвори, у меня всю жизнь голова болит.

— Ладно, — сказал старик и пошел дальше.

Шел, шел и видит — четыре старика на плоском камне поклоны отбивают, богу молятся. Оказалось, так день и ночь молятся, даже колени до крови натерли.

— Вот мы день и ночь молимся, узнай-ка там, в рай мы попадем или в ад, — попросили они.

— Ладно,— сказал старик и пошел дальше.

Шел, шел, и встретились ему четыре всадника. Оказалось — разбойники.

— Куда,— спрашивают,— старик, идешь?

— В дремучий лес, к старцу,— отвечает старик.

— Коли так, спроси-ка вот о чем: мы всю жизнь разбойничаем, грабим, так рай нам уготован или ад?

— Ладно,— сказал старик и продолжал свой путь.

Шел, шел и попал в один город.

— Ты куда, старик, идешь? — спрашивают у него в городе.

— В дремучий лес, к старцу.

— Коли так, узнай-ка вот о чем: у нас царь умер, кто должен стать новым царем?

Отправился старик дальше, вскоре дошел до дремучего леса и отыскал того нищего старца. Поздоровался с ним, как водится.

— Что тебе встретилось в пути? — спрашивает старец.

— Когда я вышел из аула, спустя некоторое время увидел спавшего у дороги медведя. Он ходить не может, голова у него болит, велел узнать, как ему избавиться от хвори,— говорит старик.

А старец:

— Пусть съест голову глупого человека, тем и излечится. Что еще ты видел?

— На плоском камне четыре старика отбивали поклоны. День и ночь они молятся. Велели узнать, в рай они попадут или в ад.

— В ад, потому что у них ум за разум зашел.

— Потом встретились мне четыре разбойника, велели спросить, рай им уготован или ад.

— Этим — рай, потому что разбойник, таясь от людей, не видя жену, детей, отца с матерью, живет в нужде и горести.

— Дальше попал я в один город. Там у них царь умер. Велели узнать, кто должен стать царем.

— В том городе царем должен стать старик, который ходит в драной шапке и ветхом чекмене,— сказал старец.

После этого отправился старик в обратный путь. Пришел в тот город, сообщил, что царем должен стать старик, который ходит в драной шапке и ветхом чекмене.

— Так это ты и есть! — решил народ и потащил старика на царство сажать.

А он воспротивился.

— Нет,— говорит,— не умею я царствовать.

Ну, тогда не стали его неволить, отпустили.

Продолжил старик свой путь домой, повстречался с теми разбойниками, сказал, что им рай уготован. И с теми богомольцами повидался, сказал им, что в ад попадут. Под конец дошел до медведя, сказал, что тот излечится, съев голову глупца.

А медведь:

— Тебя хотели посадить царем, а ты отказался. Ты — самый настоящий глупец.

И взял да съел голову старика.

22. ЙЫЛКЫСЫБАЙ

Жил в одном ауле бай-башкир по имени Ахмет. Поставив в пяти верстах от аула юрту, большую часть жизни проводил он при своем табуне, в котором было с тысячу коней. Табунщиком служил у него надежный человек — батрак Юмагужа. Ахмет этого батрака очень ценил, надеялся на него больше, чем на самого себя, и давал ему полную волю делать в хозяйстве все что угодно. Бай величал батрака Йылкысыбаем.

Однажды Ахмет-бай с аульным его соседом Абдулло-баем собрались съездить в город. Перед отъездом Абдулла выглядел удрученным. Ахмет спросил, в чем причина его удрученности. Сосед пожаловался, что нет у него надежного табунщика и табун останется без пригляда. В ответ на это Ахмет говорит ему:

— Ты, наверно, плохо относишься к своим батракам. Коли сам ты хорош, так и они хороши. Вот есть у меня батрак Юмагужа. Я стараюсь относиться к нему как можно душевней, поэтому и он служит мне от души. Я величаю его за хорошую службу Йылкысыбаем и доверяю ему больше, чем самому себе.

— Э,— говорит Абдулла,— сколько ни доверяй, все они одинаковы. Как бы и твой Йылкысыбай не сыграл с тобой шутку.

Ахмет не согласился с Абдуллою, и они заспорили.

— И твой Йылкысыбай, наверно, плутует, обманывает тебя,— твердит Абдулла.

Ахмет стоит на своем, утверждает, что Йылкысыбай — человек надежный.

— Если я прав, если окажется, что Йылкысыбай ненадежен, что ты мне дашь? — спрашивает Абдулла.

— Если ты прав, если окажется, что Йылкысыбай ненадежен, отдам тебе всю тысячу своих коней, юрту,

все домашнее имущество и Йылкысыбая тоже, — отвечает Ахмет.

Абдулла же, побившись об заклад, пообещал: если окажется, что он не прав, то отдаст замуж за Ахмета обеих своих дочерей и две тысячи рублей впридачу.

Перед отъездом Абдулла сказал дочерям:

— Доченьки, мы вдвоем с Ахметом уезжаем в город. Пока Ахмета не будет дома, подговорите его табунщика Йылкысыбая угостить вас мясом, зарезав косячного жеребца.

— Ладно, атай, сделаем, как велишь, — ответили дочери.

Когда Ахмет с Абдуллою уехали, дочери Абдуллы принарядились, сели на лучших отцовых коней и отправились на яйляу* Ахмета. Подъехали к юрте, кличут Йылкысыбая. Выбежал табунщик из юрты, засмеялся радостно.

— О аллах! — говорит. — То, что ждал я с небес, явилось с земли.

Завел девушек в юрту, выставил вкусные угощения. Поели девушки, попили кумысу и, цепляя слово за слово, доведя Йылкысыбая похвалами до помрачения разума, попросили угостить их мясом, зарезав косячного жеребца. И дали понять, что останутся переночевать, если их желание будет исполнено.

— Ах, душеньки, — ответил Йылкысыбай, — ради вас я не то что косячного жеребца — даже Азбузата* зарезал бы, да на нем бай уехал. Пойду, зарезу косячного жеребца, а баю скажу -- украли, или — волки съели, на худой конец, скажу — утонул.

Когда он вышел, дочери Абдуллы захихикали.

— Хи-хи-хи! Говорят, будто Йылкысыбай не обманывает, вот, оказывается, как он не обманывает!

Поев мяса косячного жеребца, дочери Абдуллы бая переночевали с табунщиком и утром уехали домой. Оказался Йылкысыбай в невеселом положении и начал корить себя:

— Ах, глупец ты, глупец! Увлечшись девчонками, лишил табун такого жеребца! Как я отвечу, когда бай вернется? Постой-ка! Еще дедами нашими сказано: «Коль не с кем посоветоваться, посоветуйся со своей шапкой». Попробую посоветоваться с шапкой.

Надел Йылкысыбай свою шапку на верхушку куста и, представив, будто шапка — это он сам, а он сам — это бай, завел разговор.

— Ассалямагалеюкум!* — поздоровался он, подойдя к шапке. И сам же ответил за шапку:

— Вагалеюкум ассалям!*

— Ну, Йылкысыбай, как ты тут без меня жил? Жив-здоров?

— Слава аллаху, бай-агай. Только все же случилась одна неприятность: волки, будь они неладны, съели косячного жеребца.

— Что ты несешь! Разве такой жеребец поддался бы каким-то там волкам!

«Нет, так не выйдет», — подумал Йылкысыбай и начал разговор заново. Отдал саям, ответил сам же, спросил шапку о своем здоровье и спрашивает за бая:

— Что это, Йылкысыбай, в табуне косячного жеребца не видать?

— Утонул он, бай-агай.

— А где же его шкура, кости?..

Растерялся Йылкысыбай: не знает, как ответить. Третий раз поздоровался, задал вопрос за бая и ответил:

— Украли нашего косячного жеребца.

И сам же возмутился, будто бы он — бай:

— Да как же воры могли его увести, когда у нас такие злые собаки!

Нет, не может выкрутиться Йылкысыбай.

— Ну, шапка, — говорит он, — попробую подойти к тебе еще разок. Коль не найдешь путевого ответа, больше сроду не подойду.

И снова, отдав саям и расспросив о здоровье, говорит за бая:

— Слушай-ка, Йылкысыбай, что-то я не вижу в табуне косячного жеребца. Где он?

А шапка будто бы отвечает:

— Видишь ли, бай, когда ты уехал, ко мне приехали прекрасные, как гурии, дочери Абдуллы-бая и говорят: «Йылкысыбай-агай, если ты угостишь нас мясом, зарезав косячного жеребца, мы с тобой переночуем». Не хватило у меня сил отказать таким красавицам. Зарезал я жеребца. Ты уж прости меня.

— Вот и ладно! — Это он за бая говорит. — Хорошо, что угодил гостям. Так и надо делать.

— Ай да шапка! Славный совет ты мне дала! Будь что будет, — сказал Йылкысыбай, успокоился, надел шапку и ушел в юрту.

Тем временем Ахмет-бай с Абдуллою-баем вернулись из города.

— Ну, как дела, детки? Исполнили, что я велел? —

спрашивает Абдулла у вышедших встретить его дочерей.

— Дело сделано! — отвечают дочери, перебивая друг дружку. — Подговорили мы Йылкысыбая угостить нас мясом, зарезав косячного жеребца. Йылкысыбай, конечно, скажет своему баю — украли жеребца, или — волки съели, на худой конец, скажет — утонул. Мы не только угостились, но и переночевали у него.

— Спасибо, детки! — сказал Абдулла и — скорей к Ахмету. — Ну, — говорит, — полюбуйся, дружок, своим надежным Йылкысыбаем. Чего только он тут не вытворял! Когда мы с тобой уехали, мои дочки, оказывается, отправились на твой яйляу. Йылкысыбай угостил их мясом, зарезав твоего косячного жеребца. Мои дочки спросили, что он тебе скажет. А он ответил, что скажет — украли жеребца, или — волки съели, на худой конец, скажет — утонул. Ты уверял, будто он не обманет, а теперь видишь, каков он? И, надеюсь, ты не забыл, что пообещал, когда мы с тобой побились об заклад?

Ахмет в ответ:

— Мой Йылкысыбай — честный человек. Если и впрямь зарезал, так и скажет — зарезал.

— Вряд ли, — говорит Абдулла, качая головой. — Дело-то больно уж нехорошее.

— А что тут нехорошего? — отвечает Ахмет. — Гости дороже косячного жеребца. Если Йылкысыбай попытается обмануть меня — другое дело. Тогда все, что я обещал, станет твоим.

И вот эти двое отправились к Йылкысыбаю. Вошли к нему в юрту, поздоровались. Ахмет, прикинувшись ничего не ведающим, говорит:

— Мы вот табун оглядели и что-то косячного жеребца не увидели. Где он?

А Йылкысыбай:

— Видишь ли, когда вы уехали, у меня побывали дочери Абдуллы-бая. «Йылкысыбай-агай, если б ты угостил нас мясом косячного жеребца, мы бы у тебя и переночевали», — сказали они. Не смог я отказать девушкам, прекрасным, как райские гурии, зарезал жеребца. Делай со мной что хочешь.

— Ай, кустым, спасибо тебе! — обрадованно вскричал Ахмет-бай. — Хорошо сделал, угодив гостям!

А Абдулла-бай спросил:

— Скажи-ка, Йылкысыбай, вот что: с которой из моих дочерей ты лег?

— Со старшей, — ответил Йылкысыбай.

— Спасибо, оказывается, ты правдив, — сказал Аб-

дулла-бай и тут же сговорился выдать старшую дочь за Йылкысыбая, а младшую — за Ахмета, дав по пятьдесят тысяч рублей приданого.

Благодаря своей честности, а также прямоте Йылкысыбай разбогател и до сих пор, говорят, жив-здоров.

23. НАУШИРВАН СПРАВЕДЛИВЫЙ И ХАТАМТАЙ ЩЕДРЫЙ

Жил некогда царь по имени Науширван, царствовал в персидском вилайете*. Был он, скажу я тебе, настолько правдив и честен, что другого такого человека не было во всем мире. Поэтому народ именовал его Науширваном Справедливым.

Жил в те же времена еще один достойнейший муж, Хатамтай. Равных ему по части щедрости не нашлось бы и во всей Вселенной. По этой причине и старый, и малый величали его Хатамтаем Щедрым.

Науширван Справедливый и Хатамтай Щедрый крепко дружили меж собой, и каждый из них почитал другого. Но злыязычные люди разными наговорами нарушили их дружбу, вызвали вражду. И однажды Науширван Справедливый в сердцах вскричал:

— Я — царь! Пусть Хатамтай склонит голову к моим ногам, иначе я погублю его!

Дошли его слова до слуха Хатамтая, и Хатамтай сказал:

— Нет у меня, свободного человека, нужды склонять голову к его ногам. Не признаю я таких царей.

Теперь весть об этом довели до Науширвана. Распался царь и вознамерился отомстить за дерзость.

Владел Хатамтай скакуном по прозвищу Актамак, равных которому мир еще не знал. До того, скажу я тебе, быстроногий был конь, что месячный путь одолевал за день. Науширван Справедливый, разозлившись на Хатамтая Щедрого, дал обет: «Либо голову его получу, либо — скакуна!»

У царя была дочь, столь, скажу я тебе, прекрасная, что красавицы из красавиц стеснялись показываться рядом с ней. И вот Науширван Справедливый, собрав свой народ, вдруг объявил:

— Соплеменники! Я, Науширван Справедливый, должен наказать Хатамтая. Коли он, человек низкого звания, не склоняет голову передо мной, царем, и коли я не покажу миру свою царскую власть, то какой, сами посудите, у меня, сидящего на троне, будет авторитет? Эй, народ,

кто доставит мне либо голову Хатамтая, либо, на худой конец, его скакуна, того женю на единственной своей дочери.

В этом царстве в ту пору жил один бедный егет. Был он не из робких и лицом красивый. «Добра у меня нет, терять тут нечего. Выпадет счастье, так женюсь на царевне, не выпадет, так и умереть не жалко», — решил этот егет и, поклявшись доставить либо голову Хатамтая, либо, на худой конец, его скакуна, отправился в путь.

Едет егет и думает: «Сделаю свое дело, не заезжая к Хатамтаю — подкараулю его где-нибудь или заеду прямо к нему, погощу, а ночью, когда заснет, отрежу голову». Ехал он, размышляя так, ехал и доехал до одного аула. Тут из крайнего дома вышел мужчина.

— В какую сторону к Щедрому ехать, где примерно он живет? — спросил у него егет.

— Зачем он тебе? Что у тебя за дело к нему?

— Я — человек бедный и увечный. Не подаст ли, думаю, Щедрый что-нибудь во имя милосердия, — ответил егет.

Тогда незнакомец объяснил, как доехать до аула, где живет Щедрый, и егет благодаря этому вскоре предстал перед самим Хатамтаем.

У Хатамтая Щедрого не было под рукой другого животного, чтобы зарезать для угощения гостя, кроме этого необыкновенного коня, все раздал людям. И Хатамтай зарезал своего скакуна, наварил мяса, накормил егета до отвала, и все делал сам, хлопотал, оказывая гостеприимство, как усерднейший из усердных слуг. Когда подошло время ложиться спать, своими руками постелил постель и уложил гостя. Потом лег сам и уснул.

А егет, изумленный щедростью Хатамтая, думал: «Горе мне! Замыслил убить из-за девушки такого хорошего человека! Не принесет мне это дело славы! Хоть и не убью его, какая-нибудь девушка для меня найдется, а столь щедрого мужа больше не найти!» Думал он так, думал и горько заплакал. Хатамтай, услышав плач, проснулся и спрашивает:

— О, мой драгоценный гость, почему ты плачешь?

Егет, ничего не утаив, рассказал, зачем он приехал. Хатамтай, выслушав его, сильно огорчился.

— Вай, — говорит, — какая жалость! Из двух возможностей у тебя осталась только одна!

— Я отказался от своего намерения, — отвечает егет, плача.

А Хатамтай опять:

— Вай, какая жалость! Скакуна-то я зарезал. Остается только, коли это тебя устроит, пожертвовать головой.

Сказав так, вскочил Хатамтай с места, схватил висевший на кирэгэ* кинжал, приставил к горлу — собрался сам себе голову отрезать. Ладно еще его жена, вскочив следом, отвела его руку.

— Опомнись,— говорит,— Щедрый!

А Хатамтай:

— Не мешай! Гостю нужна моя голова.

Не отступилась жена.

— Подумай-ка,— говорит,— ведь ты принял ошибочное решение. Пока гость довезет голову до царя, лицо изменится, царь не признает твою голову, а коль и признает, может совершить злодейство — отказаться от обещания выдать дочь за этого бедного егета. Лучше отдать гостю голову вместе с телом, живьем-то уж ты наверняка принесешь пользу.

Найдя слова жены вполне убедительными, Хатамтай надел себе на голову недоуздок и протянул повод егету. Как ни отнекивался егет, не принял Хатамтай его возражений, заставил-таки повести себя к царю на поводу, да еще и со связанными руками.

Много дней они шли, немалый путь одолели, немало вод пересекли, пока дошли до города, где царствовал Науширван Справедливый. Прослышав, что такой-то егет ведет Хатамтая Щедрого, царь сам выехал им навстречу. Выехал и видит: руки у Хатамтая связаны, на шее — веревка, на голове — недоуздок,— и впрямь бедный егет ведет его на поводу. Изумленный всем этим царь спросил у егета:

— Как ты его поймал?

Егет, ничего не упустив, поведал обо всем, что пережил, что видел и слышал. У Науширвана Справедливого душа, видать, переполнилась — заплакал царь, слушая рассказ егета. Выплакавшись, сказал:

— Воистину щедр тот, кто, оторвав от себя последнее, отдает другому. Найдется ли еще муж, готовый, подобно Хатамтаю, отдать даже собственную голову?

В свою очередь Хатамтай Щедрый сказал:

— Хочешь, мой падишах,— отсеки мне голову, хочешь — преврати меня в раба, только уж, пожалуйста, исполни то, что обещано этому егету.

Куда Науширвану Справедливому деваться — не ограничиваясь выражением восхищения щедростью Хатамтая Щедрого, подтвердил обещание выдать дочь за этого самого егета. Потом снова сказал:

— Хатамтай ради щедрости не пожалел головы. Коли я, не сумев подавить свою злость, убью его, то потеряю в глазах народа право именоваться Справедливым.

Сказав так, освободил он Хатамтая от пут и принял его в свои объятия. И вернулась их дружба.

После этого, говорят, оба они прожили долгую жизнь, дошли до конца земного пути в полном согласии и переселились в мир вечного блаженства.

24. ХАТАМТАЙ

В старину правил страной царь Хатамтай. Однажды, сидя вдвоем с везиром, начал он хвастаться:

— Нет на свете человека щедрей меня!

— Милости твои бесконечны, однако в щедрости ты уступаешь кое-кому,— возразил везир.— В двух месяцах пути отсюда есть царица, вот она действительно щедрая.

Нахмурился царь, промолвил:

— Если твои слова подтвердятся, я сделаю тебя главным везиром. Если они неправдой окажутся, голову отрублю.

Переоделся он нищим, вскочил на коня и добрался до страны, где правила царица. Зашел во дворец просить милостыню. Царица дала ему золотой. Кроме Хатамтая к ней заходили и другие нищие, и всем она давала по золотой монете. Царь некоторое время спустя опять заявился во дворец, снова попросил милостыню.

Царица сказала:

— Я могу еще и еще раз дать тебе подаяние, но ты не похож на нищего. Почему ходишь в таком обличье?

— Я пришел испытать тебя,— признался Хатамтай.— Я ведь тоже царь и тоже славлюсь щедростью. Тем не менее не в состоянии давать каждому входящему по золотой монете. Открой тайну, откуда можно напастись столько золота на каждого?

— В двух месяцах пути отсюда живет сапожник. Один раз кольнет шилом — засмеется, другой раз — заплачет. Если разузнаешь причину, я отвечу на твой вопрос,— поставила условие царица.

Хатамтай снова отправился в двухмесячный путь. Нашел того сапожника. Он действительно, один раз кольнув шилом, громко смеялся, кольнув во второй раз, горько плакал. Царь начал допытываться о причине. Сапожник сказал:

— В двух месяцах пути отсюда живет муэдзин. Сперва намочит в воде рубаху, затем поскорее взбирается на

минарет, чтобы прокричать азан* — призыв к молитве. Как рубаха на нем высохнет, бегом спускается вниз, снова окунает ее в воду и спешит на минарет, заново начинает кричать азан. Если узнаешь, почему он так делает, я открою тебе свою тайну.

Добрался царь до муэдзина, спросил:

— Почему ты так делаешь?

Муэдзин ответил:

— В двух месяцах пути отсюда один купец каждый день толчет в ступе бриллиант величиною с куриное яйцо. Истолчет в пыль, а как пробьет девять часов вечера, развеет ту пыль по ветру. Узнай в чем дело, тогда я о себе расскажу.

Отыскал царь купца, поинтересовался:

— Почему пускаешь на ветер драгоценности?

Тот говорит в ответ:

— В двух месяцах пути отсюда в песчаной пустыне нагишом бегают егет. Как завидит человека, бежит от него прочь. Узнай, что с ним, тогда услышишь мой рассказ.

Провел Хатамтай два месяца в пути, достиг песчаной пустыни. Увидел того егета. Совершенно он голый. Хотел убежать и спрятаться. Царю едва удалось догнать его. Остановил.

— Егет, почему ты один-одинёшенек бегаешь по пустыне?

Егет начал рассказывать:

— Я ездил в соседний аул, где учился в медресе. Однажды, возвращаясь домой, заночевал в попавшемся на пути ауле. Там в большом богатом доме жил одинокий старик. К нему попросился на квартиру. Утром старик куда-то ушел, предупредив: «Егет, ешь, пей. Жди моего возвращения. Только ни одну дверь не открывай». Остался я в доме один, скучно стало. Подошел и открыл первую же дверь. Распахнул — а там красивая девушка сидит. Вошел я к ней. С первого взгляда влюбился, и она меня очень полюбила. Неподалеку было озеро. Вышли мы туда прогуляться. Девушка сказала: «Егет, ради всех святых не ныряй в воду». А я про себя подумал: хозяин запретил мне открывать двери, я открыл и нашел вон какую красавицу. Если не послушаюсь и нырну в воду, то, может быть, найду еще что-нибудь прекрасное. Спрыгнул с берега, нырнул и... очутился в этой песчаной пустыне. Обратного ходу нет, здесь остался. Одежда давно износилась, вот и приходится ходить голым.

— Почему не пойдешь к людям? — с жалостью спросил царь.

— Очень я скучаю по той девушке. Как завижу какого-нибудь человека, еще больше по ней тосковать начинаю. Потому и прячусь от всех.

Вздыхнул царь, двинулся в обратный путь. Добравшись до купца, в девять часов вечера отправился к его лавке. Купец разбил в ступе бриллиант величиной с куриное яйцо, истолок его в пыль и развеял по ветру. Хатамтай поведал ему историю егета, живущего в песчаной пустыне, задал вопрос:

— Теперь ты скажи, почему такое богатство на ветер пускаешь?

— Отныне больше не стану делать этого, улыбнулся купец и повел свой рассказ: — У отца я был единственным сыном. Что есть на свете дурного — все я делал. Денег у меня было много. Советов отца не слушался, пил и гулял. С большими деньгами имел много друзей, души они во мне не чаяли. Мать умерла. Потом и к отцу подобралась смерть. Перед тем, как покинуть белый свет, он сказал, мне: «Эй, сынок, помираю я. Как меня не станет, деньги у тебя быстро кончатся. А без денег друзья любить перестанут, все они бросят тебя, и ты, стыдясь перед ними, сам на себя наложишь руки». Я только посмеялся в ответ: «Хе, разве верные друзья бросят меня?» Отец свое твердит: «Напрасно ты не веришь мне — бросят. Все до одного отвернутся. От стыда ты сам себя убьешь. Запомни мой совет: когда надумаешь повеситься, петлю продень в кольцо, прибитое мной к матице». Скоро он умер. С полсотни друзей у меня было, не меньше. С егетами и девушками гуляли мы в вольной степи, потешая душу. Тут у меня кончились деньги. Я не в состоянии оказался платить столько, сколько платили они. Тогда они оставили меня у костра варить индюшек, а сами отправились играть и веселиться с девицами. Затосковал я, задумался и не заметил, как какая-то большая птица схватила одну индюшку и улетела. Вернулись друзья обедать, считают: индюшки недостает. Один из самых близких друзей, рассердясь, ударил меня по лицу, презрительно крикнул: «Доверили тебе обед, куда же ты смотрел?» От обиды и стыда я готов был сквозь землю провалиться. Хотел утопиться в протекавшей рядом речке, но вспомнил наказ отца. Покуда он был жив, ни одного его совета не слушался. Теперь решил: хоть перед смертью исполню то, что он завещал. Вернулся домой. Продел веревку в кольцо, прибитое к матице, надел петлю на шею, мысленно попрощался со своей горькой жизнью. И тут от рывка кольцо оторва-

лось, матица треснула и что-то со звоном посыдалось на пол. Глянул я — это были спрятанные отцом золото и бриллианты. Среди них и записку нашел, написанную отцом: «Вот видишь, сынок, я оказался прав. Как поступили с тобой друзья? Теперь, надеюсь, поумнеешь. Неверным друзьям отомсти. Открой торговую лавку и каждый вечер один из бриллиантов истолки в пыль, развей у всех на виду по ветру. Видя это, предавшие тебя друзья пожелтеют и высохнут от зависти». Сегодня я в последний раз поступил так, ибо из тех бывших друзей почти никого в живых не осталось, повысохли от зависти.

Отправился царь дальше, дошел до муэдзина. Посвятил его в историю купца и попросил раскрыть свою тайну.

— В одном из аулов я учился в медресе, — начал рассказывать муэдзин. — Каждый день на рассвете, дразня тамошнего богатого муэдзина, я опережал его, выкрикивая с минарета азан. Однажды так же проснулся чуть свет, пораньше побежал к мечети и вдруг полился очень сильный дождь. Одежда на мне мгновенно промокла. Взобрался я на минарет, а с меня вода ручьями течет. Вдруг появилась какая-то огромная птица, схватила меня и унесла с собой. Бросила меня та птица посреди какого-то огороженного кладбища. А в это время, не заметив меня, пришли с тяжелой ношей три человека, закопали ее в одну из могил. Я лежал, притаясь у ограды. С рассветом, как солнце взошло, на кладбище набежало множество людей. Схватили меня, связали по рукам и ногам, понесли с собой. А я не понимаю их языка. Птица, оказывается, принесла и бросила меня в другое царство. Нашелся толмач, сказал мне: «Сегодня ночью исчезла дочь царя. Подозревают, что ее украл ты». Я рассказал ему все о себе, упомянул про тех людей, которые что-то закопали на кладбище. Пошли раскапывать — а там, оказывается, дочь падишаха. Она еще не умерла, осталась жива. А падишах, как выяснилось, обещал выдать дочь за того, кто найдет ее. Вот и женил меня на ней. Начал я с ней жить. Из дворца меня никуда не выпускали. Жил словно в плену. Однажды я сбежал, намочил рубаху в воде и стал поджидать ту птицу, чтобы отнесла она меня обратно. Птица в самом деле появилась, вернула меня в аул, где я учился. Но теперь мне хочется вернуться обратно к дочери падишаха, как-никак моя жена. Каждый день жду появления птицы. Раз у меня тогда рубаха была мокрая, постоянно окунаю ее в воду, чтобы не просыхала, только вот птица до сих пор не летит.

От муэдзина царь отправился к сапожнику. Рассказал ему историю бедняги-муэдзина. Тогда сапожник о себе начал говорить.

— Была у меня жена, да такая благочинная, что по пять раз на дню намаз читала, держала уразу. Когда выходила покормить кур, надевала шаль и перчатки. «Почему ты это делаешь?» — спрашивал я. Она, потупясь, отвечала: «Там есть петух-греховодник, не хочу показывать ему свое тело». Такая праведница была моя жена.

Как-то раз вышел я на улицу постоять с мужчинами. Они судачили о своих женах: у того, мол, такая, а у другого этакая. Вступил в разговор и я, хвастаюсь: «Жены, конечно, бывают всякие, но у меня такая скромная, такая воспитанная, пятикратный намаз совершает, ни одну уразу не пропускает». Тогда один усмехнулся, говорит: «Если хочешь испытать жену, попробуй одну ночь не заснуть». Я возмутился: «Как ты смеешь плохо думать про мою жену, возводишь на нее напраслину?» Вернулся домой. Вечер наступил, стемнело. Лег я спать, вспомнил про тот разговор и подумал: «Дай-ка в самом деле проверю жену». Закрыл глаза, притворился спящим. Долго лежал так, борясь со сном, решил, что понапрасну мучаюсь, только хотел заснуть, как вдруг жена среди ночи встала, прислушалась к моему дыханию, слегка толкнула, убеждаясь, сплю ли я. Потом умылась душистым мылом, натерлась сандаловым маслом, намазалась румянами, надела лучшие наряды и украшения, тихонько выскользнула на улицу. Я поднялся с постели и тайком последовал за ней. Вижу, вошла моя жена в окраинный дом с единственным окошком. Прильнул к нему, наблюдаю. А там полным-полно всяких негодяев: воры, головорезы, разбойники. Окружили мою жену, ругают: «Почему сегодня поздно пришла?» Она отвечает: «Мой недоносок, будь он проклят, почему-то долго не мог уснуть». Посмотрел я, как они пили и гуляли, потом вернулся к себе, лег в постель. Некоторое время спустя вернулась жена. Смыла с себя румяна и сандал, спрятала наряды. И уже на рассвете улеглась рядом. Я сделал вид, будто ничего не знаю. Утром она сделала тагарат, прочитала намаз, затем надела на руки перчатки, накинула на лицо шаль. Тогда я спрашиваю у жены: «Ты куда?» «Кур покормить», — ответила она. «Разве для этого требуется надевать перчатки и накрываться шалью?» Она со смиренным видом говорит: «Ай, душа моя, во дворе ходит петух-греховодник, стыдно показываться перед ним открытой». Тут я напрямик спросил: «А разве то, что ты делала

нынешней ночью, не греховодное дело?» Ох, как взвилась она, как принялась метать громы и молнии. Сказала: «Я оставлю тебя в живых лишь потому, что человек ты хороший». И ушла. С той поры, лишь вспомню, как она встала на дурной путь, то плачу. А когда вспомню, как она надевала перчатки и шаль, считая петуха греховодником, то начинаю смеяться.

Сапожник закончил свой рассказ. Царь Хатамтай распростился с ним, отправился в дальнейший двухмесячный путь. Приехал к царице, изложил ей историю сапожника. Тогда эта женщина тоже принялась рассказывать:

— Я была единственной дочерью царя. К нам часто приходил старый ишан*. У него на кожаных туфлях были пришиты маленькие колокольчики. «Дедушка ишан, почему на твоих туфлях есть колокольчики, а у других людей нет?» — поинтересовалась я, а он с ясной улыбкой на лице ответил: «По земле ползает очень много всяких букашек, муравьев и прочих мелких тварей. Мы, люди, топчем их, берем на душу грех. Поэтому, чтобы нечаянно не наступить на них, я ношу туфли с колокольчиками. Они слышат звон и разбегаются, совесть моя перед ними чиста». Однажды я заболела. Во дворец вызвали ишана. Он лечил меня шептаньем и заговорами. После его ухода обнаружилось, что у отца пропали бриллиантовые четки. Отец велел обыскать весь дворец — четки не нашлись. После выздоровления меня выпустили в сад погулять. Я зашла к ишану и увидела у него эти бриллиантовые четки. Вернувшись, сказала отцу: «Атай, а я твои потерянные четки видела у ишана-бабая». Отец приказал произвести обыск у него. Во время обыска в погребах у ишана было найдено несметное количество золота. Предав ишана казни, отец забрал себе все его богатство. Выяснилось, что ишан был главарем бандитов, грабил народ. Когда отец умер, вместо него править страной стала я. Вот с той поры возвращаю народу лишь то, что было награблено ишаном.

Хатамтай, распрощавшись с царицей, уехал в свою страну. Того везира, как обещал, сделал своим главным везиром.

25. ЛУКМАН ХАКИМ

В давние-давние времена в одном царстве-государстве был обычай убивать стариков. Жил в этом царстве очень ученый человек по имени Лукман Хаким. Царь

возненавидел ученого за то, что он много знает, и, решив известить его, придумал хитрость. Хитрость удалась. Объявив Лукмана Хакима колдуном, царь приказал сбросить его в глубокий колодец и засыпать землей.

Вскоре после того, как Лукмана Хакима закопали, коварный царь умер. Сидит теперь на троне другой. Однажды, когда новый царь ел мясо, в горле у него застряла кость. Созвали разных лекарей — никто вытащить кость не может.

Был в этом царстве старик, который немало пожил и немало повидал. Царь велел спросить у старика, не знает ли он кого-нибудь, кто мог бы помочь в беде. Старик посланному к нему везиру сказал:

— Семь лет тому назад был у нас очень ученый человек — Лукман Хаким. Царь приказал сбросить его в колодец и закопать за то, что он много знал. Может быть, он нашел возможность выжить под землей. Ежели кто поможет, так только он.

Царь приказал откопать мудреца. Выжить Лукман Хаким выжил, но был сильно изнурен. Когда ему сообщили, в какую беду попал царь, Лукман Хаким сказал:

— У царя есть сын. Пусть он прикажет зарезать сына и поест его мяса. Тогда кость выскочит.

Передали эти слова царю, а тому жалко единственного сына.

— Коль с дерева срезать листок, вырастет новый, а коль подрубить корень — дерево засохнет. Не жалея сына, прикажи зарезать. Будешь сам жив — народятся дети, — сказал один из везиров.

И царь согласился пожертвовать сыном. Лукман Хаким, приготовив ребенка к закланию, отгородился от царя занавеской и велел незаметно принести овцу. Принесли овцу. Лукман Хаким полоснул ее ножом. Кровь овцы брызнула на царя, сидевшего в слезах за занавеской.

— Ах! — вскрикнул царь, решив, что его сына зарезали, и кость выскочила из горла.

Всех стоявших тут людей изумила умная хитрость Лукмана Хакима. Царь, узнав, что сын жив-здоров, радоваться не мог и велел устроить пир на весь мир. На пир со всех сторон съехалось много народу. Царь при всем народе благодарил Лукмана Хакима, наделил его богатством, сказав:

— Живи в радости и довольстве, не зная нужды.

С тех пор стали стариков беречь.

Лукман Хаким, говорят, и поныне горя не знает, живет в радости, исцеляя хворых.

26. СТАРИК, ХЫЗЫР И ЦАРЬ

Жили, говорят, в прежние времена старик с дочерью. Однажды старик отправился путешествовать и вернулся из путешествия невеселый.

— Ты что, атай, такой невеселый? — спрашивает дочь.

— Ах, дочка, дочка! — отвечает отец. — Встретился мне в пути царь и говорит: «Ассалямагалеюм, старик! Вот тебе, старик, задача: покажи мне святого Хызыра¹ на этом свете. Коль покажешь, дам тебе много всякого добра, не покажешь — отрублю голову». Подумал я, подумал и сказал: «С соизволения свыше увидишь через сорок дней».

— В таком случае, — говорит дочь, — ты сиди сорок дней, моли небо, а по хозяйству я одна похлопочу.

Старик, говорят, сидел сорок дней, молил небо.

На сороковой день царь прислал за стариком везира с конем в поводу.

— Тебя, — говорит везир, — царь вызывает.

— Ладно, сынок, ты поезжай, а я следом потихоньку доеду, — ответил старик.

— Ну, атай, счастливой тебе дороги! — пожелала дочь, провожая отца.

На пути к царю встретился старику молодой егет.

— Ассалямагалеюм, бабай! — говорит егет. — Куда путь держишь?

— Царь меня вызвал, сынок, — отвечает старик. — Я пообещал ему показать святого Хызыра. Он сказал: «Коль покажешь, дам тебе много всякого добра, не покажешь — отрублю голову».

— Раз так, ты к нему, бабай, не ездь, — говорит егет.

— Нет, сынок, поеду, — говорит старик. — Я обещал приехать и сдержу слово, ведь это — дело чести.

— Тогда, может, и меня с собой возьмешь? — спрашивает егет.

— Айда, айда, сынок, пожалуйста, — отвечает старик.

Приехали они, входят оба в царский дворец.

— Ага, приехал! — говорит царь.

— Приехал, сынок, приехал, — отвечает старик.

— Срок истекает, а ты еще не показал мне святого Хызыра, — говорит царь.

— С соизволения свыше увидишь, потерпи, — отвечает старик и начинает молиться, время тянет. А тот егет стоит в сторонке.

За столом сидели три царских везира.

— Ну, — говорит им царь, — сорок дней прошло, что будем делать с этим стариком?

— Вымажем ему лицо сажей, поведем, избивая кнутом, по улицам и забьем до смерти, — отвечает первый везир.

— Ты что посоветуешь? — спрашивает царь у второго везира.

— Не стоит водить по улицам, — отвечает тот. — Без лишних хлопот изрубим его тут на куски.

— Ну, а ты что скажешь? — спрашивает царь у третьего.

— Что мы выгадаем, убив старика? — отвечает третий везир. — Он честно приехал, давайте отпустим его с миром.

Пока они так переговаривались, тот егет стоял в сторонке, слушал, а потом подал голос.

— Эй, падишах мой, султан мой! Твой первый везир предложил эту казнь потому, что так была убита его мать. Что человек ребенком узнает, то в его душе прививается. Отец второго твоего везира был мясником — сыну передались его повадки. А у третьего отец был добрый, справедливый человек, вот и от сына мы услышали самые добрые и справедливые слова, — сказал догадливый егет и, пока остальные пришли в себя, исчез.

— Видел? — спрашивает старик у царя. — Это и был святой Хызыр.

Царь, оказав почести, одарив старика, отправил его домой.

Старик с дочерью прожили, говорят, долгую жизнь.

27. ДОГАДЛИВЫЕ БРАТЯ

Давным-давно жили, говорят, три брата. Было у них два верблюда. Братья держали верблюдов в очень высокой загородке. Однажды ночью верблюды пропали.

— Эй, братцы, — говорит старший брат, — забор у нас очень высокий, наверно, и вор высокий.

— Раз высокий, наверно, куся*, — говорит средний брат.

— Раз — куся, наверно, имя его — Муса, — говорит младший брат.

Решив так, пошли искать человека по имени Муса. В пути им встретился высокий безбородый человек.

— Как тебя звать? — спрашивают братья.

— Мусой, — отвечает встречный.

— Ага, попался! — обрадовались братья. — Чуть не задеваешь небеса, рожа шире колеса, имя — Муса. Давай наших верблюдов!

— Нет у меня ваших верблюдов,— отвечает Муса.

— Пошли тогда к казию,— сказали братья и потащили Мусу к судье.

Рассказали судье все, как было. Судья велел братьям выйти, зажал в кулаке просяное зернышко и позвал их обратно.

— Что,— спрашивает,— у меня в руке?

— Наверно, что-то круглое,— говорит старший брат.

— Маленькое, как росинка,— говорит средний брат.

— Раз маленькое, как росинка, наверно, просинка,— говорит младший брат.

Раскрыл судья кулак, а там — просинка.

— Иди, верни им верблюдов,— велел судья Мусе.

— Эй, братья, я угнал их чуть свет, айдате, верну,— сказал Муса и повел братьев за верблюдами.

Так три брата благодаря догадливости нашли своих верблюдов и доныне, говорят, дружно тянут воз житейских забот: один скажет, другой добавит, третий подтвердит.

28. ТРИ КАРАВАЯ ХЛЕБА

В давние-предавние времена был, говорят, один царь. Однажды вызвал он своих везиров и приказал:

— Найдите самого хорошего в моем царстве человека и позовите ко мне. И самого никудышного тоже позовите. Хорошего я награжу, а плохого накажу.

И был еще в том царстве один старик. Услышал он фарман* и сам отправился к царю. Приходит во дворец и говорит:

— Я пришел по твоему велению. Не знаю, что у тебя за нужда в таком никудышном человеке, как я. Коль хочешь что спросить — спроси и дай мне пару кусочков хлеба.

Царь, выслушав его, говорит:

— Гляжу я на тебя, старик, и думаю: нет, наверно, на свете человека хуже, чем ты. На одежду твою страшно взглянуть. Скажи-ка, есть ли в тебе хоть что-нибудь хорошее?

Старик, недолго думая, отвечает:

— Не так уж я плох, а вот ты — хуже некуда.

Вскочил царь в гнев, за саблю схватился. Но к этому времени уже собрался поглядеть на старика народ.

— Не трожь его, пусть говорит,— зашумел народ.— Успеешь казнить.

Царь сел на место и велит старику:

— Ну, говори, что в тебе хорошего.

— А вот что,— отвечает старик.— Я разбираюсь в драгоценных камнях, породистых лошадях и родословных царей.

Царь тут же приказал везирам рассыпать по полу царские драгоценные камни. Те вскоре усыпали ими весь пол.

— Ну, как тебе нравятся эти камешки? — спрашивает царь.

— Все твое богатство поддельное. Это простые стекляшки,— отвечает старик.

Опять вскочил царь в гневе, опять замахивается на старика.

— Не спеши, царь. Убив меня, ты ничего не выгадаешь. Вот посмотри — знание принесет тебе пользу,— говорит старик и давай лупить палкой по царским сокровищам. Бьет и разбивает вдребезги, бьет и разбивает.

Камешки-то лишь сверху блестели, как драгоценные, а внутри — обыкновенные стекляшки.

Растерялся царь, видя такое дело.

— Вот они — твои сокровища,— говорит старик.— Обманщики дарили их тебе под видом драгоценных камней.

— Каким хорошим стариком ты оказался! На тебе за это,— говорит царь и дает старику целый каравай хлеба.

Старик, обрадовавшись, наелся досыта.

— Ты ведь, старик, сказал, что разбираешься в породистых лошадях,— говорит царь и приказывает везирам вывести из конюшни своего Вороного, чтобы старик оценил его.

Старик отправился к речке, велел привести коня туда. Вскоре будто гром загредел и колокольцы зазвенели — это вывели из конюшни украшенного золотом царского тулпара. Ведут его к речке, следом царь идет и народ валит.

Старик велел завести коня в воду. Завели. Посмотрел старик, посмотрел и говорит:

— Конь твой, царь, не конь. Он хуже ишака.

Царь покраснел и, не зная куда со стыда деться, закричал:

— Отведите коня на место!

Потом спрашивает у старика:

— Чем же плох мой конь?

— Тем,— отвечает старик,— что, войдя в воду, прежде чем напиться, он справил нужду. Хороший конь так не делает: сначала пьет, а потом справляет нужду.

Рассердился царь, приказал зарезать коня. И говорит старику:

— Очень хороший ты старик, на тебе еще один каравай.

Вернувшись во дворец, царь опять обратился к старику:

— Ну, старик, ты говорил, что знаешь родословную царей. Скажи, какого я роду.

Поглядел старик на царя, поглядел и говорит:

— Пусть все отсюда выйдут, останутся только везиры.

Народ вышел из дворца, остались только везиры. Тогда старик еще раз глянул на царя и говорит:

— Ты ведь, царь, не царского роду. Твой отец был пекарем.

Царь разъярился, не знает, что делать. Вот-вот зарубит старика саблей.

А старик говорит:

— От того, что зарубишь меня, никакой пользы не будет, я и так одной ногой в могиле стою. Ты, царь, сначала выясни правду, а потом маши саблей. Далеко отсюда, за семью горами, за семью реками, есть город. Там живет столетняя старуха. Это — твоя мать, жена пекаря. Пошли туда везиров, пусть они разберутся.

Послал царь везиров, и в мгновение ока добрались они до того города, нашли дом старухи. Вошли в дом и говорят:

— Ты, бабка, не бойся нас, мы тебя не тронем. Только скажи нам вот что. Вдалеке отсюда, за семью горами, за семью реками, царствует наш царь. Ему один дрянной старик сказал: «Ты, царь, не царского роду, твой отец был пекарем, коль не веришь, спроси у матери». И указал на тебя. Скажи, бабка, правду — верно ли это.

Выслушала бабка везиров и говорит:

— Верно, сынки. У царицы рождались все дочери да дочери. Однажды, когда царица опять затяжелела, царь сказал ей: «Коль родишь дочь, я тебя убью. Мне нужен сын, чтобы после себя царем оставить. Роди мне сына». Но что поделаешь, опять у царицы родилась дочь. А у меня как раз в тот день родился сын. Узнав об этом, царица прислала мне десять пудов муки, вдобавок — золота, просит обменяться младенцами. Ну, я ее и пожалела, обменялась. Мое дитя теперь — ваш царь.

Услышав это, пораженные везиры вернулись к царю, пересказали все слово в слово. Царь тоже изумился. «Как, — думает, — старик узнал про это?» Дал старику еще один каравай хлеба и спрашивает:

— Скажи теперь, как ты узнал, что я — сын пекаря?

— Догадался,— отвечает старик.— Ты каждый раз награждал меня караваем хлеба, потому что твой отец был пекарем.

Подивился царь догадливости старика, дал много подарков, дом ему построил.

— Ты уж,— говорит,— никому не рассказывай, что я — сын пекаря.

29. ШАКИР

В прежние времена жили в одном ауле муж с женой. Был у них сын единственный, Шакиром звали. Из-за бедняцкой своей нужды отец послал сына в город, чтобы он там немного подзаработал. Поработав в одном городе, скопил Шакир три рубля и пошел в другой город. Придя туда, присел на улице на скамейку. Сидит, смотрит. И видит, что люди почему-то все в одну сторону потянулись.

— Куда это народ идет? — спросил егет у прохожего.

— В городском саду есть школа, там учатся играть в шахматы,— ответил прохожий.

Подумал егет, подумал и тоже направился к дверям этой школы. Спросил у учителя:

— Сколько, интересно, вы возьмете, коль и меня научите?

— За все обучение берем три рубля,— ответил учитель.

Поговорив с ним, поступил Шакир в эту школу и научился играть в шахматы так здорово, как никто другой во всей округе не умел. После этого вернулся он в свой аул. Одежка-обувка у него сильно поизносилась.

Отец с матерью наскребли денег, отправили его еще в один город. Добравшись, опять сидит егет на скамейке и видит: люди гурьба за гурьбой спешат куда-то к окраине города.

— Зачем они идут туда? — спросил Шакир у прохожего.

— Там есть школа,— ответил тот.— Это такая школа, где учат играть на всяких музыкальных инструментах.

Тогда и егет наш пошел в эту школу.

— Сколько,— спрашивает,— берете за то, что учите?

— Три,— отвечают,— рубля за все время.

Принялся егет учиться игре на разных инструментах и так старался, что не было никого другого, кто бы его

превзошел. Вернулся к отцу-матери, став хорошим музыкантом.

Отец с матерью, когда сын вернулся, опять наскребли денег и третий раз послали его в город. И опять егет поступил учиться. Учился так хорошо, что никто другой сравняться с ним не мог. Выучившись, вернулся в отцовский дом, но чему учился — отцу-матери не сказал.

Родители Шакира по бедности своей, чтобы как-то денег заработать, пускали к себе на постоя проезжих путников. Однажды остановился у них попить чай бай, хозяин верблюжьего каравана. Отец отдал Шакира этому баю в услужение за прокорм. Посадил бай егета верхом на верблюда, и отправились они в далекий путь. Шел караван, шел и оказался в песчаной пустыне. Истомила их в пустыне жажда, пока не нашли колодец. Стали доставать воду, но из-за того, что верблюды пили много, вода в колодце быстро убыла. Зачерпывалось уже только по полбадейки, потом еще меньше. Тогда обвязали Шакира по поясу веревкой, спустили в колодец. Он начерпывал воду в бадью и отсылал наверх.

Но вода совсем иссякла. Егет принялся раскапывать дно колодца. Копал, копал, глядь — золото выкапывает.

— Тут золото есть! — кричит егет баю.

— Клади его скорей в бадью! — кричит бай.

И вот Шакир наполняет бадью за бадьей, а наверху грузят золото в возы. Когда нагрузили сколько-то возов, егет крикнул:

— Все, золота в колодце больше нет!

Бай спустил в колодец конец веревки.

— Привяжись! — кричит.

Обвязался Шакир вокруг пояса, но когда его почти уже вытянули, бай перерезал веревку. Грохнулся егет опять на дно колодца.

Бай, забрав все золото, увел караван, а Шакир сидит в колодце. Вылезти оттуда самому — ну, никакой возможности не было. Через два дня проезжий человек остановился у колодца, спустил ведро, чтобы достать воды.

— Вытащи меня отсюда! — взмолился Шакир.

Вытащил егета тот человек. Выказав ему тысячу благодарностей, Шакир продолжил свой путь. Шел, шел и набрел на человеческое жилье. Заходит в дом, а там только одна старуха какая-то спит. Видит егет — на гвозде скрипка висит. Снял ее тихонечко и заиграл так задушевно, что старуха проснулась со слезами на глазах.

— Уж сколько лет,— говорит,— я голос этой скрипки не слышала, спасибо тебе, сынок! Какая у тебя нужда?

— Нужда у меня очень большая,— отвечает егет.— Туда, куда я иду, пешком не дойти.

Старуха проводила Шакира, подарив ему коня. Помчался егет на быстроногом скакуне, эх, как помчался! И догнал караван удравшего с золотом бая. Бай оглянулся, увидел его.

— Ай, сынок,— говорит,— я как раз думал послать людей, чтоб тебя из колодца вытащили, а ты, оказывается, сам спасся. Очень хорошо получилось. Вот скоро и до своего города доедем.

Потом бай написал что-то, положил в конверт, заклеил, на конверте поставил номер своих ворот в городе и говорит Шакиру:

— Лети вперед, отдай это письмо байбисе*, получишь подарок за радостную весть.

Сунув письмо за пазуху, помчался Шакир в сторону города. В пути подумал: «Постой-ка, а что тут написано?» Вскрыл письмо, прочитал. В письме было написано: «Сделай как-нибудь так, чтобы доставивший это письмо бесследно исчез». Убить, значит, велит. Раз такое дело, Шакир взял да написал точь в точь как рукой бая другое письмо: «Выдай, свершив никах*, нашу дочь Зубайду за егета, доставившего это письмо. Я избрал его своим зятем». Руку Шакира никак невозможно было отличить от руки бая — не зря, выходит, егет последний-то раз в школе искусству писать учился.

Прочитала жена бая письмо, видит — мужем написано Что тут поделаешь, выдала байбисю дочку за Шакира.

Живет егет с байской дочкой. Вскоре и сам бай подъехал. Вышла жена встречать его.

— Сделала, как я велел? — спрашивает бай.

— Сделала, сделала,— отвечает жена.— Красивый попался нам зять.

У бая глаза на лоб полезли.

— О каком это зяте ты толкуешь?

— Так ты же сам написал, чтоб Зубайду я за этого егета выдала,— говорит жена.

— С чего это ты взяла? — изумился бай.

— На вот, прочитай свое письмо,— говорит жена.

Прочитал бай письмо — его рукой написано. Сидит, схватившись за голову.

— Неужто,— говорит,— и вправду я так написал?

Таким вот образом, сколько ни старался бай убить Шакира, тот благодаря своей учености смерти избежал.

Вечером Зубайда говорит Шакиру:

— Наш царь со здешними баями в шахматы играет. Кто его обыграет, тому царь и свою дочь, и царство отдаст.

Шакир в ответ ничего не сказал, но услышанное намотал на ус. А на другой день к вечеру взял да отправился к царю домой.

— Можно,— спрашивает,— и мне сыграть с вами в шахматы?

Царь:

— Коль умеешь, сыграем.

Сел егет играть с царем. Играли, играли, и Шакир у царя все его богатство, и дочь, и царство выиграл. Так сразу в его доме и остался. Потом велел позвать того бая, который пытался убить его, первого своего тестя, и говорит:

— Все то золото из колодца доставь сюда!

Бай — что ему еще оставалось делать! — привез золото, сдал в казну. А царь Шакир, говорят, раздал это золото беднякам.

30. УМНЫЙ ЦАРЬ

Был в давние времена народ, называвший себя кара-ногайским¹. И был у него такой обычай: как отцарствует царь семь лет, так отвозят его на безлюдный остров посреди широкой реки и бросают там. Все беды, сколько их ни есть на белом свете, были и на том острове. Оставленного там либо змеи жалили, либо медведи и волки раздирали и съедали. Отвезут кара-ногайцы отцарствовавшего царя на остров, и кто им первым встретится на обратном пути, того народ и объявляет царем еще на семь лет.

Так отвезли они очередного царя и на обратном пути видят: идет навстречу старик. Остановили его, спрашивают:

— Ты кто?

— Я человек преклонных лет,— отвечает тот.

— Мы тебя объявим царем. Такой у нас обычай,— говорят ему.

Старик противиться не стал. Объявили его царем, устроили праздник.

Сидит старик год, другой на троне. Однажды созвал он людей постарше и спрашивает:

— Почему вы отправляете своего царя в гиблое место?

— Таков обычай, оставленный нашими предками,— отвечают ему.

Задумался после этого царь. «Ведь и меня, когда пройдет семь лет, отправят туда же»,— подумал он и велел построить большую ладью. Потом собрал тысячу самых умелых людей, переплыл с ними на остров и велел очистить его от всякой нечисти — от мусора, от гадов, от хищников,— словом, от всего, что вредит человеку. Очистили. Теперь царь велит построить посредине острова дворец и насадить вокруг сады. Когда построили дворец, вернулся царь с острова и в ожидании конца царствования занялся обычными царскими делами.

Этот царь вершил суд очень справедливо, и народ полюбил его. Когда прошло семь лет, созвал он свой народ и говорит:

— Ну, сынки, надо соблюсти обычай. Отвезите меня на тот остров, я готов.

А народ молчит.

— Коль я чем-нибудь обидел вас, простите,— говорит старик.— Давайте попросимся и расстанемся по-человечески.

И тут зашумел народ, пораженный его умом.

— Этот старик,— кричат,— всегда поступал умно, пускай царствует до самой смерти.

Остался старик царем до самой смерти и вершил суд по справедливости. Дворец на острове по его воле расширили и, построив там новый город, туда же перенесли столицу царства.

Воистину, возвышает человека ум, а позорит невежество.

31. ЦАРЬ-ПАСТУХ

В давние времена жил царь по имени Гали. Одолела его жадность, начал он мучить народ налогами сверх всякой меры.

Посоветовался народ и послал человека с жалобой на этого царя к царю поглавной. Царь Гали это прозевал. Тот человек отнес жалобу царю поглавной и вернулся от него с фарманом. Фарман расклеили по всем углам, а в нем было написано: «Завтра в двенадцать часов царя Гали повесить».

Царь Гали пока об этом не знает, сидит себе на троне. Был у него один приближенный везир. Зашел он к царю, спрашивает:

— Мой царь, ты что-нибудь слышал?

— Ничего не слышал,— отвечает царь.— А что случилось?

— Ты вот сидишь, мой царь, в неведеньи, а тебя велено завтра в двенадцать часов повесить.

Вышел царь на улицу, посмотрел — и вправду велено. Затрясся царь: что делать, куда податься? Оставалось только сбежать.

Едва наступила ночь — царь сбежал. Ничего не прихватил — ни еды, ни денег, только любимую дочь Салиму с собой взял. Идут они день и ночь. Доходят до разных городов и минуют их. Ну, по пути иногда милостыню просят. Надо же: вчера на троне сидел, а сегодня по миру пошел. Чего только жизнь с человеком не делает!

Шли царь с дочерью, шли и дошли до одного города. Ночь переночевали, утром отправились на базар. Базар кишмя-кишит, торговцы разложили свои товары. Стал царь прикидывать, нельзя ли что-нибудь своровать, едой разжиться. Зашли в магазин. Оказалось, это мануфактурный магазин, но все же в одном уголке стояла кастрюля с маслом. Царь нацелился кастрюлю утянуть. Это дело заметили и царя излупили.

Одна старуха пожалела его, подала милостыню. «Разве только милостыней прокормимся», — думает царь. И дочери то же внушает. Нет же у него другого выхода. Пошел бы работать — никаким ремеслом не владеет, а за воровство — бьют.

Так идут они, побираясь, в неведомые края. Шли, шли и дошли до одного аула. Попросились на постой в крайний дом. Жили в этом доме старик со старухой. Они посоветовали:

— Чем ходить побираться, наймитесь к нашему баю скотину пасти. Будете, по крайней мере, сыты и одеты.

Наутро старик со старухой проводили их, научив, как до байского двора дойти.

Пришел царь Гали со своей Салимой в байский двор. У бая, оказывается, было сто овец и пятьдесят коров, их и надо пасти. Нанялись царь с царевной пасти этот скот.

Шло время, прошло больше года. Однажды, когда они пасли скот, подошла пора сготовить обед. Гали послал дочь за водой, сам разжег костер. Дочь спустилась к воде и испугалась: видит — идет в ее сторону красивый егет в офицерской одежде. Егет охотился на уток, а увидев девушку, поспешил к ней, восхищенный ее красотой. Салима, расплескивая воду, побежала к отцу, а егет — следом. Подошел к пастуху и пастушке,

поздоровался, посидел возле них. Какого-нибудь там особого разговора не было. Гали не посмел спросить у егета, кто он такой, а егет оставил немного денег, вроде как милостыню, что ли, подал и ушел.

— Чей он сын — купеческий ли, царский ли — я постеснялся спросить, — сказал царь-пастух дочери.

А егет-то был царевич. Как увидел он Салиму, так с первого взгляда и влюбился. Вернулся он во дворец и не ест, не пьет. Царь встревожился.

— Что, — спрашивает у жены, — случилось с нашим парнем?

И других порасспрашивал. Ну, везир и раскрыл ему глаза.

— Знай, — говорит, — мой царь: царевич встретил на охоте дочку пастуха и влюбился. Хочет, чтоб ты женил его на этой девушке.

Удивились царь с царицей.

— Только этого, — говорят, — и не хватало чтоб царь женил сына на дочери пастуха! Мало ли других!

— А мне других не надо! — говорит царевич.

Царь с царицей, отчаявшись, дали согласие, искренне или неискренне — неизвестно.

— Кто-кто, а уж пастух-то с радостью отдаст дочь за моего сына, — сказал царь и, велев запрячь лошадей, отправил к пастуху свата с царевичем.

И вот сват говорит пастуху:

— Такое вышло дело, недавно царевич встретил твою дочь, и она ему приглянулась. Так что отдай ее за царевича замуж.

А Гали не спешит высказать согласие, спрашивает:

— Что этот егет умеет делать? Раз он — царевич, наверно, только и знает, что разгуливать по городу, и никаким ремеслом не владеет.

— Да зачем ему ремесло? Он же — царевич, — отвечает сват.

— Нет, не могу я выдать дочь за человека, который ничего не умеет, — говорит царь, ставший пастухом. — Пусть он сначала чему-нибудь научится, а потом придет.

Уехал царевич со своими слугами. Вернувшись домой, оседлал хорошего коня и отправился искать место, где учат ремеслам. Приехал в один аул. Оказалось, есть в этом ауле нужное ему заведение, но не принимают туда сыновей всяких там баев и купцов, а учат ремеслу только бедных сирот. Нужен документ. А что стоит царскому сыну получить «дукамит»? Получил, оделся победней и — к хозяину этого заведения.

— Научишь,— спрашивает,— за два дня какому-нибудь делу?

— Да как же научить тебя за два дня, раз ты еще ничего не умеешь? — отвечает хозяин.— Чтобы научить ремеслу, и недели мало.

Сошлись на двух неделях. Учится царевич поменьку. Учат его рогожи плести. Научившись, одел он опять свою хорошую одежду, сел на нетерпеливого коня и, даже не заглянув домой, приехал к пастуху.

— Вот, научился,— говорит и показывает рогожу.

Тогда уж Гали и разговаривать с ним стал по-другому. Спрашивает:

— Сколько таких рогож можно сплести за день?

— Одну,— отвечает егет.

— Ну, если будут платить по рублю за рогожу, то сможете сами себя прокормить,— говорит царь-пастух.— Отдаю за тебя дочку. Только не увози ее прямо с поля, приедешь на квартиру.

Приехал егет на фатеру пастуха. Обговорили все и поехали в царский дворец. Гали теперь — сват царя, царь его сватом-пастухом называет. Сели за стол, поели, попили. После пары стаканчиков языки развязались, и Гали рассказал свою историю.

— Вот,— говорит,— как я попал, сват, из царей в пастухи.

Тот царь прямо-таки остолбенел. Сноха-то у него, вышло, не дочь пастуха, а царевна. Это одно. А с другой стороны — напал на царя страх. «Сегодня я — царь, а завтра могу оказаться пастухом», — подумал он и говорит:

— Не зря, выходит, Гали, хоть он и царь, заставил зятя научиться ремеслу. Сегодня ты — царь, а завтра — невесть кто. Но человек, владеющий ремеслом, нигде не пропадет.

32. ЦАРЬ И ПАХАРЬ

Жил в прежние времена один царь. Этот царь со своими везирами приговорил к смерти очень многих людей. Только и знал его суд, что отрубать головы да вешать.

Однажды пришла на суд царевна и, попросив у отца разрешения, осталась послушать, как судят. Одному человеку в этот день вынесли приговор — повесить.

После суда царевна подошла к царю и говорит:

— Отец, приговор неправильный, свидетели сговори-

лись против этого человека, они слово в слово повторяли одно и то же.

Выслушав дочь, царь велел повременить с казнью и пошел с везиром погулять в поле. Прошли они немного и, увидев пахаря, остановились. Когда пахарь довел бороzду до края поля, царь завел с ним разговор.

— Как оно? — спрашивает царь.

— Ничего! — отвечает пахарь.

— На сколько долей делишь доход от этого поля? — спрашивает царь.

— На пять, — отвечает пахарь. — Первую трачу на уплату долга, вторую — впустую, ни пользы мне от нее, ни вреда, третью в долг отдаю, четвертую на ветер бросаю, пятой сам кормлюсь.

— Я пришлю тебе важную птицу, — говорит царь. — Сумеешь ощипать?

— Эй, мой царь, так ощипаю, что ни пушинки не останется, — отвечает пахарь.

Пошел царь дальше, везиры — следом, и главный везир спрашивает:

— О чем это вы разговаривали? Я не понял.

Царь в ответ отослал везира домой, велел, чтоб он сам к такому-то часу завтрашнего дня разгадал о чем шел разговор с пахарем.

— Не узнаешь — милости не жди, — сказал царь. — Прикажу вместо того человека повесить тебя.

Пришел везир домой, к отцу-матери.

— Ты что так скоро? — спрашивает мать.

— Да вот, — отвечает везир, — встретился царю один умник. Слушал я их разговор, слушал, но ничего не понял. Царь велел, чтоб я до такого-то часа завтрашнего дня узнал, о чем шел разговор. Если не узнаю, он прикажет вместо одного осужденного повесить меня.

Выслушала везира мать и отправила к пахарю: выспроси, мол, смысл разговора у него.

Пришел везир к пахарю, объясняет свою нужду, а тот и ухом не ведет. Потом отмахнулся:

— Мне, — говорит, — еще допахать надо.

Вернулся везир домой в растерянности, рассказывает матери:

— Он не то что смысл разговора открыть — близко к себе не подпускает. Я ему объясняю, что царь прикажет меня повесить, а он: «Ты ведь, — говорит, — любишь смотреть, как людей вешают, теперь мы посмотрим, как тебя повесят. Иль не хочется, чтоб тебя повесили?»

Подумала мать и говорит везиру:

— Попробуй так: возьми бочонок серебра, бочонок золота, отвези пахарю и поумоляй его.

Запряг везир хорошую лошадь в хорошую арбу, погрузил золото-серебро и поехал снова к пахарю. Пахарь уже заканчивал свою работу. Увидев везира, поморщился.

— Опять ты! — говорит.

Везир принялся умолять:

— Открой уж смысл разговора, я вот тебе бочонок серебра да бочонок золота привез.

Пахарь — ни в какую.

— Не до тебя мне, — говорит. — Проголодался я, поеду поем.

А везир умоляет и умоляет, умоляет и умоляет. Уж и заставил его пахарь поклоняться, пока не согласился взять бочонок золота и бочонок серебра, да и то с неохотой.

— Ладно, — говорит, — положим, взял я твое золото-серебро. Но ведь ты потом можешь сказать, что не сам отдал, а я у тебя отнял. Знаю я вас!

Везир тут же написал на бумаге: «Все отдал я сам», — и подпись поставил.

— Ну, говорит, — открой теперь, о чем разговаривал с тобой царь.

И пахарь ответил так:

— Сначала царь справился о моем здоровье, а я сказал — не жалуюсь. Царь спросил: «На сколько долей делишь доход этого поля». Я ответил: «На пять». Первую долю я трачу на уплату долга. Это значит — кормлю тех, кто меня вскормил. Вторая идет на жену, от этого мне ни выгоды, ни убытка нет. Третью отдаю в долг — содержу сына, чтобы он, когда мы состаримся, содержал нас. Четвертую бросаю на ветер — у меня есть дочь, а она выйдет замуж и уйдет от нас. Ну, а пятой живу сам.

— Ладно, — говорит везир. — Царь еще сказал: «Я пришлю тебе важную птицу. Сумеешь ощипать?» Ты ответил: «Так ощиплю, что ни пушинки не останется». Это как понять?

— Важная птица — ты. Вот я тебя уже ощипал, иди теперь домой, — сказал пахарь.

В назначенный час явился везир к царю и выложил то, что услышал от пахаря, только насчет важной птицы промолчал.

— Ну, а что значит то, чем мы кончили разговор? — спрашивает царь.

— Слова «пришлю тебе важную птицу» касались меня, — отвечает везир. — А слова «ни пушинки не останется» означали, что пахарь может обождать меня до нитки. И впрямь, лишил он меня богатства.

Сказав так, главный везир спас себя от виселицы.

Царь собрал большое собрание, и на этом собрании главный везир был за глупость лишен и должности, а на его место выбрали пахаря.

Когда пахарь стал везиром, тому осужденному, за которого заступилась царевна, устроили новый суд. Пахарь-везир дал царю умный совет: сделать так, чтобы вызванные не смогли слышать друг друга.

— Все ли вызванные пришли? — спросил царь.

— Все, все! — был ответ.

— Коль пришли, пусть войдут по-одному и назовут себя.

Пахарь-везир первым вызвал того, кто подал в суд, и, спросив имя, велел посадить его в отдельную комнату. Помощники тут же исполнили это. Потом вызвали свидетелей и тоже рассадили по разным комнатам: одного — в одну, другого — в другую.

Первым пахарь-везир допросил человека, который подал в суд, — истца.

— В чем ты, — спрашивает, — винишь обвиняемого?

— Мы, — отвечает истец, — пошли на гору, и я вижу: этот человек убивает моего сына.

— Кто еще был с тобой?

— Вызванные сюда свидетели. Когда мы подошли, сын был еще жив, — добавил истец.

— Где это произошло: у подножья, на склоне или на вершине горы? На какой стороне горы: восточной, западной, южной или северной?

— На вершине горы, на восточной стороне.

— Свидетели видели, как он убивал твоего сына? Вы вместе видели?

— Вместе шли, вместе видели.

Пахарь-везир велел отвести истца в его комнату. Теперь вызвали свидетеля.

— Вы, — спрашивает пахарь-везир, — вместе видели, как этот человек убивал сына истца?

— Истец, — отвечает свидетель, — повел нас на гору. Там под деревом лежал покойник. Истец указал на этого человека и сказал, что он убил.

Пахарь-везир отправил этого свидетеля в его комнату и вызвал другого.

— Ты, — спрашивает, — видел, как этот человек убил сына истца?

— Видеть — сам не видел, — отвечает свидетель. — Истец встретился мне на дороге и сказал, что его сына убил этот человек. Потом мне сказали: «Будешь свидетелем».

И этого свидетеля отправил везир в его комнату, вызвал третьего.

— Ты, — спрашивает, — видел, как был убит сын истца?

— Да, — отвечает свидетель, — мы застигли этого человека на месте убийства. Когда мы подошли, сын истца был еще жив.

— Где происходило убийство: у подножья, на склоне или на вершине горы? На какой ее стороне: восточной, западной, южной или северной? — спрашивает везир.

— Да как бы это сказать... На склоне, как раз на той стороне, где солнце заходит, — отвечает свидетель.

И третьего свидетеля вернули в его комнату. Везир стал допрашивать обвиняемого.

— Я в тот день у горы не был, не ходил в ту сторону, — говорит обвиняемый.

Теперь суд уходит в совещательную комнату. А в зале люди радуются:

— Наконец-то в суде появился умный человек. Совсем по-другому дело пошло. А то раньше только и знали, что отрубать головы да вешать, не разобравшись.

Пахарь, ставший везиром, в совещательной комнате сказал:

— Три свидетеля показывают разное. В убийстве обвиняемый не виноват. Ни за что ни про что человека облили грязью.

Выходит суд, читают приговор: обвиняемого оправдать, а на тех, кто облил человека грязью, наложить штраф.

Народ разошелся, радуясь этому. Так благодаря царевне дела в суде пошли совсем по-другому. Пахарь стал толковым везиром и суд вершил по справедливости.

33. ЦЕНА ЦАРЯ

Жил встарь один человек. Ни на пропитание, ни на одежду денег у него не было. Задумался он, что предпринять, чтобы деньгами обзавестись. Думал, думал и надумал выставить себя человеком, знающим все на свете.

— Я знаю цену каждого. Могу указать и самую серединку земли, — объявил он.

Прослышал об этом один генерал, и захотелось ему узнать свою цену. Вызвал всезнайку к себе, спрашивает у него:

— Скажи-ка, егет, сколько я стою?

— Четверть копейки,— отвечает тот и глазом не моргнув.

Эх и раскипятился генерал, эх и раскипятился!

— Как ты,— кричит,— посмел меня, генерала, оценить в четверть копейки?

Велел сковать всезнайке руки-ноги и доставить его на царский суд.

Предстал всезнайка перед царем.

— За что,— спрашивает царь,— привели тебя сюда?

Не успел бедолага и рот раскрыть, как генерал выступил вперед и объяснил за что.

— Коли так, снимите с него кандалы,— говорит царь.— Очень хорошо, что есть у нас такой человек.— И позвал всезнайку с собой:— Айда-ка, выйдем в сад.

Когда вышли в сад, царь спрашивает:

— Так что ты знаешь?

— Знаю цену каждого. Могу указать и самую серединку земли.

— Что ж,— говорит царь,— коли укажешь самую серединку земли и назовешь мою цену, дам тебе мешок золота.

Тогда всезнайка повел его в самую середину сада и говорит:

— Как раз вот тут серединка всей земли.

— С чего ты взял, что она тут? — спрашивает царь.

— Коли не веришь, обмерь землю,— отвечает всезнайка.

— Ладно,— говорит царь.— А как ты меня оценишь?

Взял всезнайка в руки крестик, висевший на шее царя, и говорит:

— Это образ бога, верно? Бог ценится больше любого человека, а продают его за копейку. Сначала — бог, потом — царь, так?

— Так.

— Значит, цена тебе — полкопейки...

Царю и сказать в ответ нечего.

Получил хитрец мешок золота и отправился домой.

34. АЛЬМИРЬЯН

Давным-давно жили, говорят, на Урале старик со старухой. Был у них один-единственный сын по имени Альмирьян. Год за годом подрастал Альмирьян и вступил в возраст егета. Старик со старухой научили сына разным ремеслам, и не было такого ремесла, которого он не знал бы.

Однажды Альмирьян сказал отцу:

— Я теперь вырос, разными ремеслами владею, отпустите меня, отец, искать работу.

Отец с матерью разрешили, и отправился Альмирьян в путь. Долго он шел. Пока шел, лапти изнасились. Дошел он до одной реки, прилег отдохнуть и крепко заснул, потому что перед этим много ночей не спал. Приснился ему сон, суливший удачу. Проснулся егет и пошел дальше. Вскоре впереди показался город. Альмирьян поспешил в город, надеясь найти работу. Но в этот день никакой работы для него не нашлось.

Наутро, когда Альмирьян шагал по городу, мимо него прошел человек, который громко кричал:

— Кто владеет хорошим ремеслом, тот должен показать свое умение хану! Хан наградит за умение богатством!

Альмирьян отправился напрямиком в ханский дворец и, пораженный его красотой, не заметил, как очутился около хана.

— Эй, егет, ты знаешь, куда пришел? — закричал хан.

Альмирьян, вздрогнув, попятился, но хан остановил его. Поклонившись, Альмирьян сказал:

— Мой дорогой хан, извините меня. Я загляделся на прекрасные рисунки и не заметил, как очутился здесь.

— Ладно, ладно, — проворчал хан, — не болтай много! Какое у тебя дело ко мне?

— Не найдется ли для меня какая-либо работа, уважаемый хан?

Хан, удивленный тем, что егет так хорошо разговаривает, порасспрашивал его еще и под конец спросил:

— Откуда у тебя богатая речь?

— Когда я родился, я уже умел разговаривать, — ответил Альмирьян как ни в чем не бывало.

Хан, удивившись еще больше, вызвал везира и велел ему:

Найди-ка для этого егета какое-нибудь дело, дай ему работу.

И с этого дня Альмирьян начал работать на хана. Хан восхищался им, и разошлась о нем слава.

Однажды к хану прискакал гонец из другого ханства. Хан встретил его с должным уважением. Целый дом слуг исполнял желания гонца. Через несколько дней гонец пришел к хану и сказал:

— Уважаемый хан, мой хан Басир послал меня к тебе с тремя вопросами. Если ты не сумеешь ответить на них, мы заберем из твоего ханства всех женщин и детей.

Опечалился хан, но виду не подал.

— Что это за вопросы? Я готов выслушать,— говорит.

— Первый вопрос такой: есть ли в мире живые существа, кроме людей и животных? Второй вопрос: сколько отделений в этой шкатулке, есть ли что-нибудь в каком-нибудь отделении и, если есть, то что это? — И третий вопрос задал гонец: — Где был вчера мой хан и что он пережил? Вы должны ответить на эти вопросы за одну неделю.

Сказал гонец так и уехал. А хан с горя упал без памяти. Альмирьян вошел во дворец воды попить и, увидев лежавшего без памяти хана, подошел к нему.

— Что с вами, мой хан? — спрашивает.

— Гонец вверг меня в большую беду,— отвечает хан.

— Что это за беда? Не грозил ли совершить злодеяние?

Хан рассказал все как есть. Альмирьян, глядя на него, будто бы покачал головой.

— Да, худы ваши дела.

Услышав это, хан загоревал еще сильнее.

Наутро Альмирьян ни свет ни заря отправился на работу. А хан, как ни ломал голову, не мог найти ответов на заданные ему вопросы. Пошел он к жене, поделился с ней горем, и жена сказала:

— Мой любимый, избавить нас от этой беды может твой работник Альмирьян.

Хан, обрадованный словами жены, вернулся в свою комнату, но сначала попробовал задать те вопросы своему везиру. Везир ничего умного сказать в ответ не смог.

Тем временем наступил вечер. Альмирьян пришел с работы. Призвал его хан к себе и сказал:

— Если избавишь меня от этой беды, отдам тебе половину своего богатства и не из своего ханства, так из другого высватаю тебе девушку по душе. А если не поможешь, придется тебе проститься с белым светом.

— Дорогой мой хан,— сказал Альмирьян, немного подумав,— я готов принять ваши условия, но и вы должны пообещать сделать то, что я попрошу, когда выполню вашу просьбу. И не забудьте потом свое обещание.

Хан согласился с этим и задал Альмирьяну первый вопрос:

— Есть ли в мире живые существа, кроме людей и животных?

Подумал Альмирьян и ответил:

— Мир — не только земля, но и небеса. И там живут разные живые существа.

— А где же они там живут? — спросил хан.

— На звездах небесных, — ответил Альмирьян. — Они пришли в мир раньше нас.

Подивился хан учености Альмирьяна и, глядя на везира, покачал головой в знак удивления. Потом, показав небольшую шкатулку, попросил ответить на второй вопрос:

— Сколько отделений в этой шкатулке, есть ли что-нибудь в каком-нибудь отделении и, если есть, то что это?

Альмирьян ответил, не задумываясь:

— В этой шкатулке семь отделений, в среднем отделении лежит нечто острое, как гвоздь, но это не гвоздь, потому что имеет ушко. Выходит, это — иголка.

Получив ответ на второй вопрос, хан вскрикнул, как обрадованный ребенок.

Услышав третий вопрос — где был вчера хан Басир и что он пережил? — Альмирьян немного растерялся. Этот вопрос был потрудней первых двух. Все же егет не замешкался надолго.

— Вчера хан побывал в Стамбуле, влюбился в стамбульскую красавицу и до сих пор ломает голову, как бы на ней жениться, — ответил Альмирьян.

Хан тут же начал собираться в путь, чтобы сообщить ответы, но Альмирьян, напомнив о его обещании, сказал:

— Было бы лучше, если бы ответы сообщил я сам.

Хан согласился с ним.

Взяв у хана денег на дорогу, Альмирьян отправился в страну, откуда приезжал посол. Ехал день, ехал ночь. Доехал до нужного города и, отыскав хана Басира, известил его, зачем приехал. Подивился хан Басир, получив верные ответы, и решил послать тому хану новые вопросы, на которые никто не мог ответить. Но Альмирьян, узнав об этом, сказал:

— Я слуга хана. С вашего разрешения, я отвечу и на эти вопросы.

— Если хочешь сохранить голову на плечах, откажись от своего намерения, а если не жаль головы — отвечай, — сказал хан Басир.

Альмирьян без запинки ответил на все вопросы. Последний вопрос был такой:

— Сколько звезд на небосводе?

— Звезд в небе — бессчетное число, — ответил Альмирьян. — Они все время движутся, поэтому звездочеты не могут их сосчитать.

— Как ты достиг такой учености? — спросил хан, проникшись большим уважением к Альмирьяну.

— Люди на земле не одинаковы, — ответил Альмирьян. — Один богат, другой беден, один учится, другой остается невеждой.

Хан снова задал вопрос:

— Когда же все люди станут учеными?

— Когда все станут равными и не будет ни богатых, ни бедных. Тогда весь народ должен достичь учености.

— А как ты узнал о моем горе, о том, что я влюбился в стамбульскую красавицу?

— Ваш лик отразился на шкатулке, а в ваших глазах осталось отражение стамбульской красавицы, вот я и узнал, — ответил Альмирьян.

Когда он ушел, хан велел везиру принести шкатулку, оглядел ее со всех сторон, но ничего не увидел.

Немало времени прошло, невесть сколько раз взошло и зашло солнце. Альмирьян стал собираться в обратный путь. А хану Басиру не хотелось его отпускать.

— Остайся здесь, я найду тебе работу получше, чем у твоего хана, — пообещал он.

Альмирьян дал согласие и поступил на службу к новому хану.

В один из дней хан Басир отправился в Стамбул, оставив ханство до своего возвращения Альмирьяну. И вот, спустя некоторое время, присылает Альмирьяну письмо. «Я, — пишет, — то ли вернусь, то ли нет. Правь покуда ханством сам. Может, и вернусь. Стамбульская красавица загадывает мне загадки, я две-три разгадал, завтра испытание начнется снова».

Прикинул Альмирьян и так, и этак и, взяв с собой везиров, отправился в Стамбул. Оставив везиров в одном доме на краю города, пошел искать хана. Видит — у дворцовых ворот толпится народ. Подошел поближе и глазам своим не поверил: сидит у ворот хан Басир, слезами заливадается. Альмирьян, прикинувшись, будто не знаком с ним, спрашивает:

— Ты что, егет, плачешь? Что у тебя за горе?

А хан, не узнав его, отвечает:

— Задала мне дочь здешнего хана вопрос, я думал, думал — ответа не нашел. А назначенный срок ответа уже подходит.

«Вовремя я приехал, помогу-ка ему», — подумал Альмирьян и спрашивает:

— Какой вопрос задала?

— Она спросила, что на свете слаще всего и что горше всего. Я уже два дня думаю, а ничего не придумал. Раз я не смогу дать ответ, не станет дочь здешнего хана моей женой, — говорит хан с большим сожалением.

— Судя по вашим словам, вам богатая нужна, а с бедняками вы не считаетесь,— сказал Альмирьян, глядя на хана.— Я могу дать ответ на этот вопрос, но с вами не сговориться, вы — жестокий хан.

И сделал вид, будто собрался уйти.

— Егет, проси что хочешь, только помоги мне,— взмолился хан.

— Ну, так и быть — скажу: слаще всего на свете сон, горше всего — слово,— сказал Альмирьян.

Хан, говорят, дал Альмирьяну очень много денег.

На следующее утро пришел Альмирьян к дворцовым воротам, ждет, когда хан выйдет. Вскоре вышел радостный хан.

— Как дела? — спросил Альмирьян.

А хан Басир:

— Очень ты, оказывается, башковитый, прямо поразил я ханскую дочь. Айда, егет, со мной, я сделаю тебя своим везиром.

Поехали Альмирьян с ханом Басиром из города, и Альмирьян сказал:

— Тут неподалеку меня ждут мои товарищи. Неплохо бы их взять с собой.

Хан не воспротивился его желанию. Иди, мол, возьми своих товарищей и догони меня.

Альмирьян взял своих товарищей и поехал за ханом вдогон. Хан недалеко отъехал, его быстро догнали. Хан Басир узнал одного из своих везиров и спрашивает:

— Ты когда сюда приехал?

— Мы выехали, как только получили твое письмо. Вот с ним, кого ты оставил вместо себя,— отвечает везир, указав на Альмирьяна.

Тут хан, узнав и Альмирьяна, говорит:

— Я-то думаю, кто это такой мудрый, а это, оказывается, ты, Альмирьян! Ай, егет, до чего же ты умен! И язык у тебя хорошо подвешен. Будешь сидеть на моей свадьбе на самом почетном месте. И ханство свое я тебе оставляю, а сам приму ханство в Стамбуле. У стамбульского хана кроме дочери детей нет, а раз так, он ханство мне передаст.

Вернувшись, хан Басир туда, куда письма дойдут, послал письма, а куда гонцы доскачут — гонцов,— пригласил гостей. И прежнего Альмирьянова хана позвал. Три дня и три ночи пировали в ханском дворце, а на четвертый день хан Басир созвал весь народ и сказал:

— Вот этот егет будет вашим ханом, а сам я приму ханство в Стамбуле. Устроит ли вас этот егет?

— Устроит, устроит, как не устроить! — ответил народ в один голос.

Альмирьян, говорят, женившись и вызвав к себе отца с матерью, остался править ханством вместо хана Басира.

35. КУРАИСТ

Давным-давно жил, говорят, один бай. У него был сын по имени Гарей. С малых лет пристрастился Гарей ходить с отцовскими слугами на охоту. В те времена в лесах водилось очень много зверей.

Однажды Гарей сказал отцу:

— Атай, сегодня я пойду на охоту один.

Отец не разрешил идти на охоту одному, но сын ослушался. Решил показать себя удалцом и, никому не сказав, ушел один. Ушел и не вернулся. День прошел, другой прошел — нет Гарея. Бай осерчал на слуг — вы, мол, в этом виноваты. Неделя прошла — Гарея все нет. Собрал бай слуг и говорит:

— Найдите Гарея где хотите! Кто принесет мне худую весть, пускай пеняет на себя: кину на растерзание волкам.

И послал слуг искать пропавшего сына.

И вот ходят те по лесам, ходят по горам. Ходили, ходили и нашли окровавленные клочья Гареевой одежды. Растерялись слуги: как теперь об этом баю сказать? Тут встретился им прохожий старик. Рассказали ему все, как есть, попросили дать совет. Выслушал их старик и говорит:

— Ложитесь-ка, сынки, спать. Утром пойдете к баю, и я с вами.

Слуги, успокоившись, легли спать. Утром пошли все вместе к баю, а бай уже у ворот стоит, ждет.

— Ну,— спрашивает,— какую мне весть принесли?

Слуги — ни слова в ответ. А тот старик вытянул из сумы курай и заиграл на нем. Так искусно заиграл и столько печали было в голосе курая, что даже соловьи в саду умолкли и заслушались. Постоял бай, постоял, глядя то на кураиста, то на курай, и заплакал. И на глазах слуг слезы выступили. Хоть никто ни слова не вымолвил, понял бай по напеву курая, что сын его погиб. Но тот же напев, зачаровав его, облегчил горе.

Никому из слуг не пришлось сообщать худую весть.

Так кураист искусной игрой отвел от слуг лютую смерть, а горюющего утешил.

36. КАК МУДРЫЙ СТАРИК ОТ СМЕРТИ СПАССЯ

В старину жил, говорят, один мудрый старик. Что бы он ни сказал, все приходилось в самый раз.

Однажды привели этого старика к царю.

— Скажи-ка, бабай, что завтра будет? — спросили у него.

— Завтра будет дождь с градом, во многих местах хлеб пропадет, — ответил старик.

— А что будет этой ночью?

— Этой ночью у начальника войска будут ныть ноги.

И впрямь у начальника войска всю ночь ныли ноги, а наутро прошел дождь с градом, и во многих местах побило посева.

— Этот старик не иначе как колдун, — сказал царь. — Он беды на нас насылает. Что ни скажет, то случается. — И, вызвав палачей, приказал: — Сейчас же повесьте его.

Перед тем как повесить, у старика спросили:

— Есть ли у тебя, колдун, что сказать? Скажи, пока не поздно.

— Сказать мне нечего, — ответил старик, — но есть одно желание. Хочу перед смертью еще раз взглянуть на светлый лик царя.

Исполнили последнее желание старика, ввели его к царю. Взглянул старик на царя и уже повернулся было, чтобы выйти, но приостановился и сказал:

— Прощай, мой царь, иду умирать. Ни рабу, ни царю смерти не миновать.

— Эй, старик, скажи-ка по правде: когда я умру? — спросил царь.

— Умрешь ровно через семь дней после моей смерти. Вот я и зашел, чтобы заранее проститься с тобой, — ответил старик.

Царь, говорят, тут же отменил приказ казнить старика. Накормил-напоил его, разодел в шелка и отпустил, наделив богатством, достаточным для долгой жизни.

37. ЦАРЬ И СТРАННИК

Встарь один царь, задумав получить ответ на довольно-таки странный вопрос, созвал к себе всех жителей царства. Вопрос ко всем был один: «Зачем ты родился?»

— Кто не знает, зачем родился, тому отрубят голову, — объявил царь.

Начали опрашивать людей, и каждый старался превзойти своим ответом других, — умирать-то никому не

хочется. И каких только ответов, чтобы остаться в живых, не напридумывали! Были даже такие:

— Родился, чтобы дышать воздухом.

— Родился, чтобы двигаться.

— Родился, чтобы богу молиться...

Под конец и такие ответы уже иссякли. Последним оказался один странник.

— Зачем ты родился? — спрашивают у него.

— Не знаю, — отвечает странник.

Обрадовался царь.

— Вот ведь, — говорит, — нашелся в моем царстве человек, который не знает, зачем родился! Согласно моему условию ему отрубят голову. Раз не знает, зачем родился, незачем ему жить!

Сказал так царь, и весь народ согнали на майдан, на место казни. Когда уже и секира была занесена над головой странника, спросил царь напоследок:

— Может, ты вспомнил, зачем родился?

А странник подумал, что когда-то зачем-то родился, а теперь вот умрет, и вдруг говорит:

— Родился, чтобы умереть.

Тут ахнул майдан, запруженный народом: до чего же верно ответил странник! И как это до сих пор никому на ум не приходило? После такого ответа не смог царь исполнить свое намерение. Спасенный словом «умереть» от смерти, встал странник и ушел, чтобы продолжить свое странствие по стране.

«Каждый в конце концов умирает, зачем же лишать человека жизни раньше времени?» — задумался царь и понял, что задал людям бессмысленный вопрос. С той поры, говорят, он царствовал уже поумней.

38. МУДРЫЙ СТАРИК И ГЛУПЫЙ ЦАРЬ

Много-много лет тому назад жил, говорят, в одном городе молодой царь. Он очень не любил стариков, потому и отдал приказ перебить в своем царстве всех старых людей. Только один егет сумел, говорят, спасти своего отца, спрятав его в подземелье.

Прошло какое-то время, и царь соседней страны пошел на этого с войной. Молодой царь стал набирать войско. Призвали и того егета, что спрятал в подземелье своего отца. Перед отъездом сын пришел проститься. Тот сказал, напутствуя его в дорогу:

— Сынок, вы уйдете отсюда очень далеко. И будет вам там очень тяжело: вы вконец устанете, начнете голодать,

зарежете и съедите всех своих лошадей. Даже коня своего военачальника не оставите в живых. Поэтому, хотите вы или не хотите, вынуждены будете вернуться назад. Воины побросают все свои вещи и снаряжение. Тебе будет очень тяжело, но все же ты не бросай седло и уздечку — неси с собой. Вам встретится белый конь неопишуемой красоты. К тем, у кого нет ни седла, ни уздечки, он даже не приблизится, а перед тобой остановится и склонит голову. Ты накинь на того коня уздечку, оседлай и подведи к предводителю войска. После этого ты станешь его ближайшим другом. Ладно, теперь иди и до свидания, сынок!

Все произошло именно так, как и предсказывал старик. В походе кончилась у войска провизия, и потому воины начали резать своих лошадей, повернули обратно. При этом побросали все — и седла, и уздечки. И только егет, памятуя слова отца, не бросал седло и уздечку.

Так шли они домой. Вдруг, резвясь, выскочил на их дорогу белый конь неопишуемой красоты. Все бросились его ловить, но тот был неуловим: проворно ускользал от пытавшихся его задержать. Через некоторое время конь подошел к егету с седлом и уздечкой и склонил голову. Егет накинул на его голову уздечку, возложил на спину седло и подвел к предводителю войска. С тех пор он стал его ближайшим другом.

Однажды царь решил проехать со своим войском по берегу моря и там поразвлечься. Стоявший на высоком берегу царь увидел на дне моря какой-то дивно светящийся предмет. Он повелел своим сопровождающим вынести тот предмет из моря на берег. Многие устремились по его приказу на дно моря, но никто из них не выплыл обратно. Приближался черед егета. Он вскочил на своего коня и помчался домой, чтобы посоветоваться с отцом. Быстренько спустился он в подземелье, где находился его отец, и рассказал ему о случившемся на берегу моря. Старик ему и говорит:

— Сынок, на берегу того моря растет старое дерево, на верхушке его — птичье гнездо, а в том гнезде находится алмаз: он-то и отражается на дне моря. А с берега отражение принимают за драгоценный камень. Когда придет твой черед прыгать в море, ты обратись к царю с такими словами: «О мой батша! Настал мой черед прыгать в море, и я вряд ли вынырну обратно. Дозволь напоследок забраться на это дерево и взглянуть в сторону моей родины!» Он тебе разрешит это сделать. Ты, возьми

из гнезда тот дивный алмаз, а дальше, мой сын, ты должен сам решить, как поступить.

— Хорошо, атай, я буду знать, что мне делать,— сказал сын и отправился на берег моря. А там как раз пришла его очередь прыгать в воду. Обратился он к царю:

— Мой царь! Видно, и мне придется погибнуть на дне моря. Разреши мне забраться на верхушку этого дерева и последний раз взглянуть на свой аул!

Царь дал ему разрешение. Забрался егет на дерево, взял из гнезда алмаз и спустился вниз. После этого он сказал царю:

— О царь, взгляни на морское дно: если ты увидишь там все тот же сверкающий предмет, я готов прыгать.

Смотрит царь — нет на дне ничего блестящего. Долго вглядывался он, но так ничего там и не обнаружил.

— Почему же там теперь ничего не блестит? — спрашивает царь.

— Потому что то, что блестело, вот оно, в моей руке. Я снял его с дерева,— ответил егет и показал великолепный алмаз. И он поведал тайну сверкавшего на дне моря предмета.

— Как ты сумел догадаться? — спрашивает царь.— Во время похода подарил моему полководцу отменного коня, теперь даришь мне такой чудесный камень.

— Эх, мой царь! — отвечает егет.— И сказать тебе страшно, и не сказать нельзя. Что ж, признаюсь, чего бы мне это ни стоило... Когда ты повелел убить всех стариков в своей стране, я спрятал своего отца в подземелье. С тех пор я все делаю по его советам. О царь, если бы велел не убивать, а сохранять стариков, они могли бы дать столько бесценных советов!

Задумался молодой царь, а потом велел вывести отца егета из его подземелья, привести его к себе и воздал ему большие почести. С тех пор он приказал относиться к старым людям с великим уважением.

39. СУНДУК МУДРОСТИ

Встарь в одном царстве стариков, достигших семидесяти лет, сбрасывали, привязав к шее камень, с высокой скалы. Царь говорил: «Человек к семидесяти годам становится мудрецом». Он боялся, что кто-нибудь окажется мудрей, чем он сам, поэтому и убивал стариков.

Один егет уберег семидесятилетнего отца от такой смерти. Прятал его в сундуке. Никто об этом не знал,

жена егета — и та не догадывалась. Егет кормил-поил отца и выпускал по нужде, когда жена уходила за водой.

Однажды получил егет письмо от царя. Царь-то, оказывается, приходился ему тестем. «Зятек, жду тебя в гости,— писал царь.— Не забудьте взять с собой одного друга и одного врага. Коли не сумеешь выполнить это условие, велю отрубить тебе голову. А коли сумеешь, отдам тебе мое царство».

Задумался егет. Думал, думал и, решив посоветоваться с отцом, спросил:

— Отец, что делать?

Выслушал отец сына внимательно и ответил так:

— Не горюй, сынок! Поезжай сейчас же. В конце пути поймай свою собаку, отлупи и прогони. Потом позви к себе. Она вернется к тебе, виляя хвостом. Проехав еще немного, побей жену. Она тут же, завопив, побежит к своему отцу, в твою повозку больше уж не сядет.

— Так ведь царь, коли я побью его дочь, в живых меня не оставит,— возразил егет.

— Послушайся меня, сынок, не бойся,— сказал отец.

Сделал егет так, как научил отец. Избитая собака и вправду вернулась, виляя хвостом. А жене только разок дал затрещину — та уже взбеленилась и с воплями побежала к своему отцу.

Пришел егет к царю.

— Ну, зятек, выполнил мое условие? — спросил царь.

— Да, мой царь,— ответил егет.— Вот, подъезжая сюда, поймал я свою собаку, отлупил и прогнал, а потом позвал обратно. Она вернулась, виляя хвостом. А жену чуть задел — она уже и в повозку мою больше не села, побежала, рыдая, к тебе. Тут ясно как день: пес — мой друг, а твоя дочь — враг.

— Верно! — сказал царь.— А не подучил ли тебя кто-нибудь?

— Нет! — ответил егет.

Отдал царь зятю свое царство. Молодой царь, объявил:

— Седая борода — знак мудрости. Меня на царство возвел не царь, а мой старый отец,— и отменил обычай убивать стариков. И царствовал советуясь с мудрецами. Седобородого отца сажал он на самое почетное место и оказывал ему почести. Поэтому все его дела, говорят, вели к удаче. Этот царь и поныне жив-здоров. Справедлив его суд, оттого, говорят, и уважает его весь народ. Съездив сегодня, вчера я с ним повидался. Не врут люди. Угостил он меня на славу и отправил домой с гостинцами. «Расскажи,— говорит,— обо мне молодым. Пусть,—

говорит, — отцов своих и матерей почитают и берегут. Старый человек — хранилище мудрости, а мудрость — дороже золота».

Сказка моя уходит далее, ее ждут, а я остаюсь тут.

40. СКАЗКА О КУРАЕ

В стародавние времена за семью лесами, будто черное пятно на белом снегу жил, говорят, коварный и злой хан. И была у того хана странная привычка — брить голову наголо. И для этого дела каждую неделю приглашал он молодого егета. Но ни один из них не возвращался обратно: едва очередной из них обривал ханскую голову, как владыка повелевал снести ему голову. Вся округа жила в страхе и трепете, не зная, как противостоять этим проделкам хана. И никто не мог перечить злой его воле.

В тех местах, за семью лесами, жили старик со старухой, которые пробавлялись чем могли. И было у них трое сыновей-егетов. Сначала хан велел прибыть к нему старшему из братьев. Тот, как и все другие, не вернулся обратно в отчий дом. Спустя неделю пришла очередь среднего из сыновей. Он тоже не воротился назад. Наконец, дошел черед и до самого младшего из трех братьев.

Старик со старухой впали в большое горе. Все, что было съестного в доме, забрали с собой старшие из сыновей, так что младшему на дорогу и дать-то было нечего. Но мать придумала, что делать, чем снабдить младшенького: замесила из лебеды муку на своем грудном молоке и испекла из того теста лепешку. Положил егет ту лепешку в свою котомку и вышел в путь-дорогу.

Поднявшись на вершину Ирендыка*, он в последний раз оглянулся назад, чтобы взглянуть на те места, где родился и вырос. Душа его сжалась от волнения и печали. Глядел он на холодные прозрачные ручьи, на шумные леса, на тихую гряду Ирендыкских гор, и сам не заметил, как запел полным голосом.

Преодолев высокие горы, пройдя сквозь густые леса, перейдя вброд глубокие реки, добрался он наконец до дворца хана. Ханские слуги тут же повели его к своему владыке. Тот вручил егету острый нож и велел побрить его наголо.

Стоило хану снять с головы свою корону, как егет замер в изумлении: на макушке той головы возвышался козлиный рог!

Все же он не растерялся — споро и аккуратно обрил голову хана. Когда дело было сделано, хан сказал егету:

— Ты подожди здесь, — и вышел в другую комнату.

Егет был очень голоден с дороги. Недолго думая, он вынул из котомки положенную туда матерью лепешку и принялся ее есть. В это самое время появился хан. Увидев в руках егета странную лепешку, жадный хан тут же подумал: «Наверное, очень вкусно то, что он ест», — и у него сами собой потекли слюнки.

— Что ты там ешь? — спросил он. — Отломи и мне кусок от своей лепешки.

Егет послушно отломил кусок и подал хану. Съел хан поданный хлеб и воскликнул в изумлении:

— И в самом деле вкусный хлеб, оказывается! Из чего он сделан?

— Эта лепешка из лебеды, — ответил егет. — Мать замесила ее на своем грудном молоке.

Растерялся тут хан, думает про себя: «Я съел лепешку, которую его мать замесила на своем молоке. Выходит, я стал его молочным братом и поэтому не имею права проливать его кровь. Но если я его не убью, он будет направо и налево рассказывать о моем роге. Что же теперь делать? Как выйти из такого положения?»

И решил хан отправить егета в такое место, которое никогда глаз человеческий не видел, ухо людское не слышало, ничья нога туда не ступала: «Пусть сам умрет своей смертью!»

Ханские слуги связали егета по рукам и ногам, завязали черной тряпкой ему глаза, взвалили на лошадь и отвезли в непролазную чащу леса.

Жил там егет, питаясь этлеком, саранкой и всякими прочими ягодами. Потом он смастерил себе лук со стрелами и стал охотиться на дичь. Из шкуры зверей сшил себе шубу.

Но как бы то ни было, смертельно тоскливо было ему в том лесу, куда никогда не ступала нога человечья. Особенно сильно тосковал он по отчему дому, по родному Ирендыку. Трудно было ему хранить тайну хана. Иногда в отчаянии он кричал на весь лес: «На лбу у хана есть рог!» Но голос его слышали только звери и птицы. Так и бродил егет, не находя обратной дороги.

Однажды, когда усталый лежал он под деревом, подложив камень под голову, а под себя траву, стала вдруг струиться в его уши какая-то дивная мелодия. Он живо поднялся на ноги и пошел в ту сторону, откуда слышалась та мелодия.

Голос привел его на вершину серой горы, и тут увидел он стебель сухого курая. Оказывается, это он выпускал под востром ту удивительную мелодию.

Оторвал егет стебель, дунул в его полый ствол и та мелодия стала еще более сильной и напевной. Очень обрадовался егет. Дуя в тот стебель, он постепенно научился играть на нем знакомые мелодии. И сам стал сочинять новые напевы. И развеялись его мрачные мысли. Ему казалось, что развеялась и та ханская тайна, которая ни на минуту не давала ему покоя. И душа егета обрела спокойствие.

Однажды, играя на курае, егет и сам не заметил, как оказался в родных местах — это певучий росток привел его туда! Радости его не было предела. Сел он на склоне горы и заиграл на курае.

Услышав музыкальный его рассказ, приободрились люди, воспламенился их гнев на злого хана, поднялись они и вместе пошли на его дворец. Отец егета, потерявший двух своих сыновей, держал хана за рог, остальные били злодея чем придется. Так и забили до смерти.

С тех пор превратился курай в народный инструмент, способный повествовать о радостях и горестях людской жизни.

41. ТАЙНА

Жил, говорят, царь, наводивший своим коварством и жестокостью ужас на всю округу. На лбу у него, оказывается, вырос рог, но об этом никто не знал. Раз в год царь стригся, и каждый год это стоило жизни одного егета. Спросите — почему? Царь боялся, что постригший ему волосы егет расскажет людям о роге, поэтому предавал его смерти.

Однажды привели к нему молодого, сильного, красивого егета, известного тем, что умел держать язык за зубами. Царь об этом знал и, когда постригся, решил оставить егета в живых. Заставив его многократно поклясться, что не выдаст тайну, отпустил в родной аул. Народ в ауле, увидев егета живым-здоровым, очень обрадовался, но в то же время и удивился: почему царь пощадил лишь его одного? Стали расспрашивать, но о роге на царском лбу егет никому, даже матери и любимой девушке, не сказал.

Шли годы, много воды после этого утекло. По-прежнему вводили егетов к царю, и они не возвращались, пропадали один за другим. А этот егет вдруг занемог,

начал чахнуть, совсем пожелтел. Привозили к нему табибов-лекарей из разных краев, по-всякому пытались вылечить, но никакое лекарство не смогло одолеть его недуг.

В соседнем ауле жил мудрый старик, сэсэн. Приехал он, осмотрел егета и сказал:

— Похоже, сынок, гнетет тебя какая-то тайна. Ты никому ее не раскрыл, поэтому и хвораешь. Коли нельзя сказать о ней людям, что ж, не говори. Сделай так: пойди к воде и поведай тайну стоящим в ней камышам.

Так и сделал егет: пошел к реке и поведал тайну камышам. На душе у него сразу полегчало, он выздоровел и прожил долгую жизнь. А камыши после этого, говорят, пожелтели.

42. ЗАГАДОЧНАЯ СИЛА МЕЛОДИЙ

Когда-то, в очень давние времена, жил, говорят, искусный во всем егет. Он и певец, и плясун был отменный. Был у него и кыл-кумыз*. Игрой на кыл-кумызе, пением, а то и пустившись в пляс приводил он народ в восхищение. Но однажды бий сказал: «Он портит народ», — и велел посадить егета в зиндан.

Егет и в зиндане не терял времени зря. «Коль не дают играть на кыл-кумызе, не смогу, что ли, сделать что-нибудь другое!» — решил он и, подобрав подвернувшийся под руку пучок конского волоса, постругав и высушив валявшиеся под ногами деревяшки, принялся ладить что-то. Ладил, ладил, и получилось у него то, что мы называем теперь скрипкой. Заиграл егет на скрипке, и задушевная мелодия утешила его в горе и воодушевила.

А у того бия была дочь, одна-единственная. Звали ее Маликой. Когда искусный егет сидел в зиндане, девушка эта тяжело болела. Много месяцев, много лет уже она была больна, и бий никак не мог найти средство, чтобы исцелить ее. Однажды Малика услышала доносившийся из зиндана голос скрипки и впервые за время болезни приподняла голову.

— Слышите? — говорит. — Приведите сюда того, кто играет, а то я умру.

Привели егета в комнату, где под пологом лежала Малика.

— Сыграй мелодию, которую только что играл в зиндане, — сказала она.

Одну мелодию сыграл егет, другую. И девушка, у которой еще утром не было сил приподнять голову, поднялась со своего ложа и села. Егет, раз никто не сказал

ему «Хватит!», играет и играет. Пригубит кумыс из принесенной служителем бия чаши, промочит горло и играет, промочит и опять играет. А девушка, осторожненько раздвинув полог, посмотрела на егета, увидела, какой он красивый, и дух у нее захватило. Тут она и вовсе на ноги встала и говорит матери и своим енгэ:

— Сводите меня в баню, искупайте!

Сводили Малику в баню, волосы её расчесали, косы заплели, накосники подвесили, надели на нее кашмау* и елян*, украшенный монетами, — сидит, как на картинке.

— Пусть и егета в баню сводят, нарядно оденут, — говорит девушка.

Помыли егета, постригли, дали ему нарядную одежду, и никто о зиндане больше не заикался. Только и заботы у него стало, что сидеть возле дочери бия и играть на скрипке. Глядя на красивую девушку, заиграл он еще лучше, еще задушевней. А Малика, слушая его игру, совсем выздоровела.

Таким вот образом спасли задушевные мелодии егета от заточения и поставили на ноги лежавшую при смерти девушку. Есть в них, есть загадочная сила!

43. ЦЕЛИТЕЛЬНАЯ МЕЛОДИЯ КУРАЯ

В стародавние дни, когда горы были как пни, а озера — уже, чем дождевые лужи, жил, говорят, очень знаменитый кураист. Сыграв за свою жизнь на курае на множестве празднеств, на множестве собраний народа, прославился он на весь Урал. Как говорится, глядя на отца, и дети выстрегивают стрелы, глядя на мать, выкраивают шубу, — два сына кураиста тоже были равнодушны к певучей трубочке.

В один из дней состарившийся кураист, почуяв приближение смерти, позвал сыновей и сказал им так:

— Дети мои, немало я прожил, немало повидал. Игрой своей у печального развеивал печаль, беспечного заставлял задуматься, павшего духом подбадривал, счастливому помогал делиться счастьем...

— Верно, отец, верно, — подтвердили сыновья.

— Куда бы ни пришел, усаживали меня на почетное место. За богатством я не гнался. Вот пора теперь отправиться в далекий путь — к дедам нашим и прадедам. Но не могу я, как другие, оставить вам богатое наследство. Простите, сынки! Дороже всего в жизни — добрый нрав...

— Верно, отец, верно, — повторили сыновья.

— Коль суместе умно воспользоваться тем немногим, что вам от меня остается, не будете среди людей последними. Я оставляю одному из вас медный курай, другому — дом и игреневою кобылу. Кто из вас что желает взять?

— Пусть первым агай скажет, — ответил младший сын.

— Ты сам, отец, с курая не очень-то разжился. Пусть уж мне достанутся дом и кобыла, — сказал старший.

— Ты согласен с этим, Кинья? — спросил отец. (Младшего, то есть кинью, и звали Киньей).

— Согласен, отец, согласен, — сказал Кинья.

Отец вытащил из-под тюфяка медную трубочку и протянул ему.

— Ну, простимся, сынки... Кинья, сыграй-ка... Послушаю голос моего курая...

Кинья вывел задумчивую мелодию. Старик, слушая ее, будто задремал — так и ушел туда, откуда не возвращаются.

Похоронили старого кураиста с должными почестями, и, спустя некоторое время, старший его сын женился. Взял в жены молодую женщину, наследницу богатого человека. Хоть и жила она одна, состояние ее не убывало, а когда вышла замуж, еще и прибыло. Богатая енгэ с первого же дня невлюбила Кинью. А после того, как она родила и окрепла, совсем худо Кинье стало жить. Он — и за дитем присматривай, и за скотиной бегай, и дров ли нарубить, сена ли привезти — все на нем. День и ночь в хлопотах, а одежка — плохонький чекмень, на ногах — дырявая обувь. Видел старший брат, как худо братишке, да много ль толку от того, что видел, коль слово жены брало верх! Вот он и помалкивал.

Много всякого перетерпел Кинья от своей енгэ, долго терпел. Когда удавалось уединиться, наигрывал на курае, тем и утешался. Так годы прошли. Повзрослел Кинья, статным егетом стал. И однажды, взяв свой медный курай, ушел он из дома старшего брата куда глаза глядят. Шел, шел, Ик пересек, до Ая дошел. Ай пересек, до Юрюзани дошел. У Юрюзани набрел на пещеру, решил отдохнуть. Застелил каменный выступ мхом, лег, обняв свой курай, и заснул. Разбудил егета шум-гам, гвалт. Открыл он глаза и обомлел: в пещере целая свора шайтанов галдит — о своем ремесле толкует.

Один шайтан говорит:

— Я на ханскую дочь хворь напустил.

— А против этой хвори нет какого-нибудь средства? — спрашивает другой.

— Спасти от нее может только медный курай. Коль кто-нибудь заиграет возле девушки на медном курае, она тут же выздоровеет.

Последние слова шайтана Кинья толком не расслышал. Чтобы лучше слышать, подался немного вперед и невзначай свалился с каменного выступа. Тут шайтаны его увидели, накинулись со всех сторон, подняли визг-вой.

— А-а,— визжат,— ты, оказывается, нас подслушивал!

Попробовал егет отвертеться.

— Нет,— говорит,— ни словечка вашего я не услышал.

А шайтаны чуть не в глаза ему лезут, от своего не отступаются.

— Услышал, наверно! Услышал!

— Говорю же — ничего не слышал. Что я мог услышать?

— И о том, что хворую ханскую дочь можно только игрой на медном курае исцелить, не услышал?

— Нет же!

— Врет он, врет! — визжат шайтаны.— Разорвать его в клочья!

Не зная, что и делать, поднес Кинья свою медную трубочку к губам, дунул, и тут же шайтаны отпрянули от него. А когда егет вывел мелодию, и вовсе кинулись врассыпную. И духу от них не осталось.

«Ага, вон оно как!» — подумал Кинья и отправился дальше своим путем.

Шел он, шел и дошел до одного города. Только вошел в город — слышит от встречного:

— Эй, егет, ты не здешний, что ли?

— Да, не здешний.

— Коли так, спрячь свой курай. У нас тут играть на курае и петь запрещено.

— Почему?

— Разве ты не видел повеление, вывешенное на городских воротах?

— Нет.

— Тогда вернись назад, прочитай и все поймешь,— сказал встречный. Кинья, спрятав курай за пазухой, вернулся к воротам. На воротах висел приказ, в котором было сказано: «По причине болезни единственной дочери хана в городе запрещается играть на курае, петь песни, веселиться. У нарушившего повеление, кто бы он ни был, будет отсечена голова».

Прочитав приказ снова и снова, Кинья почесал затылок, глянул туда-сюда и увидел на другой стороне ворот

еще одну бумагу. На бумаге этой было написано: «Кто сумеет исцелить ханскую дочь, тому хан отдаст ее в жены и впридачу — полханства. Но у того, кто, взявшись исцелить, не исцелит, будет отсечена голова».

«Ай-хай, крутой тут закон», — подумал егет. И пока стоял, раздумывая над этим, подошел к нему воин.

— Ты что, — спрашивает, — стоишь тут такой растерянный?

— Да вот, думаю — закон у вас больно крут.

— Крут, крут. Видел головы на шестах?

— Нет, — сказал Кинья, но огляделся повнимательней и видит: на городской стене, по обе стороны от ворот, торчат шесты, а на шестах — человеческие головы.

— Разглядел? Это головы тех, кто попробовал исцелить ханскую дочь, заполучить ее да полханства впридачу, но не сумел, — сказал воин и пошел в город.

Кинья, побродив по городским улицам, отыскал ханский дворец. У ворот дворца преградили ему путь стражники с обнаженными саблями.

— Ты куда, бродяга?

— Сообщите хану: я пришел исцелить его дочь.

Услышав это, стражники захохотали.

— Эй, — говорят, — оборвыш, оборвыш! Люди почище тебя — сыновья ханов и баев, царевичи и прочие знатные лица с этим не справились. Куда уж тебе, раздергáю, справиться!

Вышел караульный начальник, спрашивает:

— Чего ржете?

— А что, — отвечают ему, — делать, плакать, что ли? Этот голодранец говорит, что исцелит ханскую дочь. Скажите, говорит, хану.

Караульный начальник тоже расхохотался.

На шум сам хан выбежал.

— Что такое? С чего так ржете?

— Да вот, хан мой, султан, этот голодранец попросил сообщить тебе, что дочь твою исцелит.

— Что же, — говорит хан, — попробуй. Только не пришлось бы тебе, егет, потом покаяться. Условия у меня жесткие.

— Знаю. Покажи дочь, — говорит Кинья.

Повел хан Кинью в комнату, где больная лежала. Вот это была комната так комната! Две семьи с ребятами могли бы жить в ней. До чего окна светлые, до чего потолок и стены красивые — и не высказать. Всё драгоценными камнями отделано, золочеными узорами украшено. Посреди комнаты белые шелка расстелены, а на шелках, на мягком возвышении лежит девушка —

красавица из красавиц. Над местом этим легкий, дунь — улетит, полог устроен. Вокруг полога девушки-прислужницы и бабки-няньки сидят.

— Вот она, моя дочь,— сказал хан.— Коль исцелишь, девушка — твоя. Но коль теперь, войдя сюда, исцелить не сможешь, пеняй на себя.

— Ладно, хан мой, султан. Только и у меня есть условие. Во время исцеления в этой комнате никто, кроме больной, не должен оставаться,— говорит Кинья. (Опасался он, сами понимаете, что хан, увидев курай, тут же отберет его и прикажет отсечь у него, у Киньи, голову).

— Будь по-твоему,— сказал хан и вышел, а за ним и остальные вышли.

Кинья запер дверь изнутри, вытащил из-за пазухи курай. Сыграл одну мелодию — девушка глаза открыла. Сыграл вторую — она поднялась и села. Третью заиграл — девушка на пол встала, калоши свои ногами нашарила и пошла как бы танцуя. Егет смотрит на нее зачарованно, глаз не сводит и знай себе наигрывает.

Хан, вернувшись в комнату, увидел в руках Киньи курай и хотел было раскричаться, но, увидев дочь, прямо-таки онемел. Потом, придя в себя, говорит:

— Спасибо, егет, за исцеление! Слово мое нерушимо. Отдаю за тебя дочь, вот она, бери! И полханства отдаю.— Сказав так, хан снял с пальца кольцо с бирюзовым глазком и отдал Кинье.— Но, егет, я и казнию тебя. Сыграв на курае, ты нарушил мое повеление. Стражь, взять его!

Два стражника схватили Кинью с двух сторон.

— Хан мой, султан, позволь слово сказать,— попросил егет.

— Отпустите его, пусть скажет!

— Лекарство, исцелившее твою дочь,— мелодия курая,— сказал Кинья.— Я знал о твоём повелении. Оно имело силу, пока девушка болела, но теперь, когда она выздоровела, силу эту повеление должно потерять.

— Твоя правда,— согласился хан. И стал Кинья его зятем. Разодели его в самые красивые одежды. Свадьба Киньи с ханской дочерью длилась сорок дней, сорок ночей. Не осталось никого, кто бы на свадьбе не побывал, угощений не отведал. И меня туда пригласили, сегодня поехал, вчера вернулся. Чего только не ел, чего только не пил, да жаль — в рот ничего не попало. А из-за чего? Из-за дурости шайтанов.

Вот и все. Сказку в другом месте ждут, а я остаюсь тут.

44. СОЛДАТ И ЦАРЬ

В давние-предавние времена жили, говорят, довольно-таки бедный старик со старухой. В свой срок родился у них сын. Когда в немалых трудах и заботах вырастили они сына, забрали его по царскому велению на двадцать пять лет в солдаты.

Испытал солдат и холод, и зной, отслужил двадцать пять лет и отправился домой. Вот идет он и идет, через крутые горы переваливает, через широкие реки перебирается — кряхтит, но не останавливается. Приблизился он так к месту, где царь жил. Тут пошел проливной дождь. Усталый, промокший до ниточки солдат прибежал к царскому дворцу. Прибежать-то прибежал, а царские охранники не то что пустить во дворец — близко не подпускают. Но солдат на то он и солдат — пробился все же во дворец.

Посмотрел царь на широкую грудь, на горящие глаза солдата и спрашивает:

— Чего тебе надо?

— Я, — отвечает солдат, — отслужил тебе двадцать пять лет, теперь иду домой. Когда дойду, в ауле спросят: «Ты отслужил царю двадцать пять лет, а самого-то видел?» Что я тогда скажу? Вот, чтоб ответить: «Видел», — я и заглянул к тебе.

— Ладно, коли так, — говорит царь и подает солдату напиток в золотой посудине. Выпил солдат напиток и посудину в карман сунул.

Удивился царь.

— Ты зачем, — спрашивает, — ее в карман положил?

— Я, — отвечает солдат, — в ауле скажу: «Самого царя видел, а не верите, так вот его подарок».

«Ай, окаянный, обжулил ведь он меня», — думает царь, а сам, чтобы последнее слово оставить за собой, говорит:

— Я ведь как раз собирался подарить ее тебе. Раз нравится — бери. Я просто так спросил.

— Не зря, выходит, я думал, что ты очень щедрый, — говорит солдат. — Заодно уж подари мне какое-нибудь старое седло.

Царь велел слугам принести старое седло. Взял солдат седло и говорит царю:

— Ты уж выдай мне на этот подарок бумагу с подписью и печатью.

Царь, написав: «Старое седло подарено солдату», — подпись поставил и печать приложил.

Вышел солдат из дворца и, немного отойдя, выбросил старое седло. А вскоре дошел до места, которое назы-

валось Старое седло, и начал выгонять жившего там бая. Бай — на дыбы, а солдат показывает ему написанную царем бумагу. Бай не верит.

— Коль не веришь, айда, пошли к царю,— говорит солдат.

Пришли вдвоем к царю. Солдат, показав бумагу, говорит:

— Бай не отдает землю, которую ты мне подарил.

Царь удивился:

— Разве я тебе землю подарил? Я же подарил старое седло и бумагу об этом написал.

— Бэй! — говорит солдат. — Старое седло — название места, я как раз его и просил, а ты подарил. Коль откажешься от своего слова, я всем объявлю: «Наш царь — обманщик».

Царь с испугу согласился с солдатом, а баю велел переселиться в другое место.

Получив землю, солдат поделил ее поровну между такими же, как сам, бедняками, привез своих стариков и зажил, говорят, неплохо.

45. ИРЕНДЫК

В старину среди Уральских гор в одном из аулов проживали, говорят, старик со старухой. И не было никого беднее их. Кроме полуразвалившегося очага посередине двора, одной большой деревенской чашки-куштабака, трех малых деревянных чашек-тустаков* с тремя ложками да одной поварешки, не было у них ничего.

Старик умер от старости, и осталась старуха вместе с сыном-подростком Умырзаком одна-одинешенька на всем белом свете.

Однажды сказала старуха своему сыну:

— Что пользы здесь жить, невесть от кого охраняя эту развалюху-очаг? Иди, сынок, к людям, постарайся хотя бы одежку на себе справить да домой малость еды принести.

И подался Умырзак в чужие края.

Прошел он почти вдоль всего Урала, но нигде не нашел подходящей для себя работы. В конце концов, нанялся батраком к какому-то баю. Три дня прошло, а там и вся неделя, а бай все не заставляет его работать, делать что-нибудь. «Удивительный господин», — думает про себя Умырзак.

Не выдержал он, по истечении недели подходит к баю и говорит:

— Безделье мне надоело, бай-агай. Не будет ли какой работы?

— Будет,— отвечает бай.

И он велел Умырзаку пойти к стаду, зарезать там бурого телка, содрать с него шкуру в целом виде и принести ее.

Умырзак в точности исполнил его приказание. Тогда они сели в телегу, взяли с собой ту шкурку красно-бурого телка и три мешка из крапивы и поехали в горы.

У склона горы по названию Қаятау бай велел остановить лошадь и разложить шкуру на земле. После этого он приказал Умырзаку войти в шкуру и лечь, подобрав ноги. Ничего не понимая, егет исполнил его приказание. Тогда бай обвязал вошедшего в шкуру Умырзака длинными ремешками, сам же отошел в сторону и стал наблюдать, что произойдет.

Прошло немного времени, вдруг появились два огромных беркута, вонзили свои когти в шкуру телка и унесли свою ношу на вершину горы Қаятау. Там они стали рвать шкуру своими могучими когтями, клевать крепкими клювами, пока не разодрали ее в клочья. Увидев завернутого в шкуру человека, птицы испугались и улетели, захватив с собой шкуру.

Умырзак поднялся на ноги, кинул взгляд по сторонам и увидел бесконечную гряду гор, среди которых он был единственным живым существом.

Тогда крикнул ему снизу бай, следивший за ним все это время:

— Что ты там стал столбом? Бросай вниз драгоценные камни и золотые слитки, что валяются под твоими ногами!

Осмотрелся Умырзак и видит: действительно, лежат вокруг него слитки золота и серебра, всякие разные драгоценные камни. Стал он бросать те слитки да камни вниз, а бай ловит да накладывает в мешок из крапивы. Когда тот набил второй мешок, пришла в голову Умырзака нежданная мысль, от которой он весь похолодел: «Бросать-то золото я бросаю, а как потом буду спускаться?»

— Эй, бай-агай! А как я отсюда буду спускаться? — крикнул он со своей скалы.

Бай ему отвечает:

— Ты знай себе бросай вниз драгоценности! Когда я наполню третий мешок, скажу тебе, как и откуда следует оттуда спуститься вниз.

Поверил ему Умырзак, снова стал бросать вниз драгоценности, пока не наполнился и третий мешок. Завязав

все три мешка тугим узлом, бай уехал обратно, бросив на ходу Умырзаку:

— Я тебя семь дней не занимал никакой работой. Эти камни будут мне за эти семь дней. А теперь тебе придется остаться там навсегда. Оглянись по сторонам и ты увидишь, что там валяются кости таких же бедолаг, как и ты!

Огляделся Умырзак по сторонам и видит: и впрямь вокруг валяется множество человеческих костей. Оказывается, коварный бай заставлял проделывать такое многих других своих слуг и батраков, а потом покидал их на произвол судьбы.

Заметался Умырзак в поисках обратной дороги, но таковой нигде не было: черные, отвесно повисшие камни обрывались вниз и спуститься по ним было невозможно. Недаром же ту гору называли Қаятау*.

Три дня и три ночи без воды и еды провел Умырзак на вершине той горы. Вдруг снова появились те самые беркуты, неся с собой волка. Они мгновенно растерзали свою жертву и стали ее пожирать. Вот тогда Умырзака и осенило: он вынул из кармана ножичек и бросился на хищных птиц. Те в испуге улетели, а Умырзак быстренько освежевал ножичком волка, у которого орлы выклевали глаза, а сам забрался под шкуру, аккуратно в нее завернулся.

Вскоре птицы вернулись обратно. Увидев, что человека на скале нет, стали вновь терзать волчью шкуру. Тогда Умырзак осторожно высунул руку из-под шкуры и крепко ухватился за ноги беркутов — в каждой ладони по одной ноге двух беркутов. Те издали испуганный клекот и взлетели в воздух. Но Умырзак не выпустил их ног, летел вместе с ними. Поняв, что от ухватившегося за них человека ни за что не избавиться, птицы вынуждены были опуститься на одно возвышенное место, и тогда Умырзак разжал свои руки. В страхе беркуты тут же улетели неведомо куда, а ошалевший от радости Умырзак закричал что есть мочи: «Ну теперь мы научены — уренддык!»

С тех пор эти горы стали называться Иренддык*.

Умырзак перевалил через Иренддык и снова пошел по аулам в поисках работы. И вдруг ему снова повстречался все тот же бай.

— Бай-агай, не возьмешь ли меня к себе слугой или пастухом? — обратился он к богачу.

Бай пригляделся к Умырзаку, но так его и не узнал. Что ни говори, а за это время Умырзак сильно оброс

бородой; к тому же бай и предположить не мог, чтобы тот егет сумел каким-то образом спастись и остаться в живых. Разве были такие, что спаслись до него!

— Мне нужен расторопный слуга, — сказал бай и увез Умырзак к себе домой. Три дня прошло, пять миновало, а там и вся неделя пролетела без дела. Пришел Умырзак к баю и говорит:

— Надоело бездельничать, бай-агай, дай мне какую-нибудь работу!

— Будет тебе работа, — отвечает бай. И велел Умырзаку сходить к стаду и освежевать красно-бурого телка, принести его шкуру. Когда Умырзак исполнил его требование, бай велел найти три мешка из крапивы. Когда и это задание было выполнено, он приказал запрячь лошадь, положить на телегу шкуру телка и три мешка из крапивы, после чего они отправились в сторону гор.

Когда подъехали к подножью горы Каятау, бай велел расстелить шкуру телка и завернуться егету в ту шкуру.

— Не понимаю, что надо делать, — сказал Умырзак. — Может быть, ты вначале покажешь, бай-агай?

— Что тут непонятного? — рассердился бай. — Вот как надо это делать! — И он лег в шкуру, завернувшись ею со всех сторон. А Умырзаку только того и надо было — он быстренько скрутил бая крепкими веревками, а сам отошел в сторону и стал наблюдать, что произойдет.

— Эй, что ты делаешь, сынок? Выпусти меня из шкуры! — жалобно закричал бай. Но Умырзак только посмеивался в усы.

А потом прилетели два могучих, величиной в самригуша* орла, подняли бая, завернутого в шкуру телка, и унесли на вершину горы Каятау. Там они разодрали шкуру и, увидев внутри человека, испугались и улетели прочь. Увидев, что бай поднялся на ноги, Умырзак закричал ему снизу:

— Эй, бай! Что ты там смотришь? Бросай вниз слитки золота и серебра да драгоценные камни! Работай так же быстро, как и я.

Только тут догадался бай, что это был за человек.

— Умырзак, дорогой сыночек! Скажи, как ты сумел отсюда сойти? Научи меня, пожалуйста!

— Не разговаривай там много, бросай сюда сокровища! Когда наполню все три мешка, научу тебя, как от туда сойти вниз, — ответил ему Умырзак.

Бай стал бросать ему сверху золото и серебро, драгоценные камни, которым нет цены, а Умырзак наполнял ими мешки. Когда все три мешка были заполнены доверху,

Умырзак взвалил их на телегу, крепко их завязал и крикнул, глядя в сторону бая:

— Эй, бай! Посмотри внимательнее по сторонам: там лежат жертвы твоего злодейства — кости погубленных тобою людей. Ты у них и спроси, как опуститься с той горы!

Сказав это, он сел на телегу и поехал в свой аул, к матери.

Сколько не кричал бай, сколько не надрывал горло и не слал проклятий, никто не слышал его голоса. И только на гребне той же горы сидели два беркута, ожидая, когда бай вконец обессилет и свалится на том месте, где стоит.

46. СЧАСТЬЕ, НАЙДЕННОЕ В ПУТИ

В давние времена жил один старик, у него было три сына. Жили они довольно-таки неплохо. День проходил за днем, год — за годом. Сыновья повзрослели и говорят отцу:

— Отец, нам счастья бы...

— Отправляйтесь в путь, сами свое счастье найдете, — ответил отец. — И вот что: в пути отрезайте сало убитых вами зверей и привязывайте к пояснице.

Собрали братья в узелки все, что понадобится в пути, и в один из погожих летних дней отправились счастье искать. Вечером остановились под деревом. Решили: старший брат, Буранбай ночью глаз не сомкнет, а младшие поспят. Буранбай с саблей в руке встал в караул.

Когда стемнело, ближе к полуночи, заметил Буранбай, что ним подкрадывается медведь. Егет зарубил зверя и, вырезав кусок сала, привязал к пояснице. Братьям утром ничего не сказал. Позавтракав, продолжили путь.

Шли они, шли и порядочное расстояние одолели. Долгий день склонился к вечеру, и опять егеты остановились на отдых под деревом. На этот раз в караул встал с саблей в руке средний брат, Бикмет. Около полуночи подкралась к ним рысь. Бикмет зарубил ее и, вырезав кусок сала, привязал к пояснице. Братьям утром ничего не сказал. Подкрепившись, тронулись дальше.

Идут и идут три брата, а конца пути не видать. Снова свечерело. Расположились на отдых. Все сильно притомились. Двое старших как коснулись головами земли, так сразу и заснули. Теперь, пока они спят, должен был охранять их покой самый младший — Баймурза. Он и встал с саблей в руке в караул.

Около полуночи осторожно, ползком-ползком, приблизилось к ним страшное чудище — аждаха*. Но Баймурза был шустрый егет. Разгадал он хитрость аждахи и с одного маху снес ей голову. Вырезав кусок ее сала, привязал к пояснице. А впереди — еще полночи. Постоял Баймурза, поглядывая по сторонам, и вдруг заметил, что в глубине леса огонек мерцает. Взял да направился туда. И обнаружил в чащобе дом. Толкнул дверь — открылась. Вошел в дом, а там какая-то старуха в котле жир вытапливает. Удивилась старуха, увидев перед собой дюжего егета.

— Как ты, — спрашивает, — сюда попал? Сюда даже птица не может залетать.

Тут же, оказывается, жили и сыновья старухи. Старуха свела Баймурзу с ними, а было их двенадцать, и те тоже принялись допытываться, как он сюда попал да по какому делу. А лица у всех свирепые, глаза так и зыркают. Смекнул егет: разбойники. И говорит:

— Я пришел, чтобы подружиться с вами.

Разбойники напоили-накормили Баймурзу, потом быстренько оделись, ему тоже велели одеться и повели с собой. А собрались они ограбить царский дворец.

И вот подходят они ко дворцу прямо-таки ослепительной красоты. Первым через дыру в заборе пролез Баймурза, следом один за другим полезли разбойники. Но Баймурза встал у дыры и, как только разбойник пролезал вовнутрь, тут же отсекал ему саблей голову. Так всех и порешил.

У входа во дворец сидел стражник, но он, оказывается, крепко заснул. А ключ от двери висел у него на большом пальце. Баймурза тихонечко взял ключ, отомкнул дверь. Вошел во дворец, и что, вы думаете, видит? Завернувшись в одни лишь шелка, спят три царевны. Егет быстренько подошел к ним и снял с пальца старшей золотое колечко. «Это, — подумал, — моему старшему брату». С руки второй царевны снял золотой браслет. «Это, — решил, — среднему брату». А себе взял золотую калошу младшей царевны. После этого вышел из дворца, повесил ключ обратно на большой палец стражника и к рассвету успел вернуться к своим братьям. Но о том, что случилось ночью, ничего им не сказал.

Позавтракав, три брата снова тронулись в путь. Шли, шли, невесть сколько прошли и сильно притомились. Еле-еле добрались до одного аула и попросились на постой в крайнюю избу.

А в это время царь разослал во все концы своих

аскеров, чтоб нашли человека, который, отрубив головы двенадцати разбойникам, унес вещи царевен.

— Тут в крайней избе остановились три путника. Наверно, кто-то из них, — сказали в ауле аскерам.

Аскеры схватили трех братьев и — к царю. Егеты выложили на стол золотую калошу, браслет, колечко и сало, привязанное к поясницам. Тут и открылось, что люди они храбрые, а разбойников порешил младший из них, Баймурза. Царь так обрадовался избавлению от разбойников, что тут же решил выдать трех своих дочерей за трех братьев. Разослав куда конь доскачет — гонцов, а куда письма доходят — письма, созвали гостей, привезли отца и мать женихов и сыграли неслыханно многолюдную свадьбу. Зятьев с их отцом-матерью царь оставил жить в своем дворце и все не мог нарадоваться, что избавился от разбойников: они, оказывается, много лет подряд грабили его казну.

Потом по причине своей старости царь посадил младшего зятя на свое место. Убивший медведя Буранбай стал везиром, а Бикмет, справившийся с рысью, — начальником войска. Три брата прожили, говорят, жизнь тихо-мирно, в согласии меж собой. Нашли они свое счастье, отправившись в путь. Недаром говорится: «Деятельность — мать изобилия».

47. СЕКРЕТ ДЕВУШКИ

В давние-предавние времена жил один старик. Был у него сын-дурачок. Когда старик совсем состарился, стало в доме голодно: работать-то некому. Позвал отец сына и сказал:

— Иди-ка, сынок, в город, поищи работу. Не помирать же нам с голоду!

Отправился дурачок в город. Придя в город, зашел в один богатый двор. Ворота там высокие, железные, двор хороший, с садом. В саду хозяин с женой сидит — чай пьют. Рядом слуги стоят, мух отгоняют. Подождал дурачок, пока хозяева чай допьют, и попросил работу. Дали ему работу — свиней пасти.

Стал егет свинопасом и научил одну из трех свиней плясовую играть, одну — плясать, одну — песни петь. Сядет дурачок отдохнуть и забавляется: одна свинья у него плясовую играет, другая — пляшет, третья — песни поет.

Однажды явилась откуда-то девушка-красавица, по-

смотрела, как свиньи егета веселят, и попросила отдать одну свинью ей. Дурачок не соглашается. Тогда девушка говорит:

— У меня в косе — секрет. Угадай — какой? Угадаешь — оставлю свинью, не угадаешь — заберу.

Не угадал дурачок секрета, забрала девушка свинью.

Через некоторое время приехала она в золотой кибитке и увезла вторую свинью. Потом опять приехала, и опять дурачок не угадал секрета, но свинью не отдает: вспомнил, что хозяин пригрозил ему шкуру спустить, коль и третью потеряет. Девушка говорит

— Эх ты, дурачок! Вот какой у меня секрет!

Открыла ему секрет и забрала за это третью свинью. Дурачок, испугавшись, что хозяин шкуру спустит, сбежал домой, в аул. Отцу сказал:

— Хозяин денег не дал.

Вскоре отец той девушки, очень большой бай, надумал устроить празднество и распустил по округе слух:

— Кто угадает секрет моей дочери, тот станет ее мужем.

Охотников угадать набралось немало, только не всех допустили к этому делу: бедняки должны были смотреть со стороны. Пришла на празднество девушка-красавица, при ней — три свиньи. И вот гадают женихи. Один говорит — секрет в свиньях, другой — в ноге девушки: куда, мол, она ступит, там родничок забьет. Но что бы ни придумали, все неверно. Тут дурачок выставился: желает, дескать, открыть секрет. Ему не разрешили, но он настоял на своем, получил разрешение и отыскал в косе девушки два золотых волоса. Все удивились, а бедняки обрадовались.

Но не хотел бай отдавать дочь за бедняка, начал хитрить. Посадил всех женихов рядом и говорит:

— К кому дочь подойдет, за того и отдам ее.

Девушка подошла к бедному егету, побрызгала на него духами, а на богатых невесть чем брызнула.

Но и теперь бай не хочет отдавать дочь за бедняка.

— Кто, — говорит, — хорошо спляшет, за того и отдам.

Вышел в круг богатый жених, а свинья-плясунья хватить — и стащила с него штаны. И никому из богатых сплясать не дала. А когда вышел наш бедный егет, одна свинья плясовую заиграла, другая запела, третья с егетом в пляс пустилась.

И пришлось, говорят, баю выдать дочь за бедного егета.

48. ДВЕНАДЦАТЬ ЗАГАДОК КРАСАВИЦЫ

Жила, говорят, некогда красавица по имени Малика. Однажды при всем народе она объявила:

— Есть у меня двенадцать загадок. Кто из егетов на них ответит, за того выйду замуж, а кто не сумеет, тому голову отрублю.

Многие егеты потеряли головы, не сумев ответить на ее вопросы. И вот, решив попытать счастья, вышел в круг еще один егет.

— Я,— говорит,— отвечу.

— Кто породил самого первого человека? — спрашивает девушка.

— Земля,— отвечает егет.— Земля — наша мать, а отец — Гадэм¹.

— А откуда взялся ворон? — спрашивает красавица.

— Ворон тоже — сын Гадэма, но из-за лени он лишился возможности жить по-человечески,— отвечает егет.

— О чем кричит филин? — спрашивает девушка.

— Человек имеет обыкновение перегружать свой воз, а филин пугает: ух, не потянешь!

— Откуда взялась летучая мышь?

— Была одна лживая женщина, вот она и превратилась в летучую мышь.

— Откуда взялся паук?

— В паука превратилась сплетница, сновавшая по аулу, разнося вздорные слухи.

— Откуда взялась серая мышь?

— Прежде это был болтливый человек.

— Почему у ласточки хвост раздвоенный?

— Во времена Ноя², когда случился потоп, за ее хвост уцепился зубами дракон и выдрал часть перьев.

— А как случился потоп?

— Дело, значит, было так: затопили утром печку, от этой печи вода во все стороны и хлынула.

— Каких деревьев на свете больше — зеленых или сухих?

— Сухих,— говорит егет.

— Почему это — сухих? Зеленых ведь больше?

— Коли на дереве есть сухая ветка, оно уже не сплошь зеленое, так что приходится отнести его к сухим.

— Кого в мире больше: мужчин или женщин?

— Женщин.

— С чего это ты взял? Должно быть, мужчин больше.

— Тех, кого жены держат под каблуком, я не считаю

мужчинами, — отвечает егет. — Они не мужчины, а бабы.

Восхитила девушку находчивость егета, вскочила она и говорит:

— Я — твоя!

Пожились они и поныне, говорят, здравствуют.

49. БАЛКАНТАЗ

Жили встарь старик со старухой. В один прекрасный день родила старуха сына. Назвали его Балкантазом. Вскоре старик умер. Вырастила сына мать. В свой срок и она умерла. Остался Балкантаз круглым сиротой. Тогда продал он дом и отправился искать работу. Притомила егета дорога. Устал, обессилел он не евши, не пивши и, дойдя до большого города, сел отдохнуть. Тут появился один бабай и говорит:

— Ассалямагалейкум! Ты что сидишь?

— Вагалейкум ассалям! — отвечает Балкантаз. — Притомился, вот и сел, отдыхаю. Издалека пришел. Ищу работу. Не наймет ли, думаю, меня в Мекке¹ какой-нибудь царь.

— Коли так, беру тебя в работники, — говорит бабай. — У меня шесть сыновей, семь снох и одна дочь. Сыновья мои — охотники, все время охотятся. Ты будешь пасти овец, а по вечерам — охранять мою единственную дочь.

Согласился егет, пошел с бабаем. А бабай-то этот, оказывается, — царь. Все шестеро его сыновей и вправду. — заядлые охотники, и пушного зверя бьют, и на серого волка ходят. У старшего царевича — две жены. Царь, конечно, своих сыновей работой не утруждает, поэтому и взял работника.

Егет оказался очень проворным, в работе устали не знал, и царь нарадоваться не мог.

Однажды царевичи поохотились очень удачно. Вернулись и говорят царю:

— Вот теперь скажи, отец, кто проворней: мы или твой работник?

— Вы проворные, — ответил царь. — Но мой работник проворней. Поэтому и овцы у меня сыты, и за дочь я спокоен, вечером ко дворцу никто не подходит.

Тут младший царевич говорит:

— К слову, отец, наша сестрица одному солдату приглянулась, он хочет посвататься.

— Я свою дочь просто так ни за кого не отдам, — от-

вечает царь.— Велю ей загадывать загадки: кто отгадает, за того отдам, а кто не отгадает, у тех головы поотрубаяю.

Попробовали сыновья отговорить отца от такого дела.

— Нельзя,— говорят,— так. Знатные люди могут ни за что ни про что погибнуть, а какой-нибудь нищий отгадает загадки, и тогда отдавай за него сестрицу!

Но уперся царь.

— Людей у меня,— говорит,— много. Погибнут так погибнут. Вызову во дворец триста егетов, и пускай отгадывают. Коль не отгадают, со всех трехсот — головы долой!

— Зря людей перебьешь,— сказали сыновья и ушли, рассерженные.

В это время к старшей царской снохе приехал погостить братец, а братишку средней снохи в солдаты взяли (они царю молодыми сватами приходились). Вот собрал царь триста егетов, а среди них и эти двое оказались. Стали егетов по одному вызывать и загадки загадывать — никто не может отгадать. Солдаты их одного за другим казнят — только головы летят. Двух царских сватов тоже казнили и у порога положили. Пришли снохи, глядь — их братишки мертвые лежат.

Хлопнула старшая сноха рукой по столу и говорит царю:

— Ты убил моего братца. Я буду не я, коль не ославлю твою хваленую дочь, заставив выдать ее за пастуха.

Ушла она к себе домой и послала за Балкантазом. Его тотчас же привели с поля. Женщина эта объяснила ему наедине что к чему, и повела во дворец. Очень удивился Балкантаз, придя во дворец. Спрашивает:

— Енгэ*, что эта за жертвы? Не война ли случилась?

— Да царь их поубивал, не смогли загадки отгадать,— отвечает та.— Иди-ка, зайди теперь ты.

— Стесняюсь я, бешмет у меня больно уж драный,— говорит Балкантаз.— Снять, что ли?

А царская сноха торопит:

— Иди как есть, не стесняйся!

Зашел Балкантаз в комнату и увидел царевну. Как увидел, так и сел. До того царевна красивая, что глаз не оторвать. Сидит Балкантаз, глядит на нее, разинув рот.

— Балкантаз, иди, сними свой бешмет, потом я тебе загадки загадаю. Коль отгадаешь, выйду за тебя замуж,— говорит царевна, а сама посмеивается.

Вышел Балкантаз, быстренько разделся и вернулся. А царевна с отцом-матерью все посмеиваются.

— Вон,— говорят,— у каких ничего не вышло, где уж этому бедняге отгадать, за смертью пришел. Ну,— говорят,— садись...

Сел Балкантаз на чурбак, и принялась царевна загадки загадывать, а он — отвечать.

— У вершины — шесть ветвей,—

Что за ветви, Балкантаз? — спрашивает царевна.

— У вершины шесть ветвей,—

То не братья ли твои? — отвечает егет.

Царь, пораженный верным ответом, свалился, говорят, без памяти со своего трона. Царица пока сидит, слушает.

— Семь корней в одном пучке,—

Что за корни, Балкантаз?

— Семь корней в одном пучке,—

То не семь ли царских снох?

Тут и царица лишилась чувств. А раздосадованная царевна все еще надеется взять верх.

— Много жира в паре дынь,—

Что за дыни, Балкантаз?

— Много жира в паре дынь,—

То не груди ли твои?

— Блещут в поле огоньки,—

Что такое, Балкантаз?

— Блещут в поле огоньки,—

То не волчьи ли глаза?

Расстроилась царевна донельзя, да что делать — не теряется егет. И запричитала она в досаде:

— Чем с тобою, тазом, жить,

Осрамясь, всю жизнь тужить,

Обернусь плотвичкой серой,

В реку быструю нырну...

А Балкантаз в ответ:

— Коль плотвичкой серой станешь,

Что ж, я серой щукой стану,

Из реки тебя верну!

Дальше их спор продолжался так:

— Чем с тобою, тазом, жить,

Осрамясь, всю жизнь тужить,

Обернусь сорожкой белой

И в морскую глубь уйду.

— Коль сорожкой белой станешь,

Что ж, я белой щукой стану,

В глубине тебя найду!

— Чем с тобою, тазом, жить,

Осрамясь, всю жизнь тужить,

Обернусь голубкой сизой,

В небо синее взлечу.
— Коль голубкой сизой станешь,
Сизым ястребом я стану
И, догнав тебя, схвачу!
— Чем с тобою, тазом, жить,
Осрамясь, всю жизнь тужить,
Закружусь голубкой белой
В поднебесной вышине.
— Коль голубкой белой станешь,
Белым ястребом я стану,
И достанешься ты мне!
— Чем с тобою, тазом, жить,
Осрамясь, всю жизнь тужить,
Взмою ястребом сама я,
Скроюсь в облаке густом.
— Ну, коль ястребом ты станешь,
Значит, беркутом я стану —
Потягайся-ка с орлом!..

В это время пришла старшая царская сноха (хочется же ей узнать, что тут делается). Царевна запричитала, обратившись к ней:

— Может, таз уйдет отсюда,
Коль айрану дашь ему?

А Балкантаз:

— Я тебя, айрану выпив,
Ай, как крепко обниму!
— Может, таз уйдет отсюда,
Посули ойрэ ему!
— Похлебав ойрэ, тебя я,
Ой, как жарко обниму!

Сказав так, Балкантаз ушел со старшей царской снохой.

Балкантаз, проучившись сорок лет, стал, говорят, царем, занял место тестя.

50. КАК ЦАРЕВНА ВЫБИРАЛА СЕБЕ МУЖА

Раньше в этих местах, где мы с тобой живем, жили, говорят, старик со старухой. Было у них три сына. За месяцами годы летели, выросли сыновья, егетами стали, и всем троим захотелось жениться. Но из-за того, что отец у них был бедный, так и ходили они неженатые — в те времена калым за девушку просили очень большой.

Тут как раз умер их царь. Сына у него не было, поэтому его единственной дочери велели выбрать нового царя.

Царевна была очень красивая, кто б ее не увидел — сразу влюблялся. И вот решила она выбрать себе мужа, а стране — царя из числа самых храбрых людей. Стали свататься к ней цари и царевичи из соседних стран, но никто из них не смог выдержать испытание и живым домой не вернулся. Оказывается, каждого, кто хотел жениться на царевне, в первый же вечер отправляли спать одного в отдельную комнату. А ночью в комнату являлись всякие чудища — убыры, мяскяй, албасты* — и жених от страху лишался жизни. Из-за этого прямо-таки измаялись — никак не могли выбрать нового царя.

Тогда три сына старика-бедняка тоже решили попытать счастья. Первым отправился на испытание старший сын. Царевна встретила его ласково, угощенья выставила, потом проводила в спальную комнату. А в полночь что-то загремело-загрохотало, дверь в комнату открылась, и в сторону егета пополз какой-то огонек. Ну, у него со страху сердце и разорвалось.

Не дождавшись старшего брата, средний сын сказал: — Будь что будет, пойду теперь я!

И его царевна встретила ласково, накормила-напоила и в спальную комнату проводила. Только наступила полночь — опять что-то загремело-загрохотало. Егет, чтобы не слышать, взял да заткнул уши ватой. В это время вдруг распахнулась дверь, и в комнату вполз какой-то огонек. Затрясся егет со страху, то в жар его бросает, то в холод. А тут появилось в комнате еще одно чудище. Побежало оно, топая копытами, к кровати и принялось стягивать с егета одеяло. У егета глаза на лоб полезли. А чудище вдобавок возьми да лизни его ногу. «А-а-а!» — закричал егет и отдал богу душу.

Ждали его дома, ждали — не дождались. Не вернулся. Теперь пришел черед младшего сына. Как ни старались отец с матерью удержать дома, таки ушел.

Младший сын был очень красивый. Царевна, увидев его, прямо обомлела. Долго не решалась испытать егета. И не испытала бы, да ей муж, а стране царь нужен. Пришлось проводить в спальную комнату и его. В полночь, как уже бывало, что-то загремело-загрохотало. А егет хоть бы сколь-нибудь испугался! Запел протяжную песню — узун-кюй*, сидит поет. Грохот даже притих было, потом опять загремело-загрохотало, дверь распахнулась, и к егету медленно пополз какой-то огонек. А он, разинув рот от удивления, слез с кровати, подошел поближе к огоньку и видит: по полу ползет черепаха, а на спине у нее сальная свечка горит. Егет сунул черепаху в оказавшийся

тут же сундук, свечку — под подушку, а сам — обратно в постель. Только лег — в комнате появилось еще какое-то существо и принялось стягивать с него одеяло. Егет вскочил и нашарил в темноте чьи-то рога. Пошарил еще и засмеялся: страшное существо оказалось обыкновенной козой. Отвел егет козу в угол, привязал там и опять лег спать. Но тут входит в комнату какое-то страшилище, что-то белое, вроде бы с человеческими очертаниями, да ростом под потолок, к тому же беспрестанно ревущее. Егет не струсил, схватил свою шапку и запустил в голову страшилища. И оно вдруг переломилось надвое, половина упала на пол. Егет высек кресалом огонь, зажег свечку и ничего, кроме белой тряпки, надетой на палку, и улыбающейся царевны не увидел. Пока стоял он в растерянности, царевна подбежала к нему, повисла на шее и говорит:

— Хай-хай, и смелый же ты, оказывается, егет! С сегодняшнего дня я — твоя, и царство тоже — твое.

После этого три дня и три ночи справляли свадьбу, и старика со старухой не забыли пригласить. Молодые, говорят, поныне здравствуют и неплохо-таки царствуют.

Вот ведь оно как! Всегда смелым надо быть!

51. БЕДНЫЙ ЗЯТЬ

В давние-предавние времена полюбили друг дружку егет и девушка. Но егет был беден, а девушка — единственная дочка бая.

— Давай я тебя умыкну, — говорит егет девушке. — Тогда уж нас поженят.

— Нет, — отвечает девушка, — сделаем не так. Приди к моему отцу, послушаем, что он скажет.

Пришел егет к отцу да матери девушки, дал знать, что любит их дочку и хочет на ней жениться. Те решили посмеяться над ним.

— Ладно, — сказал бай, — приди в другой раз, но ни конным, ни пешим, ни по дороге, ни по бездорожью не заявляйся.

Егет отправился к ним в другой раз. Запряг корову и пробил путь через сугробы. Бай опять решил посмеяться над егетом.

— Вот, — говорит, — есть у меня ни разу не топленный, заброшенный дом. Переночуй сегодня в нем. Коль с холоду не околеешь, отдам за тебя дочь.

Зашел егет в дом. Холод в нем такой, что ни одна

собака не выдержит. А на егете и одежды-то порядочной нет. Начал он зябнуть. Озяб и, чтобы согреться, давай таскать туда-сюда стоявшую у порога каменную ступу. Таскал, таскал — жарко стало. Лег спать. Как озябнет ночью, так потаскает ступу с места на место, согреется и опять спит.

Когда рассвело, увидел бай, что егет жив-здоров, и решил испытать его в последний раз.

— Моя старуха хлеб печет,— говорит бай,— сейчас начнет вынимать из печи. Она будет вынимать, а ты тут же разрежай горячий хлеб на мелкие кусочки.

Егет пошел в дом и весь хлеб, вынутой старухой из печи, тут же порезал.

— Ладно, видать, хозяйствовать сможешь,— сказали родители девушки и выдали ее замуж за бедного егета.

52. СКАЗКА ПРО СОЛДАТА

Служил при старом режиме один солдат. И стрелять он был ловок, и умом сообразительный.

Однажды солдат, получив разрешение командира, пошел погулять по городу. Город был очень большой. И был в нем четырнадцатизэтажный дом, в котором жил царь. Идет солдат мимо этого дома, а на балконе четырнадцатого этажа царевна стоит. «Ах, какая красавица!» — ахнул солдат и пошел дальше.

А царевна услышала его слова и пересказала отцу. Выбежал царь на улицу.

— Эй,— кричит,— вернись!

Вернулся солдат.

— Это верно, что ты ахнул, увидев мою дочь? — спрашивает царь.

— Так точно! — отвечает солдат.

— Может, ты желаешь познакомиться с ней?

— Не мешало бы.

— Вот тебе тысяча рублей,— говорит царь.— Попробуй за сорок дней незаметно пробраться в ее комнату. Ежели сумеешь, царевна — твоя, не сумеешь — лишишься головы.

Раз завелись деньги, солдат и генералом попробовал нарядиться, и чужестранцем, и штабным офицером, а пробраться к царевне не удается, тут же его уличают. Прошло тридцать дней, дело, похоже, не выгорит.

Зашел солдат в буфет, взял поесть, а еда не лезет в горло: нет у солдата настроения. Сидел возле самых

дверей старик в плохонькой одежонке. Увидел он, что солдат невесел, и спрашивает:

— Ты что, егет, сидишь вздыхаешь? Расскажи про свою нужду, может, я чем помогу.

— Э,— отвечает солдат,— я уж и с генералами, и с чужестранцами советовался, и то ничего не вышло, а с тобой советоваться — подавно не выйдет.

Тут заглянул в буфет один унтер-офицер. Поведал ему солдат, чем озабочен.

— Ты с такими, как мы, не советуйся. Попроси совета у старого да малого,— сказал унтер-офицер.

Как раз подвернулся под руку малый лет четырнадцати. Посадил его солдат с тем стариком за свой стол, рассказал за едой про свою печаль. Малый говорит:

— Надо во что бы то ни стало найти мастера, который умеет делать гармошки и всякие другие инструменты

— А мне,— говорит старик,— надо пятьсот рублей. Коли есть у тебя такие деньги, то двадцать пятого февраля будешь в царском доме.

— А зачем тебе деньги? — спрашивает солдат.

— Да мне-то самому ни копейки не надо,— отвечает старик.— Хочу ради тебя инструмент смастерить. Раньше я гармошки, патефоны, скрипки, органы делал. Чтобы инструмент смастерить, надо то да се купить.

Но мастерить инструмент — долгое дело. Поэтому купили на базаре готовый орган. Солдат залез в него. И вот четыре человека перетаскивают орган с места на место, а старик на нем играет и деньги собирает. Так дошли до царского дома. Игра царю понравилась, кинул старику пятьсот рублей. А царевне очень инструмент понравился. Пристала к отцу:

— Давай купим!

— Продашь орган? — спрашивает царь у старика.

Сторговались, дал царь полторы тысячи рублей. Четыре человека кое-как затащили орган на четырнадцатый этаж, к царевне.

Вечер наступил. Укладывается девушка спать. Тут из органа вылез солдат. Царевна с перепугу закричала дурным голосом и — бегом к отцу. Пришли, посмотрели — никого нет.

— Да кто тут может быть! — сказал царь и ушел обратно в свою комнату.

Царевна, успокоившись, легла спать. Ночью солдат подобрался к ней, тихонечко будит. Царевна собралась было закричать опять дурным голосом, да солдат успел сказать:

— Мы же с твоим отцом договор заключили, ты это хорошо знаешь. Теперь ты — моя, я — твой.

— Как ты людям на глаза покажешься? — спрашивает царевна.

— Скажешь — орган сломался, вызовешь мастера, вот меня и увидят, — отвечает солдат.

Царевна так и сделала. Утром вызвала мастера. Ну, тут и любопытные набежали. Солдат в органе сидит, мешает мастеру инструмент наладить.

— Откройте дверцу органа, — говорит царевна.

Только открыли — выскочил солдат, встал перед царем.

— Честь имею! — говорит.

Раз заключили договор, царю куда деваться? В растерянности он даже царство свое солдату предложил.

— Оставь корону и трон себе, я ведь такого условия не ставил, — сказал солдат.

Женился он на царевне и, став царским зятем, принялся свое хозяйство налаживать.

53. КАК ПЛЕШИВЫЙ СТАЛ СОЛДАТОМ, А ПОТОМ ЦАРЕМ

Жили, говорят, старик со старухой. Было у них три сына. Когда сыновья выросли, старик дал каждому по триста рублей и отправил по свету, чтобы они выучились какому-либо ремеслу.

Старший сын пропал три года и вернулся, не выучившись ничему, спустив все деньги. Со средним сыном случилось то же самое. Через четыре года вернулся младший сын, Плешивый, и сказал, что овладел всеми ремеслами, какие только есть на свете.

Вот пришла повестка старшему идти в армию, а затем — среднему. Прощаясь с ними, младший брат сказал:

— Возвращайтесь в хорошей солдатской форме.

Но те вернулись из армии оборванные, замызганные. Младший брат говорит:

— Я бы на вашем месте постыдился в таком виде домой возвратиться.

Настал черед идти в армию ему самому. Старшие братья провожают его:

— Если на тебе не будет справной формы, мы тебя изобьем!

Начал служить Плешивый у царя в охране. А в соседнем царстве жила такая красавица-царевна, что

остальные цари заказывали ее портрет за тысячу рублей и давали желающим смотреть за сто рублей.

Вот Плешивый солдат стоит раз на карауле и говорит сам себе:

— Было бы у меня сто рублей, я бы женился на этой красавице-царевне.

Кто-то передал эти слова царю. Царь пригласил солдата к себе и говорит, чтоб тот выполнил свое обещание, в противном случае лишится головы. Солдат попросил денег, царь подписал ему чек на крупную сумму.

Прибыв в соседнее царство, солдат первым делом справился, где бывают царские дети, и выяснил, что по вечерам царевна посещает ресторан, где в обращении только золотые деньги.

Когда царевна вечером приехала в ресторан, солдат переоделся нищим и сел у входа, прося подаяние. Царевна прошла мимо него с красавцем-царевичем из другого царства. Царь не разрешал ему встречаться с дочерью. Тот видался с ней тайком. Солдат — за ними. Царевич делает заказ на пять рублей, а солдат за соседним столиком заказывает ужин на десять рублей.

На другой день опять приходят в ресторан царевна с царевичем, а вслед за ними — солдат. На этот раз царевич делает заказ на десять рублей, а солдат — на пятьдесят. Царевич говорит:

— У нищего это, вероятно, последние деньги.

В ресторане играла музыка. Вот нищий просит подать ему гитару, чтобы поиграть. Все смотрят на царевну. Она разрешает. Когда заиграл нищий, все замолкли: во всем царстве не было такого музыканта. Царевна велит подойти ближе. Нищий играет теперь для царевны, играет долго и вдруг падает как подкошенный. Все подумали, что он выпил лишнего.

Царевич приказывает вытащить нищего на улицу, но царевна говорит, чтоб он отлежался в ресторане до утра. Нищий остался лежать на полу. И слышит он такой разговор:

— Когда мы сможем быть наедине? — спрашивает царевич.

— Я живу на двенадцатом этаже. Ровно в полночь приди к подъезду дворца, зайди в лифт, нажми на кнопку, и ты будешь у меня. Уйдешь от меня до рассвета. Часы свои и мои отнеси часовщику, чтобы сверил наши часы и чтобы ходили точно.

После этого они покинули ресторан. Солдат тут же поднялся, выбежал на улицу: нашел часовщика и спра-

шивает про часы царевича и царевны. Тот отвечает, что сейчас направит часы.

Солдат:

— А сколько он дал тебе за работу?

— Двадцать копеек,— отвечает часовщик.

— Вот что,— говорит солдат,— я дам тебе пять рублей, если ты сверишь мои часы с часами царевны, и если не подведешь, завтра отдам еще пятьдесят рублей. Только часы царевича должны отставать на один час.

Часовщик согласился. Вскоре царевна пришла и забрала свои часы. Потом является и царевич. А вслед за ним плешивый солдат берет свои часы и отдает мастеру пять рублей.

Ровно в двенадцать ночи Плешивый, одетый точно так, как царевич, заходит в лифт дворца и поднимается в комнату царевны. Та в темноте принимает его за царевича. Они вместе проводят час. Потом раздается звонок в комнату. Солдат подходит к окну, смотрит на улицу и говорит, что там стоит какой-то нищий. Девушка говорит солдату, чтоб он облил нищего. Плешивый берет помойное ведро и выливает на голову царевича. Тот выругался и убежал. Когда они проснулись, уже светало. Девушка начинает торопить солдата. Тот медленно собирается, ищет часы, но не находит, и царевна отдает ему свои часы. Но тут выясняется, что парень потерял также табакерку. Царевна отдает ему золотую табакерку своего отца. Тогда он уходит.

Вечером царевна отправилась на свидание к царевичу, но того не оказалось на месте. Тогда она одна заходит в ресторан. Нищий уже там. Он заказывает ужин на пятьсот рублей.

Царевна задумалась. Нищий, чтобы развеселить ее, заиграл на скрипке и пригласил к своему столу. Вдруг он перестает играть и смотрит на часы. Увидела царевна на его руке свои часы. Через некоторое время нищий закуривает, и девушка с удивлением замечает у него отцовскую табакерку. Спрашивает, откуда у него все это. Тот отвечает, что она сама дала ему и часы и табакерку. Царевна все поняла и говорит:

— Приходи сегодня еще, только смотри, чтобы отец не узнал.

Так началась дружба между царевной и простым солдатом.

А царь задолжал много денег у отца царевича. Тот потребовал немедленно возвратить ему деньги: иначе пойдет на царя войной. Царь объявил, что продает все

свои лавки. Но ни у кого в этом государстве не было столько денег, чтобы купить их.

Приходит к царю, отцу красавицы, солдат и говорит, что он купит все лавки, но только вместе с главным приказчиком, которым был сын самого царя. Царь не хочет продать сына. А солдат стоит на своем. Тогда царь соглашается, уступает свои лавки вместе с сыном и расплачивается с соседним царем.

Вскоре солдат снова приходит к царю и говорит, что возвращается домой и забирает все товары вместе с главным приказчиком. Царь умоляет его оставить сына. Солдат говорит, что готов обменять царского сына на царевну и в придачу к царевичу отдаст царю все лавки с товарами.

Задумался царь, а потом согласился: очень богатым да способным показался ему солдат.

Вскоре сыграли свадьбу. Предупредив своего царя, солдат поехал домой вместе с женой-царевной. Видя, что тот оказался ловким да удачливым, царь уступил ему царство. Плешивый стал царствовать. Но вот он вспомнил об отце и матери и, оставив править государством жену, отправляется с отрядом солдат на родину.

Долго ехал Плешивый. Заехал в лес и заблудился. Набрел там на большой дом, в котором жила старуха одна, и остановился у нее на ночлег. Когда все уснули, старуха прикрутила фитиль керосиновой лампы на окне — это был условный сигнал: в дом ворвались разбойники, старухины сыновья, и перерезали всех солдат. Плешивый царь ничего даже не услышал, — он сидел с денщиком в отдельной комнате и играл с ним в шахматы. Открыв дверь, увидел, что разбойники уже празднуют победу.

Тогда Плешивый и его денщик выпрыгнули в окно, не успев одеться, и побежали в разные стороны.

Плешивый возвратился к отцу в страшном виде. Братья стали смеяться над ним. Он ушел из дому и нанялся к одному богачу пастухом.

Царица долго ждала своего мужа, а потом отправилась на его поиски. В лесу она остановилась в том же разбойничьем доме. В одной из комнат она вдруг увидела одежду мужа и догадалась, куда попала.

В полночь в дом ворвались разбойники, но их встретили пистолетным огнем слуги царицы. Когда были перебиты разбойники, царица вызвала к себе старуху. Та ей рассказала обо всем.

Приезжает царица в деревню, где ее муж пас коров. Плешивый узнал о прибытии жены и угнал стадо по-

дальше,— не хотел, чтобы жена застала его в таком виде.

Но царица обо всем проведала у его отца и послала за ним гонца. Плешивого привезли в деревню, вымыли в бане, одели во все царское.

После этого он отправляется, говорят, вместе с родителями, братьями и с женой-царицей в столицу своего государства.

54. БОГАТСТВО И УМ

В давние-предавние времена у одного старика были три сына. Когда пришел смертный час, позвал старик старшего сына и спрашивает:

— Что ты, сынок, хочешь иметь — богатство или ум?

— Богатство,— отвечает старший сын.

Выделил ему отец богатую долю. Потом позвал среднего сына, спросил о том же. Этот тоже предпочел богатство, и ему отец выделил долю. Позвав младшего сына, задал тот же вопрос. А младший, Таз, говорит:

— Не нужно мне богатство, ум нужен.

— Коли так, пойдя после моей смерти на такой-то базар, найди там белобородого бабая и вцепись ему в бороду. Он тебя уму-разуму научит,— сказал отец и умер.

Жил в том же краю один хан. Была у него дочь, такая красавица, что показывали ее только сыновьям баев за очень большую плату. Братья Таза отдали оставленное отцом богатство, чтобы поглядеть на красавицу, и, вернувшись, принялись похваляться.

— Вот,— говорят Тазу,— раз у нас было богатство, мы увидели ханскую дочь. Иди-ка теперь ты, поглядим, чего стоит твой ум.

А Таз отвечает:

— Вы увидели ханскую дочь за большую плату, а я увижу, не заплатив ни копейки. И не только увижу — еще и поженихаюсь с ней.

Пошел после этого Таз, как велел отец, на базар, нашел там белобородого бабая и вцепился ему в бороду.

— Какая у тебя, сынок, нужда ко мне? — спрашивает бабай.

— Научи, как увидеть ханскую дочь и попасть к ней в комнату,— отвечает Таз.

— Ладно,— говорит бабай.— Иди, купи первым делом козу.

Купил Таз козу. Бабай сел на козу лицом вперед, а Таза посадил лицом назад, и поехали они к ханскому дворцу. Увидела их ханская дочь, распахнула окно, хохочет:

— Посмотрите-ка,— говорит,— на этих дурачков, двое на одной козе в разные стороны едут!

Тогда бабай, связав козе ноги, принялся ширкать по ее хвосту тупой стороной ножа,— якобы пытается резать козу-то. Не выдержала ханская дочь, выбежала из дворца и объяснила, как надо резать скотину.

Освежевали бабай с Тазом козу, мясо, положив кучкой прямо на землю, накрыли казанком и начали разжигать огонь. Опять ханская дочь, увидав это, выбежала.

— Ну,— говорит,— и путешественники! Даже мясо варить не умеете!

И объяснила, как надо варить мясо.

Когда свечерело, ханская дочь сказала слугам:

— Эти неумехи, наверно, и ночлега себе не найдут. Положите их спать в такой-то комнате.

Завели бабая с Тазом в одну из комнат дворца, а они давай скандалить между собой из-за места!

— Ох уж мне эти мудрецы! Ко всему еще и поладить друг с другом не могут! — сказала ханская дочь и развела их: Таза положила спать в свою комнату, а бабая — в комнату своей енгэ.

Утром бабай вышел во двор и принялся кричать:

— Я спал с ханской снохой, а Таз переночевал с ханской дочерью!

Прибежала на крик ханская дочь.

— Возьмите,— говорит,— сколько хотите золота, только, пожалуйста, не кричите так.

И, дав много золота, отправила бабая с Тазом домой.

Старшие братья Таза, когда узнали об этом, чуть не лопнули от зависти и решили убить его. Сунули Таза в ящик, заколотили крышку и пошли в лес за палками, чтобы столкнуть ими ящик в воду. В это время на ящик набрел один пастух. Узнав что к чему, выпустил он Таза из ящика. Накидали туда камней, заколотили крышку, как было, затаились в сторонке. Старшие братья, вернувшись, быстренько столкнули ящик в воду и пошли домой.

Таз, помогая пастуху погонять стадо, направился следом за ними. Оглянулись братья на шум и рты разинули.

— Ты где,— спрашивают у Таза,— столько скота набрал?

А Таз в ответ:

— Вы слышали, когда отправили меня на дно, как вода булькала: буль-буль-буль? Это я отсчитывал себе скот из подводного стада.

Старшие братья, раз ума у них не было, тут же этому поверили.

— Коли так,— говорят,— отправь и нас на дно на том же самом месте. И мы пригоним себе сколько-нибудь скота.

— Будь по-вашему,— сказал Таз, отвел глупых братьев к тому же самому месту, посадил в ящик и, крепко заколов крышку, спихнул ящик в воду.

55. ПЛЕШИВЫЙ, СЛЕПОЙ И БАЙСКАЯ ДОЧЬ

В давние-предавние времена жили, говорят, два знакомца — плешивый, Таз, и слепой. А у одного бая была дочь, до того красивая, что люди приходили и платили большие деньги, чтобы полюбоваться на нее. Однажды Таз и слепой тоже пошли посмотреть на байскую дочь. Таз шел сам по себе, и слепой шел сам по себе. Шли они, шли, и пути у них сошлись.

— Куда идешь, слепой? — спрашивает Таз.

— На байскую дочь посмотреть.

— Да ведь, говорят, ее бесплатно не показывают.

— А у меня есть две тысячи рублей.

— Пошли вместе, я тебе ее бесплатно покажу!

Пошли они вместе. Немного погодя Таз говорит:

— Дай-ка мне сто рублей.

Дал ему слепой сто рублей.

— Слышь-ка, слепой,— говорит Таз,— ты чуток позади меня иди, я пойду по аулу первым и буду кричать: «Кто козу продаст?»

И вот идет Таз по улице и кричит, как сказал. Поравнялся он с домом того бая. Бай с женой, оказывается, в это время где-то гостили, а дома только дочь да сноха остались.

— Давай, энгэ, продадим козу! — говорит девушка.

Договорились, зазвали Таза во двор.

— Почему ваша коза? — спрашивает Таз.

— Тридцать рублей.

Заплатил Таз деньги, попросил у девушки нож и принялся пилить тупым краем ножа шею козы. Заорала коза как зарезанная. Байская дочь, испугавшись, что люди

услышат и отцу-матери скажут, убежала из дому и кричит:

— Острым, острым краем режь!

Так ли, сяк ли зарезали Таз со слепым козу. Освежевав, попросил Таз посудину для мяса. Девушка бегом ведро принесла. Поставил Таз ведро вверх дном, начал мясо складывать. Таз складывает, мясо на землю падает. Девушка опять убежала, научила, как надо делать. Теперь Таз решил разжечь огонь в подворотне, чтобы мяса наварить. Увидев это, девушка говорит:

— Агаи, так не делают, идите в дом, в казане сварите.

Зашли Таз со слепым в байский дом, сварили полный казан мяса, наелись. Наевшись, вышли во двор и сцепились: бац да бац друг друга.

— Сноха — твоя, дочка — моя, дочка — моя, сноха — твоя!

Девушка опять испугалась.

— Агаи,— говорит,— идите, шумите дома, а то ведь люди услышат.

Эти и дома не расцепились, все скандалят. Только после того, как с одним легла спать байская дочь, а с другим — байская сноха, наконец, успокоились.

Утром Таз со слепым тронулись в обратный путь. В пути встретился им одноглазый верхом на саврасом коне. Поздоровались, как водится, и одноглазый спрашивает:

— Откуда идете?

— Были мы,— отвечает Таз,— в таком месте, где я, плешивый, стал кудрявым, а он — слепой, стал зрячим¹.

— Научите и меня, как туда попасть,— говорит одноглазый.

— Подъедь вон к тому дому и исхлещи себя плеткой. Хлещи и приговаривай:

Знаю про ваши делишки,
Будут тумаки и шишки!

Подъехал одноглазый к воротам бая и давай хлестать самого себя плеткой. Хлещет и приговаривает:

Знаю про ваши делишки,
Будут тумаки и шишки.

Убежала, услышав его слова, байская дочь, принялась умолять:

— Агай, агаюшка, уж, пожалуйста, не говори никому, что Таз со слепым переночевали у нас.

Тут одноглазый все понял и плюнул со злости:

— Тьфу! Этот Таз не только вас, но и меня одурачил. Жалко, не удалось мне стать двуглазым, да ладно...

Так ли все было, не так ли, а силы мои иссякли. Сказка ушла дальше, ее ждут, а я остаюсь тут.

56. КАШИКАРИП И МАГИМУГУР

В давние-предавние времена жила, говорят, одна бабка. Был у нее сын по имени Кашикарип и была еще дочь. Жили они очень бедно.

Полюбил Кашикарип бедную, как сам, девушку Магимугур. Но встал между ними сын одного бая: захотелось ему взять Магимугур себе в жены.

Однажды Кашикарип, решив подзаработать денег, собрался в город. Сын бая навязался съездить с ним. Взяли они на двоих одну лошадь и отправились в дальний путь. Ехали, ехали и доехали до широкой реки. Думают, как перебраться на другой берег. Тут сын бая говорит:

— Ты разденься и поплыви первым, а я с лошадью поплыву следом и одежду твою перевезу.

Кашикарип, ничего не подозревая, разделся и поплыл, а сын бая взял его одежду и ускакал домой.

Кашикарип добрался до ближнего аула и, сгорая от стыда, постучался в крайний дом. Рассказали хозяину про свою беду. Его одели, накормили и проводили в город. В городе Кашикарип устроился на работу, стал продавцом в магазине одного купца и проработал у него много лет.

Сам купец продавал товары, разъезжая по аулам. Однажды побывал он в ауле Кашикарипа. Магимугур, узнав, что купец приехал из города, дала ему поднос и попросила:

— Выставь этот поднос в своем магазине. Кто справится о цене, тому расскажешь обо мне.

Привез купец поднос в город и выставил в магазине. Кашикарип, увидев знакомый поднос, принялся расспрашивать купца.

— Магимугур велела тебе сегодня же вернуться, ее отдают за байского сына,— говорит тот.

Кашикарип тут же отправился пешком в свой аул. Пока шел, наступил вечер. Дойдя до одной горы, подумал он, что все равно уж в этот день не доберется до аула, как бы ни спешил,— опоздает, и поднялся на гору. Решил с горя броситься со скалы. Но глянул вниз и видит всадника на сером коне.

— Ты зачем, егет, туда забрался? — спрашивает всадник.

— Умереть хочу,— отвечает Кашикарип.

— Коли так, спустись сюда, я тебя убью,— говорит всадник.

Спустился Кашикарип и рассказал тому человеку, в какое попал положение.

— Айда, я тебя мигом доставлю домой. Сядь на коня позади меня и закрой глаза,— говорит всадник.

Кашикарип, сев на коня, закрыл глаза. Тут серый тулпар* взвился и полетел.

Опустились они в одном ауле.

— Открой глаза. Твой ли это аул? — спрашивает тот человек.

— Нет,— отвечает Кашикарип.

Полетели дальше. Летели, летели и опустились в другом ауле.

— Открой глаза. Твой ли это аул? — опять спрашивает тот.

— Да,— отвечает Кашикарип.— Только никто ведь не поверит, что я добрался до своего аула всего за один день. Научи меня чему-нибудь, чтобы поверили.

Хозяин тулпара дал Кашикарипу горсть земли из-под конского копыта и говорит:

— Коль помажешь этой землей глаза, ослепшие семь лет назад, они прозреют.

Простился Кашикарип с добрым человеком, поблагодарив его от души, подошел к своему дому, постучался.

— Пустите,— просит,— путника переночевать.

— Не пущу,— отвечает мать.— Я слепая. Семь лет назад, когда утонул мой сын, от слез ослепла.

А дочь говорит матери:

— Пусть уж войдет, может, это — мой брат.

— Оставь, не говори пустое,— отвечает мать.— Мертвые не возвращаются.

Все же уговорила ее дочь, согласилась пустить. Вошел Кашикарип, разделся, разговаривает о том, о сем, а кто он — скрывает. Тут увидел он свой курай и говорит.

— Я бы сыграл, коль разрешите.

— Нет,— отвечает мать,— это курай милого моего сыночка, в память о нем берегу.

Егет от своего не отступился, взял-таки курай в руки. А старуха говорит:

— Не играй тут, вон у баев свадьбу справляют, иди, там сыграй.

Обрадовался егет, пошел с сестрой туда, где справляли свадьбу. Попросил разрешения войти. Посадили его у самых дверей на сундук. Сел егет и очень задушевно заиграл на курае.

— Кто ты? — спрашивают его.

Егет сначала назвался чужим именем, но, рассказав всю правду о том, где побывал, что повидал, открыл, кто он такой. Ему не поверили. Тогда он сказал:

— Коль не верите, приведите человека, ослепшего семь лет назад, я верну ему зрение.

Сестра, услышав это, сбегала домой, привела мать. Помазал Кашикарп глаза матери землей из-под тулпарова копыта, она тут же прозрела, увидела сына и, вскрикнув: «Дитя мое!» — обняла его.

Узнав, что Кашикарп вернулся, прибежала из другой половины дома Магимумгур и тоже обняла его. Все, кто был на свадьбе, пришли в изумление, а сын бая взбеленился. Схватил саблю, хочет зарубить Кашикарпа и Магимумгур. Но Кашикарп кинул ему в глаза оставшуюся землю, и сын бая сразу ослеп.

Увел Кашикарп мать, сестру, Магимумгур и, наигрывая на курае, продолжал, говорят, свадьбу у себя дома.

57. ПЕРВАЯ КРАСАВИЦА

Жил, говорят, встарь один бай. Жена у него была очень красивая. Спросил бай у одного акхакала*:

— Можно ли считать мою жену первой красавицей?

— Нет, — ответил акхакал. — Твоя жена — вторая, а первая еще не родилась.

Поклялся бай, что и первая красавица, которой предстояло родиться, станет его женой. Частенько навещал он акхакала, спрашивая, не родилась ли еще она.

В один прекрасный день родила жена бая дочку. Когда дочка выросла и стала стройной девушкой лет семнадцати-восемнадцати, мать умерла.

А бай все мечтал о первой красавице и однажды опять справился, не родилась ли она.

— Родилась, — ответил акхакал, — только жениться на ней ты не можешь.

Стал бай допытываться — почему, и акхакал вынужден был сказать:

— Она — твоя дочь.

Задумался бай, но раз уж поклялся, решил исполнить клятву. Сказал об этом дочери. Та — в слезы, но видя, что слезами горю не поможешь, будто бы согласилась. Велела отцу сшить для нее три новых костюма, купить дорогие украшения. А перед брачной ночью сложила костюмы, ожерелья, браслеты в сумку и, оставив под одеялом вместо себя скомканную материну перину, сбегала через окно.

Вот идет она и идет куда глаза глядят. Пока шла, рассвело, а потом опять вечер наступил. Ночь девушка провела, взобравшись на дерево. Утром, когда еще и роса не высохла, заметил ее один егет охотник. Решив, что на дереве сидит шурале*, охотник прицелился в девушку.

— Не стреляй, егет, я — роду человеческого, — взмолилась девушка.

Егет, хоть и не выстрелил, не поверил ей, но, чтобы не лишиться добычи, повел ее за собой. Приведя к себе домой, сказал матери:

— Вот привел шурале.

И запер девушку в отдельной комнате.

Добыча нисколько не походила на шурале. Вдобавок мать егета увидела однажды, что девушка, помыв голову, расчесывает волосы. Значит, живая душа, годная для работы по дому, решила старуха и попросила у сына разрешения взять девушку себе в служанки.

Егет разрешил.

— Только не позволяй ей заходить ко мне, потому что девушка, первой переступившая порог моей комнаты, должна стать моей женой, — предупредил он.

Повеселела старуха-мать, заимев помощницу. Да и егет с удовольствием ел то, что стряпала девушка.

Егет был единственным сыном этой старухи. Работал он в каком-то театре, а свободное время проводил на охоте.

Как-то, собираясь в театр, начал он умываться. Глядь — мыла нет.

— Мать, принеси мыла! — крикнул егет.

Прежде матери подоспела к нему с мылом служанка.

— Я же сказал — не впускай ее ко мне! Почему послала сюда эту кикимору? — закричал егет и запустил мылом в голову девушки.

Ладно. Ушел егет в театр. Как только он вышел, девушка нарядилась, надела украшения и поехала на извозчике вслед за ним.

В театре приглянулась егету красавица, но не догадался он, что перед ним как раз та девушка, которую сам привел из лесу, приняв за шурале. Спросил ее адрес, а красавица в ответ:

— Я из города Туалетныммыломпоголовеударинска. Сказала так и вскоре, раньше егета, вернулась домой. Потерял егет покой. Города, названного красавицей, на карте не нашел; людей порасспрашивал — никто о таком не слышал.

В другой раз, опять после охоты, собирается егет

в театр, а зубы почистить порошка нет. Попросил порошок у матери, но принесла снова служанка.

— Мать, я же сказал — не впускай ее в мою комнату! — закричал егет и ударил девушку по голове коробочкой с зубным порошком.

В театре снова встретился он с красавицей и во время танцев спросил ее адрес.

— Я из города Порошкомпоголовеударинска, — ответила красавица, а потом быстренько уехала на извозчике.

Вернувшись домой, искал егет на карте город, названный красавицей, но не нашел. А на девушку, которую привел из лесу, приняв за шурале, он и не взглянет — никакого ей внимания.

В один из дней все повторилось. Нагулявшись на охоте, собирается егет в театр. Хотел поодеколниться — одеколону нет.

— Дай-ка, мать, одеколону! — кричит.

Опять принесла служанка, и опять, рассердившись за то, что переступила она запретный порог, егет запустил ей в голову одеколоном.

Ладно, хоть и болит голова, поехала девушка на том же извозчике вслед за егетом и в театре еще раз задала ему задачу, сказав:

— Я из города Одеколономпоголовеударинска.

Потом, приехав домой пораньше, как ни в чем не бывало, занялась своими делами.

Вернулся егет и опять названного красавицей города на карте не нашел.

Переменился егет, теперь уж он совсем не тот, что был. Ляжет ли, встанет ли — на уме только красавица, встреченная в театре. Какая мать не заметит, когда дитя ее переживает! Видя, что сын ходит сам не свой, к работе охладел, за конем своим и собакой толком не следит, охотничье снаряжение в порядок не приводит, мать сказала:

— Ты и за аргамаком своим не ухаживаешь, и собаку забыл, и на девушку, которую сам привел, даже не взглянешь. А она ведь нисколько не похожа на шурале. Пригляделся бы к ней!..

С этого дня начал егет поглядывать на служанку. А когда пригляделся, вернулось желание за конем и собакой ухаживать, оружие к охоте ладить. И чем чаще видел он девушку, тем сильнее хотелось увидеть ее опять.

Почувствовала мать, что приглянулась сыну ее помощница, а егет признал в ней красавицу, с которой познакомился в театре.

Вскоре он через мать посватался к девушке, получил согласие, и они поженились. Народив детишек, и поныне, говорят, живут они в радости.

58. АЙГУЛЬ

В давние времена жил царь по имени Карахан. Любимым его занятием была охота. Охотился он всегда вместе со своим везиром. Вот однажды отправились они на охоту, как обычно, вдвоем. А жены у обоих в это время были на сносях: вот-вот должны родить. На охоте царь с везиром частенько заводили разговор о своих домашних, о женах и будущих детях.

— Как хорошо было бы, кабы и моя, и твоя жена родили сыновей, — говорил царь. — Моя-то уж непременно должна родить сына.

Прощаясь, он наказал царице: «Роди сына. Коль будет сын, устрою пир на весь мир. А коли дочь родишь, уходи до моего возвращения куда глаза глядят».

Пока царь с везиром охотились, царица родила дочь, а жена везира — сына. И царица, никому об этом не сказав, тайком обменяла царевну на везирова сына.

Вернулись охотники домой. Карахан, обрадовавшись, что у него родился сын, созвал все царство на туй*. И везир на свой лад устроил праздник. Дал он дочери имя Айгуль.

Выросла Айгуль, стала очень милой девушкой-красавицей, близкой материнной помощницей. Как только подросла, многие ее приметили и начали сватов засылать. И Карахан, увидев Айгуль, влюбился с первого взгляда, сказал:

— Эта девушка несомненно должна стать моей!

Каждый день в дом везира приходили сваты от царя Карахана, но родители девушки отказывали им. По правде-то отец готов был согласиться, он ведь не знал, что Айгуль — дочь Карахана, да мать стояла твердо, и везир поперек ее слова не шел.

— Ежели отец с матерью не согласятся отдать Айгуль за меня, всех троих изгоню из страны, — пригрозил Карахан.

Загоревали родители девушки. Видит Айгуль, что не в себе они, понимает, какво им. Изболелась у девушки душа: горе-то, думает, из-за нее. И решив: «Может, без меня им будет легче», — ушла она из родного дома, покинула отца с матерью.

Пошла она, сама не зная — куда. Идет и оглядывается: чудится ей, будто царь Карахан за ней гонится. Днем идет и ночью идет. Через дремучие леса, где не ступала нога человека, проходит, неоглядные степи за спиной оставляет. Идучи так, устала Айгуль, голод и жажда ее истомили. Поднявшись из последних сил на высокую гору, села она на белый камень отдохнуть.

Много ли усталому человеку надо! Только села Айгуль, как тут же задремала. И приснился ей такой сон: стоит перед нею белобородый старик в белой чалме, в зеленом одеянии. Стоит, опираясь о зеленый посох, и говорит ей ласково: «Не плачь, дочка, не думай, что ты несчастливая. Счастье твое впереди. Связана твоя судьба с судьбой егета по имени Суанхан, живет он в стране Кушканат, и тебе суждено жить с ним. Вот тебе, дочка, конь и вот серебряный ковшик, чтобы почерпнуть воды, когда пить захочется...»

Тут Айгуль вдруг проснулась, открыла глаза — нет перед ней старика, но стоит подаренный им конь и рядом на камне лежит серебряный ковшик. Быстренько привесила Айгуль ковшик к поясу, вскочила на коня и направила его в ту сторону, куда белобородый старик взмахом руки указал. Мчалась она, мчалась и домчалась до речки. Соскочила с коня, наклонилась, чтобы воды серебряным ковшиком зачерпнуть, и увидела в речке отражение красивого егета. Подняла в удивлении голову и видит: на другом берегу стоит стройный егет. Вспомнила она слова, сказанные приснившимся стариком, и спрашивает:

— Неужто это ты, Суанхан?

А егет:

— Неужто это ты, Айгуль? Дай мне воды из твоего серебряного ковшика испить.

Зачерпнула Айгуль чистой, как серебро, воды, подала ему. Утолив жажду, егет перенес ее на руках на свой берег и рассказал, как оказался у этой речки. Неделю тому назад Суанхан выехал с товарищами на охоту, и встретился ему волк. Погнавшись за волком, оторвался егет от товарищей. Добежал волк до этого места и пропал с глаз. В тот же день, когда Айгуль приснился сон, подобный сон приснился и Суанхану.

Оставим пока Суанхана с Айгуль на берегу речки, обратимся к тому, что происходило у него дома.

В это время мать Суанхана, эбей-батша*, собрав всех охотников, допрашивала их, куда девался ее сын, где его потеряли. Но никто ничего не знал. Видели только, как погнался он за волком.

Прошла неделя, а Суанхана нет как нет. Потеряла мать надежду на возвращение сына, начала готовиться к поминкам седьмого дня*. Но тут вернулся Суанхан, да еще с невестой. Народу, собравшемуся разделить тяжелое горе, сообщили радостные вести. Здорово получилось: сразу два неожиданных праздника справили.

В свой срок у Суанхана с Айгуль родился сын. Назвали его Ильмуратом*.

Суанхан довольно часто отлучался, совершал длительные поездки. Он вел торговлю с другими странами. Однажды, когда он был в отъезде, к его матери пришел бедно одетый человек и объявился предсказателем судеб. Эбей-батша велела ему раскрыть Книгу предсказаний, и этот человек сказал ей:

— У вас, оказывается, есть невестка. У нее дурной нрав. Вашего сына она ни во что не ставит, любит другого...

Сумел предсказатель чем-то угодить царице и остался у нее в пастухах.

Айгуль с сыном жила в своей юрте. Ночью Ильмурат заплакал. Айгуль проснулась, потянулась к ребенку, чтобы покормить грудью, нащупала на нем пресную лепешку и, недолго думая, откусила кусочек. Как только откусила, тут же потеряла сознание. Утром эбей-батша, увидев невестку в таком положении, растерялась. Ума не приложит, что стряслось. Послала за тем предсказателем. А тот обвинил Айгуль в беспутстве. «Ночью,— говорит,— у нее побывал сторонний мужчина. Он ее заколдовал. Жена, изменившая мужу, должна быть наказана*.

Эбей-батша созвала акхакалов своей страны, просит совета. Быстренько послала она весть и Суанхану, вернула его домой. Посудили-порядили акхакалы и вынесли такой приговор: связать вместе сорок кобылиц, привязать Айгуль с сыном к их хвостам, протащить по улице, потом оттащить за высокую гору и бросить там. Исполнить это взялся предсказатель. Дали ему сорок кобылиц. Привязал он Айгуль и ее сына к кобыльим хвостам, погнал в сторону горы. Когда поднялись на гору, остановил лошадей, отвязал осужденных и снял шапку. Сняв шапку, встал перед Айгуль и говорит:

— Узнаешь меня теперь? Кабы согласилась тогда выйти за меня замуж, не пережила бы такого позора.

— Где ж это видано, чтобы дочь вышла замуж за своего отца? Ты же мой отец,— ответила Айгуль и попыталась подробно пересказать, что от матери слышала, а Карахан и слушать ничего не хочет. Пока препирались, Карахан сел, и сморила его усталость — крепко уснул.

Воспользовавшись этим, Айгуль подхватила сына и кинулась в лес.

Долго бежала Айгуль по лесу, бежала и бежала, пока не выбежала на поляну. За поляной открылось широкое поле, вдалеке виднелся аул. С ребенком на руках из последних сил двинулась Айгуль в сторону аула. Добравшись до крайней избы, попросилась переночевать. Жил в этой избе одинокий старик. Понравилась Айгуль старику, и он не только переночевать пустил, но и разрешил остаться насовсем. С первого же дня стал называть Айгуль дочкой, а ее сына — внуком.

Ладно, пусть они поживут у старика. Обратимся в сторону Суанхана: как он поживает?

Однажды Суанхан привычно отправился с товарищами на охоту. И опять повстречался им тот самый волк. Суанхан, теперь уже вместе с товарищами, погнался за ним. Долго, очень долго гнались они за волком. Тот мчался от одного яйляу к другому. На яйляу неподалеку от одного аула волк остановился. Суанхан уже настиг было зверя, но тут удивительный волк опять пропал с глаз. День склонился к вечеру, Суанхан уже не мог разобраться, откуда прискакал и где оказался, поэтому решил переночевать с товарищами в ауле.

Попросились на ночлег к жившему на самом краю старику. Старик разрешил. В избе была еще молоденькая женщина и бегал мальчонка. Охотники не догадывались, что это Айгуль и Ильмурат. Айгуль сразу узнала Суанхана и прикрыла лицо платком.

Когда эбей-батша сказала Суанхану: «Без тебя твоя жена сильно испортилась — начала по ночам впускать в свою юрту чужих мужчин. Не будет в стране порядка, коль не исполнить справедливый приговор», — он еще на что-то надеялся. Но когда своими ушами услышал слова Карахана: «Я их убил», — надеяться стало не на что. Теперь, увидев мальчонку, Суанхан подумал: «И мой сын мог бы вот так бегать». Ах, если б услышанное тогда оказалось пустой выдумкой!

Глядя на мальчонку, заметил Суанхан, что чем-то похож он на Айгуль. И к слову пришлось — сказал об этом женщине, прикрывавшей лицо платком. Тогда откинула она платок, и Суанхан глазам своим не поверил: перед ним стояла сама Айгуль. Лишился Суанхан дара речи. Придя в себя, спрашивает:

— Как же все это вышло?

— Спроси вот у безгрешного ребенка. Мне ведь веры нет. Кабы верил, и на земле, и под землей все бы обыскал и нашел нас, — отвечает Айгуль как бы в обиде.

Посадил Суанхан сына к себе на колени, ласкает его — то по голове погладит, то по спине похлопает, то крепко к груди прижмет. И расспрашивает, расспрашивает. Рассказал Ильмурат, ничего не упустив, все, что знал. Потом поплакали они втроем, заново переживая радость встречи, и устроили в избе одинокого старика праздник. Суанхан накинул на плечи старика свою дорожную шубу, много денег дал.

Одного из охотников послали гонцом в страну Кушканат. А до того, как гонец доскачет и страна приготовится к большому тую, решил Суанхан побывать во дворце Карахана. Прибыв туда, созвал акхакалов царства, поведал им обо всем, что случилось, и под конец сказал Карахану:

— Не может жена родить сына по приказу. Кого бы ты ни ждал, — сына ли, дочь ли, — одно лишь должен был пожелать: пусть дитя будет благонаправленным и счастливым. А ты, не совладав со своими желаниями, вознамерился жениться на собственной дочери!

Свергнут был Карахан с трона.

59. О ЦАРЕ, ПОЛЮБИВШЕМ ВО СНЕ ЦАРЕВНУ-МУЖЕНЕНАВИСТНИЦУ

Жил в старину молодой царь, у которого не было жены. При царе находился везир, он мог без спросу всегда входить к нему. Вот однажды входит, когда царь спал и видел сон. Встрепенулся тот, схватился за саблю. Везир сказал:

— погоди, не руби...

Царь постоял, подумал и говорит:

— Я ошибся. Видел во сне очень красивую девушку. За всю свою жизнь не встречал такой. Что делать, как разыскать ее?

Везир рассудил:

— Если аллах поможет, я отыщу, а ты скажи, как выглядит она.

Царь назвал особенные черты красавицы, а везир все записал. Потом сделал портрет, который выставил на дороге.

Из другого города шел путешественник. Увидев портрет, очень удивился:

— Хвала аллаху! Кто нарисовал портрет? Ведь это дочь царя нашего города. Она отвергла всех женихов и вот почему. Как-то раз сидела в саду на берегу речки. Начался там пожар, а в саду жили попугаи. Самка попу-

гая пыталась вытащить из огня птенцов и сгорела, а самец улетел, нисколько не печалась. После этого царевна решила не выходить замуж: от мужчин, дескать, никакой помощи.

Везир передал сказанное путешественником царю и предложил:

— Пошли меня в тот город, я постараюсь добыть тебе эту царевну.

Царь послал его. Везир, прибыв туда, стал расписывать красками внутренние стены домов. Узнав об этом, царская дочь сказала отцу:

— Сюда приехал удивительный мастер, сказывают, что хорошо расписывает красками стены. Хотела бы я, чтобы он расписал стены и в моих комнатах.

Велел отец разыскать того везира. Позвал к себе и поручил ему выполнить желание девушки.

Искусно изобразил на стене везир-живописец своего царя и то, как ослы везли в саду воду для поливки и как ослят понесло вниз по течению реки, как осел тщетно пытался их спасти, но утонул вместе с ними, а ослица, нисколько не печалась, пошла есть сено.

Везир спрашивает царевну:

— Поняла ли ты изображенное?

— Нет.

Объясняет он:

— Мой царь, увидев этих ослов, решил, что женщины безжалостны и поэтому не следует ему жениться.

Царевна отвечает:

— А я полагала, что нет жалости у мужчин и отказывала женихам, которые приезжали из разных земель сватать меня. Теперь думаю, что была не права.

Тогда везир сообщил царю-отцу, что царевна согласна выйти замуж, и поведал о намерении своего царя сватать ее, полюбившуюся во сне. Отец был доволен.

Этот везир возвратился на родину и рассказал обо всем своему царю, который снова послал его в тот город. На этот раз сватом. После успешного сватовства прибыл в город, где царствовал отец невесты, встреченный с почетом царь-жених. Свершен был никах, устроен большой свадебный пир.

60. ХУДОЖНИК И ЦАРЕВНА

В давние-предавние времена жили муж да жена. У них было много детей. Но вот муж умер, и загоревал жена: как же она теперь детей прокормит? Хотела даже

с горя тут же утопиться, но, пожалев младшего сына, отступилась от этой мысли. Отступилась и, решив, что старшие дети как-нибудь сами о себе позаботятся, увела младшего из дому. Пошла женщина с ним на базар.

— Побудь, сынок, тут, я сейчас хлеба тебе принесу, — сказала она на базаре и ушла.

Ушла и пропала.

Ждет-пождет мальчишка, а матери нет и нет. Поплакал он, поплакал и к ночи забрался под чулан одного дома. Жили в этом доме старик со старухой. Ночью старуха, выйдя во двор, услышала, будто кто-то плачет. Сказала об этом старику. Тогда, поискав, нашли они мальчишку и завели в дом. Умыли, накормили, спать уложили.

Утром мальчишка, подумав, что, может, оставят его жить в этом доме, усердно взялся за работу: задал скотине сена, в хлеву почистил, навоз выкинул. Видят старик со старухой: малый-то, похоже, ничего, выйдет из него толк. И решили усыновить его.

Мальчишка, оказалось, очень любил рисовать. Накупили ему красок и карандашей.

Старик занимался торговлей. Нагрузив корабли товарами, побывал в разных странах. Когда приемный сын подрос, егетом стал, старик и его отправил торговать. Прибыл егет к младшему брату старика, к дяде своему, значит. Местность там была очень красивая: вся округа сплошь в садах зеленых.

— Дядя, можно мне погулять по саду? — спросил егет.

— Погуляй, — ответил дядя. — Но гляди, в самую серединку сада не заходи.

Вышел егет, походил, походил и, подумав, с чего это дядя не разрешил заходить в глубь сада, нарушил запрет. Смотрит — сидит там девушка. Как увидел ее егет, так даже дара речи на некоторое время лишился. Сад красивый, а девушка еще красивей. Возле нее стоит большое зеркало, — должно быть, для того, чтобы за красотой своей следила.

— Почему ты сидишь тут? Может, тебя надо вызволить? — спросил егет.

— Не вызволишь ты меня, — ответила девушка. — Многие батыры пытались, да не смогли.

Вернувшись к дяде, егет спрашивает:

— Почему девушка сидит там? Как ее можно вызволить?

— Я же запретил заходить туда! Зачем зашел? — рассердился дядя.

Но запало егету на ум, что девушку надо выволить. И в конце концов дядя сказал:

— Ее можно выкупить, но надо столько золота, сколько она сама весит.

Тогда егет принялся собирать золото. И привезенные товары, и корабль продал. И вот стали взвешивать: на одной стороне старинных весов — девушка, на другой — золото. И надо же: красавица чуть-чуть перевешивает. Растерялся егет, не знает, как быть. Но тут девушка, будто бы потягиваясь, кинула ему свое золотое колечко.

— Вот последнее, что у меня есть — сказал егет и положил колечко на золото.

Весы выровнялись.

Выкупил егет таким образом красавицу, увез в другой город, и поселились они там вместе. Егет принялся рисовать картины, а девушка продавала их. Тем и стали зарабатывать на жизнь.

Когда они уехали, дядя тот написал старшему брату письмо: так, мол, и так, парень у тебя, оказывается, не промах — продал все товары и корабль, выкупил пленную царевну.

А красавица и егет живут себе помаленьку. Егет однажды, нарисовав себя с царевной, выставил картину на улицу. Тут как раз проезжал через этот город отец царевны — ехал в гости в какой-то другой город. Узнал он на картине свою дочь и свернул к их дому. Увидев его, егет спрятал девушку. Сам сидит, будто бы сильно занятый рисованием.

Вошел проезжий царь в дом, спрашивает у художника:

— Ты где эту девушку видел? Где она сейчас?

— Я ее срисовал из одной книжки, — отвечает егет.

— Не скажешь ли, как ее найти и выволить? — спрашивает царь.

— Чтобы ее выволить, надо столько золота, сколько она сама весит, — отвечает егет.

— Я пришлю за вами корабль с золотом. Выволи ее, — попросил царь и отправился своей дорогой.

Вскоре пришел корабль. Когда егет с царевной поплыли на корабле к ее отцу, капитан приказал:

— Всем матросам спать!

Пока все спали, капитан схватил егета, посадил в бочку и, выкинув бочку в море, зашел к девушке.

— Скажешь отцу, что тебя выволил я. Коль не дашь согласия на это, и сама окажешься в воде, — пригрозил он.

Вынуждена была девушка дать согласие.

А бочку с егетом понесло по морю. Плыла она и плыла, пока не повстречались рыбаки. Поймали они бочку, открыли. Егет уже был еле жив. Напоили его молоком, кое-как отходили.

В это время посланный царем корабль вернулся, и царь на радостях объявил: в такой-то день в таком-то дворце будет свадьба; чтобы украсить дворец, нужен художник.

Егет наш пошел в рыбацкой одежде к царю и выразил желание разрисовать стены дворца. Царь дал ему сорок дней сроку, а егет попросил, чтоб никто до конца работы во дворец не входил.

Принялся егет за работу. На первом этаже рассказал он в рисунках про свое детство; на втором — как жил у стариков и отправился торговать; на третьем — как, приплыв к дяде, гулял в саду, увидел там девушку и вызволил ее; на четвертом — как поплыл с царевной на корабль, был брошен в море и спасен рыбаками.

Прошло сорок дней. В назначенный срок явился царь с царевной и тем капитаном. Начали осматривать рисунки — не нравятся.

— Это, — говорят, — ни к чему, — и, махнув рукой, идут дальше.

Только царевна все больше волновалась и, увидев то, что было нарисовано в последней комнате, упала в обморок.

Разгневался царь.

— Невесть что, — говорит, — ты понарисовал! Дочь мою до обморока довел! Сейчас голову тебе отрублю!

Егет все же выпросил разрешение ненадолго отлучиться и вернулся, сменив рыбацкую одежду на свою прежнюю. Тут царевна очнулась, узнала егета и рассказала отцу все как было.

— Отец, вот этот человек — мой спаситель. Капитан кинул его в море, а мне, грозя смертью, велел сказать, будто мой спаситель — он сам. Но спас меня не капитан. Спас этот егет, — сказала царевна, указывая на художника.

Тогда царь вызвал своих везиров и приказал казнить капитана.

Царевне с егетом устроили богатую свадьбу. Потом егет поехал к старику, у которого вырос, заплатил за проданные ради царевны товары и корабль и, получив благословение, вернулся в город, где царствовал его тесть. Говорят, и поныне живут они там.

61. ВЫЗВОЛЕНИЕ ФАТИМЫ

В давние времена жил в одном ауле бай. У него был сын лет восемнадцати. Звали сына Мустафой. Была еще шестнадцатилетняя дочь по имени Фатима. Однажды Мустафа, попросив у отца разрешения, позвал всех егетов и девушек аула в гости — пить кумыс. Аул стоял на берегу моря. К вечеру развеселившиеся гости сели в лодки и, распевая песни, наигрывая на кураях, выплыли в море. Когда уже порядочно отплыли от берега, Мустафа спохватился.

— Пойдите-ка, — говорит, — товарищи! Мы, расшумевшись, ни о чем не думаем, а нам грозит опасность. Давайте повернем обратно. Судя по рассказам наших отцов и дедов, не так давно сюда неведомо откуда приплыли разбойники и похитили, настигнув в море, много девушек из здешних мест. Гребите-ка быстрее!

Но вот появился разбойничий корабль. Разбойники, чтобы нагнать на молодежь страху, пальнули раз-другой из ружей. Многие девушки, решив, что лучше утонуть, чем умереть в неволе, прыгнули в воду. Тем временем аульный народ услышал выстрелы и кинулся к своим на помощь. Собрали всех, кто был в море, вернулись на берег, огляделись и видят: нет Фатимы и Гульбаян, которую любил Мустафа. Пошли проверить лодки — не остались ли там. Глядь — за одной из лодок притаился разбойник с того корабля. Оказывается, тоже прыгнул в воду, чтобы поймать девушку, да впопыхах уцепился не за свою лодку. Мустафа и его друзья отлупили разбойника, выбили из мокрого пыль и, отведя в аул, посадили в каменную клеть.

Пришел Мустафа домой, а отец прямо кричит.

— Зачем я тебе, проклятому, разрешил баранов резать, гостей позвать, кумысом их угощать? И зачем понесло вас в море? Уходи, — кричит, — с глаз моих! Попробуй только вернуться без Фатимы — ребра пересчитаю.

«Что делать? — думает Мустафа. — Сроду я от отца таких слов не слыхал. Попрошу-ка у матери немного денег и съестного, оседлаю буланого жеребца и в путь! Отыщу — не отыщу, а ради любимой сестры и любимой девушки ни сил, ни жизни не пожалею».

Сходил Мустафа к пойманному разбойнику, узнал, из каких тот краев и, велев опять запереть его, сказал:

— Когда вернусь, тогда и выпущу тебя.

Потом оседлал буланого и отправился искать сестру и любимую свою Гульбаян.

Долго ехал он, расспрашивая встречных, немало проехал. Вдруг встали на его пути три солдата.

— Ага,— кричат,— попался! Давай раздевайся, мы тебя расстреляем.

Расстрелять не расстреляли, а положили на коня поперек хребта и привезли в маленький, всего из девяти домов, аул, затаившийся в горах. Солдаты зашли в один дом, спрашивают у сидевшего там странного человечка-карлика:

— Где Гарапьян?

А карлик:

— Зачем он вам?

— Да вот мы поймали царя Салиха, потому и нужен,— говорят солдаты.

— Коли так, отдайте-ка его мне, я его плеткой до смерти засеку,— говорит карлик.

Но солдаты не отдали, и карлик затеял спор.

Услышав их голоса, пришел со двора Гарапьян.

— Кто тут, в моем доме, устроил гвалт? — прорычал он.— Опять ты? Ну-ка, убирайся! — и, слегка поддав коленом под сидячее место, выставил карлика.

— Братец Гарапьян,— сказали солдаты.— Мы привезли одного человека. Делай с ним что хочешь. Вон он стоит. Если мы не ошибаемся, это царь Салих. Но мы знаем его только с твоих слов, а в лицо не знаем.

Гарапьян и сам царя Салиха в лицо не знал.

— На том конце живет приبلудная старуха. Она видела царя Салиха. Иди-ка, приведи ее,— велел Гарапьян одному солдату.

Привел солдат старуху.

— Детки, именем аллаха клянусь — это и есть царь Салих. Больше мне не о чем говорить,— сказала старуха и ушла.

Но вскоре привезли в аул еще одного человека. Допросили, и как раз этот оказался царем Салихом. Тогда притянули старуху к ответу за то, что чуть не погубила безвинного. Привязали ее к хвосту необъезженного жеребца и предали смерти. А царя Салиха на всю жизнь посадили в тюрьму.

После этого Гарапьян сказал:

— Братец Мустафа, никогда до нынешнего дня не было такого, чтоб я зря человека обидел. Прости мою ошибку. А царя Салиха я ловил вот почему. Царская власть переходит от отца к сыну. Когда царствовал отец Салиха, таких, как мы, он заставлял работать с рассвета дотемна за одну только еду. Кто осмеливался просить плату, тех сажал в яму на срок от трех до тридцати дней. Устрашенные всем этим, несколько человек скрылись со

своими семьями в лесах, а потом поселились тут. Это — аул беглых. Отец Салиха убил моего отца. Я поймал царя Салиха, чтобы отомстить за своего отца. Вот, брат, как обстоит дело. Никого без вины я не трогаю. Беглые и бесприютные находят у меня приют... Но ладно, идем-ка, Мустафа, поедим. Ты не бойся меня. Мы оба — молодые егеты: тебе — восемнадцать, мне — двадцать пять. Давай будем жить в согласии. Будем друзьями!

Сказал так Гарапьян и протянул Мустафе руку.

Тут пришел карлик и говорит Гарапьяну:

— Давай-ка убьем этого Мустафу! Он ведь узнал, где мы живем, может на нас донести и головы нам снести.

— Хватит тебе, агай, переливать из пустого в порожнее. Иди-ка, спи себе на здоровье и не приходи больше с такими разговорами, — ответил Гарапьян и прогнал карлика.

Переночевал Мустафа в ауле, отдохнул, и на другой день Гарапьян, оседлав коня, поехал проводить друга. Когда разузнали, как доехать до города, где продают похищенных девушек, Гарапьян попрощался. На прощанье подарил кинжал и протянул холщовый мешочек с золотом. Мустафа застеснялся брать золото.

— Бери, бери! — сказал Гарапьян. — Тебе оно понадобится. Ну, пока! Если не сумеешь выволить своих девушек, вернись ко мне. Гурьбой поедем выволять.

Через несколько дней доехал Мустафа до города и, остановившись у одного деда с бабкой, спрашивает:

— В этом городе бывают базары? Если бывают, чем там торгуют?

— На базаре, сынок, — отвечает бабка, — есть все, чего только душа ни пожелает. Вот три дня назад продали двух девушек. Дорого за них просили, купил бай по имени Тилеугез, он тут неподалеку живет. Когда покупают невольниц, показывают их докторской комиссии. Коли девственница, так цену большую дают. И эти по дорогой цене прошли. То ли украли их где-то и продали, то ли еще что. А уж как горевали они! Весь народ на базаре с ними плакал. Как я знаю, Тилеугез-бай уже сорок наложниц купил. Удивительны дела господни!..

Мустафа говорит:

— Бабушка, обе девушки, про которых ты рассказываешь, — мои близкие. Разбойники схватили их в море и, выходит, продали здесь. Я приехал, чтобы как-нибудь выволить их. Бабушка, дед, помогите мне!

Бабка с дедом отвечают:

— Сынок, есть два пути. Лицом ты смахиваешь на царя Салиха. Можно пойти к этому байстрюку, выдать

себя за царя, вывести обеих под ручку да и сбежать. Второй путь — пойти, прикинувшись духтыром*, дать девушкам усыпительное лекарство. Они впадут в сон, будто умрут, их похоронят, и останется только откопать «трупы» и увезти домой. Но, сынок, для всего этого нужны немалые средства.

Показал Мустафа свой мешочек:

— Бабушка, столько чистого золота, наверно, хватит.

— Ай, сынок, — обрадовалась бабка, — раз имеешь это, все в порядке.

Купив знатную карету, добрых лошадей и хорошую одежду, нарядился Мустафа царем и отправился к Тилеугез-баю. Подъехав, говорит охранникам:

— Сообщите хозяину, что царь Салих приехал.

Те сообщили. Выскочил бай, кричит:

— На руках его внесите, да смотрите не покалечьте!

Внесли Мустафу в дом, а в доме чего только нет! Сели пить чай. За чаем Мустафа говорит:

— Ты, бай, меня знаешь. Я еще не женился, потому что отец недавно помер. Он, бывало, говорил мне: «Коль заскучаешь, захочешь душу повеселить — есть такой человек по имени Тилеугез-бай, наезжай к нему раз в неделю». С кем отец дружил, тот и сыну друг. Давай-ка, побалуй меня своими наложницами. Повеселюсь маленько.

А Тилеугез-бай:

— Не спеши, успеется. Дней у аллаха — что просинок в закромах.

Вскоре бай, хватив слишком много хмельного, опьянел. Попробовал Мустафа, когда стемнело, пробраться к наложницам, да ничего не вышло. Стоит в растерянности, трет рукой возле сердца. Тут откуда ни возьмись входит с фонарем тот карлик и говорит:

— Ах ты, Мустафа, вот, оказывается, ты где! Сейчас я тебя убью!

Мустафа выхватил подаренный Гарапьяном кинжал, хотел заколоть карлика, да тот успел выскочить за дверь, поднял шум. Забегали охранники, часовые, пришлось Мустафе уносить ноги. Прибежал, запыхавшись, на свою фатеру, рассказал, как все обернулось, посмеялись, тем это дело и кончилось.

На другой день Мустафа нарядился духтыром, посадил на нос очки, набрал в пузырьки подкрашенную разными красками воду, будто бы это лекарства, взял и настоящее усыпительное лекарство, запряг лошадь и опять отправился к Тилеугез-баю. Сказал стоявшим у байских ворот охранникам:

— Сообщите, что приехал духтыр.

Услышав весть, бай велел:

— Проведите гостя в дом.

Провели охранники Мустафу к баю, и тот говорит:

— Очень хорошо, что приехал, а то давно здоровье моих наложниц не проверяли. Айда, садись, сначала отведай горяченького.

К вечеру пошли к наложницам, да вышло не так, как хотел Мустафа. Пятьдесят две комнаты. В каждой — одна девушка. Двери заперты снаружи. В двери — дыра вроде отдушины в бане, только руку можно просунуть. Идет бай, окликает наложниц, и та, чье имя он назвал, высывает руку, чтобы духтыр пощупал и узнал, здорова она или нет. Ждет Мустафа, когда услышит имена своих девушек. У сороковой из пятидесяти двух дверей бай окликнул Фатиму.

— Эта девушка больна, — объявил Мустафа и положил ей в руку пузырек с бесполезной водой.

А имени Гульбаян бай не назвал. Почему? Сидит Мустафа, ломает голову: «Может, она у другого человека?» Подумал, подумал и дал баю усыпительное лекарство.

— Пусть, — говорит, — больная выпьет это лекарство перед сном. Тогда выздоровеет.

Немного погодя вышел Мустафа из дому с кумганом в руке будто бы для омовения, но пройдя мимо охранников, бросил кумган и припустил в сторону города. По пути утопил в озере ненужный теперь наряд, потом отправился на свою фатеру.

В должный час Мустафа пришел на кладбище, чтобы откопать Фатиму, и одежду, сшитую для нее, принес. Откопал, одел и видит: вовсе это не Фатима, а какая-то женщина. Все же не закапывать ведь ее обратно, пришлось разбудить. Поднялась женщина и говорит:

— Ну и словчил же ты, Мустафа! И бая провел, и сам себя обманул. Мое имя — Марзия, но бай назвал Фатимой. Он, купив наложницу, в тот же день дает другое имя. Но не горюй, все равно вызволим твоих девушек.

Вернулся Мустафа к своей хозяйке с чужой женщиной, и вот эта женщина рассказывает:

— Бай купил меня самой первой и все время держал при себе. Он мне секреты свои открыл. Есть у него тайный подземный ход. Двор бая обнесен каменной стеной, во дворе — сад, в саду — колодец. Колодец накрыт тяжелым мельничным жерновом. Из колодца уходит чугунная труба, такая, говорит, широкая, что может проехать упряжка

в два коня. Труба тянется пять верст и выводит под обрыв над озером.

Услышав это, Мустафа, не затягивая дело надолго, поехал к Гарапьяну и сказал:

— У меня ничего не вышло. Остается надеяться на силу.

Гарапьян, взяв с собой двух пехлеванов, прихватив всякие инструменты вроде молотков и зубил, приехал с Мустафой в город, к бабке. Оттуда вместе с наложницей Марзией отправились к озеру, отыскивали вход в трубу.

— Ваши девушки — в десятой комнате, — сказала Марзия. — Там есть еще черная дверь, туда не ходите.

Женщина осталась при лошадях. Егеты, пройдя по трубе, разбили камень, надвинутый на колодец, зашли в байский дом с заднего крыльца и принялись крушить двери, вызволять наложниц. Побывали все же и за черной дверью. Она была не заперта. Заглянули, а там пьяные гости бая губами чмокают — ждут наложниц. Поотрубали пьяным головы, всех наложниц освободили и направили к подземному ходу. Тут опять объявился злой карлик. Услышав, что карлик голосит, сзывая охранников, Мустафа с Гарапьяном подстерегли его и повесили на шелковом пояске. Потом и сами спустились в колодец.

Вызволенные наложницы, высказав тысячи благодарностей, устроив на радостях шумный праздник у озера, начали расходиться кто куда, чтобы поскорей добраться до родных краев. Мустафа, посадив своих в две коляски, покатыл в гости к Гарапьяну. Там он соединился с любимой Гульбаян, а сестру Фатиму отдал в спутницы жизни Гарапьяну. Сыграли свадьбу, погостили, и Мустафа увез молодушек в свой аул. С зятем условились, что тот приедет следом на свадьбу у родителей.

Приехали домой, а отец с матерью глазам своим не верят. Думали, что детей давно уж нет в живых, и совсем сникли. Поплакали все от радости, попраздновали, и Мустафа с любимой зажили своим хозяйством. По сей день, говорят, потихоньку хозяйствуют.

Вот и все, сказка уходит, ее ждут, а я остаюсь тут.

62. АДГАМ И ЗУЛЬХИЯ

Жил в стране Мысыр егет по имени Адгам. Продавал он вразнос дрова, всегда брал за вязанку три серебряные монетки, а потом одну монетку отдавал тому, одну — этому, одну оставлял себе. И была у него еще интересная

привычка: отправится вечером на кладбище и бродит ночью среди могил. Однажды, бродя по кладбищу, услышал он глухой голос из могилы. Подошел к могиле, откуда послышался голос, спрашивает:

— Что тебя мучает?

— Душа моя вернулась в тело, а выйти отсюда не могу,— отвечает голос.

Принялся егет раскапывать могилу.

— Ты кто? — спрашивает голос.

— Я каирский егет,— отвечает егет.

— А я каирская девушка,— говорит погребенная.

Вскрыл Адгам могилу и видит: лежит там девушка умопомрачительной красоты. Поднял ее егет наверх как есть, в саване. Девушка попросила иголку с нитками. Сходил Адгам куда-то, принес. Девушка быстренько сшила платье из савана, оделась. Привел ее Адгам к себе домой, и решили они пожениться. Позвали муллу, свершили никах. Девушка назвалась Зульхией, но чья она дочь — не сказала. Стали они жить вместе. Егет занимается своим ремеслом, продает дрова, каждый день на три дирхема*.

Родился у них сын. Назвали его Ибрагимом. Когда мальчик достиг пяти-шестилетнего возраста, начал он выходить играть на улицу.

Мать Ибрагима Зульхия, оказывается, была царская дочь. Внезапно она умерла. Но не совсем умерла, а впала в такой сон, что посчитали ее мертвой. Когда схоронили, очнулась. На ее счастье, в это время по кладбищу бродил Адгам.

Однажды нянька, вырастившая Зульхию, увидела на улице Ибрагима. Мальчик был очень красивый и похожий на Зульхию. Нянька дала ему хлеба, дала меду, приговаривая, что очень уж похож мальчик на царскую дочь, которую она вырастила. Услышали это ее соседи и сообщили царю. Рассердился царь на няньку, мелет, говорит, языком, людям голову морочит.

А нянька снова увидела на улице Ибрагима, и на этот раз показался он еще более похожим на Зульхию. Приласкала женщина ребенка, опять дала хлеб, дала меду.

Повторилось так три раза, и все три раза люди это видели и донесли царю. Вызвал царь няньку, спрашивает:

— Что это за ребенок, которому ты хлеба даешь и меду даешь? Говори, а то в тюрьму тебя посажу!

А нянька:

— Вы бы ему, если б сами увидели, не только хлеба

дали, но и душу отдали. Очень уж похож он на нашу царевну.

— Коли так, приведи его сюда, и мы посмотрим,— велел царь.

Нянька привела Ибрагима во дворец, и все, видя сходство с Зульхией, принялись его обнимать.

— Где,— спрашивает,— его мать, что за женщина?

Послали за Зульхией. А она лица не показала и идти во дворец отказалась.

— Я,— говорит,— бедная, не могу пойти.

Доложили посланные царю:

— Она бедная, одеться не во что, поэтому не пришла.

Отправил ей царь одежду покойной дочери. Оделась Зульхия в свое прежнее и пришла, закрыв лицо.

— Открой лицо! — просят ее.

— Что ж! — говорит Зульхия.— Я та, о ком вы семь лет горевали.

— Зачем же ты заставила нас семь лет горевать? — спрашивают ее.

Зульхия рассказала все как было. Тут все зашумели и решили повесить Адгама — за то, дескать, что семь лет не отпускал царевну. Но Зульхия воспротивилась этому. Тогда царь говорит:

— Приведите его сюда. Отдаю царство зятю!

И стал Адгам царем. Тесть посоветовал ему съездить на пастбища, осмотреть такие-то и такие-то стада. Сел Адгам на коня, поехал. Показалось стадо, столь большое, что конца-краю не видно.

— Чей это,— спрашивает,— скот?

— Адгама,— отвечают пастухи.

«Зачем мне столько скота?» — подумал Адгам, снял царскую одежду, отдал одному пастуху, сам надел его старенький чекмень и вернулся к своему ремеслу. Снова вскинул за плечи вязанку дров, пошел в город продавать.

Прошло семь-восемь лет. Ибрагим подросток и говорит:

— Отыщу отца!

Мать не соглашается. Все же упросил ее, и она сказала:

— Легче всего отыскать твоего отца на дровяном базаре. Он всегда продает вязанку дров за три серебряные монетки и одну отдает тому, одну — этому, одну оставляет себе. По этой привычке и узнаешь его.

Пошел Ибрагим на дровяной базар. Стоит, смотрит, только ни в ком сходства с отцом не находит. Но вот пришел на базар человек средних лет с вязанкой дров за спиной. Продал дрова за три серебряные монеты, отдал один дирхем тому, один — этому, один себе оставил. Кинулся Ибрагим к нему, обнял, заплакал.

— Мать моя,— говорит,— Зульхия, отец — Адгам, а я твой сын Ибрагим.

И отец узнал сына, тоже обнял. До того они обрадовались, что тут же оба замертво упали. Оказывается, люди иногда умирают и от радости.

63. ДЕВИЧЬЯ УЛОВКА

В давние-предавние времена жили, говорят, старик со старухой, люди довольно-таки состоятельные. Была у них единственная дочь. Выросла она, стала красавицей на загляденье, и зачастили к ним сваты из разных мест. Отец девушки, мягкосердечный человек, сказал жене:

— Дочка наша еще молода, не будем ее неволить. Коли придется кто-нибудь по душе ей самой — отдадим.

Договорились так старики, а потом пришлось пожалеть об этом: дочь-то, кто бы ни посватался, всем отказывала.

В этом же ауле у таких же состоятельных людей был сын по имени Абдулхаким — высокий, стройный, красивый, как пиявка¹. Вдобавок он очень хорошо играл на курае. Девушка наша, бедняжка, возьми да влюбись в него с первого взгляда. Раз сердце занято, она и дала всем от ворот поворот, но о причине не говорила, стеснительная, видать, была.

День бежал за днем, а Абдулхаким не выходил из головы девушки. «Нет, так не годится, надо что-нибудь предпринять, а то отец рассердится и отдаст за первого попавшегося», — подумала она и решила схитрить.

И вот прикинулась девушка больной — уж вроде и не подняться ей. Две енгэ* неотлучно сидели возле нее, думали — вот-вот умрет.

Однажды «больная» будто бы в бреду ясно так проговорила: «Енгэ, подай-ка мои красные сапожки, пройду-ка я в них перед Абдулхакимом». У обеих енгэ глаза стали круглые, как шары. Догадались они, в чем дело, и говорят меж собой: как только, мол, девушка встанет на ноги, дадут знать Абдулхакиму и все уладят. Услышав это, больная тотчас начала «выздоровливать», а вскоре и на ноги вскочила.

Енгэ бегом побежали к родителям егета, все им объяснили. «Что у неба просили, то на земле получили», — обрадовались те и тут же снарядили сватов, сосватали девушку, никах свершили. Три дня и три ночи длилась свадьба.

Абдулхаким с лукавой девушкой детей нарожали и

прожили жизнь в любви и согласии. Часто они, говорят, смеялись от души, вспоминая девичью уловку.

Тут и сказке конец.

64. ЦЕНА БРЕВНА

Жил в ауле егет по имени Гафар. Отец у него умер, хозяйствовали вдвоем с матерью. По соседству с ними жил человек, промышлявший тем, что скупал и перепродавал шкуры.

Пришло время, и взяли Гафара в солдаты. Вскоре после этого умерла и его мать. Дома у солдата никакого богатства не было, лишь кобыла во дворе осталась. Узнав про смерть матери, написал он соседу, сборщику шкур, письмо: ты, мол, уж присмотри за моим двором. «Ладно, присмотрю»,— ответил тот.

Но вот, отслужив свой срок, возвращается Гафар домой. Только некому встретить его, никто не скажет: «Дитя мое, птенец мой!» Кобылы, чтобы приветила ржаньем,— и той на дворе нет. Кобылу-то сосед к себе увел. Поэтому Гафар зашел напрямик к соседу. Порасспросили они друг друга о жите-бытье, потом хозяин избы говорит:

— Ну, Гафар, выглядишь ты молодцом, надо тебе теперь хозяйкой обзавестись. Тут как раз у бая дочь подросла, у хазрета тоже дочь — на выданье.

— Что ты! — отвечает Гафар.— С чего это бай отдаст дочь за меня?

— Не говори так! Давай-ка помозгуем. Ежели бай не отдаст, у хазрета высватаем.

— Нет, и хазрет просто так не отдаст.— Это Гафар, значит, говорит.— Но есть у меня кое-какие соображения. Может, что-нибудь и получится...

— Ладно! Действуй, коли так, по своему плану,— сказал сосед.

Неподалеку от их аула была чувашская деревня, окруженная сосновым лесом. Чувашки валили лес и продавали на воскресном базаре бревна. Вот с этим и был связан план Гафара. В базарный день запряг он свою кобылу в длинную соседскую телегу, отправился в поездку. Двенадцать верст до базара проехал с ветерком и видит там: один чуваш собирается продать хорошее бревно.

— Почему твое бревно? — спрашивает егет.

— Рубль,— отвечает чуваш.

Купил Гафар бревно, взвалил на телегу, поехал обратно. Вернувшись в аул, остановился возле мечети. Мечеть стояла как раз напротив хазретова двора. Тут и принялся Гафар сгружать свое бревно. Хазрет, увидев

это, вышел к воротам, смотрит, приставив руку ко лбу, на Гафара и сам себе под нос бормочет:

— Это что за солдат? Бревно тут сгружает...

Гафар, конечно, заметил хазрета, подошел, отдал салам:

— Ассалямагалеюм, хазрет! Я — солдат Гафар. Мечеть наша обветшала. Я вернулся со службы с намерением подновить ее.

— Бэй, бэй! А я-то смотрю и не пойму... — говорит мулла.

— При больших деньгах я вернулся. А мечеть обветшала. Вот я и решил подновить... — объясняет опять Гафар.

— Хорошо! Очень хорошо! — говорит мулла. — Ну, а за своим-то хозяйством у тебя есть кому присмотреть? Хозяйкой обзавелся?

— Нет еще, хазрет. Ведь только-только отслужил.

Пока Гафар возился с бревном, хазрет велел своей старшей жене:

— Ну-ка, спроворьте чай! Гафар со службы вернулся. При больших деньгах. Хочет подновить мечеть. Уже и за дело принялся.

— Ишь ты! — удивилась абыстай* и пошла ставить самовар.

Позвали Гафара, усадил его хазрет с собой пить чай. Поговорили о том о сем, но насчет его женитьбы пока — молчок. Когда почаевничали, хазрет говорит:

— Вот, благодарение всевышнему, отслужил ты и вернулся живым-здоровым. Теперь жениться самое время.

— Нет еще, хазрет, — отвечает Гафар. — Надо сначала мечеть подновить. Да и избу мою — тоже. Она ведь дранкой крыта. Думаю перекрыть. Деньги мои пока там, где я служил, в сберкассе лежат. Скоро сюда перешлют.

— А сколько их у тебя?

— Да ведь, хазрет, об этом не говорят. У каждого — свой секрет.

На том разговор и кончился. Вернулся Гафар к сборщику шкур.

— Ну, — говорит, — приступил я к делу.

— К какому делу?

— Хочу мечеть перебрать.

— Как, как? Ничего я не понял.

— Мечеть обветшала. Стены, говорю, решил перебрать, ветхие бревна заменить.

— А лес где?

— Я уже к чувашам съездил, договорился. Велел шесть-семь десятков бревен приготовить. По столько-то

аршинов длиной. В ближайшее время приму эти бревна. Как раз для мечети хватит.

— Постой, постой! Все ж не пойму я тебя. Прежде чем браться за это, надо бы тебе жениться.

— И жена будет, это от нас не уйдет.

— Коли так, извещу-ка я кое-кого! Зайду к хазрету, скажу: «Гафар при больших деньгах вернулся. Насчет байской дочки прикидываем. Как ты на это смотришь?» Нет, сначала зайду к старому мулле. Мол, Гафар при больших деньгах вернулся, собирается мечеть перестроить, уже начал бревна возить. Велел чувашам лесу сколько надо наготовить.

Пошел сборщик шкур к старому мулле, сообщил новость:

— Гафар-то, оказывается, при больших деньгах вернулся. намерен мечеть подновить. Уже бревна возит. Велел чувашам еще сто бревен приготовить.

— Брось, пустое несешь.

— Правда, правда!

Не поверил старый мулла, пошел посмотреть. И верно — лежит возле мечети бревно. Изумился мулла. А сборщик шкур — к хазрету:

— Гафар-то с очень серьезным намерением вернулся. Я ему говорю: «Женись». А он: «Нет, не женюсь, сперва мечеть подновлю», — и все тут. Неплохо бы женить его, пока деньги не пораспылил. Вообще-то мы имеем в виду дочку такого-то бая. Я у него, случалось, шкуры и шерсть покупал, давно к его дочке присматриваюсь. Хай-хай, хороша девка!

— Так это... как тебя, кустым... у нас ведь тоже дочь — на выданье, — заволновался хазрет. — От старшей жены детей у него не было, а младшая родила дочку, и вот подросла она. — Ты это... чем из-за девки какого-то бая хлопотать... нашу бы дочь выдать. Я посоветуюсь с абыстаями, да и...

— Что ж, посоветуйся с абыстаями. Давай, не затягивая дела надолго, сегодня же и порешим, — насел на хазрета сборщик шкур.

— Постой, сегодня-то — сегодня, да ведь это... Ну, ладно, ты пока иди, а я велю угощение приготовить, мясо сварить.

Позвал хазрет жен и говорит:

— Ну-ка, быстренько заложите в котел мяса. Гости к нам придут

— Кто придет?

— Старый мулла, затем молодой солдат Гафар с соседом — всего человека четыре-пять нас будет.

— А зачем они придут? — спрашивает старшая абыстай. — Зачем придут-то?

— Так ведь слух идет — за Гафара дочь такого-то бая хотят сватать. Неплохо бы нашу Шахарбану за него выдать.

— А что он за человек?

— Я ж тебе говорил — мечеть собирается перестроить.

— Кто?

— Да Гафар же! Во какой он солдат! Прямо-таки мешок с деньгами!

— Не может быть!

— Может! Вон уже бревно привез.

Поглядела старшая абыстай в окно — и вправду бревно лежит.

— Бэй! Коли так, уж мы постараемся!

Сказав так, пошла абыстай и накидала полный котел мяса. Ко времени, когда оно сварилось, подоспели старый мулла, скупщик шкур и еще кто-то — собрались пять-шесть человек. Гафар подошел последним. Сели угощаться. Главным-то сватом от Гафара пришел скупщик шкур, он и повел разговор. Скупщик ведь полагал, что Гафар в самом деле вернулся при больших деньгах. Человек, привыкший каждую копейку превращать в две копейки, он и теперь надеялся урвать что-нибудь из денег солдата. С этой мыслью и лез из кожи, сватая дочь хазрета.

— И девушке уже пора сказать, — наседал он. — Не сегодня, так не позже, чем завтра, надо с этим делом покончить. Коль будешь тянуть и прознают об этом на стороне, невесть еще кто может подоспеть, начнут навяливать своих дочек, вот ведь какая штука!

— Ладно. Хуп! — согласился со скупщиком хазрет.

Назавтра позвали гостей побольше. Свершили никах. Уединили жениха с невестой в другом доме.

Прожили они там день, второй, и вот Гафар говорит жене:

— Скажи отцу, надо поехать в Уфу, кое-какую одежду купить. Это раз. Во-вторых, скажи — пусть возьмет побольше пятирублевок и червонцев, а то у меня одни сотенные. Там ведь в мелких лавках сотенную и не разменяешь.

(А уж какие сотни могут быть у солдата! Было у него всего-то навсего три рубля).

— Ладно, — ответила жена. Пошла к отцу: — Отец, зять твой говорит — надо в Уфу съездить, одежду купить.

— Что ж, съездим. Зятя за кучера посадим.

— Он велел приготовить хороший мешок. И еще — есть у него условие.

— Что за условие? Говори.

— У него деньги только очень крупные. Боится — не разменяют. Велел, чтоб ты взял побольше пятирублевок и червонцев.

— Ладно.

У муллы-то, жившего на подаяния, как раз мелких денег было много. Поехали втроем в город. Заехали там к знакомому хазрета, тоже мулле.

— Так и так, — объясняет тесть Гафара, — выдал вот дочку замуж, приехали кое-что купить.

— Хуп! Очень хорошо! Айда, распрягайте лошадь, — отвечает хозяин.

Распрягли лошадь, устроились. Наутро отправились по городу. Первым делом купили нарядный сапан* для хазрета. Купили подарки абыстаям. И для молодушки покупку сделали.

— Ладно, хватит покупать в этом магазине, пойдем в другой, — говорит Гафар. Ведь если наберут больше, чем на сто рублей, тесть может сказать: «Ну-ка, зятек, плати ты». Вот он спешит к выходу.

Побыли немного во втором магазине — повел солдат в третий. Ни в одном магазине не дает заплатить больше пятнадцати-двадцати рублей, в уме счет ведет.

Вскоре мешок наполнился, уже и таскать его стало тяжело.

— Давайте заодно и к портным заглянем, — говорит молодушка. — Договоримся насчет шитья.

— Зачем товар здесь оставлять? Позовем портного к себе, — отвечает хазрет. (В те времена были бродячие портные.)

— И я так думаю, — говорит Гафар.

На том и порешили. Повидавшись с портным, пригласили его к себе и отправились домой.

Проходит после этого неделя, месяц проходит. Раз у Гафара «деньги крупные», жена все время ходит к отцу, берет на житье-бытье у него. Живут они своим домом.

Прежде у башкир кроватей не было, спали на широких нарах. С переднего края доски нар лежат на четырехугольном бруске, вытесанном из бревна. Мы называем этот брус казной. А в других местах, так же, как у татар, он называется «юзлек». В той стороне, где жил Гафар, как раз говорят не «казна», а «юзлек». Спустя какое-то время послал хазрет своего мальчика на побегушках к зятю:

— Иди-ка, узнай, не разбил ли он юзлек¹.

Видать, с деньгами у хазрета стало туговато.

Прибежал мальчишка к Гафару, поздоровался.

— Ну, что у тебя за нужда ко мне, братец? — спрашивает Гафар.

— Это... хазрет велел спросить, не разбил ли ты юзлек.

— Э, братец, коли я разобью юзлек, хозяйке не на чем будет спать.

— Не понял я... — говорит мальчишка.

— Экий ты! Я говорю: коли разбить юзлек, — тут Гафар хлопнул рукой по брусу, — апай* твоей не на чем будет спать.

Примчался мальчишка обратно к мулле:

— Хазрет, он сказал: «Коли разобью юзлек, апай твоей не на чем будет спать».

— Не понимаю, что ты мелешь, — говорит хазрет.

— Он вот так хлопнул по краю нар и сказал: «Коли разобью юзлек, апай твоей не на чем будет спать», — объяснил мальчишка.

— Вот оно что...

Сел хазрет и сжал руками голову. Понял, что никакого подновления мечети не будет, что женился Гафар, обведя его, хазрета, вокруг пальца.

Потом послал за Гафаром и спрашивает его:

— Ну, как это понимать?

— Так, хазрет, откуда у солдата могут быть большие деньги! Вот три рубля, пожалованные царем за все про все...

— А как же ты бревно купил?

— Цена его — рубль.

Что теперь хазрету делать? Коль на дочь взглянуть да посчитать — близится время, когда он дедом станет. С другой стороны, люди его насмех поднимут, и об этом надо думать. Делать нечего, отдал мулла Гафару второй свой дом насовсем. И денег дал, велел купить у чувашей бревен. Перестроил он мечеть, нет ли — нам неизвестно. Не он, так молодежь потом перестроила, клуб в ней открыла. Потому что вскоре произошла революция.

Ну, а что касается Гафара, сами понимаете: благодаря хитрости получил он за бревно девушку.

65. БАЙСКАЯ ДОЧЬ И ДВА БАТРАКА

Был один богатый человек. У него было два работника — один башкир, а другой мещеряк. Мещеряк был бойкий, красивый, а башкир плохой какой-то, полоумный что ли. Они живут, работают.

Один раз мещеряк сидел на улице, а башкир мел ограду. К мещеряку вышла дочь хозяина и села рядом с ним. И говорит девка мещеряку:

— Возьмешь ли ты меня замуж? Любишь ли? Если любишь, так я пойду за тебя замуж.— Мещеряк отвечает:

— Как не любить такую красивую девицу? Люблю,— говорит.

— Любишь, так сегодня ночью поедем вместе. Возьми у моего отца пару лошадей, запряги и потом постучи мне в окно. Тогда мы и поедем с тобой.

Сговорились. Работник-башкир, который мел в ограде, слышал их разговор.

Мещеряк на радости пошел пировать. Напился, пришел пьяный. Запряг пару лошадей, изготовил все, потом зашел в избу надеть хорошую одежду. Как он зашел в избу, тот башкир-то и спрятал у него возжи. Надел мещеряк хорошую одежду, сел — поехал; раз ли, два ли лошадей ударил и поехал без возжей.

Башкир ждет, ждет часа два, мещеряка нету. Потом пришли одни лошади, без мещеряка. Лошади увезли пьяного мещеряка, без возжей, куда-то и там выронили.

Тогда башкир взял возжи и поехал искать мещеряка. Нашел его в степи и стал со всеми лошадьми.

Потом пришел башкир домой, постучал в окно, где спала хозяйская дочь, и разбудил ее. Девка открыла окно и побросала свою одежду, добро все побросала на повозку, а потом сама вышла. Сели и поехали вместе.

Ехали, ехали. Девка и спрашивает:

— Што,— говорит,— ничего не говоришь? — Остановились, посмотрела она и видит, что это не мещеряк.

— Как,— говорит,— так? Я тебе ничего не говорила! — Тот молчит.

— Ну,— дочь сказала: — Бог, видно, так велел! Чево тут поделаешь?

Ехали, ехали. Нет ни одной деревни. Наконец попался им мост. За мостом деревня, а проехать туда нельзя: мост плохой.

Посылает она его квартиру искать. Прошел он через мост пешком, зашел в деревню. Квартир там нету. Живет там хан. Он спрашивает у хана:

— Нет ли тут простой квартиры? — Хан сказал:

— Вот,— говорит,— пятистенный дом, он простой: хочешь, так покупай.

Башкир купил этот дом за сто рублей. Потом пошел за бабой, через мост, приехал на квартиру и живет.

Живет он, значит. Хан и думает: «Што это? — говорит,— баба у мужика хорошая, а сам он плохой. Надо,— говорит,— взять бабу-ту».

Поговорил он с советниками. Один советник сказал ему:

— Вот,— говорит,— есть аул, там есть хан, а у хана есть дочь. Пускай он тебе привезет эту дочь замуж. Она тоже красивая. Если он ее привезет, так тебе не надо брать у него бабы, а не привезет, так возьми у него бабу.

Послал хан одного советника за башкиром. Башкир пришел к хану. Хан сказал ему:

— Вот там у хана дочь есть, тащи ее к нам: не притащишь, так добра не будет тебе!

Башкир:

— Ладно,— говорит.

Пришел домой. Баба его спрашивает:

— Чего тебе приказал хан? — Башкир рассказал ей. Баба сказала ему:

— Тащи, я тебе бумагу напишу. Она будет сидеть в двухэтажной избе, в окно смотреть, ты давай ей эту бумагу.

Пошел, пришел туда, показал ей эту бумагу, которую написала ему баба, та смотрела, читала и говорит башкиру:

— Заходи сюда.— Зашел, сел. Девка и говорит:

— Вот тебе ключ, ты поди под сарай, отпирай, там повозка и пара лошадей, запрягай, а ключ сюда подавай: положим на место, а то отец узнает.

Запрягли лошадей, сели, вместе поехали.

Девка эта училась вместе в одном училище с дочерью того хана, и, когда учились, они дали друг другу клятву, что если одна сперва выйдет замуж, то обеим им туда идти, в одно место, хоть,— говорит,— хороший муж, хоть плохой.

Приехал домой. Первая баба и говорит ему:

— Поди к хану, скажи ему: дочь того приехала сюда, да не пойдет к хану, а пойдет к тому, кто ее привез.

Хан сказал:

— Не придет, так не придет! Чего поделать? Пускай не придет.

Хан опять к советникам: што поделать? — Один советник сказал ему:

— Вот в таком-то месте, за такой-то рекой, есть 6 штук золотоголовых зайцев (куян алтын-башты); они такие дурные, што сами кончат башкира, если увидят: пусть он принесет их сюда.

Так советовал. Послал хан одного советника звать башкира. Позвали, он пришел:

— В таком-то месте есть такие-то зайцы... Не притащишь, добра не будет тебе.

Пришел домой, плачет. Баба спрашивает:

— Как? — говорит, — чего приказал хан?

Не может говорить, плачет, плачет. Баба говорит:

— Отдыхай маленько, потом скажешь.

Спал, потом встал. Баба спрашивала...

— Ну, — говорит, — запишу бумагу, потом дам тебе кошму белую, новую, чистую — никакой приметы нет. Когда через реку переходить будешь, тогда к подошве в сарык клади эту бумагу, а то утонешь. А как придешь на место, эту кошму клади, сам зайцам не показывайся. Через час смотри.

Он перешел реку, разостлал кошму, лежал час; потом смотрел; на кошме лежат шесть зайцев. Взял их с кошмы, потом кошму взял и пошел домой. Через реку перешел, опустил их всех на дорогу, они сами идут, играют, который вперед идет, который сзади идет.

Пришел в деревню, принес зайцев в свою избу, оставил их там, а сам пошел к хану, сказал ему.

— Зайцы у того останутся, кто их притащил, а к вам, — говорит, — не пойду.

— Ну, не придут так не придут. Айда домой! — Башкир ушел домой.

Хан опять советует, — надо как-нибудь взять бабу его. Один советник говорит:

— Вот в таком-то месте есть море, на этом море есть дракон, пусть он этого дракона притащит сюда.

Послал за ним. Башкир пришел.

— Вот так и так... Не притащишь, добра не будет вам!

Башкир пошел домой, плачет.

— Отдыхай, потом скажешь.

Спал, потом встал.

— Чего сказал хан?

— Вот в таком-то месте есть дракон... — Опять плачет.

— Вот, — говорит, — бумагу напишу тебе, дам пешню. Эту бумагу, — говорит, — держи в руке, как дойдешь до него, пешней коли прямо, как ударишь, — говорит, — садись на него верхом, бей хлыстиком.

Как сказал, так и сделал. Ударил пешней, сел верхом, как ударил хлыстиком, тот так и поехал прямо. Приехал верхом на звере в свою деревню, заехал прямо в ограду к хану. А зверь больно большой; половину деревни изломал зверь, как пришел. Кричит башкир хану.

— Приказал, — говорит, — дракона притащить, — я притащил, бери! — говорит. — Хан кричит:

— Не тащи, не надо! Отпусти!

— Сам,— говорит,— велел, а теперь: отпусти! Так нельзя маять человека! Прими присягу,— говорит,— что больше не пошлешь никуда!

Хан не принимает присяги:

— Без присяги,— говорит,— не буду посылать.

Потом принял присягу. Тогда башкир отпустил зверя, сам пошел домой.

Хан опять думает,— одну присягу нарушу, ничего не будет! — Опять советуется.

Выкопали яму глубины 40 сажень, набросали туда дров, налили керосину. Послал хан за башкиром. Тот пришел.

— Чего прикажете?

— Вот што прикажем: у меня отец живет на том свете, иди к нему, узнай, как живет, здоров ли? Придешь, так скажи мне.

— Ладно,— говорит башкир.— Пошел домой, рассказал бабе.

Баба говорит:

— Иди. Дам я тебе колотушку и железную лопатку. Будешь ими копать землю и ляжешь мимо ямы, пока они сожгут дрова и керосин... Вот тебе золотая чашка,— говорит,— придешь, так отдай ее хану. Скажи: «Отец подарил. Тебя, говори, в гости звал».

Потом дала еще серебряную чашку: это, мол, мать подарила. Шибко, мол, хаут тебя, что «не придет мой сын», мол. Так скажи.

Пошел, значит. В яму толкнул его хан, зажег дрова и керосин. Сгорело там все. Через две недели хан пошел к его бабе.

— Айда ко мне: твой мужик сгорел, кончал.

— Как сгорел? Ты его посылал на тот свет к отцу, он придет! Буду ждать еще.

— Ну, жди! Приду потом, возьму замуж.

Три недели прошло. Опять хан пришел:

— Айда ко мне! Сколько время прошло, он не пришел! Не придет больше!

На двадцать седьмой день опять пришел к бабе.

— Айда ко мне! Все равно,— говорит,— не придет!

— Еще три дня осталось. Месяц кончится, тогда,— говорит,— пойду замуж.

Месяц прошел. Башкир пришел, пошел прямо к хану.

— Вот,— говорит,— эту чашку тебе отец подарил. Эту чашку тебе мать подарила. Ругают тебя шибко, зачем ты сам не пришел!

Хан говорит:

— Я пойду, узнаю: здоров ли, как живет. Ты видел, я не видел!.. Копай,— говорит ему,— яму.

Башкир нанимал яму копать 40 сажень глубоко, сто сажень дров готовил, сколько пудов керосину готовил. Сказал хану,— айда, иди! — Хан пошел к отцу. Тот бросил за ним дров и керосину, зажег. Хан сгорел.

66. ХАН НАХОДИТ НЕВЕДОМОГО ЕМУ СЫНА

В давние-предавние времена жил один довольно бедный старик-охотник. Была у него единственная дочь. Однажды на охоте встретился ему хан. Разговорились, и, узнав, что у бабая есть дочь, хан попросил отдать девушку ему.

— Женюсь на ней,— говорит он,— только пусть она сына мне родит.

Бабай согласился.

Свершив никах, прожил хан с молодой женой с месяц и, никому ничего не сказав, куда-то уехал. Спустя восемь месяцев после того, как он уехал, у жены родился сын. Рос мальчишка силачом. Лишь взмахнет рукой, играя на улице со сверстниками,— те летят кувырком кто куда. Разозлился из-за этого народ, и соседки как-то упрекнули парнишку:

— Был бы ты нормальный, так отец не бросил бы тебя.

Пришел парнишка домой и пристал к матери, стал спрашивать про отца. Мать правду не сказала.

— Умер,— говорит,— твой отец.

Тогда пошел парнишка к тем соседкам, говорит:

— Зачем вы меня обманываете, ведь мой отец умер!

А те:

— Заставь мать пожарить курмас*. Скажи: «Хочу поесть курмасу». Когда пожарит, она подаст курмас в ложке, а ты не бери. Пусть подаст в руке. Когда подаст в руке, зажми горячий курмас в ее горсти и спроси про отца. Она, не выдержав боли, скажет правду.

Парнишка, вернувшись, сделал так, как его подучили. И мать рассказала, что отец его был ханом, что он куда-то пропал, когда она затяжелела. Узнав правду, парнишка отправился искать отца.

Идет он месяц, идет год, а до города, где живут ханы, все никак не дойдет. Шел, шел и сильно притомился. В один из дней зашел на кладбище, лег, положив голову на свежую могилу, и крепко уснул, но, услышав чей-то голос, проснулся. Прислушался — голос доносится из могилы. Не долго думая раскопал егет могилу и

глазам своим не поверил: лежит там в саване живая девушка. Вытащил егет девушку. Оказалось — закопали ее живьем по приказу хана. Познакомились они и, поживившись, стали жить вместе.

Но на что жить? Надо было чем-нибудь заняться, и егет принялся искать работу. Дошел однажды в поисках работы до города и слышит: два хана из-за работников ссорятся, каждый в свою сторону тянет. Егет решил наняться к одному из них. Повел его хан к себе, приказчиком поставил. Егет оказался очень способным к торговле: за месяц распродал товары, которые лежали годами. Видя это, другой хан попросил хоть ненадолго отпустить егета к нему, у него оказывается, тоже товары не шли, целой горой лежат. Хозяин отпустил егета.

Начал он работать у другого хана, и у этого тоже товары, лежавшие годами, разошлись. Ну, это бы ладно, да тем временем дочь ханского везира успела без памяти влюбиться в приказчика. Сгорая от любви, прислала письмо: если, мол, согласен со мной познакомиться, найму людей, чтобы прокопать подземный ход из моей комнаты в магазин. Егету что — тоже написал письмо, ответил согласием.

Учуяли хан с везиром это дело и, переодевшись, пришли в магазин. Стоят, как будто бы выбирают товар. А тут зашла девушка-письмоноска да и выложила:

— Егет, дочь везира ждет тебя в такой-то час.

Хан с везиром, раз их подозрения подтвердились, решили повесить и егета, и девушку. Согнали народ на майдан, привели приговоренных. Когда подошло время казни, девушка сказала:

— Мой грех побольше, повесьте первой меня.

— Дозвольте и мне слово молвить, — попросил егет. Получив дозволение, рассказал о себе, о том, как отправился искать отца.

И тут хан признал в приговоренном к смерти своего сына. Признав, повинился перед всем народом, передал ханство сыну и договорился с везиром, что станут они сватами, то есть девушка с егетом поженятся.

А через три дня после никаха пришла в город и, расспросив добрых людей, отыскала егета его первая жена. Егет рассказал об этом отцу и молодой жене. Получив их согласие, стал жить с двумя женами. Вот с тех времен, говорят, и существует ханский обычай иметь двух жен.

Жили, говорят, в прежнее время два брата. Одного из них звали Гафи, другого — Сафи. У Гафи были сын и дочь, у Сафи — только сын. Гафи был хозяином многих заводов здешней округи, а Сафи занимался торговлей.

Гафи был постарше Сафи. И вот подступила к нему старость. Что делать? Сын еще молодой, и боится старик, что упустит он заводы из рук. Имел Гафи заводы, где работали по пятьсот человек — шутка ли! Ну и страшно, что порастеряет сын богатство, которое отец нажил, выжимая пот и слезы людские. Думал старик, думал и решил женить сына, пока сам еще жив. Может, думает, тогда немного остепенится. Позвал сына.

— Вся,— говорит,— моя надежда — ты, сынок. Я уже стар. Хочу женить тебя, чтобы умереть спокойно.

Сын противиться не стал.

— Оно бы,— отвечает,— неплохо, да ведь поблизости не видать подходящей девушки.

А старик:

— У егетов глаза острые. Поезжай, посмотри. Только побыстрее выбери.

— Какую примерно выбрать? — спрашивает сын.

— Какая тебе приглянется, та и мне понравится,— сказал бай.

Поехал егет невесту высматривать. Тысячу-другую верст исколесил и вернулся ни с чем, не нашел девушку себе по нраву. Сын Сафи посмеялся над ним.

— Разве,— говорит,— невесту так ищут? Одних только глаз на лбу для этого мало. Не товар же выбираешь. Надо глазами сердца смотреть.

Опять поехал сын Гафи и остановился в одном бедном ауле. Аульный народ сбежался посмотреть на его машину. Смотрят люди, разинув рты, удивляются. Только одна девушка прошла мимо за водой, даже не взглянув. И сразу этим понравилась егету. Проследил он, в какой дом войдет девушка, и спрашивает:

— Кто хозяин вон того дома?

— Он на пастбище, стадо пасет,— ответили ему.

Сын Гафи велел позвать старосту, познакомился. Когда пастух пригнал стадо, егет сказал старосте:

— Айда-ка зайдем к этому старику, мне его дочь понравилась.

Зашли к пастуху, дали понять, какое у них дело, а мать девушки говорит:

— Дочь у меня бедная, приданого нет, чтобы за богатого отдавать.

А егет:

— Мне жена нужна, а не приданое.

Старик молчит. Егет принес из машины угощение. Не отказались. Девушка была не против выйти замуж за егета. Раз так, и отец с матерью согласились. Созвали всю родню, угощали два дня. На третий день сын Гафи сказал:

— Айдате все к нам! — и повез всех к себе домой.

Не доезжая верст сто, послал вперед вестника: пусть, мол, ждут, готовят свадьбу. Целый месяц угощался аульный народ, потом сын Гафи отвез пастуха и остальных обратно.

Зажили молодые в полное свое удовольствие, как почки в масле купались¹. Года через два Гафи позвал сына и говорит:

— Я уже не справлюсь, бери заводы на себя.

Передал сыну все дела, все свое добро, свои заводы и, успокоенный, вскоре умер.

Дела у сына Гафи шли неплохо, пока не остановился один завод. Пришлось поехать на сторону, чтобы купить для завода новую машину. Перед отъездом сына Гафи сын Сафи задорно сказал:

— Пока ты будешь ездить, я побалуюсь с енгэ, вот увидишь.

Сын Гафи наказал своей матери:

— Невестку свою никуда не выпускай.

И уехал.

Сын Сафи знал, что сестренка сына Гафи падка на золото. Пришел он к девушке и говорит:

— Узнай про какую-нибудь приметку на теле твоей енгэ. Если узнаешь, принесу тебе мешочек золота.

Девушка согласилась. К следующему приходу сына Сафи узнала приметку: у енгэ, оказывается, пупок торчит.

Вернулся сын Гафи из поездки. Сын Сафи пошел встретить его и тут же выложил:

— Побаловался я, брат, с енгэ.

— Не может быть!

— Все ж было дело. Коль не веришь, могу приметку на ее теле назвать: у нее, оказывается, пупок торчит.

Пришел сын Гафи домой и жене — ни слова. Не разговаривает с ней. День молчит, другой молчит. В субботу жена истопила баню. Баня стояла возле озера. Посадил сын Гафи жену в лодку, повез будто бы покататься. Озеро было большое, другого берега не видать. «Что же с этой женщиной делать? — думает сын Гафи. — Прогнать, так другому достанется, а я сам ее люблю. Лучше уж уто-

пить». И взял да столкнул жену в воду, а сам уплыл домой.

На счастье, плавало в озере большое дерево. Молодушка уцепилась за него. Волны в конце концов прибили дерево к берегу. У женщины вся одежда изодралась, целого места нет. Сама лежит без памяти. Полежав немного, очнулась. «Как,— думает,— я сюда попала?» Встала, прошлась — руки-ноги целы. Тут вспомнила она все и пошла куда глаза глядят. Шла, шла и набрела на мертвеца. На мертвце была офицерская форма. Сняла она с него форму, оделась сама и, накрыв труп своей изодранной одеждой, пошла дальше.

Шла, шла и увидела родник. Над родником на яру стоит дом. Оказывается, это был очень хороший курорт, в нем лечился маленький царевич. Лечили его одна бабка с дедом. Когда женщина-офицер зашла к ним, дед спрашивает:

— Ты откуда взялся?

Женщина не растерялась, складно соврала, прикинувшись мужчиной: так, мол, и так, служил офицером на корабле, налетела буря, корабль утонул, один я спасся.

Потом, стараясь держаться как можно уважительней, попросилась на постой. Пустили ее на постой. В доме была всякая еда, какую только ни пожелаешь. Голодной женщине пришлось это очень кстати. Даже румянец у нее появился. Окончательно придя в себя, женщина-офицер спрашивает у старика:

— Почему вы живете одни в таком, можно сказать, диком месте?

— Так и так,— отвечает старик,— царевича мы должны вылечить, только дело плохо подвигается.

Попросив разрешения, женщина пошла взглянуть на царевича. Мальчишка был совсем худой, одна кожа да кости. Посмотрела на него и отправилась в лес. Она, оказывается, очень хорошо знала травы. Пока муж разъезжал, она, устав от безделья, много читала. Ведь бедняцкая дочь. А бедняки на всякое дело горазды. Набрала она в лесу разных трав, кореньев, цветочной росы, приготовила лекарства и принялась лечить царевича сама. И на пятый день мальчишка мог уже сидеть, на десятый — ходить. За двадцать пять дней эта женщина вылечила царевича, крепко на ноги поставила. Прямо чудеса! На двадцать шестой день, будто прознав об этом, прибыли царь с царицей. Мальчишка бегом кинулся навстречу.

— Как ты вылечился? — спрашивают его.

— Один офицер вылечил,— отвечает тот.

Царь с царицей пришли в изумление. Стали расспрашивать офицера, откуда он как сюда попал. Узнав, в каком он положении, очень ему посочувствовали. Вдоволь негостившись за три дня, царь с царицей собрались домой. Пригласили офицера к себе.

— Приезжай,— говорят,— мы тебя устроим на самую лучшую работу, какую захочешь.

Женщина сначала не хотела ехать, но через некоторое время, не вытерпев, поехала.

— Устройте,— говорит,— на работу. Надоело ничего не делать.

— Какую работу желаешь получить? — спрашивает царь.

— Назначь прокурором,— говорит она.

— Да ведь это очень канительная работа,— говорит царь.— Проси что-нибудь получше.

— Нет, назначь прокурором,— уперлась женщина-офицер.

Послали ее прокурором. Принялась она за работу. Перевернула бумаги не зная за сколько лет. Чье бы там ни было дело, все проверяет заново. Прослышав об этом, приехал к ней с жалобой и тот пастух. Где уж было ему знать, что прокурор — его собственная дочь. Стоит трясется. Женщина-прокурор, не выдавая себя, поговорила с пастухом и, проводив его, вызвала мужа, сына Гафи. Устроила допрос, стучит кулаком по столу.

— Где дочь пастуха? Где твоя жена?

А сын Гафи отпирается:

— Никакого пастуха знать не знаю, жены у меня нет. Не стала она особо с ним церемониться, посадила под замок. Велела привезти его мать.

— Куда,— спрашивает,— невестку дела?

А та в упор врет:

— Не было у меня невестки и нет.

— А кто у тебя есть?

— Дочка,— отвечает, оробев, жена Гафи.

И эту посадила под замок, вызывает девушку. Хай-хай, быстро же ведет дело этот прокурор! И с девушкой разговор был крутой. Та совсем потерялась. Что с нее взять, жизни ведь еще не видала.

— У твоего брата была жена? — спрашивает прокурор.

— Была.

— Куда она делась?

— Уплыли они на лодке, и оттуда она не вернулась. Теперь вызывает прокурор тех двоих на очную ставку.

Перед лицом правды сын Гафи не выдержал, признался.

— Со мной,— говорит,— случилось то-то и то-то, жена мне изменила.

Изумилась женщина-прокурор. И сильно разозлилась, требует доказательств.

— Как ты,— спрашивает,— об этом узнал?

— Да сын Сафи сказал: «Я с енгэ побаловался» Живо доставили сына Сафи.

— Ты с женой сына Гафи побаловался? — спрашивает прокурор.

У сына Сафи рот растянулся до ушей, смеется:

— Да нет, я просто пошутил. Гафи-агай своей жене не верил, а каждому встречному-поперечному верил. Поэтому я и сына Гафи хотел проверить. Спросил у его сестры приметку енгэ, и она сказала.

— Ради чего ты это сделала? — спрашивает прокурор у девушки.

— Ради золота,— говорит та.

Сына Сафи женщина-прокурор отправила на каторгу — знай, как шутить! Девушку — в тюрьму. А сыну Гафи сказала:

— Ты пока посиди дома. Пожалуй, придется тебя расстрелять.

Сын Гафи попытался сунуть взятку, много золота хотел дать, но женщина-прокурор и близко с этим не подпустила. Сказала:

— Жди сегодня вечером.

Вечером приехала с двумя жандармами. Сели, поели-попили, потом женщина сказала жандармам:

— Вы поезжайте домой, я сегодня переночую здесь.

Зашла в свою комнату, смотрит — ее одежда там все еще висит. Переоделась, легла. А сын Гафи то подойдет к двери, то отойдет. Когда опять подошел, жена распахнула дверь. Увидев ее в прежней одежде, сын Гафи грохнулся на пол.

Чего только между мужем и женой не бывает! И ссорятся, и мирятся. Помирились, говорят, и эти. И очень, говорят, хорошо зажили.

68. КОРОБЕЙНИКИ

Жил, говорят, в былые времена отрок-коробейник. Как-то поздно вечером пришел он в один аул. Идет от дома к дому, просится на ночлег — никто не пускает

А погода несносная, льет дождь. Когда дошел до самого последнего дома, хозяин тоже крикнул:

— Нет, не пущу!

Хозяйка в это время маялась родами. Она сказала:

— Пусти уж беднягу. Может, у него нога легкая, принесет мне облегчение. Ведь сколько уж дней маюсь!

Пока коробейник, войдя, раздевался, хозяйка родила дочку. Наутро она подозвала отрока и говорит:

— Сынок, коль согласишься подождать, пока моя дочка вырастет, отдам ее за тебя.

Отроку тогда было четырнадцать лет. Перед уходом хозяйка дала ему пятнадцать рублей и сказала:

— Пусти эти деньги на торговлю. Коль есть у нас счастье, деньги умножатся.

Только отрок, попрощавшись, собрался уйти — вошел хозяин и дал ему бумагу о том, что отдадут свою дочь за него.

— Не потеряй,— говорит,— сынок, эту бумагу.

Взял отрок бумагу и ушел.

Ходит он, торгует, год за годом проходит, а дела у него никак не поправляются, все богатство — тот же короб.

Однажды напала на коробейника тоска, места себе не найдет. Принялся от нечего делать перебирать то, что лежало в коробе. Рылся он, рылся и вытащил с доньшка ту давнюю бумагу.

На другой же день егет отправился в аул, где жила его нареченная. Приходит, а дома того нет. Порасспросив, узнал, что хозяева дома еще пять лет назад уехали.

— Куда,— спрашивает,— уехали?

И слышит в ответ:

— В город. Отец девушки там торговлю открыл.

Коробейник пошел в город. Пришел, спросил у одного торговца, не знает ли такого-то — фамилию назвал.

— Он сегодня не торгует,— ответил тот.

— А где его дом?

Узнав, где дом, пошел туда, постучался. Дверь открыла молодая женщина.

— Айдайте, айдайте,— говорит,— заходите. Хозяин сейчас проснется, посидите.

— Какая у тебя ко мне нужда? — спрашивает хозяин, проснувшись.

— Пришел узнать, не откроете ли сегодня лавку. Хотел маленько товаров купить.

— Нет,— говорит хозяин,— сегодня я не торгую. Сва-тов ждем, дочь замуж выдаем.

Как раз в это время вошла в комнату очень красивая девушка. Смотрит на нее егет, ни слова не может вымолвить. Потом вытащил из кармана бумагу, протянул хозяину. Тот, прочитав, осмотрел егета со всех сторон, жену зовет:

— Гляди, зять наш приехал!

Тут же человеку, с которым сговаривались, другому, значит, жениху, написали: «Мы от этого дела отказались, берем обещание обратно». И свадьбу, приготовленную для того егета, повернули на коробейника.

Ладно, живут коробейник с красавицей, сильно друг дружку любят. Через несколько лет умерла мать красавицы, а вскоре смертный недуг свалил и отца. Позвал он дочь с зятем, говорит:

— Дочка, зятек, я умираю. Живите хорошо и после моей смерти. Тебе, зятек, мой наказ: никогда не играй в карты и не бейся об заклад.

Сказал старик так и умер.

Живут коробейник с женой хорошо, по-прежнему любят друг друга.

Как-то коробейник с товарищем отправились в поездку. В пути слово за слово цепляется, зашел разговор о женщинах.

— Моя жена,— говорит коробейник,— ни на кого другого и не взглянет.

— Не взглянет, как же! — заспорил с ним товарищ.— Вот увидишь, на меня — взглянет.

— Нет,— твердит коробейник,— не взглянет.

Побились об заклад.

Товарищ этот, бай, придумав пустой предлог, повернул в пути назад. Прощаясь, сказал:

— Говоришь — не взглянет. Приеду к тебе с колечком твоей жены с ее пальца.

Вернувшись в город, бай пошел к старухе-знахарке. Говорит ей:

— Бабка, что ни попросишь — дам. Добудь мне колечко с пальца жены коробейника.

А старуха:

— Коли дашь золотую пятирублевку, добуду.

Дал. Пошла старуха в дом коробейника. Приходит, а его жена собирается голову мыть. Ну, и сняла колечко. А знахарка незаметно схватила его и — бегом к баю. Бай, надев колечко на свой палец, поехал к коробейнику.

— Вот видишь? — говорит.— Отдала, когда мы с ней целовались.

Загоревал коробейник. К жене не возвращается. Остав-

ленные тестем товары продал и деньги пропил. А потом вернулся домой в полночь, потащил жену, ничего не говоря, на кладбище, привязал ее там к ограде и сам ушел куда глаза глядят. Жена провела ночь в слезах у ограды кладбища, только утром, высвободившись, пошла домой. Понять, с чего муж выкинул такое, она не смогла.

Немного успокоившись, собрала женщина остатки отцовского добра и занялась торговлей. Мужа нет, сама себя кормит. Но дело пошло неплохо, состояние стало расти, как при отце.

Много лет спустя, исходив сколько-то стран, коробейник вернулся в этот город. Ходит, расспрашивает, не нужен ли кому работник. Один человек сказал ему:

— Вон там, через два дома, живет богатая женщина. Верно ли, нет ли — был слух, что ей нужен работник. Попробуй, сходи туда.

Пошел туда. Вышла на стук полная, красивая женщина.

— Не нужен ли вам работник? — спрашивает коробейник.

— Нужен один, — отвечает женщина.

Взяла его в работники. День-другой спустя велела запрячь лошадь.

— Съездим-ка, — говорит, — на базар.

Сев за кучера, повез работник хозяйку на базар. Одежда у работника была драная. Вернувшись с базара, хозяйка дала ему белье, послала в баню. И хорошую верхнюю одежду дала, на ноги — хромовые сапоги. Потом позвала пить чай. Работник был уже очень старый. За чаем хозяйка спросила:

— Агай, сколько тебе лет?

— Лет-то мне не так уж много, — ответил работник. — Нужда меня состарила.

— Какая же это нужда?

— Не осталось, наверно, на свете нужды, какой я не испытал.

— А детей у тебя нет, что ли? Жена где?

— Детей не было, жена была. Жива ли, нет ли теперь — не знаю, — говорит старик.

— А почему ты ее бросил? Плохая, что ли, была?

— Нет, хорошая была у меня жена.

— Так почему же ушел от нее?

— Тесть мне наказ дал. Я наказ не выполнил и на этом погорел. Тесть наказал не биться об заклад. А я с одним своим спутником поспорил. Я ему говорю: «У меня жена очень хорошая, на других и не взглянет». А он:

«Посмотрим, — говорит. — Я получу ее колечко и тебе покажу». «Не выйдет!» — говорю я. А тот человек привез и показал колечко моей жены. С горя я привязал жену к ограде кладбища и ушел куда глаза глядят. Была на жене вина, нет ли — я не знаю. Жива она или умерла — тоже мне неизвестно. С тех пор, как ушел, жил я на чужбине.

Женщина говорит:

— Хоть и привязал ты меня в полночь к ограде кладбища, я, слава аллаху, осталась жива и с голоду не померла.

Тут муж вскочил, обнял ее и взмолился:

— Прости мне то, что я сделал!

Простила его жена. Потом притянули они того лживого бая к ответу и зажили, говорят, даже лучше прежнего.

69. КУПЕЦ ГАНИ И ВЕЗИР

В давние времена в город, где жил царь, приехал, говорят, купец по имени Гани. У него была очень красивая сестра. Гани торговал разными драгоценностями, предназначенными для царских домов. Однажды здешняя царевна купила в его лавке драгоценность. Эта вещь до того понравилась царю, что решил он выдать свою дочь за купца Гани.

У царя был везир. Звали его Загитом. Прежде царь обещал выдать дочь за него. Когда прошел слух, что царевну собираются отдать замуж за купца Гани, Загит сказал царю:

— Оказывается, купец Гани — бесчестный сводник.

— Откуда ты это знаешь? — спросил царь.

— Я совершил грех с его сестрой. В этом деле участвовал сам Гани, — ответил везир.

Вызвал царь купца и говорит:

— Ты виновен в таком-то деле. Сейчас же покинь мой город, а не то я тебя казню.

— Эх, мой царь, — отвечает Гани, — коли везир совершил грех с моей сестрой, то пусть скажет, на каком плече у нее родинка. Сможет сказать верно — казни меня, не сможет — убей лжеца.

Вызвал царь Загита, говорит:

— Оказывается, у сестры купца Гани есть на плече родинка. Скажешь верно, на каком плече, — велю казнить купца, ошибешься — казнят тебя.

Сильно расстроили везира эти слова. Пошел в пивную,

сидит, понурившись. Тут входит старуха и спрашивает у Загита:

— Ты что так пригорюнился?

— Эй, бабка,— отвечает везир,— дело вышло такое: у сестры купца Гани есть, оказывается, родинка на плече, а на каком — правом или левом — я не знаю, вот и пригорюнился.

— Не горюй,— говорит старуха,— это запросто можно узнать. Дашь десять золотых — выведаю.

И отправилась старуха, вырядившись нищенкой, в дом купца Гани. Только его сестры дома не оказалось. Служанка подала нищенке маленький кусочек хлеба, а та, будто бы недовольная, говорит:

— Ну и кусочек! Родинка, что на правом плече твоей хозяйки, и то побольше!

А служанка:

— У нее,— говорит,— родинка не на правом, а на левом плече.

Поспешила старуха к Загиту, а обрадованный Загит — к царю: так, мол, и так, у нее родинка на левом плече.

Когда царь, вызвав купца, сказал об этом, Гани ответил:

— Везир угадал верно. Но коли он и впрямь совершил грех с моей сестрой, пусть еще принесет ее колечко с бриллиантовым глазком.

Царь передал эти слова везиру. Пригорюнился Загит, но тут опять явилась к нему та старуха. Рассказал Загит, чем удручен. А старуха говорит:

— Коли дашь сто золотых, принесу колечко.

Загит согласился. Снова отправилась старуха в дом купца Гани. Когда она вошла, сестра купца, сняв колечко, месила тесто. Пока девушка сходила в соседнюю комнату, чтобы принести подаяние, старуха схватила кольцо, и след ее простыл.

Отнес Загит кольцо царю. Тот вызвал купца, показал кольцо, и Гани признал его. Царь приказал своим слугам поставить на майдане виселицу и собрать народ. Гани пока что вернулся домой и упал без памяти. Увидев это, сестра тоже лишилась чувств.

Гани пришел в себя первым, написал для сестры письмо, в котором рассказал обо всем, что произошло, и отправился на майдан. Удивилась девушка, прочитав письмо, велела быстренько запрячь пару коней и помчалась к месту, где должны были казнить ее брата. В пути, пока ехала, успела связать одну перчатку. Подъезжает,

а брата уже ведут под виселицу. По оставленному им описанию девушка узнала везира, чуть не за горло его схватила, потащила к царю, закричала:

— Этот человек украл у меня одну перчатку!

А везир:

— Я первый раз ее вижу и знать не знаю!

— Поклянись в этом трижды, — велел царь.

Когда везир поклялся трижды, девушка объявила:

— Я — сестра купца Гани!

Услышав это, царь приказал отпустить купца. А подлый везир Загит лишился жизни, сам попал в яму, которую копал для другого¹.

Вскоре царь выдал дочь за купца Гани, устроил пир.

Года через два-три царь умер. Вместо него царем стал Гани. Родила ему жена двух сыновей. И живут они, говорят, в радости, никакого горя не знают.

70. ДОЧЬ НИЩЕНКИ

В стародавние времена жила нищая старуха. Была у нее необыкновенная дочь. У дочери одна щека сияла, как луна, другая — как солнце¹. Старуха добывала пропитание и себе, и дочери, собирая милостыню. Если хватало денег, покупала кудель. Дочь день-деньской, никуда не выходя, пряла, и кудель превращалась в ее руках в шелк. В маленькой избушке всегда было светло, потому что лик девушки сиял с одной стороны подобно луне, с другой — подобно солнцу. Старуха не могла наглядеться на дочь, нарадоваться ее мастерству.

В том же царстве-государстве жили семь царевичей. Однажды царевичи выстрелили из луков, договорившись жениться на дочерях тех людей, в чьи дома угодят стрелы. Шесть стрел улетели в другие царства и упали на крыши дворцов тамошних царей, седьмая угодила в избушку нищей старухи. Пришел царевич за своей стрелой, а старуха его не пускает.

— Чего, — спрашивает, — тебе тут надо?

— Я — царевич, — отвечает царевич, — моя стрела угодила к вам, я пришел свататься.

А старуха бранится:

— Только, — говорит, — и дела у царевичей, что свататься к таким нищим, как мы! Ходишь тут, насмехаешься над людьми!

Объяснил царевич, что и как вышло. Но старуха и

после этого не перестала браниться. В конце концов вынужден был царевич сходить за отцом.

Как увидела старуха царя, так со страху обмерла. А царь вошел в избушку и глазам своим не поверил: сидит перед ним девушка, одна щека у нее — как луна, другая — как солнце; озаряя светом своего лица эту курную, вроде черной бани, избушку, прядет девушка, и кудель в ее руках превращается в шелк. Сильно удивился царь. А царевич говорит:

— Выпало мне жениться на дочери нищенки. Как ты, отец, на это смотришь?

Коль уж выпало, куда деваться — согласился царь. Дал старухе в этот день много денег. Потом плотников наслал, чтобы за неделю построили ей дом. Мало этого, так велел еще проложить от ее дома до своего дворца золотую дорогу. Прислал полные сундуки шелковых платьев, ну и того-сего, что в доме надо, всякой утвари и другого добра видимо-невидимо.

Шли дни, и вот осталось до свадьбы всего два дня. Тут царица старуху, невестину мать, к себе позвала, мол, посмотри, как подготовились. Ну, раз готовились целый месяц, свадьба очень хорошо прошла. Стала дочь нищенки царской снохой. И царевич, и сам царь с царицей сильно ее полюбили. И ум, и повадки, и способность к рукоделью — все в ней понравилось.

Царь, царица и сватья остались жить втроем в царском дворце, а царевич с молодой женой поселились отдельно в другом городе, неподалеку. Два года прожили они душа в душу, без ссор и перебранок, не унижая друг дружку. Но однажды старшие царевичи, собравшись вместе, надумали устроить пир. Приехали за младшим, а жену его не позвали. Позвали бы, да все шестеро были недовольны тем, что их брат женился на дочери нищенки. К тому же удивлялись они, видя, сколь дружно живут молодые, и завидовали. А сверх зависти хотелось чем-нибудь досадить им. И вот на пиру один из царевичей завел такую речь:

— Дочерям нищих нет веры. Ненадежные они, потому что богатства не видели и не умеют его беречь.

Тут и остальные к нему присоединились. Принялись вшестером охаивать жену седьмого. Но он не смутился, говорит:

— Хоть моя жена — дочь нищенки, я ее на ваших кривых, хромых и безруких царевен не променяю.

Слово за слово, распалились старшие, пошли на спор: мол, привезут какую-нибудь вещь младшей царской

снохи и тем докажут, что она ненадежна, не умеет беречь добро. Два царевича поехали во дворец младшего брата, остальные сидят на пиру, ждут.

Те двое, приехав ко дворцу, сунули золотой охраннику у ворот, еще один — у дверей, а няньке дали три золотых, забрали самые дорогие вещи и привезли на пир. Разозлился младший царевич: ведь вышло, что впрямь дочери нищих ненадежны. И решил он расстаться с женой, кинув ее на волю волн.

Вернувшись домой с такой мыслью, велел сделать большую бочку.

— Пусть, — говорит, — будет в ней два окошка и столько места, чтобы уместился запас еды на три года.

А жене сказал:

— Завтра поедем развеяться к морю, вели приготовить побольше съестного.

На другой день запрягли лошадей, погрузили что надо, и поехали на берег моря.

Там царевич сказал жене:

— Попробуй-ка, сможешь ли залезть в эту бочку?

Жена залезла, а царевич покидал вслед всю привезенную еду, закупорил бочку и скатил в море.

Поплыла молодушка в бочке по морю. Месяц плывет, год плывет, не знает как быть. Одна щека у нее сияет подобно луне, другая — подобно солнцу, свет через окошки льется на синее море. Плыла бедняга так, плыла, и пригнали волны бочку в одно царство-государство к большому зеленому саду. Это был царский сад. Бабай, карауливший сад, как раз сидел с удочкой на берегу, удил рыбу. Увидел он странную бочку и удивился. А бочка подплывала все ближе и ближе. Сбегал бабай домой за багром, выкатил бочку на берег, открыл. Как только открыл, выскочила оттуда красавица и говорит:

— Не бойся, бабай, я роду человеческого.

И рассказала обо всем, что пришлось ей пережить.

Бабая это и вовсе изумило. Привел он молодушку к себе домой, чаем напоил, потом нарядил ее солдатом, справил бумагу, будто бы это — его сын, вернувшийся из царского войска. Пристроил на службу к самому царю. Сделал бабай так из опасения, как бы царь не позарился на красавицу и не развеялся со своей женой. Ладно, служит молодушка царю, ходит в солдатской одежде.

Однажды царь отправился в поездку. Едва он уехал, царица велела солдату истопить баню и позвала его с собой побаниться. Солдат на это дело не пошел. Ра-

зозлилась царица и, когда царь вернулся, прикинувшись хворой, возвела на солдата поклеп, заставила отправить его в тюрьму. Сидит молодушка в зиндане и понять не может, за что сидит.

В тот же день, когда посадили солдата, царь захворал. Позвал знахарку. Знахарка говорит:

— У вас в зиндане сидит человек, посаженный по навету. Коли выпустите его, то тут же поправитесь.

Царь и думать, и решать был скор. Взял в оборот жену, и та призналась, что возвела на солдата напраслину. Выпустили солдата из зиндана. Глядь-поглядь, а это — вовсе не солдат, а молодая красавица. Царь в изумлении тут же забыл о хвори и даже царство свое предложил молодушке. Но она от царства отказалась. Взяла на себя обязанность править суд, переезжая из города в город.

И вот, правя суд, добралась она однажды и до своего родного города. Мать ее была еще жива, только ослепла от слез, горюя о дочери. Дочь старуху узнала, но сама слезы сдержала, осталась пока неузнанной.

— Не плачь,— говорит,— бабушка, найдется твоя дочь, потерпи еще чуток. Куда ее дели, кто совершил злодейство — все выяснится.

Повела она старуху в зал суда, рассудила всех, кто там был, и устроила новый суд, чтобы узнать, по какой причине муж кинул ее в море. Когда все выяснила, тех шестерых царевичей и продажных охранников приговорила к смерти. Мужа велела пока подержать в отдельной комнате, сама переоделась в другой комнате и, вернувшись, сперва обняла мать, поплакала с ней от радости, потом и мужа, простив, обняла.

Так снова они сошлись, жизнь свою наладили и красиво, говорят, жили.

71. ЦАРЕВИЧ И ЦАРЕВНА, ПОЛУЧИВШАЯ ЦАРСТВО

В давние-предавние времена жил, говорят, один царь. Было у него три сына: старшие — умные, а младший — дурачок. Однажды царь велел нагрузить товарами три корабля и отправил сыновей в чужедальную страну торговать этими товарами.

Приплыли братья куда следует, купили три магазина, начали торговать. Старшие, чтобы выручить побольше денег, решили продавать товары помалу — осьмушками да аршинами. А младший, подумав, что все равно ничего

не выгадает, стал продавать оптом, спустил свои товары купцам за два-три дня и пошел по городу заводить друзей. Встретился ему один старик. Поздоровались, разговор завели.

— Судя по одежде, ты не здешний. Что тебя к нам привело? — спрашивает старик.

— Приехали мы, три брата, торговать, — отвечает егет. — Братья мои все еще и осьмушки не продали, а я распродал все оптом, теперь иду заводить друзей.

— Вот что, сынок, — говорит старик. — Коль согласен выслушать меня, дам тебе совет.

— Слушаю, — говорит егет.

— Давай построим на двоих один корабль.хлопоты — мои, деньги — твои.

Егет тут же дал старику денег. Тот положил деньги в карман и ушел своей дорогой, сказав:

— Завтра в это же время встретимся на этом же месте.

А егет — руки в брюки и пошел обратно на свою квартиру.

На другой день встретились на том же месте.

— Ну, бабай, готов корабль? — спрашивает егет, поздоровавшись.

— Денег не хватило, дай еще, — говорит старик.

Егет дал еще три тысячи рублей.

— Сынок, встретимся завтра, приходи на это же место, — сказал старик и ушел своей дорогой.

А егет, немного погрустнев от того, что остался без денег, вернулся на свою квартиру.

Прошла ночь, утро наступило. Отправился егет опять на то место. Подошел туда, постукивая посошком, и старик. Егет спрашивает:

— Готов корабль?

— Нет. Денег не хватило, — отвечает старик.

— Кончились у меня деньги. Пусть и корабль, и те деньги за тобой останутся, ничего мне не надо, считай, потерпел я убыток, — говорит егет.

А старик:

— У тебя же братья есть.

— Да как у них просить! — говорит егет.

— Эй, сынок, неужто не знаешь, как просить? — удивляется старик. — Скажешь, что купил товар, какого у вас нет, так не откажут.

Пошел егет к старшему брату и говорит, как подучил старик:

— Агай, я купил товар, которого у нас нет, да денег не

хватило. Дай тыщи три. Коль не дашь, и товар, и деньги мои пропадут.

Старший брат ни словом не возразил, дал денег, и егет отнес их старику. Положил старик три тысячи в карман и ушел, сказав:

— Завтра встретимся тут же.

Вернулся егет на квартиру в беспокойстве. Думает: «Вот и деньги старшего брата я отдал, как бы этот бабай не провел меня!»

Опять ночь прошла. Утром позавтракал егет, оделся, пришел на условленное место. Подоспел, постукивая своим кривым посошком, и старик.

— Ну, бабай, готов корабль? — спрашивает егет.

— Нет еще, сынок, деньги нужны, — отвечает тот.

— А мне, бабай, уже ни корабль, ни деньги не нужны, — говорит егет. — Больше ничего у меня нет.

— Но ведь у тебя есть еще один брат. Возьми у него, — говорит старик.

Егет:

— Как опять чужие деньги просить?

Старик:

— Проси по-вчерашнему.

Побежал егет к среднему брату. Прибегает, запыхавшись.

— Агай, — говорит, — я купил товар, какого у нас нет. Дай мне тыщи три. Коль не дашь, и товар, и деньги мои пропадут.

Услышав это, средний брат быстренько отсчитал деньги. Понес их егет старику. Тот взял деньги и ушел своей дорогой, сказав:

— Приходи завтра на это же место.

Стоит егет, бормочет:

— Ай-хай, похоже, водит за нос меня этот бабай. Уже у обоих братьев заставил попросить. Как бы не обманул он меня!

Настал вечер. Поужинал егет, лег спать, но долго не мог заснуть. А когда заснул, приснился ему чудный сон: будто бы стоит на воде корабль невиданной красоты и идут на корабль покататься такие красавицы, что глаз не отвести. Просыпается егет — ночь уже минула. Оделся егет и поспешил на условленное место. Вскоре и старик подошел. Расспросили друг друга, как водится, о здоровье, и егет спрашивает:

— Готов корабль?

— Готов. Айда со мной, — говорит старик.

Пошагали на окраину города, зашли там в домишко

на отшибе. Судя по утвари, хозяин дома был вовсе не из тех, кому можно отдать почти пятнадцать тысяч рублей. Старик вскипятил чай в помятом самоваре, приготовил поесть. Когда посли, взял бабай трубу, затрубил на ней. Тут же явился капитан с несколькими матросами, повел старика и егета к кораблю. Как только увидел егет корабль, вся его печаль о деньгах мигом развеялась. «Такое чудо,— думает егет,— и во сне не приснится». Корабль был украшен драгоценными камнями, лучился, как солнце. Золотой краской на нем было написано объявление: «За час катанья — двадцать пять рублей»

Повалили к кораблю баи, стали по очереди кататься, и потекли от них деньги. Благодаря этому егет в скором времени расплатился со своими братьями. А деньги текут и текут, егет уже и места не найдет, куда их класть.

В один из дней велел он причалить к царской пристани. Увидел царь невиданный в его царстве, украшенный драгоценностями, сверкающий, как солнце, корабль, прочитал объявление и заплатил сразу за двадцать пять часов катанья. Поплавав по морю полное свое удовольствие, послал кататься дочь и снох. Те тоже день и ночь прокатались. Царевна, вернувшись, никак не могла забыть чудесный корабль, еле дождалась следующего утра и, ничего не сказав своим невесткам, снова пришла на пристань. Заключила договор еще на три часа. За эти три часа влюбилась царевна в нашего егета, не захотела вернуться домой. Сговорились они и сбежали на корабле.

Раз дочери нет и нет, послал царь людей за ней на корабль. Пошли те на пристань, но ни корабля, ни следа от него не нашли. Узнав об этом, приказал царь выслать погоню.

Егет учуял погоню, велел капитану затаиться в окруженном лесом месте. Когда корабли погони прошли мимо и скрылись, эти поплыли по морю своим путем.

Плыли, плыли и доплыли до незнакомого города. Причалили к пристани. Егет с царевной, а теперь с его женой, значит, спустились на берег, и егет снял на краю города у одного старика квартиру, чтобы жена пока пожила тут. Оставив жену, уплыл сам в другой город зарабатывать деньги.

Ладно, уплыл егет, а на хозяина квартиры вдруг напала охота побаловаться с молодой женщиной. Придумал он предлог, отослал свою старуху на базар. Когда та ушла на базар, подсел к молодой и положил руку ей на колено. Царевна отодвинулась. Старик придвинулся, опять руки распускает. Рассердилась молодуха.

— Ах ты,— говорит,— дрянной старикашка! Ты что вытворяешь? То намаз творишь, святым прикидываешься, то ко мне пристаешь! Отстань, а то сей же час напишу мужу, вызову сюда, чтобы разделался с тобой!

Услышав это, старик затаил зло, решил отомстить молодушке. Ждет, когда придет письмо от егета. Вот пришло письмо. Узнал старик адрес и послал егету поклеп на его жену. Получил егет письмо. В нем было написано: «Ты, егет, оставил у меня в доме какую-то дурную женщину. Она меня сна лишила. Пьет. Все зимагоры** к ней липнут, покоя мне не дают. Не стало в доме порядка».

Прочитал егет письмо, думает: «Неужто все это — правда?» Не откладывая дела надолго, отправился в город, где оставил жену. Вот поднялся он на палубу и загадал: «Коли правда то, что старик написал, жена не вытерпит, будет гулять по берегу. Коли неправда — будет сидеть дома».

Ну, а молодой женщине жить одной на чужой стороне, в чужом доме не больно-то сладко. Пала на сердце тоска, и пошла царица к морю посмотреть, не возвращается ли, случаем, ее муж. Видит — плывет его корабль. А у берега возле лодки стоят три рыбака. Подбежала к ним, просит:

— Братцы, подвезите меня вон к тому кораблю!

И поплыла с рыбаками навстречу кораблю. А егет, увидев, как жена села с какими-то мужчинами в лодку, решил: «Выходит, старик написал правду. Совсем она испортилась, не с одним даже, а сразу с тремя гуляет». Подумал он так, выхватил из кармана пистолет и выстрелил в жену. Женщина кувыркнулась из лодки в воду. Егет повернул корабль назад, поплыл куда глаза глядят.

Рыбаки вытащили женщину из воды, выяснили, что она не убита, а только ранена, и заспорили, кому из них должна достаться эта красавица.

— Кабы не села она в мою лодку, то ничего бы и не было,— говорит один.

— Кабы я не нырнул за ней, она задохнулась бы в воде,— говорит другой.

— Кабы я не перевязал ее, она истекла бы кровью и умерла,— говорит третий.

Но поняли они, что спорить пока нецелесообразно. Подняли женщину, отнесли в больницу, передали доктору. Принялся доктор лечить. Когда пошла женщина на поправку, доктор спрашивает:

— Выйдешь за меня замуж?

— Нет,— отвечает та,— я замужняя.

— Раз не выйдешь, не жить тебе. Не буду лечить,— говорит доктор.

Что делать, пришлось женщине дать согласие. Вот выздоровела она, пора уходить из больницы. Доктор хочет увести ее к себе домой. А женщина говорит:

— У меня нет хорошей одежды, не в чем идти с тобой на торжество никаха.

— Я схожу, куплю,— говорит доктор.

— Я не люблю, чтобы для меня покупали другие,— отвечает женщина.— Дай денег, я сама куплю.

Взяла красавица деньги, пошла будто бы в магазин и, таясь, перебираясь из квартала в квартал, сбежала из города.

Шла она, шла, и встретились ей два молоденьких пастуха. Подсела к ним.

— Братцы,— говорит,— нет ли у вас чего-нибудь поесть?

Парнишки подоили козу, молоком женщину напоили, хлеба дали, накормили досыта. После этого она говорит:

— Братцы мои дорогие, я боюсь ходить в женской одежде, не уступит ли кто-нибудь из вас свою? Я бы вам и дорогое платье оставила, и денег дала.

Пастухи согласились. Переоделась царевна.

— Ну,— говорит,— давайте теперь условимся: я вас не видела, вы меня не видели. Никому обо мне ни слова.

Взяла с них обещание и ушла.

Когда вернулись пастухи домой, мать спрашивает у них:

— Вы где эту одежду взяли? Кого убили?

А парнишки:

— Никого не убили. С чего это мы будем людей убивать?

Мать за прутик взялась, отстегала сыновей. Тогда они признались:

— Мы дали слово молчать. Одеждой обменялись с одной женщиной. Вот она еще и двадцать пять рублей добавила. Теперь, наверно, ты всему свету про это разболтаешь.

— Ладно, коли так,— сказала мать,— молчите, я тоже буду помалкивать.

Царевна, расставшись с пастухами, долго шла, не зная — куда, и дошла до большого города. Прикинувшись парнем, попросилась на квартиру к одинокой старушке. Дала ей денег, послала купить съестного. Накупила старушка всякой еды и, вернувшись, говорит:

— Сынок, чем тратить зря столько денег, купили бы лучше пуд муки из лебеды, надолго бы хватило.

— Не горюй, бабушка! — отвечает царевна. — Будем живы — без еды тебя не оставлю. Обещаю заботиться о тебе до самой смерти.

Ладно, живут они потихоньку, и однажды царевна видит: в городе черные флаги вывешены.

— Бабушка, что в вашей стране случилось? — спрашивает она. — Почему черные флаги вывесили?

— Царь наш помер. Уже шесть дней нового выбрать не могут, — ответила старушка и пошла на майдан, где выбирали царя.

А на майдане, собрав весь народ, подкидывали вверх птицу. Царем должен был стать тот, на чью голову сядет эта птица. Когда пришла старуха, птицу опять подкинули, но опять ни на чью голову она не села.

— Нет ли в городе еще кого-нибудь, кто не пришел на майдан? — спрашивают у народа. — Или, может быть, у кого-нибудь живет приезжий? Коли есть такие, приведите сюда!

— У меня живет один очень умный егет, — ответила старушка.

— Быстренько приведи его! — кричат ей.

Привела старуха царевну, переодетую егетом. Подкинули птицу. Птица села на ее голову. Зашумел народ, поднялся гвалт.

— Судя по одежке, — кричат, — этот человек в цари не годится.

Тогда стали подкидывать птицу снова и снова — шесть раз подкинули. Но никуда, кроме как на голову царевны, птица не садилась. Смирился народ с этим, решил, что царя получше, видать, не найти. И посадили нашу молодушку на царский трон. Начала она править народом, судить по справедливости.

Выждав сколько-то, велела она нарисовать себя в одежде, какую носила в девичестве. Потом вызвала пятерых солдат, отдала им портрет и приказала:

— Идите в такой-то город, вывесьте портрет на столбе у дороги на базар. Всех, кто подойдет к портрету и будет смотреть не меньше пяти минут, отправляйте ко мне. Сначала должен подойти один человек, потом трое, потом еще один, потом двое и опять один. Когда схватите последнего, привезите портрет обратно.

Сделали солдаты все по царскому велению, вывесили портрет, стали хватать всех, кто подходил к нему и смотрел не меньше пяти минут. Последним подошел пьян-

чужка, одетый так, что хуже не бывает. Схватили и его, привезли на царский суд.

Царевна, которую все считали царем, вышла в одежде судьи да как закричит понарошке:

— Расстрелять этого зимагора!

А тот говорит:

— Эй, мой царь, не вели меня казнить! Я чужого добра не трогал, в чужие карманы не залезал. Построил корабль, так только на свои деньги...

Тут пока что его увели, начался суд над остальными. Привели трех рыбаков.

— Вы такую-то женщину знаете? — спрашивает судья.

— Знаем, знаем!

— Куда вы ее дели? Убили?

— Нет-нет! Мы ее в больницу отнесли.

— А почему вы чуть не подрались вместо того, чтобы побыстрее перевязать рану и отправить женщину в больницу? Почему не подумали, что она замужняя и ни за кого из вас не пойдет? Ничего не выяснили, скорей — драться!

Что было рыбакам сказать в ответ? Вынес суд решение: выпороть, чтоб стали поумней.

Теперь вводят доктора. Судья спрашивает:

— Ты вылечил такую-то?

Вылечил.

— Что ты ей сказал, когда лечил?

— Ничего не сказал.

— А куда она делась? Убил, раз не пошла к тебе домой? К тебе ходят лечиться красивые девушки, красивые женщины. Что ж теперь, будешь убивать всех, кто не пожелает пойти с тобой? Вот ведь куда ведут испорченные мысли, — сказала женщина, одетая судьей, и приговорила доктора к двадцати пяти годам тюрьмы.

Привели двух пастухов.

— Вы накормили однажды молодую женщину, обменялись с ней одеждой? — спрашивают их.

— Нет-нет! Знать ее не знаем, — уперлись пастухи.

За умение крепко хранить секрет одели парнишек в новое с головы до ног, дали золота, чтоб хватило на всю жизнь, и, обласкав так, отправили домой.

После них вводят опять того пьяницу. Оставшись с ним наедине, судья спрашивает:

— У тебя есть жена?

— Откуда ей быть! Убил я свою любимую жену, — отвечает тот.

А жена-то перед ним сидит.

— Подожди тут,— сказала она, ушла в соседнюю комнату и, переодевшись в царскую одежду, вошла в другую дверь. Спрашивает:

— Где судья?

— Вон в той комнате,— отвечает егет.

Жена заглянула в ту комнату, будто бы ищет судью, потом говорит:

— Нет ведь его тут! Раз ты убил жену, может, и судью порешил?

Молчит егет, стоит, как он считает, перед царем, низко опустив голову.

Царь вызвал везиров.

— Возьмите,— говорит,— этого пьяницу. Пусть его сводят в баню, приведут в человеческий вид и вернут сюда.

Сводили егета в баню, помыли, постригли, побрили, дали хорошую одежду и, вернув туда, где шел суд, оставили пока что в одной из комнат.

А красавица наша, опять одевшись судьей, продолжает суд. Вводят старика. Судья спрашивает:

— В такое-то время оставил один егет свою жену в твоём доме?

— Оставил.

— Как ты к ней относился?

— Очень хорошо относился. Словно к родной дочери.

— А не пытался ты согрешить с ней? Не послал ее мужу лживое письмо в отместку за ее отказ?

— Нет-нет! — отвечает старик.— С чего это в мои-то годы я взял бы на душу такой грех!

Тогда привели того егета.

— За что ты убил свою жену? — спрашивает судья.

— Я оставил ее пожить в одном городе,— начал свой рассказ егет.— Вскоре получил от хозяина квартиры худое письмо. Он написал, что моя жена — дурная женщина, ведет себя непристойно. Я тут же на своем корабле отправился к ней. Когда корабль приближался к берегу, она села в чью-то лодку, выплыла навстречу. Я от ревности потерял голову, выстрелил в нее. Она упала в море. После этого я продал корабль и с горя все пропил.

Судья опять спрашивает у старика:

— Послал ты такое письмо?

Тому и сказать нечего.

За ложное письмо, написанное со злым умыслом и испортившее отношения между мужем и женой, суд приговорил старика к повешенью.

А егету сказали:

— И тебя то же самое ждет!

Егет, обессиленный, прислонился к стене, еле ноги его

ПЛЕШИВЫЙ, СЛЕПОЙ И БАЙСКАЯ ДОЧЬ

КУРАИСТ

САЛИМЪЯН (см. комм. к № 77)

ДВА ОБМАНЩИКА

держат. Пока стоял он, повесив голову, не зная, чем день кончится, жена его быстренько переоделась в другой комнате, вышла к нему в женской одежде и говорит:

— Подними голову, посмотри на меня! Узнаешь?

Поднял егет голову, узнал жену и, обняв ее, заплакал.

— Ах, — говорит, — женушка моя! Вот, оказывается, кто меня судил!

Так открылось, что на царском троне сидела женщина.

— Этот егет — мой муж, сын такого-то царя, — объявила она. — Коли сочтете это возможным, пусть вместо меня царем станет он. А коли нет, освободите меня от царской должности и выберите кого-нибудь другого.

Раз эта женщина правила народом справедливо, поддерживали ее мнение, выбрали царем ее мужа. И у всех в этом царстве, говорят, жизнь пошла на лад.

72. МУЛЛА И КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ КЮНХЫЛУ

В давние-предавние времена жил, говорят, в одном большом ауле богатый купец. Торговлю он вел вместе с дочерью по имени Кюнхылу. Однажды купец, взяв тридцать верблюдов, отправился в далекие края за товаром. Перед отъездом сделал подношение мулле, чтобы тот молился о его благополучном возвращении.

Проводив отца, Кюнхылу продолжала торговлю одна.

Спустя три дня после отъезда купца мулла говорит своей дочери Харбизе:

— Позови, дочка, на свой день рождения подружек.

Кого позвать — тоже сказал.

Вот собрались гости и затеяли в доме муллы, на верхнем этаже, веселые игры. Шутят, смеются.

Все подружки пришли на день рождения с подарками. Кюнхылу принесла Харбизе дорогой серебряный кумган. Мулла позвал Кюнхылу к себе вниз будто бы для того, чтобы она полила ему на руки из этого кумгана, и начал заигрывать, попытался обнять ее. Девушка сильно оттолкнула муллу, а когда он повторил эту попытку, ударила его по голове кумганом. Мулла — с ног свалился, сознание потерял. Чтобы не было шума, Кюнхылу велела девушкам никому ничего об этом не говорить.

Из-за раненой головы мулла десять дней не ходил в мечеть. Как теперь объяснить это людям? Думал, думал и решил сказать, что на голову ему, когда совершал во дворе омовение, упал осколок луны. Обрадовался мулла, придумав такое хитрое объяснение. Но обрадоваться-то

обрадовался, а злость на Кюнхылу не проходит. Начал думать, как навредить купеческой дочке. Был у купца большой сад, было стадо коров и табун лошадей. В один из дней мулла позвал к себе садовника, пастуха, табунщика и говорит им:

— Я заплачу вам большие деньги, коль сад купца засохнет, а скот передохнет.

И дал им яду.

Не прошло и десяти дней, как многие яблони засохли, а несколько коров и лошадей сдохли.

Через сорок пять дней после отъезда купец вернулся с полными вьюками и, заглянув первым делом к мулле, подарил ему красивый елян.

— Съездил я,— говорит,— хорошо, везу много красного товару.

— Ты-то,— отвечает мулла,— хорошо съездил, да тут дела обстоят плохо. Сад твой сохнет, скот дохнет. Кюнхылу делом не занималась, только и знала, что с егетами баловаться да веселиться.

Осмотрел купец свое хозяйство — и вправду яблони засохли, несколько коров и лошадей сдохли.

На другой день мулла говорит купцу:

— Через год у тебя все хозяйство прахом пойдет. Чтобы этого не случилось, вели связать Кюнхылу, отвезти в лес, голову ей там саблей отсечь и привезти мне попить толику ее крови.

Испугался купец за свое богатство, согласился, и его слуга увез Кюнхылу за двадцать верст в лес. А там как раз батальон солдат тактику изучал. Развязал слуга руки девушки, снял повязку с глаз и только было вскинул саблю — раздался резкий окрик. Оказывается, командир батальона увидел это дело. Прибежал, начал выяснять что к чему. Слуга все ему рассказал. Задумался командир и придумал как быть. Поймали зайца. Слуга, как научил командир, вернувшись в аул, отнес мулле заячью кровь.

А девушку командир оставил у себя, и создали они дружную семью.

73. СТРАННЫЕ ИМЕНА

Давным-давно жили два царя — два брата. В один и тот же год у одного умерла жена, а другой помер сам. У оставшегося в живых царя была дочь. Он взял к себе во дворец жену умершего брата. Так тетка превратилась в мачеху. Отношения между дочерью и новой женой,

раньше прекрасно ладившими друг с другом, теперь резко изменились. Мачеха невзлюбила девушку и не упускала случая, чтобы унижить ее. Она то и дело жаловалась мужу:

— Твоя дочь ленива. Твоя дочь обидчива.

А однажды и вовсе раскричалась:

— Уведи, убери свою дочь с глаз моих долой! Куда хочешь, туда и девай!

Царь попытался да так и не смог переубедить жену, хоть и любил он свою дочь, а отвел ее в дремучий лес и оставил там. Долгое время плутала девушка по лесу, пока не очутилась на берегу реки. Напилась она вдоволь, умылась, отдохнула и забралась на дерево. Так провела она ночь, утром стала думать, что ей делать дальше. Тут пришел к реке за водой пастух. Наклонился он, чтобы зачерпнуть ведро воды и увидел в реке отражение очень красивой девушки. Он подумал, что это русалка и закричал:

— Выходи, красавица! Если не выйдешь, разденусь, спущусь на дно и сам тебя выведу.

Не получив ответа, егет начал скидывать одежду. Тогда девушка крикнула ему:

— Стой, егет! Не входи в реку! Погибнешь из-за меня.

Егет обернулся на голос и, задрвав голову, увидел на вершине дерева очень красивую девушку.

Девушка спустилась с дерева и рассказала, как и почему она оказалась здесь. Егет повел девушку к себе домой.

Они поженились и зажили счастливо. Родилось у них три сына. Одного называли Ня-идем, другого — Ня-улды, третьего — Ня-улсак.

Однажды братья посадили маленького Ня-улсака на санки и отправились на гору. Один тянул санки за собой, другой толкал их впереди себя. Придя на гору, они начали весело скатываться с нее. Случайно в этих местах оказался царь, возвращавшийся с охоты. Царю понравились милые веселые мордашки мальчиков, он остановился и стал смотреть на них. Затем спросил, как их зовут. Ребятишки ответили. Услышав странные имена, царь очень удивился и послал за отцом мальчиков.

— Кто придумал такие необычные имена? — спросил он.

— Моя жена дала имена всем моим сыновьям, — ответил пастух.

Царь послал за женой бедняка.

— Мне нечего надеть на себя, — сказала женщина и не вышла к царскому посланнику.

Тогда царь сам пришел к ней. Вошел и глазам своим не поверил: перед ним стояла его дочь, которую он когда-то отвел в лес и бросил. Хоть и признал ее с первого взгляда, виду не подал, стал расспрашивать, отчего такие странные имена у мальчиков.

Женщина ответила:

— Раньше я была единственной дочерью царя. Затем я стала женой пастуха. Что будет дальше — неизвестно. Поэтому моих сыновей зовут: Ня-идем — «Кем был», Ня-улды — «Кем стал», Ня-улсак — «Кем буду».

Царь подивился смелости и уму дочери и открылся ей. А затем забрал он с собой зятя-пастуха и дочь с детьми и отдал им полцарства.

74. МУЖ, КОТОРОМУ ПОВЕЗЛО С ЖЕНОЙ

Жил встарь егет лет двадцати пяти. Проработал он год на чужой стороне у одного бая. Хорошо работал, надежный был человек. И вот, решив вернуться в родные места, он говорит:

— Хозяин, я пойду домой, давай рассчитаемся.

— Как рассчитаться — деньгами или добрым словом? — спрашивает хозяин.

— Деньгами.

Взял егет деньги, идет домой. В пути напали на него разбойники, отобрали деньги. Вернулся егет к баю, говорит:

— Я решил поработать у тебя еще год.

— Ладно, — отвечает бай, — работай.

Проработал егет честно еще год и говорит:

— Пойду, хозяин, домой.

— Денег тебе дать или хватит и благодарности? — спрашивает тот.

— Хватит и благодарности.

Поблагодарил хозяин егета, но сверх благодарности и порядочно денег дал.

Идет егет домой. В пути подвернулся случай — купил льва. Ведет зверя на поводке. Шел, шел и в одной местности решил отдохнуть. Стал проситься на квартиру — никто не пускает.

— Сегодня, — говорят, — печальный день. Сегодня нашу царевну проглотит аждаха*. Нет, не пустим.

Ладно, упрашивать егет не стал, пошел на опушку леса и лег там со своим зверем спать. В полночь поднялась

буря. Глядь — аждаха идет. Тут лев сорвался с поводка, догнал аждаху, оторвал ему голову и на дерево закинул.

Егет кричит:

— Эй, народ, пусть правители страны придут посмотреть на голову аждахи.

Собрались правители страны. Царь спрашивает у егета:

— Ты женатый или холостой?

— Холостой.

— Не женишься ли на моей дочери?

— Совести не хватает на царевне жениться, — отвечает егет.

Царь спрашивает у дочери:

— Ты, дочка, согласна выйти за него?

— Согласна, коли он возьмет.

Егет артачится:

— У меня же, — говорит, — кроме этого зверя, никакого богатства нет.

Все же уговорили его, женился. Живут помаленьку. Однажды он говорит своей царевне:

— Торговлей бы какой-нибудь надо заняться.

Принесла ему жена денег. Поехал егет на ярмарку, купил на те деньги трех коров. Ведет их за собой, а навстречу едет человек на дульдудле*.

— Ах, хорош твой дульдудль! Не уступишь ли его мне? — спрашивает егет.

— Бери, коль отдашь взамен своих коров, — отвечает тот.

Обменял егет коров на коня, едет верхом. Ехал, ехал и встретился с одним путником.

— Эй, егет, — говорит путник, — хорош у тебя конь. Не продашь ли?

— Продам.

— Сколько он стоит?

— Не знаю.

— Вот на голове у меня каракулевая шапка. Отдашь за нее?

— Ладно.

Взял егет шапку, отдал дульдудля, пошел дальше пешком. Шел, шел и дошел до большой реки. А там у причала пароход одного бая накренился, вот-вот потонет. В пароход — золото. Егет прыгнул на пароход, помочь решил. Когда прыгнул, шапка с него слетела в воду и уплыла.

— Егет, шапка твоя уплыла, — говорит бай. — Хозяйство-то у тебя есть, чтобы другую купить?

— У меня жена — царица, вот и все хозяйство, — отвечает егет. — Да еще шапка была.

— Значит, последнее потерял. Достанется тебе от жены.

— Не достанется!

— Не верю, — говорит бай. — Давай поспорим! Коли обругает тебя жена, отдашь ее мне; коли ни слова не скажет, этот пароход с золотом — твой.

Написали они соглашение, подписями с обеих сторон скрепили. По совету егета переложили груз, выровняли пароход и поплыли туда, где жил егет. Бай-то уверен, что этому торговцу, растерявшему все свое добро, крепко достанется от жены. Доплыли до места, пошли к егету домой.

— Ай, муженек мой вернулся! — обрадовалась жена.

— Вернуться-то вернулся, да, знаешь, все деньги, все добро свое порастерял, — говорит егет.

— Не печалься понапрасну, — отвечает жена. — Сам жив-здоров, вот главное богатство!

Удивился бай, услышав это. Ну и пришлось ему отдать целый пароход золота.

Повезло егету с женой, хорошим, терпеливым человеком она оказалась, поэтому мир в семье ничем не нарушался. И поныне, говорят, живут они душа в душу.

75. ОКЛЕВЕТАННАЯ ЦАРИЦА

Жил, говорят, в прежние времена один царь. У него был сын. Когда отец, состарившись, умер, царем стал сын. Однажды молодой царь вышел со своими везирами прогуляться по городу. Во время прогулки приглянулась ему одна девушка, дочь бедняка. Поговорил царь с этой девушкой, и условились они пожениться. Вернувшись, царь говорит матери:

— Матушка, коль не рассердишься, скажу тебе что-то.

— С чего это я рассержусь! Говори, сынок, — отвечает мать.

— Встретилась мне одна девушка, — говорит егет. — Хочу, чтоб она стала твоей невесткой.

— Счастья тебе, дитя мое! — отвечает мать. — Раз она пришлась тебе по душе, так и мне понравится.

Не откладывая дела надолго, послали сватов, высватали девушку. И вот молодая жена говорит царю:

— Если можно, исполни одно мое желание.

— Да исполнится то, что ты пожелаешь! — отвечает царь.

В те времена женщины были в очень тяжелом положении. Чуть что — им разрезали подошву и насыпали туда соль. По желанию царицы женщин избавили от таких истязаний и мучений, дали им волю. С тех пор, говорят, и живет слово «воля».

Вскоре царица затяжелела. Как-то на прогулке она сказала:

— Притомилась я. Если можно, пойду домой.

— Ладно, иди, а я останусь, еще немного погуляю, — ответил царь.

Оставшись, увидел он на дереве гнездо. На краю гнезда сидела ворона, кормила двух своих птенцов. Тут откуда ни возьмись налетел коршун, спугнул ворону и унес птенцов.

Царь, придя с прогулки, рассказал жене об этом.

— Когда, — говорит, — ты ушла, на моих глазах случилось удивительное происшествие: коршун согнал с гнезда ворону и унес обоих ее птенцов.

А царица в ответ:

— У нас родятся близнецы. Выходит, угодят они в плен.

— Неужто дело дойдет до этого? — обеспокоился царь.

Но понемногу успокоились они, живут день за днем. В один прекрасный день, когда царь был в отъезде, жена родила двойню. Вернувшись, царь устроил праздник — бэбэй-туй.

Спустя некоторое время молодая царица из-за чего-то схлестнулась со свекровью, а та со зла возьми да и ляпни сыну:

— Невестка без тебя с другими гуляла, дети — не твои, чужие.

Ну, раз мать так сказала, царь велел посадить жену под замок, а потом собрал народ на суд. В то время был обычай вешать людей. Судьи вынесли решение повесить царицу. Но народ не дал на это согласия. Тогда решили отвезти ее с детьми в темный лес и бросить там.

Подъехал в телеге солдат, чтобы увезти их. Царица говорит солдату:

— Послы не подлежат казни, подойди к царю, спроси, не оглянется ли он на нас в последний раз.

Пошел солдат к царю, спросил, а царь отвечает:

— Нет, не оглянусь, увези их.

Завез солдат женщину с двумя детьми в темный лес

и уехал. Царица, когда солдат уехал, упала без памяти. Потом, придя в себя, посмотрела вокруг, а вокруг только деревья шумят, посмотрела вверх, а вверху только звезды виднеются. Провела она ночь в горести, утром побрела куда глаза глядят. Проголодавшись, в поисках какой-либо пищи выкопала из земли луковицу саранки, съела. Вот с тех пор, говорят, люди саранку едят.

Прокружила царица весь день по лесу, вечером пристроилась спать под деревом. Устала она сильно, блуждая по чащобам да роясь в земле, поэтому уснула крепко. Проснулась ночью от пронзительного крика, глядь — лев уносит ее младенца, схватив зубами за рубашоночку. Ах, отнять бы ребенка, да не было у бедняжки для этого никакой возможности. Тут уж сон как рукой сняло. Просидела царица, не смыкая глаз, до рассвета, потом подняла оставшегося сыночка и опять побрела по лесу. Шла, шла и вдруг видит землянку. Открывает дверь, а в землянке сидит бабай, весь обросший волосом. Женщина в растерянности захлопнула дверь, а бабай кричит:

— Входи! Добро пожаловать!

Вот откуда, оказывается, пошло это «добро пожаловать!».

Ладно, зашла царица. Бабай спрашивает:

— Ты что за женщина, как сюда попала?

Царица отвечает:

— Мой муж — эспюкелянт*, пока он свои дела обделывал, я заблудилась.

Вот так и слово «эспюкелянт» произошло.

Бабай говорит:

— Что ж! Будем тут вместе печься о жизни.

Бабай накормил-напоил, стали они жить вместе. Живут, значит, и малец изо дня в день подрастает. Сделал ему бабай лук, выстрогал стрелы. Начал парнишка охотиться. То зайца, то лису, то белку приносит, шкурки с них, будто чулки, снимает, но раз негде шкурки продавать, кидает их, набив сеном, в кучу возле землянки.

В один из дней вышел парнишка из землянки, собираясь на охоту, да, раздумав, вернулся и заметил, как мать быстро спрятала что-то под свой лоскутный нагрудник.

— Ну-ка, покажи, что за вещь, — говорит сын.

А мать не хочет показывать. Сын и так, и сяк, чуть не силком заставил показать. Это было колечко. На колечке — надпись.

Что тут написано? — спрашивает сын.

— Так и так,— объяснила мать,— когда-то это колечко подарил мне твой отец.

— А где он сейчас? — спрашивает сын.

— В городе живет.

— Так пошли к нему в город!

— Не стоит.

— Почему не стоит?

— Потому-то,— отвечает мать.— Когда вы были маленькие, он отправил нас в лес, чтобы мы заблудились. Вас было двое, одного утащил лев...

Ладно, обратимся теперь в сторону царя. Прогнав жену с детьми, лишился царь покоя. Болит и болит душа. Уж сколько раз показывался табибам, а толку никакого.

— Нет в твоём теле болезни,— говорят табибы.

Только прогуливаясь по городу, чувствовал царь некоторое успокоение. Вот и привык к прогулкам. Однажды идет он по городу и видит: сидит один из его везиров на улице, будто набрав в рот воды, хоть люди и смеются над ним.

— Ты что так загоревал? — спрашивает царь.

А везир молчит.

— Даю тебе двадцать четыре часа,— говорит царь.— Коли за это время не объяснишь, в чем дело, прикажу повесить тебя.

Тут везир обрел дар речи.

— Вот,— говорит,— отчего я загоревал. Была у меня красавица-жена. Моя сестра все твердила, что жена балуется с другими. Я сестре не верил. Но однажды ночью, когда я вернулся из поездки, сестра выбежала навстречу и говорит: «Я тебя предупреждала, а ты не верил. Теперь увидишь своими глазами». Вошел я в дом, а из комнаты жены выскочил кто-то и сбежал. Захожу к жене, а она спит. Я ее и будить не стал, тут же застрелил. Обернулось это для меня вечным горем.

Выслушав рассказ, растерялся царь. Вспомнил, как отправил свою жену в темный лес. Вспомнив, позвал двух везиров и велел:

— Идите во дворец, допросите мою мать.

Везиры, вернувшись во дворец, сняли допрос. Старая царица ничем не могла доказать, что ее невестка гуляла с другими. Когда вернулся царь, предстала она, растрепав волосы, перед сыном и призналась:

— Моя ошибка. Поругались мы маленько с невесткой, я хотела ее припугнуть, наговорила на нее, а пока одумалась, ты взял да отправил ее в лес.

Сильно опечалился царь. Вызвал профессоров, советуется с ними.

— Так и так,— говорит,— была у меня жена, я ее по навету притянул к ответу. Как вы думаете, жива она или умерла?

Один профессор ответил:

— Должно быть, жива.

Услышав это, царь отправил на поиски взвод солдат. Ходили солдаты по лесу, ходили, и вдруг возник перед ними тот волосатый бабай.

— Вы что тут,— спрашивает,— ходите?

— Заблудились мы,— отвечают солдаты с перепугу.

— Айдайте ко мне в гости,— пригласил бабай и привел солдат на полянку, в свою землянку. Но царицу с сыном им не показал. А на прощанье, хоть солдаты ни о чем не спрашивали, сказал: — То, что вы ищете, само найдется.

Отойдя немного, солдаты спохватились, решили спросить, когда найдется. Пришли обратно, а от землянки — ни окон, ни дверей, от бабая и след простыл.

Вернулись солдаты в город в растерянности, рассказали про бабая и про то, как он исчез.

В это время плыли домой на корабле два человека, которых царь послал в другие страны, чтобы разузнали, какими там владеют ремеслами. В пути, увидев сад, они причалили к берегу. Пошли в сад и видят там егета в чем мать родила. Когда подошли поближе, вдруг с земли рядом с голым егетом поднялся лев. Испугавшись льва, посланцы царя припустили назад. Егет побежал за ними, а лев — за егетом. Так все и забежали на корабль. Тут попробовали завязать разговор с егетом, а он, оказывается, не умеет разговаривать. Дали ему штаны, дали рубашку и начали учить разговаривать.

— Какого ты роду-племени? — спрашивают у егета, а он показывает на льва.

Приплыли домой, рассказали царю, как живут люди в других странах, и говорят:

— Мы привезли льва и дикого человека.

Захотелось царю взглянуть на них. Велел привести их и отдельную комнату приготовил. Когда царь увидел дикого егета, показался он очень похожим на пропавшую царицу. Егет уже немного научился разговаривать.

— Кто твои родители? — спрашивает царь.

А егет отвечает:

— Львы.

Егет со львом ни на миг не расставались. Чтобы по-

тихоньку охладить их друг к дружке, стали разлучать сначала на минуту, потом на час, на день.

Пока то да се, другое царство начало войну против этого. Егет, отпросившись у царя, пошел со своим львом воевать.

Как раз в это же время егет, выросший в лесу, заспорил с матерью: дескать, отыщет отца, и все тут. Бабай, вернувшись откуда-то, спрашивает:

— Вы что, детки, ссоритесь?

— Да вот,— отвечает мать,— сынок мой хочет отыскать отца, а я не разрешаю.

— Разреши,— говорит бабай.— Я дам ему коня и оружие.

Получив разрешение, егет отправился искать отца. Ехал, ехал и видит: люди между собой воюют. Взял да и тоже принялся воевать. Провоевал целый день. Вечером загремели барабаны: конец войне! Пока лесной егет раздумывал, куда теперь податься, подошел к нему егет со львом, позвал к себе во дворец в гости. Ладно, пошли во дворец, сидят в комнате, расспрашивают друг друга.

— Я,— говорит один,— в лесу родился, в лесу рос.

— А я,— говорит другой,— родился от льва, у льва и вырос.

Лесной егет говорит:

— Я слышал от матери, что нас было двое. Одного утащил лев. Хоть и считаешь себя рожденным от льва, на самом деле, наверно, лев только унес тебя, и ты у него вырос. Должно быть, мы с тобой — родные братья.

Тут зашел к ним царь и заметил на пальце лесного егета колечко с жемчужиной. Узнав колечко, подаренное жене, прямо-таки остолбенел. Немного погодя спрашивает:

— Ты у кого взял это колечко?

— У матери,— отвечает егет.

— А она жива?

— Жива, осталась в лесу.

— Раз так, выходит, вы оба — мои сыновья. Возьмите с собой роту солдат и быстренько привезите мать,— говорит царь.

Запрягли лошадь с пристяжной, лесной егет посадил рядом с собой брата, и с ротой солдат отправились они к землянке волосатого бабая. Когда добрались, солдаты выстроились вокруг землянки, а лесной егет зашел к матери. Увидев его, мать заплакала от радости.

— Не плачь,— говорит егет,— нашел я отца, он прислал за тобой.

Мать сначала не очень поверила, но когда сын показал привезенную для нее одежду, все сомнения рассеялись.

Сын говорит:

— Приготовься, мать, еще к одной радости: нашелся и мой брат, унесенный львом.

Привел егет брата, и уже не пересказать всего, что тут было.

Отправились в город. У города царь выстроил для встречи другую роту. Когда сошлись две роты, раздалась команда «смирно!». Вот с тех пор, говорят, и подается команда «смирно!».

Царь упал царице в ноги, просит прощения.

— Давай,— говорит,— все дурное оставим позади, а доброе поставим впереди и будем жить дружно.

И сыновья, и жена одобрили его слова. После этого устроили они собрание народа, поделились с ним радостью и, оставив все дурное позади, а доброе поставив впереди, поныне живут очень дружно.

76. СОЛДАТ ПЕТР

В давние-предавние, еще царские, времена жил егет по имени Петр. Красивый он был, рослый и сильный, вместе с тем очень уж несдержанный. Как выпьет, так лупит всякого, кто попадется под руку. Зароптали на него в деревне. Тогда те, кто побогаче, стали строить планы избавления от Петра. Однажды созвали народ на сход, и пошел спор, что с ним делать. Богатые и кто с ними заодно кричат:

— Гнать Петра Мишина из деревни, и все тут! Пущай идет куда хочет!

А некоторые из таких же, как сам Петр, бедняков говорят:

— Лучше уж в солдаты его отдать, там хоть сыт, одет-обут будет.

Сход склонился к тому же:

— Пущай царю послужит и вернется, набравшись ума-разума.

Порешили так и отправили Петра в солдаты. Служить ему выпало в городе. Там один офицер взял его к себе в денщики. Этот офицер тоже был выпивоха и чистый хулиган. В самый раз пришлись они друг дружке. Петр за всякой выпивкой бегал, все деньги, какие офицер добывал, вдвоем и пропивали. Большую часть времени они тратили на игру в карты. Что выигрывали — опять же уходило на выпивку и закуску.

Так шли месяцы и годы. Однажды остались они совсем без денег. И в карты ничего не могли выиграть. Дойдя до крайности, начали пропивать лишние вещи офицера. Но ненадолго их хватило. Тогда офицер говорит:

— Другого выхода нет, напиши-ка своему отцу, попроси прислать денег. Может, он сумеет достать.

— Ладно,— отвечает Петр.— Только придется тебе подтвердить письмо своей подписью и печать поставить.

Офицер с этим согласился. Написал Петр письмо. «Нынче я в полковниках хожу,— соврал он,— но хотят меня в большие генералы произвести. А генеральскую одежду задаром не дают, надобны деньги, чтобы купить. Вы уж как-нибудь расстарайтесь и пришлите мне рублей сто пятьдесят—двести...»

Офицер это своей подписью подтвердил и печать поставил.

Пришло письмо в деревню, и народ там всполошился.

— Ежели ему, говорят,— не потрафить, он, став генералом, приедет сюда и всех нас сгубит. Лучше уж всем миром собрать деньги и отослать ему.

Стали деньги собирать. Собрали двести пятьдесят рублей, принесли отцу Петра:

— На,— говорят,— Александр-агай, отошли сыну.

И вот пожалуйста — и месяца не прошло, как получает Петр двести пятьдесят рублей. Принялись опять пить-гулять и в карты резаться. Промотали вскоре и эти деньги.

— Что, Петр, делать? Опять ведь деньги кончились,— говорит офицер.

А Петр, спокойная душа, отвечает:

— Устрой мне отпуск на месяц, я из дому много денег привезу.

Ну, офицер и выправил ему отпуск. Собрался Петр, пошел на станцию и покатыл в сторону дома. В пути надо было пересестъ с поезда на поезд. Зашел Петр на вокзал, толкнулся туда-сюда, а время идет медленно, ждать скучно. Выпил бы, да денег в кармане не густо, только-только на дорогу хватит. Тут видит солдат: в салоне первого класса генерал и несколько офицеров в карты играют. Как бы к ним примазаться? Недолго думая, вперся Петр в салон, честь отдал: осмелюсь, говорит, доложить, солдат такой-то отпущен на месяц домой погостить. Те сначала посмотрели на него презрительно, но, разглядев, что солдат видный из себя, красивый, по-добрели.

— Что ж,— говорят,— раз такое дело, на-ка, солдат, выпей...

Осушил Петр стакан, поблагодарил за угощение. Те велели ему еще выпивки и закуски принести. Петр живо с этим справился и очень генералу понравился. Айда, говорит генерал, в карты с нами сыграй. Не отказался Петр, хоть и не густо было у него денег. Сел и часа через два-три порядком выиграл. Все вошли в азарт, на столбе набралась большая сумма. А Петру как раз туз пришел. Ждет он в нетерпении своей очереди. Сидевший рядом с ним штабс-капитан выложил новенькие сотенные и проиграл.

Теперь очередь Петра.

— Иду,— говорит,— против каждого на пятьсот рублей.

Генерал, усмехаясь, показал свою карту. Покосился на нее Петр.

— Хе, десятка! А у меня — туз!

И все деньги, что были в банке, рассовал по карманам. Прошло еще часа два. Штабс-капитан, проигравшись вконец, ушел. Хотел уйти и Петр, но генерал остановил.

— Продолжим,— говорит,— игру.

Принялись солдат с генералом играть вдвоем. Резались, резались, и у генерала тоже деньги кончились. Тогда он спрашивает:

— Сыграем, солдат, на мои золотые часы?

— Сыграем!

И часы генерал проиграл, а уняться не может.

— Давай,— говорит,— сыграем на мою генеральскую одежду.

— Давай!

— И на этом — конец! — говорит генерал.

— Конец так конец! — отвечает солдат.

И опять проиграл генерал, остался без одежды.

— Ладно, на, солдат, одевай все мое,— говорит генерал,— а мне уступи уж свое.

Обменялись они одеждой, Петр из жалости дал генералу немного денег, потом сел в мягкий вагон и уехал.

Сойдя на своей станции, нанял хорошую тройку. Ехать ему оставалось еще шестьдесят верст. В пути проезжали они мимо усадьбы с большим красивым садом. Это было имение одного князя в генеральском чине. И пришло Петру в голову сделать передышку, остановившись тут. Завернули в имение. Увидев подъехавшего на тройке молодого генерала, не только слуги, но и сама барыня и ее дочь Маша выбежали встречать гостя. Князя в это время, оказывается, дома не было. Барыня повела гостя в дом, придерживая за локоток, а дочка чуть не приплясы-

вала перед ним. Кто он такой — не спрашивали, рассказали о себе, из какого сами роду-племени, все карточки, какие были в доме, показали. В имении начались праздничные хлопоты, для молодого «генерала» принялись готовить угощения. Барыня, ее звали Лизой, извинившись, что ей надо отлучиться, отдать распоряжения, сказала:

— Его превосходительству, наверно, скучно у нас. Мария, покажи ему наш сад.

Петр держался честь по чести и ничем тайну свою не выдавал. Мария под руку повела его в сад. Там они быстро сблизились и, беседуя, весело смеялись. Лиза, мать Марии, наблюдала за ними с чердака и все удивлялась:

— Хай, генерал! Как он в столь молодые годы сумел стать генералом?

Вскоре подоспели всякие вкусные кушанья и напитки, Лиза ласково позвала молодых в зал. Петр с Марией вошли, разговаривая, будто давние знакомые. Сели обедать, началось угощение. Обед и беседа длились довольно долго. Наконец Петр дал понять, что ему пора ехать. Но и Лиза, и Мария стали возражать против столь скорого отъезда «генерала». Просили его еще погостить. Петр слишком-то уж не противился, решил остаться переночевать.

После обеда погода стояла хорошая, — ветра нет, тихо, спокойно. Лиза, чтобы гость не заскучал, посоветовала ему с Марией опять погулять в саду. Мария только этого от матери и ждала, повела Петра гулять. Сад был очень красивый, — всякие плодовые деревья цветут, благоухая, птицы во всю распевают. Посреди сада — озеро, вокруг озера — цветы всякие. Одним словом, красота, как в городском парке. Мария повела Петра в самое красивое место и разговаривала с ним как с давним знакомым. Вскоре они совсем свыклись друг с дружкой и признались друг дружке в любви. Петр говорит: раз он — человек военный и прибыл сюда ненадолго и коль девушка вправду его любит, надо не медля и пожениться.

— Маменька не воспротивится, так я согласна сегодня же стать твоей, — отвечает Мария. — Вернувшись на место службы, ты и меня туда заберешь.

Ну, Петр, конечно, не возражает.

Приходят они в зал, когда на ужин позвали, — девушка вся сияет. Увела родительницу в другую комнату, рассказала об уговоре с Петром. Дело получило серьезный оборот. Мать — к гостю. Поздравила со счастливым событием, но как бы и сомнение высказала:

— Удивляюсь,— говорит,— как вы, Петр Александрович, в таком молодом возрасте сумели достичь генеральского чина. Ведь, чтобы стать генералом, надо долгие годы служить, немало пережить. Впервые,— говорит,— я с таким случаем сталкиваюсь.

— Вы, маменька, очень верно судите,— отвечает Петр,— но времена чем дальше, тем больше меняются.

— Да, это так, но ладно об этом... Намерение у вас очень серьезное, однако не потерпите ли до возвращения моего мужа?

— Не могу. Времени у меня в обрез. Коль я в таком возрасте поднят до генеральских степеней, то теперь обязан стараться еще пуще. Времени приехать снова может не оказаться. Так что я должен в отпущенный мне срок достичь желаемого и вернуться на место службы.

— Что ж, очень хорошо! Как, дочка, ты на это смотришь?

— Я, дорогая маменька, коль позволите, готова. Папеньку как-нибудь ублажим. Он меня любит и противиться не станет.

— Ладно, ладно, доченька! Я вашему счастью не враг. Уважаемый генерал, вашу руку!

Лиза соединила руки Марии и Петра. Молодые смущенно поцеловались.

— Ну, дети мои, дай вам бог счастливой жизни! — пожелала мать.

Имение еще больше приукрасилось. Поужинав, все отдохнули в полное свое удовольствие.

Погостив три дня и три ночи, Петр укатил на своей тройке. Все обитатели имения вышли проводить его, даже собаки, виляя хвостами, стояли среди провожающих. Мария и мать на прощанье обняли и поцеловали Петра, несколько слуг князя верхом проскакали, провожая тройку, две-три версты.

И вот добрался Петр до своей деревни. Увидев, что приехал молоденький генерал, деревенский люд — старики и старухи, мужчины средних лет, бабы, ребятишки — заполнили двор Петрова отца, старика Александра.

Петр дал давним своим приятелям много денег. На эти деньги привезли две бочки вина. Весь народ в деревне, выпив, захмелел. Праздник в Казанке продолжался до отъезда Петра. Он поставил отцу новый хороший дом, купил плуг, корову, всякую мелкую скотину. На проводы Петра запрягли всех лошадей, какие были в деревне, и провожали верст десять.

На станции Петр купил солдатскую одежду, сел

в поезд, переодевшись. Приехал он на место службы с опозданием на пять суток. За это, в наказание, офицер отправил его на кухню чистить картошку.

А отец Марии, князь, вернулся домой дней через десять после того, как у них погостевал «молодой генерал». Жена и дочь рассказали ему о происшедшем от начала до конца. Князь поперек этого дела не встал, только побранил, что не знают, где служит зять, адреса у него не взяли. Тот ведь обещал снова приехать спустя неделю, да не приехал, и князь забеспокоился — уж не обманщик ли какой-нибудь заглянул к ним.

Прошло после этого пять месяцев, а от Петра ни слуху ни духу. У Марии уже пять месяцев живот растет. Почувяв себя обманутой, сильно она загоревала, пожелтела вся, лицом подурнела. И князь, и жена его Лиза тоже пришли в расстройство.

Но вот однажды князь поднялся рано утром, умылся-оделся и говорит дочери:

— В Москву поедем, собирайся!

Отправилась Мария с отцом в Москву. Там князь рассказал обо всем военному министру.

— Как бы,— говорит,— генерала этого отыскать? И адреса у нас нет...

Поразмыслив, решили собрать всех генералов, смотр устроить. Собрали, только Петра Александровича среди них Мария не нашла.

— Ума,— говорит министр,— не приложу, как теперь быть. Ладно, соберем всех офицеров, а коль и среди них не найдется, устроим смотр солдатам.

Назначили дни, устроили смотры, но Петра так и не нашли. Растерялись министр с князем. Что ж теперь делать? А может, думают, он среди солдат, не годных к строевой службе? Думали, думали и разослали приказ: прислать всех рядовых солдат, которые в таких-то числах побывали в отпуске.

Офицер, у которого Петр служил в денщиках, вызвал его с кухни: пусть явится немедленно! Когда Петр пришел, приказал ему сей же час отправиться к министру.

Петр достал из сундука генеральскую одежду, золотые часы, саблю нацепил — и ать-два к министру. Но и дойти еще не успел, как Мария углядела его.

— Вон,— кричит,— он идет! Смотри, папенька, такой генерал — один-единственный!..

Выбежала навстречу Петру, кинулась на шею.

Князь с министром глазами хлопают. А Петр честь отдал, как положено, поздоровался значит. Завели его

в штаб, велят объяснить что к чему. Ну, он и рассказал все подчистую.

Приказал министр вызвать генерала, который и деньги, и часы, и саблю, и генеральскую одежду в карты продул. Тому куда деваться — подтвердил рассказ Петра. Тогда одежду проигравшегося генерала оставили Петру, а самого генерала разжаловали в рядовые.

Поехали Петр с Марией в имение князя, свадьбу там сыграли. Веселая была свадьба. Немалое богатство на нее потратили, немало угощений наготовили, и многие окрестные крестьяне их тоже отведали. Говорят, и поныне Мария с Петром живут-поживают и горя не знают.

77. САЛИМЬЯН

У одного бая был сын по имени Салимьян. Жили они в местечке вроде города, довольно-таки богато жили. Бай держал лавки в трех городах. Салимьян объезжал эти лавки, деньги собирал. Когда исполнилось ему лет семнадцать-восемнадцать, мать сказала отцу:

— Салимьян вступил в возраст егета, давай девушку ему высватаем.

Отец взялся за это дело, и в первом же месте, куда он поехал сватать, согласились выдать дочь за Салимьяна. Свершили никах, справили свадьбу. Когда вернулся Салимьян со свадьбы, пришли к нему друзья-товарищи, интересуются:

— Ну, Салимьян, понравилась тебе жена?

— Понравилась. Как раз по мне, — отвечает егет. Ушли приятели, заходит отец.

— Ну, сынок, по душе ли тебе жена?

— Нет, отец, не по душе, — отвечает сын.

— Коли не по душе, нечего с ней возиться, давай сейчас же откажемся от нее, — говорит отец.

Так, съездив к жене всего лишь один раз¹, Салимьян развелся с ней. Отец высватал другую девушку, второй раз справили свадьбу. После свадьбы приятели опять принялись расспрашивать, и Салимьян опять расхвалил жену. Потом приходит отец.

— Ну, сынок, по душе ли тебе эта жена?

Подумал Салимьян немного и говорит:

— Нет, отец, не по душе. Все же давай уж не будем от нее отказываться, ведь только что я с одной развелся. А то засмеют меня или скажут: издевается над людьми, потому что байский сынок.

— Нехорошо жить с женой не по душе, да ладно, придется согласиться с тобой, свое ведь дитя,— сказал бай. Дал, значит, согласие перевезти невестку к себе.

Основательно подготовившись, родители молодухи устроили проводы. Переехала она к свекру со свекровью, усердно угождает им. Сноровистой оказалась. Бай с женой нахвалиться не могут.

— Хорошая,— говорят,— невестка нам досталась. У нашего Салимьяна чутье верное, такой не промахнется.

Спустя некоторое время бай умер. Оставил он огромное богатство: на двадцать верблюжьих вьюков золота да на столько же вьюков серебра. Сокровища эти лежали в подземном хранилище посреди большого, примерно в два гектара, сада. Ключ от хранилища прибрала невестка. А Салимьян ведать не ведает, что имел отец.

Вскоро умерла и мать. Таким образом, хозяйкой ключа от сокровищ оказалась невестка.

Салимьян разъезжает по городам, где остались отцовские лавки. Кто у него что ни попросит — никому не отказывает. По беспечности распылил он из лавок все добро, даже на еду себе ничего не осталось.

Пока Салимьян разъезжал, жена стала прикидывать, как бы ей связаться с прежним своим ухажором, молодым графом, и вместе с ним завладеть всем хозяйством. Ради этого и поголодать день-другой была готова, в сокровищницу не заглядывала.

Вернувшись с пустым карманом, Салимьян говорит жене:

— Можно бы продать кое-какие вещи, да ведь сегодня же не продашь. Где бы покуда добыть денег?

А жена:

— Вон молодой граф — человек богатый. Попроси у него рублей сто.

Пошел Салимьян к молодому графу.

— Голодаем мы,— говорит,— одолжи рублей сто до продажи кое-каких вещей.

Дал молодой граф денег, назначив срок возврата. Салимьян продал кое-какие вещи, вернул долг, остальное пошло на еду. Но вырученных денег хватило ненадолго. Опять три дня проголодали. Жена про сокровища — ни слова, ключ не показывает, только ворчит:

— Байский сынок называется! Столько добра имел и все порастерял! Придется последние вещи из дому вынести. Пока их не купят, попроси у молодого графа еще три-четыре сотни.

Опять отправился Салимьян просить займы.

— Пропадать так пропадать! — говорит. — Одолжи, пока не распродам оставшиеся вещи, еще сотни три-четыре.

Принес Салимьян домой пятьсот рублей, отдал деньги жене и говорит:

— Распродадим все, вернем долг и уйдем отсюда куда глаза глядят.

А жена:

— Надо бы молодого графа отблагодарить. Может, позовем его в гости? Заодно и дом наш увидит.

— Ладно, позовем, — ответил Салимьян.

Пришел он снова к молодому графу.

— Я, — говорит, — пришел пригласить тебя в гости. Очень большую помощь ты мне оказал, хочу отблагодарить. Заодно и дом наш увидишь.

Молодой граф дал согласие. Салимьян с женой закупили всяких угощений, ждут гостя. В назначенный час подъезжает молодой граф.

— Салимьян, душа моя, встречай гостя, я не могу показать лицо чужому, неприлично, — говорит жена.

Почуял Салимьян недоброе: слишком уж ласково жена с ним заговорила и приличием озаботилась. Но ладно, встретил гостя. Сели за стол, началось угощение.

Салимьян, прежде чем сесть, припас хитрый мешочек. Гостю подливает, свое вино в этот мешочек выливает, сам прикидывается, будто все больше хмелеет. А гость пьет до дна. Притворился Салимьян совсем пьяным, понес всякую чушь и принялся песни петь. Потом грохнулся вместе со стулом на пол и будто бы заснул.

Гость подергал его и так и сяк.

— Эй, — говорит, — Салимьян-агай, гостя пригласил, а сам свалился. Вставай!

Не встает Салимьян. Тут пришла жена, спрашивает:

— Что с ним, уж не сдох ли? Дай аллах!

— Нет, живой, — отвечает гость. — Только ничего не чувствует.

А жена:

— Голодный был, поэтому так быстро свалился.

Салимьян все это слышит и видит: обняла жена молодого графа. Но лежит, молчит.

Жена говорит гостю:

— Раз уж взялась я доконать его — доконаю. Бери дом ты. В моих руках — огромные сокровища...

Показала ключ, повела молодого графа в сад. Салимь-

ян пошел следом, притаился в траве и видит: жена показывает сокровища его отца. Когда жена с гостем вернулись, Салимьян был уже на прежнем месте. Те легли спать вдвоем. Салимьян лежит на полу.

Рано утром жена вышла из дому. Салимьян будто бы сам себя корит:

— Что я наделал! Похоже, маху дал! Ведь у меня был гость...

Тут и гость проснулся, говорит:

— Вчера ты, Салимьян-агай, вдруг сильно опьянел.

— Не причинил ли я беспокойства? — спрашивает Салимьян.

В это время пришла со двора жена и давай корить мужа:

— Ай, Салимьян, Салимьян! Позвал, называется, человека в гости! И я не могла оказать гостеприимство. Ладно еще он не ушел.

— Беды нет, — успокаивает гость. — Когда выпьешь, такие пустяки не в счет.

Поев-попив, молодой граф отправился домой.

А у Салимьяна с женой все пока остается по-старому. У каждого свой расчет. Салимьян объявил о продаже дома. По объявлению собрались баи, пришел и молодой граф. Один бай предложил пять тысяч, а молодой граф — сразу десять и купил дом. Договорились, что новый хозяин займет дом, когда Салимьян решит выехать.

Денег, полученных за дом, хватило ненадолго. Тогда жена говорит Салимьяну:

— Эй, ты, сколько можно так жить! Дай мне развод.

— Ладно, — отвечает Салимьян, — дам. Только ты мне сначала верни половину денег, которые получили за проданные вещи. И те деньги, которые израсходовали на тебя, когда я женился, тоже верни.

— Это сколько же будет? — спрашивает жена.

— Столько-то, — отвечает Салимьян.

Жена пошла к молодому графу. Говорит ему:

— Эта тварь обещает дать развод. Только требует денег. Давай уж порвем с ним, разведусь я, одолжи мне денег.

— Одолжил бы, да все деньги разошлись, — отвечает тот. — Где я теперь возьму?

— Ради тебя я все свое богатство растратила. Дом продали. Пока Салимьян не уберется, сокровищами нам не завладеть, — сказала женщина.

Тогда молодой граф занял денег у другого графа.

Получив деньги, Салимьян дал развод, и разведенная

жена сразу ушла к полюбивнику. Теперь молодой граф торопит Салимьяна, чтоб скорей ушел из дома, а Салимьян не спешит.

Сломав замок, осмотрел он отцовское сокровище и пошел к своим друзьям-товарищам. А те знаться с ним не хотят.

— Ты,— говорят,— добро свое промотал, не ходи тут.

— Вон оно как! — говорит Салимьян.— Оказывается, потеряв добро, и друзей теряешь.

В это время бай по имени Тухвай, водивший дружбу с Салимьяновым отцом, сидел в верхней комнате своего дома. Жена говорит ему, указав через окно на Салимьяна:

— Гляди, промотал добро, теперь сюда идет.

— Впустите его в нижнюю комнату, погляжу,— сказал Тухвай-бай.

Впустили Салимьяна в нижнюю комнату. Сел он возле двери, спрашивает:

— Тухвай-агай дома?

Спустился Тухвай-бай, поздоровался.

— Как дела? — спрашивает.

— Душа еще в теле,— отвечает Салимьян.

— Эх, браток, браток,— говорит Тухвай.— Не в отца ты уродился. Отец твой был хороший человек, мы с ним вместе служили. Не дорожил ты его добром, все пораспылил.

Салимьян:

— Что поделаешь! Видать, не мне было предназначено это добро.

Тухвай:

— Как думаешь дальше жить, чем озабочен?

Салимьян:

— Меня из дома гонят. Там кое-что осталось. Коль позволишь, перевезу пока в какую-нибудь твою клеть, сам пойду искать удачу.

Бай:

— Что у тебя там осталось?

Салимьян:

— Да мелочь кое-какая.

— Наверно, ничего стоящего у тебя не осталось,— говорит Тухвай.— Клетки мои заняты. Есть свободное место в конюшне, оставишь пока там.

— Не дашь ли, чтобы перевезти вещи, десяток верблюдов? — спрашивает Салимьян.

— Ладно. Отец твой был хороший человек, помогал людям. Да. И слуг своих пошлю,— пообещал бай.

Раздобрившись, даже чаем напоил. Салимьян догово-

рился, чтобы слуги прихватили побольше вьючных мешков, а когда бай вышел проводить, попросил его:

— Агай, пришли уж, пожалуйста, да поскорей!

К приходу слуг бая Салимьян приготовил стол. Пришли с верблюдами пять человек. Рассуждают:

— И зачем этому байгушу* понадобилось столько верблюдов?

Салимьян вышел встретить их, позвал в дом. Заходят, а там полон стол всяких угощений. Чего душа ни пожелает, все есть.

— Гляди-ка,— говорят слуги,— откуда что берется!

Поели-попили, пошли в сад. Открывают хранилище. Увидев сокровища, слуги так и ахнули.

— Хи-и! — говорят.— Что богатство Тухвай-бая против этого богатства! Тут для золота нужно двадцать вьюков да для серебра — двадцать. Ну, медь и в десять вьюков уйдет. Увезем сначала медь.

Увидев вернувшихся с грузом слуг, вышел к ним бай.

— Что привезли? — спрашивает он.

— Там,— говорят ему,— несметное богатство. Не на одну жизнь. Десяти верблюдов мало, надо сорок.

— Раз такое дело,— говорит бай жене,— наших верблюдов не хватит. Иди, попроси еще у соседей.

При сорока верблюдах отправился за сокровищами и сам Тухвай-бай. Перевезли золото-серебро, выгрузили в крепкую клеть. Салимьян послал молодому графу весть: дом свободен. Приходят молодой граф с бывшей женой Салимьяна, глядь — ни в доме, ни в хранилище ничего нет.

Разъярился граф.

— Ты,— кричит полюбовнице,— и меня обманула, как обманывала Салимьяна! Чтоб расплатиться с долгами, моих домов не хватит. Меня же в тюрьму упекут! Что теперь делать? Убить тебя, что ли?

Убить не убил — выпиннул из дому.

Пошла женщина, чтоб как-то кормиться, милостыню просить. Графу тоже, когда он все распродал и отдал долги, не оставалось ничего другого, как просить подаяния.

А Тухвай-бай теперь приглашает Салимьяна в верхние комнаты. Только не идет туда Салимьян. Бай с женой переговариваются:

— Умный, оказывается, егет. Не потерял богатство-то.

— При таком богатстве каждый согласится отдать за него дочь.

— Да уж, будет жить припеваючи. Как бы нам это богатство при себе оставить?

У бая была дочь. Сидят, думают, не женится ли на ней Салимьян. Потом спустился Тухвай к Салимьяну, завел разговор.

— Наверно,— говорит,— ты не проживешь всю жизнь бобылем. Захочешь жениться. У нас вот есть единственная дочь. Думаем, пора ей замуж...

— Коли так,— отвечает Салимьян,— может, я ей поправлюсь?

Девушка согласилась выйти за него. Свершив, что надо, уединили молодых в белой клетке. Пришлись они по душе друг дружке, очень хорошо началась семейная жизнь.

Вскоре Тухвай-бай говорит зятю:

— Богатство наше зря лежит, давай пустим в дело. В соседней стране торговля неплохо идет. Здешние купцы там торгуют, и нам бы не мешало...

Салимьян согласился. Тухват-бай — к купцам.

— Мы бы,— говорит,— тоже приготовили товары, коли возьмете моего зятя с собой.

Те не возражают. Приготовили товары, и Салимьян отправился в путь с караваном в сто верблюдов. Жена, прощаясь, шла за ним десять километров. Плачет.

— Возвращайся,— говорит,— живым-здоровым. Буду ждать тебя.

Едет Салимьян, расспрашивает купцов, как да что в соседней стране. Вот подъезжают они в той стране к торговому городу и видят дом, обитый золотом, Салимьяну говорят:

— В этом доме живет одна старуха. Нельзя останавливаться у нее — богатства лишит.

Когда поравнялись с этим домом, Салимьян говорит:

— Давайте все же заедем сюда. Куда и заезжать, как не в такой дом!

Тут и старуха вышла, зовет:

— Заезжайте! И место есть, и караульщики, чтобы караулить товары.

Ну, раз и сама зовет, Салимьян взял да свернул в ее двор. Сгрузили товары, Салимьян спрашивает насчет платы, а старуха говорит:

— Давай напишем соглашение на спор. Спорю, моя кошка всю ночь будет держать в лапах горящую свечу. Коли уронит и свеча погаснет, а караульщики заснут, дам тебе сто верблюдов с товарами. А коли свеча не погаснет и караульщики не заснут, ты оставишь мне своих верблюдов со всем добром.

Согласился Салимьян и проспорил. В доме, оказывается, мышей нет, вот ученая кошка и держит свечу

спокойно. Пришел Салимьян к своим спутникам с одной котомкой за спиной.

— Что случилось, Салимьян? — спрашивают те.

— В беду попал, — отвечает Салимьян. — Вы уж, когда вернетесь домой, тестя моего с тещей не расстраивайте, скажите только жене.

Распродав товары, купцы отправились в обратный путь. Узнав, что спутники Салимьяна вернулись, жена пришла к ним спросить про мужа. Те рассказали, как он потерял все свое добро.

Идет жена домой, слезами заливается. Дверь открыла мать.

— Ты что, — спрашивает, — плачешь? Уж не случилось ли с зятем беда?

Дочь еще пуще расплакалась, потом, рассказав, что слышала, говорит:

— Такого мужа, как Салимьян, я больше не найду. Очень уж он был хороший.

Через год те купцы опять собрались отправиться в чужедальние края. Жена Салимьяна говорит им:

— Коль поедете туда же, может, увидите Салимьяна. Скажите ему, пусть вернется. Мне добро не нужно, сам он нужен. Я и письмо напишу.

Перед тем, как купцы тронулись в путь, жена Салимьяна принесла письмо, просит:

— Отыщите уж его, привезите с собой.

И дала купцам много денег.

Приехали купцы в тот же торговый город. Передав товары приказчикам, сделали списки с письма, вывесили возле всех лавок. Может, думают, Салимьян прочитает.

А Салимьян ходит по улицам, не появятся ли, думает, бай из наших мест. Возле одной лавки увидел на доске объявлений письмо, прочитал, и слезы выступили у него из глаз. Приказчик, заметив это, спрашивает:

— Ты что так разволновался?

Салимьян в ответ:

— Очень уж трогательное письмо! Где твой бай? Когда придет, скажи: человек, которого ищут, живет здесь.

Увидев то же письмо возле другой лавки, Салимьян опять прослезился.

— Ты что плачешь? — спрашивают у него.

— Я работал с одним егетом. Он лишился всего своего добра и не мог вернуться в родные места. Ему это письмо. У меня тоже есть жена. И она, наверно, ждет меня. Вот я и плачу, — отвечает Салимьян.

Открыться, предстать перед знакомыми купцами у него, видать, не хватило духу: больно плохо был одет.

Вернулись купцы домой. Жена Салимьяна — звали ее Фатимой — приходит к одному из них.

— Ну, видели его? Или, может, хоть что-нибудь слышали?

— Мы,— отвечает купец,— вывесили списки с твоего письма. Один человек сказал моему приказчику, что Салимьян живет в том городе.

Пошла Фатима к другому купцу. Тот говорит:

— Один человек, прочитав письмо, сказал: «Я несколько месяцев работал с егетом, которому послано это письмо». Выходит, там живет Салимьян.

Обрадовалась жена, услышав это.

— Я гляжу, радостная ты пришла,— говорит ей дома мать.— Уж не получила ли весть, что зятек возвращается?

— Нет,— отвечает Фатима,— но он жив! Правда, поговорить с ним не поговорили.

Прошел еще год. Купцы опять собираются в путь. Фатима говорит отцу:

— Атай, Салимьян не возвращается, товары лежат без пользы, повезу их в город. Мне нужен паспорт.

— Что ж,— отвечает отец,— коль сумеешь, получи сама.

Добыла Фатима паспорт. В паспорте написали мужское имя: Сатави, сын Тахави. Не женское по тем временам дело затеяла, вот и пришлось стать Сатави-баем. Среди собравшихся в путь был купец, которого однажды обобрала та хитрая старуха. Фатима расспросила его, как старуха обирает людей.

— В ее доме нет мышей,— сказал купец.— Поэтому кошка может всю ночь спокойно держать горящую свечу. А простаки вроде нас в это не верят, идут на спор и теряют свое добро.

Отправились купцы в путь. С ними под видом Сатави-бая едет и Фатима, везет тайком клетку с мышами. Когда в торговом городе подъехали к дому той старухи, Фатиме говорят:

— К этой старухе нельзя заезжать. Как раз она и погубила Салимьяна.

А Фатима решила заехать и остальных уломала. И все повторяется, как прежде. Пишут соглашение. Кошка держит свечу. Проходит примерно час. Тут Фатима незаметно вытряхнула из рукава мышку, кричит:

— Гляди, бабка, мышь!

Та и ахнуть не успела, как кошка бросилась за мышью. Свеча упала и погасла.

— Твоя взяла, бай! — говорит старуха.

Фатима, приехавшая при ста верблюдах, утром увела со двора старухи двести навьюченных верблюдов. Потом, передав товары приказчикам, пошла искать Салимьяна.

Идя по городу, почувствовала на себе чей-то взгляд. Обернулась — какой-то незнакомый человек.

— Ты что на меня так пристально смотришь? — спрашивает Фатима.

— Да просто так, — отвечает тот.

Разговорились. Оказалось, незнакомец знает Салимьяна.

— Мы, — говорит, — с ним в бане работаем, людей моем.

— Айда-ка, покажи мне эту баню, — говорит «Сатави-бай». — Дело у меня там есть.

Тот показал. Салимьян в это время намыливал спины. Вышел передохнуть, увидел молоденького бая, спрашивает:

— Эй, бай, ты из каких краев?

Фатима, прикидываясь Сатави-баем, ответила, из каких.

— Я тоже оттуда, — говорит Салимьян. — Айда, побанься, я хорошо мою.

— Как-нибудь в другой раз, — отвечает Фатима. — Раз ты из наших краев, что ж домой не возвращаешься? Зайди вечерком ко мне, посидим, поговорим.

Салимьян пошел к хозяину отпрашиваться.

— Из наших, — говорит, — краев приехали бай. Разреши сходить вечером к ним.

— Только на два часа, — отвечает хозяин. — Не вернешься через два часа — выгоню с работы.

Вышел Салимьян к «Сатави-баю», показывает бумажку:

— Вот, разрешил отлучиться только на два часа.

Фатима, сказав, куда придти, ушла в номера.

Вечером приходит Салимьян в своей замызганной шубе к номерам, а его не пускают.

— Тут, — говорят, — бай живут.

Кое-как уговорил сообщить о себе Сатави-баю, с его разрешения пустили. Заходит в номер. Тут поесть-попить приносят. Салимьян сидит, расспрашивает, что нового в родных краях. Потом «бай» говорит:

— Расскажи, как сам живешь.

У Салимьяна с выпитого язык развязался.

— Плохо, — говорит, — живу. Была у меня на этом свете одна радость — жена. Как вспомню ее, все из рук валится. А вернуться к ней стыд не позволяет.

— Бывает, бывает,— говорит бай.— Теперь жена твоя, наверно, уже постарела. Не та уже, не прежняя.

Салимьян:

— Нет, думаю, не постарела, ведь в достатке она живет и хорошо следит за собой. А вот во мне прежнего Салимьяна уже никто не признает.

«Сатави-бай»:

— Ладно, мы с тобой — свои люди, ты не стесняйся, ешь, пей. Мне надо быстренько в одно место сходить, схожу-ка.

Вышла Фатима, переоделась в одежду, которую ей Салимьян подарил после свадьбы, идет тихонечко через комнату, где сидит муж.

— Фатима, неужто ты? — вскрикнул Салимьян, чуть не потеряв сознание.

Кинулись они в объятия друг другу, и в этот же вечер снова сблизились.

Фатима, оказывается, привезла с собой всю одежду Салимьяна. Нарядила его и поставила над всеми своими приказчиками главным кассиром. Собрал Салимьян много денег. Было у них двести верблюдов, стало четыреста. И у других купцов, у кого было сто верблюдов, стало двести.

Вернулись они в родные края. У Салимьяна с Фатимой детишки народились, и прожили они, говорят, жизнь в полном согласии.

78. КАК МУЛЛА ЖЕНИЛ НА СВОЕЙ ЖЕНЕ ЕГЕТА

Один шестидесятилетний мулла женился на восемнадцатилетней девушке. Молодушка была очень красивая. Восемнадцатилетний сын жившего в соседях бедняка не мог пройти мимо нее равнодушно, как ни увидит, все пошучивает. Остабика не обижалась, только улыбнется в ответ, необидчивая была. А егет чем дальше, тем больше распалялся.

Однажды егет говорит ей, что неплохо бы устроить свидание.

— Ладно,— отвечает остабика.— Встретимся в нашем новом доме. Мы в старом доме живем. Когда мулла уйдет на вечернюю молитву, зайди в новый дом, я приду к тебе. Только смотри, чтоб никто в старом доме не заметил.

— Зайду,— сказал егет.

Отец егета ушел на вечернюю молитву раньше, чем обычно. Решив, что и мулла ушел, заходит егет в его

новый дом. А мулла еще не успел уйти, совершает омовение. Вошла остабика со двора и говорит ему:

— В новом доме кто-то ходит, иди-ка, мулла, посмотри, кто там.

Пошел мулла в новый дом — и вправду там соседский сын Шариф туда-сюда ходит. Мулла в сумерках не сразу его узнал, спрашивает:

— Кто тут?

— Это я, мулла-бабай, — отвечает Шариф.

— Что ты тут делаешь? — спрашивает мулла, узнав егета по голосу.

— Да вот зашел посмотреть форму вашей трубы. Хотим завтра переложить свою трубу, а вашу больно хвалят, — отвечает Шариф и, подобрав прутик, делает вид, будто обмеривает трубу вдоль и поперек.

— Обмерь, дитя мое, обмерь, — говорит мулла. — Ладная получилась у нас труба.

— Сделаем у себя точно такую же, — пообещал егет и ушел домой.

Вернулся мулла в старый дом. Остабика спрашивает:

— Кто там был?

— Да соседский малай Шариф, — отвечает мулла. — Оказывается, зашел посмотреть форму нашей трубы, хотят у себя такую же выложить.

«Нашел, как выкрутиться», — думает остабика про егета.

На другой день, встретив его, говорит:

— Ты что вчера так рано пришел? Мулла ведь учуял.

— Раз отец отправился в мечеть, я подумал, что и мулла уже там, — отвечает егет.

— Хорошо еще, нашел ты, что сказать, — говорит остабика. — Заберись сегодня вечером к нам на сеновал. Только дождись, когда мулла уйдет.

— Ладно, — отвечает Шариф.

Отец Шарифа опять отправился на вечернюю молитву рановато. Егет тут же забрался на соседский сеновал. А мулла еще не успел уйти, замешкался с омовением. Остабика заметила, что Шариф пришел, и говорит мулле, войдя со двора:

— Не то к нам на сеновал кто-то забрался? Иди-ка, посмотри. Как бы сено не украли.

Пошел мулла к сеновалу, кричит:

— Кто тут?

— Это я, мулла-бабай, я, сосед ваш, — отвечает Шариф.

— Ты зачем туда забрался?

— Хотел горсточку сена взять. Корова у нас мается,

никак не может отелиться. Говорят, коль украсть у соседа клок сена и скормить,— помогает.

— Бери, дитя мое, бери, не бойся,— говорит мулла. Взял Шариф для виду горсточку сена и ушел.

Когда мулла вернулся, остабика спрашивает:

— Кто там был?

— Все тот же Шариф,— отвечает мулла.— Корова у них, оказывается, никак не может отелиться. Пришел, чтоб украсть клок сена. Говорят, в таких случаях украденное у соседа сено помогает.

«Ну и шельмец, опять нашелся!» — думает остабика.

У Шарифа, значит, и в этот вечер дело со свиданием не выгорело. На третий день, встретившись с ним, остабика говорит:

— Видишь, как вышло! Заметил мулла, что ты забрался на сеновал.

— Опять отец рановато ушел,— отвечает Шариф.— Я и забрался, подумал — мулла тоже ушел.

— Приди сегодня прямо к нам домой, когда погасим свет и мулла уснет,— говорит остабика.— Я дверь не запру. Мулла, как вернется с вечерней молитвы и попьет чаю, так сразу ложится и засыпает. Я постелю себе у стенки по правую руку от входа, а ему — по левую. Ты зайдешь и ляжешь ко мне. Мулла спит как убитый, ничего не чувствует.

— Ладно, приду, коли так,— сказал Шариф.

Мулла, вернувшись с вечернего намаза, попил чаю и лег у правой стены, остабика — у левой. Мулла тут же уснул, остабика лежит, прислушивается. Вскоре тихонечко вошел Шариф, разделся, лег, как научила остабика, и крепко обнял муллу. Проснулся мулла, вскочил, кричит:

— Кто тут?

— Я, мулла-бабай, я,— отвечает Шариф.

— Шариф, дитя мое, что это ты забрался ночью в чужую постель? — спрашивает мулла.

— Да вот,— отвечает Шариф,— егеты на вечеринке поспорили на четверть водки. Одни говорят — мулла ночью спит как убитый, другие — нет, чутко спит. Теперь я выяснил — чутко, выходит, спишь.

— Верно, дитя мое, верно! — говорит мулла.— Иди, скажи товарищам: мулла спит чутко.

Остабика, слушая разговор, со смеху помирала. «До чего же,— думает,— находчивый егет! Вот такого бы мужа иметь!»

Шариф оделся и ушел, цел-невредим. Мулла с женой лежат, переговариваются.

— Как только он не побоялся придти к нам ночью! — прикидывается удивленной остабика.

— Выпить захотелось, тут уж никакой страх не остановит, — отвечает мулла. — Ведь на целую четверть поспорили!

На четвертый день, утром, увидев Шарифа, остабика опять завела с ним разговор.

— Очень, — говорит, — ты, оказывается, находчивый егет. Кабы не выдали за муллу, пошла бы за тебя.

— Не все еще потеряно, — говорит Шариф. — Разведись с ним, возьму тебя замуж.

— Коль возьмешь, пойду за тебя и без развода, — отвечает остабика. — Ведь можно сделать так, чтоб мулла свершил никах, не успев сообразить, что к чему. Лишь бы ты согласился, а я согласна.

— Что ж, — говорит Шариф, — и я согласен. Пусть мулла соединит нас никахом без развода.

Договорились они так, и остабика пообещала давать при надобности деньги, как только Шариф попросит.

И вот егет приступил к делу, принялся с друзьями копать подземный ход от своего погреба до погреба муллы. Ни отец с матерью, ни мулла с остабикой — никто ничего об этом не знает. Остабика держит слово, дает, когда попросит Шариф, деньги. И однажды, закончив работу в подземном ходе, приходит Шариф вечером к мулле.

— Я, — говорит, — привез, мулла-бабай, девушку. Свяжи нас, пожалуйста, никахом.

— Ночью никах не свершается, — отвечает мулла. — Утром, — говорит, — свершим. Откуда девушку-то привез?

— Из Гумерова.

— Чья она дочь?

— Дочь Камалетдина Минликамал.

— Моя остабика тоже из Гумерова, тоже Минликамал, дочь Камалетдина. Как это все сошлось? — удивился мулла.

— Там в нижнем конце жил еще один Камалетдин, по прозвищу — Затычка, и у него была дочь Минликамал. А моего отца прозвали Уткой, — говорит остабика и спрашивает для виду: — Выходит, Шарифьян, ты привез дочь того Камалетдина?

— Ее, остабика, ее, — отвечает Шариф.

— Ладно, коли так, завтра свершим никах, — говорит мулла.

Ушел Шариф домой. Никакой девушки у него нет, ведет дело к тому, чтобы оставить муллу без жены.

Наутро приходит Шариф опять.

— Айда,— говорит,— мулла-бабай, угощение готово.

В это время незаметно передал он остабике записку. В записке было сказано: «Спустись в погреб. Там увидишь подземный ход. Пока мулла дойдет по улице, опереди его, и он соединит нас никаком».

Мулла отправился свершать никак по улице, а остабика, спустившись в погреб, быстренько перебралась в соседний дом через подземный ход, сидит за занавеской. Сел было и мулла на почетное место, но увидел краешек платья «невесты», и напало на него подозрение. Придумав предлог,— мол, чернильницу не прихватил,— поспешил мулла домой. Приходит, а остабика, успевшая вернуться через подземный ход, дома сидит. Успокоился мулла, взял чернильницу, вернулся в соседний дом. А остабика опять опередила его, села за занавеску. Уже и народу порядком набралось. Свершил мулла никак. Объявив Шарифа с Минликамал мужем и женой, приняв вознаграждение, наевшись пирогов и напившись чаю, приходит мулла домой. Приходит, а жены дома нет. Вышел во двор, походил туда-сюда,— и во дворе нет.

В это время остабика принялась таскать воду в Шарифову баню. Тут увидел ее мулла.

— Ты что? — спрашивает,— там делаешь? Иди-ка домой!

— С чего это я пойду? — отвечает остабика.— Ты же сам свершил никак, выдал меня замуж. Я теперь жена Шарифа.

— Что ты, дура, мелешь! — кричит мулла.— Разве выдают замуж неразведенную? Его жена — дочь Камалетдина-Затычки, а ты — дочь Камалетдина-Утки.

— Улетела утка,— отвечает остабика как ни в чем не бывало.— Теперь я не твоя.

Так мулла, не разведясь, выдал свою жену замуж за Шарифа.

Виноватым в этом деле нашли самого муллу, лишили его сана, притянули к ответу и штраф наложили. Потом он в тюрьму угодил, занедужил с горя и помер. Осталось хозяйство без хозяина. Но раз он не был разведен с Минликамал, все добро и весь скот перешли к ней. И поныне, говорят, Минликамал с Шарифом хозяйствуют на доставшемся им подворье.

79. КАК МУЛЛЫ ПРЕВРАТИЛИСЬ В ШАЙТАНОВ

Жил в прежние времена егет по имени Тухвай. Отца-матери у него не было, умерли. Прожив с год где-то на

стороне, вернулся егет в свой аул: одет хорошо и деньгами, похоже, обзавелся. Вернувшись, сделал подношения жившему по-соседству мулле и его жене, дабы поминали его в молитвах за здравие. Мулле дал золотой червонец, абыстай* — золотую пятирублевку. Мулла с абыстай поразились, шибко, думают, разбогател Тухвай.

У муллы была дочь на выданье. И вот заманчиво стало выдать ее за Тухвая. Мулла с абыстай рассуждают:

— И богат он, и холост...

Вскоре Тухвай снова зашел к ним. Встретили его любезно.

— Айда,— говорят,— приходи, Тухватулла, в передний угол.

— Спасибо,— отвечает Тухвай,— только некогда мне, по спешному делу пришел. У меня, мулла-агай, в городском банке деньги лежат, надо их сюда перевезти. Не одолжишь ли лошадь и пудовую бадью, я деньги бадьей меряю.

Мулла тут же и лошадь, и бадью дал. А Тухвай и думать не думал ехать в город. Проболтался где-то весь день для отвода глаз, вернулся к ночи, распряг лошадь, отвел к мулле.

— Ну, дитя мое, привез деньги? — спрашивает мулла.

— Привез,— отвечает Тухвай.— Только не перемерил там. Сейчас начну выгружать, может, заодно и перемеряю.

У Тухвая под навесом был погреб. А в телеге он привез битое стекло. Принялся звенеть этим стеклом, пересыпать в погреб. Мулла подкрался к забору, подсматривает. Тухвай это учуял. В телеге стекла всего ведер десять было, но егет и тут сумел сплутовать: насыплет полную бадью, отсыплет немного в погреб, наполнит бадью снова и опять отсыплет. Мулла насчитал тридцать бадей и ушел домой, ошарашенный таким богатством. Говорит своей остабике*:

— Подумать только, тридцать бадей денег привез!

А Тухвай засыпал погреб землей, потом сунул в щели бадьи золотую и серебряную пятирублевки и, будто бы не заметив застрявших в щелях монет, отнес бадью мулле. Когда он ушел, мулла с остабикой вытащили деньги из щелей.

— Вот это,— говорят,— богач так богач! Надо во что бы то ни стало выдать дочь за него.

Спустя некоторое время Тухвай опять заглянул к мулле и сказал, что отправляется искать себе невесту.

Тут мулла чуть ли ни с ножом к горлу пристал.
— У меня ведь,— говорит,— тоже есть дочь. Зачем куда-то ехать? Мы же,— говорит,— соседи, друг друга знаем. Дочь у меня — единственная, других детей нет. Вся надежда на старости лет на тебя!

— Ну, коли так, посмотрим,— сказал егет и ушел.
На другой день сговорились. И девушка согласна. Только у Тухвая больше денег нет. Пошел он к мулле, обдумав хитрость. Поздоровавшись, говорит:

— Кайным¹, у меня денег, сам знаешь, много, но я их для надежности закопал, не хочется пока откапывать. Одолжи мне денег на свадебные расходы, потом я с лихвой верну.

Мулла дал около тысячи рублей денег, вдобавок — корову и жирную овцу. Справили свадьбу. Так Тухвай женился на дочери муллы. На ее долю выпало много всякого добра. Мулла построил для дочери большой дом. Что нужно для житья-бытья — все дал. Зажили молодые своим хозяйством.

Прошло немного времени. И абыстай, и мулла неожиданно заболели и умерли. Дочь их с зятем стали хозяевами двух дворов, еще больше разбогатели. Слуги аллаха, жившие в этом ауле, сильно завидовали Тухваю: и богат, и жена вон какая красивая!

Однажды, когда жена Тухвая пошла за водой, встретился ей муэдзин.

— Здравствуй, красавица! Как поживаешь? — спрашивает муэдзин.

— Ничего пока живу,— отвечает молодушка.

— А можно бы и лучше,— говорит муэдзин.— Эх, отдали вы все свое добро голодранцу! Кабы малость потерпели, могла бы стать моей второй женой, посватался бы я к тебе.

— А что,— говорит молодушка, посмеиваясь про себя,— разве уже все потеряно? Можно еще кое о чем потолковать.

— Когда потолкуем? — ухватился за ее слова муэдзин.— Давно мне охота с тобой потолковать.

— Можно хоть сегодня,— говорит молодушка.— Муж к вечеру за соломой уедет, приходи часам к пяти.

— Ладно! — обрадовался муэдзин.— Приду, коли так.

Немного погодя встретился ей молодой мулла.

— Ах,— говорит,— как мне хочется побеседовать с вами!

— Раз хочется, придите часов в шесть,— отвечает молодушка.— Буду ждать. Из-за мужа не беспокойтесь, его дома нет.

Обрадовался молодой мулла.

Когда молодушка, набрав воды, шла обратно, встретился старый мулла. Подошел к ней поближе, говорит вкрадчиво:

— Ты, наверно, и сама знаешь, что давно приглянулась мне. Посидеть бы, поговорить. Как ты на это смотришь?

— Что ж, мулла-абзый*, посидим,— отвечает молодушка.— Мужа дома сегодня не будет. Придешь часам к семи, скажешь, что хочется сказать.

Вернувшись домой, жена обо всем рассказала мужу. У того и в мыслях не было ехать за соломой, но раз дело обернулось так, решил поехать.

Пробило пять часов. И минуты шестого часа не прошло, как в дом Тухвая явился муэдзин. Хозяйка, оказывается, блинов напекла, намаслила, самовар поставила. Сели пить чай. За разговором незаметно пролетел час. Опять стук в дверь. Муэдзин заметался, не знает, куда спрятаться. В другой комнате стоял большой короб с гусиным пухом. Муэдзин забрался в короб. Хозяйка прикрыла крышку, открывает дверь. Входит молодой мулла.

Раз явился новый гость, хозяйка обновила воду в самоваре, добавила блинов с пылу-жару. Сели, беседуют, чай пьют. В семь часов опять стучат в дверь. Вскочил мулла, заметался, места себе не находит. Хозяйка ухватила его за рукав.

— Айда,— говорит,— в другую комнату, лезь в короб. Влез молодой мулла в короб к муэдзину.

Явился старый мулла. И этого хозяйка блинами масляными и чаем с медком угощает, разговор поддерживает. Прошло с полчаса. Вдруг на улице — стук-бряк, ворота открываются, Тухвай приехал. Старый мулла тоже вскочил, забегал, не зная, куда деться. Хозяйка его под руку увела в другую комнату, уложила в тот же короб.

Входит Тухвай, кричит будто бы с досады:

— Колесо, будь оно неладно, развалилось! Ладно еще — не успел далеко уехать.

Раздевшись, умылся Тухвай, сел за стол и спрашивает:

— Блинов, гляжу, порядочно напекла, в гости, что ли, кого-нибудь собралась позвать?

— Хотела женщин позвать,— отвечает жена.— Позову, коль разрешишь.

Тухвай говорит:

— Зови, раз столько наготовила.

Молодушка быстренько оделась, сбегала к женам

служителей аллаха. Тут же следом пришла остабика муэдзина.

— Что-то абыстай долго собирается, схожу, потороплю,— сказала хозяйка и ушла. Тухвай гостью потчует. Остабика пьет забеленный чай да похваливает:

— Видать, у вашей коровы молоко очень жирное.

— Да, корова у нас знатного племени,— соглашается Тухвай.— Масло в доме не переводится.

— Не продадите ли нам теленочка на расплод? — спрашивает гостя.

— Вам, дорогая, и без денег уступлю,— отвечает Тухвай, придвинувшись к остабике.— И так договоримся, тут ведь никого нет.

Обнял остабику, та не против, только манерничает:

— Ай, Тухватулла, коль муэдзин учует — осрамимся.

В коробе муллы толкают муэдзина в бок: мол, слышишь, вон твоя остабика что делает!

Как ни тяжело, муэдзин молчит, терпит.

Вернулась хозяйка. Попотчевали гостью вдвоем, проводили. Только проводили — пришла жена молодого муллы. Посидев немного, хозяйка говорит:

— Раз уж наготовила, схожу и за старшей абыстай.

Оставшись с младшей абыстай, Тухвай опять принимается хвалить свою корову. И эта гостя просит продать теленка.

— Ну уж, коль с вас деньги брать, так с кого тогда не брать! — отвечает Тухвай, придвинувшись к госте.— Я ведь тебя, абыстай, люблю. Не бойся, тут никого нет...

Теперь в коробе толкают в бок молодого муллу: вон, мол, что твоя абыстай делает!

Закричал бы молодой мулла, да сам не святой. Волей-неволей приходится терпеть.

Тут вернулась хозяйка.

— Сейчас,— говорит,— старшая абыстай придет.

Младшая засобиралась домой, просит:

— Ты уж, Тухватулла, уступи теленочка-то.

— Бэй,— отвечает Тухвай,— раз договорились, как не уступить! Завтра же к вам отведу.

Проводили младшую абыстай. Наверно, она еще до своего дома не успела дойти — заявила в гости старшая абыстай. В коробе старый мулла обмер, как бы, думает, и эта не испортила дело. Жена Тухвая, придумав благовидный предлог, опять ушла.

— Вы,— говорит,— пока без меня чайку попейте, я сейчас вернусь.

Под разговор о теленке Тухвай улещает и третью

гостью. В коробе муэдзин с молодым муллою дразнят старого:

— Вон,— шепчут,— какова твоя абыстай! Стара-стара, а сердце-то молодое!

Вскоре вернулась жена Тухвая, заново собрала на стол. Напоили-накормили гостью, домой проводили. Когда Тухвай с женой остались в комнате вдвоем, Тухвай говорит:

— Бесы, что ли, в той комнате завелись? Что-то там в коробе шуршит. Подай-ка ружье, стрелну в короб.

Подала жена ружье, Тухвай — щелк-щелк, курок проверил, заряжает ружье. Те бедняги не выдержали, выскочили из короба и — дай бог ноги!

— Шайтаны, шайтаны! — закричал Тухвай и пальнул из ружья поверх голов.

Облепленные пухом муллы и муэдзин припустили по улице, сзади пушинки вьются. Увидев их в окна, люди всполошились, высыпали, бормоча молитвы, кто какую знал, во дворы, смотрят в щели, шайтаны, думают, на улице объявились.

Прибежал муэдзин домой. Остабика на него накинулась:

— Где это ты, беспутный, валялся? Где был?

— Там, где и ты,— отвечает муэдзин.

Тут остабика язык прикусила.

Примерно так же пришлось объясниться со своими абыстаями и муллам.

На другой день Тухвай взял теленка за веревочку, повел к муэдзину. Увидев его в окно, остабика выбежала навстречу.

— Не надо,— говорит,— Тухваюшка, не надо! Ради аллаха, уведи скорей своего теленка обратно. Муэдзин все знает!

— Ладно,— отвечает Тухвай.— Раз не берут, когда дают, настаивать не буду.

Повернулся и пошел к молодому мулле. Увидев его с теленком, и младшая абыстай выбежала навстречу.

— Не веди,— говорит,— его сюда, Тухваюшка, не надо. Мулле все известно.

— Очень хорошо! — отвечает Тухвай.— У меня лишнего теленка нет.

Повернулся и пошел к старому мулле. Старшая абыстай, увидев его, тоже заторопилась навстречу, руками машет:

— Уведи, уведи! Я решила не брать теленка, не нужен он нам, не нужен!

— Раз пообещал, я привел было, чтоб не обижались

на меня. Ладно, коли так,— сказал Тухвай и увел теленка домой.

После этого и муллы, и муэдзин, говорят, оставили Тухвая с женой в покое, и прожили они жизнь в мире и согласии.

80. МУЛЛА — МУКОМОЛ

Жил в былые времена бедный егет. Приглянулась ему одна красавица. И девушка его полюбила. Свели они две судьбы в одну, поженились. Нет у молодых в хозяйстве ни лошади, ни коровы, зато очень дружно живут.

А в соседях с ним жил мулла. Нравится мулле молодая соседка, с вождедением на нее поглядывает. Как только отлучится муж из дому, мулла возле забора крутится, покашливает, чтобы обратить на себя внимание молодухи, пытается разговор завести. Как-то выпал случай, говорит мулла молодухе, что, мол, муж у нее бедный, а он, мулла, в нее влюбился и готов помочь, если она согласится провести с ним хоть один вечер. Потом стал то и дело напоминать ей об этом, прицепился как репей.

— Уважь,— говорит,— и аллах за это предоставит тебе место в раю.

Молодушка молчит, а мулла не отстает. Терпела она, терпела и однажды рассказала мужу, какой дурью мулла мается.

— Так и так,— говорит,— мулла-абзый вот чего добивается, обещает сделать все, что я ни пожелаю. Может, и рассердишься, но я решила тебе это открыть. Как быть?

А муж:

— Давай сделаем так: ты прикинься, будто согласна. А я будто бы на мельницу уеду, но вернусь через задние ворота, и проучим муллу.

На другой день, ближе к вечеру, муж заходит к мулле:

— Одолжи, мулла-абзый, лошадь, на мельницу хочу съездить.

Мулла рад-радешенек одолжить, даже сам лошадь запряг. Поехал сосед на мельницу.

Увидел мулла, что молодуха хлопчет во дворе, подошел к забору, принялся покашливать. Молодушка не растерялась, тоже покашливает в ответ.

Дождавшись сумерек, заявился мулла к ней домой.

— Здравствуйте! — говорит.— Сосед еще не вернулся? Решил вот проведать вас. Как поживаете?

— Ничего живем, мулла-абзый, даже неплохо. Спа-

сибо тебе, что пришел проведать, большое спасибо! — отвечает соседка, наливая воду в самовар.

Вынесла самовар в сени, кинула всего несколько угольков, чтоб самовар подольше не вскипал, сама поглядывает на задние ворота и приговаривает:

— Сейчас, мулла-абзый, чайку попьем. Уж и не знаю, как еще тебя отблагодарить за внимание. Пожилой человек, а не посчитал за труд навестить...

За окнами начало темнеть, молодушка засветила лампу.

— Не стоило бы столько хлопотать, ладно бы и без чая,— говорит мулла.

— Что ты, что ты, мулла-абзый! — отвечает хозяйка. — Первый раз к нам заглянул, как же я отпущу гостя без угощения! Сейчас самовар принесу...

Выскочила в сени, видит — муж через задние ворота въезжает. Молодушка нарочно дверь — на крючок, вбегает будто бы в испуге.

— Ай, мулла-абзый, плохо дело, муж вернулся, что теперь делать?

А муж уже стучится в дверь.

— Открой! — кричит. — Ты что в такую рань заперлась? Открывай скорей!

Пока жена металась туда-сюда, муж сорвал крючок, входит. Глядь — в его доме мулла сидит. Схватил егет муллу за шиворот.

— Ага,— говорит,— вот, оказывается, кто заставил запереть дверь! Сейчас я тебя перед всем аулом разоблачу! Муллой называется, а сам по чужим женам шляется!

Затрясся мулла со страху, просит:

— Пожалуйста, не поднимай шума! Что хочешь, то дам, что велишь, то сделаю, только не шуми.

— Ладно тогда,— говорит сосед,— не буду шуметь. Вот у меня есть мешок пшеницы, смели до утра. Я не сумел смолоть на мельнице, народу было много.

Посадил муллу на пол, привязав за ногу к столу, рядом ручную мельницу и мешок пшеницы поставил. Мулле, бедняжке, куда деваться — всю ночь до седьмого пота крутил жернов, смолот мешок зерна и только на рассвете, пока народ не проснулся, уплелся домой.

На следующий день молодушка, выйдя во двор, увидела муллу и принялась покашливать, будто бы намекает на прежнее. А мулла в ответ:

— Эй, неужто мука уже кончилась? Ведь только вчера смолот целый мешок!

81. МАЧЕХА, ПАСЫНОК, ЦАРЬ И СОРОК ВЕЗИРОВ

В давние-предавние времена жил царь. У него был единственный сын. Лет в одиннадцать-двенадцать царевич осиротел, умерла мать. Спустя некоторое время царь привез из другого города новую жену.

Вскоре молодая жена, не испытывая с мужем никакого удовольствия, стала подумывать, как бы убить его, завладеть его богатством и вниманием царевича. Царевич почувствовал это и пригорюнился. Однажды, когда он пришел в медресе*, мулла-наставник догадался по его виду, в чем дело, и говорит:

— Дитя мое, тебе грозит опасность. Сорок дней над тобой будет нависать беда. Я дам тебе молитву, сорок дней тверди ее про себя, с отцом и мачехой не разговаривай.

Вернувшись из медресе, царевич разделся, сел, раскрыв перед собой книгу, твердит молитву. Пришел царь, спрашивает:

— Ну, сынок, что вы сегодня читали?

Царевич молчит. Подумав, что сын на него за что-то обиделся, царь послал к нему мачеху.

Мачеха завела пасынка в свою комнату, угощения перед ним поставила, понуждает выпить хмельного. Пасынок молчит, не ест и не пьет. Мачеха и так и сяк, а царевич все молчит.

— Вот что я тебе скажу,— говорит мачеха.— Только держи, что услышишь, при себе. Сам знаешь, твой отец стар. Душа моя к нему не лежит, все мысли — о тебе. Влезь ко мне под подол, вылезь через ворот.

Царевич молчит. Раз по-другому ничего не вышло, обняла молодая царица пасынка, хочет поцеловать. Тут царевич до крови двинул ей кулаком по носу. Подняла царица крик-вой. Едва царь прибежал на крик, жена принялась наговаривать на пасынка.

— Оказывается,— говорит,— неспроста твой сын молчал. Вот только что попытался обольстить меня. Раз я не согласилась, ударил меня по носу.

Царь тут же велел посадить сына в зиндан. Царевича увели, а царица все на него наговаривает. Уговорила мужа казнить сына.

У царя было сорок везиров. Жалко им стало царевича. И вот каждый день кто-нибудь из них заходит к царю и рассказывает занимательную историю, стараясь отговорить его от казни. Так, пока сорок везиров рассказали сорок историй, прошло сорок дней. Все ж не смогли везиры отговорить царя от мысли казнить сына. На сорок

первый день вывели царевича на майдан, посадили на белую кошму. Палач приготовил топор, чтобы отрубить ему голову. В это время проходил мимо майдана наставник царевича из медресе. Увидев его, царь говорит:

— Вот кто моего сына дурному научил.

Решил и наставника казнить.

— Я согласен,— говорит наставник,— только позволь сказать перед смертью два-три слова.

Хотел было царь отказать, но побоялся, что народ зашумит. Разрешил. И мулла объяснил, из-за чего его ученик попал в такое положение. Тогда и царевич заговорил.

— Мачеха,— говорит,— вознамерилась отравить отца, завладеть его богатством, а меня сделать своим любовником. Сунулась ко мне целоваться, ну я и ударил ее по носу.

Услышав это, старики сказали:

— Ямагат*, раз вышло так, надо толком во всем разобраться.

Разобравшись, нашли, что в словах муллы и царевича все — правда.

После этого, говорят, царь велел отрубить голову царице.

82. СОЛДАТ И ЦАРИЦА

Один царь, когда умерла жена, женился снова на молоденькой красавице. Красавица мужем была недовольна, на уме — как бы любовника завести. Ну, живут они так и живут. Однажды царь решил устроить войсковой смотр. С женами сенаторов пошла поглядеть на войско и молодая царица. Как увидела солдат, так глазами заиграла. Стоят солдаты один другого краше, крепкие егеты. Делают солдаты один за другим шаг вперед, и царь их осматривает. Вот шагнул вперед красавец из красавцев. Царица, увидев его, аж закачалась и чуть не упала.

Жены сенаторов всполошились, загалдели:

— Что случилось? Что случилось?

Тут и царь бегом подбежал.

— Ах,— говорит царица,— кажется, я перегрелась, голова закружилась.

И просится домой. Царь велел своим сенаторам отвести ее во дворец.

Ладно, живут они дальше. Царица никакими средствами не может выкинуть того солдата из головы. Как-то подсмотрела она, что солдат отправился в город, схватила

сумку и — за ним. Идет, немного отстав, сзади. Свернул солдат на базар. Тут царица быстренько накупила полную сумку всякой всячины и подзывает солдата.

— Иди-ка,— говорит,— служивый, сюда, помоги мне донести покупки до дому.

Подошел солдат, узнал царицу, донес сумку до царского дворца. По дороге царица принялась расспрашивать, откуда солдата на службу взяли, ну и о всяком прочем. Дойдя до дворца, не сразу его отпустила, почти силком завела к себе, чаем напоила, кое-что и покрепче налила и, провожая, пригласила захаживать. После этого расхвалила солдата мужу, мол, очень он благовоспитанный, и выпросила его к себе в порученцы. Ходит солдат, выполняет поручения. Царица потихоньку подкатывается к нему и однажды говорит:

— Давай сойдемся поближе.

А солдат — ни в какую.

— Нет,— говорит,— не могу я подвести своего царя, так не пойдет.

Разозлилась царица да и испугалась, как бы солдат не доложил царю или еще кому-нибудь, решила опередить его. Наговорила мужу про своего порученца, будто бы он пытался накинуться на нее. Ну, теперь надо ведь наказывать этого солдата. Как наказать?

Позвал царь сенаторов посоветоваться, пересказал им, что от жены услышал.

— Вот,— говорит,— такой-сякой солдат пытался накинуться на царицу. Думаю, надо его расстрелять или повесить.

А сенаторы говорят:

— Не очень уж большая у него вина, чтоб казнить. Так нельзя. Лучше поручить ему какое-нибудь дело. Коль не выполнит, тогда можно будет хоть расстрелять, хоть повесить.

— Какое дело поручим?

— Давайте,— говорят сенаторы,— отправим его считать людей. Пускай сосчитает, мужчин на свете больше или женщин.

Ладно, отправили. А мир велик, людей в нем — не-счетно. Ходил солдат, ходил и зашел к одной старушке.

— Эх, бабка,— говорит,— пропала моя головушка, повесят меня! Это сколько же надо считать, чтобы пересчитать столько народу!

— А ты,— говорит старушка,— не ходи зря, иди обратно. Когда спросят: «Мужчин на свете больше или женщин?» — ответь: «Ясное дело, женщин больше». Спросят: «Почему?» А ты: «Потому что нельзя считать мужчинами

людей, которые ходят на поводу у жен и, поверив их словам, ищут в других только дурное».

Вернулся солдат обратно.

Созвал было царь сенаторов, чтобы вынести приговор, да сообразил: «Бэй*, а ведь и я собираюсь погубить человека, поверив словам жены!» Порасспросил царь солдата, понял, в чем суть дела и, огорченный тем, что чуть не погубил человека понапрасну, попросил у солдата прощения. Принудив царицу сказать правду, наградил царь солдата за то, что тот раскрыл ему глаза, и отпустил на волю, а жену, говорят, притянул к ответу

83. ХИТРАЯ ЖЕНА И СОЛДАТ

Шел один солдат с царской службы в родные края. В пути остановился в одном городе. Остановиться-то остановился, а переночевать негде, нашлось бы — где, да заплатить нечем, нет у солдата денег, провизии тоже нет. Послonyaлся он по городу, зашел в трактир. Рассказал хозяину о своем положении. А тот был очень скупой.

— Ты уж,— говорит солдату,— сам о себе позаботься. Может,— говорит,— какая-нибудь вдова пожалеет тебя и пустит переночевать.

— Тоже — мысль, попробуем,— сказал солдат и побрел на улицу.

Мед да масло на язык советчику — увидел солдат на скамейке молодую женщину, часть ей отдал, завел разговор, рассказал, в каком оказался положении.

— Что ж,— говорит женщина,— айда, чем ходить-маяться, зайди ко мне, гостем будешь, переночуешь.

Солдату только это и надо было. Пошел с ней. Женщина бегом-бегом кинулась стряпать, полный стол всякой всячины перед солдатом наставила, принялась угощать его.

Вдруг в самый разгар угощения — стук в дверь. Глянула женщина в окно — муж пришел! Что делать? Быстренько спрятала солдата в углу за иконами, открыла дверь, повисла на шее мужа.

— Уж давным-давно,— говорит,— на стол приготовила, заждалась тебя и вот одна села ужинать...

Муж, оказывается, пришел на минутку — что-то ему спешно понадобилось. Торопливо перекусил и побежал обратно на свою работу. Солдат вылез из укрытия, принялся опять угощаться. Ночь у этой женщины провел.

Утром солдат пошел по городу и заглянул в трактир

— Ну как дела? Где переночевал? — спрашивает хозяин трактира.

— Так и так, — отвечает солдат, — был в гостях у одной женщины. Только муж ее вечером чуть было дело не испортил, домой забежал. Женщина меня в углу за иконами спрятала. Муж перекусил и ушел обратно на работу. Тогда я вылез и опять — за стол. У той женщины и переночевал, от нее сейчас иду.

— Молодец! Видать, ты не из тех, кто теряется, — говорит хозяин трактира.

Вечером солдат снова пошел в знакомый уже дом. Снова хозяйка наготовила угощений — всего вдоволь. Но только сели они за стол — опять стук в дверь, хозяин пришел. На этот раз ай-хай нетерпеливо стучится! Спрятала женщина солдата в одежный шкаф. Муж чуть не бегом вбежал, покосился на заставленный угощениями стол и скорей — к иконам. Заглянул за иконы, а там никого нет. Принялась жена пенять на мужа, даже в слезы ударилась.

— Я, — говорит, — тебя тут жду — не дождусь, вон какой ужин приготовила, а ты меня оскорбляешь какими-то подозрениями!

— Ладно, жена, — отвечает муж, — я ведь просто так. Положил куда-то одну вещь, не там ли, подумал, она лежит.

«Успокоил», значит, жену, поел маленько и ушел на свою ночную работу. Когда он ушел, жена выпустила солдата из шкафа, сели пировать. И эту ночь провел солдат у нее.

Утром мимоходом заглянул в трактир. Хозяин тут же подлетел к нему, спрашивает в нетерпении:

— Ну, солдат, где провел эту ночь? Было угощение?

— Было, — отвечает солдат. — Опять у той женщины ночевал.

И подробно рассказал обо всем.

Да, будто в рай угодил солдат, теперь и уходить из города не хочется. Решил и третью ночь у той женщины провести. Ну, она опять принялась угощать его. В самый разгар угощения — опять стук. На этот раз муж так стучится, что того и гляди высадит дверь. Женщина солдата — в большой сундук и бегом — к двери. Влетел муж и давай глазами туда-сюда зыркать! За иконами проверил, в шкаф несколько раз заглянул, все кругом осмотрел. Жена уж всяко попробовала — и попенять, и поплакать, и погрозить, и поугovarивать, а муж и ухом не поведет, все ищет. А потом говорит:

— Тут солдат, не иначе. Ты хитра, но я еще хитрей.

Сказав так, плеснул на стены керосину и поджег.

Жена — в крик.

— Ах,— кричит,— все наше добро в огне пропадет!
Хоть вот этот сундук вынеси!

Заставила-таки вытащить тяжеленный сундук во двор. И на этот раз хитрость женщины пришлась солдату в самый раз, жив-здоров остался.

Наутро зашел он опять в трактир, а хозяин номеров — вдребезги пьяный сидит. Увидев солдата, совсем обалдел, глаза вытаращил.

— Разве,— спрашивает,— ты жив?

— Эх ты, скряга! Богатство скоротечно, а находчивость — вечна, поэтому солдат ни в огне не горит, ни в воде не тонет,— сказал солдат и ушел своей дорогой.

84. ХИТРОСТЬ ЖЕНЩИНЫ

У одного суфья* была очень красивая жена. Суфый сильно любил ее и ревновал к другим, поэтому, уходя из дому, ради душевного спокойствия запирали снаружи все ходы-выходы. И все-таки жена каким-то образом исхитрилась познакомиться с одним молодым человеком. Только вот встречаться с ним не могла из-за того, что муж держал ее взаперти. Думала красавица, думала и сумела добыть ключ. Передала ключ егету. После этого они довольно долго предавались тайной любви.

В те времена заподозренного в чем-нибудь человека отводили в священную пещеру, чтобы он подтвердил свою честность клятвой. Если подозрение была напрасным, с человеком ничего не случилось, а у того, кто давал ложную клятву, тут же, вздувшись, разрывался живот, и лжец умирал.

Однажды суфый, подозревая жену в неверности, сказал ей:

— Эй, жена, пока ты не дашь клятву в священной пещере, я не смогу поверить в твою честность.

— Что ж,— отвечает жена,— у меня другого выхода нет, раз уж тебе очень хочется, могу поклясться хоть сто раз. Только исправит ли тебя моя клятва?

— Может быть, исправит,— говорит муж.— Ведь выяснится правда.

— Хорошо, пусть твоя душа успокоится,— говорит жена.— Когда отправимся в пещеру?

— Коль суждено, отправимся в пятницу,— говорит муж.

— Прекрасно! Могу дать не одну, а тысячу клятв,

потому что совесть моя чиста,— говорит жена, нисколько не смущаясь.

На другой день, когда суфый ушел на работу, женщина рассказала возлюбленному о вчерашнем приключении. Загоревал егет.

— Ты что опечалился? — спрашивает красавица.— Не горюй, и на этот раз я исхитрюсь, вывернусь из беды, будем встречаться по-прежнему.

— Ладно, если вывернешься,— говорит егет.

А женщина в ответ:

— Завтра пятница. Возьми с собой ишака и жди нас на пути к пещере. Потом увидишь мою хитрость.

Назавтра суфый говорит жене:

— Приготовься, пойдем в пещеру.

— Хорошо,— отвечает жена,— но не пойду же я пешком, ишак понадобится.

— Увидим в пути кого-нибудь с ишаком и найдем,— говорит суфый.

Собрались суфый с женой, вышли за ворота и немного погодя видят человека с ишаком. Это был тот егет, возлюбленный красавицы, но суфый не знал его. Договорились, посадили женщину на ишака, пошли к пещере.

Когда дошли, суфый говорит егету:

— Помоги моей жене сойти с ишака.

Егет приподнял красавицу, а она нарочно вывернулась из его рук, упала на землю. Падая, задрала подол, оголила тело.

Понял егет ее хитрость, прикинулся возмущенным.

— Хай,— говорит,— бесстыдница, показала, что нельзя показывать! Какая невоспитанность!

Больше разговора об этом не было. Зашли в пещеру, женщина встала на колени и, глядя на мужа, поклялась:

— Клянусь, никто, кроме тебя и хозяина ишака, не видел моего тела, не прикасался к нему! Если я солгала, пусть на этом месте мой живот, вздувшись, лопнет и я умру!

Сами понимаете, женщина не солгала, и живот у нее не вздулся, не лопнул. Суфый, поверив в честность жены, попросил простить причиненные ей зря обиды, и жена ответила, что прощает. Покончив таким образом со скандальным делом, отправилась домой.

С этого дня бедняга суфый, говорят, отрешился от ревности, перестал запира́ть дверь, и жена его получила возможность встречаться с возлюбленным без помех.

85. ГУСЬ ДЛЯ ЛЮБОВНИКА

В давние-предавние времена жил один бабай. Досталась ему в жены молодая игривая вдова одного бая. У этих двоих ни детей, ни скота не было, во дворе — единственный гусь. У жены бабая был любовник. Однажды любовник сказал ей:

— Коль ты меня и вправду любишь, зарежь своего единственного гуся, угости меня. Тогда я тебя не брошу.

Женщина пообещала егету сделать, что он просит. Как-то сидит она с бабаем и говорит:

— Люди вон приглашают к себе чтецов корана. Давай-ка и мы пригласим.

— А из чего готовить угощение? — отвечает бабай. — Раз пригласим, так ведь хоть немного угостить надо. А у нас ничего нет.

— Бэй, — говорит жена, — зарежем гуся да и приготовим.

Согласился бабай. Зарезали последнюю свою живность. Жена ощипала гуся, положила вариться.

— А кого пригласим читать коран? — спрашивает бабай.

— Соверши омовение, пойдти в мечеть и позови там человека, который окажется справа от тебя, — говорит жена.

Совершил бабай омовение, пошел в мечеть и после намаза пригласил к себе человека, сидевшего справа. Жена-то, оказывается, велела любовнику сесть справа от старика, только тот перепутал, сел слева. И вышло, что бабай привел домой невесть кого. Увидев это, жена быстренько придумала хитрость, выпроводила мужа.

— У нас, — говорит, — хлеб кончился, гостю нечего поставить, иди-ка, займи у кого-нибудь.

Когда бабай ушел, жена накалила в огне железный прут и сунула в воду, потом опять накалила и опять — в воду.

— Зачем ты это делаешь? — спрашивает гость.

— И сказать стыдно, — отвечает хозяйка. — Старик у меня дурной. Приглашает человека будто бы в гости и метит его каленым железом. Вот смотрю, сильно ли накаляется.

Как услышал это гость, так, даже не одевшись, сбежал. Тем временем любовник прошел в дальнюю комнату. Когда гость сбежал, женщина отнесла гуся прямо в казанке в эту комнату.

Тут вернулся бабай, спрашивает:

— Где гость? Никак ушел?

— Гость называется! — отвечает жена. — Невесть кого ты привел. Схватил он гуся прямо с казанком и убежал. Хоть бы шурпу оставил! Вон, второпях даже одежду свою забыл.

Услышав это, бабай схватил ломоть хлеба и побежал вдогон за гостем. Тот, увидев бабая, припустил быстрее.

— Оставь хоть шурпу или давай вдвоем поедим! — кричит бабай, показывая ломоть хлеба.

Гость оглянулся, увидел в руке бабая ломоть, но решив, что старик бежит с каленым железом, еще надал. Гость улепетывает, бабай не отстает, а дома жена с любовником, посмеиваясь, с удовольствием едят гусятину. Гость с бабаем, говорят, до сих пор так и бегут, никак бабай гостя догнать не может. Я сегодня туда поехал, вчера вернулся, разбил там чашку, вспомнить тяжело. Тьфу, тьфу, тьфу!

86. ЖЕНА ДВУХ ВОРОВ

Жила в былые времена одна женщина. Прогнала она мужа, за которого выдали ее совсем еще молодой, и сразу же принялась выбирать другого. Многим мужчинам вскружила она голову, многие женщины заливались по ее вине горькими слезами, однако ей самой никто не нравился.

Жили в те времена два завзятых вора. Как раз оба они, наконец, и понравились той женщине, начала она заигрывать с обоими. С кем бы из них ни встретилась, говорит:

— Ты мне ближе всех на свете, нет мужчин, равных тебе, всех остальных я терпеть не могу.

Один из воров воровал только днем, другой — только по ночам. Как-то вечером встретилась эта женщина с дневным вором, и они договорились, что он будет ее мужем, она — его женой. Сошлись, значит, и дневной вор остался на ночь в ее доме. На рассвете он встал, оделся и говорит:

— Меня ждут дела. Каждый день я буду уходить в это время и возвращаться к заходу солнца.

Когда взошло солнце, женщина, позавтракав, через кого-то позвала к себе другого вора и принялась склонять его к тому же самому. Ночной вор, хоть и не спал всю ночь, решив, что для не поевшего мяса и требуха — еда, согласился остаться, тоже стал ее мужем. Провел он день с ней, а вечером говорит:

— Меня ждут дела. Каждый день я буду уходить в это время и возвращаться к восходу солнца.

Вот живет женщина с двумя мужьями, а они об этом не знают.

Однажды, поднявшись на рассвете, дневной вор попросил жену:

— Собери мне съестного на четыре дня. На этот раз я уйду надолго, скоро не жди.

Жена разрубила заднюю часть бараньей тушки ровно пополам, разрежала надвое комок масла и каравай хлеба, завернула по половинке того и другого и третьего, добавив лапши, в половинку своего передника и отдала мужу. Только он ушел — вернулся ночной вор. Провел день с женой, а вечером говорит:

— Я уйду на четыре дня, собери съестного.

Жена завернула в другую половинку передника оставшуюся половину мяса, масла, хлеба, проводила в дорогу и этого.

И надо же было, чтобы вору встретились в пути! Расспросив друг друга, как водится, насчет здоровья, решили присесть, отдохнуть. Посидев немного, один говорит:

— Есть хочется, надо бы подкрепиться.

— И я притомился, давай, коли так, сварим на двоих, — говорит второй.

Раскрыли котомки, вытащили мясо — глядь, бараньи ляжки отрублены от одной тушки. Когда мясо сварилось, достают лапшу, а лапша у обоих тоже одинаковая. Подивились вору, но пока удивления не высказывают.

Сняли казанок с огня, вынимают из котомок половинки одного и того же каравая. Тут уж напало на них сомнение, начали любопытствовать, кто откуда родом, где живет, каким ремеслом занимается. Увидели, что съестное завернуто в половинки одного и того же разорванного надвое передника, и еще пуще заинтересовались друг другом, спрашивает один другого, женат ли тот, как жену зовут. Когда назвали оба одно и то же имя, удивились уже до крайности.

Поели они быстренько и решили повернуть обратно.

— Все ж, — говорят, — надо проверить, посмотрим в ауле, кто в какой дом войдет.

Таким вот образом двое мужчин, встревоженные мыслями о женщине, вернулись с полпути назад. Пришли они в аул, идут по одной и той же улице, сворачивают в один и тот же проулок, подходят к одному и тому же дому. Тут выходит навстречу та женщина.

— Кто твой муж? — спрашивают эти мужья, изумляясь.

— Вы оба, — отвечает жена.

Воры говорят:

— Мы до сих пор не знали, что у нас на двоих одна жена. С кем же из нас теперь ты будешь жить? Ты знаешь, чем мы занимаемся?

— Да, — отвечает жена, — я знаю, чем вы занимаетесь. Один из вас — ночной вор, другой — дневной. Я живу с вами с такого-то времени, но вы не встречались. Только после того, как я разрубила заднюю часть бараньей тушки пополам, разрежала надвое комок масла и каравай хлеба, поделила поровну лапшу и дала вам одинаковые свертки, вы узнали друг о друге и удивились. Теперь, когда суть дела открылась, с кем мне жить — решит испытание. Кто из вас сворует ловчей, не вызвав и тени подозрения, тому я и достанусь. Пойдем на место воровства все вместе.

После этого сели они втроем обедать. Пообедав, ночной вор говорит:

— Я выкраду золото из сундука такого-то бая.

— А я, — говорит дневной вор, — вытащу из кармана другого бая деньги, пересчитаю и положу обратно. Потом обвиню его самого в воровстве и без всякого скандала заполучу эти деньги.

Когда стемнело, отправились втроем к дому бая, названного ночным вором. Оставив спутников в укромном месте, ночной вор обошел дом кругом. Оказывается, сначала он развеял землю, взятую на кладбище. Поэтому и собака во дворе, и все, кто был в доме, заснули как убитые. Вор открыл окно, залез в дом, не спеша отыскал ключ, открыл сундук, вынес золото, и все трое отправились домой. Придя домой, легли спать: жена одна на свою постель, мужья отдельно — на свои.

Рано утром пошли они на базар. Видят, в скотном ряду один бай торгуется со всеми подряд. Сторгуется, скажет, чтоб отогнали скотину туда, где стоит уже купленный скот, а заплатит обещает потом. Пока бай торговался, дневной вор вытащил у него кошелек, отошел в укромный уголок, пересчитал деньги и, не взяв ни копейки, сунул кошелек обратно в карман бая. Проделал он это так ловко, что никто, кроме той женщины и ночного вора, проделку не заметил.

Только было бай, наторговавшись, собрался заплатить за отогнанный в сторону скот, дневной вор привязался к нему.

— У меня,— говорит,— деньги пропали. Не иначе, как ты украл. У тебя они, давай деньги!

А бай:

— Я не то что деньги твои украсть, тебя самого сроду в глаза не видел. Иди,— говорит,— отсюда, такой-рассякой!

Вор не отстает. Потащил бая к судье, просит обыскать: мол, в кошельке должно быть столько-то денег.

Обыскали бая, вытащили из кармана кошелек, принялись считать деньги. Денег оказалось ровно столько, сколько было названо, ни копейкой ни больше, ни меньше. Тогда судья, признав слова вора верными, а утверждения бая ложными, присудил деньги вору.

Получив деньги, дневной вор отыскал тех двоих, пошли домой. Дома всю ночную и дневную добычу разделили на четыре доли. Женщина пока не объявляет, с кем будет жить, но хоть и не объявляет, ясно же, что все равно один из воров останется с ней, а другой должен снова жениться. Поэтому и сложили деньги с золотом в четыре кучки.

И вот женщина говорит:

— Не обижайтесь друг на друга. Оба вы ловкачи, оба искусны. Но одно дело — воровать ночью, другое — воровать днем. Одно дело — украсть у сонного, другое — вытащить из-за пазухи, когда человек на ногах. Я буду жить с дневным воров.

Сказав так, пододвинула она две доли к ночному вору, две — к себе. Взял ночной вор свои доли и ушел. Женщина с дневным воров остались.

87. «ЛЮБЯЩАЯ» ЖЕНА

Жили два друга. Как-то один говорит другому:

— Я своей жене верю.

— А я нет,— говорит второй.— Ну ладно, коль ты ей так веришь, ложись и притворись мертвым. Посмотрим, что она делать станет.

«Захворал» мужик, неделю не ест, не пьет. Может быть, он, конечно, и ест где-нибудь, когда жена не видит. Но при ней крошки в рот не берет.

И вот однажды прикинулся мужик мертвым. Побежала его жена к другу мужа и говорит:

— Друг-то твой помер, что делать будем?

Услышав этот тот притворно зарыдал:

— Эх, друг! У меня ж с ним разговор был, выходит, не смогли поговорить,— снова в слезы.

— Что за разговор? — спрашивает женщина.

— Да вот, если я умру, он мою жену себе берет, а если он помрет, я — его жену.

Не успел мужик закончить, как женщина тут же дала согласие стать его женой.

Муж женщины (ведь не помер же он) все слышал и, не вытерпев, закричал:

— Негодница! Посмотрите, какова!

А друг ему:

— Э-э-э! Ну как, веришь теперь жене? Понял теперь, что, не узнав человека, верить ему нельзя.

88. СКАЗКА ПРО ЖНЕЦА

В давние времена жила одна старуха. Никого, кроме единственного сына, у нее не было. Старуха ходила на поденщину, коль была работа, брала, что давали, тем и кормилась. Сын старухи рос не по дням, а по часам, вот и егетом стал. Начали они зарабатывать вдвоем: косят баям сено, жнут хлеб. Избенку себе построили, рядом садик посадили.

Однажды, когда опять пришло время жатвы, егет сказал матери:

— Я поработаю один, а ты последи за хозяйством.

Отправился егет искать работу, нанялся к одному баю жнецом. И денег малость заработал на жатве, и зерна. Закончив работу, собрался домой, к матери, но сначала пошел на базар купить кое-какие нужные в хозяйстве вещи. Ходил жнец по базару, ходил, и захотелось ему пить. Подумав, что в чайхане придется потратить деньги, решил напиться из колодца. Зашел в один двор, опустил ведро в колодец и только потянул обратно — ведро оторвалось. Увидев это, выбежала из избы хозяйка и говорит:

— Ты утопил ведро, ты и достань.

Что было бедняге делать — разделся, сложил одежду в кучку и полез в колодец. Только залез — хозяйка опять выбежала, схватила все его вещи и унесла в избу. Вылез жнец из колодца, смотрит — одежды нет, остался в чем мать родила. Все ж не растерялся, пошел в избу к хозяйке. Дернул дверь, а дверь заперта изнутри. Сел егет в сенях, думает, как быть. В то время хозяйка, оказывается, угощала своего любовника. Сидит жнец, слушает их разговор. Хозяйка вдруг спохватилась:

— Хорошо ли я ворота закрыла? Как бы жеребята не ушли со двора.

Услышав это, жнец быстренько открыл ворота, выпустил жеребят на улицу. Хозяйка с ее гостем вышли, чтобы загнать жеребят обратно. Только и ждавший этого егет юркнул в дом, забрался на полати. Те, заперев жеребят, вернулись, сели за стол. Стол богатый, жнецу при виде всяких угощений сильно есть захотелось. Но тут пришел с поля хозяин. Увидев его в окно, хозяйка отправила любовника на полати. Теперь, значит, на полатях — двое. Любовник перед этим успел переодеться в одежду жнеца, своя-то была похуже.

Хозяйка живо прибрала угощения, приготовленные для любовника, и, когда вошел муж, выставила ему картошку да чай. Сидит хозяин, ест. А жнец тем временем раздел любовника, оделся сам, соскочил с полатей и говорит:

— Здорово, хозяин! Я, понимаешь, озяб на базаре, зашел к вам погреться да и заснул, оказывается. Дай-ка и я выпью пару чашек чаю.

Хозяин не возразил. Сел жнец за стол и говорит хозяйке:

— Апай*, я положил под шкаф гостинцы, купленные на базаре. Подай-ка их нам.

Жнец-то видел с полатей, куда хозяйка посовала угощения, вот и решил воспользоваться этим. А хозяйка будто бы не слышит его слов. Тогда жнец сам выставил все на стол. Сидят с хозяином, угощаются, и егет говорит:

— Агай, у вас в избе живет шайтан. Ты знаешь об этом? Надо его выгнать.

Удивился хозяин, спрашивает у жены:

— А ты знаешь? Ты-то ведь все время дома.

— Ничего такого я не знаю,— отвечает жена в испуге.

Жнец говорит:

— Я умею выгонять шайтанов. Не выгнать, так шайтан может принести много вреда.

Ну, тут хозяин попросил выгнать шайтана, а егет запросил за это дело лошадь. Хозяин с ценой согласился.

— Апай, быстренько вскипяти самовар,— велел егет. Хоть и неохота было той, все же вскипятила. Егет взял ложку и говорит:

— Сейчас выгоним шайтана. Ну-ка, апай, налей мне в ложку кипятку!

Плеснул егет кипятку на полати, на голого любовника.

— Уф! — застонал тот.— Уф!

— Ага! — говорит егет.— Дай-ка, апай, ложку побольше!

И давай плескать большой ложкой. Взвыл «шайтан»:

— У-у-у!..

А когда плеснул егет кипятку из половника, не выдержал любовник, соскочил с полатей и как есть, нагишом, сиганул из избы.

— Видал, агай, какой шайтан жил у тебя на полатах! — говорит егет. — Коль зайвится опять, пришли мне весть.

Взял жнец все свои вещи, сел на лошадь, которую дал ему хозяин, и, попрощавшись, уехал.

89. ГОЛОДНЫЙ СОЛДАТ

Отслужив свой срок, шел один солдат домой. А путь был неблизкий. Притомился солдат и сильно проголодался. Решил в одном ауле попросить хлеба. Подошел к избе с открытыми окнами, окликнул хозяев — никто не отзывается. Заглянул в окно — в избе никого не видать. Тогда солдат влез в окно и лег, забравшись на полати. Немного погодя пришла домой хозяйка. Походила туда-сюда, затопила печь, блины затеяла. Напекла блинов, намастила и, накрыв тряпицей, поставила на краешек полатей. Принялась самовар разжигать. Пока хозяйка хлопотала у самовара, солдат к блинам пристроился.

Только вскипел самовар — входит в избу красивый егет. Хозяйка бегом забегала, скорей самовар — на стол. И блины с края полатей сняла, да, видать, сковородка слишком легкой показалась. Сдернула тряпицу, глядь — блинов совсем немного осталось. Решив, что блины съела кошка, стащила хозяйка с печи ни в чем не повинную тварь и давай лупить ее. Солдат, стряхнув, к самой стенке прижался. Ладно, отлупила хозяйка кошку, села с егетом за стол. Едят, что осталось, чай пьют. Солдат из любопытства стал тихонько придвигаться к краю полатей, захотелось посмотреть, что они там едят. Придвигался, придвигался, да и грохнулся невзначай на пол. Егет с хозяйкой с перепугу в разные стороны попадали, а солдат схватился и — за дверь. Забрался под сени, затаился в темном углу.

Те двое в избе, опомнившись, думают: человек это был или шайтан? Взял егет топор, а хозяйка — нож, вышли во двор. Поискали, поискали — никого нет. Хозяйка вернулась в избу, а егету пришло на ум еще и под сени заглянуть. Заглянул и видит: что-то в темноте белеет.

Не долго думая, хватил егет топором по белому. Там что-то взмыкнуло, упало и затихло. Егет — за хозяйкой.

— Я, — говорит, — этого самого убил.

Вышли опять, глядь-поглядь, а под сенями, оказывается, хозяйкин белолобый теленок стоял, его-то и убил егет. Разозлилась хозяйка донельзя.

— Ах ты, — кричит, — чурбан с глазами! Теленка не можешь разглядеть, а еще в ухажёры навяливаешься!

И прогнала незадачливого егета.

Пока то да се, подкрепившийся блинами солдат взбодрился, выскользнул на улицу и пошагал дальше.

90. «ГОВОРЯЩАЯ» ПТИЦА

Один путник на ночь глядя угодил под дождь. Брел он, брел под дождем и набрел на мокрую, озябшую птицу. Поймал ее, сунул за пазуху. Дошел до аула, видит — в одной избе свет горит. Заглянул в оконце и, хоть оно было затянуто мутной брюшиной, разглядел в избе молодушку с егетом. Молодушка из печки каравай хлеба и тарелку с маслом достала, сели ужинать. Тут кто-то постучал в дверь. Услышав стук, молодушка быстренько спрятала хлеб и масло за печкой, егета отправила под нары и пошла открывать дверь. Оказывается, хозяин вернулся. Тогда и путник постучался к ним, попросился переночевать. Пустили. К чаю пригласили. Хозяйка засохший корот выставила. Пока пили чай, та птица на печке, видать, немножко отогрелась и голос подала:

— Кокок!

А путник:

— Ладно, ладно, не твое дело, помалкивай!

— Что она сказала? — спрашивает хозяин.

— Да говорит, что за печкой хлеб и масло припрятаны, — отвечает путник.

— Что ж ты так? — говорит хозяин жене. — Давай, неси на стол!

— Я подумала — может, кто в гости вдруг придет, вот и припрятала, — принялась оправдываться жена.

Пришлось ей и каравай, и масло выставить. Поели вдоволь, пора теперь спать укладываться. Тут путник тронул птицу, а она снова:

— Кокок!

— Что она сказала? — спрашивает опять хозяин.

— Говорит — под нарами какой-то егет лежит.

Заглянул хозяин под нары — и впрямь лежит там здоровенный детина. Вытянули его оттуда, намяли бока —

еле ноги унес. Ну, муж с женой, поскандалив, все ж угомонились, легли спать. Утром, проснувшись, хозяин говорит путнику:

— Продай мне свою птицу!

— Не могу продать, пока она голодная,— отвечает тот.

— Коли так, свари-ка мяса,— велел хозяин жене и сам куда-то вышел.

— Выбери куски получше, а то птица про все твои проделки расскажет,— припугнул хозяйку путник.

Та, струхнув, полный котел мяса наварила. Дали мяса птице и сами хорошенько поели. Хозяин все не отстаёт:

— Продай уж! Сколько за нее возьмешь?

У самого в хозяйстве кроме коня ничего не было, но вот загорелось ему купить мудреную птицу, он и говорит:

— Коня отдам за нее.

Ну, путник будто бы и сдался.

— Ладно, бери! Столько помни: раньше, чем через три дня после моего отъезда она не заговорит. Коль и через три дня будет молчать, обмакни ее в воду. Не поможет это — покрути ей голову туда-сюда, тогда заговорит,— сказал он, забрал коня и отправился верхом своей дорогой.

Прошло три дня — птица молчит. Обмакнул ее хозяин в воду — молчит. Покрутил ей голову, свернул ей шею — она и сдохла.

Так благодаря обыкновенной птице сообразительный егет приобрел коня, а муж распутной женщины оказался еще и безлошадным.

91. ХИТРОСТЬ СТАРОГО ОХОТНИКА

В давние времена жил, говорят, старик — охотник. Старуха у него умерла, и остался он с сыном. Спустя некоторое время женился старик на молодухе. Сначала ничего себе жили, а потом опротивел старый муж молодой жене. Стала она хаживать к бабке, жившей по соседству, секретами делиться. И вот однажды говорит ей:

— Мужа я нисколечко не люблю. Кабы могла, сделала бы так, чтобы он ослеп на оба глаза и оглох на оба уха.

Выслушала ее бабка молча, а потом передала все старику. Старик говорит:

— Когда зайдет она к тебе с тем же опять, скажи ей: «Коли хочешь, чтобы твой муж ослеп и оглох, пойди в лес в такое-то место и выскажи там свое желание дуплистому вязу. Из дупла получишь совет».

Как-то зашла молодка к соседке опять и спрашивает:

— Не знаешь ли, бабка, какого-нибудь средства, чтобы мой старик ослеп и оглох?

Бабка ответила, как научил ее старик.

На другое утро жена говорит мужу:

— Девушки по ягоды собрались, схожу-ка с ними и я.

— Иди,— отвечает муж,— только больно долго не ходи.

Взяла жена туесок и пошла будто бы по ягоды. Но придя в лес, первым делом отыскала дуплистый вяз, высказала свое желание. В ответ из дупла послышался голос:

— Коли хочешь, чтоб твой муж ослеп и оглох, купи побольше масла и каждый день корми его кашей с маслом и масляными блинами.

Обрадовалась молодка, уж не до ягод ей, пошла скорей домой и по пути купила в лавке полный туесок масла. Тем временем старик вылез из дупла, вернулся короткой дорогой. Сидит дома как ни в чем не бывало. Вот пришла жена и говорит ему:

— В лесу ягод нет. Чем возвращаться с пустым туеском, решила масла купить. Буду кормить тебя кашей с маслом и масляными блинами.

Ладно, стала кормить мужа каждый день кашей с маслом и масляными блинами. Вскоре старик говорит:

— Что-то у меня глаза и уши болят. Неужто ослепну и оглохну?

Спустя еще несколько дней совсем разохался старик.

— Ох,— говорит жене,— ничего не вижу и ушами ослаб, ни слова не могу расслышать, пока два раза одно и то же не повторишь. Сделай-ка мне посошок, придется теперь ходить с посошком.

Потом старик и вовсе на печку забрался, лежит там, не слезает.

А жена рада-радешенька. Давно приглянулся ей один егет. Теперь она его к себе домой пригласила.

— Старика-то дома нет? — спрашивает егет.

— Дома он, да ты не бойся, он ничего не видит и не слышит,— отвечает молодка.

Когда привела она егета домой, старик позвал сына и говорит:

— Худо мое дело, сынок, глаза мои не видят, уши не слышат. Надо тебе перенять отцовское ремесло. Коль вскоре помру, будешь сам охотиться. Гляди, ружье заряжается вот так, стреляет так...

Тут старик спустил курок, ружье грохнуло, и любовник жены кувыркнулся на пол.

— Никак, сынок, ружье выстрелило? — спрашивает старик, прикинувшись удивленным.

— Да, — отвечает сын, — выстрелило и угодило в егета, который пришел к мачехе.

Ну, теперь надо убитого куда-то девать. Отнесла его молодка на одну пасеку, прислонила к пчелиной колоде, в руку миску сунула. Стоит мертвец и как будто мед ест.

Пришла молодка домой, а старик уже с печи слез, и глаза у него, как прежде, видят, и уши опять все слышат. Как только вернулась жена, старик трижды произнес «талак» — развелся с ней.

А на пасеке вышел из своей сторожки сторож, увидел того егета и закричал:

— Эй, кто это там мед ест? Уходи подобру-поздорову, а то застрелю!

Покричал так, покричал, а егет не уходит. Раз не уходит, сторож взял да и выстрелил. Егет упал. «Куда его теперь девать?» — думает сторож. Неподалеку в лесу было озеро. Оттащил сторож мертвеца туда, посадил в лодку и оттолкнул от берега. Поплыла лодка, покачиваясь, по ветру. А в это время один охотник как раз собрался подстрелить утку.

— Эй, стой, утку вспугнешь! — закричал он, увидев человека в лодке.

Утка, вспугнутая криком, улетела. Охотник со зла выстрелил в человека, сидевшего в лодке. Тот кувыркнулся в воду и утонул.

Так егет, бедняжка, связавшись с беспутной женщиной, был застрелен трижды.

92. ИЗБАЛОВАННАЯ ДЕВУШКА

В давние-давние времена жил, говорят, на свете царь. У него была дочь, очень красивая, очень изнеженная и очень избалованная. Незаметно девочка выросла и превратилась в красавицу-невесту. Стали к ней свататься. Сваты приезжали из разных мест. Были среди женихов и царевичи, и сыновья баев. Но девушке никто не нравился. Всякий раз она находила повод для того, чтобы высмеять и выпроводить сватов.

Так продолжалось десять лет. Царевна привередничала, а годы шли, и юность уходила. В конце концов к ней перестали свататься. Царя это сильно огорчало. Ему хотелось выдать дочь замуж во что бы то ни стало. Тогда он решил пригласить к себе всех женихов, которые сватались к ней за эти десять лет. Женихи явились все

как один. Их проводили в просторную комнату и усадили в ряд. Затем царь вывел к ним девушку.

— Дочь моя,— сказал он,— вот те женихи, которые присылали к тебе сватов. Больше свататься к тебе некому. Поэтому выбери себе в мужья одного из них.

Девушка несколько раз прошла между женихами, посмотрела, но никто ей не приглянулся.

— У этого — птичий нос, у того — сусличий глаз, этот — кошачий хвост, тот — красный, как свекла, этот рыхлый, как тесто... — у каждого находила она какой-либо изъян.

Царь сильно рассердился.

— Самым первым к тебе сватался нищий певец,— сказал он дочери.— Если разгневаешь меня, возьму и отдам тебя этому бродяге,— сказал так и вышел.

Жених, которого девушка обозвала птичьим носом, был, оказывается, царевичем. Услышал он, что сказал царь дочери, переоделся в старое поношенное тряпье, повесил за плечо котомку и рано утром вновь явился к царю. Войдя во дворец, он громко запел. Спев песню, он попросил руки девушки. Царь согласился, тут же привел свою дочь и отдал ее «нищему егету». Тот взял ее за ухо и потащил за собой.

Шли они, шли. На пути им встречались дома. При виде каждого красивого дома девушка повторяла:

— Вот бы зайти в этот дом! Вот бы жить в этом доме!

Так дошли они до дома самого егета. Этот дом был намного выше и красивее остальных.

— А это чей дворец? — спросила девушка.

— Это дворец того царевича, что сватался к тебе и которого ты прозвала «птичьим носом».

Девушка вздохнула:

— Если бы не издевалась тогда над ним, сейчас в этом дворце жила бы,— и заплакала.

Пошли они дальше. Шли-шли и дошли до какой-то землянки без крыши. Девушка спрашивает:

— Зачем здесь землю в кучу собрали?

— Это и есть мой дом. Сюда и зайдем,— сказал егет и, схватив ее за ухо, втащил в землянку.

Громко рыдая, девушка вошла в дом. Там егет велел ей сварить обед, поставить самовар, прибрать комнату.

— Я этого делать не умею. Обед никогда не варила, самовар никогда не ставила, в комнате никогда не убиралась,— сказала было девушка, да егет и слушать ее не стал:

— Проголодаешься, сразу научишься,— сказал он и ушел из дома.

Вначале девушка громко-громко плакала. Да делать нечего, когда проголодалась, и обед сготовила, и самовар вскипятила, и в комнате порядок навела.

Так стали они жить вместе как муж и жена.

Каждое утро со словами:

— Схожу на базар, поищу работу,— егет уходил из дома и шел в свой высокий красивый дворец. Девушку он не выпускал из землянки и держал впроголодь.

Прошел месяц. Девушка смягчилась. Желая помочь мужу, стала подумывать о том, чтобы пойти на базар. Этой мыслью она поделилась с егетом.

— Ну что ж, сходи и продай на базаре вот эти яйца,— сказал егет и дал ей сотню яиц.

Молодая женщина положила яйца в корзину и отправилась на базар. Добравшись до места, она открыла корзину и только примостилась в одном углу, как какой-то человек в повозке, запряженной очень резвой лошастью, сбил корзину и умчался прочь. Яйца полетели в разные стороны и разбились. Молодая женщина, не зная что делать, вся в слезах вернулась домой.

— Как же я оправдаюсь? Как же мне быть? — спрашивала она сама себя и, не находя ответа, горько плакала. Глаза ее распухли от слез, но женщина не в силах была остановиться.

Когда вернулся муж, она рассказала ему все, как было, ничего не утаив. Муж выслушал, но промолчал.

Как-то раз он посоветовал жене:

— Сходи во дворец того царевича с птичьим носом, который сватался к тебе. Попроси работу. Там для тебя дело найдется. Станешь хорошо работать, и сыта будешь, и одета.

Жена послушалась совета и на следующее утро отправилась в тот высокий дворец. Ее взяли помогать на кухне. Стала она работать во дворце. Целый день возилась со стряпней, мыла посуду, делала все, что скажут, вечером возвращалась домой переночевать, утром просыпалась с зарей и вновь уходила. Так, старательно работая рядом с искусным поваром, она научилась готовить много разных блюд. Прошел месяц, и она стала лучшей кухаркой во дворце и смогла бы уже сама обучать других.

Все было хорошо, как вдруг однажды царевич, хозяин дома, приблизившись к молодой женщине, стал теснить ее в угол комнаты. Женщина закричала. Но, странное дело, как бы она ни кричала, никто не отзывался. Царевич стал тянуть ее в верхнюю комнату. Женщина сопротивлялась изо всех сил, но ничего не смогла поделать. В конце концов сдалась и, побежденная, под-

нялась наверх. Там она попыталась выброситься из окна, удрать в дверь — не получилось. Егет взял ее за пояс, усадил рядом с собой и спросил:

— Ну, а теперь посмотри-ка мне прямо в лицо, узнаешь, кто я?

Молодая женщина, сильно смущаясь, метнула взгляд на него и опустила глаза. Затем взглянула вновь и вновь и наконец узнала в царевиче собственного мужа.

— Да, это я, твой муж, — сказал егет. — Я тот, кого ты прозвала птичьим носом, а твой отец принял за нищего певца.

Девушка лишилась дара речи. Потом засмушалась и заплакала. Егет принялся ее успокаивать.

— Не плачь, ну не плачь! Ты была слишком избалованной, и потому я притворился нищим. Именно поэтому я держал тебя в землянке рыбака. А чтобы узнала, что такое базар, отправил тебя торговать яйцами. Это я разбил твои яйца, задев корзину повозкой. Я послал тебя на кухню, чтобы ты научилась готовить. Теперь, я думаю, ты больше никогда не будешь такой, как прежде, и мы с тобой прекрасно заживем в моем дворце.

После этих слов он дал жене красивую одежду, пригласил в гости тестя с тещей и справил настоящую свадьбу.

Царевна, бывшая когда-то избалованной и ставшая теперь совсем иной, и ее муж-царевич по сей день живут в любви и согласии в том красивом высоком дворце. Тьфу, тьфу, тьфу...

93. ХАДИСА, ДОЧЬ ХАЛИКА

Гали-агай, говорят, славился в ауле большим умом. Его единственный сын Габдулла по причине старости отца с матерью избежал призыва в солдаты. Прожили они эту осень в радости, но неожиданно Гали-агай заболел и вскоре умер.

Габдулла, говорят, пошел в отца, тоже был очень умный. Когда отец умер, мать, бабка Гарифа, сказала Габдулле:

— Ты, сынок, теперь сам себе голова. Я уже стара, нет сил вести хозяйство, надо тебе, дитя мое, семью завести. Женился бы, пока я жива. Вот есть у нас в ауле подходящая девушка — Гульсум, дочь Вали-агая. И умна, и давно уж на выданье. Принесет в приданое столько добра, что на всю жизнь вам хватит. Будете жить в счастье и довольстве. К тому же и работающая она. Может, послать к ней сватов? Я и сама схожу...

А сын в ответ:

— Жениться на ней я никак не согласен. Не нужно мне ее богатство. Похожу пока в холостых.

Бабка Гарифа, подумав, что сыну, может быть, не нравится только дочь Вали-агая, назвала еще многих девушек из своего аула и невест из соседних аулов перечислила, но Габдулла — ни в какую. А потом вдруг говорит:

— Приглянулась мне одна девушка — Хадиса, младшая дочь Халик-агая из соседнего аула.

Мать в изумлении руками всплеснула:

— Уж не спятил ли ты, сыночек? Ведь эта Хадиса — слабоумная, только и знает, что на печке сидеть. Хочешь, женившись на ней, кормить двух дармоедок? Да разве ж на таких дурочках женятся? Дитя мое, ты же, в отца, умный, за тебя любую девушку отдадут!

— Нет уж, эсэй,— говорит Габдулла,— коли же нюсь, так только на ней, а нет, так вовсе не женюсь.

— Ну, воля твоя, сынок,— сдалась мать.— Только ведь, женившись на ней, станешь посмешищем.

Видя, что матери и впрямь уже не по силам вести хозяйство, решил Габдулла жениться поскорей и пошел сам от себя сватом к Халик-агаю.

Халик-агай налаживал во дворе телегу.

— Ассалямагалеюкум, Халик-агай! Как здоровье? — говорит Габдулла.

— А, Габдулла! Вагалеюкум ассалям! Рад тебя видеть! — отвечает Халик-агай.— Отец твой был больно хороший человек. Айда, заходи в избу!

Зашли в избу.

— Ну, как дела? — спрашивает хозяин.

— Ничего пока,— отвечает егет.— Я к тебе с большой просьбой.

— Давай рассказывай, что за просьба. Я готов ее выполнить.

Габдулла начал так:

— Сам знаешь, отец у меня умер. Мать говорит: «Может, сынок, женишься?» Ну вот я и пришел к тебе. Не прими в обиду, решил попросить твою дочь Хадису в спутницы жизни.

Удивился хозяин.

— Ай,— говорит,— Габдулла, ты же умный человек, а моя Хадиса — убогая. Ничего хорошего у тебя с ней не выйдет. Вон у меня есть дочери постарше — Сажида и Марьям. Такому достойному егету, как ты, я готов отдать любую из них.

А Габдулла:

— Халик-агай, я очень люблю Хадису. Мы с ней хорошо будем жить. Отдай уж ее!

— Да бери любую из трех! — говорит хозяин.

— Отдал бы уж Хадису от всей души, — гнет свое Габдулла.

— Отдам, отдам! — говорит хозяин. — Какую хочешь, ту и бери. Только потом не обижайся. Я все ж не думаю, что Хадиса подходит для тебя.

— Коли так, я скоро увезу ее, матери нужна помощница, — сказал Габдулла, затверждая уговор, и отправился домой.

Дня два-три спустя Габдулла пришел, чтобы свершить никах. Хадисе объяснили, что к чему, принарядили, а она опять на печку рвется.

— Не пойду, — говорит, — замуж.

Кос-как уединили ее с егетом. Погостил Габдулла два дня, раздал подарки новой родне и ушел, договорившись насчет срока переезда жены.

Через неделю Габдулла подвесил к дуге колокольчики, выбрал хомут поновей, запряг своего серого мерина в тарантас, посадил дружкой сына соседа, шестнадцатилетнего Салиха, и поехал за женой. Тесть с тещей ждали его, приготовив угощения. Погостил Габдулла еще два дня, пришло время ехать домой. Родители молодой собрали все, что нужно было отправить с ней, и Халик-агай подарил для перевозки приданого еще одну лошадь с тарантасом.

Провожая Хадису, старшие сестры завидовали ей, отец с матерью тревожились. Тронулись лошади, остались Халик-агай и его старуха Халима у ворот, смотрят вслед сквозь слезы.

От аула до аула было всего три километра. Быстро доехали молодые. К их приезду у ворот собралось много народу, ребятишки набежали. Из этой толпы кинулась навстречу Габдулле его собака Алабай и давай ластиться к хозяину: хвостом виляет, на задние ноги встает, тычется носом в его лицо.

Габдулла кричит:

— Пошел отсюда!

Собака не слушается. Габдулла опять:

— Пошел вон!

А собака все ластится. Разозлился Габдулла, пошарил в тарантасе рукой, нашарил молоток и — хватить собаку по голове. Сразу — насмерть.

Ладно. Заехали в ворота, Габдулла кричит лошади:

— Тпру!

А лошадь не останавливается. Габдулла второй раз:

— Тпру!

А лошадь все идет. Соскочил Габдулла с тарантаса, выхватил из-под крыльца топор и ударил лошадь по голове.

Молодая все еще в тарантасе сидит.

— Хадиса, слезай,— говорит Габдулла.

Хадиса смекнула, что муж раз скажет, два скажет, а потом худо дело, и живо соскочила с тарантаса. Габдулла говорит ей:

— Иди, прибери в избе, приготовь угощения, соседей позовем.

Хадиса прибрала в избе, угощений наготовила, и все — бегом, бегом. Пришли гости, поели-попили, подивились проворству молодухи.

Недель через пять-шесть мать Хадисы решила проведать дочку, посмотреть, как она живет. Габдулла встретил тещу очень приветливо. Порасспросили друг дружку о здоровье, и Габдулла говорит:

— Вы посидите, ты, Хадиса, самовар поставь, а я сбегаю в лавку.

Когда Габдулла вышел, мать спрашивает:

— Ну как ваши дела, дочка? Как живешь? Не трудно тебе?

— И не спрашивай про наши дела! — отвечает дочь. — Очень трудно мне. Он больше двух раз одно и то же не говорит. Раз скажет, два скажет, и, коль не послушаешься, убьет.

— Гляди-ка, что, окаянный, делает! — говорит мать. — Вон как с дочкой моей обращается! Рассержусь, так возьму и увезу обратно!

А Габдулла за дверью стоял, слушал. Вошел, распаленный, крикнул:

— Хадиса, соберись быстренько, пошли картошку сажать! И ты, тещенька, поможешь!

— Ты, Хадиса, будешь следом за мной кидать картошку, а ты, теща, повыдергай тут весь осот.

Огород был немалый, все же с делом управились быстро.

— Вот теперь можно и поесть,— говорит Габдулла. — Иди, Хадиса, вскипяти чай, ставь угощение, да поживей!

Хадиса тут же побежала в избу, захлопотала у самовара. А бабка Халима принялась браниться:

— Ишь ведь что выдумал, проклятый! Сроду я таким делом не занималась. Ох, исколола рученьки, изрезала!..

И, не дожидаясь угощения, почесала в свой аул. Пришла домой, ахая и охая, свалилась без сил. Удивился

Халик-агай, увидев свою старуху в таком состоянии, спрашивает:

— Что с тобой? Уж не избил ли тебя кто?

— Хуже! — отвечает старуха. — Отдали мы дочку, оказывается, не человеку, а шайтану какому-то. Даже чаем не напоил. Вдобавок велел дергать осот, руки мои покалечил. Заставил, да еще голодную, делать дело, каким я сроду не занималась.

«Постой-ка, схожу и я, посмотрю, как они живут», — решил Халик-агай и отправился к зятю.

Габдулла и его встретил радушно, потом вышел, сказав:

— Хадиса, поставь самовар, приготовь угощение, а я сбегаю в лавку.

Отец принялся расспрашивать:

— Ну как, дочка, живешь?

— И не спрашивай, — отвечает дочь, — очень тяжело живу. Габдулла раз скажет, и уж второго раза не жди, а то убьет.

А Халик-агай:

— Так и надо, хороший у меня, оказывается, зять. Мало еще вас учат.

Габдулла, стоявший за дверью, услышав это, побежал в лавку, накупил много всякой еды и питья. Вернувшись, удивился:

— Как, стол еще не готов? Давай-ка, Хадиса, быстрее поворачивайся!

После этого и оглянуться не успели, как жена все приготовила. Принялся Габдулла потчевать тестя. Халик-агай за столом до того разохотился, что три дня прогостил. На третий день, опять изрядно угостив и нагрузив гостинцами, Габдулла проводил его домой.

Придя домой, старик малость побранил свою старуху, а зятем нахвалиться не мог. Так день проходил за днем, бежало время. Халик-агай выдал замуж и двух старших дочерей. Через год позвал всех зятьев в гости, хорошо попотчевал. Свояки, разгорячившись, принялись хвастаться женами.

— У меня жена послушная, — говорит один.

— А у меня умная, — говорит другой.

А старик говорит:

— Ладно, не спорьте попусту, мы их испытаем. Увидим, кто лучше, кто хуже, которая из них умней, которая послушней. Выкладывайте по сто рублей. Чья жена самая проворная и послушная, тому и достанутся все деньги.

Выложили деньги, начали испытание. Старший свояк, как уговорились, кличет жену:

— Марьям!

— Аушеньки! — отвечает Марьям из другой комнаты.

— Иди-ка сюда! — зовет муж.

— Сейчас, — отвечает Марьям, а сама и не пошевеливается.

Теперь очередь среднего свояка.

— Сажида, иди-ка сюда, — зовет он.

— Да ладно тебе! — отвечает жена.

— Сажида, кому сказано! — кричит муж.

— Ты что, в лесу заблудился? — отвечает жена, не трогаясь с места.

Наступила очередь Габдуллы. Только он успел сказать:

— Хадиса, иди-ка сюда.

Хадиса уже тут как тут. Спрашивает:

— Что нужно?

— Возьми вот эти деньги, кинь в огонь, — говорит Габдулла.

Хадиса смахнула деньги со стола в подол и — бегом к огню. Ладно еще отец успел ее перехватить.

Забрали Габдулла с Хадисой все деньги, пошли домой. А старик, глядя им вслед, рассуждает:

— Еще дедами нашими сказано: «Коль постараясь, так и в камень гвоздь вобьешь». Верно сказано. Коль постараясь, так, оказывается, и слабоумная может человеком стать.

Габдулла с Хадисой, говорят, и поныне живут-поживают, горя не знают.

94. ЛЕНЬ ПОДВЕЛА

Люди встарь с приходом лета пересзжали на яйляу, летовали на пастбищах, поставив шалаши, покрытые войлоком. Такие шалаши у нас назывались тирмэ, а у иных народов — юртами. Войлок для тирмэ валяли зимой сообща. Зимой же валяли тонкий войлок, сукно, в каждой избе пряли пряжу из конопляного волокна и ткали холст, чтобы пошить одежду. Вот в те времена один старик спросил у своей старухи:

— Жена, сколько мотков пряжи ты напярала? Пора уже об одежде к лету позаботиться.

— У меня, старик, пряжа давно готова, — ответила жена.

А у самой был всего один моток пряжи. Вынула она из сундука этот моток, показала старику, сунула

обратно, опять вынула этот же моток, показала — и так много раз. Старик, порадовавшись, спрашивает:

— Когда ткать начнешь?

А жена:

— Я бы начала, да сновалка у меня сломалась, сновалки нет.

— Э,— говорит старик,— коль дело за этим встало, я сейчас же схожу в лес, вырублю новую.

Сунул топор под кушак, пошел в лес. Пока дошел и поискал дерево с развилкой, подходящее для сновалки, времени порядком прошло. Нашел, что нужно, и только было вскинул топор — слышался голос:

— Не руби, убью!

Испугался старик. Решив, что нельзя это дерево рубить, нашел другое и только взмахнул топором, как опять слышался голос:

— Не руби, убью!

Совсем растерялся старик. Ну, думает, хоть хворосту на дрова наберу, чтоб домой с пустыми руками не идти. Набрал хворосту, пришел домой. Жена у очага хлопочет, вроде бы обед варит и вроде бы удивилась:

— Никак, старик, сновалку мне не принес?

— Уф,— говорит старик,— погоди, потом расскажу.

Отдышавшись, рассказал о случившемся в лесу.

— Не то,— говорит,— мой ангел-хранитель, не то лесной хозяин не разрешил вырубить сновалку.

А жена слушала, посмеиваясь про себя. Оказывается, сама она и ходила за стариком, пугала его.

Наступил пригожий месяц май. Народ дружно двинулся на яйляу. Все одеты-обуты, у всех весело на душе. Только у старика нашего со старухой одежонка худая. Поэтому, когда старик собрался ехать со всеми вместе, жена воспротивилась, испугалась, что засмеют ее люди.

— Поедем,— говорит,— отдельно, попозже.

А когда остались одни, принялась причитать:

В пятницу я отдыхала

И субботу продремала.

Все уехали, гляжу,

А я, бедняжка, тут сижу.

Так уж оно, станешь бедняжкой, коль работать ленишься.

95. БОЛТЛИВАЯ ЖЕНА

В давние-предавние времена жили, говорят, старик со старухой. Однажды старик, возвращаясь из лесу домой, нашел на дороге суму с деньгами. Принес он находку и спрятал в сарае. Не спрятал бы, да больно уж старуха у него была болтливая. Побоялся старик, что жена расскажет о находке всем, кому не лень слушать.

День прошел, другой прошел — ничего старик жене не говорит. На третий день все же занес деньги домой. Обрадовалась старуха, места себе не найдет и нахвалиться своим стариком не может.

— Ты гляди не сболтни кому-нибудь, а то худо нам будет,— предупредил ее старик.

— Ладно, старик, ладно! — пообещала старуха.

Пообещать-то пообещала, да долго не выдержала. В тот же день, отправившись за водой, рассказала о находке собравшимся у родника женщинам.

— Старик мой,— говорит,— нашел суму, а в ней денег — несчетно.

Слух о находке быстро разошелся по всей округе, дошел и до самого старика. Поразмыслил старик и, напившись чаю, пошел к реке, нарезал лозы. Вернувшись, сплел морду. Потом сходил на базар, купил тонкую проволоку и наделал петли, чтобы поставить их на зайцев. После этого взял старуху с собой и пошел снасти ставить. Морду в воду спустил, петли по лесу расставил.

На другое утро тайком от старухи сбегал старик проверить снасти. Оказалось, в петлю заяц попался, а в морду порядком рыбы набилось. Старик быстренько зайца в морду сунул, а рыбу в петли посовал. Вернувшись, позвал старуху — дескать, айда, проверим снасти. Проверили, и старуха глазам своим не поверила: в морду заяц попался, а в петли рыба угодила. Прикинулся старик удивленным, а старуха и вовсе изумилась.

Спустя некоторое время объявился хозяин той сумы. Услышав толки о находке, пришел он требовать свои деньги. А старик не отдает.

— Никаких,— говорит,— денег я не находил.

— Так ведь старуха твоя призналась, весь народ об этом толкует,— говорит хозяин сумы.

— Хе, верь моей старухе побольше! — отвечает старик. Не отдает — и все тут.

Тогда хозяин сумы подал на старика в суд. Вызвали в суд свидетельницей старуху. Рассказала она все как

есть, подтвердила — да, нашел старик деньги. Ладно, вывели старуху, ввели старика. А он уперся на своем:

— Никаких,— говорит,— денег у меня нет, видеть их не видел и знать ничего не знаю.

— Так ведь,— говорят ему,— старуха твоя твердит, что нашел ты суму, а в ней денег — несчетно.

— Э, да разве можно моей старухе верить! — отвечает старик.— Умом она обиженная. Кабы я нашел деньги, уж не знай что сделал бы. Спросите-ка у нее, мол, что старик твой делал после того, как деньги нашел.

Позвали старуху, спрашивают:

— Что твой старик делал после того, как деньги нашел?

— Лозы нарезал и морду сплел,— отвечает старуха.— Потом проволоку на базаре купил и петли сделал. Мы с ним морду в воду спустили, петли в лесу расставили. На другой день смотрим — в морду заяц попал, а в петли рыба угодила.

— Тронулась старуха, несет всякую чушь,— сказали в суде и отправили ее в сумасшедший дом.

А старик, говорят, и по сей день живет на те деньги в полное свое удовольствие.

96. ОТ ЗЛОЙ ЖЕНЫ УБЕЖИТ ДАЖЕ ДЬЮ-ПЯРИЙ

Истари говорят: «От злой женщины даже дью-пярий сбежал». Расскажу, в чем смысл этого, почему дью сбежал.

У одного человека была злая и упрямая жена. Ни в чем мужу не уступала. Однажды в сенокосную пору поехали они в гости. Видят в пути: у дороги люди сено косят. Один из косарей прокосил свой рядок очень уж аккуратно. Увидев это, муж говорит:

— Хай-хай, до чего же хорошо этот косарь косит! Прямо-таки сбрил траву. Видать, коса очень острая.

А жена в ответ:

— Много ты знаешь! Тут не косой скошено, а ножницами сострижено.

— С какой это стати — сострижено? Скошено,— говорит муж.

Уперлись оба на своем, заспорили, дело дошло до драки. Раз довела жена до белого каления, принялся муж лупить ее. Лупит и приговаривает:

— Скажи: «Скошено».

— Сострижено! — кричит жена.

Чем сильнее лупит муж, тем упрямей жена стоит на своем. Так что и тумачи не помогли.

Попался им в пути колодец. «Постой-ка, все-таки заставлю ее уступить»,— решил муж и, опоясав жену вожжами, сунул ее в колодец, приспустил немного.

— Скажи: «Скошено».

— Нет, сострижено,— отвечает жена.

Тогда муж окунул ее разок-другой в воду и говорит:

— Коль скажешь, что скошено, вытащу, не скажешь — оставлю в колодце.

— Нет-нет, не городи чепуху, сострижено! — кричит жена.

Отпустил муж вожжи и поехал своей дорогой.

Дня через два-три, подумав, что жена, наверно, уже набралась ума-разума, муж вернулся к колодцу, потянул вожжи, и на тебе — уцепившись за конец вожжей, выскочил из колодца дью-пярий, кинулся со всех ног бежать.

— Эй, ты, куда так бежишь? — удивился муж.

— Беда! В моем жилище поселилась злая женщина, от нее бегу,— ответил дэв и скрылся из глаз.

Вот с тех пор и говорит: «От злой женщины даже дью-пярий сбежал».

Ладно. Склонился муж над колодцем, кричит:

— Эй, ты еще жива? Цепляйся, вытащу!

Уцепилась жена за вожжи, вытащил ее муж, немного погодя спрашивает:

— Ну, скажешь теперь: «Скошено»?

— Нет, с чего это я скажу так, когда сострижено!

— Выходит, не набралась ты ума-разума,— рассердился муж и, отведя жену к реке, толкнул ее в омут.

Побарахталась жена, начала тонуть, а все же высунула из воды руку, стрижет пальцами, дескать, не скошено, а сострижено.

Дня через два вернулся муж к омуту и пошел вверх по течению реки. Встретился ему один человек, спрашивает:

— Что высматриваешь?

— Да жена у меня вон там утонула,— отвечает муж, махнув рукой в сторону омута.

— Так разве же утопленников ищут выше по течению! — говорит тот человек.— Ищи, дурной, ниже омута.

— Нет,— отвечает муж.— Она привыкла делать все наперекор. Бесполезно искать ниже омута. Коль она уплыла, так вверх по течению.

Жил встарь один человек. Жена ему говорит:

— Долго еще ты будешь твердить: «Упаси аллах от злых жен»?

А муж:

— Хей, покуда есть у меня эта плетка, нечего мне твердить: «Упаси аллах от злых жен».

«А-а, вот ты как! — озлилась жена. — Ну, берегись!»

Однажды муж поехал за дровами, а жена пошла за водой. Черпая воду, жена как-то исхитрилась вытащить большую рыбину. Вытащила и отнесла ее на дорогу, по которой должен был вернуться муж. И вот едет тот, везет дрова, глядь — на дороге что-то трепыхается. Подъехал поближе, видит — живая рыбина.

«Видать, рыбак обронил, — решил муж. — Повезло мне!»

Сунул рыбину меж дров, приехал домой, воз разгрузил и рыбину жене отнес.

— Я, — говорит, — к соседям схожу, пока обернусь — сварю.

— Ладно, — сказала жена.

Посидел муж у соседей, поговорил о том о сем, потом спохватился: «Рыба, наверно, уже готова, пойду-ка домой». Приходит, спрашивает у жены:

— Сварилась рыба?

А жена:

— С чего это ты? Какая рыба?

— Так я ж тебе дал!

— Откуда она могла у тебя взяться?

— Я ее на горке подобрал, когда дрова вез.

— Мелешь пустое! Рыба не на горке, а в реке водится, — уперлась жена.

— Ах, ты так! — разъярился муж, схватил плетку и давай хлестать жену. Хлестал, хлестал — еле вывернулась и сбежала. Прибежала к братьям мужа, говорит:

— Агай ваш за дровами ездил. Не то уж сбесился там или что... Рыбу какую-то требует. Давай да давай! Плеткой меня исхлестал.

Пошли братья с ней, а муж — в ярости. Как жену увидел, опять попытался на нее накинуться, рыбу требует. Братья за енге свою вступились, скрутили того, а тот все рвется жену побить.

— И вправду, похоже, бес в него вселился. Надо муллу позвать, — решили братья.

Посадили буяна, связав, в угол, пошли к мулле. Так и так, говорят, агай наш захворал, айда скорей...

Привели муллу. Жена за занавеской сидит, муж, связанный, — в углу. Глаза кровью налились. Как увидит жену, начинает беситься. Мулла принялся бить его по голове священной книгой, бормоча молитву, — изгонять беса. Мулла-то спиной, а муж лицом к занавеске сидит, а жена ему поверх занавески рыбу показывает.

— Вон же, вон моя рыба! — кричит муж и рвется туда.

Только его мулла немного успокоит, жена показывает рыбу, и муж опять рвется из веревок, кричит:

— Вон же моя рыба!

— Вот уж разошелся в нем бес так разошелся! — говорит мулла и, сотворив молитву, бьет бесноватого книгой по голове. Потом опять творит молитву и опять бьет. Муж от этого совсем обессилел и уснул. «Видать, и впрямь он взбесился, надо, пока спит, уйти домой», — решил мулла и быстренько смылся.

Муж, проснувшись, просит:

— Ладно уж, развяжи, жена!

— Ну, что теперь скажешь? — спрашивает та.

— А-ай, упаси меня аллах от злой жены!

Так, говорят, жена показала мужу, каковы на самом деле повадки злых жен.

98. ЖЕНСКОЕ ЗЛОЯЗЫЧЬЕ

Жили в прежние времена старик со старухой. Детей у них не было, а богатство кое-какое было. Поэтому решили они найти кого-нибудь, кто заботился бы о них на старости лет и кому, умирая, можно было бы оставить свое богатство. Поискали и нашли в соседнем ауле вдовую женщину, здоровую, работающую, как раз по душе.

— Когда умрем, все наше добро останется тебе. По-заботься о нас, — сказали старики.

Прошло после этого порядочно времени. Годы идут, а старики, раз уход за ними хороший, живут себе и живут. Видя, что и не думают они умирать, впала женщина в нетерпение. Как быть? У самой ума придумать что-нибудь не хватило, пошла посоветоваться к одной бабке. Бабка посоветовала:

— Шепни старику — мол, твоя старуха с другим гуляет. И старухе шепни — твой старик, мол, тебе изменяет

Вернувшись, женщина так и сделала. Оговорила сначала старика. Старуха спрашивает:

— Что же мне теперь делать?

— Отрежь у него ночью бороду,— отвечает женщина,— сожги и обсыпь пеплом его тело. Тогда бабай ни за что не бросит тебя.

А старику женщина шепнула:

— Бабай, твоя старуха завела любовника, хотят тебя убить, будь осторожен.

Лег старик спать, но спит вполглаза. Вот подкралась к нему старуха с ножом, собралась бороду отхватить. «Хочет, окаянная, зарезать меня!» — решил старик, вскочил да и пристукнул старуху.

Утром пришли братья старухи и, сказав: «Смерть за смерть!» — убили и самого старика.

Таким вот образом та женщина стала хозяйкой дома.

99. ЧЕЛОВЕК И ШАЙТАН

Жил встарь шайтан, враг рода человеческого. Старался он испортить отношения между людьми, поссорить друзей, вызвать склоки и драки. Только этим и занимался.

Однажды узнал шайтан, что один слепой и один глухой крепко дружат меж собой — водой их не разольешь. Взялся шайтан разладить и эту дружбу. Но видит — не выгорает дело. И так и сяк подступается, а поссорить друзей не может. Все свое мастерство пустил в ход — нет, не получается. Чем больше старается шайтан, тем крепче дружат слепой и глухой. Растерялся шайтан, не знает, как быть. «Сроду,— думает,— не сталкивался я с таким делом».

Поломал голову, поломал и обратился за помощью к человеку, который так же, как он сам, любил пакостить людям. Говорит ему:

— Если испортишь отношения между слепым и глухим, дам тебе все, что ни попросишь.

Тот человек, пакостник, выслушав шайтана, усмехнулся.

— Эх ты,— говорит,— а еще шайтаном называешься! Да я их с первого же захода так поссорю, что на всю жизнь друг друга не взвидят.

Шайтан удивился, но промолчал. Привел его пакостник к дому, где жили слепой и глухой, и говорит:

— Эй, шайтан, смотри, как это делается!

Вызвал пакостник глухого на крыльцо и заорал ему в ухо так, чтобы и в доме было слышно:

— Твой слепой товарищ дома?

— А зачем он нужен? — спрашивает глухой.

— Вообще-то не нужен, обойдемся и без него, — кричит пакостник. — Я вам подарки принес. Один возьмешь себе, другой отдашь товарищу. Только смотри, сделай все по справедливости, чтобы обоим поровну досталось.

— Ладно, ладно, — говорит глухой, — мне чужое не нужно, отдам.

— На тогда, это тебе! — сказал пакостник и дал разок глухому по уху. — А это — слепому! — и дал по другому.

Вернулся глухой в дом, схватившись за голову. Слепой, вытаращив бельмы в его сторону, спрашивает в нетерпении:

— Ну-ка, ну-ка, дружок, что тебе этот человек дал?

— Да ничего не дал! — отвечает глухой.

— Не ври, пожалуйста! — говорит слепой. — Он же сказал: «Один возьмешь себе, другой отдашь товарищу». Думаешь, я не слышал? Очень даже хорошо слышал. Почему не отдаешь? Давай сюда подарок!

— Эх, друг! — говорит глухой. — Пристаешь, не зная, в чем дело. Дам тебе то, что он дал, так ведь обидишься.

— Наоборот, не дашь, так обижусь, — говорит слепой и руку протягивает: — Ну, давай!

— Раз уж очень просишь, придется дать, — сказал глухой и, размахнувшись, съездил слепому по уху.

— А-а! Хочешь убить меня и забрать подарок себе! Не выйдет, дорогой товарищ! — закричал слепой и вцепился в глухого.

Началась между ними самая настоящая драка. Лупили друг друга, пока вконец не обессилели. Так от дружбы и следа не осталось.

Шайтан, наблюдавший за дракой со стороны, хохотал, хлопая себя по ляжкам. Потом говорит сам себе:

— Ну и ну! Оказывается, человеческое коварство почище моего!

100. СУДЬБА

Жил на свете один бай, были у него жена и молоденький работник. Собралась жена бая рожать. Работника послали за повитухой. Привел он бабу. Родилась девочка. В это время работнику, занятому своими делами во дворе, прохожий человек сказал:

— Остерегайся, егет! Эта девочка суждена тебе в жены. Знай: нрав у нее будет дурной. А смерть ей принесет черный паук.

Сказал так и пропал с глаз.

Задумался егет. Подумал, подумал и, пока в доме бая суматоха стояла, распорол ножом живот ребенку а сам сбежал.

Бродил егет по белому свету, бродил и оказался в царстве, где как раз царь умер. А народ решил:

— Пусть-ка царем у нас станет сторонний человек. Безродный на всех будет смотреть одинаково,— и выбрал царем этого егета.

А та девочка не умерла и выросла такой дурной, что отец с матерью сказали:

— Срамишь ты нас перед людьми,— и выгнали се из дому.

Пошла девушка куда глаза глядят. Шла, шла и попала в царство, где прежний работник царствовал. Схватили ее люди царя, привели к нему. И вот судьба: недавно овдовевший царь взял да женился на ней.

Вскоре пошли они в баню мыться. В бане царь заметил на ее животе след от раны.

— Что это за шрам? — спрашивает.

Рассказала жена, что в жизни пережила, и тут выяснилось, кто из них кто.

Вспомнил муж предсказание прохожего и велел — царь ведь как-никак — построить для жены дворец, куда бы пауки не могли заползти. Сидят они однажды в этом дворце, чай пьют и вдруг видят: с потолка на паутинке паук спускается. Жена сбила паука и только наступила на него, как сразу же и дух испустила.

101. КАК СБЫЛСЯ СОН ЦАРЯ

В давние времена умер один царь. Осталась его жена с восьмилетним сыном. Вскоре выбрали царя из другого города. Он женился на вдове умершего царя.

Однажды приснился новому царю сон и он говорит жене:

— Приснилось мне, будто прискакал наш малай на белом коне, погнал меня к реке, а потом отрубил мне голову. Что бы это значило?

Позвали толкователей снов. Те предсказали, что царь примет смерть от своего пасынка. Встревожился царь, думает: надо как-нибудь сжить мальчишку со свету

Сказал об этом жене, жена сначала не соглашалась, но куда ей, бедняжке, деться — в конце концов согласилась.

Решили уморить царевича голодом, отправили в тюрьму. Но караульщики стали подкармливать его через окошечко в двери. Через два дня царь послал одну женщину посмотреть, как выглядит мальчишка. Пришла женщина в тюрьму, а тот сидит себе, мячиком забавляется.

— Эй, дитяtko, как дела? Сильно проголодался? — спрашивает женщина.

— Нет, — отвечает царевич, — мне через окошечко и хлеб, и молоко дают.

Вернулась женщина к царю.

— Ну как? Хуже он стал? — спрашивает царь.

— Нет, не хуже.

— Выходит, так не умрет, давай отравим его, — говорит царь.

Испекли ядовитый хлеб и в бутылку с молоком яду насыпали.

Опять царь послал ту женщину в тюрьму. А она зашла по пути к себе домой, взяла ломоть хлеба и бутылку молока, отравленную еду выкинула в реку, дала царевичу неотравленную. Вернулась к царю.

— Скормила?

— Скормила

На другой день царь послал ту женщину узнать, чем дело кончилось. Ну, а мальчишка-то жив-здоров.

— Как он там? — спрашивает царь.

— Все так же, — отвечает женщина.

— Раз так ничего не вышло, придется расстрелять его, — сказал царь и велел двум солдатам сделать это.

Вывели солдаты мальчишку из зиндана, показали дорогу в сторону соседнего царства-государства и говорят:

— Беги, егет!

Сами, выстрелив в воздух, чтоб услышал царь, пошли обратно.

— Все в порядке! — решил царь и успокоился.

А мальчишка шел, шел и дошел до моря. Сильно устал. Лег, поспал. Проснувшись, напился из ручья и пошел по берегу. Потом опять лег и заснул. Ночью проснулся от холода и видит: огонь светится. Пошел к нему. А это, оказывается, пристал к берегу корабль из другого царства-государства. Принялся мальчишка играть с мячиком возле корабля. Увидел его один турэ*, спрашивает:

— Ты что тут бегаешь?

— Просто так,— отвечает царевич.

— Отец у тебя есть?

— Нет, я сам по себе. Что найду, то поем, где захочу, там посплю.

— Поплывешь с нами?

— Поплыву.

Завел турэ мальчишку на корабль и говорит другому турэ:

— Я мальчишку нашел.

— Ай-хай,— говорит тот,— больно ты быстрый. Так не пойдет. Давай поконаемся за него.

Поконались, и мальчишка достался тому турэ, который завел его на корабль. Уплыли они в другое царство-государство. Там царевич вырос, женился, и у него родился сын.

Как-то, зайдя в ашхану, царевич познакомился с одним егетом. Разговорились.

— Ты из каких краев?

Егет рассказал о себе. Оказалось — земляк.

— Давай вернемся в наши края! — говорит царевич.

Договорились, день отъезда назначили — через месяц. Месяц спустя поплыли на пароходе, а потом сошли на берег и пошли пешком. На берегу лесной реки решили отдохнуть. Царевич взял ружье и говорит:

— Похожу-ка, может, какую-нибудь птицу или зайца подстрелю.

Пошел он охотиться и заблудился в лесу. Только наутро насилу отыскал место, где остановились. Отыскал, и, бэй! — что он видит! Лежит мертвый лев, земля красным-красна от крови, тот егет — тоже мертвый. А жены с сыном нет.

Выкопал царевич могилу, похоронил егета, пошагал дальше один. Пройдя немалый путь, увидел впереди город. В этом городе нанялся царевич к одному баю. Год работает, два работает. На третий забрел к нему мальчонка. Царевич как раз с работы вернулся, чай пил. Дал мальчонке хлеба, спрашивает:

— Где ты живешь?

— В этом городе,— отвечает малец.

— Кто у тебя есть?

— Мамка.

— Чем живете?

— Я вот так хожу из дома в дом, а мамка стирает людям одежду.

— А где твой отец?

— Лев его съел.

— Айда-ка, — говорит царевич, — поехали туда, где твоя мать стирает. Мне тоже надо постирать.

— Айда!

Поехали. Подъезжают куда надо. Большой пятистенный дом. Во дворе женщина стирает. Царевич разговор заводит:

— Как живем, сестрица?

— Ничего.

— Мне бы постирать...

Только успел царевич проговорить это, как узнали они с женой друг дружку. Ну, тут крик-плач начался. Выбежали хозяйева:

— Что такое? Что стряслось?

— Так и так, — объясняют они. — Жили рядом и не знали об этом.

Какая уж теперь стирка! На улице лошадь ждет. Посадил царевич своих в тарантас, покатыл домой.

Царевич доработал третий год, и хозяин говорит:

— Ты работал у меня три года. Дам тебе денег, чтоб троим хватило на год. Любил ты ездить на белом коне, возьми его себе. Вон арба стоит, тоже возьми.

Погрузились всей семьей в арбу, поехали в город, где царевич родился. Поселились там у одной старухи.

— Как тут жизнь, бабушка? — спрашивает царевич.

— Плохо живем, сынок, — отвечает та. — Царь у нас злой, несправедливый. Прежний был хороший. Может, и его сын стал бы неплохим царем, да нынешнему что-то во сне приснилось, велел застрелить царевича. Вот и живем в горе.

Царевич оделся по-военному. Сбоку — сабля. Оседлал белого коня, поехал во дворец. Заходит, а там царица, его мать, волосы расчесывает. Рассердилась царица, кричит:

— Кто тебя сюда пустил?

— У меня есть разрешение. Не ори! — отвечает царевич.

Потом сел на коня и поскакал за двадцать пять верст. Там рота войска стояла. Прискакал и говорит солдатам:

— Егеты, я приехал поздороваться с вами!

Командиры, оказывается, в отдельной палатке лежали. Пошел царевич к ним — охранник не пускает.

— Не пустишь?

— Нет.

— Тогда вот тебе!

Взял да и отрубил голову за пререкания. Царь, увидев это, выбежал из своего шатра, вскочил на коня и ускакал прочь. Царевич — за ним. Стал прижимать его к реке. За-

гнал на обрыв. Загнал, настиг и голову ему снес. Соскочив на землю, проткнул уши, приторочил голову к седлу, вернулся к войску и говорит:

— Егеты, не сердитесь! Я — царевич. Этот зверь велел расстрелять меня, но солдаты ради памяти моего отца не расстреляли. Я вырос на чужбине. Коли согласны принять меня, я готов служить вам.

— Согласны! Согласны! — закричали солдаты.

Вернувшись во дворец, царевич принял царство. Казненный царь, оказывается, мучил народ, объявляя, будто хлеба нет, хотя хлеб и был. Новый сразу велел выдать по пять пудов хлеба на душу.

Так сбылся сон: лишился злой царь головы. Новый царь, говорят, правил, советуясь с народом, жил с народом одной жизнью.

102. СЫН БЕДНЯКА И ЗАВОДЧИК

Жил когда-то бай. Был у него завод. Трудилось на этом заводе более трехсот, а может даже и около пятисот рабочих. Вокруг дома бая на тридцать верст простиралась его земля, более ста десятин. То были сплошь леса и сады. Бай держал там скот, разводил пчел. И здесь было много работающих на него.

Вот так и жил бай. И была у него дочь одна-единственная, недавно на свет появившаяся. Эту дочь бай показывал разным ворожеям, заставлял каждую гадалку, появившуюся в доме, раскинуть карты, чтобы узнать судьбу дочери. И все, как одна, подсказывали:

— Твоей дочери суждено выйти замуж за сына бедняка.

Бай недоумевал. Жена тоже.

— У нас такой завод, столько скота и земель! С какой стати мы будем дочь за бедняка отдавать!

А девочка тем временем росла. Исполнился ей годик. Тогда бай позвал к себе одну из гадалок и спросил:

— Не знаешь ли ты, где живет этот бедняк?

— Пойду разузнаю, — сказала гадалка. Через несколько дней она вернулась.

— Тот бедняк живет на краю одной деревушки в десяти верстах от твоего завода, — сообщила она.

Бай решил забрать ребенка себе. Гадалка отвела бая в деревню будущего зятя, показала дом и поспешила скрыться. Бай зашел в дом, огляделся. В доме — нищета. Пол — земляной, плохой. Семья — большая, с дюжину де-

тей, есть среди них и девочки. Бай поздоровался и попросил продать ему их младшего сына.

— Ребенка мы не продадим,— ответили хозяева.— Продать ребенка, значит потерять его. Он станет вашим. Как бы их много ни было, дети никогда не бывают лишними для своих родителей.

— Я буду учить его. Дам ему хорошее место. Ребенок так и останется вашим. Я заплачу вам. Даю вам за вашего ребенка полторы тысячи рублей.

А в те времена деньги ценились дорого. На том и сговорились. Дал бай беднякам денег и унес ребенка. Принес он его к себе, кое-как накормил и велел сколотить ящик. Рядом с его домом протекала река, такая же полноводная, как Агидель. Положил бай ребенка в готовый ящик и бросил в реку. Ящик поплыл. Плышет он, плывет. Увидели тот ящик хуторяне.

— Эй! Смотрите, плывет что-то белое,— закричали они.

— Сундук, сундук!

Сбежались все на берег. Хуторской управляющий добрался на лодке до ящика и вынес его на берег. Открыл ящик, глянули, а там — ребенок! Достал управляющий ребенка из ящика. А ребенок-то такой красивый, что не налюбуеться, и здоровый, и крепкий.

— Давай, возьмем его к себе,— предложил он жене.

— Давай,— согласилась жена.— У нас с тобой как раз нет сына, одни девочки.— Посоветовались они и взяли мальчика в свою семью. А ящик занесли в клеть и подвесили высоко под потолком.

Шло время. Мальчик рос. И вот исполнилось ему 20 лет. Превратился он в здорового, крепкого егета. Приемные родители обучили его, чему смогли. Когда егет вырос, в хуторе по своим делам оказался бай и по какой-то надобности зашел в клеть управляющего. Там он увидел ящик, подвешенный к потолку, и сразу же узнал его. Он позвал управляющего.

— Иди-ка сюда и скажи, где ты это взял?

— Забыл сказать тебе, хозяин. Совсем из головы вылетело. Вот уже двадцать два года, как этот ящик здесь. Я выловил его из реки. А в ящике-то был... ребенок! — засмеялся было управляющий, но баю было не до смеха.

— А где тот ребенок? — спросил он.

— Вон тот егет, который направляется сюда, и есть тот ребенок,— ответил управляющий.

Смотрит бай: идет к ним силач, настоящий богатырь.

«Эээ, вот, оказывается, как дела обернулись», — подумал он про себя, но ничего не сказал. Затем достал карандаш и бумагу, написал письмо и протянул егету.

— Мой дом знаешь? — спросил он.

— Знаю.

— А если знаешь, возьми это письмо и отнеси его моей жене.

В письме было написано: «Этого егета, как только он придет, прикажи убить. Я вернусь через три дня. К моему возвращению чтобы его не было!»

Егет взял письмо и отправился в путь. Один хороший человек слышал слова бая и пошел вслед за егетом. Догнал его и говорит:

— Стой, егет, куда идешь?

— некогда мне останавливаться. Хозяин велел поскорее до места добраться.

— Подожди, пойдем вместе. А что ты несешь? Ты, кажется, что-то несешь с собой?

— Хозяин дал мне письмо, его и несу.

— Ну, постой, говорят же тебе! Пойдем вместе. И мне он дал письмо. И я иду. Давай, посмотрим, что он написал. Вскроем письмо.

— Нет, нет, хозяин не велел.

Но попутчик егета вскрыл свое письмо, прочитал и вновь запечатал.

— Давай теперь твоё посмотрим, — сказал он.

Егет протянул письмо. Незнакомец взял его, посмотрел и написал: «Отдай нашу дочь этому егету в жены. Собери людей до моего возвращения, соверши никах и подготовь все к свадьбе». Затем со словами:

— Вот теперь порядок, дело сделано, — он отдал письмо егету, и они пошли дальше. Егет шагал очень быстро. Его попутчик, переписавший письмо, отставал все больше и больше. Наконец он сказал:

— Ты слишком торопишься, иди один, — и окончательно отстал от егета.

Егет пошел вперед. Добравшись до байского дома, он вручил письмо жене бая. Та распечатала его, прочитала, посетовала, да делать нечего, велено отдать дочь. Пригласила она четырех свидетелей, совершила никах, напоила гостей чаем и отдала дочь. Так егет взял байскую дочь в жены.

Прошел день, другой, третий. Вернулся бай. Жена выбежала ему навстречу.

— Ну, получила письмо? — спросил бай.

— Получила.

— Дело сделано?

— Сделано.

— Спасибо, умница! Все как я велел?

— Как ты велел.

— Ладно. А куда вы его дели?

— Как куда? Здесь он в доме вместе с дочкой.

— Вместе с дочкой?! Разве я так написал? Принеси скорее сюда мое письмо!

Взял он письмо и прочитал: «Отдай нашу дочь этому егету в жены. Собери людей до моего возвращения, соверши никах и подготовь все к свадьбе». Смотрит: подпись его, печать тоже его. Не знает бай, что делать. Затрясся, засуетился. И жене ничего не скажешь. Есть, пить не стал, побежал на завод.

— Сегодня, когда часы пробьют двенадцать, первого, кто бы ни пришел на завод, бросьте в заводскую печь. Ели я приду, и меня бросьте,— сказал бай рабочим.

— Что же это будет такое, если мы тебя в огонь бросим? — спрашивают те.

— Сказано вам, бросьте.

— Тогда распишись под своим приказанием.

Бай поставил свою подпись.

— А если мы ослушаемся тебя, ты нас самих в печь отправишь?

— Отправлю,— пригрозил бай и ушел.

Рабочие стали совещаться. «Здесь есть какая-то хитрость. Надо быть начеку»,— решили они.

Дома бай сказал жене:

— В двенадцать отправь зятя проверить завод.

Жена передала слова мужа. Зять начал собираться. Байская жена перевела стрелки часов назад. А другие часы шли правильно. На них уже половина первого. Бай вышел и побежал на завод, думая, что зять уже там. Прибежал и спрашивает:

— Ну, приходил кто-нибудь?

— Нет, никто не приходил. Ты сам первый явился,— ответили рабочие и схватили бая. Тот попытался вырваться, но его вновь поймали.

— Ты же сам так приказал, вот твоя подпись! — сказали рабочие и бросили бая в огонь.

Так наш егет, сын бедняка, стал хозяином завода. И по сей день он живет-поживает с женой, байской дочерью.

В давние-давние времена жили в одной деревеньке старик со старухой. Старик ходил на охоту, старуха пряла пряжу и ткала холсты. Так всю жизнь и прожили до глубокой старости. Была у них единственная дочь. Звали ее Хатира.

Когда мать с отцом состарились, пришла пора Хатире заботиться о родителях. Пошла она в соседнюю деревню и нанялась на работу к сапожнику. Там выполняла она все, что ни прикажут. Никакой работы не гнушалась. Однажды кончились дрова в доме. Старик-сапожник отправил Хатиру в лес за дровами. Хатира запрягла лошадь в телегу, взяла топор и поехала в лес. В лесу она распрягла лошадь и начала собирать дрова. За делом время пролетело быстро, день стал клониться к вечеру. Хатира погрузила дрова и засобиралась в обратный путь. Вдруг она услышала конский топот и голоса людей. Девушка быстро спряталась и стала наблюдать. Это оказались разбойники. Всего их было сорок два человека. Хатира крадучись пошла вслед за ними. Вскоре разбойники вышли к пещере. Шедший впереди разбойник громко крикнул:

— Сезам, откройся!

Большие камни, закрывавшие вход в пещеру, раздвинулись и разбойники один за другим вошли в пещеру. Последним шел главарь.

— Сезам, закройся! — крикнул он, и камни сдвинулись.

Хатира все видела, все запомнила, затем вернулась к своей лошади и поехала домой. Об увиденном и услышанном она никому ничего не сказала.

На следующий день она встала спозаранку и отправилась снова в лес. Но на этот раз она не стала собирать дрова, а пошла прямо к пещере. Подождала, пока разбойники выйдут из пещеры, и как только те ушли, она подошла совсем близко и крикнула:

— Сезам, откройся!

Камни раздвинулись, и Хатира вошла вовнутрь. Огляделась: вокруг груды золота и драгоценных камней. Нагрузила она полную телегу и поехала домой. Выйдя из пещеры, девушка крикнула:

— Сезам, закройся!

Камни тут же сдвинулись.

Старик-сапожник захотел узнать цену всему этому богатству и решил взвесить его. Он отправил Хатиру

к своему брату за весами. Жена брата, желая выяснить, что они будут взвешивать, намазала весы маслом. Когда старик кончил взвешивать сокровища, Хатира отнесла весы. Как только Хатира ушла, женщина осмотрела свои весы и увидела, что к ним прилип кусочек золота. Она рассказала об этом мужу.

На следующий день брат старика-сапожника пошел украдкой вслед за Хатирой. Он подождал, пока Хатира, погрузив драгоценности, отправилась домой. Когда девушка уехала, он произнес:

— Сезам, откройся!

Камни раздвинулись, и мужчина вошел в пещеру. Увидев несметные богатства, он совсем потерял рассудок и стал кидаться то в одну, то в другую сторону. Пока он так метался, стало вечереть. Захотел он выбраться из пещеры, да не знает как. Оказывается, позабыл слова, которые говорила Хатира. Пока он стоял в раздумье, вернулись разбойники. Увидев незваного гостя, они воскликнули:

— А! Вот, оказывается, кто ворует наши сокровища, — и пристукнули его. Затем вытащили из пещеры и бросили на берегу реки.

Беспокоясь за брата, старик-сапожник пошел искать его. Разыскал, принес в деревню и похоронил.

Хотя разбойники и убили вора, их богатство продолжало уменьшаться. Собрались разбойники, посоветовались и отправились по деревням. Главарь разбойников пришел в деревню, в которой жила Хатира. И первый дом, куда он вошел, оказался домом того старика-сапожника. Разбойник говорит старику:

— Эй, бабай! У самого глаза плохие, а сидишь сапоги шьешь!

На что старик ему отвечает:

— Да, глаза мои видят плохо, но своего убитого брата я разыскал и похоронить сумел.

Разбойник насторожился, но виду не подал. Перекусил у стариков и отправился к своим товарищам. На воротах он сделал метку краской. Хатира увидела это и как только стемнело, пометила краской все деревенские ворота.

На следующее утро разбойники пожаловали в деревню. Стали они искать дом старика, измучились, но так и не смогли найти: на всех воротах — одинаковые метки. Прошло несколько дней. Главарь разбойников раздобыл где-то бочки, посадил в них своих товарищей, закрыл бочки крышками, погрузил их на телеги и, притво-

рившись торговцем, попросился на ночлег к старику-сапожнику.

— Я еду на базар продавать масло, — сказал он.

Вечером, перед тем как сесть за стол, главарь вышел на улицу и сказал своим товарищам:

— Когда я начну петь, заходите по одному и вяжите их по рукам и ногам.

Хатира все слышала. Оказывается, только в пяти бочках — масло, а в остальных бочках — разбойники. Когда главарь ушел в дом, Хатира растопила бочку масла и облила кипящим маслом все бочки. Так Хатира расправилась с сорока одним разбойником. И когда главарь, сказав:

— Пойду, проверю свои бочки, — вышел во двор, все его товарищи уже отдали богу душу, сварившись в кипящем масле.

Разбойник испугался и сбежал.

Прошло время. Как-то разбойник, одевшись по-другому, снова пришел к старику-сапожнику. Старик ни о чем не догадался, а Хатира узнала его с первого взгляда и решила убить во что бы то ни стало. Пригласила она его за стол, а сама подсыпала снотворного в суп. Разбойник вскоре крепко уснул. Хатира вытащила нож из-за пояса и заколола разбойника. Так Хатира отправила на тот свет сорок два разбойника. После этого они успокоились и перевезли к себе все сокровища из пещеры. Хатира забрала к себе отца с матерью. Старик-сапожник, восхищенный храбростью Хатиры, сосватал ее в жены своему сыну. Приготовили они богатое угощение, справили свадьбу и стали жить дружно и счастливо.

Вот какие храбрые девушки жили в старину.

104. РАЗБОЙНИКИ-БЕСЫ

В одном месте, в темном лесу, жили старик со старухой. Были у них сын и дочка. Недолго прожили отец и мать, умерли. Остались парнишка с сестрой вдвоем.

Парнишка, наделав стрел с острыми наконечниками, охотился на зайцев. Так и вырос, вступил в возраст егета.

А неподалеку от них жили в землянке разбойники. При дневном свете разбойники эти таились в своей земляной норе, поэтому люди прозвали их бесами. Самый младший из разбойников повадился ходить, нарядившись девушкой, к сестре егета, когда тот охотился.

— Давай, — говорит, — будем дружить! — И каждый

день, поев и напившись чаю, приглашает: — Приходи, подружка, к нам в гости!

Ну, девушка и послушалась, пошла однажды в гости. Приходит, а в землянке никого нет. Дверь была открыта настежь. Вошла девушка внутрь и чует — чем-то вкусно пахнет. Заглянула в печь, а там в чугуне человечесьё мясо варится. Обомлела девушка. Пока стояла, приходя в себя, слышался чей-то крик. Глянула в оконце и видит: пять разбойников тащат кого-то, тот вопит. Заметалась девушка, не зная, как быть, с испугу полезла под нары, а там — полно человечесьих голов. Но что поделаешь, залезла подальше, спряталась за этими головами.

А разбойники-бесы, затащив того человека в землянку, пырнули его ножами в пяти местах и принялись пить его кровь. Напившись, легли спать. Когда они крепко уснули, девушка тихонечко выбралась из-под нар и сбежала. Прибежала, охваченная ужасом, домой. Брат к этому времени тоже вернулся с охоты. Рассказала ему обо всем, что увидела.

— Я по их следам учуял, что дело неладно, и в ту сторону не ходил, зачем ты пошла? — говорит брат. — Раз такое дело, они скоро сюда придут, не может быть, чтоб не пришли.

Сказав так, взял егет саблю и спрятался за печкой. Немного погодя и впрямь заявился тот молодой разбойник в девичьей одежде и заладил:

— Почему ты, подружка, к нам не идешь? Почему не идешь?

— Я бы пошла, — отвечает девушка, — да приснился мне страшный сон. Будто пришла я к вам, а вы впятером притащили вопящего человека, пырнули его ножами в пяти местах и, напившись его крови, уснули. А еще приснилось мне, будто у вас под нарами полно человечесьих голов.

— Побывала! Ты побывала у нас! — закричал разбойник и собрался было накинуться на девушку, но тут выскочил из-за печки ее брат, снес ему голову, скинул труп в подпол и закрыл лаз — как будто ничего и не было.

Немного погодя подошел к дому второй разбойник с черной собакой, кричит:

— Тут нет моего товарища?

— Нет, нет! Никто не приходил! — отвечает девушка. Тем временем собака принялась царапать дверь.

— Тут он! Врешь ты! — закричал разбойник и вошел в дом.

Собака заскулила, царапая пол. Разбойник нахло-

нился, чтобы заглянуть в подпол, тут из-за печки выскочил егет и снес ему голову. Собака, визжа, кинулась из дому и вскоре привела еще одного разбойника. Так одного за другим привела она и остальных, а егет, отсекая головы, одного за другим отправлял их в подпол. Порешил всех пятерых, и потекла жизнь брата с сестрой спокойно.

105. ДЕВУШКА И СОРОК РАЗБОЙНИКОВ

В давние-предавние времена жили, говорят, старик со старухой, была у них дочь. Выросла, девушкой стала.

Однажды родители уехали в гости. А она, чтобы не ночевать одной, позвала к себе подружек. Вот сидят девушки, шерсть прядут при свете лучин (ведь ламп тогда не было).

Прядут, стало быть, прядут. Вдруг веретено хозяйки выскользнуло из рук, покатилося и в щель провалилось.

— Ой, подружки, — вскрикнула она, — пряжа в погреб упала! Полезть туда?

— Придется достать.

Открыла лаз, спустилась под пол, глядь — там мужчина сидит, веретено держит. Девушка молча взяла веретено, вылезла наверх и закрыла лаз. Сильно испугалась, но подружкам — вида не подает.

— Ладно, — говорит, — хватит прять, давайте спать.

— А почему бы не посидеть еще? Попрядем еще, попрядем! — говорят подружки.

— Нет, оставьте! Лучины кончились.

Тогда легли девушки рядком на нары и уснули. Только хозяйка не спит. Лежит, думает про того мужчину. «Наверное, вылезет, не может быть, чтоб не вылез». И вот тот поднял крышку лаза, вылез. Это был один из шайки сорока разбойников. Решил, видно, сообщить товарищам, что девушки спят. А хозяйка — бегом к двери, накинула крючок. Что теперь будет? Разбойник-то, наверное, вернется.

Точно, вернулся. Дернул дверь — заперта. Тогда подошел к окну, вынул стекло. Через окно хочет влезть. Но только сунулся в окно — девушка топором отсекла ему голову. Теперь туловище лежит во дворе, голова — на полу. Подруги спят, а эта девушка не знает, как быть. Недалеко жил ее дядя. Выкинула она отрубленную голову через окно, заперла дверь снаружи, побежала к дяде. «Расскажу, — думает, — ему, вместе что-нибудь предпримем». Прибежала, постучала в окно. Вышел дядя.

— Помоги, — говорит девушка, — я человека убила.

— Ай, аллах, ай, аллах! Что ты наделала, что ты наделала!

Запрягли они лошадь, отвезти труп к озеру и, привязав камень к ногам, утопили. Тем временем начало светать. Пока подруги не поднялись, девушка быстренько пол подтерла. Никаких следов не осталось.

Проснулись подруги, заторопились:

— Домой, домой!

Потом, приглядевшись к ней, стали допытываться:

— Атак*! Что с тобой? Почему такая бледная? Испугалась чего-то?

А она отвечает:

— Нет-нет, ничего я не испугалась, просто не выспалась, поэтому такая.

Ушли подружки. Сидит теперь девушка одна, переживает: «Что делать? Что делать? Ведь еще кто-нибудь из них может придти. Придет, придет, непременно придет! Да что же это за напасть такая!»

На другой день вернулись мать с отцом. Мать руками всплеснула:

— Ай, доченька, никак захворала? Или испугалась чего-то? И лица на тебе нет, похудела!

— Нет, эсэй*, не испугалась.

Через некоторое время пришел к ним богато одетый человек. «Зачем пришел? — обеспокоилась девушка. — Не зря, наверное, ой не зря!» А человек этот сватать ее пришел. Девушка на выданье была. Но не много лет ей было, может, шестнадцать, но по тем временам — невеста.

— Значит, — говорит сват, — пришел я просить вашу дочь. Свадьбу устроим так-то и так-то, я привезу вам то-то и то-то.

А мать говорит:

— Не знаю, не знаю. Дочь-то у нас одна. Не хотим отдавать ее в такую даль, отдадим в своем ауле. Одна ведь!

— Да какая же это даль! Не чужая земля! — отвечает сват.

Прямо-таки с ножом к горлу пристал. В конце концов сговорились. Пообещал сват привезти какие-то шубы-басау*, дорогие халаты, еляны, кашмау*, богато нарядить невесту и отца ее с матерью разодеть с головы до ног. Мелькнуло у девушки подозрение, но промолчала она. Дала согласие.

— В такой-то день приедем с женихом, устроим хорошую свадьбу. Расходы все возьмем на себя, — сказал сват и ушел.

Дня через три приехал жених. Привезли все обещанное. У бедных стариков от такого богатства голова кругом пошла. Невеста думала: «Ай-хай*, мой жених, похоже, — один из тех...» — но по-прежнему держала свои мысли при себе.

После свадьбы молодой зять говорит старикам:

— Дочку вашу заберу к себе.

Заплакала мать.

— Оставь, — говорит, — ее пока у нас, потом заберишь. Так-то, вдруг, тяжело расставаться, одна ведь она у нас.

Но что поделаешь, приходится расстаться с дочерью. Переночевал зять у них три ночи и увез молодушку.

Привез в дремучий лес. Молодушка плачет. «Ах, — думает, — пропала я, угодила в руки разбойников». Слышала ведь, что в лесу живут разбойники.

Едут они и идут. День прошел, ночь настала. Ночь прошла, утро наступило. И вот прибыли в то место, где жили сорок разбойников. У каждого из них была в подземелье своя комната. Спустилась молодушка с мужем в подземелье. Прошли они в самую дальнюю комнату и легли там спать. Дело было днем. Так уж заведено у разбойников: днем спят.

Вечером, когда стемнело, все разбойники ушли на промысел. Осталась молодушка одна и решила осмотреть все комнаты. Открывает дверь за дверью — и чего там только нет! Тут тебе и мясо, и казы*, и масло, и одежда. Заглянула в сороковую комнату — там сидит немощная старушка.

— Ай, детка, как ты сюда попала? — спрашивает она.

— Ох, бабушка, по ошибке попала, — отвечает молодушка, заплакав.

Старушка тоже заплакала:

— Я ведь, как ты, была молоденькая. Угодила к этим разбойникам, не смогла убежать. Совсем извелась и состарилась. Теперь подняться на ноги сил нет. Сижу здесь. Что мне кинут, то съем. Жизни тут не вижу, смерти жду. И зачем только, детка, ты пришла сюда?

— Вот не убереглась, — отвечает молодушка. — Мать с отцом обманулись, на красивую одежду, на деньги, на богатство позарились, отдали меня невесть за кого.

— Беги, деточка, отсюда, пока совсем не пропала. Беги, милая, беги! — советует старушка. — Они всегда в сумерки уходят, к рассвету возвращаются, днем спят. Входы-выходы тут не запираются, толкни дверь и беги. В пути, когда ночь наступит, схоронись где-нибудь. За три

дня выберешься из лесу. Возьми немного золота. Коротка*, замесив на меду, возьми, — когда проголодаешься, съешь. Беги, детка, беги.

Молодушка опять осмотрела остальные комнаты. Откроет дверь — подивится, откроет другую — и опять подивится. Тем временем стало светать. Разбойники вот-вот вернутся.

Решила молодушка убежать. Когда наступил вечер и разбойники опять ушли, взяла молодушка немного золота, немного короту, замешанного на меду, и выбралась из подземелья. Бежит она и бежит. Куда не знает, — кругом дремучий лес. Бежит и думает: «Где бы мне схорониться, где бы мне схорониться?» И увидела она перед собой волчью нору. Подумала: «Будь что будет, поручу себя всевышнему». Влезла в нору. Там кучу земли сгребла, закрыла вход.

И вот поднялся шум-гам, разбойники кинулись искать беглянку. Рыщут по лесу, кричат:

— Найдем, уьем, душу вытрясем!

Вот уже прямо над ней топчатыся. «Ой, смерть моя пришла, — думает беглянка. — Спаси меня, аллах!» А наверху — все топ да топ. Долго шумели разбойники. Потом все стихло. Тогда вылезла она из норы. Побежала дальше.

Бежит и бежит. Встретится родничок — попьет из него, а о еде и не вспоминает, не до еды. Солнце опускается все ниже и ниже. «Ах, — думает молодушка, — скоро ночь, где же мне схорониться?» Огляделась и видит: лежит дерево, изнутри все трухлявое, толщиной — с пчелиную колоду. «Ага, — решила беглянка, — сюда можно влезть». Влезла ногами вперед, к изголовью накидала гнилушек, закрылась.

Разбойники опять принялись искать ее. На этот раз устроили пальбу. Трах-бах. Стреляют напропалую, куда бы там ни попало. Лежит молодушка, со страху трясется, думает: «Ой, как бы в меня не угодили!» А один разбойник кричит:

— Эй, нет ли ее тут? Не укрылась ли в этом дереве?

— Зачем ей тут лежать? — отвечает другой.

Покрутились, покрутились и уехали. Пальба прекратилась, голоса умолкли. Раздвинула беглянка гнилушки, вылезла и опять побежала. Бежит и бежит. Встретится родничок — попьет из него и бежит дальше. Снова день к вечеру склонился. Тут выбежала молодушка на поляну, обрадовалась.

— О, аллах, — говорит, — неужто до родных мест добралась?

Смотрит — на поляне какой-то бабай сено в рыдван кидает. Молодушка — скорей к нему.

— Эй,— говорит, бабай, видно, ты на мое счастье сюда приехал. Спрячь меня в своем рыдване, прикрой копной сена. Так и так,— говорит,— попала я к разбойникам, от них бегу. Я тебе, бабай, золота дам. Только спрячь меня, бабай!

А тот отвечает:

— Нет, дитя мое. Они и тебя найдут, и меня убьют.

— Спрячь! — умоляет молодушка.— Будь что будет.

— Пожалуй, другого выхода нет,— согласился все-таки бабай. Легла молодушка на дно рыдвана, бабай сверху сено погрузил.

— Не помру,— говорит молодушка,— клади, бабай, на меня копну сена побольше.

Утоптал бабай воз, арканом обвязал. Вскоре разбойники появились. Спрашивают:

— Бабай, ты не видел девушку? Тут не пробегала?

— Нет, не видел.

— Врешь, бабай! Небось, в рыдване ее спрятал. Ну-ка, выгружай сено! — скомандовал один разбойник.

— Оставь его в покое,— говорит другой.— Разве под такой копной женщина выдержит?

А бабай кряхтит:

— Плохо я вижу, до девушек ли мне. Несете пустое! Я и дороги разглядеть не могу. Ради аллаха, направьте мою лошадь на дорогу.

Один из разбойников пожалел старика. Взял лошадь под уздцы, вывел на дорогу. Поехал бабай. Прибыв в аул, выгрузил сено. Вылезла молодушка из рыдвана, развязала свой узелок, дала бабаю золото.

— Спасибо,— говорит,— спас ты меня, бабай, век не забуду!

До родного аула было ей недалеко. Побежала со всех ног домой. Прибежала, постучала в окошко. Открыла дверь мать, обняла дочку.

— Ай,— говорит,— доченька, ай, доченька, откуда ты взялась?

— Так и так,— отвечает дочь,— не зря, оказывается, ходят слухи о разбойниках. Угодила я к сорока разбойникам, чуть не пропала моя головушка. Там одна немощная старушка сидит, совсем никудышная. Она научила меня, и я три дня домой бежала.

Ну, рассказала обо всем, что пережила. Родители до того обрадовались ее спасению, что подношение мулле сделали.

Теперь молодушка говорит отцу с матерью:

— Дня через три, наверно, опять заявится тот богатый сват. Он — их атаман. Вы ни одному его слову не верьте, отвечайте на все: «Ладно, ладно». Остальное — мое дело.

Старикам страшновато стало. Но куда деться, ждут, что будет. Прошло дня три-четыре, и вот пришел к ним атаман разбойников, самый нарядный из них.

— Я, — говорит атаман старикам, — приехал за вами. Дочери вашей повезло, попала в хорошее место. Надо и там свадьбу отпраздновать.

А старики говорят:

— Ладно, ладно, сват! Только сразу поехать мы не можем, ведь у нас хозяйство. Как с места сорвешься! Пусть зятек с дочкой прежде сами приедут, мы найдем кого-нибудь присмотреть за домом и отправимся с ними.

— Хорошо, — говорит атаман, — вы подыщите пока кого-нибудь присмотреть за хозяйством.

Старики тары-бары развели, угощение выставили — сват ведь все-таки. А дочь взяла острый топор и притаилась за дверью. Что тут скажешь, довели бедняжку до крайности. Только атаман, поднявшись, шагнул за дверь — молодушка взмахнула топором и снесла ему голову.

— Ах, аллах, пропали мы! — закричала мать и упала без памяти.

— Ой, дочка, что нам теперь делать, как теперь быть? — растерялся отец.

Прибрали труп, и молодушка побежала к дяде.

— Айда-ка, — говорит, — дядюшка, к нам, я вернулась и еще одного разбойника зарубила.

Дядя и она отвезли того атамана к озеру и, привязав к ногам камень, бросили в воду. Потом молодушка прибралась в доме, все вымыла-вычистила, никаких следов не осталось.

После этого к дому стариков разбойники близко уже не подходили.

106. ЛЕГКО ПРИОБРЕТЕННОЕ

В давние времена жили, говорят, старик со старухой. Очень бедно, впроголодь жили. Детей у них не было.

Однажды, когда старуха пошла за водой, старик тоже собрался и вышел на улицу в надежде найти что-нибудь для пропитания.

Шел он, шел и дошел до горы. Постоял, глядя на

гору, и полез вверх. Может, думает, там что-нибудь полезное найдется. Лезет и приговаривает:

— Найдись, найдись, найдись, найдись...

Немного погодя видит — дубинка лежит. Подобрал, на что-нибудь, думает, пригодится.

Лезет дальше, приговаривает:

— Найдись, найдись, найдись, найдись...

Спустя какое-то время нашел шило. Оглядел, решил: пригодится. Полез дальше, опять приговаривает:

— Найдись, найдись, найдись, найдись...

И опять находка, на этот раз — яичко.

— Вот, — обрадовался старик, — нашлось, что мы со старухой можем съесть.

Подобрал, значит, яичко и полез дальше. На макушке горы попался ему на глаза кусок льда. Прихватил и лед, пошел домой.

Вернулся домой, а старуха еще не пришла. Старик принялся находки свои пристраивать. Кусок льда на крыльце оставил, авось, понадобится. Дубинку к матице подвесил, шило на нары положил, яичко поставил вариться. Покрутился по избе и в нетерпении решил на яичко глянуть. Глянул, а яичко как раз в это время лопнуло, и в глаз старика горячим брызнуло. Подумав горестно: «Коль бедняку на язык мед попадет, так из носу кровь течет», — сел старик на нары да угодил на шило. Подскочил, вскрикнув от боли, и — трах головой о дубинку, подвешенную к матице. Света белого не взвидев, выбежал на крыльцо, наступил невзначай на кусок льда, поскользнулся, упал и поясницу повредил.

Тем временем старуха с водой вернулась. Подняла старика, дала попить, уложила на нары. Тут же и яичко, и дубинку, и шило, и кусок льда во двор выкинула. И принялась наставлять постанывающего старика. «Что, — говорит, — человеку без труда достается, то боком ему выходит, лишь добро, добытое в поте лица, идет на пользу».

С этого дня, говорят, старик, коль отправлялся на ту гору, ничего, кроме птицы, добытой охотой, там не брал.

107. СЕКРЕТ СЧАСТЬЯ

Давным-давно, а то и давнее даже, когда под носом кое у кого было черным-черно от сажи, жили, говорят, в одном ауле сын бая, сын муллы и сын бедняка. Играли они вместе, вместе росли. Но вот бай с муллой отправили своих сыновей учиться в медресе. «Чем я хуже, я тоже

хочу учиться!» — пристал к отцу сын бедняка, и так ли, сляк ли удалось отдать его в то же медресе. Только пришлось бедняцкому сыну самому себя содержать. Нанялся богатеньким шакирдам чай кипятить, дрова колоть — тем и зарабатывал себе на пропитание и одежку. Все трое вместе и окончили медресе.

К их возвращению домой аульный мулла преставился, и сын занял его место. Сыну бая тоже досталось наследство, занялся он оставшимся от отца хозяйством. А сыну бедняка в своем ауле дела не нашлось, поэтому устроился он на чужой стороне хальфой* при мечети. Женившись на дочери такого же, как он сам, бедняка, поселился в избенке без крыши.

Раз появилась семья, родились и дети. Чтобы прокормить их, подрабатывал хальфа и на зауспокойных молитвах, но бедняцких подношений для пропитания оказалось маловато. Тогда занялся он еще охотой. До того увлекся ею, что стал опаздывать в мечеть и рассорился из-за этого с хазретом. «Вот и хорошо, так и так не по душе мне брать бедняцкие подношения», — сказал он и совсем отказался от места хальфы.

Нажиться на охоте бедняк не нажился, но концы с концами сводил и был доволен.

А сын бая и сын муллы, встретившись однажды, разговорились, вспомнили пору учебы в медресе, и сын муллы, ставший муллой, говорит:

— К слову, где, интересно, обретается этот байгуш*, наш однокашник?

— Ушел и пропал — ни слуху нет, ни духу, — отвечает сын бая, сам теперь бай.

И пришло им в голову отыскать своего бедного однокашника. Велели они заложить мягкие коляски и отправились в путь. Ехали, расспрашивая встречных, ехали и приехали в аул, где жил хальфа-охотник. Тут, расспросив, и избенку его нашли. Заходят, а в избенке — хоть шаром покати, кроме затрепанной одежки да постели ничего нет. У чувала бедно одетая женщина хлопчет, лепешки в золе печет, возле нее двое детей лет трех-четырех крутятся.

— Тут живет такой-то? — спрашивают бай с муллой.

— Тут.

— А где он сам?

— На охоту ушел.

— Мы — его однокашники, такой-то бай и такой-то мулла из такого-то аула. Передай — навестить заехали, — сказали бай с муллой и дали женщине из жалости сто рублей.

— Садитесь, чайку попьете. Сейчас лепешки испекутся,— засуетилась женщина, но те, отказавшись, уехали домой.

«Непривычна я к деньгам-то, как бы не потерять»,— подумала женщина и, завернув сто рублей в тряпицу, сунула сверточек, чтобы понадежней спрятать, в холодный очаг, в золу. Потом, пока, усадив детишек, пила чай с лепешками, про деньги забыла. Тут откуда ни возьмись пришел сборщик золы. Она быстренько золу из очага выгребла да и отдала.

Вечером вернулся домой охотник. Жена ему:

— К нам твои однокашники заглянули, жаль, тебя дома не было. Привет велели передать. Кстати, денег сто рублей оставили.

— Ну-ка, где они? Дай взглянуть,— говорит муж.

Сунулась жена к очагу, да вспомнив про сборщика золы, так и села.

— Уй,— говорит,— память моя дырявая! Я золу отдала, а вместе с ней, оказывается, отдала и сто рублей!

— Ладно, значит, не суждены они были нам! С байских денег не разбогатеешь,— утешил жену охотник.

И вот живут они по-прежнему в заботах да хлопотах. Муж на охоту ходит, а жена добытые им шкурки обменивает когда на хлеб, когда на одежду.

Спустя какое-то время бай с муллой опять наведались, и опять охотника не застали. Видя, что житье-бытье у него вперед нисколько не продвинулось, бай с муллой снова из жалости оставили сто рублей.

Пришел охотник вечером домой и, узнав, что однокашники оставили еще сто рублей, говорит:

— Давай-ка их мне. У тебя есть привычка терять, я сам буду их хранить. Коли суждено, употребим по какой-нибудь нужде.

И зашил сверточек с деньгами в свою шапку.

Как-то потом на охоте, погнавшись за подраненным оленем, сильно он разогрелся и сбросил шапку с шубой в приметном месте. Догнав оленя, добив и освежевав, возвращается назад — шуба лежит, а шапки нет. Уж искал, искал, кружил, кружил, да так и не нашел. Говорит жене, придя домой:

— Видать, не суждены были нам и эти деньги. Не ко двору нам байское.

— И верно! Что не добыто своим трудом, то не в радость,— ответила жена, не очень-то расстроившись.

Опять потекла жизнь по-прежнему. Жили они так, жили, и неожиданно им тоже выпал срок разбогатеть.

Пошла однажды жена охотника на речку постирать

и младшую дочь с собой взяла. Мать стирает, а девчонка, собрав красивые камешки, играет ими. Когда мать постирала, девчонка камешки в подоле домой принесла и принялась играть ими на нарах. Пришел с охоты отец, а дочка какой-то блестящий камешек все подкидывает и подкидывает. Протянул отец руку:

— Дай-ка, дочка, я на твой красивый камешек взгляну. Взглянул, а это — золото.

— Ты где его нашла?

— Там, где мама стирала.

— Это очень нужный мне камешек, — говорит охотник. — Ты, детка, пока другими поиграй, про красивый камешек никому не говори, а то у тебя все отнимут.

Положив самородок в кошелек, велел жене прибрать его, а потом нащепал лучин и отправился к ночи на речку. Уходя, наказал жене:

— Спросит кто — скажи: рыбу лучить ушел.

Засветив лучину, прошелся охотник вдоль берега там, где жена стирала. Как блеснет при свете лучины камешек, так подберет и — в карман. Прошелся другой раз, вороша гальку. Так до утра ходил и мешочек золота в поте лица набрал. На заре, когда народ начал просыпаться, приплелся домой и свалился от усталости. Три дня и три ночи не вставал — впервые в жизни, говорят, так досыта поспал. Выспавшись, вскочил, бодрый, как юноша, и говорит:

— Ну, жена, вот и нам счастье привалило!

С этого дня начал он покупать все, что нужно, а к нужному порой и ненужное прикупал. Дом ему новый поставили, просторные клетки срубили. Всего в клетях стало вдоволь: тут тебе и полные закрома хлеба, и полные бочонки масла да меда, и целые туши мяса на вешалах. А в сараях коровы помыкивают, овцы блеют, козы мекуют, жеребята визгливо ржут.

Весть о том, что бедняк вдруг разбогател, дошла до его былых однокашников. Прикатили они в мягких своих колясках и говорят чуть не в один голос:

— Мы к тебе не раз, а дважды наведались, да не застали дома. И дважды, пожалев тебя, оставили по сто рублей. Как ты сумел так разбогатеть? Ведь и нас обошел! В чем секрет твоего счастья?

— Спасибо, что наведались! И за деньги спасибо! Натe, сегодня я возвращаю долг, — сказал охотник, вытащив из кошелька хрустящие сотенные. — От дармовых денег толку нет. Ни твои, бай, деньги, ни твои, мулла, пользы мне не принесли, пропали зря. А добыл сам в поте лица — и разбогател. Пока не потрудишься, не оболь-

ешься соленым потом, счастье, оказывается, не приходит. Это и есть секрет счастья.

108. ЧЕЛОВЕК И ЕГО ДЕЛО

В давние времена жил один каменобоец. Жизнь у бедняги была очень тяжелая. С темна до темна работал он в каменоломне, сильно уставал и, обессилев, жаловался богу:

— Тенгри* мой, и зачем только породил ты меня человеком? Сколько камня я перекрушил, а до сих пор не разбогател!

Однажды после работы лежал он, жалуясь так на свою судьбу, а мимо проходил Тенгри. Услышав жалобу человека, приостановился бог и, чтоб не забыть, занес ее в свою записную книжку. А потом, поднявшись в небеса, взглянул вниз и сказал:

— С этого дня, человек, ты — богачей из богачей. Одеваться будешь только в шелка, есть — мед да масло, казы да белый хлеб.

И тут же каменобоец превратился в богатейшего бая. Лежит на боку на пуховой подушке, кряхтит и сам про себя думает: «Ай-бай, ну и разбогател, ну и дела!..»

Про кайлу, лопату и молот теперь и не вспоминает. Не устает, пота не проливает. Не ломает голову над тем, как еды добыть, во что одеться-обуться...

Лежит, значит, он на боку и видит: по улице во главе своего войска едет царь в белом шатре, весь золотом-серебром и драгоценными камнями убранном.

— Что толку, разбогатев, лежать на боку! Вот стать бы царем! — проговорил бай. И только сказал он так — Тенгри, услышав о его желании, тут же распорядился:

— Возвести бая на царство!

Собрался было бай-каменобоец подняться с места, чтоб прихорошиться, но и глазом не успел моргнуть, как очутился на троне. Рядом — охранники с секирами и везиры его стоят, а майдан полон войска. Все смотрят на него, ждут повелений.

Огляделся каменобоец, ставший царем, — все вокруг ладно, все бы ничего, да над головой солнце рассиялось, припекает — спасу нет. Взопрел наш царь и говорит сам себе:

— Что толку царствовать, раз весь мир не обогреешь! Вот солнцем бы стать!

Только проговорил он это — слышит голос Тенгри:

— Исполняю, человек, твое желание! Будь солнцем, сияй, обогревай весь мир, сколько твоей душе угодно.

И вот взошел каменобоец ясным солнцем и ну сиять — старается весь мир обогреть. Только вдруг земля скрылась из виду, не видать земли — заслонила ее черная туча.

— Раз так, лучше стать тучей. Преврати меня, Тенгри, в тучу! — говорит каменобоец.

В ответ — новое распоряжение Тенгри:

— Пусть этот неугомонный человек станет тучей!

Превратился каменобоец в черную тучу, обволок землю и давай поливать ее дождем без всякой меры. Вздулись реки, вышли из берегов, и все, что набухает, то набухло, что тонет, то утонуло, что может плавать, то поплыло в поисках спасения. Возгордился было каменобоец своим могуществом, но глядь — стоит скалистая гора, и не набухла, и не утонула. Надвинулась туча на нее, дождь полился как из ведра, а горе хоть бы что, стоит, выпятив грудь, и не шелохнется. Взялась туча за нее, засучив рукава, поливает изо всех сил — никакого толку. Гора как стояла, так и стоит, поддаваться и не думает.

— Нет, так не годится, лучше стать скалистой горой! — закричал каменобоец.

Тенгри, услышав это, тут же распорядился:

— Что ж, стань, человек, скалистой горой!

Превратился каменобоец в скалистую гору. Стоит, выпятив грудь, ни дождь его не берет, ни холод, ни зной.

Но пришел однажды кто-то и — тук да тук — принялся долбить гору. День и ночь долбит, камень добывает.

— Ну ее, такую жизнь, преврати меня, Тенгри, опять в каменобойца, — попросил каменобоец.

И снова тут же превратился в каменобойца. А коли стал он каменобойцем, стоять да глядеть по сторонам некогда — принялся камень добывать. И выворотил в конце концов из горы столько камня, что получилась почти новая гора. Глянул она на дело своих рук в удивлении и сказал:

Работа — вот начало всех начал,
Трудиться должен всяк — и стар и мал.
Не пропадет работник никогда,
А многого ль добьешься без труда?
Усердному работнику — хвала!
Отрадны для страны его дела.
Трудись до пота, не теряй ни дня!
Жизнь без труда — что угли без огня.

109. ЛЕНИВЫЙ СЫН

В давние-предавние времена у одной женщины был, говорят, ленивый сын. До того ленивый, что даже до положенного перед ним куска хлеба дотянуться было ему лень. Измаялась, исстрадалась с ним мать. И однажды сделала так: сварив каши, выложила ее в две миски — в одну поменьше, в другую побольше. Миску, в которой каши было поменьше, поставила у порога, а другую вынесла во двор.

Вот сын кричит:

— Есть хочу!

— У порога стоит миска с кашей, возьми сам, поешь,— отвечает мать.

Три раза повторила она это. Как ни лень, пришлось сыну самому добраться до миски. Съел он кашу. И очень вкусной она ему показалась.

— Еще каши! — говорит.

— Во дворе стоит, выйди туда,— отвечает мать.

Вышел лодырь во двор, умял кашу да там же и уснул. Мать изнутри заперла дверь на крючок.

Ночью сын проснулся от холода, сунулся к двери, а дверь заперта.

— Мама, открой дверь! — кричит сын.

А мать:

— Пока не научишься трудиться, не открою. Иди учись. Не научишься, так и домой не возвращайся.

Сын, не найдя где пристроиться спать, постучался к соседям. А те говорят:

— У нас для лодырей места нет.

Тогда отправился сын странствовать. Много земли он исходил, много поту пролил, зарабатывал себе на пропитание, многим ремеслам обучился. И вот, спустя немало времени, вернулся к родному порогу.

— Мама,— кричит,— открой дверь! Много земли я исходил, много поту пролил, многим ремеслам обучился и принес тебе много подарков.

Мать обрадованно распахнула дверь. И с этого дня мать с сыном зажили припеваючи.

110. ЛЕНИВАЯ АУСАФ

Жила, говорят, в прежние времена одна старая женщина, звали ее Аклимой. Кроме внучки Аусаф никого у нее не было. Жили они вдвоем, поживали, и бабушка

Акклима совсем состарилась. Ни работать, ни ходить уже не могла.

С наступлением весны старушка задумалась: «Что мы есть-пить будем? Другие вон хлеб сеют. Надо бы и нам что-нибудь посеять». Сказала об этом внучке, а та:

— Не стоит, бабушка! Ты до осени то ли доживешь, то ли нет. А меня какой-нибудь добрый человек возьмет на воспитание. Зачем зря стараться?

Так ничего и не сделала, всю весну жвачку жевала да щавелем пробавлялась.

Но вот и осень подошла. Аульный народ, и стар и млад, засучив рукава, поработал в поле. Полные закрома зерна в амбарах припас. Бабушка Акклима между тем, хоть и ослабла, умирать не собиралась, а взять Аусаф на воспитание охотника не нашлось.

Как-то вечерком заглянула проведать их соседка. Узнав, что у них есть нечего, сказала:

— Зашли бы ко мне, проса немного взяли...

Бабушка Акклима говорит внучке:

— Сходи, внученька, к соседке, принеси проса.

А внучка отвечает:

— Стоит ли, бабушка? У нее просо, наверно, плохое.

Так ли сяк ли бабушка Акклима и Аусаф перемогли зиму. И допек, видать, внучку голод — вышла она весной работать в поле. Тут соседи говорят ей, смеясь:

Зачем зря стараться? Бабушка твоя уже старенькая, а тебя, может быть, кто-нибудь возьмет на воспитание...

Покраснела Аусаф, но ничего в ответ не сказала. Только повторила в уме пословицу: «Даже переселяясь в другое место, оставь свое поле засеянным».

111. ЗОЛОТАЯ КАПЛЯ

Жил в давние времена человек по имени Янсары. Имел он много овец, коров и лошадей. Паслись его стада на семи пастбищах, зимовали на пяти зимовках. Трудолюбивый и старательный был Янсары. День ли, ночь ли — все работал и работал. Потому и жил в достатке. Когда умер Янсары, остался у него хвастливый и глупый сын Ялбыр. Он много ел, много спал, о работе не думал. После смерти отца безрассудный сын начал проматывать его состояние. Каждый день гостей приглашает, кураистов зовет, певцов и танцовщиков нанимает. Окружили Ялбыра беспутные друзья, любящие веселье да праздность. Они до хрипоты хвалили Ялбыра, превозносили его богатство

и щедрость. А он только гордится да важничает. За одно льстивое слово — лошадь в подарок, за песню, сложенную в его честь — две лошади.

Старики говорили:

— Ялбыр кустым*, не разбрасывай добро, разоришься.

— Ну и что же? — беспечно отвечал Ялбыр.

— Не останется у тебя ни скотины, ни денег. А добывать все это ой как трудно!

Упрямец никому не верил:

— Хей, разве убудет в стадах скотины? Кобылица каждый год жеребенка приносит. Всегда весной корова телится. А вместо одного барана к осени два подрастают.

Махнули рукой старики и перестали увещевать его. И Ялбыр продолжал вести прежнюю жизнь.

Немного прошло времени, разорился глупый Ялбыр. Не осталось у него ни нажитого отцом добра, ни скотины. И друзья отвернулись от бедняка. Что делать? Сел Ялбыр на последнего коня и отправился в дальние края счастья искать.

Ехал он, ехал, пока не преградил ему путь густой дремучий лес. А на опушке этого леса стадо пасется и не видать никого поблизости. Глаза разгорелись у лентяя.

— Эге! — вскричал он. — А еще говорят, что богатство трудно добыть. Вот оно, само в руки просится.

Ялбыр уже собрался погнать стадо домой, как вдруг, щелкая длинным пастушьим кнутом, появился перед ним белобородый старец.

— Здравствуй, дедушка, — сказал Ялбыр. — Ты не знаешь, чье это стадо?

— Того, кто трудится.

— А ты сам кто будешь?

Я — Проливающий пот.

— А что такое пот? — спросил Ялбыр.

Старик с улыбкой ответил:

— Трудовой пот — самое большое богатство на свете. Каждая его капля стоит тысячу золотых.

Глупый Ялбыр рот раскрыл от изумления.

— А это богатство когда-нибудь кончается? — поинтересовался он.

— Нет, — ответил старик. — Пока пот на лице не высохнет, богатство не кончится.

Услыхав про это Ялбыр, обрадовался. Вернулся он к себе домой, надел сразу несколько шуб и сел пить чай. Ручьями льет с него пот, а он все пьет да пот с лица собирает. Выпил целый самовар чая — набрал одну чашку пота. Посчитал, сколько в ней капель, и стал ждать, когда они превратятся в золото. Целый день прождал,

а нет ни золота, ни богатства. Обмакнул Ялбыр палец в чашку, попробовал на вкус: горько и солоно.

— Вот сумасшедший старик, обманул ведь меня! — рассердился Ялбыр и бросил чашку на пол.

А есть очень хочется. Пришлось Ялбыру резать единственного коня. Но вот и мясо кончилось, ничего больше в доме не оставалось у него. Ялбыр снова отправился в лес. Думает: может, там найду что поесть.

Долго ходил он по опушке дремучего леса, но не нашел ни стада, ни старика. Прислонился к дереву, чтобы отдохнуть, как слышит вдруг в глубине леса стук топора. У Ялбыра даже в желудке потеплело. Появилась надежда: где есть человек, там найдется и пища. И он направил шаги в сторону, откуда доносился стук топора. Подходит Ялбыр и что же видит? Разгоряченный, вспотевший, рубит лес знакомый старик.

Бросился Ялбыр к нему:

— Эй, старик, старик, обманул ты меня. Сколько собрал я пота, но ни одна его капля не превратилась в золото.

— Что ты сделал с собранным потом? — спросил старик.

— Взял чашку и бросил ее на землю.

— Эй, глупый ты, глупый. Пот по капле проливать надо, лишь тогда он обернется богатством. Возьми-ка топор, сруби этот тополь.

Ялбыр собрал последние силы, принялся рубить дерево. От усталости и голода в голове кружится. Горячими каплями выступил пот на лице. Вытирает он его рукавом и усердно продолжает рубить дерево. Закончив работу, он подошел к старику и сел рядом. Тот достал из-за пазухи ломоть хлеба и протянул Ялбыру.

— На, перекуси после работы.

Ялбыр вспотевшей рукой жадно схватил хлеб и тут же съел его.

— Вкусно? — спросил старик.

— Очень вкусно.

— Это от пота труда такой вкус, — пояснил старик. — Теперь ты понял, почему пот — главное богатство на свете?

— Понял, дедушка, — кивнул Ялбыр, отправляя в рот последние крошки хлеба.

— Вот и намотай на ус: каждая капля пота, в труде пролитая, тысячи золотых стоит. Чем старательнее работаешь, тем больше будет капелек пота. Чем больше прольешь ты его, тем богаче станешь и счастливее.

После этого Ялбыр стал жить, в поте лица добывая

свой хлеб. И каждая капля его трудового пота оборачивалась богатством. И стал тогда Ялбыр самым счастливым и самым богатым человеком на свете.

112. МАВЛИХАФИЗ

В прежние времена был, говорят, у одного бедняка сын по имени Мавлихафиз. Горячий и неугомонный, с малых лет Мавлихафиз не чурался работы, поэтому, когда вырос, получился из него сноровистый, сильный и очень красивый егет. Возмужав, начал он подумывать, как лучше жизнь свою наладить, а тут возьми да на беду полюбил недоступную красавицу. Сердце ведь не разбирает, кто какое место в мире занимает, полюбил наш егет всей душой единственную дочь хана. Влюбленные порой становятся отчаянно смелыми. Не долго думая, отправился Мавлихафиз во дворец, предстал перед ханом. Поглядел хан на егета в драной одежонке и, не то пожалев его, не то смеясь в душе, спрашивает:

— Что тебе нужно, красавец?

А Мавлихафиз:

— Ханым, солтаным¹, твоя дочь прекрасна, как райская дева.

— Знаю, знаю,— отвечает хан,— что еще скажешь?

— Ханым, солтаным, отдай свою дочь за меня,— говорит Мавлихафиз, ничуть не теряясь.

Усмехнулся хан и кивнул в сторону окна:

— Вон, егет, видишь — стоит лысая гора? На ее макушке даже трава не растет. Когда превратится это место в яблоневый сад и цветы там расцветут, отдам, пожалуй, свою дочь за тебя.

Подошел Мавлихафиз к окну. Оттуда гора очень хорошо была видна. На ее каменистой макушке и впрямь ни травинки не было. Подумал Мавлихафиз, подумал и говорит:

— Мой хан, мой султан, а ты сдержишь слово? Коли зацветет там сад, отдашь свою Тансулпан за меня?

— Отдам, отдам! — отвечает хан, посмеиваясь.

— Значит, по рукам?

Ну, хан, видать, смеха ради согласился. Ударили по рукам. Ушел Мавлихафиз, а хан, глядя вслед, все посмеивался.

В тот же день егет взялся за работу. Принялся выворачивать на горе камни и оттаскивать в сторону, а на их место хорошую землю носить. День и ночь работал егет. С наступлением весны посадил молодые яблоньки, цветы

разные посеял и склоны травой задернил. И превратилась летом лысая макушка горы в чудесный сад, зацвели, заблагоухали цветы.

И вот пришел Мавлихафиз к хану и говорит:

— Ханым, солтаным, взгляни в окно, я условие выполнил. Отдашь теперь Тансулпан за меня?

Посмотрел хан в окно и изумился. Не поверив глазам своим, пошел в сад. Увидев его вблизи, еще больше изумился. Но изумился — это одно дело, а другое — в очень трудном оказался хан положении. «Что, — думает, — делать? Отдать дочь за него или не отдать? И отдашь — нехорошо, и не отдашь — плохо. С одной стороны, жаль отдавать ее за голодранца, с другой — был уговор. Скажут — хан не держит слова. Ничего не поделаешь, придется отдать».

Поразмыслил так хан и говорит:

— Ладно, Тансулпан — твоя.

Не затягивая дела надолго, в тот же день хан свел свою дочь с Мавлихафизом и сыграли шумную свадьбу. Потом повелел хан построить посреди того сада красивый дворец и отдал его дочери с зятем. Они, говорят, там и поныне живут.

113. ОТЦОВСКАЯ МУДРОСТЬ

В прежние времена один старик перед смертью дал сыну три завета:

— Не выходи на улицу без палки. Никому не одалживай свою лошадь. Не отпускай жену в гости одну.

Сказал бабай так и вскоре умер.

Когда отец умер, сын, решив проверить, верен ли завет, оделся в новое и вышел на улицу без палки. Только вышел — сзади в полу вцепилась собака и порвала новый сапан*. Вернувшись домой, егет тайком от жены снял сапан и положил в сундук.

Тут пришел его сосед и попросил:

— Одолжи, сосед, ненадолго твою кобылу.

Егет одолжил. Прошло несколько дней, а сосед не ведет лошадь обратно. Раз не ведет, пошел егет взглянуть на кобылу в поле. Завидев, что сосед пашет землю, зашел в кусты, смотрит оттуда. Кобыла егета вся в пене, уже плуг не может тянуть. Вдобавок, оказывается, выкинула жеребенка — в кустах плод припрятан. Видя, что кобыла не в силах пахать, сосед распряг ее и увел домой. А егет завернул выкинутого жеребенка в траву,

принес его к себе и положил в сенях на полку. Когда сосед вернул кобылу, хозяин ничего ему не сказал.

Жена егета попросилась сходить на два дня в гости к своим родителям. Егет разрешил. Взяла жена младенца, пошла пешком в гости за четыре версты и задержалась там: вместо двух уже четыре ночи переночевала. Муж оставил кого-то присмотреть за домом, запряг лошадь и поехал узнать, что с женой. Но заехал не к тестю, а к другому человеку. Оставив лошадь, пошел в сумерках в тестев двор, притаился у сеней и слышит: ребенок в старом доме один надрывается, а жена в белой бане балуется со своим прежним егетом. Муж быстренько зашел в старый дом, забрал младенца и, не сказав жене, увез. Вернувшись в свой аул, отдал младенца на присмотр одной бабке.

Жена пришла, переночевав у родителей шесть ночей.

— Ты что плачешь? Почему так долго там была? — спрашивает муж.

— Ребенок наш помер, — отвечает жена. — Как только я туда пришла, сильно захворал и позавчера помер. Похоронила его, поэтому так задержалась.

— Коли так, устроим поминки третьего дня¹, — сказал муж и велел приготовить на стол.

Жена приготовила табын*, муж тестя с тещей вызвал, муллу с муэдзином пригласил, позвал соседа, которому кобылу одалживал, а бабке, присматривавшей за младенцем, велел придти попозже.

Когда приглашенные собрались, хозяин сказал:

— Хочу до еды, коль разрешите, рассказать о том, что отец мне завещал.

— Разрешаем, разрешаем, — отвечают все.

— Отец завещал мне не выходить на улицу без палки, — говорит хозяин. — Решив проверить, верен ли завет, я вышел без палки. Только вышел — в полу вцепилась собака и порвала мой новый сапан.

Вытащил хозяин из сундука сапан, показал всем. И вправду, пола сапана порвана.

— Второй завет отца — никому не одалживать свою лошадь, — продолжает хозяин. — Решив испытать и этот завет, одолжил я свою кобылу соседу. Он ее на пашне измаял, кобыла жеребенка выкинула.

Принес хозяин из сеней выкинутого жеребенка, показал всем. Сосед растерялся, не знает, что и делать, то краснеет, то бледнеет.

— А третий завет, — рассказывает дальше егет, — не отпускать жену в гости одну. Отпросилась у меня жена на два дня к родителям, а переночевала там шесть ночей.

«Позавчера,— говорит,— похоронила нашего ребенка. Сильно,— говорит,— захворал и помер». Я сказал: «Коли так, устроим поминки третьего дня».

Тут вошла бабка с младенцем на руках.

— А ребенок жив, видишь, жена? — спрашивает егет.

Всех это очень удивило.

Так понял егет, что в каждом отцовском наставлении есть своя премудрость, стал жить, следуя заветам отца, и жизнь у него пошла на лад.

114. ДОБРОЕ СЛОВО ДОРОЖЕ ЗОЛОТА

Один бедняк, нанявшись к кузнецу, старательно проработал у него двадцать лет. Сначала бедняк сильно тосковал по своему дому, потом привык к жизни на чужой стороне. Все же, подумав, что дело уже к старости клонится, а заработанного, пожалуй, хватит на покупку лошади, решил бедняк вернуться домой.

— Ты уж отдай мне заработанное,— сказал он кузнецу.— Пойду в родной аул, к своему ребенку и жене, ведь уже двадцать лет я не видел их.

— Я тебя за сына почитал, очень к тебе привык, ты же — моя правая рука,— ответил кузнец.— Поработай еще год-другой.

— Нет-нет, больше я не могу оставаться тут,— возразил бедняк.— Жена мне сказала: «Буду ждать тебя ровно двадцать лет». Коль я к сроку не вернусь, она бросит наш дом и уйдет куда глаза глядят.

— Коли так, ничего не поделаешь, придется расплатиться с тобой,— сказал кузнец.

Вытащил он из-под застланных войлоком нар окованный железом сундучок, достал из него три золотых и протянул бедняку.

— Должен бы я,— говорит,— заплатить тебе больше, да больше у меня нет. И это-то берег на черный день. Маловато даю, но от всей души. Коль понадобится, приезжай, рад буду тебя видеть. Когда придет срок покинуть этот мир, оставлю кузницу тебе в наследство.

Взяв три золотых, попрощался бедняк с кузнецом и отправился домой. В пути встретились ему три попутчика: двое молодых и один преклонных лет. Бедняк всю дорогу разговаривал с молодым, а старик молчал и на вопросы не отвечал. «Как это понимать? То ли он глухой, то ли немой»,— подумал бедняк и спрашивает у егетов:

— Что это за старик?

— Наш отец, — отвечают егеты.

— Почему он то улыбается, то выглядит печальным?

— Он понимает птичий язык. Слушая птиц, то радуется с ними, то печалится.

— А почему он молчит? Может, он немой?

— Нет, просто он даром рта не раскрывает.

— А сколько ему надо заплатить, чтобы раскрыл рот и что-нибудь промолвил?

— Чтобы он что-нибудь промолвил, надо дать золотой.

Бедняк, у которого в кармане лежали три золотых, решил: «Так и так все прорехи жизни ими не залатать, дам-ка золотой, по крайней мере услышу что-нибудь хорошее». И протянул старику золотой. Взяв деньги, старик промолвил:

— Не лезь сходу в мутную воду.

И опять молчит. Идут они дальше. Старик посошком постукивает, а бедняк думает: «Чудной бабай! Птичий язык понимает и за каждое свое слово плату берет. Что он, интересно, скажет, коль дать еще один золотой?» И решив: «Никто не осмеет того, кто отдает», — отдал второй золотой.

— Там, где беркут кружит, пададь лежит, — промолвил старик, положив золотой в карман, и опять замолчал.

«Сколько раз видел кружившего беркута, а посмотреть, что внизу, не посмотрел. Надо как-нибудь посмотреть», — подумал бедняк, почесал затылок и отдал старику последний золотой.

— Торопливый шурпой ошпарился, — промолвил старик.

Немного погодя у дорожной развилки путники разошлись: старик с сыновьями пошел своей дорогой, бедняк свернул к родной стороне. Вскоре дошел он до реки, а вода в реке — мутная-мутная, бежит-бурлит. Начал было бедняк стягивать с ног сарычи, чтобы скорей на тот берег перейти, да вспомнил слова старика: «Не лезь сходу в мутную воду». Тогда бедняк достал из котомки каравай хлеба, отрезал хороший кусок и принялся есть. «Подкреплюсь, — думает, — и поищу брод или мост».

Тут подъехал к другому берегу купец на белом коне.

— Эй, приятель! — крикнул купец. — Ты что сидишь, через речку не переходишь?

— Неохота в мутную воду лезть, — ответил бедняк.

— Вот дурень! — сказал купец и погнал коня в воду. А сильное течение подхватило и коня, и всадника, закру-

тило-завертело. Купец утонул, конь жив остался. Поймал бедняк коня и вскоре мост отыскал.

Едет он теперь верхом и видит: у Ирендык-горы беркут кружит. Вспомнил бедняк слова старика и думает: «Дай-ка подъеду, посмотрю, что там лежит». Подъехал и глазам не поверил: лежат перед ним два трупа, а возле них — мешочек, полный золота. Оказывается, два разбойника ограбили ночью того купца, при дележе добычи заспорили и убили, застрелили друг друга. Взял бедняк золото и, сунув пистолеты в карман, поехал дальше.

К вечеру доехал до своего аула. Перемахнул на коне через покосившиеся жердяные ворота, остановился у родной избенки. Избенка без него совсем присела, крыша лебедой заросла. Привязал бедняк коня, подошел к окну-карындыку*. «Дай,— думает,— посмотрю, что делает жена». Посмотрел в дырочку и видит: жена за столом спиной к нему сидит, а перед ней — красивый егет. «А, вот как ты меня, оказывается, ждешь, обманщица!» — разъярился бедняк и сам не заметил, как выхватил из кармана пистолет. Тут снова вспомнились ему слова старика: «Торопливый шурпой ошпарился. Постой-ка, не буду спешить, никуда они от меня не уйдут,— решил бедняк.— Послушаю сперва, о чем говорят». И слышит — тот егет сказал: «Мама, я завтра отправлюсь искать отца, собери мне на дорогу. Давно ведь он ушел, а до сих пор нет его и нет».— «Да, сынок, немало времени прошло — двадцать лет. Когда он ушел, тебе всего три месяца было. Может, уж и в живых его нет. Будь жив — пришел бы»,— ответила жена и заплакала.

— Сынок, женушка, я пришел, встречайте! — закричал обрадованный бедолага, распахнул дверь и кинулся в избенку.

115. ДОРОГО КУПЛЕННЫЙ СОВЕТ

В минувшие времена жил один царь. Однажды отправился царь на прогулку, а возле дороги, по которой он пошел, сидел бедный-пребедный человек — дервиш.

— О, великий падишах! — сказал дервиш, когда царь приблизился к нему.— Есть у меня один драгоценный совет. Коли дашь тысячу золотых, я выскажу его.

Царь остановился.

— Ладно,— говорит,— выскажи. Что же это за совет ценой в тысячу золотых?

— О, великий падишах, совет мой таков: прежде чем что-то сделать, подумай, чем это может кончиться,— сказал дервиш.

Уговор дороже денег, дал царь бедному дервишу тысячу золотых и, вернувшись во дворец, велел написать услышанное на всем, что часто попадает на глаза: и на посуде, из которой ел-пил, и на полотенце, которым утирался, и на одежде, которую носил, и на троне, на который садился.

Спустя некоторое время царь захворал. Хворает и хворает — ну, прямо никакой мочи нет. Собрались заклинатели, знахари, табибы и говорят:

— В тебе, наш падишах, скопилось много испорченной крови, надо эту кровь выпустить.

Тогда, чтобы найти табиба, умеющего выпускать кровь, разослал царь куда конь доскачет — гонцов, куда письмо долетит — письма. Нашли такого табиба в другом царстве, привезли. Приготовился он выпустить кровь из царской руки, для этого принесли ему золотую лохань. А на краю лохани было написано: «Прежде чем что-то сделать, подумай, чем это может кончиться». Табиб, как только прочитал эту надпись, тут же положил нож, который держал, взял другой. Увидев это, царь отдернул руку и спрашивает:

— Почему ты сменил нож? Говори правду, а то голову тебе оторву!

Табиб с испугу сразу же признался:

— Тот нож — отравленный. Если б я воспользовался им, ты прохворал бы три месяца и умер. Прочитав вот эту надпись, я решил сохранить тебе жизнь, поэтому сменил нож.

Сделать отравленный нож приказал, оказывается, другой царь, враг этого царя. Узнав правду, царь, говорят, очень щедро одарил табиба. Потом, подумав: «Всего-то один совет, а какую пользу принес!» — велел отыскать бедного дервиша и дал ему еще одну тысячу золотых.

116. ЕГЕТ, ЗВАВШИЙ НА ПОМОЩЬ НУЖДУ

Был у одного старика единственный сын, очень, говорят, не любивший утруждать себя: что отец ни велит сделать — он только в затылке чешет. Однажды отец сказал ему:

— Сынок, у скотины корм кончился, съезди-ка на луг

— Там на дороге — яма, как наедешь — арба переворачивается. Не поеду, — отказался сын.

Отец:

— Коль опрокинется, Нужда тебе поможет. Нужду позовешь.

Поехал сын за кормом. На обратном пути арба в самом деле угодила колесом в яму и застряла. Малай и так и сяк — не может лошадка вытащить воз. Принялся малай кричать:

— Нужда-агай, помоги!

Кричит-надрывается, а Нужда на помощь не идет. Уж и взмолился — нет и нет помощи.

Прошло так часа два. В конце концов выломал малай дрын, сунул под колесо. Понукает лошадку, сам арбу сзади толкает. Помаялся изрядно, но вытолкнул все же.

Вернувшись домой, подробно рассказал отцу о приключившемся.

— Как,— говорит,— ни кричал — обещанной тобой помощи от Нужды не дождался.

— Вот это, сынок, как раз и была нужда. Криком до нее не докричишься, но каждый в свой срок с ней спознается,— объяснил отец.

117. ЗАВЕТЫ ОТЦА

Жили, говорят, одна старуха и ее бабай. Был у них сын. Старуха пожила, пожила и померла.

— Я, сынок, тоже хвораю, видать, скоро помру,— говорит сыну отец.— Пока не помер, даю тебе завет. Не доверяй своих секретов жене. Не верь тому, кто клянется в дружбе. Не бери займы у только что разбогатевшего.

Недолго прожил старик после этого, ушел на тот свет. Егет, живя самостоятельно, вспомнил однажды отцовский завет и решил испытать его. Пошел на луг, зарезал там свою овцу, сложил мясо в мешок, вернулся домой и поставил мешок с мясом в клеть.

— Что это? Что это? — пристала жена.

— Скажу тебе по секрету, только смотри не проговоришь. Я одного человека убил,— ответил егет.

— Нет-нет, не проговорюсь,— пообещала жена.

Немного погодя егет, будто бы сгоряча, ударил жену. Жена — на улицу и давай кричать:

— Ай-ай, давеча одного человека убил и притащил, а теперь собирается меня убить!

Начал сбегаться народ. Сбежался и решил вызвать убийцу на суд и расправу.

Егет, оказывается, взял займы у одного только что разбогатевшего бая. Прибежал к нему бай.

— Сейчас,— говорит,— тебя убьют. Давай скорей, пока не убили, заплати долг

А на улице шумят:

— Кто приведет убийцу?

— Я приведу! — закричал раньше всех сверстник егета, больше всех клявшийся ему в дружбе.

Пришел он к егету.

— Айда, — говорит, — тебя вызывают.

Егет в ответ:

— Ты, друг, меня не видел. Я убегу, а ты скажи, что меня дома не застал.

— Нет-нет, так не пойдет, — говорит тот. — Ты ведь человека убил. Вдобавок жену чуть не убил. Мне сказали — приведи, и я тебя поведу.

И вывел егета на улицу. Тут народ говорит:

— Убийце один приговор: смерть за смерть. Ну, как его казним: повесим или расстреляем?

— А вы, — говорит егет, — взгляните на убитого. Как я убил, так и меня убьете.

— А где он? — спрашивают.

— Вон, в моей клети.

— Несите его, несите сюда! — кричит народ.

Принесли мешок, раскрыли, глядь — там вовсе не человек, а жирная баранина.

— Так это же не человек, а баранина, — говорят.

— И верно, баранина, — отвечает егет. — Отец оставил мне завет. «Не доверяй своих секретов жене. Не верь тому, кто клянется в дружбе. Не бери займы у только что разбогатевшего», — сказал он мне, и все-все в точку попало. Я, решив испытать завет, зарезал овцу, а жене по секрету сказал, что человека убил. «Нет-нет, не проговорюсь», — пообещала она, а чуть повздорили — всю улицу известила. Нельзя, оказывается, надеяться на нее. Взял я займы у только что разбогатевшего бая. Он чуть душу из меня не вытряс. «Тебя сейчас убьют, — говорит, — давай скорей заплати долг». Сверстник мой клялся в дружбе, я верил ему, а он первым поспешил казнить меня. Теперь и этим веры нет.

Что тут оставалось делать? Отпустили егета с миром. Он, говорят, и поныне помня завет отца, живет-поживает и горюшка не знает.

118. МАТЕРИНСКОЕ СЛОВО

Жила встарь одна бабка. Было у нее три сына. Сказала бабка младшему:

— С баями-то якшаться якшаешься, а про братьев старших забываешь. Держись поближе к ним.

Этот егет, оказывается, с богатыми дружбу водил, а к братьям не больно-то льнул. Шло все, как шло, и вот вспомнил он сказанное матерью. «Дай-ка,— думает,— испытаю материнское слово, что из этого выйдет?» Приготовил бочонок хмельного питья, завернул бочонок в кошму, спустил в подпол и пошел к одному своему дружку.

— Айда, друг, заходи, заходи! Гостем будешь,— говорит тот.

— Не до гостеванья мне,— отвечает егет.— Зашел ко мне по делу один человек, я его ударил, а он взял да помер. Что ты мне посоветуешь?

— Нет-нет, друг, и не спрашивай, с чего это я стану впутываться в такое дело! — сказал богатый дружок и выпроводил егета.

«Ладно, я это запомню»,— подумал егет и пошел к другому богатому дружку.

— Хай, друг мой пришел! — прямо расцвел тот.— Заходи, заходи, гостем будешь!

— Не до гостеванья мне, я к тебе по нужде,— говорит егет.

— По какой нужде?

— Да повздорили мы с зашедшим по делу человеком, я ударил его, а он возьми и помри! Не знаю, куда его девать, вот пришел к тебе за помощью.

— Нет-нет,— приятель, избавь меня от этого,— говорит дружок.

«Не про это ли сказала мать?» — подумал егет и отправился к брату постарше себя.

— Енгэ¹, агай дома? — спрашивает.

— Дома.

А тут и сам брат навстречу вышел, поздоровался.

— Хай, братишка,— говорит,— давно тебя не видеть. Как это ты догадался заглянуть?

— Нужда привела, агай.

— Что за нужда?

— Я, агай, худое дело сделал,— говорит егет и рассказывает то, что рассказал дружкам.

— Ах ты, беда какая! — говорит брат.— Пошли скорей... Пстой, я только оденусь.

Вышли они на улицу.

— Может, и старшему брату сказать? — спрашивает егет.

— Скажем, скажем! Вдвоем не знай как справимся, втроем-то посоветоваться куда лучше.

Пришли к старшему брату. Так и так, говорит ему егет, нужна помощь.

— А дружки твои на что? — спрашивает старший брат.

— Никто из них, агай, не идет.

— Коли так, пойдем скорей. Ты еще не разболтал людям про это дело?

— Нет-нет, не разболтал.

Пришли они в дом егета. Он открыл лаз в подпол: мол, там убитый. Полез средний брат в подпол, зовет старшего:

— Айда и ты, у меня одного сил не хватит.

Пошарили они в темноте руками, говорят:

— Тут ничего нет. Только вот что-то короткое в кошму завернуто.

— Наверно, он скорчился, когда дух испускал, — говорит егет. — Вытащите уж поскорей.

Те вытащили, глядь, а в кошме — приготовленное братишкой угощение.

Тут сел егет и заплакал,

— Вот оно, — говорит, — материнское слово! Права, оказывается, мать. Увидел я, каковы мои дружки и каковы свои братья.

119. ЗАГАДОЧНЫЕ ЗАВЕТЫ

В прежние времена жил один старик. Было у него три сына. Пришла пора старику помирать. Позвал он сыновей и дал три завета.

— Ты, сынок, в каждом ауле, где бываешь, построй дворец, — сказал он старшему сыну.

— Каждую неделю женись заново, — сказал среднему.

А младшему сказал:

— Вспахав землю, опуши поле бобровым мехом.

Помер старик, похоронили его сыновья честь по чести. И, вспомнив про заветы, растерялись. Никак не могут взять в толк сказанное отцом. Пошли в конце концов к мудрецу. Разговор начал старший сын:

— Вот, — говорит, — отец оставил нам три завета, а мы не можем взять их в толк. Мне он велел в каждом ауле, где бываю, построить дворец. Как же это я их построю?

Вступил в разговор средний сын:

— Мне, — говорит, — велел каждую неделю жениться заново. Как же это я каждую неделю буду жениться?

И младший высказал свою печаль:

— Мне, — говорит, — велел, вспахав землю, опушить

поле бобровым мехом. Где же я столько меха возьму и как опушу?

Выслушал мудрец братьев внимательно и сказал так:

— Очень хорошие заветы оставил вам отец. Коль исполните их, будете жить по-человечески. Тебе, сынок, он наказал в каждом ауле построить дворец. Заведи везде друзей, встречай их приветливо, гостеприимно, тогда и сам, приехав к другу, почувствуешь себя, как во дворце. Тебе, егет, отец наказал каждую неделю жениться заново. Будь трудолюбив, не отлеживай дома бока. Коль жена поскучает по тебе недельку, почувствуешь себя так, будто только что женился. А третьему из вас отец наказал хорошо обрабатывать землю. Надо пять-шесть раз пройти по ней плугом да бороной, чтоб она пушилась, как бобровый мех.

Поблагодарили братья мудреца и стали жить по заветам отца. А раз отцовских слов не забыли, то и достаток, и лад в семьях был, и друзей у них, говорят, много было.

120. ТОЛКОВАНИЕ

В былые времена один мудрый старик посоветовал сыну мир повидать. Следуя совету, егет отправился в путь.

Перво-наперво встретилась ему в пути толстая-претолстая змея. Егет принялся хлестать ее плеткой. Чем дальше хлестал, тем больше раздувалась змея.

Отправился егет дальше. Встретилась ему собака, собиравшаяся ощениться. И вот диво: еще не родившийся щенок лаил в чреве матери.

Продолжил егет свой путь и увидел ворона. Поклевав на земле мертвечину, ворон взлетал на дерево и каркал оттуда.

Затем пролетело мимо егета что-то, похожее на красивый платочек. Погнался он за этой вещью, гнался, но так и не сумел поймать.

Вернувшись домой, рассказал обо всем этому отцу. Выслушав сына, отец сказал:

— Раздувавшаяся змея — твоя будущая жена. Суждена тебе злая женщина. Ты будешь ее сдерживать, а она — еще пуще злиться и делать все по-своему. Щенок, лающий, еще не родившись, — нынешние дети. Отец не успеет слова сказать — сын его перебивает, мать еще рта не раскрыла — дочь уже говорит. Такие вот дела, сынок. Ворон, встретившийся тебе, — подобие наших мулл. Человека хоронят — мулле пожива. Он погребальные молитвы сотворит, о святости поговорит, а потом

идет хмельное пить. Таковы, сынок, муллы в нынешние времена. Ну, а то, что ты не сумел поймать, — это минувшая жизнь. Как ни старайся, не ухватить ее, не вернуть назад.

Так, говорят, истолковал мудрец рассказанное сыном.

121. ГОРШОК С МАСЛОМ И СНАРУЖИ ПРИМЕТЕН

Жили, говорят, в былые времена старик со старухой. Росли у них два сына и под родительским кровом горя не знали. Но так же, как день сменяется ночью, лето осенью, а осень зимой, сменила течение и их жизнь. Состарившиеся отец с матерью друг за дружкой покинули этот мир. Как егетам теперь жить? Подумали они, подумали и, решив наняться к какому-нибудь баю, отправились искать работу.

Шли, шли, идучи притомились и остановились отдохнуть. Один как сел, так набок завалился и уснул на голой земле. Другой сухой травы и соломы на подстилку набрал, разделся и лег, накрывшись своей одеждой.

Когда они спали, подъехал к ним один бай. Он как раз, оказывается, подходящих егетов себе в работники подыскивал. Посмотрел бай на спящих и подумал: «Одежка у этих егетов неважная, должно быть, из бедняков они. И нарядом, и лицами схожи, выходит — братья. Но один на голую землю лег спать, другой на сухую подстилку, к тому ж раздевшись и накрывшись, чем мог. Горшок с маслом, говорят, и снаружи приметен. Хоть и братья они, воспитание получили разное: один — лодырь, другой — старательный. Коль найму того, что на подстилке спит, не прогадаю, лишь бы сам он согласился...»

Подумал бай так и будит тех:

— Вставайте, егеты, приехали!

Тот из братьев, который на подстилке спал, тут же вскочил и быстренько оделся. Другой, приподнявшись, принялся потягиваться и позевывать.

— Я работника ищу. Вот как удачно вышло, что вы встретились. Айда ты, сынок, садись в арбу, — сказал бай и увез с собой егета, спавшего на подстилке. А тот остался сидеть с разинутым ртом.

122. ВОСПИТАНИЕ БЕРЕЖЛИВОСТИ

Жил, говорят, на свете один кузнец. Был у него сын, до того ленивый, что, дожив до двадцати лет, и пальцем не желал пошевелить ради дела. Хоть и здоров был, и си-

лен, только и знал, что поесть-попить да собак погонять а насчет работы и думать не думал. Так и сидел на отцовской шее.

А время-то идет. Состарился отец, уже и молот в руках держать стало невмочь. Обессилев и почуяв близость смерти, позвал он сына и говорит:

— И в кого только ты таким ленивым уродился? Я всю жизнь трудился, сам все хозяйство вел, от тебя и на рубль пользы не дождался.

— Эка невидаль — рубль! — отвечает сын.

— А ты добудь-ка его! — говорит отец. — Коли добудешь своим трудом рубль, все хозяйство тебе в наследство оставлю, а не добудешь — и ржавого гвоздя не получишь.

Что лодырю делать? Наследство-то получить охота, а работать — нет. Легко ли заработать рубль человеку, которому и пальцем пошевелинуть лень! И с отцом спорить бесполезно. Отцовское слово крепче скалы. Проще каменную гору передвинуть, чем изменить отцовское решение.

Пожалела сына мать. Улучила удобный момент и говорит:

— Послушай-ка, сынок, вот тебе рубль. Погуляй до вечера в поле, а вечером, будто бы придя с работы, отдашь отцу.

Прогулял сын весь день в поле, пришел вечером домой.

— На, — говорит, — держи, отец! Нелегко достался мне этот рубль.

Взял отец деньги, повертел в руке, повертел и кинул в огонь. Сына это ничуть не тронуло.

— Нет, — сказал отец, — этот рубль не сам ты, сынок, заработал.

— Хе! Не веришь — ну и не верь, — ответил сын, пожав плечами, завалился спать.

На другой день мать опять дала ему рубль и наказала:

— Хочешь — спи целый день, хочешь — просто поваляйся, но перед тем, как вернуться домой, пробеги версту: запыхаешься, вспотеешь, тогда и отец поверит.

Целый день сын пинал воздух, а вечером, как ни тяжело, пробежал с версту и пришел домой охая да ахая: по лицу пот струится, сам еле дышит. Протянул отцу рубль.

— Дорого, — говорит, — мне эти деньги достались. Целый день работал, как вол. Устал, с ног валяюсь.

Взял отец деньги, повертел в руке и опять кинул в огонь. А сыну хоть бы что.

— Опять, сынок, ты пытаешься обмануть меня,— сказал отец.— Не твоим трудом этот рубль заработан.

Не знает теперь парень, что и делать. У матери больше денег нет. Пришлось-таки, раз другого выхода не нашлось, целую неделю помогать людям. Заработав у того копейку, у этого — две, набрал в конце концов рубль и принес отцу. Отец, как и прежде, повертел деньги, повертел и бросил в огонь. Сильно сын обиделся, вскинулся и принялся, обжигаясь, выхватывать деньги из огня. И говорит, заплакав:

— Что же ты, отец, делаешь!..

Отец ничего не сказал в ответ, но, умирая, все свое достояние завещал сыну.

123. КАК СТАРИК ПОДЫСКИВАЛ НЕВЕСТУ ДЛЯ СЫНА

Раньше старики, когда женили сыновей, сначала все сами выясняли и только потом засылали сватов. Один такой бабай, много видевший, много слышавший и много разумевающий, отправился в путь, чтобы присмотреть невесту для сына, нарядившись старьевщиком. В арбу поставил сундук, а в сундуке — всякая всячина: приколки, гребенки, иголки, сережки.

Приехал в один аул, едет из конца в конец и складно так выкрикивает:

Нужен сор, побольше сору!

Выноси — куплю без спору!

Люди сначала удивились.

— Что это,— говорят,— за чудака? Вот бестолковый!

А старик не унимается, все выкрикивает:

Нужен сор, побольше сору!

Выноси — куплю без спору!

В конце концов начали хозяйки ведрами выносить всякий мусор и вываливать в арбу старика. А он им — гребенки, иголки, приколки... Берут хозяйки, что бабай дает, уходят радуясь да посмеиваясь: мол, бывают глупцы, но такого свет еще не видывал.

И вот из всех дворов, кроме одного, вынесли и вывалили в арбу домашний мусор. С одного двора, как заметил старик, выглянула девушка, но вынести мусор и не подумала. Подъехал бабай туда, вызывает ее.

— Дочка, другие мусор вынесли, а ты почему не выносишь? У меня в сундуке — мониста звонкие, приколки тонкие, пуговицы точеные, сережки золоченые,— все радуется взор, а отдаю за сор.

— Ах, дедушка, нет у меня ни соринки,— отвечает девушка.

— Брось, не может такого быть! Щели в полу промети, за печкой пошарь, хоть наскреби-наскобли, а вынеси уж! Не даром же, подарок получишь,— настаивает старик.

— За печкой я подмела, пол вымыт-выскоблен. Может, только под крыльцом горсточку наберу...

— Хе, детка, разве это мусор? Не стоит горсточка подарка,— сказал старик, а у самого лицо так и засветилось.

Повернул он лошадь и погнал в свой аул. Приехав домой, в тот же день, в тот же час послал к этой девушке сватов, чтоб другие ее не перехватили. И высватал ее за сына.

124. КАК СТАРИК СВОИХ СЫНОВЕЙ ИСПЫТАЛ

Жил, рассказывают, один старик, у него было три сына. Когда прожил старик отпущенный ему в этом бренном мире срок и понял, что пора собираться на тот свет, решил он сыновей своих испытать: кому из них, думает, дом и хозяйство в наследство оставить?

Порядком поломав голову, придумал старик такую хитрость. Пока сыновей дома не было, положил перед крыльцом поперек пути колодину. Сам отошел в сторонку, поглядывает, что дальше будет.

Вот возвращается домой старший сын. Перед домом непорядок, а ему и дела нет: вспрыгнул на колодину, перескочил на крыльцо и — в дверь. Ладно. Идет средний сын. И этого колодина не удивила. Перешагнул через нее и ушел в дом. Тут и младший появился. Первым делом закрыл он ворота, оставленные старшими братьями открытыми настежь, наложил запор. Хорошо! Следит за ним старик из-под лохматых бровей, но виду не подает. Тем временем увидел младший сын лежавшую перед крыльцом колодину. Увидел и не прошел, как те, мимо,— приподнял за тонкий конец и отвалил в сторону. Потом, то перекатывая, то переваливая, дотащил до дровяника, уложил рядом с дровами. Отряхнув одежду, подошел к отцу, справился, что он делает. Не выдержал старик, ласково похлопал сына по спине.

— Иди,— говорит,— сынок, в дом, братья твои, наверно, уже чай пьют.

И, глядя вслед пошагавшему вразвалку сыну, твердо решил старик оставить хозяйство ему.

Встарь один старик-башкир ладил деревянную утварь, тем и промышлял. Однажды он собрался было снова на городской базар, но подумав, что стариковских сил на поездку уже не хватит, решил послать своего малая* с односельчанами, нагрузившими возы лесным товаром — топорищами, оглоблями, деревянными лопатами. Уложил старик наготовленное в повозку, объяснил сыну, как торговать, и отправил его с обозом. Перед отправкой наказал:

— Когда будешь есть хлеб, сухие корочки не выкидывай, собери и привези мне.

— Ладно, атай,— пообещал парнишка.

— Вот тебе мешок. Кто бы ни выкидывал сухие корочки, подбирай и — в мешок,— сказал отец.

Пока хлеба было вдосталь, спутники парнишки не жалеючи выкидывали сухие корочки, а он подберет и — в мешок, подберет и — в мешок.

— Атай велел собрать и привезти,— говорит.

— Твой атай — ненасытный обжора, не иначе,— смеются те.— На еще, отвезешь ему.

Распродав в Оренбурге товар, поехали обратно. А тут первый снег повалил. Кругом, куда ни правь,— белая степь. Маяка нет. Сбились с дороги, заблудились. Блуждали, блуждали, и наехали на стог сена. Приткнули лошадей к стогу, сами сидят в растерянности.

— Лошадям корм нашелся, а как быть самим? — говорит один из путников.— Где еду добыть?

— Как где! — отвечает другой.— Вот этот малый собирал сухие корочки.

— Нет уж, дяденьки,— говорит парнишка,— ни корочки я вам не дам. Ведь мой атай — ненасытный обжора, ему надо.

Тут все насели на парнишку, упросили его и подкрепились сухими корочками, которые сами выкидывали не жалеючи.

На другой день погода наладилась. Отыскали дорогу и приехали домой.

— Ну, сынок, как съездили? — спрашивает старик.— Привез мне сухие корочки?

— Нет, атай, только пустой мешок привез.

— Что так?

— Заблудились мы, приткнулись к стогу и, проголодавшись, все съели,— отвечает сын.

— Правильно сделали, сынок,— говорит отец.— Всякое бывает в пути, я ведь как раз на такой случай

и велел тебе собирать сухие корочки. И впредь, отправившись в путь, зря их не выкидывай.

126. СТРАДАНИЯ МАТЕРИ

В давние-предавние времена жили, говорят, старик со старухой. Было у них четверо детей. Все бы хорошо, но и старик, и старуха занедужили. Недолго прохворал старик, умер вскоре. А старуха хворала и хворала, подняться и сесть в постели сил не осталось. Несмотря на такое состояние матери никто из четверых детей о ней не заботился только и знали они, что играть. Лежала старая мать, томясь от жажды, и хоть бы один из них, беспечных, подошел справиться, как она себя чувствует, подал воды.

День проходил за днем, старухе становилось все хуже и хуже. Однажды подозвала она детей слабым голосом и говорит:

— Детки мои, я теперь недолго проживу, все вам останется. А до этого вы уж подавайте мне попить...

— На, пей! — сказал один из четверых, поднеся ей ковш воды, и тут же, забыв о матери, все опять занялись игрой.

Наступила осень. Мать все еще томилась в постели. Птицы, сбившись в стаи, улетали в теплые края. Глядя через окно в небо, старая мать думала: «Эх, если б и я могла летать, как птицы! В пути они остановятся отдохнуть у озера, покормятся и попьют досыта... Потом опять полетят...»

И вот, когда думала она так, глядя в тоске в осеннее небо, вроде бы слышались ей голоса:

— Айда с нами!

— Полетим вместе!

Тут откуда ни возьмись слетела на нее легкая шуба. Забыла исстрадавшаяся мать о своем недуге, поднялась, надела шубу и, превратившись в птицу, вылетела в окно.

Один из ее сыновей, занятых игрой, все же заметил это и закричал:

— Наша мать превратилась в птицу и улетела!

Тогда и остальные опомнились, закричали:

— Мама!

— Мамочка!

— Не улетай, не покидай нас! На воды, на, пей вдоволь!..

Схватив кто ковш, кто ведро, побежали дети вслед

за матью, но не вернулась она, не опустилась на землю. Только донесся из поднебесья печальный крик:

— Поздно, детки, поздно! Прощайте!

Плакали навзрыд, попадав на землю, четверо мальчишек, до крови бились головами о камни, но и в самом деле поздно уж было каяться.

Надо, ребятки, вовремя заботиться о матери. Чтобы потом не казниться.

127. СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Жили, говорят, муж да жена. Был у них один-единственный сын. Жили они дружно, души в сыне не чаяли. Муж каждый день уходил в лес, на зверей охотился, жена всякую вкусную снедь готовила. Сын рос не по дням, а по часам и вырос таким же смелым и здоровым, как отец. Жить бы им да жить счастливо, но однажды случилась беда: схватившись с медведем, погиб отец егета. Сильно загоревала мать. Видя это, сын сказал:

— Не горюй, мать, ведь теперь я уже взрослый. Отец передал мне свое искусство, ни от кого мы не будем зависеть, будем жить не хуже других. Дай мне лук отца с острыми, как бритва, стрелами и секиру его дай.

— Ладно, сынок, — ответила мать и дала сыну мужнино оружие.

Теперь егет каждый день охотился в лесу или в долине реки, много зверей и дичи добывал. Потом начал охотиться и на хищных птиц. Однажды выстрелил он в беркута, стрела угодила в крыло, и беркут унес ее на крутой утес. Полез егет вслед за беркутом и попал в удивительный мир. На утесе жил хозяин горы, царь, беркут принадлежал ему.

У царя была прекрасная дочь: одна ее щека сияла, как луна, другая — как звезда¹. Егет с первого взгляда влюбился в нее, да и сам понравился девушке. Попросил ее охотник вернуть стрелу, угодившую в крыло беркута. Но рассерженный отец девушки стрелу не отдал. Оказывается, егет ранил священную птицу, приносящую царю удачу². Беркут занемог. Проходил день за днем, и лекарь, лечивший птицу, однажды сказал:

— Беркуту надо скормить человеческое сердце. Спасти священную птицу от смерти может только сердце матери охотника, который выстрелил в нее.

Поэтому царевна на слова егета: «Я люблю тебя, выйди за меня замуж!» — ответила:

— Я выйду за тебя, храбрый егет, если ты принесешь сердце своей матери и скормишь его беркуту.

А в это время мать егета горевала из-за того, что сын долго не возвращается, не ела, не пила, день и ночь ждала его. Но вот сын вернулся, только лицо у него было очень печальное. Да и как не печалиться, когда надо убить родную мать! Ночью он убил ее, вынул из груди сердце и понес царю. Ему было сказано: подняться на гору к полуночи, если не успеет, то и царевны, и головы своей лишится, царские везиры казнят его. Побежал он изо всех сил и второпях, споткнувшись, упал. Сердце матери выскользнуло из его руки и вдруг, обретя дар речи, участливо спросило:

— Ты не ушибся, сынок? Вставай скорее, а то опоздаешь, и тебя убьют. Ты должен жить, сынок. Береги оружие отца, оно не даст тебе сбиться с прямого пути.

Раскаялся егет в содеянном, зарыдал егет, уткнувшись головой в холодный камень...

Когда он добрался до царского дворца, везиры уже ждали его. Егет подоспел вовремя. Скормили сердце беркуту. Птица взмахнула могучими крыльями, взмыла к облакам. И тут же к ногам егета, сверкнув наконецником, упала острая стрела.

Егет, с царевной жили, говорят, счастливо. Материнское сердце, лучась любовью, светило им, и алмазная отцовская стрела указывала прямой путь.

128. СТАРАЯ МАТЬ

Давным-давно жил один скряга. До того был скуп, что для родной матери ломтик хлеба жалел. Прозвали его за это Харанбаем. Харанбай ночей не спал, все голову ломал, как бы избавиться от матери. И пришел к мысли: «Надо старуху-дармоедку сбросить в Шайтанову пропасть». Посадил мать в дырявое ненужное корыто и потащил туда. Чтобы легче было тащить, взял на подмогу младшего сына.

Тащат отец с сыном дырявое корыто. До Шайтановой пропасти добрались к ночи. Начал было Харанбай подталкивать мать к краю пропасти, — сын закричал:

— Отец, корыто не упусти, унесем его домой!

— Зачем тебе дырявое корыто?

— Бэй! В чем же я тебя, когда состаришься, притащу к этой пропасти?

Ужаснулся Харанбай. «Худо дело, коль и впрямь так получится», — подумал он и потащил мать обратно. Приволок домой и стал заботливым, почтительным сыном.

129. СКАЗКА О ТОМ, КАК ТРИ БАШКИРА ВОСХИЩАЛИСЬ ЦАРИЦЕЙ

Три башкира увидели царевну на балконе и подумали и сказали все трое:

— Хорошо было бы иметь ее своей женой.

Узнав об этом царевна пригласила их к себе в дом. Здесь подали им яиц простых и золоченых.

Башкиры ели простые яйца. Царевна приказала им отведать золоченых.

— Одинаковы ли на вкус яйца?

— Одинаковы.

Тогда царевна сказала.

— Точно так же и женщины. Одеты ли они в парчу или нет — одинаковы.

130. ПЕТР ВЕЛИКИЙ

Было это дело в Петербурге. Однажды по Мостовой улице шли три солдата. А Петр Великий любитель был в штатской одежде похаживать. И шел за этими солдатами, позади их. А они были как раз подвыпившими, и занимаются там разговором разным между собой.

Как раз неизвестный купчик едет в коляске. Один из солдат и говорит:

— Ой,— говорит,— как прекрасна коляска! Так бы и прокатиться в такой коляске.

А второй говорит:

— Что это, на такой коляске? Вот я бы на государственной коляске прокатился!

Третий:

— Это,— говорит,— что! Я бы лучше с вельможами посидел в их кругу.

— Что, это ничтожное дело! Я бы царицу Екатерину лучше взял замуж.

Петр Великий все это выслушал и подходит к ним:

— Позвольте, Вас, солдатики, пригласить в ресторан угостить. Я,— говорит,— вообще солдат уважаю.

— Конечно, кто как понимает: которые уважают нашего брата, а которые и пренебрегают.

Он одно настаивает, что «я солдат уважаю. Пойдемте в ресторан»,— согласились и пошли.

Он потребовал дюжину пива. Выпили вторую. Хорошо. И начал спрашивать:

— Вы в котором взводе служите?

Первого спросил — сказал. Второго спросил и третьего.

— Хорошо,— говорит,— я к вам побываю на празднике и свободное время погуляю с вами в казармском буфете: я до страсти люблю солдат.

— Когда вышли из ресторана, уже сделались они очень пьяными эти солдаты.

— Извозчик, отвези этих солдат в казарму.

Рассчитался с извозчиком и отправил.

Они приехали, расхвастались:

— Вот какой нам человек попал! Запоил нас в ресторане. Вот приедет он к нам в праздник. Посмотрите: денег-то у него сколько, страсть!

Заутро от государя-императора приходит денщик, докладывает дежурному по роте, что:

— Такие, такие-то солдаты, таких-то рот здесь?

Дежурный взял записку, прочитал.

— Эти лица здесь.

— Пускай, немедленно сейчас они собираются к государю-императору на лицо.

Живо они почистили амуницию свою и пошли.

Когда пришли, он выходит:

— Здравствуйте, братцы!

— Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!

— А что вы были или нет вчера в городе?

— Да были.

И тогда они подумали: «Неужели мы ему вчера шли пьяные — да честь не отдали?»

— Виноваты, Ваше Императорское Величество! Потому что мы были очень пьяные.

— Ничего, ничего. Не только шли. Так какую речь вели между собою?

— И право мы не можем запомнить, выпивши были.

— Нет, когда вы еще были в веселом виде, тогда что говорили? Быть может про меня?

Один сознался:

— Виноват, Ваше Императорское Величество, я вот что говорил: «Вот бы в вашей коляске прокатиться».

— Хорошо, идите,— лакеям вскричал:

— Прокатите его.

Он сел и проехал улицу.

Ну как, хорошо ли в коляске кататься?

— Очень даже приятно.

— Изволь целковый, иди опохмеляться.

Второй:

— Я вот что говорил: «С вашими вельможами посидеть в середине».

— Хорошо.

Вскричал вельможа:

— Сиди.

Сел, сидит. Немного посидел, встал. Государь и спрашивает:

— Ну, как, хорошо?

— Так точно, Ваше Императорское Величество.

— Изволь целковый.

Речь дошла до третьего.

Тот туда, сюда:

— Ничего, ничего, говорите.

— Я вот, что говорил Ваше Императорское Величество...

— Велел подать ему государь три бокала водки сивухи — золотой, серебряной и медной, тот выпил.

— Ну, что? Водка какая? Разная или одинаковая?

— Одинаковая, — говорит, — сивуха.

— Так, — говорит, — и жена одинаковая: что моя, то и крестьянская.

131. ОХОТНИК ЮЛДЫБАЙ

«Коль идешь на зверя, с умом иди и товарища не подводи!» — говаривали раньше старые уральские охотники. Но вот у Юлдыбая однажды товарищи оказались ненадежными. Из-за этого он едва не погиб.

Старик Янхары, отец Юлдыбая, был удачливым охотником. Медведя ли косолапого, волка ли ненасытного, лисицу ли хитрую, зайца ли куцехвостого, уши торчком — всякого зверя брал Янхары умело. Ходил с малых лет с отцом на охоту и Юлдыбай. Сколько бы не пришлось идти по звериному следу, не знал он уныния и усталости. И какой бы хищник ни встретился, Юлдыбай, не теряясь, спешил помочь отцу.

— Ты — надежный товарищ! — говорил отец сыну, и от этих слов еще смелей становился Юлдыбай.

Но недолго ходил он на охоту с отцом. Умер старый охотник. Остался Юлдыбай с одной лишь матерью. И жизнь у них была трудная.

Теперь, взяв отцовское снаряжение, уходил Юлдыбай на охоту один. И все-таки никогда не возвращался с пустыми руками.

Однажды летом двое, такие же, как Юлдыбай, егеты попросили его:

— Возьми нас с собой на охоту!

Юлдыбай согласился. Отправившись на охоту втроем, набрели они на малинник. И вот, когда охотники ели малину, рядом под чьими-то ногами затрещал сушняк.

Вздрогнули егеты. Глядь — косолапый идет! Увидев охотников, взревел медведь страшно, у тех даже мурашки по коже побежали.

— Ножи — из ножен! Все вместе — на медведя! — крикнул Юлдыбай и стремглав кинулся на зверя.

А спутники Юлдыбая, напуганные уже ревом медведя, пустились наутек. Вернувшись в аул, сообщили матери Юлдыбая:

— Твоего сына медведь растерзал...

— Когда случается беда, настоящие друзья так не поступают! Вы оставили моего сына медведю, сбежали, как трусливые зайцы, домой! — сказала гневно мать Юлдыбая. Потом схватила мужнину саблю и говорит: — Идемте, покажете место, где лежит тело моего сына. Коль опять струсите, я не на медведя — на вас наброшусь!

Повели ее к малиннику, где оставили Юлдыбая с медведем. Подходят и видят: под толстым вязом лежит мертвый зверь, из его груди торчит рукоять всаженного Юлдыбаем ножа. А рядом — сам Юлдыбай, весь в крови, но живой.

Быстренько втроем сняли шкуру медведя и, смазав раны Юлдыбая медвежьим жиром, завернули его в эту шкуру, понесли домой.

Выздоровел Юлдыбай. С тех пор называли его батыром, а тех двоих — трусами.

132. ХВАСТЛИВЫЙ ОХОТНИК

Жил, говорят, некогда в долине неторопливой Демы один бай. Любил он охоту. Охотники и сами по себе — отчаянные хвастуны, а этот был самый хвастливый из всех хвастунов. Похвастать да соврать считал он первейшим делом.

В ауле, раскусив бая, перестали ему верить. А бай так привык врать, что ни дня, не соврав, не мог прожить. И раз никто уже ему не верил, ходил сам не свой.

Жил в этом же ауле охотник-бедняк. Однажды бай пришел к нему и говорит:

— Одежонка у тебя, я гляжу, поизносилась. Дам я тебе бешмет, но с условием: будешь на людях подтверждать мои слова.

— Будь по-твоему, бай-агай, — согласился тот.

И вот как-то, когда мужчины, собравшись, как водится в аулах, на чьих-то бревнышках, толковали о том о сем, принялся бай заливать:

— Ходил,— говорит,— на охоту и случилось со мной удивительное приключение. Вижу — лиса за зайцем гонится. Уже вот-вот, казалось, схватит она зайца, но тут я, прицелившись в обоих, спустил курок. Бабах! И что вы думаете? Одним выстрелом и зайца, и лису уложил. Во как!

А собравшийся на бревнышках народ:

— Не может быть!

— Брехня!

— Так не бывает!

А бедняк, которому бай бешмет подарил, тоже тут сидит, слушает. Показал бай на бедняка:

— Не верите, так вон у него спросите!

— Было, так и было,— говорит бедный охотник.

Но мало это баю показалось, еще пуще он разошелся.

— В другой раз,— говорит,— пошел я на охоту, намереваясь подбить пять-шесть уток. Иду вдоль по Деме, тут как раз утка летит. А на утку ястреб нацелился. Взял я их на мушку, и только-только собрался ястреб схватить утку, я опять же спустил курок. Бабах! И обе птицы шлепнулись прямо к моим ногам.

Народ опять загалдел:

— Брехня!

— Пустое молоть — только бая и заставляй!

А бай опять показывает на получившего бешмет охотника:

— Не верите, так вот у него спросите. Я ведь не мальчишка какой-нибудь, чтоб врать!

— Как же, как же! Так и было,— подтвердил слова бая бедный охотник.— Разве станет бай-агай пустое молоть? Только-только собрался ястреб по утке ударить — бай-агай спустил курок. И обе птицы — шлеп к его ногам.

Баю только это и надо было. Прокашлялся он и снова — заливать.

— Одно и то же быстро приедается. Поднадоела мне утятина, захотелось гусятины. Ну, я скорей — на охоту. И поди ж ты — как раз летит стая диких гусей. Но откуда ни возмись появился над ними беркут. Огромный-преогромный! Размах крыльев, пожалуй, будет в пять-шесть раскинутых рук. Высоко-о-о он поднялся, сжался там в комок да как ринется на тех гусей, бедняжек! Я, сами знаете, не из тех, кто стоит разинув рот. Взял их всех на мушку и спустил курок. И тут — бра-атцы мои — как посыпались гуси к моим ногам! Только шлеп да шлеп! После огляделся — гусей десятка два

да еще беркут. Гуси такие жирные, беркут такой большущий! Все на себе не унести. Вон его послал за подводой,— закончил бай, указав на охотника-бедняка.

— Несешь окоlesiцу! — зашумел народ.

— Не верите, так вон — свидетель, спросите у него самого,— сказал было бай, но тут охотник-бедняк вскочил и говорит:

— На, бай-агай, возьми свой бешмет, не надо мне его и не надо! Не позволяет мне совесть подтверждать такую брехню. Все, что ты наговорил, с первого до последнего слова — вранье.

После этого никакой веры баю не стало. Прилипли к нему прозвища Лживый бай и Хвастливый охотник. Даже тогда, когда бай не врал, никто ему уже не верил, ибо про таких исстари говорят: «В устах лжеца и правда подобна лжи».

133. КАК КОНЧИЛАСЬ ДРУЖБА МЕЖДУ БРАТЬЯМИ И ИХ ЖЕНАМИ

Жили у горы Юрматау пять братьев-охотников, все пятеро — женатые. Каждый день, вернувшись с охоты, наигрывали братья на кураях и пели песни — душу веселили. Жили они настолько дружно, что никогда друг от друга ни единого обидного словечка не слышали.

Однажды старший брат сказал своей жене:

— Нет, наверно, на свете людей, живущих дружнее, чем мы, пять братьев.

— Мы, жены, живем дружно, потому и вы дружны,— подхватила жена.

— Нет, вы живете дружно потому, что мы, мужчины, дружим.

— Неправда! Вы дружите, глядя на нас.

Разгорелся между мужем и женой спор: он стоит на своем, и она доказывает свое.

— Ладно, поживем — увидим! — сказала жена, оставляя последнее слово за собой.

И начала она после этого мутить воду среди своих сношениц. Остановила как-то самую младшую сношеницу и говорит:

- Вчера твой муж сказал мне: «Айда, энгэ, сходим к речке». Я отказалась, так он увел туда другую энгэ.

Сжалось от этих слов сердце молодой женщины, и вскипела в ней злость. Когда муж возвращался с охоты, она всегда выходила встречать его, а на этот раз и встречать не вышла, и разговаривать с ним перестала, и вече-

ром легла спать, отвернувшись от него. Муж к ней и так и сяк — ничего не выходит.

Пошли братья опять на охоту. Младший им — ни слова. Все печалился да печалился, думая о настроении жены.

А старшая енгэ продолжала мутить воду. Как-то говорит одному из деверей:

— Твоя жена вчера с младшим деверем в урему ходила.

Вернувшись домой, поскандалил егет с женой.

В один из дней все пять жен меж собой перессорились, встретить мужей с охоты не вышли, и во всех домах между мужьями и женами пошли споры-раздоры.

Старший из братьев удивляется:

— Ничего не понимаю! Что стряслось с моими братьями? Друг на друга волками смотрят.

А жена ему:

— Как, разве ты не знаешь? Ведь самый младший твой брат со своими енгэ балуется!

Теперь и между мужчинами — разлад, точит им души ревность.

Собрался старший брат на охоту, как всегда, рано утром, а младших нет и нет: ссорами заняты.

— Давайте поскорей! — покричал старший брат.

Потянулись охотники на улицу по одному.

— Вы что так долго? — побранил их старший. Младшие молчат угрюмо.

Когда братья сошлись, одна из жен, помахав платком, крикнула:

— Не будь я хозяйкой этого платка, коли сегодня же не уйду к отцу-матери!

Старший брат привязался к самому младшему:

— Из-за тебя начался этот скандал!

Слово за слово — переругались братья. Трое пошли в одну сторону, двое — в другую. Только разошлись шагов на двадцать — один из охотников, не долго думая, обернулся и сразил самого младшего стрелой наповал. Тут обе стороны схватились за луки. Натянулись с каждой стороны по две тетивы, разом вылетели со свистом четыре стрелы — и четыре охотника, как один, пали наземь.

Жена старшего брата могла бы теперь спросить у мужа: «Ну, от кого зависит дружба?» — и доказать, что взяла в споре верх, да пал в этой смуте и ее муж.

134. ДВА МЕШКА ГРЕХОВ

Шел куда-то человек по имени Гумер, нес, перекинув через плечо, два связанных меж собой мешка: один спереди, другой за спиной. Встретился ему человек по имени Гали. Поздоровавшись, пошли вместе.

В разговоре Гумер принялся перебирать чужие грехи, хулить знакомых. Гали-агаю это не понравилось.

— Гумер-эфэнде,— сказал он,— ты, должно быть, передний мешок набил чужими грехами, а свои сложил в тот, что за спиной. Поэтому только чужие и видишь. Поменяй-ка мешки местами, тогда у тебя времени для обсуждения чужих дел не останется. Смутился Гумер от этих слов. Увидел, в чем сам грешен, и больше о чужих грехах не заговаривал.

135. ПРАВДА И КРИВДА

Жил в старину старик по имени Правда. Вместе с другим стариком, которого звали Кривдой, отправился в Каабу совершить тьявф*. Долго надо было идти. Кривда день за днем ел съестные припасы Правды, а из своих припасов ничего не давал. Кончилось у Правды продовольствие и говорит он:

— Припасы мои все вышли.

Кривда предлагает:

— Накормлю из моих, если отдашь глаз.

Правда дал Кривде выколоть свой глаз, и тот накормил его.

Пошли дальше. Через некоторое время Правда, проголодавшись, опять просит:

— Дай поесть.

Отвечает Кривда:

— За это заплати теперь вторым твоим глазом.

Выколол Кривда у Правды второй глаз и покинул его на дороге. Слепой, беспомощный, лег спать. Во сне слышался ему неведомо чей голос: «Пошарь руками в расщелине вокруг гнилой колоды, найдешь лист. Протри им глазные впадины». Он протер этим листом глазные впадины, и появились в них оба глаза. Стал зрячим и пошел вперед. Вдали показался дворец. Когда подошел туда близко, царь через окно крикнул:

— Что ты за человек?

— Я дервиш.

— Если дервиш, заходи ко мне.

Вошел Правда во дворец. Царь накормил досыта и просит его рассказать о своих приключениях. Он отвечает:

— Я не знаю занимательных рассказов.

— Если не знаешь, скажи что-то поучительное.

Правда говорит:

— За зло — зло, а за добро — добро.

Вместе с царем он отправился в мечеть. Во время благослужения царь велит дервишу:

— Произнеси проповедь.

Повторил тогда свои прежние слова:

— За зло — зло, а за добро — добро.

По возвращении из мечети царь дал ему милостыню. Когда потом дервиш ходил в мечеть, каждый раз там изрекал: «За зло — зло, а за добро — добро». У царя был сенатор, который наговаривал ему:

— В проповеди этого человека нет ничего полезного, напрасно жалуете ему милостыню.

Под влиянием сенатора решил царь казнить Правду, и повели того к виселице. А сенатор предъявил палачам письменный царский приказ: «Повесить его на виселице». Палачи повесили самого сенатора, а дервиш остался невредим, отправился в мечеть на молитву. Удивился царь, увидев его на молитве, — не мог понять, как он уцелел. Повел дервиша во дворец и щедро одарил.

Однажды царь призвал его к себе и объявил:

— Дервиш, я заболел. Не покидай меня.

Вскоре царь скончался. Народ собрался избрать нового царя. Большинство было за избрание дервиша, а меньшая часть людей хотела, чтобы царем стал кто-то из сенаторов. После долгих споров возведен был на трон дервиш Правда.

К новому царю пришел нищий просить милостыню. Это был его прежний спутник Кривда. Правда отплатил Кривде за зло добром — принял его на службу.

136. ТРИ РАЗБОЙНИКА

Построив в дремучем лесу дом, поселились в нем три разбойника. Однажды, отправившись на большую дорогу, схватили они купца. Как ни умолял купец не разорять его, разбойники и ухом не повели, товары забрали, а самого купца, избив, кинули в пустую арбу и ушли.

Притащили разбойники свою добычу домой и думают, как превратить ее в деньги, чтобы разделить на троих. И вот старший говорит самому молодому:

— Ты останься тут, присматривай за домом, а мы сходим на базар.

Младший согласился и, когда двое ушли, принялся готовить к их возвращению обед. Готовит, значит, обед, а в мыслях только одно: как бы сделать так, чтобы все деньги, все богатство досталось ему. Ломал голову, ломал и придумал хитрость. Решив сказать товарищам, что надо удачу хорошенько обмыть, заставил стол вареным мясом и водкой. Водку заранее разлил по рюмкам и в рюмки тех двоих подсыпал яду.

А те двое идут с базара, и один говорит:

— Зачем делить деньги на троих? Давай разделим пополам, а того, когда выйдет встречать, пристукнем.

— Что ж,— говорит второй,— ладно. Давай так и сделаем.

Вот подошли идущие с базара к воротам и, прикинувшись, будто сильно устали в дороге, кричат:

— Открой, мы вернулись!

Выбежал молодой, открыл ворота и только было повернул обратно — старший хрясть его сзади по голове.

— Ну,— говорит,— теперь можно поделить деньги на двоих, только надо сначала закопать его.

Закопали труп, радуясь, что избавились от третьего, вошли в дом, выпили на радостях по рюмке водки, приготовленной тем егетом, и тут же — с ног долой. Отдали богу душу.

Вот так оно: надумаешь причинить кому-нибудь зло — против тебя же зло и обернется. Потому и говорится: «Не копай яму другому, сам в нее попадешь».

137. ЛЖИВЫЙ ВЕЗИР

У хана был везир, пользовавшийся неограниченным доверием своего повелителя. Все важнейшие дела в ханстве исполнялись первым везиром и ему же было поручено иметь главное наблюдение за исполнением повелений хана о смертной казни преступников. Другие везиры завидовали своему старинному товарищу, а один из них, второй везир, захотел непременно сделаться первым министром, для достижения цели не пренебрегая никакими средствами. Хану постоянно клеветали на его первого везира, но не верил хан клевете. Однажды второй везир явился к хану и сказал, что первый везир страдает очень опасной болезнью и может заразить не только всех людей, имеющих с ним дела, но даже и хана. Болезнь

свою первый везир тщательно скрывает и решается бывать у хана, подвергая таким образом драгоценную жизнь властелина серьезной опасности. Чтобы убедиться в справедливости этого, доносчик предложил пригласить первого везира в назначенное время и тогда хан увидит, что больной будет закрывать свой рот рукою, чтобы не слышно было дурного запаха от болезни. Хан сильно был потрясен этим сообщением и хотя знал, что первый везир никогда не злоупотребляет его доверием, но раз он вреден для здоровья хана, — он не может быть советником и в делах по управлению. Если первый везир, пользуясь неограниченным доверием хана, позволил себе подвергать жизнь своего властелина опасности, то он должен быть за это подвергнут строжайшему наказанию, без всякой пощады. Но прежде всего хан решил проверить донос второго везира.

Уйдя от хана, клеветник пригласил к себе в гости первого везира. Был подан обильный обед, состоявший из многочисленных блюд, но все кушанья оказались приготовленными с большим количеством чеснока. Кончился обед и, спустя немного времени, явился посыльный хана с требованием немедленно явиться первому везиру к хану. Первый везир смутился: от еды с чесноком у него будет дурной запах изо рта, но делать было нечего, — надо было идти к хану.

Явившись к хану, первый везир старался не подходить к нему близко, но когда хан подошел к нему, сконфузившийся везир закрывал свой рот рукою. Хан велел первому везиру убрать руку от рта и, к ужасу своему, почувствовал дурной запах изо рта везира.

Убедившись таким образом в справедливости доноса второго везира, хан сильно вознегодовал и в порыве гнева написал фарман, которым приказывал палачам подателя фарман немедленно казнить смертью. Запечатав указ, он отдал его провинившемуся везиру с приказанием сейчас же доставить по адресу. Так как ханские указы доставлялись палачам первым везиром очень часто, то он, ничего не подозревая, и отправился исполнить приказание хана.

По пути ему попался навстречу второй везир и спросил его, куда он идет. Первый везир показал конверт с адресом к палачам. Второй везир подумал, что хитрость его не удалась и что хан по-прежнему доверяет своему первому везиру исполнение таких важных дел, как смертная казнь преступников. Желая хоть один раз заместить первого везира в этом деле, он стал просить первого везира доверить доставку по адресу конверта ему.

Первый везир долго не соглашался на эту просьбу, но, наконец, видя к себе явное расположение второго везира, вместо зависти и вражды угостившего его сытным обедом, решился уважить его просьбу и вручил ему конверт с ханским фарманом.

Второй везир был казнен, несмотря ни на какие протесты, так как точный смысл собственноручного ханского фармана не допускал никаких сомнений.

На следующий день, первый везир явился с докладом к хану. Последний был очень удивлен тем, что повеление его не исполнено. Но, узнав, в чем дело и убедившись в клевете второго везира, хан благодарил Провидение за то, что Оно наказало клеветника и сохранило ему лучшего советника.

Не рой другому яму — сам в нее попадешь.

138. КАК ВЕЗИР ЦАРЯ В СТЫД ВОГНАЛ

В прежние времена, сами знаете, были царства и цари. Цари эти частенько приглашали друг дружку на угощения.

Один царь позвал других царей на пир. Те приехали каждый со своим везиром. Когда все собрались за столом и началось угощение, один везир (он, понятное дело, сидел рядышком со своим царем) сказал негромко:

— Мой повелитель, на благоухающем кусточке сидит птичка.

Царь сразу понял, о чем речь: оказывается, в пути к его бороде прилип комочек грязи. Понял, значит, и вот так, будто бы погладив бороду, смахнул комочек.

А царь другой страны это слышал и видел и, вернувшись из гостей домой, говорит своему везиру:

— Вон как изысканно тот везир услужил моему царю! Коль пригласят нас еще куда-нибудь, послужи мне точно так же!

Захотелось, стало быть, царю, чтоб везир на людях оказал изысканный знак почтения к нему.

Вскоре этот царь, получив приглашение, опять поехал на пир и там наказал везиру:

— Я прилеплю к бороде комочек глины, а ты скажешь мне за столом те самые слова.

Больно уж, видать, слова чужого везира понравились царю.

— Ладно, мой повелитель, скажу, — пообещал везир.

Перед тем, как сесть за стол, прилепил царь к своей бороде комочек глины. И вот сидит он на пиру с глиной на бороде, а везиру до него и дела нет, знай себе уминает

за обе щеки да пьет до дна. Другие гости поглядывают на бороду царя, толкают друг дружку в бок да посмеиваются. Царь уж и кашлянуть попробовал, а везир на него и не посмотрит, все жрет. В конце концов пришлось царю смахнуть глину без подсказки.

Поели-попили гости и вышли освежиться. Как только вышли, схватил царь своего везира и говорит:

— Я тебе что сказал? Сказал, что прилеплю к бороде глину, а ты повторишь те самые слова. Почему даже не взглянул на меня, почему молчал?

— Ах, забыл, мой повелитель, совсем из головы вылетело, — отвечает везир. Как еще оставалось ему ответить? Не мог же он сказать: «Сам прилепил — сам и отлепи!»

— Вот, — говорит царь, — я снова приготовил комочек глины, прилеплю к бороде. Смотри, на этот раз не забудь подсказать!

Вернулись они обратно, опять разгорелось застолье. Царь быстренько прилепил глину к бороде. Прилепить-то прилепил, а везир на него внимания не обращает. Кашлянул царь — нет, и ухом не поведет. Посидев немного, снова кашлянул, а везир по-прежнему сам собой занят, угощается. Тут уж царь так кашлянул, что везир невольно взглянул на него. Взглянул и увидел кусочек глины на царской бороде. Увидеть-то увидел, только слова, которые должен был сказать, из памяти выскочили. Тужился везир, тужился вспомнить, но бестолку. Посидел он, посидел и громко говорит:

— Мой царь, у тебя на бороде — то, про что ты давеча велел сказать.

Так вместо того, чтоб оказать царю знак почтения, вогнал его везир в краску. С тех пор и говорят: «Не имей дела с дураком — в краску вгонит».

139. СЫНОВЬЯ-РАЗБОЙНИКИ

Жили встарь старик со старухой, было у них три сына. Росли мальчишки сорвиголовами, делали что хотели, никто за ними не приглядывал, никто не одергивал. И вот они повзрослели. Повзрослев, бросили родителей, ушли невесть куда и пропали. Остались отец с матерью на старости лет без опоры.

Старуха пряла и холстину ткала, старик уголь выжигал на продажу, тем кое-как и перебивались. Однажды,

когда старик, продав в городе свой товар, возвращался домой, заступили ему дорогу трое здоровенных мужчин.

— Бабай, ты что в одиночку ходишь, в такие-то годы дома не сидишь?

— Да вот в городе побывал, уголь продал себе на пропитание.

— А что, сыновей у тебя нет, что ли?

— Как не быть! Три сына у меня, да бросили они отца с матерью на старости лет.

Повели три разбойника бабая в лес. Привели к своему жилью, и каждый дал старику два прута — один зеленый, другой сухой.

— Ну-ка,— говорят,— попробуй их согнуть.

Взял старик молодой побег, и он легко согнулся так, что концы сошлись. Попробовал согнуть сухой прут — он хрустнул и переломился.

После этого те трое говорят:

— Мы, бабай,— твои сыновья. Не воспитывал ты нас сызмалу, пока гнулись, как зеленые побеги, не учил уму-разуму. Теперь вот мы разбойничасм, людей на лесных дорогах грабим. И уже не согнешь нас как угодно, затвердели мы, подобно сухим прутьям. Поэтому пользы от нас тебе не будет.

Сказав так, дали они старику много денег и отправили домой, нагрузив всякой снедью.

И все же дожили старик со старухой свой век в горести и умерли, сожалея об упущенном. И не было у них в смертный час близкого человека, чтоб хоть ложечку воды влить в рот.

140. В ЕДИНСТВЕ — СИЛА, В РАЗОБЩЕННОСТИ — ПОГИБЕЛЬ

В давние-предавние времена жил, говорят, один старик. Было у него семеро сыновей — красавец к красавцу, молодец к молодцу. Но не все в семье шло ладно. Один из братьев не считался с остальными, поступал наперекор им.

— Пойдем рыбачить,— говорят шестеро.

— А я — на охоту,— говорит седьмой.

— Сегодня поохотимся,— говорят те.

— Нет, я пойду рыбу удить,— говорит упрямец.

Так как он все делал по-своему, в одиночку, прозвали его Янгызаком. Это очень печалило отца. До самой смерти он твердил: «В единстве — сила, в разобщенности — гибель».

Вступив в зрелый возраст и женившись, шесть братьев решили:

— Будем жить кучно, случись беда — поддержим друг друга. В единстве — сила.

И построили дома все в одном месте. Однако Янгызак рассудил иначе:

— Нет, тут будет тесно. Сила у меня есть, зачем мне поддержка? — сказал он и, отделившись от братьев, поселился на поляне среди гор и лесов.

Весной стал он пахать землю, сеять хлеб, летом собирал лесной урожай, зимой зверя и птицу. Из года в год росло его богатство. Нажил он полный загон скота, полную клеть хлеба, полный сундук денег и, перебирая все это в уме, думал: «Вот те шестеро, решив жить дружно, маются в тесноте. Какая мне польза может быть от их поддержки при таком богатстве, при моем здоровье и силе?»

Но со временем в округе стало беспокойно, появились разбойники. Прознали они, что Янгызак живет уединенно. И угнали косяк его коней. Потом не вернулся с пастбища жеребец — вожак другого его косяка. А раз пропал вожак, и остальные кони разбрелись неведомо куда. Задумался Янгызак: «Покуда был жив отец, он объединял нас. Но отец покинул этот мир, и моя связь с братьями оборвалась. Не похожи ли мы на косяк, потерявший вожака?»

Оглядел-оглядел он свое добытое в поте лица добро, посмотрел вокруг. И хотя над поляной сияло солнце, мир показался ему мрачным.

Тем временем нагрянули ночью разбойники и все оставшееся у него отобрали: и скот, и сундук с деньгами, и жену. Сам Янгызак едва спасся, скрывшись в дремучем лесу. «Ладно, бог с ним, богатством. Были бы братья мои живы-здоровы», — решил он и отправился к ним. Приходит, а его дружные братья хорошо живут, в достатке. Обрадовались его приходу.

Когда рассказал Янгызак, что пережил, его братья тут же схватились за оружие. Дали Янгызаку скакуна под серебряным седлом, саблю булатную и лук со стрелами. И поскакали они семером к той поляне, где был дом Янгызака. Немного не доезжая, спешились, подкрались к подворью. А в доме пируют сорок разбойников. Жена Янгызака готовит им на летней кухне еду. Один из разбойников сидит на крыльце, не сводит с нее глаз, — караулит.

Женщина понесла в дом деревянную чашу с вареным мясом. Караульщик пошел за ней. Увидев, что жена

возвращается с пустой чашей, Янгызак выстрелил из лука, пометив стрелу своей тамгой. Полетела стрела со свистом и вонзилась в дно чаши. Женщина вздрогнула. Узнала тамгу мужа и чуть не пустилась от радости в пляс. Спрятав стрелу, подхватила коромысло с ведрами, будто бы к роднику собралась и стремглав помчалась к Янгызаку и его братьям. Говорит:

— Разбойники только-только начали хмелеть. Их сорок человек. Оружие у них справное. Вы немного подождите. Когда они опьянеют, я махну вам из летней кухни платком.

День склонялся к вечеру, все вокруг притихло. И вот, увидев, что женщина махнула платком, семеро братьев кинулись к дому. Сейчас, думают, всех разбойников побьем. Видят — тридцать разбойников лежат пьяные, вповалку. А атаман с девятью приближенными еще сидит за столом.

— Бороться будем или сражаться? — крикнул атаман, вскочив.

— И бороться, и сражаться! — ответили братья и кинулись на грабителей.

И такая началась схватка, что дом затрясся, и стекла в окнах задребезжали. Трое разбойников стали теснить Янгызака, загоняя в угол. Отступал он, отбиваясь саблей. Вдруг саблю выбил из его руки разбойник и уже изготовился снести Янгызаку голову. Но только-только замахнулся саблей, у него самого голова слетела с плеч. Двое других обернулись назад и видят: перед ними стоит дородный молодец. Мигом Янгызак схватил свою саблю и снес голову еще одному. Тем временем, разделавшись с другими разбойниками, подоспели к нему все братья.

Говорит тогда им Янгызак:

— В единстве — сила, в разобщенности — гибель».

141. КОЛЬ ПИЩА СУЖДЕНА...

Жил в давние времена один вор. Однажды повстречался он со святым старцем. Расспросил его старец, как живется-можется, и посоветовал больше не воровать.

— Так ведь, не воруя, я с голоду помру, — говорит вор.

— Не помрешь, — отвечает старец. — Пища, коль она тебе суждена, зубы раздвинет и в рот попадет.

После этой встречи вор перестал воровать. Только вот, живя воровством, ни к какой работе руки свои он не приучил. Поэтому пришлось голодать. Сильно оголодал

он, но чужую пищу не трогал. И до того дело дошло, что упал, обессилев, у дороги. Тут как раз караванщики мимо проходили. Увидели, подошли, а человек уже при смерти, слова вымолвить не может. Решили было молока в рот ему влить, а у него зубы стиснуты, скулы свело. Тогда один караванщик раздвинул ему зубы ножом, влил молоко в рот, заставил глотнуть. Глотнув молока, ожил человек, сел и рассказал, что пережил.

— Вот,— говорит,— раз была суждена мне пища, зубы раздвинула и в рот попала. Верно сказал старец. Теперь уж я навсегда кончил с воровством.

И караванщики решили взять егета с собой.

САТИРИЧЕСКИЕ И ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

142. ЦАРЬ И ВОР

В давние-предавние времена в нашем ауле жили, говорят, старик со старухой. Прожили они свою жизнь в нужде, ни разу не наевшись хлеба досыта, и, умирая, оставили единственному сыну, еще мальчишке, лишь готовую развалиться избенку без крыши. Мальчишка, чтобы как-то вести доставшееся ему хозяйство, нанялся в работники к мулле, но заработанного ему даже на еду не хватало.

Подрастая и уже егетом став, из-за того, что на заработанное у мурлы не мог ни наесться, ни одеться, принаоровился он воровать. Сначала крал у соседей кур, потом гусей, потом овец и коз и в конце концов поворовал, зарезал и съел всю мелкую живность в ауле. Но однажды, попытавшись украсть жеребенка у мурлы, попался. Наутро собрался весь аульный народ и вынес приговор: прогнать этого егета из аула.

Прогнали, и побрел егет, не ведая, куда податься. И вот, когда тыкался он в растерянности туда-сюда, повстречался ему человек в пароконной повозке. Зашел между ними разговор, каждый про свою печаль рассказал. Оказалось, встречного тоже прогнали из аула за воровство. Ну они быстренько и сдружились. Уехали туда, где их никто не знал, живут теперь вместе. Днем они всегда дома сидели, ночью отправлялись на промысел. Жена того человека им из наворованного есть-пить готовила.

Долго они нужды не знали, жили в полное свое удовольствие. Но воровали, воровали, и до того дошло, что в ауле никакой живности не осталось — ни кур, ни гусей, ни овец и коз, ни крупной скотины. Когда вовсе стало нечего есть, принялись они красть золото из царского дворца, — царь, оказывается, тоже в этом ауле жил. И наш егет с товарищем опять зажили, не зная нужды и нехваток. Сперва они ходили за золотом раз в три дня, потом — раз в два дня, подконец повадились ходить каждую ночь. Пробили дыру в задней стене царского дворца, через эту дыру и набирали золото в мешок. Золота там все убавлялось и убавлялось, и все труднее становилось дотягиваться до него. Пришлось делать так: один залезал вовнутрь, другой его за руку держал.

Но однажды царь, обнаружив, что золото у него крадут, велел поставить под дырой бочку со смолой. Пришли воры ко дворцу. В этот раз должен был залезть товарищ нашего егета. Полез он и, не ведая о ловушке, угодил в смолу, да еще и напарника с испугу за собой потянул. Егет, недолго думая, отсек ему ножом руку и убежал домой.

Назавтра царские слуги вытащили того человека, уже мертвого, из бочки, но как ни старались, не смогли узнать, кто он такой. Тогда царь велел приколотить мертвеца к уличным воротам и выставить рядом двух стражников. «Не может быть, чтоб не нашлась родня или жена этого человека. Как только кто-нибудь остановится, увидев мертвеца, и заплачет, хватайте и ведите ко мне», — сказал царь.

А жена угодившего в ловушку вора, когда наш егет сказал ей о случившемся, ударилась в слезы и наутро стала проситься к телу мужа:

— Хочу пойти, посмотреть на него.

Что тут поделаешь! Дал ей егет рубль и наказал:

— Сперва сходи на базар, купи миску кислого молока. На обратном пути, поравнявшись с теми воротами, вырони миску из рук — тогда можешь заплакать.

Женщина так и сделала. Когда стражники притащили ее к царю, она говорит:

— Был у меня всего-то навсего рубль, купила я кислого молока, да и то пролила, выронила миску из рук.

И принялась опять рыдать. Царь обругал стражников:

— Разве я велел схватить человека, пролившего кислое молоко? Прочь с моих глаз!

Провисело тело на воротах три дня и три ночи, но раз

никто не пришел поплакать, велел царь закопать его в землю. А егет остался жить с женой товарища.

Когда наворованное ими золото кончилось и вконец стало нечего есть, опять отправился он ко дворцу. Опять принялся таскать золото через ту дыру. Но недолго это продолжалось. Учув воровство, велел царь выкопать напротив дыры глубокую яму. Темной ночью егет угодил в эту яму. Как только ни старался, вылезти обратно не смог. Сел, обессилев, ну, думает, все, влип. Уже светать начало, а он все сидит, думает. И вдруг вскочил, придумав хитрость. Собрал лежавшую на дне ямы солому и поджег. Повалил из ямы густой дым. Тут набежал народ, решив, что пожар случился. Бегут люди и в дыму падают в яму, бегут и падают. Порядком народу в яме набралось. Ну, егет и выбрался из нее, смешался с толпой и, посетившись вместе со всеми, как ни в чем не бывало пошел домой.

Не сумев поймать вора таким путем, решил царь:

— Когда нечего станет есть, понадобится ему золото, все равно он попадетсЯ.

И велел поставить на улице два столба, натянуть между ними проволоку и подвесить на ней, посередке, мешочек с золотом. С двух сторон двух стражников поставил. Егет, прослышав об этом, оделся в белое, сел на белого коня, поехал к болоту, вымазал коня и себя с одного боку тинной, подлетел к тем столбам, на скаку отхватил ножом мешочек с золотом и был таков. Стражники и рты разинуть не успели.

Вызвал царь стражников на допрос. Один из них говорит:

— Это был человек в белой одежде на белом коне. А другой:

— Нет, в черной одежде, на вороном коне.

Разругались меж собой, и царь в досаде прогнал их.

Не сумев и таким путем поймать вора, велел царь построить в версте от себя дом и дочери своей — пожить там.

— Коль,— говорит,— этот вор придет к тебе, не отпускай его, удержи до утра. Он не вытерпит, придет, не иначе.

И вот однажды вечером пришел егет к царевой дочке. Сидят, разговаривают. Ближе к утру егет говорит:

— У меня, коль долго в комнате сижу, голова болит и мутить меня начинает, выйду-ка, подыщу свежим воздухом.

А девушка не согласна.

— Иль уж боитесь, что убегу? — говорит егет.—

Я ж не воровать пришел. Я только постою за дверью, а вы — хотите, так за руку меня подержите.

Согласилась девушка. А егет в темноте сунул ей отрезанную по локтю руку того своего товарища, за дверью привязал ее другим концом к палке, сам вышел за ворота, слушает оттуда, что будет.

— Ну, заходите уж скорей,— несколько раз повторила девушка, потом, рассердившись, потянула за руку, да вместо егета одну только руку втянула. С испугу без памяти побежала к отцу, упала перед ним, обессиленная.

— Там,— говорит,— шайтан завелся, вот его рука отъединилась. Я больше туда не пойду!

Царь догадался, чья это рука, и объявил:

— Кто расскажет мне всю правду о том, что со мной случилось, и объяснит, какие хитрости спасли вора, тому отдам полцарства и свою дочь.

Узнав об этом, пришел егет к царю и рассказал, как доподлинно все было, как он спасся. Царь, услышав всю правду, отдал ему половину своего богатства, полцарства отдал и дочь свою за него замуж выдал.

Таким вот образом женившись, детей растил и долгие годы прожил, говорят, тот егет.

143. КАК ЦАРЕВИЧ СТАЛ ВОРОМ

У одного царя было три сына. Однажды вечером царь сказал им:

— Ложитесь-ка спать. Интересно, что вам этой ночью приснится?

Утром пришли сыновья к отцу, и старший говорит:

— Я во сне стал царем.

Дал ему отец войско, возвел на царство.

Средний сын говорит:

— Я посеял хлеб и на этом разбогател.

Дал ему отец сто человек, чтобы с ними хлеб сеял.

А младший сын сказал:

— Я на воровстве разбогател.

Отец отлупил его и выгнал вон из города.

Отправился егет к своему дяде в другое царство. Живя у дяди, как-то увидел караванщиков и говорит:

— Давай умыкнем их добро, верблюдов зарежем.

— Да разве умыкнуть при такой большой охране! — ответил дядя.

Тогда царевич пошел в лес и оставил на пути каравана один свой сапог.

— Гляди-ка, сапог лежит,— удивились караванщики, но не подобрали его, проехали мимо.

А егет через некоторое время бросил на дорогу и второй сапог.

— Вот где, оказывается, лежит еще один! Давайте побежим наперегонки. Кто первым добежит до того сапога, тому достанутся оба,— сказали караванщики и побежали назад.

Когда они убежали, егет увел верблюдов. Пока караванщики искали верблюдов, забрал из их арбы все самое дорогое и принес к дяде.

Потом опять говорит ему:

— Давай обчистим царскую лавку!

— Не выйдет! — ответил дядя.

Царевич издалека прокопал подземный ход в сторону лавки. Потом выпустил голубя, привязав к его ножке один конец длинной нити. Другой конец держал в руке. Голубь сел на царскую лавку. Вернув его и отвязав, царевич протянул нить по подземному ходу. Прикинув так, где нужно пробить лаз, поднялся в лавку и обчистил ее.

Царю сказали:

— Лавку обчистили, товаров нет.

Царь велел завезти, что надо. А вор ночью опять все утащил. Снова набили лавку товарами, и тут увидели лаз. Поставили рядом с лазом смолу.

На этот раз царевич привел подземным ходом дядю и говорит:

— Лезь, агай, первым.

Тот полез и угодил в смолу — не вытащить. Пришлось отрезать ему голову. Унес царевич, сколько смог, товаров и голову унес. Пришел к енгэ, жене дяди, и спрашивает:

— Коли увидишь тело агая без головы — заплачешь?

— Заплачу.

— Так ведь в случае его смерти твоим мужем стану я¹. Чего ж тут плакать? — сказал егет и, отлупив ее, нагнал страху, чтоб не сболтнула лишнего.

На другой день царь видит: в лавке тело осталось, головы нет.

— Может, кто-нибудь узнает это тело,— сказал царь и велел выставить его на базаре.

А вор дал енгэ золотую монету и говорит:

— Увидев тело агая, ты из жалости заплачешь. Царь спросит: «Почему плачешь?» Отвечай: «Я — сирота. Была у меня одна-единственная золотая монета, я ее потеряла, из-за этого плачу».

Пошла енгэ на базар, увидела тело мужа без головы

и заплакала. Сенаторы тут же схватили ее, поставили перед царем.

— Почему плачешь? — спросил царь.

— Я — сирота. Была у меня одна-единственная золотая монета, я ее потеряла, из-за этого плачу, — ответила женщина.

Дал ей царь золотую монету и отпустил.

Сказали царю:

— Есть один очень ловкий вор...

Царь переоделся солдатом и пошел к нему. Вор, тот самый, сидел на заборе. Царь, прикинувшийся солдатом, говорит ему:

— У царя много добра, давай, егет, что-нибудь у него украдем.

А у вора в руке был кнут. Принялся он хлестать царя да приговаривать:

— Он же — царь, которому мы присягу дали! Как можно у него красть! Есть баи, есть везиры. И у сенаторов добра хватает. Воруй у них, коли способен воровать.

— Я ошибся! — кричит царь. — Давай обворуем везиров и сенаторов!

Вечером вор повел «солдата» за сенаторским добром и говорит:

— Ты, солдат, постой вон под тем окном, послушай, а я лавку обчищу.

Переодетый царь, подслушивая под окном, услышал голос:

— Давай завтра пригласим царя в гости и отравим. Как только он умрет, объявим царем тебя.

Царь, услышав это, скорей — к вору.

— Эй, — говорит, — вор, не солдат я, а царь. Я прикинулся солдатом, чтобы испытать тебя. Воровство твое прощаю. Завтра меня позовут в гости, хотят отравить. Коль отравят, кого-то там объявят царем. Айда-ка ко мне, посоветуемся, как быть.

Пришли к царю, держат совет. Вор говорит:

— Надо до рассвета сшить одежды, какие носит царь египетский. Я оденусь в нее и под видом чужеземного царя пойду с тобой. Когда подадут тебе вино, ты не пей. Я найду, что сказать... Скажу — угощение сладко, когда пример подает хозяин. Кто-нибудь из них выпьет это вино и умрет. Тогда мы перебьем всех негодяев.

К утру вор нарядился царем египетским. Пошли вдвоем к везирам и сенаторам. Те поднесли царю вино, а царь не пьет.

— Выслушаем, — говорит, — царя египетского. Что он скажет.

Встал вор и говорит:

— Угощение сладко, когда пример подает хозяин.

Один старик — куда деваться! — выпил вино и тут же умер. Остальных перебили и ушли.

Царь отдал за вора свою дочь, назначил его назиром*.

Прослышал об этом царь другого царства и прислал гонца. Дескать, дошло до него, что здешний царь, вместо того чтобы приструнить вора, поубивал везиров и отдал за вора свою дочь. Пусть, дескать, отправит этого вора, связав руки-ноги, на его, другого царя, суд, иначе он сам придет с войском и всех перебьет.

В ответ царский зять-вор придумал хитрость. Сшил себе шубу шерстью наверх и велел на каждые три шерстинки привесить один колокольчик. И сапоги из лосиной шкуры сплошь обвесил колокольчиками. Потом запряг серую лошадь, к каждой ее шерстинке тоже привесил по колокольчику и в таком виде отправился с войском в другое царство. Но войско в пути бросил, приехал к тому царю один и говорит:

— Я — Газраил*, прибыл по твою душу.

Царь попросил три дня отсрочки.

— Тогда, — говорит, — и заберешь мою душу.

Егет наш, вор, ушел, сбросил шубу, переоделся нищим и вернулся посмотреть, что царь будет делать. А тот велел сколотить огромный сундук. Сундук оттащили в поле. Царь забрался в него с женой, лежит там — от смерти, значит, спрятался. Подсмотрев все это, вор на третий день опять оделся в звенящую одежду, запряг лошадь с колокольчиками и подкатил к сундуку. Сказав: «Знаю я, где ты лежишь», — погрузил сундук в арбу и повез домой. Дома взял палку, вытащил из сундука царя и давай его лупить.

— Ты, — говорит, — куда как расхрабрился, вора, дескать, не боишься. А коль не боишься, как сюда попал?

Царь со страху царство свое вору отдал, а сам остался при нем везиром.

144. КАК СТАРИК-КОНОКРАД ТВОРИЛ МОЛИТВУ

Много лет тому назад жил, говорят, один неграмотный старик. По крайней своей бедности, не зная, как дальше жить, приспособился он красть у баев лошадей.

Довольно долго занимался старик этим делом и до того наострился, что уже ничего ему не стоило украсть даже самого горячего жеребца из каменной конюшни со множеством запоров, охраняемой к тому же свирепыми собаками и сторожами с ружьями. Со временем он и товарищей себе среди бедолаг-бедняков нашел, научил их своему ремеслу.

Ветер траву не в одну только сторону клопнит. И у конокрадов дела не всегда складывались удачно. Как-то старый конокрад с товарищами угнали лошадей одного русского боярина. Но не успели порадоваться, что косяк — в их руках, — заметили погоню. С косяком не больно-то разгонишься, те вот-вот настигнут. Поэтому старик возле леса у перекрестка двух дорог сказал товарищам:

— Вы двигайтесь дальше, прислушиваясь к моему голосу.

Прикрытый косяком, он соскочил с коня, быстренько расстелил у дороги коврик для намаза и хотя ничего, кроме слова «бисмилла», не знал, принял вид творящего молитву. Тем временем товарищи его загнали лошадей в лес. Тут и преследователи подоспели. Пользуясь тем, что они не знали по-башкирски, старик принялся выкрикивать:

— Пеструю кобылу уведите скорей подальше, аллахи акбар! Буланую поставьте неподалеку, аллахи акбар!

Так, прикидываясь творящим молитву, старик подсказывал товарищам, что делать. Преследователи остановились возле него.

— Этот путник, наверно, видел, по какой дороге они поскакали. Надо у него спросить, — сказал один.

— Молясь, человек беседует с богом, не надо прерывать молитву, — сказал другой.

Решили подождать, когда старик кончит молиться. И вот ждут-пождут, а старику до них дела нет: отобьет, будто при намазе, поклон, потом, воздев руки, выкрикнет совет товарищам и опять — лбом об землю. Время идет, преследователи все ждут. Наконец, решив, что товарищам опасность уже не грозит, старик завершил «молитву», перекинул коврик через плечо и пошел в лес. Там вскочил на оставленного для него коня и уехал. Преследователи, подумав, что путник пошел совершать омовение, — такой уж, мол, у них обычай, — продолжали ждать. И поныне, говорят, все там же ждут. А старик-конокрад, догнав товарищей и сбыв лошадей боярина, живет себе и в ус не дует.

Как-то прознал Алдар, что у одного бая в клетке стоит горшок с золотом. И так и эдак примеривался Алдар к байскому горшку, но добратся до него не мог. Потому не мог, что клетку сторожила здоровенная собака. Но однажды придумал он хитрость и говорит жене:

— Надо, старуха, зарезать нашу единственную корову, иначе не разбогатеет.

— Так зарежь! — отвечает жена. Была она, оказывается, такая же решительная, как он сам.

Зарезав корову, надел Алдар длинную рубаху, набрал в подол кусочки мяса и пошел по улице, кидая эти кусочки. Когда дошел до байского двора, показал остатки мяса собаке, сторожившей клетку. Собака, завиляв хвостом, просунулась к нему. Алдар спустил ее с цепи и выкинул мясо на улицу. Собака — туда же. Проглотила мясо и побежала по следу Алдара подбирать брошенные им кусочки. Алдару только это и надо было. Залез он под клетку, поднял половицу, схватил горшок с золотом и был таков. Вернувшись домой, спрятал горшок.

Вскоре бай вышел в клетку, глядь — золота нет. Не-весть как догадавшись, кто украл, послал он двоих своих людей к Алдару. Алдар как раз сидел мясо ел. Пришли те двое и говорят:

— Ты зачем у бая золото стащил? Давай его сюда!

— А какое оно, какого цвета? Сроду я золота не видал, — отвечает Алдар.

— Коль не отдашь, мы тебя убьем, — говорят те.

— Ладно, сейчас поем, и тогда уж убьете, так убьете, — отвечает Алдар.

Наевшись, говорит:

— Ну, братцы, я готов.

Тут люди бая сунули его в мешок и потащили к проруби топить. У проруби говорят:

— Куда золото спрятал? Последний раз спрашиваем!

— Золото в горшке, в подворотне закопано, — соврал Алдар. — Идите откопайте.

Пошли те проверять, Алдара в мешке оставили. В это время шел мимо проруби старик-рыбак. Вдруг слышит:

— Выпусти-ка меня из мешка!

— А с чего это ты в мешке сидишь? — спрашивает старик.

— Да рыбу ловлю. Тут самое уловистое место, очень крупная рыба идет, — отвечает Алдар.

— Вылезай, коли так. Дай-ка и я половлю.

Выпустил старик Алдара и сам в мешок залез. Алдар быстренько завязал мешок и затаился неподалеку.

Прибежали рассерженные люди бая и, закричав: «Ах ты, обманщик!» — сунули мешок с рыбаком в прорубь. Пошел старик, забулькав, на дно.

Тут Алдар, который только этого и ждал, вылез из своего укрытия и говорит:

— За что вы рыбака утопили? Я сейчас начальству доложу! Закон вас по головке не погладит, сгниете на каторге!

У тех двоих глаза на лоб полезли. Принялись умолять:

— Ты уж, Алдар-агай, не докладывай!

— Как не доложить, доложу! — уперся Алдар. Попугав их, сколько надо, смилостивился: — Ладно, не доложу. Но и вы про золото забудьте. Скажите баю: «Нет у Алдар-агая», — и делу конец.

Взял с них клятву и даже подписями скрепить заставил.

А потом, подумав: «Что украдено у вора, то честно нажито», — продал золото и выбился из нужды.

146. ВОР МОСКОВСКИЙ И ВОР ПИТЕРСКИЙ

В давние-предавние времена жил, говорят, в Москве вор, прославившийся своей ловкостью. Воровал он так хитро, что никогда не попадался. В те же времена жил знаменитый вор и в Питере. И вот прослышали они друг о друге.

— Постой-ка, съезжу к нему, погляжу, и впрямь ли он такой ловкий, — решил московский вор и отправился в Питер.

А питерский вор как раз с тем же самым шел в Москву. Подходит московский вор к раскидистому дереву у дороги и видит: под деревом какой-то человек отдыхать расположился. Поздоровались они, разговорились.

— Иду повидаться с московским вором, — говорит вор питерский.

— А я и есть московский вор, — отвечает другой.

Познакомились, значит. И решили испытать друг друга.

— На этом дереве орлица высиживает пару яиц. Достань яйца так, чтобы орлица не почувяла, — говорит московский вор.

Слазил питерский вор на дерево, выкрал яйца. Ловко это он проделал, показал сноровку. Теперь его очередь испытать.

— Попробуй,— говорит,— отодрать каблуки с моих сапог так, чтоб я не заметил.

— Ладно,— отвечает московский вор,— только ты сначала как взял, так и положи яйца обратно в гнездо.

Полез питерский вор на дерево, а вор московский; воспользовавшись этим, отодрал с сапог каблуки — тот не заметил. Спустился обратно, глядь — московский вор каблуки протягивает.

Ну и зауважали они друг друга.

— Давай,— говорит московский вор,— перевези жену с детишками в Москву, вместе будем воровать.

Переселился петербургский вор в Москву. Подружились два вора, занялись своим промыслом напару.

В это время в Москве жил один очень богатый бай. Раз богатый, держал, значит, свой магазин. И вот начали пропадать из магазина разные товары. Бай и так, и эдак, и двух караульщиков попробовал поставить, а товары пропадают и пропадают. Сидел у бая в подвале, в собственном его зиндане, схваченный за руку вор. В конце концов пошел бай за советом к нему.

— Ты все окна-двери в магазине наглухо закрой, поставив внутри дымарь,— посоветовал тот.

Бай так и сделал. Глядь — в одном месте сквозь стену на улицу дым идет. Оказывается, в этом месте в стене был устроен лаз, дыра только картонкой прикрыта.

Опять пошел бай к сидевшему в зиндане вору.

— Теперь,— говорит тот,— поставь изнутри против лаза бочку разогретой смолы.

Так и сделал бай. Ну, а воры московский и питерский об этом ведь не знали. Пришли они ночью знакомой дорожкой, отодрали картонку. Полез вор питерский внутрь и только спрыгнул вниз, как очутился по самую шею в смоле. Московский вор никакими силами вытащить его обратно не смог.

— Ладно,— говорит питерский вор,— надо сделать так, чтобы меня не узнали. Коль узнают, и тебя, и мою семью кончают. Ты отрежь мою голову и смывайся отсюда. О моей жене позаботься.

Как ни жаль было друга, отрезал московский вор его голову и отнес жене.

Утром, придя в магазин, увидел бай в бочке человека. Только у того головы нет.

— Кто бы это мог быть? — подумал удивленно бай и пошел снова к вору, сидевшему в зиндане.

— Ты выставь тело возле магазина,— говорит тот.— Его близкие не выдержат, придут попроситься. У него должен быть и дружок. Может, и он придет.

Бай так и сделал. Жена питерского вора прослышала об этом и решила хоть взглянуть на тело мужа.

— Ты там не выдержишь, заплачешь. Чтоб не догадались, что ты — его жена, возьми с собой миску молока. Как только увидишь тело мужа, так пролей молоко. Скажешь, что из-за этого плачешь, — посоветовал ей московский вор.

Подходит женщина к магазину, а там тело мужа к стене прислоненное стоит. Ну, душа у нее переполнилась, заплакала она, тут же и молоко пролила. Привязались было к ней караульщики.

— Никто, — говорят, — не плакал, только ты заплакала. Не иначе, как ты — близкая этого человека!

А женщина:

— Три рубля, — говорит, — за молоко отдала, да невзначай пролила. Оттого и плачу.

Дали ей быстренько три рубля и прогнали, чтоб не сбивала с толку.

Сколько караульщики потом не высматривали, никто больше возле трупа не заплакал. Труп-то долго держать нельзя, пришлось закопать. «Ладно, не обязательно знать, кто это был, довольно и того, что вор мертв», — подумал бай и на том успокоился. Но прошло немного времени, и опять начали пропадать из магазина товары. «Выходит, не один он был», — догадался бай и решил во что бы то ни стало поймать и второго вора.

Сидевший в зиндане советчик посоветовал рассыпать по садовой дорожке золото. Дескать, вор, увидев золото, непременно наклонится и возьмет. Выставил бай скрытных караульщиков и велел рассыпать золото. И вот ходят люди через сад, только никто не наклоняется. А вечером посчитали — половины золота нет. Диву дался бай. Московский-то вор, оказывается, обмазал подошвы смолой и ходил туда-сюда, уносил золото, не наклоняясь.

Ну, раз так не удалось поймать, бай по совету того же сидевшего в зиндане вора велел зарезать барана, вынести тушку на базар и оставить там, а караульщикам затаиться в сторонке. И вот лежит тушка вроде бы без пригляда, а никто ее не уносит. Тут появился московский вор, в руке — корзинка с цыплятами. Поравнявшись с тушкой, он будто бы споткнулся и выронил корзинку. Цыплята — врассыпную. Байские караульщики кинулись ловить цыплят. А московский вор тем временем схватил тушку и был таков!

Обругал бай караульщиков за тушку, а сам думает: «Вор-то должен мясо сварить». Подумав так, нарядил одну старушку нищенкой и отправил вынюхивать, где

мясом пахнет. По запаху и нашла старуха дом, где жил московский вор. Заходит в дом, а тот и на самом деле мяса наварил. Накормил он нищенку досыта и посмеялся: «Это,— говорит,— баран такого-то бая». Старуха, уходя, пометила мелом ворота. Вор это заметил. Что теперь делать? Нашел мел и поставил такие же метки на всех окрестных воротах. Приехал бай со стражниками, чтобы вора схватить, а все ворота одинаково помечены.

Все же та старуха узнала нужный дом. Заходят туда, а в доме, кроме одной древней бабки,— ни души.

— Кто еще тут живет? — спрашивают у бабки.

— Один егет три дня прожил. Вчера ушел и не вернулся,— отвечает та.

Обругал бай на чем свет стоит свою нищенку и отправился домой.

Раз ни так, ни эдак не смогли поймать вора, бай приказал объявить по городу, чтоб тот сам пришел,— мол, и пальцем его не тронет. Ну, вор и пришел. Пришел, значит, познакомились и бай говорит:

— У меня в чугунной конюшне стоит конь. Сумеешь выкрасть его?

Конь, оказывается, был очень знаменитый, считался главным сокровищем бая — ни за какие деньги не продавался. Десять охранников охраняли его днем и ночью. Вот этого-то жеребца бай и велел попробовать выкрасть.

— Ладно, попробую,— сказал ловкач и ушел.

Дня через два идет московский вор, тащит четверть водки. Только поравнялся со стражниками бая, как поскользнулся и упал. Четверть треснула, водка потекла из нее. А день был зимний, студеный. «Чем зря добру пропадать, согреемся!» — сказали охранники и принялись пить водку. Выпили всю и, опьянев, свалились с ног, заснули кто где.

Вор обшарил карманы, нашел ключи от конюшни, отомкнул семь замков, вывел жеребца, запер конюшню, положил ключи на место и уехал. Охранники, протрезвев, проснулись в испуге. Хватились — ключи на месте. Все же, встревожившись, решили проверить, на месте ли конь. Но отомкнули пять замков, а последние два отомкнуть поленились. «Кто же,— думают,— доберется до коня, стоящего за семью запорами?» Успокоились на этом, сидят, охраняют пустую конюшню.

На другой день утром московский вор прискакал на жеребце прямо во двор к баю. У бая глаза на лоб полезли. Обругал он охранников, как последних собак, и прогнал со службы.

— Ладно,— говорит вору,— коня ты выкрал, а сумеешь ли выкрасть кошму из-под меня?

— Сумею,— отвечает московский вор.

К вечеру, прихватив гущины от самогонной бражки, забрался вор к баю под лежанку. Когда бай с его старухой легли и заснули, вор, только этого и ждавший, вылил гущину между ними. Проснулся бай и ну ругать жену:

— Ай-буй, наделала,— говорит,— ты дел!

А старуха:

— Сам, небось, наделал, вчера самогонку пил, самогонкой пахнет.

Пошла старуха за кумганом, чтоб чистоту навести. Как только она вышла, вылез вор из-под лежанки и говорит, подражая ее голосу:

— Дай-ка, бабай, кошму, смою эту гадость.

Бай со сна, не разобравшись, сам отдал кошму. Взял ее вор,— ему только это и нужно было,— и смылся. Вернулась старуха с кумганом, а кошмы нет. Таким образом, и на этот раз остался бай в дураках.

Едва рассвело — притащил вор кошму.

— Ну, последнее тебе условие,— говорит бай.— Попробуй теперь выкрасть мою старуху. Коль сумеешь, отдам тебе половину своего состояния.

Решил бай, что на этот-то раз уж не прозевает. Даже ложась спать, стал класть рядом с собой заряженное ружье.

В одну из ночей московский вор направился, чтоб выкрасть старуху. В пути наткнулся на мертвеца — человек на улице замерз. Поднял его вор, понес на себе. Дойдя до байского дома, прислонил мертвеца лицом к окошку, подвесил рядом колотушку и отошел в сторонку. И вот застучала на ветру колотушка. Проснулся бай, принял со сна мертвеца за московского вора, схватил ружье и — трах! — выстрелил. Труп упал. «Наконец-то прикончил я этого вора!» — обрадовался бай и побежал взглянуть на убитого. А московскому вору только это и нужно было: юркнул он в дом, зажал старухе рот и утащил ее. Пока бай вернулся, и след их простыл.

Утром доставил вор старуху обратно. Понял теперь бай, что окончательно проиграл. Пообещал он вору разделить свое состояние день-другой спустя, а сам надумал этой же ночью сбежать, прихватив все богатство с собой.

В те времена арбы у баев крытые были. Пока бай грузил свои вещи, московский вор оттащил того мертвеца на мост, прислонил к перилам, потом, вернувшись, забрался в крытую арбу. Погрузил бай свое богатство и выехал со двора. На мосту второпях задел осью постав-

ленного там мертвеца. Мертвец — с ног долой. Бай испугался. Тут затаившийся вор вскочил и говорит:

— Сейчас народу объявлю, что ты человека убил!

— Видать, нет мне спасения от тебя,— сказал бай и кинулся с места вниз головой.

Забрал московский вор все богатство бая, взял его старуху к себе в служанки и прожил, говорят, долгие годы, не ведая нужды.

147. ДВА ОБМАНЩИКА

Жил, говорят, встарь в городе по названию Крым один человек. Был он заядлый обманщик. Из-за этого решили люди прогнать его из города, да и прогнали. Обманщик на то и обманщик — набил он для виду заплечный кожаный мешок опилками, сверху положил немного тонкой пряжи и отправился в сторону города Мысыра.

И в Мысыре, оказывается, жил такой же обманщик. Он тоже ходил с кожаным мешком за плечами, только в мешке этом был козий навоз, присыпанный сверху орехами. И вот встретились два обманщика, спросили друг у друга, кто что несет, махнулись баш на баш заплечными мешками и пошли каждый своей дорогой. Через некоторое время оба раскрыли свои мешки и видят: у того, кто считал, что получил орехи, мешок набит козьими катышками, а у того, который думал, что разжился на даровщинку пряжей,— набит опилками.

Разозлились обманщики, пошли оба назад искать друг друга и встретились опять на том же месте.

— Ты — обманщик, под видом пряжи продаешь, оказывается, опилки!— говорит один.

— А ты, оказывается, вместо орехов продаешь навоз!— говорит другой.

И сцепились в драке. Дрались, дрались, пока не устали, а потом помирились.

— Айда наймемся к кому-нибудь в работники вдвоем,— говорит один как ни в чем не бывало.

— Айда.

Договорились, значит, и, дойдя до одного местечка, нанялись в работники. Работы оказалось не так уж много. У хозяина был бык. Надо было присматривать за быком и чистить в хлеву.

— Давай первым в хлеву почищу я, а ты сгоняй быка на луг, попаси,— сказал один обманщик другому.

Наутро один остался дома, другой погнал быка пастись. Но только вывел за ворота — бык взбрыкнул и по-

несся сломя голову. Целый день пробегал пастух за быком, устал так, что вечером еле-еле, не чуя ног, доплелся до хозяйского двора.

А тот, что остался дома, подумав: «Много ли навозу от одного быка!» — весь день проспал, лишь к вечеру заглянул в хлев. Заглянул и ахнул: навозу полным-полно. Выгребал, выгребал и кое-как кончил, когда уже стемнело.

Тут его товарищ говорит:

— Придется мне завтра прихватить с собой скамеечку.

— Что ты с ней хочешь делать? — спрашивает этот.

— Да бык на лугу спит и спит. Туда девушки по ягоды ходят. Со скамеечкой-то можно сесть с ними рядком да поговорить ладком, — отвечает тот.

— Постой-ка, мы ведь должны быка по очереди пасти! Завтра я его погоню, а ты побудь здесь.

— Нет-нет, я погоню! Я девушкам пообещал: «Завтра принесу скамеечку». Должен слово сдержать.

— Давай уж я схожу! Они меня за тебя примут!

— Ну, ладно, коли так, — согласился тот, что пас быка. — Пойдешь со скамеечкой.

Наутро обманщик, почистивший в хлеву, собрался выгнать быка на луг. Товарищ крепко привязал ему за спину скамеечку. Едва открыли ворота — бык взбрыкнул и понесся сломя голову. Новый пастух побежал за ним. Думает — коли скроется бык из виду, не удастся посидеть с девушками. Бык носился весь день, пока не повернул под вечер в сторону хозяйского двора. Егет наш, хоть и намучила его скамейка, отвязать и бросить ее не мог, так с ней и бегал, с ней и обратно прибежал.

А второй, проводив товарища с быком, подумал: «Много ли навозу от одного быка!» — и весь день провалялся, только вечером пошел в хлев. Заходит, а там — бог ты мой! — полным-полно навозу. Кое-как выгреб.

Тот, который бегал со скамейкой за быком, вернувшись, поднял крик:

— Ты зачем меня обманул?!

Опять завязалась драка. Дрались, дрались, потом помирились и сговорились:

— Стащим у хозяина деньги и сбежим отсюда!

Деньги свои хозяин хранил, оказывается, в сундуке, а сундук — в клетке. Ночью эти двое забрались на клетку, пробили потолок. Один остался наверху, другой спустился по веревке. Спустившись, привязал сундук и сам залез в него. Другой, не зная об этом, вытянул сундук, взгро-

моздил на себя и унес, подумав про товарища: «Пускай в клетки посидит».

Тащил он сундук, тащил, немалый путь одолел и, забравшись в камыши, лег спать. Только заснул — лежавший в сундуке обманщик выбрался наружу и унес сундук. Спрятался с ним в камышах в другом месте.

Просыпается его товарищ — сундука нет. «Наверняка тот пришел следом и утащил, пока я спал», — решил обманщик и пошел искать того. Ходил, ходил — не нашел. Тогда пришла ему в голову мысль: «Ну-ка, попробую заржать жеребцом. Коль затаился в камышах, должен клюнуть на коня». И заржал точь-в-точь как жеребец. А другой, подумав: «Жеребец, видать, откуда-то сюда забрел, поймаю-ка его!» — вылез из камышей.

— Тпру! — кричит. — Тпру!

А товарищ — цап его!

— Ты зачем сундук утащил?

— А ты сам зачем утащил?

— Как ты догадался, где я?

— А я в сундуке сидел!

Тут оба расхохотались. Насмеявшись, решили вместе отправиться в Мысыр.

Перед тем, как войти в город, один говорит:

— Давай я побегу вперед, к твоему приходу поесть-попить приготовлю, в доме приберу.

— Ладно, беги, — отвечает второй.

Мысырский обманщик подхватил сундук и побежал домой. Второй отстал. А тот, прибежав домой, велел сыновьям:

— Выкопайте-ка быстренько яму!

Сыновья тут же выкопали на задворках яму.

— Коль меня спросят, скажете — умер, — наказал обманщик и, взяв сундук, забрался с ним в яму. Сыновья накрыли ее лубками, накидали сверху земли. Теперь отец лежит в яме, ждет, когда придет крымский обманщик. А того нет и нет. Оказывается, долго искал дом товарища. Наконец, отыскал и спрашивает у его сыновей:

— Где ваш отец?

— Умер, — отвечают те, заплакав для виду.

— Где его могила? Он был моим другом, хочу сотворить над могилой молитву.

Тогда один из малаев повел его на задворки. Там крымский обманщик подобрал жердину и принялся лупить ею по «могиле», приговаривая:

— Вставай! Отчитайся в том, что свершил при жизни! Я — архангел. Прилетел за твоим отчетом...

А тот с перепугу отвечает:

— Я ведь не умер! Я живой!

— Коли не умер, зачем тебя похоронили?

— Я одному человеку должен, спрятался от него.

— Ага, вон оно что!..

Раскрыл крымский обманщик яму, спрыгнул в нее и на того — с кулаками. Тот узнал товарища и, поняв, что от него не избавиться, кричит:

— Брось, друг, брось драться! Давай поделим деньги поровну!

— Давно бы так! — говорит крымский обманщик.

Вылезли они из ямы, пошли в дом, поделили деньги поровну. После этого крымский обманщик отправился обратно в свой город. И до сих, говорят, живут эти два обманщика в достатке, богато живут.

148. СЕМЬ ВОРОВ И ХРАБРЫЙ МАЛЬЧИШКА

В давние-предавние времена жили, говорят, старик со старухой. Был у них сын. Измаяла их бедность, поэтому отправились они в поисках счастья в лес, построили там избушку и поселились в ней. Хоть с едой и в лесу было трудно, все же спасали разные ягоды и травы.

Однажды возле избушки на старую сосну опустился пчелиный рой. Старик быстренько смастерил улей и пересадил рой в него. После этого из года в год пчелы у них множились, число ульев росло и росло. Стали обменивать мед на базаре на всякую пищу и одежду. Наладилась было жизнь, потекла спокойно, да пришла беда: начали по ночам один за другим пропадать ульи. Старик не знал, что и делать. А сын, не долго думая, взял да в один из вечеров забрался в пустой улей.

Ночью подъехали семь воров и принялись обстукивать ульи. Знали: где пчелы громче загудят — там рой сильный, а где рой сильный — меду больше. Мальчишка догадался, зачем они стукнули по улью, и давай жужжать:

— Ж-ж, ж-ж...

— В этом улье пчел много, и тяжелый он, — сказали воры, погрузили улей в арбу и повезли.

Поднялись воры на высокую гору. А мальчишке в улье душно стало. Терпел он, терпел, ругая воров про себя, а потом, не выдержав, как крикнет изо всех сил! Семь воров с перепугу кинулись бежать без оглядки в семь разных сторон. Вылез мальчишка из улья, повернул лошадь в обратную сторону и, напевая песенки, поехал домой. Так старик со старухой благодаря храброму сыну и пчел сохранили, и лошадью обзавелись.

149. СУДЬЯ И КОНОКРАД

Человек по имени Уметбай был атаманом конокрадов. Однажды, угнав семь байских кобылиц, он попался, и бай подал на него в суд. Уметбай был сметливый вор и проныра. Узнав, что будет суд, он отправился в Сукадытамак, встретился там с судьей, приоткрыл принесенный за пазухой сверток и говорит:

— Выручи меня.

Судья, подумав, что ему сулят золото, обрадованно пообещал:

— Ладно, выручу.

И вот идет суд. Судья спрашивает у бая:

— Сколько у тебя было лошадей?

— Шесть.

— А почему тут написано — семь?

— Так те ведь кобылицы, — отвечает бай.

Судья допрашивает бая, а сам не сводит глаз с конокрада Уметбая. Уметбай нет-нет да сунет руку за пазуху — напомнит про сверток. Судья снова насекает на бая:

— Почему требуешь семь лошадей, коли у тебя их было всего шесть?

— Так ведь те — не лошади, те — кобылицы, — твердит свое бай. Решив, что судья спросил, сколько у него рабочих лошадей, мерингов, он сам запутал дело.

Теперь судья начинает допрашивать Уметбая. Вор сперва сунул руку за пазуху, напомнил про сверток и говорит:

— У меня все лошади — свои, все — кобылицы.

— Сколько их у тебя? — спрашивает судья.

— Семь кобылиц, — отвечает вор, снова сунув руку за пазуху.

Судья, будто бы очень внимательно во всем разобравшись, вынес решение:

— Подавший жалобу затеял несправедливое дело. Имея шесть лошадей, требует больше. Уметбай говорит правду. У него — семь кобылиц, и все — свои. Решение это — окончательное, обжалованию не подлежит.

После суда судья спрашивает у Уметбая:

— Ну, что у тебя там, за пазухой?

— Ладно еще выручил ты меня, а то пробил бы этот кирпич твою голову, — сказал Уметбай и отправился домой.

Давным-давно жил в одном ауле человек по имени Салим. Взяли его в солдаты. В те времена служили двадцать пять лет. Ушел он из аула двадцатилетним егетом, а вернулся, считай, стариком. Что делать? Приняла его к себе в дом одинокая женщина, занялся он хлебопашеством.

Вот сеет старик однажды гречиху. А сверху сыплет хороший такой, теплый дождь. Пока посеял, и кобылу его серую, и белый армяк грязью забрызгало — глянуть страшно. Наклонился к земле, чтобы борону на арбу поднять, и видит — гречиха уже прорастает. Подивился старик и поехал домой. Приезжает, а во дворе лошадь, запряженная в тарантас, стоит. Вышла навстречу старуха:

— Гость у нас!

— Вот и хорошо!

Тут и гость вышел.

— Эй, ровесник Салим, отыскал я тебя-таки!

Распрягли лошадь, овса задали. У старухи уже и самовар наготове, и бутылку выставила. Поели-попили, сидят, разговаривают. Гость говорит:

— Уже не молод ты, брось хлебопашество, собирай в ауле старье.

Нашел старик эту мысль очень удачной. Наутро товарищ повез Салима на базар, в пристяжке корову повели. Продав корову, купили сундук и набрали разную, нужную старьевщику, мелочь — карандаши, иголки, нитки. Обмыли это дело, и Салим вернулся в свой аул. Потом рано утром запряг свою серую кобылу, выехал старье собирать. Живо полную арбу собрал. На следующий день, взяв еды на дорогу, поехал в город. Только въехал в город — схватили его кобылу под уздцы.

— Бабай, ты куда старье везешь?

— Да сюда и везу, здесь это — ходовой, говорят, товар.

— Берем твое старье!

Завернули его в какой-то двор, много денег дали. Поблагодарив за деньги, выехал старик обратно на улицу. Огляделся — город большой, красивый, и погода стоит хорошая. Старик выпить был охоч — остановился возле пивной. Привязав кобылу к телеграфному столбу, вошел в пивную. Только вошел — на скрипке заиграли. За столом в пивной сидели трое егетов.

— Айдук, бабай! — говорят. — Садись к нам!

Старик собрался было заказать пива, а те говорят:

— Не траться, мы угощаем!

Тут и пива принесли, и еду выставили, ешь — не хочу! Ну, сидят, пьют, старик не теряется. Вскоре опьянел он и свалился.

— Приятеля своего с собой заберите, — кричит хозяин пивной.

— Хоть и попросишь оставить тут — не оставим, — отвечают егеты.

Вынесли старика, положили в его арбу и привезли в какой-то дом. Егеты эти, оказывается, были жулики. В доме сновали и какие-то девицы. Тут старика раздели, оставив в чем мать родила, натянули на него хорошее белье и уложили на кровать. Серой кобыле овса задали. К пробуждению старика на стол собрали, выпивку приготовили.

Проснулся старик, поднялся, бормоча молитву, и диву дался. Воздух в комнате — благовонный, все кругом так красиво, что глаз не оторвать, медные тазы и кумганы прямо-таки сияют. Возле кровати ждут старика богатый костюм, часы с цепочкой, трость с загнутой ручкой, тюбетейка узорчатая... Пока сидел старик в изумлении, вошла девица.

— Как дела, бабай? Ты знаешь, где находишься?

— Не знаю. Может, в раю?

— Да-да, в раю. Я — райская дева.

Ну, старик и поверил. Когда маленько опохмелился, совсем весело ему стало, язык развязался, начал пошучивать.

— А я ведь, — говорит, — полковник.

— Ты — наш хозяин, — отвечает девица.

— А-а-а... Вон оно как! — говорит старик.

— Айда-ка, бабай, умойся, — говорит девица.

Помогла ему хорошенько умыться, полотенце расшитое подала. Потом усадила за стол. Сидит старик, развалясь, коньяк попивает и спрашивает:

— Детка, разве и здесь есть-пить дают? Говорили ведь — в раю этого нет, одними райскими запахами душа насыщается.

— Ну, как же — нет! Одними запахами сыт не будешь, — отвечает девица.

— Это уж так, — соглашается старик.

Опьянел он и снова лег спать. Пока спал, вернулись откуда-то те жулики, положили возле него портфель. Проспался старик.

— Как дела, бабай?

— Ничего идут дела.

— Где, по-твоему, ты находишься?

— Думаю, в раю. Я — балкоуник, главный тут.

— Верно, верно! Признаем тебя своим хозяином. Очень ты, оказывается, благородный человек.

— Так, так, — говорит старик и просит опять налить коньяку.

Налили ему немного, помогли в костюме влезть, на голову шляпу надели. Стал наш старик ничем не хуже прежних важных «балкоуников».

— Ну, — говорят, — бабай, выпей еще рюмку-другую и поедем товары закупать. Ты — хозяин, в портфеле — деньги.

— Так ведь грамотой я не владею!

— Тебе грамота и не нужна, ты же — балкоуник!

Повезли старика в пароконном тарантасе по городу. Кружили, кружили по улицам, так что в голове у него все перепуталось. Привезли к мануфактурному магазину. Зашли туда, и старик говорит:

— Товары мне нужны.

Начал приказчик на прилавок товары выкидывать. Приказчик выкидывает, а те уносят и в повозку укладывают. Нагрузили повозку и укатили. Остался старик один в магазине.

— Деньги давай, — говорит приказчик.

Открыл старик портфель, а там — всякая шара-бара, бумажки пустячные и огрызок карандаша. Ну, приказчик сразу — баю своему звонить. Приехал бай.

— Что случилось?

Приказчик объяснил. Бай принялся допрашивать старика. Старик рассказал все, как есть. Про тех жуликов, оказывается, и прежде тут слышали, но не знали, где их искать. Ничего другого не оставалось, как отправить старика в тюрьму.

Повели старика в тюрьму. А те жулики уже переоделись и не упускали его из виду. В одном переулке подлетели в тарантасе, подхватили старика и увезли. Покружив по разным улицам, привезли в знакомый дом. И вот опять принялись угощать его.

— Ну, — спрашивают, — бабай, чего твоя душа желает?

А старик:

— По старухе своей и серой кобыле я соскучился, отпустите меня!

Тогда нагрузили арбу старика разным добром, самого хорошенько одели-обули и отправили домой.

Приезжает он домой, а старуха у окна сидит, все

ХАРАНБАЙ И ЗИННАТ-АГАЙ

КУНАЙ И КУПАЙ

НУЖДА УТОПИТЬСЯ БАЯ ЗАСТАВИЛА

СКАЗКА О ЗЕМЛЕ

глаза, беспокоясь за него, проглядела. Обрадовался старик.

— Ну его, — говорит, — этот рай! Были бы живы-здоровы моя старуха с серой кобылой — больше ничего мне не надо.

Я у этого старика в мальчиках жил. Справное было у него хозяйство.

151. КАК ХАРАНБАЙ СТАЛ НЕВИДИМКОЙ

Есть такое оставленное нам предками поверье: коли черную без единого белого пятна кошку разварить в черной бане, выдержав ее в кипящей воде сорок дней и сорок ночей, а потом взять одну из отделившихся от мяса косточек в рот, то можно, якобы, стать невидимым. Богатей Харанбай, прослышав об этом, выставил себя, рассказывают, на посмешище.

Однажды кликнул он своего батрака и говорит:

— Найди мне черную кошку. Без единого, даже со след от кончика пальца, белого пятна.

— А зачем она тебе, бай? — спрашивает тот.

— Не твое дело!

Ладно, слово бая для слуги — закон, отправился батрак искать черную кошку. И тут искал, и там искал — нет кошки, какую велел найти бай. Но в конце концов нашел в соседнем ауле. Принес баю. Связал бай кошке ноги, как скотине перед закланием, зарезал ее. Зарезав, велел снять шкуру, отнести тушку в черную баню, положить в большой котел и кипятить сорок дней и сорок ночей. Сорок дней и сорок ночей из байской бани валил черный дым. Егет-батрак, не зная отдыха, поддерживал огонь, подкидывал в топку дрова, подливал в котел воду. Через сорок дней пришел бай.

— Ну ладно, гаси огонь. Выложи теперь косточки рядом на полоч.

Выложил батрак кошачьи косточки. После этого бай принялся пробовать их на зуб. Куснет и отложит, куснет и отложит.

— Бай-агай, что ты делаешь? — спрашивает батрак. — Объясни, пожалуйста!

— Вот смотри на меня, — отвечает бай. — Коли я вдруг словно бы исчезну, сам поймешь.

Тут батрак сообразил, в чем дело. Как-то гости бая — к слову пришлось — говорили ему: коли мол, прокипятить черную кошку сорок дней и сорок ночей, а потом взять одну из ее косточек в рот, то можно стать неви-

димкой. Батрак разговор этот слышал и теперь подумал: «Наверно, бай проверяет, верно ли говорили гости». Подумал так егет и пришла ему в голову озорная мысль: «Постой-ка, разыграю я его, отомщу за свои обиды, за то, что даром работаю до черного пота».

Тем временем перед баем росла горка бесполезных косточек.

— Видишь меня? Что я делаю?— спрашивает бай.

— Вижу, бай, вижу,— отвечает батрак.

Попробует бай на зуб косточку и опять о том же спрашивает. Услышав тот же ответ, снова пробует. Когда взял бай в рот последнюю косточку, батрак прикинулся удивленным:

— Бай-агай, куда ты,— спрашивает,— подевался?

— Ну-ка, найди, найди-ка меня!— обрадовался бай и принялся то приседать, то выпрямляться, закривлялся возле батрака, заходя то спереди, то сзади. А батрак, прикидываясь, будто не видит его, шарил руками в воздухе, кидался туда-сюда. Бай разошелся во всю: ткнет егета в бок и отскочит, ткнет и отскочит, а то и пинка сзади даст. Позабавлявшись так некоторое время, вынул бай косточку изо рта и спрашивает:

— А теперь видишь меня?

— Да как же не видеть человека, стоящего передо мной!— отвечает батрак.— Вижу, бай, вижу.

После этого бай выбрал мешок побольше и отправился в магазин торговца Галиуллы, на которого всю жизнь точил зубы. Сунув у входа косточку в рот, прошел напрямик в склад. Продавцы решили, что он идет по делу к хозяину, ничего не сказали. Набил бай свой мешок товарами, а на обратном пути надумал прихватить с прилавка еще и сумку с деньгами. Тут продавцы закричали:

— Держи вора!

И, сцапав бая, заперли его до прихода хозяина в пустой комнате.

Прибежал разъяренный хозяин, заорал:

— Ты что среди бела дня людей грабишь?!

Бай в ответ:

— Галяу, ау! Где я?

А сам стоит на виду у окна. Потом прошел на цыпочках к прилавку и опять:

— Галяу, Галяу, где я? Сперва найди меня, потом поговорим.

И начал шутки выкидывать: то, подойдя на цыпочках, ткнет в бок Галиуллу или продавца, то присядет, то с одного места на другое метнется.

— Никак с ума человек спятил?— удивился торговец Галиулла.

— Неспроста он так! И голос не прежний.

— Верно! Не иначе, как спятил, а то не выделявал бы такое!— заговорили продавцы.

Голос у бая, раз во рту косточку держит, и вправду изменился.

Тут кто-то принес пеньковую веревку. Схватили бая, принялись вязать по рукам и ногам.

— Постойте!— закричал бай.— Сейчас я выплуну косточку, и вы меня увидите!

— Хватит, уже насмотрелись!— ответили ему и, заткнув рот платком, чтоб не кричал, отправили в сумасшедший дом.

И владельцем всего байского хозяйства стал, говорят, тот егет-батрак.

152. ХИТРОУМНЫЙ ЕГЕТ

В давние-предавние времена жили, говорят, старик со старухой. Был у них один-единственный сын, да и тот озорник и плут. Когда сын подрос, отец умер. Остались мать с сыном вдвоем. Егет охотился, ловил рыбу, тем и жили. Однажды на охоте егет прицелился в птицу, а стрела возьми да угоди в шедшего на базар торговца. Торговец, не успев и охнуть, скончался. Затащил его егет в лес, приставил к дереву, обшарил карманы и, забрав деньги, ушел домой.

Только было зажили в достатке — умерла и мать егета. Загоревал егет, но подумав, что вместе с мертвой сам в могилу не ляжешь, пошел на базар. Не пошел бы, да деньги убитого торговца уже кончились.

Пришел на базар, а там полным-полно торговцев. Решил егет как-нибудь разжиться за их счет. Словно бы как раз на такой случай на базаре рядом с магазином стояла изба под соломенной крышей. Егет взял да и поджег избу, а сам — в сторону. Весь народ сбежался на пожар. Тем временем, пользуясь переполохом, взял егет в магазине шелковое платье, шелковую шаль, туфли и был таков.

Вернувшись домой, нарядил он мертвую мать, посадил в санки и повез со двора. Шел, шел и дошел до города. Дело было к вечеру. Заглянул егет в окно одного дома, увидел там старика и, войдя в дом, попросился на ночлег. Старик пустил. Тело матери егет оставил в сенях, прислонив к стене.

У старика было три дочери: старшая — учительница, средняя — портниха, а младшая — продавщица. Смотрят они на егета, а старик спрашивает:

— Вроде бы с тобой и жена была, почему она не входит?

— Да очень она у меня стеснительная,— отвечает егет.

— Я ее позову,— сказала младшая дочь старика и, выйдя в сени, потянула мертвую за рукав:— Айда, енгэ, заходи!

Мертвая, покачнувшись, грохнулась на пол. На грохот выбежал егет и поднял крик:

— Убила мою жену!

Старик кое-как утихомирил егета, пообещав отдать за него взамен свою младшую дочь. До утра, пока люди не проснулись, похоронили труп на задах.

Пришел егет в город холостым, а вернулся домой женатым.

153. ЗАКИР И ШАКИР

Жили встарь два брата — Закир и Шакир, родные по отцу, но от разных матерей. У старшего, Закира, было три лошади, у младшего, Шакира,— только одна. Собрался старший землю вспахать и, раз у него не хватало одной лошади, занял у младшего. Лошадь у Шакира была очень горячая. Закир, хоть и знал об этом, все время погонял ее и загнал почти до смерти. Пришел Шакир за своей лошастью и видит: вот-вот она подохнет. Что тут было делать? Взял да, пока не поздно, зарезал. Потом вскинул шкуру на загорбок и понес продавать.

До базара было далеко. Дошел Шакир до одного аула и зашел там в маленькую избу. В избе сидела маленькая женщина.

— Непустишь ли переночевать?— спрашивает у нее Шакир.

— Нет, у нас поесть-попить нечего, да и мужа дома нет,— отвечает женщина. Тогда пристроился Шакир напротив избы под стогом сена.

А у той женщины, оказывается, был любовник — муэдзин. Она его в сундуке прятала. Вот выпустила она муэдзина, вкусно накормила, опять уложила в сундук и сундук заперла. Шакир все это из-под стога видел. Тут пришел хозяин избы.

— Ну-ка,— говорит жене,— налей мне чаю.

— Чай еще не вскипел, сейчас вскипячу,— отвечает жена.

Вскипятила чай, выставила остатки еды, которой угощала муэдзина, сели за стол. Хозяин, увидев Шакира, позвал на табын* и его. Шакир занес засохшую на солнце шкуру, положил себе под ноги. Вот пьют они чай, а Шакир нет-нет, да нажмет ногой на шкуру, нет-нет, да нажмет, и сухая шкура трещит.

— Ты зачем так делаешь?— спрашивает хозяин.

— Это не я,— отвечает Шакир.— В твоей избе живет шайтан, шкура дает знать об этом.

— Может и живет,— говорит хозяин.— Ночью все шуршал, спать не давал. Кабы ты его, проклятого, поймал, дал бы я тебе три горшка золота.

Раз такое дело, встал Шакир на шкуру, глянул для вида туда-сюда и говорит:

— Шайтан вот в этом сундуке.

Открыли сундук, а там муэдзин лежит, глазами поблескивает. Вытащили муэдзина, высыпали, как следует,— еле ноги унес. Шакир, получив три горшка золота, отправился домой.

Вернувшись домой, послал Шакир своего мальчонку к Закиру одолжить весы. Потом, взвесив золото, прилепил одну крупцу к чаше весов и отослал весы обратно. Закир, увидев эту крупцу, тут же прибежал к Шакиру:

— Где ты,— спрашивает,— золото взял?

А Шакир отвечает:

— Оказывается, нет ничего дороже конских шкур: за одну шкуру дают три горшка золота.

Закир — поскорей домой. Зарезал сразу трех своих лошадей, снял с них шкуры, уложил шкуры в мешок, вскинул на загорбок и потащил в соседний аул. Ходит по аулу, кричит, как научил Шакир:

— Кто желает дать золото за конские шкуры?

Кричит, но никто в ответ и ухом не поведет. Ходил Закир, ходил и, накричавшись до одурения, отправился ни с чем домой. «Ну,— думает,— обманул меня этот Шакир. Сегодня же убью его».

Была у них столетняя бабушка. В этот вечер старуха легла спать на место Шакира, а Шакир лег на ее место. Ночью пришел Закир и давай лупить железной палкой по месту, где всегда спал Шакир. Потом, решив, что после таких ударов вряд ли кто в живых останется, ушел, успокоенный.

Встал утром Шакир и видит: бабка мертвая лежит. Что делать? Попросил у соседа лошадь с арбой, укутал бабку в лисью шубу, посадил в арбу, будто живую, и по-

вез в другой аул. Приехав в аул, зашел в один дом. А в доме этом, оказывается, собрались на посиделки девушки.

— К вам гостья приехала, что ж не встречаете?— говорит им Шакир.— Дайте ей сперва напиться, сильно пить хочет.

Вынесли девушки ковшик воды, поднесли ко рту бабки, а бабка не пьет. Тогда, рассердившись, выплеснули девушки воду ей в лицо и ушли.

А Шакир, выбежав на улицу, начал кричать:

— Ай, окаянные! Плеснули бабке в лицо, а она с испугу умерла!

Еле его девушки утихомирили.

— Не кричи,— говорят,— люди ведь услышат. Возьми, сколько хочешь, золота, только не поднимай шума. Бабку мы сами похороним.

Дали Шакиру золота, сколько он захотел, и отправили домой.

Вернувшись домой, опять послал Шакир своего мальчонку к Закиру за весами. Взвесив золото, опять, как в тот раз, прилепил к чаше весов крупицу и отослал весы обратно. И опять прибежал Закир, сильно удивленный, во-первых, тем, что Шакир жив-здоров, а во-вторых, его богатством.

— Где ты,— спрашивает,— взял столько золота?

А Шакир отвечает:

— Ты вот ночью вместо меня убил нашу бабуку.

— И что же?

— А то, что мертвые старухи, оказывается, очень дорого ценятся.

— В каком ауле их покупают?— спрашивает Закир.

— В таком-то,— отвечает Шакир и объясняет, как продать.

Закир — поскорей домой. Прибежав домой, взял да и пристукнул насмерть свою мать,— она, бедняжка, как раз пол подметала. Решив извлечь таким образом выгоду, положил Закир тело матери в арбу, сам сел сверху и поехал в названный Шакиром аул. Приехав в этот аул, принялся кричать:

— Кто желает купить мертвую старуху?

Никто еще таких слов не слыхивал. Рассердился аульный народ и отдубасил Закира. Избитый и опозоренный, кинул он тело матери в яму и отправился домой. «Ну,— думает,— опять обманул меня Шакир. Теперь уж спуску я не дам».

Приехав домой, взял мешок и пошел к Шакиру.

— Ты,— говорит,— уже не раз меня обманул, я тебя за это утоплю.

Схватил Шакира, сунул в мешок, потащил к морю. Притащил на берег и думает: «Так ведь он не утонет, надо камень привязать». Но камня поблизости не было, по этой причине полез искать в глубокий овраг.

А тут как раз один богатый пастух гнал мимо отару своих овец. Потрогал он мешок и спрашивает:

— Что это за мешок?

— Это,— отвечает из мешка Шакир,— такой мешок, из которого можно увидеть всю, какая ни на есть, морскую рыбу.

— Ах, приятель,— говорит бай,— ну-ка, дай и мне по сидеть в мешке!

Вылез Шакир из мешка, посадил туда бая, сам отошел к овцам, смотрит издали, что дальше будет. Закир притащил камень, привязал к мешку и сбросил мешок в море. Забулькала вода, пошел бай ко дну.

Вернулся Закир домой, похваляется:

— Сыграл я с Шакиром шутку!

А потом говорит своему мальчонке:

— Сбегай-ка, погляди, плачут ли детишки Шакира.

Прибегает мальчонка в Шакирову избу, глядь — сам Шакир сидит с детишками, чай пьет. А Шакиров двор полон овец. Не поверил Закир своему мальчонке, сам пошел посмотреть и изумился.

— Где ты,— спрашивает у Шакира,— столько скота взял?

А Шакир в ответ:

— Ты слышал, когда я пошел ко дну, как вода булькала: бульк-бульк-бульк?

— Да-да, слышал. И что же?

— А то, что я так в подводном царстве овец отсчитывал.

И опять Закир взял да и поверил Шакиру, принялся умолять:

— Кинь-ка и меня в море, я тоже пригоню овец.

Ну, раз человек просит, как отказать? Посадил Шакир Закира в мешок, кинул в воду. Только, говорят, Закир до сих пор еще не пригнал овец. А Шакир живет себе припеваючи.

154. ДЕВЯТЬ ГУНДОСЫХ И ПИСКЛЯВЫЙ

Давным-давно, когда сороки были пестрыми, а деды наши — шустрыми, жил, говорят, один старик. Не богато жил и не бедно, а все же имел двух жен и от первой из них — девятерых сыновей, а от второй одного сына, Та-

за,— всего, стало быть, содержал двенадцать душ. У каждой из двенадцати душ — своя повадка, и все хотят есть-пить сладко. Плясал старик под двенадцать дудок, работал день и ночь, стараясь угодить всем, и в конце концов выбился из сил. Более всего удручало его, что дети меж собой не ладили. Девятеро стояли заодно, когда досаждали сыну второй жены,— дали они ему прозвище Мимылдак — Писклявый. Таз тоже был не промах, дразнил их самих, прозвав Тункулдаками — Гундосыми.

Однажды отец сказал сыновьям:

— Сынки, дрова у нас кончились, а у меня сил нет, сходите-ка в лес, наготовьте дров.

Сперва пошли в лес Гундосые и вдевятиером наготовили одну поленницу дров. Таз на другой день один накидал девять поленниц. Отправился старик взглянуть, как потрудились сыновья, и Таза за старанье похвалил, а работу девятерых охаял. С этого дня Гундосые еще пуще взъелись на Писклявого. А после смерти отца и вовсе распоясались.

Перед смертью отец позвал сыновей и сказал:

— Вам девятерым завещаю буланую кобылу, а Тазу — савраску.

Из-за этого Гундосые совсем взбеленились. Пошли они со зла в лес и подпалили поленницы Писклявого. Вскоре Таз запряг савраску, поехал за дровами, глядь — вместо дров угли лежат. Но не больно-то расстроился Таз погрузил угли в арбу и отправился в город. В городе попросился на ночлег к одному баю. Арбу свою под окно у самой стены поставил, а сам, войдя, сел возле окна и глаз с прикрытого дерюжкой воза не спускает,— якобы, груз у него очень ценный.

— Что у тебя там?— спрашивает хозяин дома.

— Да золото,— отвечает Таз как ни в чем не бывало.

У бая глаза на лоб полезли. Вышел он во двор, думает, как золото умыкнуть. Видя, что бай возле арбы крутится, Таз тоже вышел, заглянул под дерюжку и давай голосить:

— Золото мое украли, углей вместо него навалили!

Испугался бай, как бы народ не услышал о таком происшествии на его дворе — невесть что люди могут подумать. Принялся успокаивать Таза, возмещу, говорит, пропажу. Успокоился Таз и на другой день вернулся в аул с полной арбой байского золота. Гундосые, увидев это, рты разинули. Начали расспрашивать Писклявого, что да как.

А он:

— Сожгите свои дрова, соберите угли, отвезите в город. Как только въедете в город, начните кричать: «Кто на угли золото обменяет?» Там подскажут, что дальше делать.

Девять Гундосых сами свои же дровишки сожгли, собрали угли в короб, запрягли буланую кобылу и вдевяти-тером отправились в город, начали там кричать, как научил Таз:

— Кто на угли золото обменяет?

Только глупцов, чтоб за угли золото дать, не нашлось. «Это что за дурни?» — удивились в городе, намяли бока всем девяти-терым, покидали поперек арбы и отправили домой.

— Обманул нас Писклявый. Отомстим ему! — решили Гундосые и уговорились убить его мать.

А потом, когда Таза дома не было, взяли да убили. Крепко опечалило это Таза, но горе свое братьям он старался не показывать.

— Мечь — дело никудышных людей. Я мертвую мать на живую душу обменяю, — сказал Таз, запряг свою савраску, посадил покойную в арбу и поехал в город.

В городе опять высмотрел богатый двор и напросился на постой.

— Что жену в дом не зовешь? — спрашивает к ночи бай. — Пусть и она войдет.

— Да она больно стеснительная, поэтому хочет всю ночь на возу просидеть, — отвечает Таз.

А немного погодя вышел он во двор и давай вопить:

— Жену мою убили! Ограбили!

Бай, услышав о смертоубийстве на своем дворе и испугавшись худой о себе молвы, кое-как успокоил Таза, — бери, говорит, взамен мою дочь с богатством, только не шуми.

Забрал Таз, не мешкая, байскую дочь с приданым и отправился домой. Возвращение Таза с богатством, да вдобавок с молодой женой сильно удивило его братьев.

— Как ты, — спрашивают, — обменял мертвую мать на живую жену?

— После того, как вы убили мою мать, повез я труп в город и принялся кричать: «Кто за покойницу живую девушку даст?» Тут набежали бай и даже перессорились — каждый старался свою дочь с богатством вперед протолкнуть.

Услышав это, девять Гундосых вернулись поскорей к себе, пристукнули свою мать, запрягли буланую кобылу и поехали в город, принялись там кричать, как научил Таз:

— Кто живую девушку на покойницу обменяет? Кто за покойницу живую девушку даст?

— Это что еще за дурни? — удивились в городе, снова намяли бока всем девятерым, покидали в арбу и отправили обратно.

— Нет прощения Пискалявому, опять он обманул нас, — решили братья на обратном пути и сговорились: — Убьем его, а жену и богатство заберем себе.

Приехав домой, говорят:

— Ты, Таз, опять обманул нас! Мы тебя за это убьем, а жену и богатство заберем себе.

— Убьете так убьете, хотя никакого урона я вам не причинил и накидываться в девятером на одного — никудышное дело, — ответил Таз. — Только уж вы сделайте так: посадите меня во вьючный мешок и киньте в озеро.

Посадили Гундосые Таза во вьючный мешок и потащили на себе к озеру. А Таз как ни в чем не бывало всю дорогу песни распевал. Когда дотащили до озера, посоветовал братьям:

— Вы меня в воду просто так не бросайте — притопите длинной жердью.

Решив так и сделать, пошли девять братьев в девять разных сторон искать жердь. В это время к Тазу, распевавшему в мешке песни, подошел пастух одного бая и спрашивает:

— Ты что тут делаешь?

— Греюсь, — отвечает Таз. — В мешке, оказывается, очень тепло.

Закоченевший на холоде пастух взмолился:

— Пусти и меня погреться!

Велел Пискалявый развязать мешок, а когда пастух развязал, вылез и говорит:

— Айда полезай, мне жарко стало, маленько остужусь.

Только залез пастух — Таз крепко завязал горловину мешка и, отойдя в сторону, затаился. Тут вернулись девять Гундосых с жердью и столкнули мешок в озеро. Пошел пастух ко дну, ничего не успев сказать, только вода забулькала.

Вскоре пригнал Таз оставшихся без присмотра коней к себе во двор. Вышла навстречу жена, обрадованно открыла ворота. Увидев это, пришли девять братьев в изумление, стали расспрашивать, откуда взялся табун.

— Вы слышали, как вода забулькала? Это я на дне озера коней ловил. Их там, оказывается, очень много, — ответил Таз.

Глухие и жадные братья принялись упрашивать.

— Утопи нас, мы тоже табуны пригоним!

Коли хотите пригнать табуны, приготовьте на девятерых девять мешков,— велел Таз.

Приготовили Гундосые девять мешков. Повел Таз братьев к озеру. Первым посадил в мешок и сбросил в воду самого старшего. Пошел тот ко дну, следом вода забулькала. Тут второй брат заволновался, закричал в нетерпении:

— Булькает, булькает! Видать, уже коней ловит. Скорей сбрось и меня, как бы он там и мою долю не захватил!

И его посадил Таз в мешок, толкнул в воду. Этот тоже забулькал. А третьему уж невтерпежь ждать. И так было со всеми — и с четвертым, и с пятым, и с шестым, и с седьмым, и с восьмым, и с девятым. Таз не спеша всех, одного за другим, утопил.

Избавившись от братьев, которые сами работать не любили, а работающему мстили, зажил, говорят, Таз спокойно, и с женой у него все было ладно да складно.

155. УМНЫЙ ЕГЕТ И ЖАДНЫЕ БАИ

В давние-предавние времена в одном из аулов возле Уршака* жили, говорят, старик со старухой. У них был сын Лукман, вступивший в возраст егета. Заели старика со старухой нехватки: кроме козы во дворе да голых нар и чувала в избенке, ничего у них не было. Прожили они отпущенные им дни, похворали немножко и друг за дружкой приняли легкую смерть. Оставленного сыну богатства бедняжек едва хватило на похороны. Козу Лукман продал, чтобы похоронить мать, а деньги, полученные за готовую развалиться избенку, потратил на погребение отца.

Предав земле отца с матерью, остался егет ни с чем: ни кола у него, ни двора. Долго он ходил, не зная, куда голову приклонить, кому о горе своем рассказать. Но горе горем, а есть-пить ведь надо.

Пошел Лукман и нанялся по-соседству к одному русскому помещику пастухом. Очень злой, говорят, был этот помещик. Чуть что—хвотался за плетку, спускал с батрака семь шкур и прогонял, не заплатив за работу. Лукман делал свое дело старательно, и горе понемножку улеглось. Но однажды отбилась от стада овца. Как это случилось — ума не приложить. А помещик каждый день сам пересчитывал своих овец. Не досчитавшись в загоне

одной овцы, исполосовал он беднягу Лукмана двенадцатихвостой плеткой так же, как прежних батраков.

И вот Лукман, прикрыв горящую огнем спину изодраным армяком, сидит у скрещения дорог, не знает, куда податься. И вдруг подъехали к нему два всадника: кони у них горячие — из-под копыт искры сыплются, а одежда — знатней знатной.

— Ассальямагалеюкум, егет! Куда путь держишь? Что тут сидишь? — спросил один из всадников.

— Вагалеюкум ассальям, бай-агай! Идти мне некуда, вот и сижу тут, — ответил Лукман и рассказал, что ему пришлось пережить.

Выслушав егета, отъехали всадники в сторонку, посоветовались о чем-то меж собой, потом тот, что постарше, говорит:

— Вот что, кустым! Возьмем мы тебя к себе коней пасти. Будешь сыт, одет-обут, а года через два оженим тебя, заживешь своим хозяйством.

У Лукмана, не слышавшего после смерти отца с матерью ни единого ласкового слова, на душе потеплело, на лице засияла улыбка. Вскочил он и говорит:

— Спасибо, бай-агаи! Что ни скажете, со всем я согласен.

— Айда за нами! Наш яйляу — вон там, где Кызыл вливается в Уршак. Слышал о баях Салиме и Кариме? Это мы и есть, — сказал старший бай, и оба бая поскакали в ту сторону, куда показали. Пришлось Лукману, кое-как волоча истерзанное тело, побежать за ними.

И вот оказались они на просторной, дивной красоты поляне. Смотрит Лукман — поляна гибкими ивами и ветлами оторочена, цветами душистыми усыпана. Стоят на ней рядком большие юрты, за юртами, вытянувшись серебряной лентой, течет полноводная речка. На речке лебеди, утки, гуси плавают. В тальнике соловьи поют. Райское прямо-таки место. Сколько ни любуйся такой красотой — не налюбуеться. Но присмотрелся Лукман повнимательней — что-то ни души вокруг не видать и человеческих голосов не слышно.

— Ну вот, кустым, — говорит Карим-бай, — вот он, наш яйляу. А вон, на той стороне, — табун, который ты будешь пасти. Эй, кто там есть! Оседлайте-ка того мерина, приведите этому егету!

Привели Лукману лошаденку под седлом, и стал он с этого дня байским табунщиком. Раз на плечах — хоть и не новый, а все ж не драный армяк и кормят досыта, забылись обиды, причиненные жизнью. Сам благодатный

воздух цветущей долины Кызыла заживил раны на теле егета, налились его руки силой, окрепли кости. Работал он, доводя всякое дело до конца, глаз с табуна не спускал. И залоснилась шерсть коней и жеребят, стали они взгрывать от сытости.

Вскоре Карим-бай с Салим-баем добавили к табуну Лукмана десятка два коней, потом — десятка полтора, потом — еще... Пять раз так повторилось. Коней пригоняли сами бай и всегда — после полуночи, перед рассветом. Ну, Лукман и решил — егет ведь, кое-что соображает — разгадать загадку этого странного дела. И однажды ночью, когда опять должны были пригнать коней, оставил он табун в укромном местечке и отправился вслед за баями. Долго они ехали степью. Около полуночи доехали до поросшей лесом скалистой горы. Тут спешились бай и под скалой, за густыми кустами принялись — трах-бах! — расшвыривать камни. Лукман привязал своего коня в сторонке, подкрался поближе и видит: за кучей камней белеют тесовые ворота. Вот бай расшвыряли камни и только открыли ворота — с шумом-ржаньем вырвались на волю десятка два коней. Но все они были в путах, так что разбежаться не могли. Не успел Лукман подумать, откуда они взялись, как один из баев говорит:

— Хороши кони в лесной стороне! Ишь как выиграла! Может, и в следующий раз оттуда пригоним?

— Нет, Карим, теперь на казахскую степь нацелимся, — отвечает другой.

— Как бы не влипнуть нам! — говорит Карим.

Понял Лукман: бай-то на воровстве разбогатели.

Тут вдруг его конь заржал — отозвался на ржание выпущенных на волю коней. Бай оторопело посмотрели друг на друга и скорей — в седла. Лукман тоже метнулся быстрее кошки к своему коню и умчался на яйляу. Пока прискакали те, пустил коня в табун, сам, накрывшись армяком, прикорнул под деревом — будто бы спит.

Пригнали бай краденых коней, наказали присматривать за ними позорче, поехали к юртам. И надо же: Салим-бай заприметил, что один конь в табуне потный, парок от него идет.

— Худо дело, Карим! — говорит Салим-бай, когда немного отъехали. — Табунщик-то знает нашу тайну. Придется отправить его вслед за прежними.

Наутро, едва солнце взошло, опять приехали бай к Лукману, привезли в арбе большую белую кошму с подушкой.

— Ты, кустым, — говорит один, — наверно, сильно

устаешь. Вот привезли тебе кошму, чтоб мог поспать, пока табун днем у водопоя стоит.

Хоть и смекнул Лукман, что неспроста это, все ж взял кошму и поблагодарил баев. Прошло два дня. Пригнав табун на водопой, ложился егет на кошму, но, слышав в кустах какой-нибудь шорох, тут же вскакивал. На третий день откуда ни возьмись — заявился к Лукману тот помещик. Добрый такой на вид. Вежливо расспросил о здоровье. Оказывается, все батраки от него сбежали, стадо без пригляду осталось, вот сам с ним совсем замаялся и пастуха ищет. Ну, Лукман будто бы даже пожалел его — мол, приляг на кошму, отдохни. Когда помещик, накрывшись, чтоб мухи и комары не донимали, заснул, Лукман отошел в сторонку, затаился. В полдень видит: вылезли из кустов Салим-бай с Каримбаем, подкрались, ступая по-кошачьи, к помещику, быстро завернули его в кошму, обмотали веревкой, покатали к речке и толкнули в воду. Только и успел помещик крикнуть:

— Постой! Постой!

— Егет-то нас у русского бая по-русски говорить наострился! — посмеялись бай и пошли, довольные, к своим юртам.

Шли они, шли, глядь — Лукман большущее стадо гонит. Остолбенели бай от изумления. А Лукман, поравнявшись с ними, говорит:

— Спасибо вам, бай-агаи! Помогли вы мне разбогатеть. Видите, сколько овец нашел под водой!

Глаза у баев, как у волков, загорелись. Оба в один голос:

— Помоги и нам попасть туда!

— Пожалуйста, пожалуйста! — отвечает Лукман. — Там скоту счету нет. Вы только принесите две кошмы...

Кинулись бай со всех ног, притащили кошмы. Лукман велел баям закататься в них. Когда закатались, принялся обматывать их крепкими ремнями. Бай в нетерпении спрашивают:

— Ну, скоро мы окажемся на дне? Долго еще ждать?

Затянул Лукман ремни, подкатил баев к берегу и, сказав:

— Немало пограбили вы бедняков, кровопийцы! Так вам и надо! — толкнул обоих в воду.

Все, что награбили помещик и бай у народа, раздал Лукман беднякам, жившим вдоль Уршака и Кызыла.

Так бедный, но умный егет взял верх над жадными и глупыми баями.

В давние-предавние времена было, говорят, где-то крошечное царство. Царствовал там очень злой царь. Даже за пустяковую вину он приговаривал к смертной казни. Однажды, придравшись за что-то к одному крестьянину, царь приказал своим солдатам казнить его. Связали крестьянина по рукам и ногам, положили в арбу и повезли в темный лес, чтобы сбросить его там в глубокую яму. По бокам арбы шли по два солдата при всем своем оружии. Попалась им в пути небольшая поляна. Поляна была полна воронов-стервятников. Увидев людей, они взлетели и закружили, галдя, в небе. В это время крестьянин приподнял голову и говорит:

— Эй, птицы мои, оказывается, и вы знали, что меня сюда привезут, казнят и мое тело станет добычей для вас...

Только он это проговорил — вороны загалдели еще пуще. Удивило это солдат, и один из них спрашивает у крестьянина:

— Никак, ты птичий язык знаешь?

— Как не знать, знаю, очень хорошо знаю, — отвечает крестьянин.

Переглянулись солдаты, и один из них опять говорит.

— Коль он и вправду знает птичий язык, лучше отвезти его обратно к царю. Может, царь помилует его.

— Верно.

— Так, так, — подтвердили остальные.

И вот царь, выйдя из своего двора, вдруг видит, что ворота распахнулись — солдаты с тем крестьянином возвращаются обратно. Вскипела у царя кровь. Ладно, солдаты успели сказать ему, что крестьянин знает птичий язык, а то у всех головы слетели бы с плеч. Сказанное солдатами немного утихомирило царя. Пошел он к арбе, спрашивает у крестьянина:

— Ты и вправду умеешь по-птичьи разговаривать? Скажи честно, а то я тебя испытаю и, коль окажется, что соврал, повешу.

Крестьянин сказал, что и вправду умеет.

На другой день царь велел запрячь в тарантас лучших лошадей, посадил крестьянина рядом с собой и повез на испытание. (Крестьянин поставил условие, чтоб поехали без солдат). Быстроногие аргамаки помчались, как ветер, и мигом довели их до той поляны. Крестьянин, распрягая лошадей, велел царю затаиться на краю поляны под деревом, а когда тот затаился, подкрался к нему и примотал вожжами к дереву. Потом взял ременный кнут и давай царя стегать. Лупит, значит, и лупит —

свист кнута и вопли царя по всему лесу и окрестным полям разносятся. Царь, не вытерпев боли, сознание потерял. А крестьянин, отведя душу, запряг лошадей и укатил с поляны. Отъехав порядком, остановился на лугу, отвязал от тарантаса косу и принялся сено косить.

Тем временем, раз царь не вернулся, солдаты отправились искать его. Пришли на ту поляну, глядь — царь примотанный к дереву стоит. Кое-как отмотали, повезли скорей домой. Везут, торопятся — сзади пыль клубится. Ехали, ехали, видят — косарь на лугу сено косит. А это был тот крестьянин. Спрашивают у него:

— Тут человек в тарантасе не проезжал?

— Только что проехал, — отвечает косарь, — пожалуй, недалеко отъехал, можно догнать. Но, увидев вас, он, наверно, погонит быстрее. Дайте коня, я живо догоню его и поверну сюда.

Взял у тех коня и ускакал. Вскоре пустил коня пастись в урему, а сам, обмотавшись разным рваньем, сел посреди дороги. Подождали царские солдаты косаря, подождали и, не дождавсь, продолжили свой путь. Немного погодя наткнулись на человека в лохмотьях, сидевшего посреди дороги. Видят — рядом его шляпа лежит, человек ее сверху рукой придерживает. Поздоровались с ним, спрашивают:

— Тут всадник не проезжал?

— Да нет, — отвечает крестьянин. — А кто должен был проехать?

Солдаты не стали объяснять, кого ищут. Один из них спрашивает:

— Зачем ты тут сидишь?

А крестьянин:

— Да вот поймал золотого голубя, не знаю, как с ним быть.

— Коли так, отдай нам, мы его в золотую клетку посадим, — говорит один солдат.

Крестьянин велел солдату расстегнуть ворот, сунул ему за пазуху «голубя» вместе со шляпой и застегнул шинель. Заполучив «золотую птицу», солдаты на радостях забыли про косаря, заторопились в сторону дома. Вперед гонца послали, чтоб во дворце приготовили золотую клетку. Когда они доставили царя во дворец, клетка была уже готова. Солдат, расстегнув ворот, вытащить птицу предложил царю. Сунулся царь к нему за пазуху, хватить — и всю руку вымазал в дерьме. Только тут солдаты догадались, что провел их тот самый крестьянин,

которого они искали. Царь со злости, говорят, казнил своих бестолковых солдат и сам, не выдержав унижения, помер.

157. КЫРКАЛДАР

Жил, говорят, в прежние времена знаменитый обманщик по имени Кыркалдар*. Слава о нем разошлась по всей округе, дошла до самых дальних аулов. Узнав об этом, мулла, считавший себя очень умным, решил: — Пстой, сумеет ли Кыркалдар обмануть меня? Испытаю-ка его!

Запряг лошадь в тарантас, поехал к Кыркалдару. Заходит в дом, а хозяина дома нет.

— Где Кыркалдар? — спрашивает мулла у его жены.

— Вон на пригорке сено косит, — отвечает та.

Поехал мулла туда, а Кыркалдар, увидев его, смекнул, в чем дело, накрыл тюбетейкой кучку навоза, сел рядом и прикинулся, будто тюбетейку придерживает. Мулла подъехал, поздоровался и говорит:

— Тебя называют знаменитым обманщиком, давай обмани меня!

— Я бы рад обмануть, да мешок с хитростями дома остался, — отвечает Кыркалдар. — Вдобавок, боюсь упустить сидящего под тюбетейкой попугая.

— Коль дело за этим стало, я подержу тюбетейку, а ты возьми мою лошадь, съезди домой, — говорит мулла, загоревшись.

— Ладно, раз так, — сказал Кыркалдар и уехал.

Остался мулла придерживать тюбетейку. А Кыркалдар поехал к нему домой и говорит абыстай*:

— Мулла велел привезти триста рублей. Коль не веришь, посмотри — в своем тарантасе меня прислал.

Как было абыстай не поверить, поверила, дала триста рублей.

Кыркалдар направился в ту сторону, где оставил муллу, по пути набрал в тарантас сена, спрятался под ним, пустив лошадь идти по своей воле. Мулла тем временем придерживал тюбетейку. Долго так просидел и, лишь увидев свою бродившую по лугу лошадь, догадался, что Кыркалдар обманул его.

— Ну, я ему устрою, убью попугая! — решил мулла, ударил изо всех сил по тюбетейке и тут же обрызгался с ног до головы жидким навозом. Так, осрамившись, вконец раздосадованный, поехал домой.

Только, приехав, распряг он лошадь и ушел в дом — Кыркалдар, выбравшись из-под сена, встал у окна, слу-

шает. Мулла рассказал жене, как его Кыркалдар провёл, а та говорит:

— Это что! Одежду выстираем — и ты чист. А вот у меня он триста рублей взял.

— Какие еще триста рублей?

— Так, Кыркалдар же сказал, что ты его за деньгами послал.

— Ах, дура! Кто ж ни с того ни с сего деньги отдает?!

— С какой это стати я — дура? По твоей собственной дурости так вышло! Как было не отдать, раз ты его в своем тарантасе прислал?

Сцепились мулла с абыстай, лаются, а Кыркалдар слушает — рот до ушей.

Мулла, разгорячившись, шмякнул шапкой об пол, кричит:

— Не носить мне эту шапку, коль не отплачу Кыркалдару! В отместку я его дочь умыкну!

Услышав это, Кыркалдар быстренько вернулся домой и переоделся в одежду дочери. Вечером вышел, сел у ворот. Тут, взвирывая пыль, подкатил мулла. Не разобравшись в сумерках, схватил Кыркалдара и увез. Едет, радуется:

— Удачно, — сам себе говорит, — получилось, провел я его!

Вернувшись домой, втолкнул «похищенную» в комнату своих дочерей, запер с ними на ночь.

Наутро через аул проходил караван. Мулла продал «похищенную девушку» караванщикам и позлорадствовал.

«Твой отец, — думает, — обманул меня, пусть-ка теперь поживет без дочери!»

В соседнем ауле караванщики остановились, повели коней на водопой. Пока то да се, Кыркалдар слез с повозки и смылся. Быстренько переменял одежду на мужскую, идет в свой аул. Вскоре видит — следом скачет погоня. Поровнялись с ним, спрашивают:

— Агай, тут девушка не пробегала?

— Это дочь муллы, что ли?

— Да-да!

— Так она в сторону своего дома прочесала.

Караванщики во весь опор помчались дальше. Кыркалдар, посмеиваясь, продолжил свой путь. Подходит к аулу, а навстречу — те караванщики. Везут вопящих дочек муллы. Мулла следом бежит, руками размахивает, его время от времени плеткой успокаивают.

Таким вот образом мулла, решив досадить Кыркал-

дару, сам остался с носом. А Кыркалдар спокойно вернулся домой и все еще, говорят, живет, дурача простаков в полное свое удовольствие.

158. КАК БАЙ ЗАЛАЯЛ ПО-СОБАЧЬИ

В давние-предавние времена был, говорят, один бай. Была у него хорошая собака. Однажды собака набросилась на бедняка. А бедняк не будь прост — хватить ее палкой. Кувыркнулась собака, и дух из нее — вон. Бай, увидев это, подал на бедняка в суд.

Судьи спрашивают у бая:

— Какое наказание ему вынести?

— Собака сторожила мой двор, сторонних людей близко не подпускала, отпугивала лаем. Пусть теперь у меня вместо собаки лает он, — ответил бай.

Пришлось после этого человеку лаять вместо собаки. И днем лает, и ночью лает.

Но как-то познакомился этот сторож с ворами и сказал им:

— Приходите темной ночью. Я буду лаять изо всех сил, а вы не пугайтесь. Уведете самых лучших коров и лошадей бая.

Условленной ночью пришли воры. Бедняк лает — заливается, мечется от ворот к окошкам, от окошек к сараю. А воры вывели коров и лошадей и угнали, поминай, как их звали. Бай, проснувшись от лая, поразился: «Хорошо сторожит, правильно я сделал, попросив судей вынести такой приговор». Не встал он, не выглянул во двор, не посмотрел в окошко, — снова сладко заснул.

Утром вышел бай взглянуть на коров, а в сарае пусто. Кинулся в конюшню, а там лучших его лошадей нет. Крепко осерчал бай и опять подал на бедняка в суд.

— Собака лаяла? — спрашивает судья.

— Лаяла, сильно лаяла, — отвечает бай.

— А ты вышел посмотреть, отчего она так лает?

— Нет, не вышел.

— В таком случае тебе не на кого пенять, сам виноват, — сказал судья. Взял да оправдал бедняка.

Загоревал бай. «Как, — думает, — от бедняка избавиться? Нажил я беду на свою голову». Думал, думал и надумал. Запряг лошадь, посадил бедняка с собой и повез в лес. Ехали, ехали, вот и лес рядом. Бедняк догадался, зачем его бай везет.

Дело было вечером, уже смеркалось. Присмотрел бедняк впереди вывороченный с корнями дуб. Чернеет глы-

ба земли, из нее корни в разные стороны торчат, и ветер их покачивает.

Схватился бедняк за вожжи, закричал, чтоб испугать бая:

— Гляди, бай: медведь! Сюда идет! На задние лапы встал. Съест он нас, ни тебя, ни меня, ни лошадь не пощадит!

Затрясся бай.

— Как быть? Давай,— говорит,— поворачивай назад, к дому.

А бедняк:

— Нельзя! Медведь — зверь лютый. Увидит, что поворачиваем, и тогда уж точно съест. Его только собачьим лаем можно отпугнуть.

— Лай скорей! Ты же — собака,— просит бай.

Бедняк сделал вид, будто хочет залаять, да не получается.

— Голос,— говорит,— пропал. Надо громко лаять, а так — бесполезно.

Некуда баю деться, сам залаял.

— Ага!— говорит бедняк.— Испугался медведь, пятится!

Бай еще пуще залаял, уж так старался, так старался — даже охрип.

— Ну,— говорит бедняк,— пока он пятится, повернем назад.

Повернул лошадь к аулу, ожег кнутом, погнал что есть мочи.

Сильно струхнул бай, а когда понял, что спасся от медведя, напал на него другой страх. Едет и боится, как бы теперь бедняк не рассказал всем, что вынудил его лаять.

— Слушай-ка,— говорит,— ты никому не рассказывай об этом. Я тебе, что ни попросишь, дам. Только, пожалуйста, не проговорись.

А бедняк:

— Ладно, дай мне два мешка пшеничной муки и построй хороший дом.

Что баю делать, пришлось раскошелиться.

Бедняк, говорят, поныне в том хорошем доме живет, белый хлеб жует.

Жила встарь одна женщина. Была у нее дочь. В том же ауле у одного бая был сын. Заневестилась девушка, и егет возмужал. И девушка — красавица, и егет красивый. Байский сын посулил девушке жениться на ней и обманул — затяжелела она. В должный срок родился мальчик. Красивый такой ребеночек. Теперь надо имя ему дать. Попросили бы муллу сделать это, да мулла, раз мальчик без законного отца родился, не наречет. Пошла бабушка ребенка к старику — мутавалли*:

— Давай уж, Хусаин-агай, наречем, нехорошо, что ребенок живет без имени.

— Коли так, — отвечает старик, — надо взять у муллы разрешение.

Обратился мутавалли к мулле:

— Так и так, родился мальчик без отца, мать ходит и ходит ко мне, просит имя дать.

— Ходит, значит.

— Ходит.

— Раз такое дело, дай сам. Алдаром назови.

Ребенок-то с обманом связан, поэтому мулла и сказал так*.

Когда вернулся старик Хусаин домой, опять пришла та бабка.

— Ну, как?

— Мулла Алдаром велел назвать.

— Ладно, как бы ни было, все же не без имени.

После этого мутавалли, сотворив молитву, трижды дунул в ухо ребенка и произнес:

— Алдар! Алдар! Алдар!

И вот что ни день — подрастает мальчик. Когда подошла пора учиться, очень сообразительным ребенком оказался. Зима придет — по книгам учится, а летом лыка надерет и лапти плетет. Для своего времени — тоже ремесло. Делом этим Алдар и сам стал кормиться, и мать кормил. Так потихоньку повзрослел.

Однажды летом пошел Алдар лыка надрать. В лесу росла кривая береза, а рядом — прямая. Сел Алдар на кривую березу, ногами в прямую уперся и задымил самокруткой. Тут откуда ни возьмись едет мулла аула Кубагаш. Хоть и знал Алдар, что тот — мулла, а все сидит дымит.

— Алдар, — говорит мулла, подъехав, — я слышал, ты — мастер по части хитростей, ну-ка, попробуй обхитрить меня.

— Ахти, — отвечает Алдар, — мешок-то с хитростями

я дома забыл, так что, мулла-абзый, ничего у меня не выйдет.

— Ты принеси быстренько!

— А ты подождешь тут?

— Подожду, как не подождать!

— А лошадь свою не одолжишь?

— Возьми.

— Ладно, коли так. Только ты сядь на мое место, подпри прямую березу, чтоб не покривилась, пока я съезжу.

Посадил Алдар муллу березу подпирать, сам сел на лошадь и уехал. Приехал в деревню Кузьминовку, чаю у знакома* напился и направился в аул муллы, в Кубагуш. Увидев свою лошадь, выбежала ему навстречу жена муллы.

— Ты где нашу лошадь взял? Где хазрет?

— Ох, и не спрашивай, абыстай!

— Айда-ка, айда к нам, расскажешь, что случилось!

Завела абыстай Алдара к себе домой, и Алдар говорит:

— Ты, абыстай, найди-ка рублей двести. В Кузьминовке, оказывается, ваш знаком Николай живет, а мулла-абзый с его женой пошаливал. Поймал их ваш знаком за грешным делом и принялся хазрета лупить, еле-еле я его вырвал. Теперь, чтобы муллу выручить, надо двести рублей. А то на всю округу опозорится.

Абыстай тут же выложила двести рублей. Алдар — деньги в карман, сел на лошадь и был таков. Поехал в город, продал там лошадь, с головы до ног оделся во все новое.

Тем временем мулла приплелся в свой аул. Абыстай, завидев мужа, подобрала грязное помело, а как только сунулся мулла в ворота — налетела на него и хватить этим помелом.

— Где лошадь? Где деньги? Говори!

— Да ты что, жена?! — опешил мулла.

— Святым прикидываешься, а сам с женой Николая гуляешь?

— Клевета!

— Я Алдару двести рублей дала, чтобы тебя, шельму, выручить! А ты еще надо мной изгаляешься! — кричит абыстай, и опять — хватить да хватить помелом.

У муллы — волосы дыбом. Попытался объяснить, в чем суть дела.

— Так и так, — говорит, — я хотел пошутить, отдал Алдару свою лошадь, он за мешком хитростей поехал и пропал, где он теперь — не знаю.

А жена не верит.

— Не крути! — кричит, еще раз хватив помелом.

Так Алдар надул муллу и, уехав в город, остался там жить.

Вскоре прибыли в город купцы-чужеземцы, сняли квартиру, и один из них, по имени Шакир, вывесил объявление: «Куплю раба». Наш Алдар и читать, и на скрипке играть, и в карты резаться был горазд, иначе и не звался бы Алдаром. Прочитал он объявление и решил сам себя продать, чтобы уехать в другую страну — подальше от того муллы. Зашел к Шакир-баю.

— Я согласен продать себя в рабство и поехать с вами.

— Ладно, коли так,— отвечает купец.

— Только,— говорит Алдар,— сперва я перевезу сюда мать с бабушкой, не хочу их там оставлять.

Договорились. Взял Алдар у купца одногорбого верблюда, перевез мать с бабушкой в город, купил им домик и отправился с купцами в другую страну.

Ехали они, ехали, и сильно пить им захотелось. Нашли старый колодец. И веревка нашлась. Спустился Алдар в колодец. Спустился, а там — подземный мир, неподалеку дом стоит. Постучался Алдар, вошел в дом, видит — старуха в нем какая-то ходит. Заглянул в другую половину — старик лежит, похоже, помирает. Это был, оказывается, дью-пярий. На стене его скрипка висела. Дью-то, оказывается, любил на скрипке играть, да один мотив забыл, с огорчения и захворал, уж и помирать собрался. Взял Алдар скрипку, и как-то так вышло — заиграл как раз на забытый дью мотив. Только заиграл — старик глаза открыл.

— Что,— говорит,— такое?

Потом на ноги вскочил и обнял егета.

— Ай,— говорит,— сынок, спас ты меня! Я ведь из-за того, что забыл этот наигрыш, и захворал. Выскажи свои желанья. С нами будешь жить или в светлый мир вернешься?

— Вернусь в светлый мир,— отвечает Алдар.

— Тогда проси, чего хочешь. Что тебе нужно?

— Золото нужно.

У дэва-то, думает Алдар, должно быть золото.

И верно — принялся старик ведро за ведром золото таскать, а Алдар — наверх отправлять. Когда золото кончилось, купцы вытащили веревку и уехали. Остался егет на дне колодца.

— Ахти, как, бабай, теперь быть?

— Ничего,— отвечает старик,— сейчас мы их опередим.

Взял курай, сунул в него Алдара,— на то ведь он и

дью-пярий,— дунул с другого конца. Алдар, превратившись в шарик, вылетел из курая и оказался на дороге, по которой купцы должны были подъехать. Лежит на боку, ждет их. Подъехали купцы и рты разинули:

— Как ты тут оказался?

Что теперь с ним делать? Растерялись купцы, испугались, как бы Алдар золото не отобрал, и повезли его пока с собой. В пути понадобилось накормить-напоить верблюдов. Слезли с них бай, отошли в сторонку. Алдар, воспользовавшись случаем, спрашивает у другого раба про своего хозяина:

— Кто да кто его дома ждет?

— Есть у него старший брат и дочь по имени Гульямал,— отвечает тот.

Когда покормили верблюдов, хозяин дал Алдару письмо и говорит:

— Поезжай вперед, доставь моим это письмо. Погостишь там, пока мы доедем.

Поехал Алдар вперед. Ехал, ехал и остановился, чтобы верблюд передохнул, а сам тем временем прочитал письмо. В письме было написано: «Агай, до моего возвращения отправь этого егета на тот свет. Он очень опасный человек».

— Ага,— говорит Алдар,— раз вы эдак, то мы сделаем так...

И точь-в-точь, как рукой хозяина, написал: «Агай, до моего возвращения, как можно скорей, отдай Гульямал замуж за этого егета».

Потом сел опять на верблюда, поехал дальше. Приехал в незнакомый город, отыскал дом своего бая. Вышли ему навстречу брат, жена и дочь бая,— егет-то ничего из себя, красивый, всем, видать, захотелось поглядеть на него.

— Ты,— спрашивают,— где взял этого верблюда?

— Меня Шакир-агай вперед послал,— отвечает Алдар.

Завели его в дом. Без долгих разговоров отдал он письмо. Брат бая прочитал письмо и говорит:

— Бэй! Выходит, сейчас же надо свершить никах!

Подозвав всех, еще раз прочитал письмо. Верить или не верить? Не поверили бы, да рукой Шакира написано. Тут же позвали муллу и соседей, свершили никах и уединили Гульямал с егетом. Стал, значит, Алдар хозяйским зятем. Стать-то стал, но надо еще и придумать, как до возвращения этого самого Шакира куда-нибудь смыться.

— Гудьямал,— говорит Алдар,— скажи, пусть пару хороших лошадей запрягут, город осмотрим.

Сели они рядком и покатали по городу. Весь город осмотрели. На обратном пути заприметил Алдар одно объявление. Оказывается, царская дочь велела его вывести. «Кто сумеет обыграть меня в карты, выйду за того замуж»,— было написано в объявлении. «Ага!— подумал Алдар.— Это мне пригодится».

Ладно, переночевал он эту ночь в байском доме, утром вышел будто бы на улице постоять и утек во дворец, сел там в карты с царевной играть. Играл, играл и обыграл ее. Раз такое дело, царевна говорит царю:

— Я проиграла, выхожу за этого егета замуж.

Ну, Алдар взял да и опять женился.

Тем временем отставший Шакир-бай приехал домой. После расспросов насчет здоровья брат говорит ему:

— Неприятность у нас, Шакир, зятя потеряли.

— Какого еще зятя?

— Так сам же ты письмо прислал! Как ты и велел, отдали мы Гульямал за егета, который привез письмо. Только недолго он у нас прожил, вышел из дому и пропал.

— Ну и напоролы вы тут!— ахнул Шакир-бай и принялся волосы на себе рвать.

Алдар, таким образом, и на байской дочке женился, и царским зятем стал.

160. ХАН И АЛДАР

В давние-предавние времена жил человек по имени Алдар. Никто, говорят, не мог превзойти его в хитрости. Прослышал об этом один хан и, решив: «Раз он такой хитрый, пусть-ка попробует меня перехитрить»,— отправился к Алдару.

Пришел, а Алдара дома нет.

— Где Алдар?— спрашивает хан у его жены.

— На лугу стог подправляет.

Хан — на луг. Завидев его, Алдар прислонился к кривой березе. Подошел хан к нему и говорит:

— Все тебя больно хитрым считают. Ну-ка, коли сумеешь, перехитри меня.

— Хан мой, султан, я бы с удовольствием исполнил твое желание, да мешок с хитростями дома остался,— отвечает Алдар.

Велел хан быстренько мешок с хитростями принести.

— Я бы принес,— отвечает Алдар,— да боюсь, береза моя упадет. Коли подопрешь ее плечом, я схожу домой.

Согласился хан, подпер березу. Пошел Алдар домой. По пути поймал двух зайцев. Одного за пазуху посадил, другого жене отдал и наказал ей:

— Коли хан придет и спросит меня, выпусти зайца, сказав: «Иди, приведи хозяина».

И сам ушел в сарай.

А хан ждет и ждет. Наконец, догадался, что остался с носом, пришел, рассерженный, к Алдару домой, велел отыскать его. Жена, как муж наказал, выкинула зайца за дверь:

— Иди, приведи хозяина, скажи — хан зовет.

Заяц, сломя голову, кинулся со двора. Алдар, увидев это, вытащил из-за пазухи другого зайца, входит в избу с ним. Изумился хан.

— Заяц-то у тебя ученый, что ли? Продай,— говорит,— его мне.

— Бери,— отвечает Алдар.— Цена ему — сто рублей.

Купил хан зайца и, пригласив Алдара в гости, ушел домой. Дома велел жене угощения приготовить,— Алдара, говорит, пригласил в гости. Жена приготовила угощения. Ждет-пождет хан, а гостя все нет. Не дождавшись, ушел куда-то, а жене наказал:

— Когда Алдар придет, пошли за мной зайца.

Только ушел хан — пришел Алдар. Жена хана, как муж наказал, выпустила зайца — иди, мол, хозяина приведи. «Ученый» заяц тут же на гору ускакал, только его и видели. Немного погодя, раз хана нет, Алдар ушел домой, велел передать, чтобы хан сам пришел в гости.

По пути нарвал Алдар ежевики. Дома смял ее, налил сок в пузырь и велел жене этот пузырь под мышку подвесить, а к спине, под платье лубок привязать.

— Сейчас,— говорит,— хан должен придти. Когда придет, я скажу тебе: «Приготовь на стол». И второй, и третий раз скажу, а ты сделай вид, будто не слушаешься. Я подойду и пырну ножом в пузырь, сок потечет, будто кровь, а ты упади на пол. После этого я врежу тебе плеткой по спине. Тогда ты вскочишь и быстренько соберешь на стол. Угостим хана.

А хан тем временем, вернувшись к себе домой, сообразил, что надул его Алдар с зайцем-то, и пришел к нему сильно рассерженный. Алдар прикинулся обрадованным, говорит жене:

— Не видишь разве — хан мой, султан мой пришел! Приготовь на стол.

Жена и не пошевелилась. И второй, и третий раз сказал Алдар — жена не слушается. Тогда Алдар схватил нож и ткнул ей подмышку. Жена — хлоп на пол, сок из

пузыря вытек, на полу красным-красно стало. Алдар снял со стены плетку, врезал разок жене по спине, она живо вскочила и на стол собрала.

Хан про злость свою забыл, поел-попил и, уходя, опять пригласил Алдара в гости. Алдар следом подоспел. Хан, когда Алдар пришел, велел жене быстренько выставить угощения, а она не больно-то разбежалась, как-никак — ханша. Ну, хан и решил по примеру Алдара жену уму-разуму поучить. Схватил нож, пырнул ее в грудь. Она — хлоп на пол и тут же душу богу отдала. Хан раз плеткой врезал, другой врезал — жена не встает.

Хан, когда понял, в чем дело, вконец разозлился, решил отомстить Алдару. Велел его схватить и в мешок посадить, а потом сам взвалил мешок на загорбок и потащил к проруби, чтобы, значит, утопить Алдара. А прорубь узковатой оказалась. Оставил хан мешок, побежал обратно за пешней. Алдар, угадав это, давай кричать:

— Не хочу быть ханом! Не хочу быть ханом!

В это время один старенький бабай что-то на саночках мимо проруби вез. Услышав крик, подошел к мешку.

— Ты что,— спрашивает,— кричишь?

— Да вот,— отвечает Алдар из мешка,— наш хан ввиду своего преклонного возраста решил было вместо себя меня посадить, а я не хочу быть ханом. Поэтому надумал он меня в прорубь спустить, да прорубь узковата,— пошел за пешней, чтобы расширить.

— Глупый ты, оказывается,— говорит бабай.— Мне уж помирать пора, да и то стал бы ханом.

Алдар в ответ:

— Эй, бабай, раз тебе хочется стать ханом, давай сядь вместо меня в мешок и кричи: «Хочу стать ханом! Хочу стать ханом!» Хан тебя из мешка выпустит и посадит вместо себя ханствовать.

Бабай с радостью согласился, развязал мешок, выпустил Алдара, влез сам вместо него. Алдар завязал мешок и ушел домой.

Сидит теперь в мешке бабай, кричит:

— Хочу стать ханом! Хочу стать ханом!

Вернулся хан с пешней. А бабай все кричит:

— Хочу стать ханом! Хочу стать ханом!

— А-а-а! Ты еще и ханство у меня хочешь отобрать! — заорал хан, быстренько раздолбил лед, спустил мешок в прорубь и пошел домой, успокоенный: избавился, думает, от Алдара.

На другой день вышел хан у ворот постоять, глядь — Алдар верхом на жеребце едет, а перед собой целое ста-

до скотины на водопой гонит. Хан, глазам своим не веря, остановил его.

— Ты,— говорит,— откуда взялся, я же тебя утопил? И где это,— говорит,— ты столько скота набрал?

— Да на дне речном,— отвечает Алдар.— Вот где скота — видимо-невидимо! Коли надо, спустись в прорубь и выбери, сколько хочешь.

Жадность хана предела не знала. Затрясся хан от радости, что дорвется до дармового, просит в прорубь его спустить. Посадил его Алдар в мешок и сунул в прорубь. А сам его место занял и поныне, говорят, ханствует, да так, что пыль стоит столбом.

Сказка моя отправляется дальше с тяжелым грузом, а я полежу тут кверху пузом.

161. КАК АЛДАР БЕСОВ ИЗГНАЛ

Жил раньше человек по имени Алдар. В хозяйстве у него была только паршивая лошадь. Надумал Алдар продать ее и пустил слух, будто она из-под хвоста золото роняет. Прослышав об этом, пришли к нему двое.

— Вправду ли,— спрашивают,— твоя лошадь из-под хвоста золото роняет? Не продашь ли ее?

— Продам.

— За сколько?

— Раз она сама золото дает, то стоит никак не меньше десятка лошадей,— отвечает Алдар.

Те согласились с ценой, которую запросил Алдар, и увели лошадь.

Теперь стоит Алдар, прислонившись к придорожному столбу, и думает: «Сбыв этим дурням клячу, займею десять лошадей. Не удастся ли обдурить еще кого-нибудь?» Очень кстати в это время подошел к нему один человек.

— Ты что,— спрашивает,— тут стоишь?

— Подпираю столб, а то упадет, и худо будет тогда дело,— отвечает Алдар.— Слушай, не постоишь ли немножко вместо меня? Я схожу домой и плату тебе за это принесу.

Остался тот человек подпиравать столб. Ждет-пождет — нет Алдара. Подождав порядком, увидел проходившую мимо жену Алдара. Окликнул ее:

— Енгэ, Алдар дома?

— Нет, в караул ушел. А ты что тут делаешь?

— Да вот Алдар-агай сказал: «Постой вместо меня, подпирая столб, а то упадет, и худо будет тогда дело»,— а сам пошел, чтобы принести плату за это.

— Вон оно как! Айда-ка, отыщем его!

Отошел тот человек от столба, а столб и не шелохнулся, стоит, как стоял. «Обманул меня, кафыр*! Задам же я ему!»— решил обманутый и пошел за женой Алдара.

Отыскали они Алдара и видят: он клеть со всех сторон кольями подпирает.

— Ты что делаешь?

— Тут мои должники сидят,— отвечает Алдар.— Они за тот столб заплатить должны. Вот подпираю клеть, чтобы она не смылась куда-нибудь вместе с ними.

А в клетки и впрямь сидели те, кто у Алдара паршивую лошадь купил. Их жены разозлились: где, мол, это видано, чтобы из-под лошадиного хвоста золото падало — и, разозлившись, посадили мужей в клеть набираться ума-разума.

Ну, раз должники сидят под замком, человек, который подпирал столб, пошел просить плату к их женам, да попал под горячую руку и еле ноги унес. Заодно и Алдару перепало.

— Круто дело обернулось,— сказал он жене, когда живыми-здоровыми выбрались из этой заварухи.— Не дадут они теперь нам покою.

И вправду, трое одураченных, сойдясь потом, сговорились отомстить Алдару. Были это, оказывается, мулла, муэдзин и казый*. Порешили они меж собой:

— Соблазним его жену!

И один за другим наведались к ней.

— Голубушка, ты мне мила, не теряй время, пока не отцвела. Чем тебе угодить, что подарить?— спросил казый.

— Ай, сестрица, как ты хороша! Томится по тебе моя душа! Каким подарком тебя умилоствивить?— спросил муэдзин.

— Искушила меня твоя краса. Коль утолишь жажду мою, будто побываем в раю! Что тебе в дар принести?— спросил мулла.

А женщина каждому из них:

— Принеси непотрошенную гусиную тушку.

И каждому назначила время, когда придти.

Казый, муэдзин и мулла явились друг за дружкой, неся по тушке. Женщина тушку за тушкой посовала в подушку, а тех одного за другим, будто бы пряча от вернувшегося вдруг мужа, отправила за печку, выход от туда заткнула подушкой с тушками и развела в печке огонь. Жирные тушки, нагревшись, зашипели, заурчали — пошла по избе вонь.

Тут пришел Алдар и говорит:

— Фу-у, какая вонь! А что там урчит? Похоже, у нас бесы завелись!

И, схватив ружье, — трах! — выстрелил. Те трое с перепугу повыскакивали из-за печки и, визжа, кинулись вон из избы.

Алдар немного погодя оделся нарядно и пошел к ним.

— Я, — говорит, от муфтия*. Этим краям грозит беда, вам, святым людям, пока все обстоит благополучно, велено переселиться в другое место.

Так Алдар заставил муллу и его ближних быстренько собраться и выпроводил из аула. А сам, завладев их землей, зажил, говорят, в полное свое удовольствие.

162. ПРОДЕЛКИ АЛДАРА

В стародавнее время в одном ауле жил человек по имени Алдар. В том же ауле был один бай. Однажды Алдар надумал украсть у бая корову и соседа своего в товарищи позвал. Украли они ночью корову, зарезали, Алдар пошел сказал жене, чтоб мясо варила, а сосед в это время лучшие куски мяса к себе перетаскал. Вышел Алдар, видит — мяса поубавилось. Не расстерялся Алдар, повесил шкуру на ворота и давай кричать:

— Корову у бая я не один украл, вдвоем с соседом украли!

Сосед с испугу тут же все мясо принес обратно.

В другой раз, зная, что бай к нему зайдет, сварил Алдар кашу. Бай — в ворота, а Алдар казанок с кашей — на стол. Вошел бай и видит: на столе казанок стоит, а в нем каша пыхтит.

— Что это? — спрашивает бай, удивившись.

— Как что — казанок, который без огня варит, — отвечает Алдар.

Тут уж бай совсем изумился.

— Не продашь ли, — спрашивает, — свой казанок мне?

— Нет-нет, не продам, — отвечает Алдар, чтобы цену набить.

— Продай уж, — принялся упрашивать бай.

Тогда Алдар продал казанок за пятьдесят рублей. Бай, чтобы похвастаться покупкой, позвал в гости других баев. Когда собрались гости, бай выставил покупку на стол.

— Вот он, — говорит, — чудесный казанок, сейчас кашу без огня сварим.

Налили в казанок воды, пшено засыпали, соли добавили. Ждут-пождут — каша не варится. Заглянули в

казанок — пшено как засыпали, так и лежит. Гости, сильно обидевшись, разошлись, а бай пошел Алдара ругать.

Увидев, что бай идет, Алдар сунул в зубы и под хвост своей кобылы деньги и по сараю деньги пораскидал. Пришел бай.

— Где Алдар?

— В сарае, должно быть, собирался из-под кобылы деньги выгрести, — отвечает жена Алдара.

Пошел бай к Алдару в сарай, глядь, а по сараю деньги раскиданы.

— Что за чудеса! — изумился бай. — Неужто твоя кобыла деньгами оправляется?

— Сам видишь — подбирать не успеваю, — отвечает Алдар.

— Не продашь ли кобылу?

— Нет-нет! С чего это я ее продам!

Принялся бай умолять — продай уж, мол, и Алдар вроде бы нехотя согласился продать.

Купил бай кобылу за двести рублей и опять других баев позвал. Собрались те на удивительную кобылу поглядеть. Вынес бай мешок, поставил кобыле под хвост, а кобыла возьми да и пальни в него самого — всю одежду выпачкала. Приглашенные бай, разозлившись, разошлись, а наш бай направился Алдара бить.

Пришел к нему домой, а Алдара дома нет.

— Где Алдар?

— Вроде бы коровью шкуру на базар понес, — отвечает жена.

Бай — на базар. Алдар сидит на базаре, купцом вырядился, шкуру продает.

— Почему продаешь? — спрашивает бай, не узнав его.

— Один шерсть шиш капейк, — отвечает Алдар по-русски. Шесть, стало быть, копеек за каждую шерстинку просит.

— Дороговато, — сказал бай и пошел дальше. Ходил он, ходил и, так и не отыскав Алдара, ушел с базара.

Алдар шкуру не сумел сбыть, потащил обратно домой. В пути вдруг привалило ему счастье. Сидел у дороги какой-то бай, кучу денег пересчитывал. Деньги эти он, оказывается, украл, а увидев Алдара, с испугу вскочил и пустился наутек. Алдар шкуру бросил, деньги — в охапку, и скорей — в сторону дома. Тут навстречу ему попался наш бай.

— Откуда, — спрашивает, — у тебя столько денег?

— Давешнюю шкуру продал, — отвечает Алдар.

— За сколько?

— За каждую шерстинку, как просил, шесть копеек

дали. Жаль, больше не просил. Нынче коровьи шкуры в цене.

— Бэй!— говорит бай.— У меня ведь восемьдесят коров! Айда-ка, помоги их зарезать!

— С удовольствием!— отвечает Алдар.

С собой он еще и соседа позвал, все уж упарились, пока восемьдесят коров зарезали и шкуры сняли.

Повез бай целую гору шкур на базар, а там их не берут, только смеются, услышав, что надо шесть копеек за каждую шерстинку платить. Разозлился бай донельзя, решил: уж на этот раз отлупит Алдара, так отлупит!

А Алдар, увидев, что бай к нему со слугами своими идет, лег в яму и велел жене сверху земли накидать.

— Где Алдар?— спрашивает бай.

— Помер,— отвечает жена Алдара.— Вон его могила. Подошел бай к «могиле», плюнул.

— Хоть,— говорит,— так ему отомщу.

Но мало этого показалось — велел слугам излупить могильный холмик палками.

Когда бай ушел, Алдар вылез из ямы и пошел к становому с жалобой:

— Так и так, бай заставил своих слуг меня палками избить.

Становой, видать, с этим баем был не в ладах — приказал высечь самого бая розгами, а все его хозяйство передать Алдару.

Переехал Алдар в байский дом, но пришел к нему бай, плачет.

— Пожалуйста,— говорит,— верни мне хоть дом, а то под открытым небом живем.

Дом Алдар вернул, остальное богатство бая раздал беднякам.

Вскоре Алдар отправился с другим баем на базар, увидел там ковры и говорит:

— Гляди, бай, ковры-самолеты продаются!

— А почему они?

— Самый маленький — триста рублей.

— На-ка,— говорит бай,— купи мне хоть самый маленький.

И дал Алдару триста рублей. Пошел Алдар, купил за тридцать копеек циновку, остальное оставил себе на обновку.

Вернувшись домой, позвал бай к себе всех баев, привязал циновку к крыше — полететь собирается. Алдар ему помогает советами.

— Ты ведь,— говорит,— раз полетишь, вроде как

ангелом становишься. А ангелы одетыми не летают, снимай всю одежду.

Только было разделся бай, сел нагишом на циновку — Алдар веревочку, которой она была привязана, перерезал. Грохнулся бай с крыши и всех собравшихся внизу баев придавил насмерть. Слуги отнесли их в лес и, распевая песни, закопали.

Вот так, говорят, и перевелись бай.

163. ПЛЕШИВЫЙ АЛДАР И МУЛЛЫ

В давние времена жил, говорят, плешивый человек по имени Алдар. Бедно жил. Была у него коровушка, да и ту продал. Вырученные деньги заранее отдал в лавку. Решил, что так удобней: коли что нужно, иди и бери, не расплачиваясь каждый раз.

Однажды, когда продавец заворачивал то да се для Алдара, зашли в лавку четыре муллы.

— В расчете?— спросил Алдар, взяв сверток.

— В расчете,— ответил продавец.

Удивились муллы, увидев, что плешивый купил без денег, и спрашивают:

— Как это тебе без денег дали?

— Была бы моя тибетейка жива-здоровая — никаких денег мне не надо,— отвечает Алдар.— Как только я ее на голову надену, так мне все бесплатно дают.

Зашумели муллы:

— Продай мне тибетейку!

— Нет, не ему, а мне продай!

— Ладно уж,— говорит Алдар,— продам. Давайте сто рублей.

Купили муллы тибетейку и тут же, в лавке, разодрались.

— Я надену!— кричит один.

— Нет, я!— кричит другой.

Взял верх старший мулла, надел тибетейку и начал выбирать товары. Алдар тем временем смылся.

— В расчете?— спрашивает мулла, набрав целую кучу товаров.

— Когда заплатишь, будем в расчете,— отвечает продавец.

Дошло до мулл, что плешивый их надул,— пошли искать его. Увидел Алдар — муллы идут к нему, и быстренько выставил чугунок с горячей кашей на снег. Удивились муллы: чугунок стоит на снегу, а каша кипит.

— Продай,— говорят,— этот чугунок нам.

— Ладно, берите. Цена —сто рублей.

Один из мулл унес чугунок к себе, поставил во дворе, чтобы шурпу сварить, и куда-то ушел. Пока ходил, вода замерзла, чугунок лопнул. Собрались муллы и опять пошли к Алдару. Увидев их, Алдар открыл у порога лаз и всех четверых, одного за другим, отправил вниз. Запер мулл в подполе, там они все и померли.

Алдар пошел на базар, встретил там бродягу и говорит:

— Айда-ка к нам. У меня один мулла помер, надо отнести его в прорубь. Насчет платы договоримся.

Привел бродягу к себе, накормил-напоил и отправил с мертвым муллой к реке. Тот сунул муллу в прорубь, возвращается, а Алдар уже второго мертвеца стоймя выставил.

— Гляди,— говорит,— твой мулла раньше тебя вернулся. Что это за работа! Отнеси обратно!

Так Алдар переправил всех четверых на речное дно.

Один караульщик, заметив с берега как он мулл таскал, побежал к жившему неподалеку мулле и говорит:

— Сегодня, оказывается, день утопления мулл в проруби. Наверно, и за тобой придут. Спасайся, пока не поздно.

Мулла с испугу чесанул в одном исподнем по берегу реки. А тот бродяга увидел его и схватил.

— Ах ты,— говорит,— опять назад бежишь?!

И этого тоже оттащил к проруби и утопил.

Таким вот образом Алдар, благодаря сообразительности, и деньгами обзавелся, и мулл поубавил.

164. КАК АЛДАР ЗЕМЛЮ ПРОДАЛ

Однажды Алдар пустил слух: так, мол, и так, продаю за осьмушку чая четвертину земли. Услышав о его намерении, первым пришел мулла.

— Послушай-ка,— говорит,— как тебя, Алдар. Коль продашь землю мне, попадешь в рай.

— Пожалуйста, бери,— отвечает Алдар.— Лишь бы цена тебя устроила.

— Сколько ты просишь-то?— прикинулся неведающим мулла.

— Осьмушку чая, мулла-абзый*.

Отдал мулла осьмушку чая и ушел, довольный, домой. Прошло немного времени — входит муэдзин.

— Коль продашь,— говорит,— землю мне, сделаешь

благое дело. И на этом, и на том свете будешь вознагражден.

— Айда, бери, муэдзин-абзый,— отвечает Алдар.— Лишь бы с ценой был согласен.

Муэдзин, раз цена была заранее известна, тоже принес осьмушку чая.

— Согласен, согласен,— говорит.

Оставив чай, ушел муэдзин. А вскоре слышит Алдар — за дверью еще кто-то покашливает. Вошел, постукивая посошком,— тук да тук,— мутавалли*.

Слышал я, землю ты продаешь. Верно ли это?

— Верно, верно.

— Продай ее, Алдар-кустым*, идущему благим путем, и тебе воздастся.

— Бери, мутавалли-агай, сделай одолжение.

И мутавалли ушел, тоже оставив осьмушку чая.

Только-только вздул Алдар огонь в самоваре — входит один бай.

— Продай,— говорит,— Алдар-кустым, землю мне, я тебе заплачу с приплатой.

— Пожалуйста, бай-агай,— отвечает Алдар,— бери, но лишнего мне не надо.

И от этого получил плату. Ушел бай. Сел было Алдар пить чай — явился торговец.

— Эй,— говорит,— Алдар-кустым, мы с тобой — давние знакомые, а ты продаешь землю, не известив меня. Продай ее мне, я к чаю два куска сахару добавлю.

— Бери, агай,— отвечает Алдар,— отдаю за названную ранее цену.

— Ах, вот как!..

Торговец живо спрятал выложенный сахар в карман и ушел, оставив свою осьмушку.

Не успел еще Алдар допить чашку чаю — пришел старшина.

— Ты,— говорит,— Алдар-кустым, не должен продавать землю сторонним людям. Продай ее мне. Да. Я ведь тут представляю закон.

— С удовольствием!— отвечает Алдар.— Бери, коль цена не пугает.

— Э, цена эта для нас — пустяк,— говорит старшина.

Выложил осьмушку чая и ушел своей дорогой.

Едва допил Алдар свой чай и собрался встать из-за стола — в дверях показался мировой судья.

— Вы,— говорит,— Алдар Имярекович, оказывается, землю продаете. Я вот сам решил ее купить.

— Окажи милость, господин судья, земля хорошая, во какая земля!..

Не затягивая дела надолго, достал судья из кармана осьмушку чая, отдал Алдару и удалился.

На другой день рано утром покупатели привели своих батраков на Алдарову землю, чтобы вспахать ее. Но у одной четвертины земли оказалось семь хозяев. Поднялся шум-гам.

— Алдар продал эту землю мне!— кричит один.

— Нет, не тебе, а мне,— кричит другой.

Спорили, спорили, пока не охрипли. Когда до драки осталась самая малость, мировой судья надоумил остальных отправиться для решения спора к самому Алдару.

Пришли к Алдару.

— Ты почему, дурень, продал одну червертину земли сразу семерым?— шумит мулла.

Алдар, и глазом не моргнув, отвечает:

— Бэй! Разве не сам ты, мулла-абзый, утверждал, что земля сложена из семи слоев?

— Ну, я. Что из этого? Воистину земля сложена из семи слоев. Так сказано в Книге¹. Вот и они это подтвердят.

— Верно, мулла, верно!— подтвердили остальные.

— В таком случае не могу я понять, почему вы устроили гвалт,— сказал Алдар.— Я продал семерым семь слоев земли. А как вы их поделите между собой, жребий будете кидать или еще как,— это уж смотрите сами.

И занялся своими делами.

А те почесали затылки да с тем и ушли. Что им еще оставалось делать?

165. ХИТРЫЙ ШАКИРД

Лет, считай, сто тому назад учился в медресе на чужой стороне один шакирд. С едой у него было туго, жил впроголодь, и в конце концов надоела ему такая жизнь — решил вернуться в свой аул. В пути, приближаясь к одному аулу, шакирд сильно захотел есть. Что делать? И вот придумал он хитрость, и хитрость удалась.

Идя по аулу, выбрал шакирд дом, довольно богатый с виду, и завернул в него. А в доме этом сидела старуха лет семидесяти. Посмотрела она на шакирда и говорит жалостливо:

— Откуда ты, сынок, такой изнуренный, идешь? И одежда у тебя худая, и сам тощей.

— И не говори, бабуленька!— отвечает шакирд.— С того света я иду. Пять лет уже, как помер. Заставили меня там дрова в ад таскать, вот и поизносилась одежда.

И харчи там никудышные. Истомился я и кое-как вымолил разрешение домой наведаться.

— Примерно в одно время с тобой и сыночек мой помер,— говорит старуха, растрогавшись.— Не видел ли ты его там?

— Как не видеть! Видел, бабушка. Вместе дрова таскаем. Он тоже сильно отошал. Побоялся, что до дому не дойдет, поэтому не пошел со мной.

Ну, раз оказался путник с того света приятелем ее сына, принялась старуха угощать его всем, что в доме имелось. Дорвавшись до еды, какой всю зиму не видел, шакирд так наелся, что живот раздулся и дышать стало трудно. Еле с места сдвинувшись, поблагодарил старуху шакирд и собрался уходить.

— Сынок,— говорит старуха,— ты когда обратио на тот свет пойдешь? Может, возьмешь гостинцев моему сыну?

— Много взять не могу,— отвечает шакирд,— сама, бабушка, видишь — ослаб. Ну, кое-какую одежду, то да се из съестного, коли дашь, и маленько денег, пожалуй, возьму.

Обрадовалась старуха, дала шакирду сорок рублей денег, новенькие сапоги, шубу, лепешки, испеченные в масле, с тем и проводила.

Кое-как, отдуваясь, дотащился шакирд до конца улицы, сел передохнуть.

В это время приехал домой верхом старухин бабай — забыл что-то, уезжая в поле. Старуха с ним радостью поделилась.

— Заглянул,— говорит,— к нам по пути с того света приятель моего сыночка. Очень хорошо его знает. Накормила я его, напоила, сыночку с ним новые сапоги, шубу, лепешки, испеченные в масле, послала.

Бабай глаза вытаращил.

— Ах ты,— говорит,— глупая старуха! Где это видано, чтоб мертвый с того света вернулся?! Жулик это был, жулик тебя обманул. Давно он ушел? В какую сторону?

— Да недавно на тот конец аула пошел.

— Ну и задам я ему!— погрозил бабай, выбежал из дому, прихватил дубинку, сел на коня и погнал в ту сторону, куда старуха указала.

А шакирд, оказывается, где сел, там и уснул — разморило после еды. Увидел его бабай, подъехал да как заорет:

— Ах ты, жулик! Пошто мою старуху обобрал?

Проснулся шакирд, а убежать — коленки ослабли. Бабай соскочил с коня, хотел было огреть шакирда ду-

бинкой, да видит — больно уж хилый, еще ноги протянет. Посмотрел на свои кулаки — нет, и кулаков не выдержит. Как теперь быть? Увидел неподалеку тальник, сунул повод шакирду — мол, поддержи коня, побежал за розгой. А шакирд угадал намерение бабая, взобрался на коня — и наутек. Увидев такое дело, кинулся бабай следом, да где уж пешему конного догнать! И грозил, и умолял, а шакирд знай коня нахлестывает, только пыль сзади вьется. Что бабаю было делать — повздыхал и пошел домой.

Вышла навстречу старуха, спрашивает:

— Ну, нашел его, отобрал вещи?

— Да он, — отвечает бабай, — оказывается, тебе чистую правду сказал. Я с ним и лошадь отправил. Сынок-то ведь не только твой, но и мой. Пусть уж, чем дрова на себе таскать, на лошади возит.

166. КАК ТАЗ БРАТЬЕВ СВОИХ ПРОУЧИЛ

В давние-предавние времена жили, говорят, старик со старухой. Было у них три сына, младший из них — плешивый, Таз. Старуха прожила недолго, померла. Прошло какое-то время — и старик захворал. Позвал он перед смертью старшего сына и спрашивает:

— Что тебе, сынок, нужнее — добро или ум?

— На что мне ум? Добро нужнее, — ответил старший сын.

Отдал ему старик свой дом. Позвал среднего сына. Тот — отец еще и спросить не успел — говорит:

— Что толку от ума? Дай мне добро!

Напоследок позвал старик своего младшего и тоже спрашивает:

— Ну, сынок мой Таз, тебе добро нужно или ум?

— Что я с добром буду делать? Мне ум нужен, — ответил Таз.

И достался Тазу в наследство из хозяйства один лишь козел.

— Ты, сынок, умным будешь, — сказал отец и вскоре умер.

Живут теперь три егета сами по себе. И вот однажды старшие братья надумали украсть у одной вдовой старухи лошадь. Тазу велели дома посидеть, а сами отправились на ночной промысел. Едва братья ушли, Таз побежал к той старухе напрямик. Прибежал и говорит:

— Бабушка, у тебя лошадь хотят украсть. Давай я покараюлю.

— Иди, сынок, покарауль, я тебе за это коня дам,— ответила старуха.

Вышел Таз во двор, затаился с жердиной в руках. И как только старшие братья полезли через ограду, сшиб их обратно жердиной. Те поднялись и кинулись прочь.

Таз напрямик опередил их, встретил дома и спрашивает, будто бы ничего не ведая:

— Ну как? Украли?

— Отстань, Таз, не до тебя!— отвечает старший брат.— У нее вороной жеребец необъезженный, страсть как лягается. Саданул копытами — без памяти отлетели.

На другую ночь собрались старшие братья корову у той старухи увести. И Таз опять напрямик прибежал к ней, говорит:

— Бабушка, у тебя корову хотят украсть. Покараулить?

— Иди, сынок, покарауль, я тебе за это корову же и дам.

Пошел Таз в хлев, взял вилы, ждет. И как только старшие братья перелезли через изгородь, одного подцепил вилами и кинул, потом другого. Те, потирая ягодицы, побежали без оглядки.

Таз, как в прошлый раз, вернулся домой напрямик и, когда пришли те, спрашивает у старшего брата, будто бы ничего не ведая:

— Что, агай, уже привели корову?

— Отстань, Таз, не до тебя!— отвечает старший брат.— Бык у нее злющий, и к хлеву подойти не дал, поднял на рога и кинул.

Раз и с коровой ничего не вышло, решили старшие братья хоть гуся у старухи украсть. Как только они ушли, Таз тем же путем прибежал к старухе и говорит:

— Бабушка, у тебя гуся хотят украсть. Покараулить?

— Иди, сынок, покарауль, я тебе за это гуся же и дам,— отвечает старуха.

Вышел Таз, прихватив угольные щипцы, забрался в гусятник, сидит там. Когда старший брат полез на карачках за гусем, Таз схватил его щипцами за нос. Опять пришлось старшим братьям убраться с пустыми руками.

А Таз, вернувшись раньше, встретил их дома, будто бы и не выходил.

— Ну, как?— спрашивает.— Удалось украсть? Гусь-то жирный, нет? От жирной гусятины подташнивает, хорошо бы — не очень жирный попался...

— Укради попробуй!— отвечает старший брат.— Там старый гусак втихомолку хватать меня за нос! Пришлось поскорей ноги уносить.

— Эх, братья, братья!— сказал Таз.— Ничего-то не можете вы добыть. А вот я добуду, так уж добуду!

Сказал так и ушел из дому. А вскоре глядь — уже возвращается верхом на коне с коровой, привязанной к конскому хвосту, и с гусем под мышкой.

Вот так, говорит, они разжились и поныне живут припеваючи.

167. НА ВОРЕ ШАПКА ГОРИТ

В прежние времена у одного человека пропала лошадь. Чтобы выяснить, кто украл, устроили сход. Пошумели, пошумели, да безтолку — никто ничего путного не сказал. Потом опять собрали народ, опять начали спрашивать — никто ничего не знает. В это время подскакал к толпе верховой и объявил:

— Я знаю, кто вор! Сам видел, как он украл. Смотрите, у него на шапке солома горит!

Услышав это, один из стоявших в толпе испуганно сдернул с головы шапку, чтобы отряхнуть. Его тут же схватили, и допросив, приговорили к наказанию.

Потом спросили у верхового:

— Где, когда ты видел, как он украл?

— Да как же я мог видеть, коль еду издалека! Просто услышал, что не можете изобличить конокрада, вот и решил помочь,— ответил путник и отправился дальше своей дорогой.

Выходит, раскрыть вора помогло слово, рассчитанное на это.

168. ЯЛАНГАСБАЙ И АЛДАР

Однажды зимой, узнав, что бай собрался на ярмарку, Алдар тоже решил отправиться в путь. Накинул свою худую одежонку, вышел на рассвете к дороге и, хотя трещал мороз, сидит — утирается, будто бы вспотел.

Вот едет бай. Конь у него быстрый, шуба — теплая. Увидев Алдара, бай остановился.

— Ты что тут сидишь?

— Да вот взопрел, жарко что-то.

И опять Алдар будто бы пот утирает.

— А я что-то зябну,— говорит бай.

— Да разве же в мороз так одеваются?— отвечает Алдар.— На-ка мою одежду, посиди тут — сразу согреешься и вспотеешь. А я в твоей шубе быстренько в одно место съезжу.

Поменялись, говорят, они одеждой. Надел Алдар теплую шубу, сел в байские сани и укатил. На ярмарку поехал. На ярмарке обменял коня на другого, приплату получил. Теперь все у него есть — и шуба, и конь, и деньги, жены только нет. Уехал Алдар еще за семьдесят верст, остановился в одном ауле, решил высватать девушку.

— Ты чей будешь-то? — спрашивают у него.

— Родителей моих вы не знаете, — отвечает он. — Я сын Ялангас-бая.

— А самого как звать?

— Алдаром.

Познакомились, сговорились, и поселился Алдар в доме жены. А когда наступило лето, отправились в его аул. В пути увидели стадо того бая — полон луг коров и овец.

— Весь этот скот — мой, — говорит Алдар пораженным тестю и теще.

Отбил он от стада сколько-то овец, пригнал в свой двор, зарезал и устроил туй.

Узнав об этом, бай, который зимой чуть не замерз в Алдаровой одежонке, лопнул, говорят, от злости.

169. БАЙ И БАТРАК

Жил, говорят, встарь один бай, богатству которого конца-краю не было. Гуляли по неоглядным пастбищам табуны его коней, стада коров и овец. Сам он был жадюга из жадюг. Батраки работали на него за одну лишь еду. Был среди батраков бая умный, работающий егет. Бай, когда находило настроение, любил поговорить, поспорить с этим егетом.

Однажды в зимнюю стужу глядел бай в окно, как во дворе работают батраки. И пришла ему в голову мысль: «Я тут в теплой одежде зябну, как же они в своей худой одежонке не мерзнут?» Подумал бай так и велел кликнуть умного батрака.

— Что прикажешь, бай-агай? — спросил батрак, войдя.

— Да вот, — сказал бай, посмеиваясь, — гляжу я на тебя, оборванца, и диву даюсь: как ты в своей драной одежонке на морозе не мерзнешь?

— И-и, бай-агай, — ответил батрак, — пока есть на свете одежда по названию «труд», человека ни холод, ни голод не возьмет, в том и счастье наше.

У бая рот растянулся до ушей.

— Хе-хе, — говорит, — первый раз слышу об одежде

по названию «труд». Где ее шьют? Надо и мне сшить для себя такую одежду.

А батрак в ответ:

— Даже самый искусный портной не может ее сшить. Трудлюбивые люди в нее от рождения одеты.

— Врешь!— закричал бай.— А коли и не врешь, мое богатство в тысячу раз лучше этой твоей одежды. Богатство делает меня счастливым и в холод бережет. Ты в своем дранье сегодня же, сей же час околеешь! Твоя одежда по названию «труд» и дырявой копейки не стоит!

— Нет!— ответил батрак, хоть и опасно было сердить хозяина.— Мою одежду никакая стужа не пробьет. А ты поди-ка посиди на морозе, закутавшись в свои шелка!..

— Как ты смеешь, голодранец, говорить мне такое!— еще пуще распалился бай.— Чем подтвердишь свою правоту?

Подумал батрак немного и сказал:

— Я, милостивый бай-агай, могу и подтвердить, и доказать. Только послушай мое условие.

— Ну, говори,— разрешил бай, уверенный, что возьмет в споре верх.

— Давай отправимся на ночь в лес,— предложил батрак.— Кто до утра не замерзнет, тот и окажется правым. Там узнаем, что на свете больше значит — богатство или труд.

— Конечно, богатство! Оно не даст человеку замерзнуть. Поехали сейчас же!— заторопился бай.

Дело было к вечеру. Чтобы провести ночь в лесу, собрал бай все свои теплые одежды, натянул на себя две шубы, надел на ноги теплые валенки, на голову — теплую шапку и всякой вкусной еды взять не забыл. Думает про себя: «Вот увидишь, что значит богатство!» А батрак положил в котомку сухие лучинки, сырую картошку, спички, и отправились они в путь. В лес пошли.

В лесу было до того морозно, что деревья, не выдержав, трескались. Выбрали бай с батраком поляну, чтобы ночь на ней провести. Сел бай на пенек и говорит, жуя теплый калач:

— Имей ввиду: коли замерзнешь, расходы на похороны я на себя не беру. Ну, а коли я замерзну, все мои богатства тебе останутся.

— Ладно,— сказал батрак и, взяв топор, пошел искать сухие дрова.

Ни минутки не просидел он спокойно: то сушняк со-

бирал, то костер разжигал, то картошку пек и потом ел ее, греясь у огня.

А мороз делал свое дело, проник под теплые одежды бая, принялся пощипывать его тело. Сидит бай, дрожит. Батрак же, напротив, вспотел. К утру стужа стала еще лютей. Бай и щеки, и руки-ноги обморозил, уже и калачей не жует — может, и пожевал бы, да калачи на морозе окаменели.

— Ну, бай-агай, что сильней — труд или богатство? — кричит батрак. — От чего зависит счастье?

Сжал бай зубы, молчит. Наконец, не выдержал, простонал:

— Замерз я, коченею.

— Понял, значит, что ценней всего на свете труд? — спрашивает батрак. — Пошли, что ли, домой? По угорову, все твое богатство теперь — мое.

Услышав это, бай словно еще сильней замерз и, чтобы дотерпеть до утра, принялся пересчитывать вслух свои богатства. Так жадный бай и заоченел. Все его состояние досталось батраку.

170. ВАРЕНАЯ ЖЕЛЕЗКА

Один солдат, отслужив двадцать пять лет, возвращался в родные края. Шел он пешком, дорога изнурила его, к тому же и провизия у него вся вышла и деньги кончились. В одном ауле присел солдат у чьих-то ворот на бревнышко дух перевести. На улице никого не видать, люди в поле, на жатве. Вытащил солдат из кармана какую-то железку, сидит, поигрывает ею. Тут вышла со двора молоденькая девушка и спрашивает:

— Что это, агай, у тебя за игрушка?

— Это не игрушка, — отвечает солдат, — а еда у меня такая.

— Да ведь она, вроде, на железку похожа, — говорит девушка.

— Верно, — отвечает солдат, — пока не сварена, она твердая, как железка, а коль сварить, так мягкой станет.

Сильно заинтересовалась девушка железкой.

— Айда, — говорит она, — зайдем, агай, к нам, сварим твою еду, и мне дашь немножко отведать.

Согласился солдат. Девушка дома была одна, отец с матерью в гости уехали, а работники в поле хлеб убрали. Зашел солдат в дом, вымыл хорошенько свою железку, положил в котел и говорит девушке:

Это тебе не козлятина, чтоб в воде варить, ну-ка, принеси полный котелок молока.

Принесла девушка полный котелок молока, вылила в котел. А солдат говорит:

— Надо еще две миски пшена и ложку соли добавить.

И пшена принесла девушка, и соли.

Когда сварилась и запыхтела в котле каша, солдат велел кинуть туда еще полкомка масла. И это сделала девушка. Выгреб солдат кашу из котла в большую деревянную миску, поставил на стол, а железку свою незаметно сунул в карман. Сели солдат с девушкой за стол и уплели кашу с маслом с таким удовольствием, что даже распарились. Очень понравилась девушке солдатская еда.

— Агай,— говорит она,— коль ты еще не все сварил, оставь, пожалуйста, мне кусочек, подивлю отца с матерью твоей едой. Взамен дам тебе на дорогу все, что надо.

Ахти,— отвечает солдат,— у меня всего один кусочек остался! Ну ладно, раз уж так просишь, возьми.

Отдал солдат девушке железку, набрал полную котомку всякой снеди и отправился дальше своей дорогой.

171. КУНАЙ И КУПАЙ

Сказывают, в далекие от нас времена жил на склоне горы Татырлы бай по имени Купай. И был он необычайно жаден: носил задубевшую шубу, даже кнута не имел — погонял лошадь рукавом шубы. В гости не ходил и сам никого не приглашал. А тех, кто у него останавливался, провожал, ничем не угостив.

Однажды удалой парень по имени Кунай заявил перед всем честным народом: «Пусть мне не будет имя Кунай, если не прогощу у этого скряги целую неделю! А понравится — и дочку его прихвачу!»

Сказанное слово — выпущенная стрела. Оседлал егет коня и поехал к баю. А друзья Куная проводили его смехом: «Не такие, как ты, оставались с носом, даже чая у Купая не отведали!»

Добравшись до дома Купая, Кунай спешил, перво-наперво заглянул в окно и видит: один из слуг бая коптит перед очагом бычью голову, другой ощипывает курицу, хозяйка месит тесто, а сам бай, лежа на нарах, зорко следит за ними. Кунай распахнул дверь и неожиданно для всех перешагнул порог байского дома. Все вмиг перестали работать: первый слуга подложил под гузно бычью голову, будто это стул, другой забросил курицу

за очаг, хозяйка мгновенно накрыла тесто шубой мужа и тоже уселась на него.

Кунай быстро подошел к баю.

— Ты — Купай, я — Кунай, так цени наших, знай! Не стал ждать, когда позовешь в гости, сам пришел тебя проведать, — с теми словами он уселся рядом с баем, подогнув под себя ноги. Начал расспрашивать о делах, о здоровье:

— Ну, Купай, как дети, как семья? Множится ли скотина да птица, не заставляют ли себя ждать дожди?

А Купай только таращил глаза и ловил открытым ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, — так он был ошеломлен натиском неизвестного егета. А Кунай все продолжает говорить:

— Ну, Купай, я заранее предчувствую, что скажешь: рассказывай, мол, Кунай, про то, что видел и слышал! Потому и не стану дожидаться, когда ты попросишь об этом, расскажу тебе об увиденном. Если расскажу об услышанном, оно может оказаться ложью. Так вот, когда я сел на своего вороного и отправился к тебе в гости, пришлось преодолевать Ташмурунский перевал. И что ты скажешь: растянулась поперек дороги длинная змея! Толщина ее примерно такая же, как только что лежавшая тут казы — колбаса. Пустил я в ту змею камнем, величиной с ту бычью голову, что находится сейчас под гузном твоего слуги, так она расплющилась и растеклась, как тесто под этой тетей. Если я соврал хоть в одном слове, да буду я распотрошен, как та курица, что лежит сейчас за очагом!

Бай переглянулся со своей женой и уловил в ее глазах такой смысл: что делать, от такого человека так просто не отделаешься, открой котел! С тем она стала готовить ужин.

Наевшись досыта, Кунай завалился спать.

Наутро он и виду не подал, что собирается уезжать, и тем навел на хозяина горючую тоску. Весь день Купай не прикасался к еде и другим не давал есть, полагая, что неожиданный гость не выдержит голода и удалится из его дома. Но тот, по всему, и думать не думал уезжать.

Когда Кунай снова погрузился в сон, Купай с женой решили сварить мясо в снях и там же поесть на ночь. Положили мясо в котел, а сами сделали вид, что легли спать. Пока Купай дожидался, когда сварится мясо, действительно уснул, а за ним уснула и его жена. А Кунай съел все мясо, разрезал на части кожаный передник Купая, отодрал каблук от обуви слуг и все это бросил в котел. После этого он снова улегся спать.

После полуночи проснулись Купай с женой, вышли во двор, решив отведать мяса. Жена выловила мясо и подала мужу. Тот попробовал было его — а это тряпье; взялся за кости — какие-то истоптанные каблуки! И только после этого он догадался, куда девалось истинное мясо.

— Это все проклятый Кунай! — заскулил он. — Ну ладно, если ты решил угостить меня передником и каблуками, я угощу тебя голенищами твоих сапог!

Он взял сапог Куная и в сердцах разрезал его голенище. Но тут его осенила другая мысль: «Нет уж, лучше я угощу тебя мясом твоей же кобылы, на которой ты сюда приехал!»

Утром он забежал в дом и дернул спящего Куная за ногу:

— Вставай скорее, случилась большая беда: твоя кобыла напоролась на железные вилы! — закричал он. — Что будем делать: ведь пропадет твоя кобыла!

— Спрашиваешь тоже, — спросонья отвечает Кунай, — вали и режь, будет мясо.

А Купай только того и ждал — тут же выскользнул во двор и, пока Кунай справлялся со сном да одевался, зарезал его кобылу. Когда гость появился во дворе, кобылье мясо уже kloкотало в казане.

— Купай-агай, — говорит Кунай, — уж я не буду увозить мясо домой, вон сколько надо его везти. Давайте все вместе его съедим.

Купай с удовольствием согласился на такое предложение.

За неделю кобыла была съедена. И только после этого Кунай собрался уезжать домой. И он забрался на свою кобылу со звездочкой на лбу! Как так получилось? — спросите вы. А дело в том, что Кунай ночью подменил свою лошадь, и бай — зарезал ее, приняв за кобылу Куная. Сообразительный Кунай предвидел, что хозяин пойдет на такую подлость, обмазал свою кобылу навозом, а байскую лошадь выкрасил под цвет своей кобылы. Перед отъездом он обмыл свою лошадь и баю открылась вся эта ужасная для него истина. Но Купай не мог сразу ее постичь.

— Почему забрался на мою лошадь? — спросил он Куная. — Слезай немедленно, пока жив-здоров!

— Чего ради? — спрашивает Кунай. — У моей кобылы, когда я приехал сюда, была звездочка на лбу. Теперь, когда уезжаю, та же звездочка. А не веришь, спроси у людей.

Одуревший от горя бай взглянул на голову его ло-

шади и действительно: на лбу ее сияла огромная белая звезда!

— Так ведь и у той лошади, что я зарезал, была на лбу звездочка!— не унимался он.

— Нет,— отвечает Кунай,— вместо моей ты зарезал свою лошадь. Она и до этого была без звездочки, надеюсь, и теперь у нее не выросла на лбу звезда.

Бай велел принести голову зарезанной им лошади; смотрит — а звездочки на лбу ее нет и в помине.

Купай стал чесать затылок, ругаться да браниться: вот-вот готов был заплакать, но что делать — распахнул перед Кунаем ворота и закричал со злостью:

— Вон с моего двора, дьявол проклятый! И больше не показывайся мне на глаза!

— За щедрое угощение спасибо, Купай-агай,— отвечает Кунай.— Приезжай ко мне в гости, угощу тебя мясом своей кобылы!

И неторопливо поехал прочь. Но, выехав уже за пределы аула, он вдруг поворотил лошадь. Бай в это время направлялся к табуну своих лошадей, которые паслись неподалеку от аула. Кунай обратился к жене Купая:

— Эй, тетка, я забыл, а ты не напомнила.

— Что опять случилось?— спрашивает хозяйка.— Слепнем ты оказался, вот что! Тебя и не прогонишь.

— Девушка забылась, девушка! Ведь Купай-агай согласился выдать свою дочку за меня замуж!

— Не болтай глупостей!— рассердилась хозяйка.— У нас и в мыслях не было выдавать за тебя замуж нашу дочку.

— Никакие не глупости,— отвечает Кунай.— Я ведь и калым за нее заплатил. Твой муж засунул те деньги в голенища своих сапог. Может быть, он о них тебе не сказал? Видно, с тобой кашу не сварить, придется проехать к отцу невесты,— и с теми словами он отправился вслед за Купаем.

Тот никак не ожидал вновь увидеть своего незваного гостя.

— Что тебе опять нужно?— закричал он в отчаянии.

— Посмотри-ка, какой-то злодей, пока я спал, разрезал голенище моего сапога. Не могу же я вернуться в таком виде, надо зашить. Попросил было у тетки шило с нитками, да она говорит, что без вашего позволения дать не может. Так вот, крикнули бы вы ей, чтобы разрешила дать мне шило да нитки.

Но Купаю было не до разговоров.

— Иди, иди! Сгинь с моих глаз! Даст она тебе шило да нитки, а не даст — крикни мне, я ей прикажу.

Вернулся Кунай обратно и говорит байской жене:

Бай велел отдать девушку, а не веришь — крикни, спроси у него.

Жена забралась было на ограду, чтобы спросить мужа, но тот ее опередил:

— Дай ему, что просит! — Сам же показывает на голенища сапог.

Жена решила, что калым действительно спрятан в голенище сапога, а муж велит отдать Кунаю дочку. Привела она дочь, а сама подумала при этом: «Хорошо, что мы отдаем ему дочку по всем правилам и обычаям, потому что такой егет и без того бы ее похитил».

Вот так и женился Кунай на девушке, которую получил, можно сказать, вслепую и задаром. А девушка та оказалась и покладистой, и прилежной женой, и зажили они в полном благополучии. Дети у них появились, и скот пошел на размножение. Я в будущем году только видел внуков его внуков.

И лишь Купай-агай прожил недолго: из-за жадности своей в задубленной шубе выехал он в трескучий мороз в зауральские места да там и замерз.

172. СКУПОЙ СТАРИК И ТАЗ

В ту пору,
когда дела шли в гору
и козла всем миром
выбрали командиром,
а селезень был урядником,
воробей — десятником,
сорока — учетчицей,
галка — переводчицей,
петух — сенатором,
индюк — губернатором,
жил да был, говорят, один бай,
столь богатый,
что богатство перехлестывало через край,
но сам он богатства этого и не видывал,
и никто ему не завидовал.
Жил бай, и не голодный, и не сытый,
под железной крышей, соломой крытой,
ходил на улицу через окно
со старухой своей заодно, —
до того они отощали,
что — хоть верь, хоть не верь —
не могли уже пролезть через дверь.

Было у бая два дома, да хоть ты взвой:
один, оказалось, — соседский, другой — не свой.
И знатной одежды было немало,
да тряпок на заплатки не доставало.
Имел, говорят, бай и пару коней,
а запрягать их — ни арбы, ни саней,
и кони те, каурые ли, пегие ли,
так в чужих упряжках и бегали.
Много было у бая вкусной еды —
не меда и масла, так лебеды.
Варил бай шурпу на таганке
в махоньком чугушке, —
рад бы похлебать из большого котла,
да боялся разориться дотла.
Вспоил-вскормил этот старик-богатея
прямо-таки удивительных детей:
шустрый сын житья не давал тараканам,
ловил их толстым-претолстым арканом,
а дочь, изогнувшись дугой,
строчила письма левой ногой...

Старика Харанбаем звали. И сам он, и все в его семье были очень скупые, не уступили бы, говорят, в скупости даже самому Каруну¹. Где уж там другим что-нибудь дать — на себя потратиться было горем. Но однажды Харанбай и его старуха почему-то вдруг расщедрились. Сварили полный чугунок мяса, казы наделали. Зарезали индюка, ощипали и опалили. Решили заодно сварить еще и целую лошадиную голову, выставили ее в деревянной чаше на нары. Теста для лапши намесили и раскатали. Тем временем уже и медовуха в бочонке силу набрала.

Прознал об этом Таз, живший в соседнем ауле. «Дайка, — думает, — в гости к ним съезжу». Запряг лошадь и поехал. По пути и одного своего приятеля подговорил: айда, мол, к Харанбаю, угостимся на славу.

Приехали они вдвоем к Харанбаю, во двор заехали. Таз велел товарищу лошадь распрячь, а сам подкрался к окошку и видит: все семейство бая суетится — гостей заметили, съестное прячут. Индюка в печную трубу сунули, казы и лошадиную голову — под нары, тесто периной прикрыли, бочонок с медовухой на печку поставили и быстренько огонь в очаге погасили — залили водой.

Подсмотрел все это Таз и, отойдя от окошка, голос подал. Кричит:

— Бай дома?

— Дома, дома! Заходите, заходите! — отвечает Харанбай.

Зашли Таз с товарищем, поздоровались, сели на нары. Сидят, молчат. Пришлось хозяину самому разговор заводить.

— Ну,— говорит,— рассказывайте, дорогие гости, что видели, что слышали.

— Тому, что от других слышали, веры мало,— отвечает Таз.— А вот о том, что сами видели, коли ты не против, можно бы рассказать.

— Не против, не против! Расскажите, что видели.

— Видели мы, бабай, в пути змею,— начал Таз.— Поверишь ли, толстую, как казы, спрятанные там, под нарами. Зашипела она, как медовуха у вас на печке. Тогда поднял я камень с лошадиную голову, которая лежит сейчас как раз подо мной, и запустил в змею. И стала она плоской, как тесто, прикрытое вот этой периной. Истинное слово! Коли я хоть капельку соврал, сам себя готов ошипать и опалить, как индюка, которого вы засунули в печную трубу.

Сидит Харанбай, не знает, что и делать. «Чтоб ты,— думает,— лопнул! Все, оказывается, тебе известно».

Тут Таз с товарищем ненадолго вышли — лошадь надо было в стойло поставить и корму ей задать. Харанбай — к жене:

— Ну,— говорит,— влипли мы, старуха. Придется их, будь они неладны, накормить, а то не уедут.

Когда Таз с товарищем вернулись, Харанбай снял с печки медовуху, еду тоже выставил, принялся гостей угощать. День угощает, другой, третий, а гости все не уезжают. Как теперь быть? Думал старик, думал и, не придумав ничего другого, решил тайком зарезать лошадь Таза, накормить его своей же кониной.

— Может,— говорит бай своей старухе,— после этого уберутся.

А Таз услышал их разговор. Лошадь у Таза была вороная, у хозяина — серая. Вечером, когда все легли спать, Таз отвел лошадь Харанбая к болоту, вымазал ее с головы до ног грязью, потом поставил ее на место своей лошади, а свою — на место хозяйской. Ночью Харанбай разбудил своих.

— Давайте-ка,— говорит,— пока Таз спит, сделаем, как решили.

Да вместо лошади Таза зарезали собственную. К пробуждению гостей уже и полный котел мяса сварили. Вышли, поев мяса, во двор, глядь — лошадь Таза жива-здоровая, а своей нет.

Так Харанбай и собственную лошадь гостям скормил.

Попробовал товарищ Таза уговорить его вернуться домой.

— Айда уж,— говорит,— поедем, хватит, погостили.

А Таз в ответ:

— Брось! Как можно от столь гостеприимных хозяев уехать! Ведь даже вон какую лошадь для нас не пожалели! Да коли мы их обидим, уехав, нас молния с ясного неба поразит!

Услышал это Харанбай и говорит своей старухе:

— Вконец он нас разорит. Чем терпеть такие убытки, давай отдадим за него дочь. Иначе не отвяжется.

Приехал Таз холостым, уехал женатым. Прогостил у Харанбая с неделю, увез его дочь. И поныне весело живут. Вчера я к ним наведалься, сегодня вернулся. Тьфу, тьфу, тьфу — не сглазить бы их!

173. МЭРГЭН

Жили когда-то старик со старухой. Был у них сын, звали его Мэргэном. Только-только вступил Мэргэн в возраст егета — отец с матерью умерли. Не найдя отрады в опустевшем доме, отправился егет с горя куда глаза глядят. Долго шел,— много рек пересек, много гор миновал и дошел до большого города. Жил в этом городе царь. Был он злой и такой скупой, что ничего ему не стоило казнить человека из-за одной копейки. Решил Мэргэн взглянуть на этого царя. Вошел во дворец, поздоровался, как водится. А царь, не ответив на приветствие, заорал:

— Чего тебе тут нужно? Небось, попрашайничать пришел?

— Я тебе сокровище принес,— ответил Мэргэн.

Царь подскочил от радости.

— Где оно? Покажи!

— Оно — в моей палке, а палку я за дверью оставил.

Мэргэн еще и договорить не успел, как царь побежал к двери. Пошел егет следом и говорит:

— Палка мне опять понадобится, дай посудинку, чтобы сокровище туда высыпать.

А царь в ответ:

— Иди, попроси у моей жены.

Повернул Мэргэн назад, отыскал царицу и говорит ей:

— Царь велел дать мне сто золотых монет.

— Бэй!— отвечает царица.— Почему я должна верить какому-то проходимцу и дать сто червонцев? Тут дураков нет.

Поняв, что просто так денег не вытянуть, Мэргэн кричит:

— Эй, царь, мой государь, царица не дает!

А царь, схватив палку, уже вернулся на свой трон, грозно приказывает жене:

— Это еще что такое! Сейчас же дай!

Царица вручила Мэргэну сто золотых монет. Взял их хитрый егет, вышел из дворца через другую дверь и был таков. Идет домой и рассказывает встречным:

— Я у царя палку на сто золотых монет обменял.

Вернувшись в свой аул, построил Мэргэн красивый дом, женился и живет поныне счастливо. А царь, говорят, все еще ждет, когда он посудинку принесет.

174. ДВА СОСЕДА

В давние времена жили по соседству бедный старик и бай. Однажды старик зашел к баю.

— На базар бы,— говорит,— надо съездить, одолжи, сосед, свою кобылу.

У бая ответ уже наготове:

— Нету кобылы дома, ушла куда-то.

В это время кобыла бая заржала.

— Зачем же врать?— говорит старик.— Вон ведь, ржет твоя кобыла, и сам слышишь.

— Бэй! Ты кому веришь — мне или кобыле?— уперся бай на своем.

Пошел старик домой и увидел в овраге у родника ягненка: должно быть, пить захотел и отстал от стада. Не растерялся старик, поймал ягненка, вскинул на шею и унес к себе. Бай, прослышав об этом, пришел к старику.

— Ты,— говорит,— оказывается, подобрал моего ягненка. Верни-ка.

— Нету у меня твоего ягненка,— отвечает старик.— Иди, ищи вон на дне оврага.

Повернулся было бай, чтобы уйти,— вдруг ягненок заблеял.

— Врешь ведь,— говорит бай.— Вон же, заблеял.

— Ты кому веришь — мне или ягненку?— сказал старик и захлопнул дверь перед самым носом бая.

175. ХАРАНБАЙ И ЗИННАТ-АГАЙ

В давние времена жил, говорят, бай, мрачный, как тень в солнечный день. Никто не называл его по имени, звали за жадность и скупость Харанбаем.

Однажды собрался Харанбай на ярмарку. Встал утром и принялся ломать голову: «Что на дорогу с собой взять?» А у самого чего только не было! Тут тебе и козы, и овцы, и куры, и гуси — и все ровно по тысяче голов. Муки у бая было тоже ровно тысяча пудов. «Коли, — думает бай, — зарезать одного гуся, так останется всего-навсего девятьсот девяносто девять гусей; курицу зарезать — опять же останется только девятьсот девяносто девять; коли испечь хлеб из пуда муки — всего-то девятьсот девяносто девять пудов останется; овцу зарезать и мяса наварить — то же самое получается. Вот ведь как, того и гляди богатство мое убавится. Что же делать?»

Не хватило у Харанбая своего ума, пошел посоветоваться с таким же, как сам, скрягой Давлетбаем.

— Уж и не знаю, — говорит, — как быть, что с собой на дорогу взять.

— Нашел из-за чего голову ломать! — отвечает Давлетбай. — Скажи Зиннату, пусть своего гуся зарежет. Он на ярмарку хочет поехать, в мою арбу напрашивался.

Обрадовался Харанбай, побежал к бедному своему соседу Зиннат-агаю и, едва переступив порог, говорит ему:

— Сосед, ты, оказывается, на ярмарку хочешь поехать. Зарежь своего гуся на дорогу, и айда, поедем втроем, с Давлетбаем.

Не хотелось Зиннат-агаю резать своего единственного гуся, но раз лошади у него не было, а поехать на ярмарку охота — согласился, зарезал. И вот Харанбай с соседом Давлетбаем и хозяином гуся Зиннат-агаем отправились втроем в путь.

В пути остановились они в одном ауле переночевать. Теперь и Харанбай, и Давлетбай думают: «Как бы ухитриться, съесть гуся, не поделившись ни с кем другим?» Немало-таки поломав голову, Харанбай говорит:

— Давайте уговоримся: кому приснится лучший сон, тот и съест гуся.

Договорились и легли спать. И Харанбай, и Давлетбай заснули только перед рассветом, и тот и другой всю ночь думал: «Как бы половчей обмануть тех двоих и самому съесть гуся?»

Утром Харанбай первым начал рассказывать, что увидел во сне.

— Эх, — говорит, — спутники мои дорогие, до чего же хороший сон мне приснился! Будто бы сижу я в светлой горнице на пуховой перине. И вдруг, скажу я вам, подлетает к воротам пара рысаков, а в коляске сидит ка-

кой-то человек. «Хозяин дома?» — спрашивает. Выбежал я к нему, и этот человек говорит: «Айда, Харанбай-агай, я за тобой приехал». Сел я к нему, покатили и, гляжу, привез он меня прямиком в рай. Тамошний мир, скажу я вам, ни в сказке не обсказать, ни золотым пером не описать. Куда ни глянь — благоухающие цветы цветут, на ветках хурма и всякие другие, готовые сорваться в рот, плоды висят, кругом райские птицы распевают. Тот человек говорит мне: «Коли, Харанбай-агай, тебе все это понравилось, живи с сегодняшнего дня тут». Понравилось, конечно, как не понравиться!.. Вот такой сон мне приснился.

После Харанбая рассказал свой сон Давлетбай.

— А я, — говорит, — полетел во сне на крылатом тулпаре. И вознес он меня на небеса. Гляжу — собрались там самые богатые, самые знатные люди здешнего мира. Уж до чего они обрадовались, увидев меня, — и не высказать: «Давлетбай, — кричат, — прилетел, Давлетбай прилетел!» И все спешат по спине меня похлопать, пыль с почетного места сдувают, чтоб меня посадить. Потом принялись они угощать меня. А на столе чего только душа ни пожелает — все есть. Подумал было я, что птичьего молока нет, так тут же и птичье молоко выставили... Такой хороший сон, наверно, еще никому на белом свете не снился.

Подошла очередь Зиннат-агая.

— Ну, Зиннат, что тебе приснилось? — спрашивают жадные баи.

— И не спрашивайте, — отвечает бедняк. — Вам обоим, слов нет, приснились очень хорошие сны, а мне... Оставили вы меня тут одного арбу сторожить — один отправился в рай, другой — на небеса. «Ну, — думаю, — не скоро они вернутся, раз в такие гостеприимные места попали. Коли их ждать — гусь может испортиться». Вдобавок, сильно есть хотелось. Взял да и съел я гуся. Правда, маленько и вам осталось, вон шея лежит.

Услышав это, Харанбай с Давлетбаем рты разинули да так, глядя друг на друга, и застыли.

Пришлось баям съездить на ярмарку голодными, только им и досталось, что погрызть гусиную шею, которая от Зиннат-агая осталась.

В давние-предавние времена жили старик со старухой. Был у них сын, которого они называли Кузнечиком, из-за чего товарищи дали ему прозвище Тыз-Быз. Отец часто брал его с собой в лес. Вернувшись из лесу, Тыз-Быз хвастался перед товарищами:

— Я теперь все знаю.

Поэтому стали его называть Всезнающим Тыз-Бызом.

Однажды в их ауле остановились переночевать два путника. Встали утром, пошли запрягать лошадей, а лошадей — нет. Порасспрашивали взрослых, но ничего из этого не вышло. Начали расспрашивать ребятишек:

— Детки, вы лошадей не видели?

А те отвечают:

— Есть у нас Всезнающий Тыз-Быз, если кто и знает, где ваши лошади, так он, а мы не видели.

Пошли путники к Тыз-Бызу.

— Братец Тыз-Быз, говорят — ты все знаешь. Помоги нам отыскать лошадей.

Тыз-Быз лежал на печи, грыз горох.

— Идите прямо, потом сверните направо, увидите кусты — там ваши лошади, — сказал он.

Пошли путники, как он научил, и — бэй! — в самом деле нашли своих лошадей.

Поблагодарили они Тыз-Быза и отправились дальше. Едут и то тут, то там рассказывают, как отыскали своих лошадей. Дошел их рассказ до царя, у которого как раз, оказывается, пропала золотая печать. Послал царь за Тыз-Бызом и велел поразмыслить, куда могла деться его печать. Дал на это три дня. Посадили его одного в отдельную комнату. И вот сидит Тыз-Быз у окна и, думая об отпущенных ему трех днях, приговаривает:

Первый прошел, остались второй и третий.

Первый прошел, остались второй и третий...

А в это время мимо проходил один из воров, укравших печать. Услышал он слова Тыз-Быза и — бегом к своим товарищам.

— Тыз-Быз, — говорит, — все знает. Когда я проходил мимо, он начал приговаривать: «Первый прошел, остались второй и третий».

На другой день вечером второй вор решил нарочно пройти мимо Тыз-Быза, — мол, что он скажет? И вот идет и слышит:

И второй прошел, остался третий.

И второй прошел, остался третий...

— Худо наше дело!— сказал второй вор, вернувшись к товарищам.

Посоветовались они и пошли втроем к Тыз-Бызу.

— Что верно,— говорят,— то верно, царскую печать мы украли. Ты уж не выдавай нас, выручи как-нибудь.

— Ладно,— отвечает Тыз-Быз.— Давайте сюда печать и принесите мне каравай хлеба да живого индюка.

Воры кинулись бегом исполнять приказ. Тут же принесли пышный каравай и живого индюка. Тыз-Быз облепил печать хлебным мякишем и затолкал в глотку индюка. Потом индюка, пометив, выпустил во двор.

В назначенный срок царь вызвал Тыз-Быза и спрашивает:

— Ну, напал на след печати?

— Напал.

— Где она?

— Ты свою печать, оказывается, в кармане носил и выронил на прогулке. Ее проглотил индюк,— отвечает Тыз-Быз.

Повел его царь на птичий двор.

— Который индюк проглотил?

-- Вели зарезать вон того. Печать — в нем,— отвечает Тыз-Быз.

Зарезали индюка — и впрямь золотая печать оказалась в нем. Обрадовался царь и взял Тыз-Быза к себе советником.

Зажил было Тыз-Быз припеваючи, но тут другой царь пошел на этого войной, чтобы часть земли у него отобрать. Этот собрал своих везиров, спрашивает:

— Как решим? Землю отдадим и тем спасемся или воевать будем?

— Землю отдадим,— говорят одни.

— Воевать будем,— говорят другие.

Тогда царь спросил у Тыз-Быза, как он думает.

А Тыз-Быз ведь никакого понятия о войне не имел, поэтому ответил:

— Воевать будем! Зачем им землю отдавать?

Начали готовиться к войне. Тыз-Быз тем временем сел верхом на плохонькую лошаденку и поскакал на встречу чужеземному войску. Увидели его враги и перепугались, докладывают своему начальнику:

— Идет против нас один, на плохонькой лошаденке. Видать, есть у него секрет, разгромит он нас.

Начальник послал своих людей на переговоры.

Приблизились те к Тыз-Бызу, кричат:

— Ты уж, пожалуйста, не громи нас, мы ошиблись, бери, сколько хочешь, нашей земли!

Ну, вернулся, значит, Тыз-Быз с победой. Царь на радостях отдал за него замуж свою дочь.

Зажили они тихо-мирно, и казалось — Тыз-Быз вконец избавился от всяких неприятностей, но однажды царь решил еще раз проверить, впрямь ли его зять все знает. Увидел царь на прогулке кузнечика и погнался за ним. Долго гонялся, а все ж поймал, зажал в кулаке и пошел к Тыз-Бызу:

— Зятек, что у меня в руке?

«Похоже, на этот раз я не вывернусь, раскроется мой обман», — решил Тыз-Быз и надолго задумался. Стоит и бормочет себе под нос:

Раз попался — жив остался,
Два попался — жив остался,
А теперь вот влип так влип!
Все, Кузнечик, ты погиб!

Царь, удивившись, — вот, мол, окаянный, все знает, — разжал кулак, выпустил кузнечика и говорит:

— Верно, зятек, верно! И впрямь ты — всем головам голова!

После этого зажил Тыз-Быз спокойно. Говорят, таких же, как сам, тыз-бызят растит.

177. ТОРГОВЕЦ И КРЕСТЬЯНИН

Один торговец по пути в город потерял семьсот рублей и объявил: «Кто найдет и принесет мне потерянные деньги, тот получит из них сто рублей».

День-другой спустя один крестьянин нашел потерянные деньги и в целости-сохранности принес торговцу. Обрадовался торговец, но теперь отдавать обещанные сто рублей ему расхотелось. Решил он схитрить и говорит крестьянину:

— Дружок, я потерял восемьсот рублей, а тут — семьсот. Выходит, положенные тебе сто рублей ты уже взял и очень хорошо сделал. Да прольется на тебя дождь благодарностей!

— Нет, я нашел семьсот рублей и все семьсот принес, — заспорил крестьянин, а торговец уперся на своем.

— Айда, — говорит, — коли так, пойдём к судье.

А сам думает: «Не может быть, чтобы судья не поверил богатому, крестьянина он и слушать не станет».

Пришли к судье. Торговец твердит свое:

— Я потерял восемьсот рублей, сто из них этот крестьянин взял себе.

А крестьянин упорствует на своем:

— Нет, я нашел семьсот рублей и принес ему все полностью.

Послушал их судья, послушал и вынес такое решение:

— Один из вас потерял восемьсот рублей, другой нашел семьсот. Стало быть, найденные деньги потеряны не торговцем, а кем-то другим. Раз так, пусть эти семьсот рублей, пока не объявится их хозяин, остаются у крестьянина. А ты, агай, потерпи, пока не найдутся твои восемьсот рублей.

Таким образом, жадный торговец вовсе лишился своих денег. А крестьянин положил семьсот рублей в карман и, очень довольный, отправился домой.

178. ДЕНЕГ НЕТ, УМА МНОГО

Жил, говорят, встарь чудной старик. Идя по улице, он все время выкрикивал:

— Денег нет, ума много! Денег нет, ума много!..

Сильно надоел он этим жившему в том же ауле баю. Подстерег его однажды бай, зазвал к себе, накормил-напоил и спрашивает:

— Зачем ты так выкрикиваешь? Хочу знать причину. Старик не ответил.

«Дам-ка ему денег,— решил бай.— Что, интересно, он с ними сделает?» И выпроводил старика, дав ему много денег.

Старик, не долго думая, принялся на эти деньги скупать в ауле золу. Скупает, возами возит к протекающей рядом реке и рассыпает вдоль берега.

А делал-то он это неспроста. Лежали, оказывается, на дне реки камешки-бриллианты, да никто не мог их достать. Только какие-то птицы доставали и, наигравшись ими, бросали обратно в воду.

Рассыпав золу вдоль берега, начал старик подсматривать за теми птицами. Птицы доставали из глубины драгоценные камешки и, играя с ними, теряли в золе. А старик потом камешки подбирал. И превратился он так в очень богатого человека. Бай, который забавы ради дал старику денег, сильно, говорят, ему завидовал.

Давным-давно жил на свете старый пастух. Был он беден, но мудр. Пять лет пас у бая овец, и вот однажды говорит бай:

— Сколько лет подряд ты пасешь моих овец, выбери одну из них в уплату за свой труд.

Выбрал старик овцу, и как раз в это время на стадо волк напал и схватил как раз ту самую овцу. Подивился старик и говорит волку:

— За всю свою жизнь в первый раз имею я собственную овцу. У бая их вон сколько, а ты хватаешь именно мою.

— Мне выбирать некогда,— отвечает волк.— Какая в зубы попадет, ту и хватаю. Мне есть хочется.

— А ты сделай так,— говорит старик.— Закрой глаза и трижды вбегу в стадо, бери овцу, которая попадется. Раз уж ты есть хочешь, то свое возьмешь.

Послушался волк и трижды с закрытыми глазами вбегал в стадо. И трижды в зубы ему попадалась та же самая овца.

Смирился тогда старик: такова, видать, судьба.

— Ладно, забирай свою добычу. Только шкуру не ешь, мне оставь.

Волк так и сделал: мясо съел, а шкуру старику оставил.

Свернул пастух шкуру, под руку сунул и продолжает овец пасти. В это время проезжали мимо купцы с товарами. Остановил их старик и говорит:

— Возьмите у меня шкуру, продайте ее, а мне деньги за шкуру привезете.

Взяли они шкуру, чтобы вместе со своим товаром продать, но никто ее не купил. Лишь один человек предложил:

— Давайте вашу шкуру на кошку менять.

Обменяли шкуру на кошку и дальше поехали. Приезжают в какой-то город, а там шум и плач стоит.

— Что за шум, что за плач?— спрашивают.

— Сегодня ночью у царской дочери мыши ухо отгрызти должны. Нет от этих мышей спасения!

Решили купцы царскую дочь увидеть, на месте решить и, может быть, спасти царевну. Пришли во дворец, царю салям воздали, потом спрашивают:

— Много ли заплатишь, если спасем твою дочь?

— Если спасете,— отвечает царь,— дам вам золота столько, сколько унести сможете.

Ладно, согласились на том.

Вечером отправилась царица спать, а купцы в спальню кошку пустили и дверь закрыли.

Утром пришли царскую дочь проведать — жива-здоровая! А на полу придушенные мыши валяются. Сдержал царь слово, нагрузил купцов золотом так, что едва подняли они то золото.

На обратном пути один из купцов говорит:

— Давайте не будем отдавать старику золото. Больно много ему одному будет.

— А как же договор? Он ведь спросит с нас: где деньги за шкуру?

— Скажем, что покупателя не нашлось и шкуру мы выбросили.

И решили они поделить меж собой золото. Только выложили из мешка, как один из купцов говорит:

— Вон черная туча надвигается, мне что-то страшно. Давайте отложим дележ.

Сложили золото в мешок — туча сразу пропала.

Снова выложили золото — опять туча появилась. Золото сложили — скрылась туча. Трижды хотели приступить к дележу, и трижды туча мешала им. Махнули купцы рукой, поехали дальше.

Едут, навстречу старик-пастух выходит. Поздоровались.

— Ну как торговали? — спрашивает. — Много ли выручили?

— Вот тебе мешок золота за твою шкуру, — отвечают.

— Что же это вы! Золото выручить сумели, а поделить не смогли?

Все, оказывается, было известно старику.

— Теперь видите, — говорит, — как договор нарушать? Забрал золото и купцам их долю выделил.

До сих пор мудрый старый пастух жив и здоров, говорят, и прекрасно живет.

180. НАЧАЛО БОГАТСТВА — В ЦЫПЛЕНКЕ

Давным-давно жил, говорят, один бабай. Кроме маленького цыпленка, ничего у него не было. Однажды, взяв с собой этого цыпленка, отправился бабай на мир поглядеть. Встретился ему в пути аул. Попросился бабай в один дом на ночлег, а цыпленка велел пустить к хозяйским гусям.

Хорошенько выспавшись, собрался бабай утром уходить, а хозяева говорят:

— Гуси твоему цыпленку ножку сломали. Что тебе вместо него дать?

— Очень любил я цыпленка, да что поделаешь! Ладно уж, дайте вместо него гуся,— ответил бабай и ушел с гусем под мышкой.

Шел он, шел и дошел до другого аула. Прошелся по улице, высмотрел зажиточный дом, попросился переночевать, а гуся велел пустить к хозяйским овцам.

Выспался бабай, утром собрался идти дальше, просит своего гуся, а хозяева говорят:

— Твоему гусю ногу сломали. Что вместо него дать?

— Какая скотина повинна, ту и дайте,— ответил бабай.

Дали ему овцу. Идет бабай дальше, ведет на поводке овцу. Наступил вечер. Усталый бабай свернул в оказавшийся поблизости аул, выбрал двор побогаче, остановился переночевать. Овцу велел запереть вместе с хозяйскими телками.

И эту ночь провел бабай неплохо. Утром, позавтракав, просит привести свою овцу. А хозяева говорят:

— Ей телка наступила на ногу и сломала.

— Придется забрать у вас вместо овцы телку. Овца моя хорошей коровы стоила,— отвечает бабай.

Дал ему хозяин телку. Продолжил бабай свой путь. К вечеру дошел до одного аула. Выбрал, как прежде, хозяина побогаче, попросился на постой, телку велел пустить к коровам. Наутро ему говорят:

— Телку твою корова покалечила, на ногу ей наступила.

— Придется вам дать вместо телки корову,— отвечает бабай.

Хоть и поохали хозяева, а все ж согласились. Отправился бабай своей дорогой. Шел, шел, и вот впереди показался аул. Приблизившись к гумнам, услышал наш бабай — лошади ржут. Направился в ту сторону, попросился на постой всего на одну ночь. Пустили его переночевать. На этот раз бабай пристроил корову возле лошадей. Утром обнаружилось, что лошади сломали ей ногу. Потребовал бабай вместо коровы лошадь. Куда хозяевам деваться — дали лошадь. Вскочил бабай на нее и, сказав: «Оказывается, начало богатства — в цыпленке», — ускакал.

В давние-предавние времена жил, говорят, один старик, у которого ничего, кроме кривого посошка, не было. Однажды старик, опираясь на этот посошок, отправился странствовать. Шел он, шел и немалое расстояние прошел. До того, говорят, споро он шагал, что за час одолевал путь длиной в десятую часть своего посошка. И вот наступила ночь, народ кругом лег спать, только в одном оконце тускло светилась свечка. Постучал старик в это оконце.

— Эй, хозяйева, пустите переночевать!

— Кто там? Кого еще там носит?— спрашивают изнутри.

— Я — странник, отправившийся в дальнюю дорогу и проделавший путь длиной в свой посошок,— отвечает старик.

Разрешили ему войти. Вошел старик, сел на пары.

— Бабай, куда положить твой посошок?— спрашивают его.

— Положите в гусятник,— отвечает старик.

Отнесли посошок в гусятник, а старика, накормив, уложили спать на мягкую подстилку. Только сна у старика — ни в одном глазу,— лежит, ждет, когда другие уснут. Когда все крепко уснули, старик тихонечко вышел, пробрался в гусятник, сломал свой посошок и, кинув его гусям под ноги, вернулся на свое место.

Наступило утро. Старика опять накормили.

— Ну, детки, мне пора идти. Принесите мой посошок,— говорит он, позавтракав.

Пошли за посошком, глядь — он сломанный лежит. Прибежали обратно, сказали об этом старику.

— Уж прости,— говорят,— бабай, пожалуйста! Посошок твой гуси истоптали и сломали. Чем ублаготворить тебя?

— Да выберите мне гуся поупитанней, вот и ублаготворите,— отвечает старик.

Выбрали хозяйева большущего черного гуся, взял его старик под мышку и отправился дальше. Много дней он шел и проделал путь длиной с шею гуся, которого нес. Притомила старика такая долгая дорога, проголодался он, из сил выбился. Тут как раз дошел до одного аула. Постучал в окошко крайней избы:

— Не пустите ли на постой странника, отправившегося в дальнюю дорогу и одолевшего путь длиной с шею черного гуся?

Открылась дверь, вошел старик в избу, сел на нары. А гусь все еще у него под мышкой.

— Бабай, куда пристроить твоего гуся?— спрашивают хозяева.

— Он привык жить возле быков. Нате, отнесите его к своим быкам,— отвечает старик.

Отнесли гуся к быкам, а самого старика накормили и, постелив мягкую постель, уложили спать. Прикинулся старик спящим, а когда все остальные уснули, тихонечко встал, вышел во двор, схватил своего задремавшего гуся и, свернув ему шею, кинул под копыта быков.

Утром, наевшись до отвала, старик говорит:

— Мне, детки, пора идти, принесите, пожалуйста, моего гуся.

Пошли за гусем, глядь — он мертвый лежит, голова набок свернута, крылья в землю втоптаны. Прибежали в испуге обратно:

— Бабай, гуся твоего быки насмерть затоптали! Чем теперь тебя ублаготворить?

А бабай:

— Коли дадите быка подородней, тем и ублаготворите.

Выбрали широкорогого быка, повел его старик за собой в поводу. Шел он, шел, немалый путь прошел, устал, проголодался, во рту до того пересохло, что с языка струей слюна потекла. Так, намаявшись, дошел старик до одного аула и решил переночевать в нем. Постучал в окошко крайней избы:

— Я из дальней дали иду, обессилел, во рту пересохло — с языка струей слюна бежит, а живот до того втянулся, что кушак стал короткий,— пустите, пожалуйста, на постой.

Открылась дверь, вошел старик в избу.

— Бабай, а быка твоего куда поставить?— спрашивают у него.

— Пустите к лошадям, привыкла скотинка жить среди лошадей,— отвечает старик.

Пустили быка в загон к лошадям, а самого старика, угостив пресными лепешками с топленным маслом, уложили в мягкую постель. В полночь, когда все в избе сладко посапывали, вышел старик тихонечко во двор, пробрался в загон и, хрястнув спящему быку по спине дубовой слегой, переломил ему хребет надвое.

Поставив слегу на место, сел на чурбак отдышаться, посидел, пока дрожь в теле не прошла, а потом как ни в чем не бывало вернулся в избу, лег и уснул.

Утром опять угостили старика, и он говорит:

— Ну, детки, приведите быка, пойду я.

Пошли в загон за быком, глядь — он мертвый лежит, а копыта лошадей кровью перепачканы. Прибежали к старику, сообщают виновато:

— Бабай, быка твоего лошади затоптали. Чем теперь ублаготворить тебя?

— Дайте мне хорошую лошадь с тарантасом, тем и буду доволен,— отвечает старик.

Поймали вороную кобылу, запрягли в тарантас, и старик, взяв вожжи в широко, по-купчески расставленные руки, лихо выехал из аула — аж пыль сзади за клубилась. Встречные диву давались, глядя на его кобылу. До того она ходко шла, что всех конных обогнала, только за пешими не могла угнаться. Старик держал вожжи внатяжку, непрерывно размахивая руками, сидел прямо, лежа на боку, и совсем притомился. Ехал он, вздымая пыль, ехал и вдруг видит: впереди посреди дороги что-то чернеет. Подъехав поближе, глазам своим не поверил: лежит на дороге белоликая девушка-красавица, замерзшая насмерть под жарким солнцем. Выпрыгнул старик из тарантаса, постоял, пораженный красотой ее измазанного грязью лица, и, посадив покойницу рядом с собой поехал дальше.

К ночи попался ему на пути еще один аул. Уже стемнело, и только в одном месте кошачьим глазом светилось окошко. Повернул старик свою лошадь туда. Услышав крик: «Тпру!» — сгрудились у окошка девушки. Оказывается, собрались они на посиделки, пряжу пряли.

— Гость приехал! Гость! — всполошились девушки и кинулись прибираться в избе.

Прибравшись, высыпали гурьбой во двор встречать гостя. Тем временем старик вытащил покойницу из тарантаса, приставил к изгороди и говорит подоспевшим девушкам:

— Вон энгэ ваша стоит. Она стесняется подойти, идите сами поздоровайтесь с ней.

Одна девушка посмелей подошла к покойнице, притронулась к ней, здороваясь, а та возьми да брякнись на землю. И вот поднял старик крик, валит на девушек беду.

— Вы,— кричит,— жену мою убили! Я на вас в суд подам!

Проснулся аульный народ, начал сбегаться на крик. Увидев мертвую красавицу, принялись люди плакать от жалости к ней. Уж до того плакали, что все глаза опухли,

хоть и ни единой слезинки из них не выкатилось. Тут старшие, посоветовавшись меж собой, говорят:

— Ты уж, бабай, в суд не подавай, мы тебе, что ни попросишь, то и дадим.

Бабай, будто бы насилу поддавшись уговорам, потребовал себе в жены самую красивую, самую умную из девушек. Ударились девушки в слезы, да без толку. Выбрав самую красивую из них, отдали старику. Посадил он ее в тарантас, сел сам, развалясь, и покати́л из аула.

Вскоре приехал в другой аул. Все в ауле спали, только в медресе был виден свет. Повернул старик в ту сторону. Остановившись возле медресе, подумал, как бы шакирды его красавицу не увидели, и посадил девушку в мешок. Шакирды разрешили бабаю переночевать у них. Занесли мешок, положили под стол.

Только-только старик уснул — шакирды решили посмотреть, что у него в мешке. Развязали мешок, а в нем, сияя, будто ясный месяц, лежит девушка. Расспросили ее тихонечко, признали, что да как, выпустили девушку из мешка, а вместо нее принесли и сунули ягненка.

Проснулся старик рано утром, запряг, пока другие не поднялись, свою кобылу, забрал мешок и укатил из аула. Ягненка тряска обеспокоила, замекал: ме-е, ме-е... А старик, решив, что это девушка плачет, принялся утешать:

Слез не лей напрасно,
Будет все прекрасно.
Будем жить-поживать,
Кобылу доить да кумыс попивать.

Приехал старик домой, развязал, бормоча молитву, мешок и глаза вытарачил: что такое, что за чудеса — девушка в ягненка превратилась! Протер глаза, а ягненок встряхнулся, принялся затекшие ноги разминать. У кобылы уши обвисли, у старика голова поникла.

— Эх,— сказал он с сожалением,— пропал мой дорогой кривой посошок!

182. АЛДАР И ГЕНЕРАЛ

Взял, говорят, царь Алдара к себе во дворец и сделал одним из самых близких помощников. Алдар-батыр каждый день выкидывал какую-нибудь шутку, веселил царя.

Как-то решил царь наградить одного важного генерала. Алдар-батыр поглядывал на этого генерала косо, а когда царь решил наградить его, и вовсе невзлюбил.

Как бы, думает Алдар-батыр, насолить ему? Думал, думал и надумал.

Вот царь вызывает генерала за наградой. Узнав об этом, сбегал Алдар-батыр на базар, вернулся во дворец с корзиной яиц. Поставил корзину у царской двери и, раздевшись, сел на нее. Тут входит генерал, весь, как в праздник, разряженный.

— Вы куда?— спрашивает Алдар-батыр.— Царь никого к себе пускать не велел.

— Он сам меня вызвал. Иди, доложи ему,— говорит генерал.

— Я бы пошел, да не могу,— отвечает Алдар-батыр.

— Почему?

— Разве не видите — я цыплят высиживаю. Коль уйду, яйца остынут и испортятся. Вот кабы вы немного посидели вместо меня, я зашел бы к царю, доложил.

Генералу невтерпеж получить награду. Согласился. Быстренько разделся и сел в чем мать родила на место Алдар-батыра. А тот оделся не спеша, вошел к царю и докладывает:

— Эй, государь мой, похоже, ваш храбрый генерал свихнулся. Пришел за наградой, а голова у него не в порядке.

— Как это не в порядке?

— Да так вот — не в порядке. Коль не верите, поглядите своими глазами. Он за дверью цыплят высиживает.

Поглядел царь — и вправду его генерал сидит в голом виде, изображая наседку. Увидев царя, обомлел генерал, шелохнуться не может. Поглядел на него царь, поглядел, да как гаркнет:

— Дурья башка! В таком состоянии явился за наградой! Пошел вон отсюда!

Так Алдар-батыр насолил глупому генералу.

183. КАК ДВА ШАКИРДА УРАЗУ¹ ПРОДАЛИ

В давние времена учились в медресе два плутоватых егета. Повадились они ходить в соседний аул за молоком. Вот зашли там к одной старухе и говорят:

— Мы уразу держим, одолжи нам молока.

Налила им старуха молока. Принялись егеты благодарить:

— Пусть тебе, бабка, достанется место в красном углу рая!

— Уй-буй, где уж нам, темным, в рай попасть!— отвечает старуха.— Он ведь только для вас, ученых.

Все же, видать, захотелось бабке попасть в рай. Слышала она, что для этого надо «уразу держать», а как ураза выглядит — не ведала. Когда пришли те двое за молоком, она спросила:

— Не продадите ли мне свою уразу?

— Продадим.

— А сколько за нее возьмете?

— Пожалуй, дешевле двухсот рублей не сможем уступить,— отвечают шакирды.

Договорились. Пошли шакирды «за уразой».

По дороге в медресе попалось им на глаза большущее осиное гнездо. И один из них сказал:

— Айда продадим бабке осиный рой, будто это и есть ураза!

— Айда!

Подкрались они осторожненько к осам, и один подставил раскрытый мешок, а другой — хлобысть кнутом по гнезду. Вмиг рой, зазудев, заполнил мешок.

Вернулись шакирды обратно к той старухе.

— Вот, бабка, принесли тебе, что просила. Давай двести рублей!

— Уй, награди вас аллах! Натс, нате,— засуетилась обрадованная старуха, выкладывая деньги.

— Только ты, бабка, не спеши открывать мешок,— предупредили шакирды.— Потерпи, пока мы не перевалим вон ту гору. А то ураза погонится за нами, и плакали твои денежки. Или сделай лучше так: созови в пятницу свою родню, все отдушины в доме закупорь, ставни закрой и подопрь снаружи, дверь захлопни покрепче и вожжами к чему-нибудь привяжи...

— Это еще зачем?— спрашивает старуха.

— Это-то? А вот, бабка, зачем: как только откроешь мешок, ураза может в какую-нибудь щель выскользнуть или вышибет дверь и смоемся. Есть у нее такая дурная привычка.

— Когда запретесь в доме, все должны раздеться, остаться в чем мать родила,— добавил другой шакирд.

— Иди ты! Стыдно ведь!— засомневалась старуха.— Несешь невесть что, а еще — шакирд!

— Так темно же тут будет, никто ничего не увидит,— успокоил ее первый шакирд.— Коли не разденетесь, ураза никакой пользы не принесет...

После этого плуты поделили меж собой деньги и отправились своей дорогой.

В пятницу созвала старуха родню. Сделали все, как сказали шакирды. Отдушины закупорили, ставни закрыли и подперли снаружи, дверь, крепко захлопнув, еще и вожжами притянули, чтоб не открывалась. Потом разделась догола, поставили мешок с уразой посреди пола и развязали. Тут рассерженный рой вырвался из мешка, набросился на голых людей и давай жалить! Те заметались: кинутся к двери — дверь не открыть, кинутся к окнам — ставни снаружи подперты. Поднялся в доме крик-визг. Услышав вопли, сосед сильно удивился. Не то, думает, дерутся там, не то еще что. А шум-гам не утихает. Не стерпел сосед, пришел и вышиб окно. Только вышиб — начали изнутри сигать люди в чем мать родила. Сигают один за другим и давай голышом по траве кататься. Сбежался аульный народ. А те кричат:

— Ай, шакирды, видать, продали порченную уразу, надо деньги у них обратно потребовать!

Таким образом, устроили потеху для всего аула. Потом отправились искать тех шакирдов. И, расспрашивая людей, отыскали-таки.

— Зачем, — говорят, — порченную уразу продали? Давайте деньги обратно!

Шакирды не растерялись.

— Верните, — отвечают, — нашу уразу, тогда деньги получите.

184. ШУМБАЙ

В давние-предавние времена жили, говорят, старик со старухой. Детей у них не было. Трудно стало им к старости управляться с хозяйством. Вот пришла пора сено косить, а им самим это уже не по силам. Решили нанять кого-нибудь на подмогу, и старик отправился искать работника. Старуха, провожая его, наказала:

— Гляди, коль человека Шумбаем звать — не нанимай. Все Шумбаи — плуты.

Шел старик, шел и дошел до одного аула. Видит — у околицы стоит егет. Еще издали егет поприветствовал старика и принялся расспрашивать, как живется-может. Рассказал старик про свою нужду.

— А я, — говорит егет, — как раз стою и думаю, не наняться ли к кому-нибудь в работники.

— Коли так, айда, наймись ко мне, — говорит старик.

Согласился егет, и уж договорились было, да вспомнился старику старухин наказ.

— А как тебя, сынок, звать? — спрашивает он.

— Шумбаем, — отвечает егет.

Огорчился старик.

— Ахти, — говорит, — какая досада! Раз такое дело, не могу тебя нанять. Старуха мне наказала: «Коль человека Шумбаем звать — не нанимай. Все Шумбаи — плуты». Ладно, пойду-ка на тот конец, может, там кто встретится.

Пошел старик, а егет побежал задами и опередил его. Пришел старик на другой конец аула и видит — егет стоит. Еще издали егет поприветствовал его и принялся, как водится, расспрашивать про житье-бытье. Рассказал старик, какая у него забота.

— А я, — говорит егет, — как раз стою и думаю, что надо бы к кому-нибудь наняться в работники.

— Коли так, айда, наймись ко мне, — говорит старик. — Только скажи-ка сперва, как тебя звать.

— Шумбаем, — отвечает егет.

— Нет, раз такое дело, ничего не выйдет. Старуха наказала мне не нанимать человека с таким именем, — сказал старик и отправился в другой аул.

А Шумбай побежал напрямик, лугами, и опередил его. Опять встретились они и на этом, и на том конце аула, и встречи кончились тем же.

Направился старик в третий аул. Но и в третьем ауле и на этом, и на том конце встретился ему егет по имени Шумбай. Подивился старик и, решив, что всех егетов в этих краях, видать, зовут Шумбаями, нанял-таки в работники Шумбая. Не нанял бы, да, во-первых, надо сено косить, во-вторых, устал уже искать. Таким образом, вернулся он домой с работником.

Старуха вышла навстречу им к воротам.

— Вот, — говорит ей старик, — найти-то я работника нашел, только звать его Шумбаем.

Расшумелась старуха, кричит:

— Как я тебе наказывала? Разве не говорила, что все Шумбаи — плуты?

Объяснил старик, что везде, куда бы он ни пошел, ему встречались одни только Шумбаи.

— В тех, — говорит, — краях всех егетов так зовут.

Лишь после этого старуха утихомирилась.

На другой день, поднявшись чуть свет, старик с работником отправились косить сено, пошли с ночевьем. Старуха дала им полкаравая хлеба и маленько масла.

— Остальное, — говорит, — потом сама принесу.

Старик с работником съели взятое с собой в один присест, ужинать уже нечем. Ждут-пождут старуху, а ее нет и нет. Тогда старик говорит работнику:

— Чем идти домой обоим, сходи-ка один, у тебя ноги молодые.

Пришел Шумбай в аул и слышит в доме хозяина разговор. Заглянул тихонечко в окно, а там сидят за столом три молодца, угощаются. Оказывается, давно так повелось: когда старика дома нет, эти егеты приходят к старухе в гости. Старуха и сама что получше да повкусней им, своим любимцам, носит. Вот наелись-напились егеты, собрались уходить, и старуха говорит им:

— К утру настряпаю для вас всякой снеди, только не знаю, какой дорогой к вам идти. Воткните у своей дороги колышек, а то ведь мой старик недалеко от вас косит, как бы мне дороги не перепутать.

Услышав это, Шумбай заходить к старухе не стал — пошел следом за ее гостями. Те воткнули за развилкой колышек и отправились дальше. Шумбай быстренько перенес колышек к своей дороге и вернулся к старику. Удивился хозяин, увидев, что работник вернулся с пустыми руками, но Шумбай не растерялся, говорит ему:

— Бабка еще не успела настряпать, пообещала утром принести.

Утром заявила старуха, нагруженная всякой снедью, — насили дотащила. Голодный старик не стал разбираться, с чего это она так расщедрилась, ему — лишь бы скорей поест. А Шумбай — себе на уме, помалкивает. Сели завтракать. С места, где они сидели, было видно, что те егеты стог мечут. Старуха глаз с них не сводит.

— Ты что все в ту сторону глядишь? — спрашивает старик.

— Да гляжу, как вон те егеты стог мечут, — отвечает старуха. — Небось, они, бедняжки, тоже есть хотят, а родителей-то у них нет.

И старик пожалел егетов.

— Пускай, — говорит, — Шумбай отнесет им баурхаку*.

Шумбай будто этого только и ждал — набрал полную тюбетейку баурхаку и побежал к тем егетам. Пока бежал, весь баурхак растерял: тюбетейка-то у него дырявая была. Прибежал, запыхавшись. Обступили его удивленные егеты — что, мол, стряслось? А Шумбай говорит:

— Мы вон там с бабаем сено косим. Бабка снеди нам принесла. Бабай узнал, что вчера вы у нее угощались,

и лупит ее за это. Сейчас придет сюда с вилами, вам тоже достанется. Я прибежал предупредить вас.

Испугались егеты, не знают, что и делать. А Шумбай побежал обратно. Бежит и по пути то и дело наклоняется, подбирает баурхак, который сам порастерял. Смотрят старик со старухой, удивляются: что это Шумбай делает? А он, прибежав, показал тюбетейку и говорит:

— Там весь луг баурхаком усыпан, во сколько набрал!

— Не может быть!— говорят старик со старухой.— Врешь, небось!

Старуха, не поверив, сама пошла посмотреть. А Шумбай в это время говорит старику:

— Бабай, те егеты просят тебя помочь завершить стог. «Коли,— говорят,— согласится, пусть прихватит длинные вилы».

Старик, отзывчивая душа, схватил вилы и поспешил на помощь. Старуха даже не успела спросить у него самого, куда направился, спрашивает, вернувшись, у Шумбая:

— Куда это он так поспешил? Не сказал тебе?

— Да он,— отвечает Шумбай,— узнал, что ты вчера этих егетов угощала, хочет отлупить их, а потом и тебе всыпать.

Струхнула старуха и почесала в аул. А егеты, увидев старика с вилами, решили, что он идет бить их, и тоже кинулись кто куда. Вернулся старик в удивлении, спрашивает у Шумбая:

— Куда это бабка припустила?

— Дом ваш вроде бы загорелся,— отвечает Шумбай.

— Ахти!— говорит старик.— Побегу-ка и я.

Побежал за старухой, бежит, руками машет. Старуха оглянулась и, подумав, что старик догоняет, чтоб отлупить ее, припустила быстрее. Бежит и оглядывается, как оглянется, так еще быстрее чешет. Так бежали они, бежали, и, когда старик уже почти нагнал старуху, она, обессилев, упала, и старик, споткнувшись, кувыркнулся через нее.

— Только раз, миленький, это было, больше не будет,— успела сказать старуха, и тут же оба испустили дух.

Раз старик со старухой померли, все их хозяйство перешло в руки хитрого Шумбая. С тех пор про людей, которые все делают исподтишка, и говорят: чистый Шумбай.

Один егет отделился от родителей. Дали ему на расплод телку. Пришел на новоселье мулла, сотворил молитву. Егет сделал ему подношение — дал пятак и спрашивает:

— Мулла-бабай, будет ли мне какая-нибудь польза от этого пятикопеечного подношения?

— Всемогуший аллах вознаградит тебя, пять копеек пожертвования обернутся двадцатью пятью копейками прибыли, — ответил мулла.

— У меня есть телка. Коли я отдам ее тебе, обернется ли это для меня пятью коровами? — спросил егет.

— Обернется, обернется, — ответил мулла.

Тогда егет отдал ему свою телку. Возблагодарив всевышнего, увел мулла телку в свой хлев.

Дней через пятнадцать мулла выгнал своих коров и эту телку со двора, чтобы сходили к проруби на водопой. Когда они напились, телка, взыгрывая, направилась по старой памяти во двор егета, а за ней туда же пришли четыре коровы муллы.

— Хе-ей, сбылись слова муллы, аллах вернул мне телку с четырьмя коровами! — обрадовался егет и запер скотину в своем хлеву.

Прибежал мулла, начал скандалить:

— Зачем моих коров запер?

— Так ты же сам сказал, что моя телка обернется пятью коровами, — говорит егет. — Сбылись твои слова, да вознаградит тебя аллах!

Расшумелся было мулла, а егет:

— Ты, — говорит, — за меня помолился, аллах внял. Теперь скандалишь тут, а еще муллой называешься!

И прогнал муллу со двора.

Мулла подал на егета в суд. А егет говорит:

— Не на чем мне на суд ехать, лошади нет, да и одеться не во что.

— Ладно, — говорит мулла, — лошадь запряженную тебе приведу и шубу одолжу.

Ладно, поехали на суд. На суде мулла говорит:

— Вот запер моих коров и не отдает.

А егет:

— Не верьте ему! Хоть и мулла, а прямо в глаза врет. Он и про лошадь, на которой я приехал, и про шубу, которая на мне, может сказать: «Мои».

— Да-да! И лошадь — моя, и шуба — моя. Раз мои, как же я еще могу сказать! — зашумел опять мулла.

— Как это все — твое? Заврался мулла! — сказали судьи и взяли да присудили егету и коров, и лошадь, и шубу.

Тут и сказке конец.

186. МУЛЛА, БЕДНЯК И КАЗИЙ

По соседству с одним муллой жил бедняк. У бедняка была одна-единственная, но очень удоистая корова. Позавидовал мулла бедняку и говорит:

— Вознагради меня за молитвы своей коровой. Аллах тебе за это вдесятеро больше даст.

Посоветовался бедняк с женой, и решили они отдать корову мулле. Мулла тут же ее и увел.

Теперь бедняк с женой ждут, когда аллах даст им десять коров. И вот однажды отданная мулле корова вернулась из стада в привычный ей двор, а за ней увязались еще десять коров. Загнал их бедняк в свой хлев и запер.

А те девять коров, оказывается, принадлежали мулле. Прибежал мулла к бедняку.

— Ты зачем, — говорит, — моих коров в свой хлев загнал? Отдай сейчас же!

А бедняк не отдает.

Мулла подал на бедняка в суд. В суде казый* выслушал их обоих и говорит:

— Кто завтра утром первым ко мне подоспеет, того и коровы.

Уже вернулся было бедняк домой, как пришла ему в голову одна мысль. Отправился он назад, забрался в дом казыя, залез под нары. Никто этого не заметил.

Пришел казый домой и вскоре лег со своей абыстай спать. А ночью проснулся и говорит жене:

— Что-то у меня спина сильно чешется, погляди-ка, с чего бы это.

Абыстай встала, лампу засветила и поймала на спине мужа блоху. А бедняк лежит под нарами, разговор их слушает. Раздавлив блоху, казый с женой успокоились и опять уснули, а бедняк лежит не спит.

После утренней молитвы казый приступил к судейским делам. Позвал муллу с бедняком, спрашивает:

— Кто из вас первым пришел?

— Я, — отвечает мулла.

— Верно, верно, — говорит казый. — Когда я поднялся, чтобы сотворить утреннюю молитву, ты был уже тут.

А бедняк:

— Коли он пришел к началу молитвы, так я его опередил. Когда абыстай поймала на твоей, хазрет, спине блоху, я под нарами лежал.

Услышав про блоху, испугался казый, как бы бедняк еще невесть что не наговорил, и руками замахал:

— Все, все, твоя правда!

И, присудив коров бедняку, отправил обоих домой.

187. ПРИКЛЮЧЕНИЯ КРЕСТЬЯНИНА

Был один крестьянин. Однажды пахал он землю и выпахал из нее два горшка. Поглядел ладом и видит: в одном горшке — золото, в другом — жемчуг. Подумал крестьянин, что с ними делать, подумал и решил: царь — золото, а мулла жемчуга любит, вот и надо им отнести.

Взял крестьянин жемчуга и отнес мулле. Обрадовался мулла, молитву сотворил и всяких благ крестьянину пожелал.

— Аллах, — говорит, — всемогущий не забудет возблагодарить тебя, даст много разного добра.

Отправился крестьянин домой. Только дошел — забрели к нему во двор четыре дородные коровы. Загнал их крестьянин в свой сарай и запер. Но тут прибежал мулла.

— Оказывается, — говорит, — мои коровы к тебе забрели.

— Так ведь, — отвечает крестьянин, — ты сам сказал, что аллах даст мне много разного добра. Сбылись твои слова. Этих коров мне аллах пригнал.

И завернул муллу обратно ни с чем.

Вскоре крестьянин взял золото и пошел к царю. Пришел ко дворцу, а везир его в ворота не пускает.

— Куда, — говорит, — лезешь?

— Да вот царю подарок принес.

— Я тебя просто так не впущу, — говорит везир. — Коли дашь мне половину того, чем тебя царь отблагодарит, тогда — пожалуйста.

— Ладно, дам, — пообещал крестьянин.

Впустил его везир. Зашел крестьянин к царю, отдал подарок.

— Чем тебя отблагодарить? — спрашивает царь.

— Коли дашь сто ударов палкой, вполне буду доволен, — ответил крестьянин.

Велел царь дать крестьянину сто ударов. Положили его на пол и начали лупить. Крестьянин считает:

— Один, два, три...

Досчитал до пятидесяти и говорит:

— Хватит. Половину царского подарка просил везир. Отсчитайте пятьдесят ударов ему.

Вызвали везира, и пятьдесят ударов получил он.

Так крестьянин проучил жадного муллу с везиром.

188. БАЙ НУЖДУ ПОВИДАЛ

В одном ауле жил бедный крестьянин. Однажды оделся он поплоче и отправился лес рубить. Вот работает он у дороги, а мимо в пароконной арбе бай с батраком едет. Придержал бай коней.

— Здорово! Как дела?

— Да ничего себе.

— Кто это заставляет тебя такие деревья валить?

— Нужда, бай-агай, заставляет.

— Нужда? А какая она из себя? Нельзя ли ее повидать?

— Можно. Во-он на бугре дерево стоит-качается, видишь?

— Да-да, стоит.

— Это и есть Нужда.

— Айда-ка, покажи ее поближе.

— Айда.

Подъехали они к бугру, остановились. Бай полез наверх, чтобы Нужду поближе разглядеть, и батрака за собой позвал.

Немного погодя вернулся бай обратно, глядь — ни пары коней, ни арбы, ни крестьянина нет, а груз из арбы на землю выгружен. Что делать? Сломали два небольших дерева, сделали волокушу, сложили на нее груз и потащили домой. Бай спереди впрягся, батрак сзади толкает. Тащатся они так, а навстречу — тот крестьянин. Он уже успел в другую одежду переодеться. Поглядел, как бай тужится, и спрашивает:

— Послушай-ка, бай, кто это тебя заставил такой груз тащить?

— Нужда заставила, — ответил бай.

189. НУЖДА УТОПИТЬСЯ БАЯ ЗАСТАВИЛА

Жил встарь один бай. Был у него умный батрак. Жил-поживал бай без забот, но однажды забрел к нему во двор нищий.

— Подайте,— просит,— кусочек хлеба, помогите от нужды заслониться.

Дал ему бай хлеба. Ушел нищий, а бай удивленно подумал: «Этот нищий хочет от нужды заслониться. А что такое нужда?» Выбежал со двора, решив спросить об этом у нищего, но тот уже скрылся с глаз. Целый день ломал бай голову. «Как же это,— думает,— от нужды хлебом заслоняются?» Сам-то он никогда нужды не видал.

Вечером вернулся батрак, он байскую скотину пас. Бай спросил у него, что такое нужда, где ее можно повидать.

— Она в трех днях пути отсюда живет,— ответил батрак, посмеиваясь.

— Айда съездим к ней,— пристал бай,— покажи мне ее.

Загорелось баю повидать нужду, ну, батрак и согласился отправиться с ним назавтра в путь. Бай в нетерпении всю ночь не спал. А батрак хорошенько выспался, утром поел и сунул за пазуху краюху ржаного хлеба — себе на дорогу. Бай же так торопился, что и не позавтракал.

И вот сели они на коней, отправились в путь. К полудню батрак принялся потихоньку отщипывать хлеб от своей краюхи, едет и жует.

— Ты что так смачно жуешь?— спрашивает бай.

— Да траву!— отвечает батрак.— Пока пас твоё стадо, привык траву есть.

Баю есть охота, уже никакого терпения не хватает. Решил он травы попробовать, слез с коня. Только трава-то горькой оказалась, пожевал и выплюнул.

К вечеру подъехали они к одному аулу. Обессиленный с голоду бай говорит батраку:

— Тут моя тетка со своим семейством живет, давай переночуем у них.

Заехали к тетке. Пока бай коня своего расседлывал, батрак заглянул в дом и предупредил там всех:

— У вашего родственника есть странная привычка: кто приглашает его поесть, того он до смерти избивает.

Собрала тетка поужинать, а пригласить бая поесть никто не решается, все боятся. Только батрака пригласили. Поел он в полное свое удовольствие, а бай так и просидел в сторонке, напроситься на ужин самому байская гордость не позволила.

Пришло время ложиться спать. Постелили баю на печке. Бай, пока не погасили свет, огляделся. Нельзя ли,

думает, ночью чем-нибудь поживиться. И видит: рядом, на печке, крынка с дрожжами стоит. «Ага,— решил бай,— ночью подкреплюсь!»

Когда все уснули, выпил бай дрожжи. И до того они вкусными показались, что сунул бай руку в крынку, решил остатки со стенок собрать и слизать. Сунуть-то сунул, а вытащить руку обратно не смог — горлышко у крынки было узкое. Всю ночь бай с ней промаялся. Тетка, проснувшись, пошла корову доить. Бай все думает, как руку вытащить. Наконец, надумал трахнуть крынку о дверной косяк и тут же смыться. Слез с печки и только размахнулся — в дверь тетка с молоком сунулась. Угодил бай вместо косяка в теткину голову. Крынка — вдребезги, из тетки — душа вон! Бай с испугу и про коня своего забыл, сбежал в лес.

Батрак продал обоих коней и, обзаведясь деньгами, отправился обратно. Вернулся в дом бая и зажил припеваючи. Прошло так сколько-то времени. Вдруг среди ночи появился домой одичавший, в разодранной одежде бай. Батрак прикинулся удивленным.

— Как ты,— спрашивает,— сумел добраться до дому? Тут ведь тебя ищут, кругом караулы расставлены. Сейчас, наверно, и сюда нагрянут.

Перекусил испуганный бай второпях и, велев каждые три дня приносить ему еду, опять сбежал в лес.

А батраку до бая дела нет, живет себе преспокойненько. И три, и пять дней прошли, бай с голоду чуть ноги не протянул, а батрака нет и нет. Только в конце шестого дня отправился он в лес, прихватив ломтик хлеба. Разъяренный бай уж готов был его самого съесть.

— Почему,— кричит,— так мало хлеба принес?

— Не мог больше пронести, везде караулы стоят,— отвечает батрак.— И это-то еле пронес.

Проглотил бай принесенный ломтик хлеба не жуя и велел батраку приходить почаще. А батрак ходил в лес все реже, бай все больше дичал, и стал у него ум за разум заходить.

— Эх, был бы у меня хлеб — не знал бы я нужды! — вскричал однажды бай. И вспомнились ему слова нищего: «Подайте кусочек хлеба, помогите от нужды заслониться!» Тут понял бай, что такое нужда. Поняв, пошел и утопился.

А батрак остался в доме бая и очень неплохо зажил.

190. КУЧЕР ПРОУЧИЛ СКРЯГУ-БАЯ

Жил, говорят, встарь один очень жадный бай. Любил он отдыхать на природе. Однажды велел бай нагрузить арбу съестным, посадил кучером своего батрака и поехал путешествовать.

Каждый день останавливались они на новом месте. Кучер три раза в день варил мясо. Варит, значит, он мясо, а бай лежит, ждет. Как только мясо сварится, съест все сам, а кучеру только отвар дает. Терпел батрак такую повадку бая, терпел, да и разозлился. А виду не подал, варит, как ни в чем не бывало. Но хитер был батрак. Стал закладывать мясо в казанок пораньше и начисто все из него вываривать. Вскоре бай отощал, а батрак поправился. Догадался бай о хитрости батрака и говорит:

— Теперь ты ешь мясо, а мне давай отвар. Я гляжу, сильно ты разжирел, секрет, видать, в отваре.

Но опять не растерялся батрак: чуть-чуть поварит мясо, вытащит и съест, а хозяину пустого отвару нальет. Бай все худеет, а батрак толстеет. В конце концов бай вынужден был сказать:

— Нет, так не пойдет, будем есть одинаково.

Батрак согласился, начал варить по-хорошему, и стали они есть всегда вместе, делить еду по справедливости.

191. КАК БЕДНЯК ИЗБЕЖАЛ НАКАЗАНИЯ

В прежние времена жил, говорят, один бедняк. Каждый год нанимался он в работники к мулле.

Сидит однажды бедняк у мурлы на задворках и бормочет:

— В бога не верю, царя не боюсь и могу прямо сказать: мурла Хуснулла хуже моего мерина.

А мурла услышал это.

— Ага, ты, оказывается, в бога не веришь и царя не боишься!— закричал он и прогнал бедняка, не заплатив за работу. Да еще, не довольствуясь этим, в суд на него подал.

Вызвали бедняка в суд. К его приходу там оказалось много народу.

— Ну, егет, почему ты в бога не веришь?— спрашивает судья.

— А зачем верить-то? Толку нет.

— Как это так?

— В позапрошлом году,— отвечает бедняк,— вся моя семья чуть с голоду не перемерла. Мулла Хуснулла сказал мне: «Ты, наверно, у бога не просил». Тогда я стал просить. В прошлом году каждый день по три раза просил: «Аллах, дай хлеба». Ни разу не дал. И через муллу просил — тоже не дал. Сам посуди, какая после этого может быть вера?

Судья:

— А почему ты только по три раза просил?

Бедняк:

— Пророк Магомет подверг себя обрезанию трижды, вот почему.

— Резонно,— говорит судья.— А еще почему не веришь?

Бедняк:

— Однажды, когда я собирался на сенокос, аллах ниспослал жару. Раз такое дело, я пошел в одной рубашке. А когда возвращался, аллах наслал черную тучу с градом. Я-то ведь ему доверился, а он чуть насмерть меня не заморозил. Вот и верь после этого!

— Резонно,— говорит судья опять.— А почему ты царя не боишься?

— Налог за переправу через Агидель я уплатил, налог с дыма — уплатил, налог за землю уплатил — все налоги до единого уплачены. Раз так, чего ж мне царя бояться-то?

— Тоже резонно,— говорит судья.— Ну, а чем мулла Хуснулла хуже твоего мерина?

— Я мерина всегда пою из Нижнего ручья. Однажды он пошел к Верхнему ручью. Я его отлупил, так с тех пор он к Верхнему ручью — ни ногой, только из Нижнего пьет. А муллу я пробовал и ругать, и лупить — он все равно к моей жене ходит. Ну разве же после этого он не хуже моего мерина?

Услышав это, мулла, говорят, сбежал из суда, даже чалму свою второпях потерял.

— Кругом бедняк прав,— сказал судья и отпустил его домой.

Так бедняк избежал наказания.

192. СКАЗКА О ЗЕМЛЕ

В давние-предавние времена жили, говорят, по соседству два племени. У одного племени земли было много, у другого — мало. Малоземельное племя, чтобы прику-

пить земли, посылало к соседям послов, но там акхакалы ни продавать свою землю, ни прикупать чужую не желали.

Однажды малоземельные послали посла по имени Ишмухамет. Приехал Ишмухамет к соседям, просит землю продать. Собрались акхакалы племени, посоветовались — продать или не продать и решили: ладно, продадим.

Позвали посла, сообщили ему условие продажи. А условие было такое: сколько посол Ишмухамет с восхода до захода солнца обежит земли, столько и получит, заплатив двести рублей. Назначили день продажи, и Ишмухамет, очень довольный поставленным акхакалами условием, отправился домой. Дома ночь не спал, все думал, как бы чтобы побольше земли прихватить.

В назначенный день собрался народ посмотреть, как землю будут продавать. И вот сорвался Ишмухамет с договоренного места, побежал, что есть мочи — аж пыль столбом. Бежит, старается, как можно больше земли обежать. Силы иссякли, коленки ослабли, а он все бежит. Вот уж и вечер наступил, совсем немного осталось бежать, еще бы сто шагов — и замкнулся круг. Но не добежал Ишмухамет, упал. Упав, дух испустил.

И после него было немало охотников купить у этого племени землю за бесценок, да никто не выдержал условия акхакалов. Все, как Ишмухамет, отправились, говорят, на тот свет.

КОММЕНТАРИИ

Составлены по следующему плану:

I. Когда, где, кем и от кого записан публикуемый текст, затем указываются место хранения рукописи (или машинописи) и публикации (печатные источники)

II. Анализ сюжетного состава сказки по международному каталогу Аарне-Томпсона (типы сюжетов, не учтенные в международном каталоге, отмечены звездочкой впереди номера по Аарне-Томпсону, к которому примыкают эти сюжеты); сообщаются наиболее существенные особенности публикуемого варианта, краткие сведения о творческой истории и распространения сюжетов.

III. Другие, в том числе близкие иноязычные варианты.

IV. Пояснения к обозначенным цифрами местам текста.

Приложениями к комментариям служат глоссарий и указатель географических названий.

Принятые условные сокращения:

Абазин. ск.— Абазинские народные сказки/Сост., пер. В. Е. Тугова.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1985.

Абхаз. ск.— Абхазские народные сказки. Перевод с абхазского/Сост. и примеч. К. С. Шакрыла. Предисл. К. С. Шакрыла и Ш. Х. Салакая. Типологич. анализ сюжетов И. Левина и У. Мазинга.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1975.

Авар. ск.— Аварские народные сказки/Сост., пер., примеч. Д. И. Атаева.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1972.

Азер. ск., 1977 — Азербайджанские сказки/Собрал и обработал С. Н. Сеидов.— Баку: Азер. книж. изд-во, 1977.

Азер. ск., 1983 — Азербайджанские сказки.— Баку: Маариф, 1983.

Алиева, Поэтика — Алиева А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок алыгских народов.— М.: Наука, 1986.

Алиев-Юсупова — Подлинные рассказы о могущественном Халифе Харун-ар-Рашиде, острослове Аву Нувассе и хитроумном Джухе/Пер. с араб. Р. Алиева и Д. Юсуповой. Ответ ред. и авт. предисл. Б. Шидфар.— М.: Наука, 1976.

Амхар. ск.— Амхарские народные сказки/Пер. с амхарского, предисл. и примеч. Э. Б. Ганкина. Ст. и типол. анализ Е. С. Котляр.— М., Л.: Гл. ред. вост. лит., 1979.

Арайс-Медне — Арайс К., Медне. Указатель типов латышских народных сказок.— Рига: Зинантне, 1977

Армян. ск.— Армянские сказки/Сост. А. И. Иоанисиани.— М.: Худ. лит., 1968.

Армян. ф-р — Армянский фольклор/Сост. и пер. Г. О. Карапетяна. М., 1967

АТ — The Types of the Folktale. A. Classification and Bibliography Anti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen (FFC 3). Translated and Enlarged by S. Thompson.-Helsinki 1961 (FFC 184).

Афанасьев — Русские народные сказки А. Н. Афанасьева в трех томах/Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков.— М.: Наука, 1984—1986.

Афган. ск.— Афганские сказки и легенды/Сост., предисл., примеч. К. А. Лебедева.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1972.

Ахундов — Азербайджанские сказки/Сост. А. Ахунов. Ред. О. Эрберг.— Баку: Изд. АН Аз. СССР, 1956.

Баширов.— Баширов Г. Тысяча и один мэээк/Авт. пер. с татарского И. Законова.— Казань, 1989.

Бедье — Bedier J. Les Fabliaux.— Paris, 1893.

Бессонов — Башкирские народные сказки/Зап. и пер. А. Г. Бессонова, ред. Н. К. Дмитриева.— Уфа, 1941.

Бирюзовый ларец — Бирюзовый ларец. Узбекские народные сказки/Сост. М. Швердин. Редколлегия.— Ташкент, 1967

БНС, Ишбулатов — Башкирские народные сказки/Сост. Г. Ишбулатов, предисл. и ред. А. И. Харисова.— Уфа, 1956 (на башк. яз.)

БНТ, 1959 — Башкирское народное творчество.— Том 2/Сост., ред., предисл. и примеч. А. И. Харисова.— Уфа; 1959 (на башк. яз.).

БНТ: Сказки — Кн. 1, 2, 3, 4, 5/Сост. и вступ. ст. М. Мингажетдинова и А. Харисова — кн. 1—2; Н. Зарипова и М. Мингажетдинова — кн. 3; А. Сулейманова — кн. 4, 5. Комментар. Л. Барага и М. Мингажетдинова — кн. 1, Л. Барага и Н. Зарипова — кн. 2, 3, Л. Барага и А. Сулейманова — кн. 4, 5. Редколлегия. Уфа; 1976—1983 (на башк. яз.)

БНТ: Эпос, кн. 3 — Башкирское народное творчество: Эпос.— Книга 3/Сост., вступ. ст. и коммент. Н. Т. Зарипова.— Уфа, 1981 (на башк. яз.).

БНТ, т. 2: ПЛ — Башкирское народное творчество.— Том 2: Предания и легенды (перевод с башкирского)/Сост., вступ. ст., с коммент. Ф. А. Надршиной. Ответ. ред. Л. Г. Бараг.— Уфа, 1987.

БНТ, т. 3: БС — Башкирское народное творчество.— Том 3: Богатырские сказки (перевод с башкирского)/Сост. Н. Т. Зарипов. Вступ. ст. и коммент. Л. Г. Барага и Н. Т. Зарипова. Ответ. ред. Л. Г. Бараг.— Уфа, 1988.

БНТ, т. 4: ВС — Башкирское народное творчество.— Том 4: Волшебные сказки и сказки о животных (перевод с башкирского)/Сост. Н. Т. Зарипов, вступ. ст. и коммент. Л. Г. Барага и Н. Т. Зарипова. Ответ. ред. Л. Г. Бараг.— Уфа, 1989.

Бурят. ск.— Бурятские народные сказки/Сост. Е. В. Баранникова, С. С. Бардаханова, В. Ш. Гунгаров. Под общей ред. Е. В. Баранниковой.— Улан-Удэ, 1973 (кн. 1), 1976 (кн. 2)

Бурят. ск., Элиасов — Бурятские сказки/Сост., вступ. ст. и примеч. Л. Е. Элиасова.— Улан-Удэ, 1959.

Венгер. ск.— Венгерские сказки/Сост. Анатолий Гидаш. Пер. с венгерского.— М., ГИХЛ, 1958.

Вентцхел — Kurdische Märchen/Hrsg. von L. Ch. Wentschel.— Düsseldorf-Köln: MdW, 1978.

ВООУ — Вестник Оренбургского учебного округа, 1912.

Глонти — Грузинские народные новеллы/Сост., обработка, ред., предисл. и примеч. А. А. Глонти.— Тбилиси, 1984.

Даргин. ск.— Даргинские сказки/Пер., предисл., примеч. М. З. Османова.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1963.

Двадцать три Насретдина — Двадцать три Насретдина/Сост.,

вступ. ст., примеч. и указатели М. С. Харитонова.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1978.

Долидзе — Грузинские народные сказки: Сто сказок/Сост. и пер. Н. И. Долидзе, под ред. М. Я. Чиковани.— Тбилиси, 1971.

Дунган. ск.— Дунганские народные сказки и предания/Сост. М. Хасанов и И. Юсупов. Ответ. ред. Б. Л. Рифтин.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1977.

Забавные рассказы — Забавные рассказы про великомудрого и хитроумного советника индийского падишаха Акбара. 2-е изд., испр.— М.: Наука, 1978.

Зеленин — Великорусские сказки Пермской губернии с приложением двенадцати башкирских и одной мещерякской. Зап. РГО, Пг., 1914.—Т. XVII.

Зийа ад-Дин Нахшаби — Зийа ад-Дин Нахшаби. Книга попугая (Тути-наме)/Перевод с персидского Е. Э. Бертельса. Подготовка к изданию, предисл., примеч. Д. Е. Бертельса. Отв. ред. А. Н. Болдырев.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1979.

Иаятула Канбу — Иаятула Канбу. Бехар данеш.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1966.

Игра Веталы — Игра Веталы с человеком: Тибетские сказки/Пер. с тибетского Ю. Парфиновича.— М.: Наука, 1969.

Имад Мухаммед ан-Наари — Имад ибн Мухаммед ан-Нари. Жемчужины бесед/Пер. с персидского М. Н. Исманова. Ответ. ред. О. Ф. Акимускин.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1985.

Истребитель колючек — Истребитель колючек: Сказки, легенды и притчи современных ассирийцев/Сост., пер. с ассирийск. и европейск. яз. К. П. Матвеева (Бар-Маттая).— М.: Наука, 1974.

Казах. ск., 1959 — Казахские сказки.— Алма-Ата, 1959.

Калмыц. ск., 1962 — Калмыцкие сказки/Сост., примеч. С. Д. Алексеева и Л. С. Сангеева.— Элиста, 1962.

Калмыц. ск., 1982 — Калмыцкие сказки/Сост. и предисл. Б. Джимбинова.— Элиста, 1982.

Каракалп. ск.— Диковины Аму: Каракалпакские народные сказки/Под ред. М. Н. Шевцова.— Нукус, 1968.

Каракалпак. ф-р — Каракалпакский фольклор.— Том I: Каракалпакские народные сказки/Сост. Калбай Мабетназаров.— Нукус, 1977 (на каракалпак. яз.).

Карельс. ск.— Карельские народные сказки. Южная Карелия/Изд. подг. У. С. Конкка, А. С. Тупицына.— Л.: Наука, 1967.

Каскабасов — Каскабасов С. А. Казахская волшебная сказка.— Алма-Ата: Наука, 1972.

Киргиз. ск., 1962 — Киргизские народные сказки/Литер. пер. К. Эшмамбетова и Д. Брудного.— Фрунзе, 1962.

Кириг. ск., 1968 — Киргизские сказки.— М., 1968.

Киргиз. ск., 1968 — Киргизские народные сказки/Подготовка текстов, коммент. А. Токомбаевой.— Фрунзе, 1985 (на киргиз. яз.).

Кн. о судах — Книга о судах и судьях: Легенды, сказки, басни и анекдоты разных веков и народов.../Сост. вступ. ст. и примеч. М. С. Харитонова.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1975.

Коми ск. — Коми народные сказки/Сост. Ф. В. Плесовский.— Сыктывкар, 1975.

КС, I, II, III — Казахские сказки.— Тома I—III/Сост. и ред. В. Сидельникова.— Алма-Ата, 1956—1968.

Кумык. ск. — Кумыкские народные сказки.— Махачкала, 1967 (на кумык. яз.).

Курд. ск.— Курдские народные сказки/Запись, пер., предисл., примеч. М. Б. Руденко.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1975.

- Кшижановский, Параллели — Krzyzanowski J. Paralele. Studia Porównawcze z pogranicza literatury i folkloru.— Warszawa, 1961.
- Кшижановский — Krzyzanowski J. Polska bajka lubowa w układzie systematycznym, T I—II.— Wrocław-Warszawa-Kraków, 1962—1963.
- Левин — Armenische Märchen/Hrsg. von Isidor Levin in Verbindung mit Uku Masing.— Düsseldorf-Köln, 1982.
- Малов — Малов С. Е. Уйгурский яз. Хамийское наречие. М., 1954.
- Мальсагов — Сказки и легенды ингушей чеченцев/Сост., пер., предисл., примеч., типологич. анализ сюжетов А. О. Мальсагова. Отв. ред. А. И. Алиева.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1983.
- Марзольф — Typologie des persischen Volksmärchen von Ulrich Marzolph.— Beirut, 1984.
- Марий. ск. Четкарев — Марийские народные сказки/Сост., зап., пер. и ст. К. А. Четкарев.— Йошкар-Ола, 1956.
- Марий. ск.— Марийские народные сказки/Сост. В. А. Акцорин.— Йошкар-Ола, 1960, 1984.
- Матер. Башк. и Урала — Материалы и исследования по фольклору Башкирии и Урала.— Вып. 1/Отв. ред. Л. Г. Бараг.— Уфа, БГУ, 1974.
- Медноволосая девушка — Медноволосая девушка: Калмыцкие народные сказки.— М., 1964.
- Молдав. ф-р — Молдавский фольклор.— Кишинев, 1967.
- Монголь. ск.— Монгольские сказки/Сост. Г. Михайлова.— М., 1967.
- Мордов. ск.— Мордовские народные сказки/Сост. К. Т. Самородов: Изд. 2-е. Саранск, 1978.
- НА — Научный архив Института истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского отделения Академии наук СССР.
- Назаревич — Назаревич А. В. В мире горской сказки.— Махачкала, 1962.
- Новак — Nowak U. Beitrage zur Typologie des arabischen Volksmärchen. Diss.— Freiburg, 1969.
- Ногайск. ск., 1964 — Ногайские сказки/Сост. С. А. Калмыков.— Черкеск., 1964 (на ногайск. яз.).
- Ногай. ск., 1979 — Ногайские народные сказки/Сост. и пер. с ногайск. Аждаут Ногай. Отв. ред. И. В. Стеблева.— М.: Наука, 1979.
- Осетин. ск.— Осетинские народные сказки/Запись, пер., предисл. и примеч. Г. А. Дзагурова. Типолог. анализ сюжетов И. Левина при участии У. Мазинга. Ответ. ред. И. Левин.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1973.
- Персид. ск.— Персидские сказки/Сост. Н. Османов.— М.: Изд-во вост. лит., 1958.
- Плутовка из Багдада — Плутовка из Багдада/Пер. с персидского Ю. Борщевского, Н. Османова. Предисл. и примеч. Ю. Борщевского.— М.: Изд-во вост. лит., 1963.
- Потанин — Казахский фольклор в сборнике Г. Н. Потанина: Материалы и публикации/Сост. и коммент. С. А. Каскабасова, Н. С. Смирновой, Е. Д. Турсунова.— Алма-Ата: Наука, 1972.
- Проданный сон — Проданный сон. Туркменские народные сказки/Сост., перевод с туркменского, вступ. ст. и примеч. И. Стеблевой.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1969.
- Проделки хитрецов — Проделки хитрецов: Мифы, сказки и анекдоты о прославленных хитрецах, мудрецах и шутниках мирового фольклора/Сост., вступ. ст. и общ. ред. Г. Л. Пермякова.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1972.
- Райхль — Märchen aus Sinkiang. Überlieferung der Turkvölker Chinas/Hrsg. von K. Reichl.— Köln — München, MdW, 1986.
- Ротунда — Rotunda D. P. Motif Index of the Italian Novella in Prose.— Bloomington, 1942.

САН — Сказки адыгских народов/Сост., вступ. ст. примеч. А. И. Алиевой.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1978.

Сидорова, Указатель — Сюжеты чувашских бытовых сказок//Чувашский язык, литература и фольклор.— Чебоксары, 1974— вып. 3.— С. 171—172.

Сингаль. ск.— Сингальские сказки/Сост., пер. и примеч. Б. М. Волхонского, О. М. Солнцевой. Предисл. О. М. Солнцевой.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1985.

Систан. ск.— Сказки и легенды Систана/Сост. и коммент. А. Л. Грюнберга и И. М. Стеблин-Каменского. Ответ. ред. и авт. предисл. А. Н. Болдырев.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1981.

Ск. Афр.— Сказки народов Африки/Сост. А. Л. Жуков и Е. С. Котляр.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1976.

Ск. Башк., 1969— Народные сказки, легенды и были, записанные в Башкирии на русском языке в 1960—1966 гг./Сост., ред., вступ. ст. и примеч. Л. Г. Барага.— Уфа, 1969.

Ск. Башк., 1975— Сказки, легенды, предания Башкирии/Ред., коммент. Л. Г. Барага.— Уфа, 1975.

Ск. Индии — Сказки народов Индии/Предисл. и примеч. Г. Зографа.— Л., 1976.

Ск. Исфахана — Сказки Исфахана/Пер. с персидск. Э. Джалишвили и Н. Фарас. Предисл. Ю. Борщевского.— М.: Наука, 1967.

Ск. Филиппин — Сказки и мифы народов Филиппин/Сост., пер. Р. Л. Рыбкина. Предисл. Б. Б. Парникеля.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1975.

Ск. татов — Сказки татов Дагестана/Сост. пер. и примеч. А. Кукуллу. М.: Гл. ред. вост. лит., 1974.

Ск. цент. Индии — Сказки центральной Индии/Пер. с английского и сантальского Г. А. Зографа и З. Е. Самойловой под общей ред. Г. А. Зографа. Предисл. и примеч. Г. А. Зографа.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1971.

СНД — Сказки народов Дагестана/Сост. Х. Халилов. Типол. анализ И. Левина.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1965.

СНП — Сказки народов Памира. Пер. с памирских яз./Сост. и коммент. А. Л. Грюнберга и И. М. Стеблин-Каменского. Ответ. ред. и авт. предисл. А. Н. Болдырев.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1976.

Список — Spies Otto. Kurdische Märchen im Rahmen de orientalisches-vergleichenden Märchenkunde//Fabula, 14, Berlin, 1973, s. 205—217.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка/Сост. Л. Г. Барага, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков.— Л.: Наука, 1979.

Тадж. ск.— Таджикские сказки/Сост. Р. Амонов. Под ред. В. Гафурова и А. Мирзоева.— М., Л.: Гл. ред. вост. лит., 1961.

Татар. ск.— Татарские народные сказки/Сост. Ленар Замалетдинов.— Казань, 1986.

Тинг — Ting V. Type index of Chinese Folktales in the Oral Tradition and Majors of non-religions classical literature (FFC 223) — Helsinki, 1978.

ТНТ: Сказки, кн. 1, 2, 3 — Татарское народное творчество/Сост. Л. Замалетдинов, Х. Гатина, Х. Ярми. Редколлегия.— Казань, 1977, 1978, 1981.

Тувин. ск.— Тувинские народные сказки/Пер. и примеч. Марка Ватагина. Предис. Д. С. Куулара.— М.: Гл. ред. вост. лит., 1971.

Турец. ск.— Турецкие сказки/Сост. Р. Аганин, Л. Алькаева, М. Керимов.— М., 1960.

Турец. ск., 1967 — Турецкие народные сказки/Пер. Н. А. Цветинович-Грюнберг, вступ. ст., коммент. Н. К. Дмитриева. М.: Гл. ред. вост. лит., 1967.

Турец. ск., Стеблева — Турецкие сказки/Сост., пер. с турец. вступ. ст. и примеч. И. В. Стеблевой.— М.: Наука, 1986.

Туркмен. ск., 1978 — Туркменские сказки.— Ашхабад, 1978.

Удмурт. ск.— Сто сказок удмуртского народа/Сост. Н. Кралина.— Ижевск, 1961.

Узб. НС, I—II— Узбекские народные сказки/Сост. М. Афзалов, Х. Рисулов и др.— Том I—II.— Ташкент, 1963, 1973.

Узб. ск. 1951 — Узбекские народные сказки/Сост. С. Сядуллов и М. Шевердин.— Ташкент, 1951.

Узб. ск. 1980— Узбекские народные сказки/Сост. И. Рогов.— Ташкент, 1980.

Уйгур. ск., 1951 — Уйгурские народные сказки/Сост. М. Кабиров и В. Шахматов.— Алма-Ата, 1951.

Уйгур. ск., 1976 — Уйгурские народные сказки/Сост. М. Алиева и В. Арзинов.— Алма-Ата, 1976.

УПТМН, 1966 — Устнопоэтическое творчество мордовского народа. Т. 3, ч. I: Мокшанские сказки/Сост., предисл. и примеч. А. И. Маскаева. Ред. К. Т. Самородов.— Саранск, 1966; ч. 2: Эрзянские сказки,— 1967.

ФНК — Фольклор народа Коми.— Том I: Предания и сказки/Общ. ред. И. Н. Новикова, вступ. ст. А. А. Попова, лит. обр. Г. Алексеева; коммент. Г. Алексеева и А. А. Попова.— Архангельск, 1938.

ФН РСФСР — Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник/Отв. ред. Т. М. Акимова, Л. Г. Бараг.— Уфа: Башкирский ун-т. Издается с 1974 г.

ФФ БГУ — Фольклорный фонд кафедры башкирской литературы Башкирского ун-та.

ФФ СГПИ — Фольклорный фонд Стерлитамакского госпед. ин-та. Циртаутас — Märchen der Uzbeken/Hrsg. von Lise Laude-Cirtautas.— Köln: MdW, 1984.

Чуваш. ск.— Чувашские сказки/Сост., пер. С. Г. Григорьева.— М., 1972.

Чуваш. ск.— Чувашские легенды и сказки/Сост. Е. С. Сидорова.— Чебоксары, 1979.

Чудес. родники — Чудесные родники. Сказки и песни народов Чечено-Ингушской АССР/Подбор текстов под ред. А. Арсановой.— Грозный, 1963.

Шовень — Chauvin V. Bibliographie des ouvrages arabes. Vol. 1—12. Liege, 1892—1922.

ЭБ — Typen türkischen Volksmärchen vom W. Eberhard und P. N. Boratov.— Wiesbaden, 1953.

Юнгман — Jüngman W. Die schwedischen Volksmärchen.— Berlin: Akademie-Verlag, 1961.

1. Турахан, Янебахан и Ерэнсэ-сэсэн. Записано в 1968 г. в дер. Канакаево Ишимбаевского р-на Башкирской АССР* Н. Шункаровым от Мусадика Гиниатулловны Янбаевой, 1903 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 35, д. 3, л. 30—37; БНТ: Сказки, кн. 4, № 1.

*875Е** (Пастух посрамляет чужеземного хана, предъявившего хану его страны несостоятельное обвинение) + *921** (Мудрец ведет с попутчиком разговор загадками) + АТ 920С (Выбор жены с помощью загадочных высказываний) + 875В (Приплод от баранов) + *927*** (Перед смертью мудрец, что-то вспомнив, смеется и этим сохраняет себе жизнь) + *1890* (Могла ли стрела попасть через ногу зайца в его ухо?). Сходная контаминация в казахской сказке «Джереншешешен» (Потанин, с. 169—172; в коммент. к ней указаны казах., каракалпак., киргиз., туркмен. параллели). Контаминация сюжетов *921**,

* В дальнейшем к текстам, записанным в Башкирии, указываются лишь населенные пункты и районы.

920С и 875В — в другой башк. сказке об Ерэнсэ — БНТ: Сказки, кн. 4, № 2.

Иноязычные варианты типа *875E**: Узб. НС, П, с. 328—330; Киргиз. ск., 1968, с. 98—100; ср. сюжет с подобным эпизодом в якутском олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». Мотив: «У нас жеребцы ржут, а у вас кобылы жеребятся» известен также по восточным вариантам древней ассирийской повести о царе Ахияре (в древнерусском переводе — «Повести об Акире Премудром» — о ней в коммент. к тексту № 34). Мотив беседы мудреца со спутником имеет киргизский вариант в сказке «Джээренче-чечен и его сноха» (Киргиз. ск., 1962, с. 207—216=Киргиз. ск., 1968, с. 86—87). Мотив «Выбор жены с помощью загадочных высказываний и вопросов» имеет казах. варианты. Сюжет типа «Приплод от баранов», учтенный у АТ лишь в греческом варианте, распространен в восточной традиции: см. указ. выше киргиз. ск. «Джээренче и его сноха» и казах. «Джиренше-шешен разрешается от бремени» (Потанин, с. 177). Тип *927*** варьируется в персидском анекдоте «Перед смертью» (Персид. ск., № 200=Двадцать три Насреддина, № 1117) и в турецком анекдоте (Анекдоты о Ходже Насреддине, М., 1957, № 379). Мотив типа *1890** имеет варианты в назв. выше киргиз. ск. о Джээренче-чечене.

¹ *Турахан* — по преданиям он в XIV—XV вв. властвовал в южной и центральной Башкирии.

² *Янебахан*, или *Джанебахан (Джанибек)* — казахский хан XV в., упоминается в башкирском шежере (родословной хронике) племени Юрматы: «Год был восемьсот одиннадцатый (хиджры. По христианскому летоисчислению XV в.— А. С.), еще был ханом Джанибек» (Башкирские шежере/Сост., пер. текстов, введение и коммент. Р. Г. Кузеева.— Уфа, 1960.— С. 35). Джанибахан является персонажем и ряда казахских, киргизских, узбекских сказок-анекдотов.

³ *Ерэнсэ-сэсэн* (у казахов *Джеренше-шешен*, у киргизов *Джээренче-чечен*) — популярный фольклорный герой, мудрец и острослов. Является действующим лицом произведений разных жанров — сказок, анекдотов-кулямясов, преданий, иногда и эпических песен (См. одноименный кубаир в БНТ: Эпос, кн. 3, с. 80—82). Согласно местным преданиям могила Ерэнсэ находится близ дер. Башкирский Урген Зианчуринского р-на, а могила-мавзолей его жены — кэшэне Бендебики — на кладбище с. Максютово Кугарчинского р-на. Башкирской АССР.

⁴ *Сшить калоши* (или другую обувь) *из камня* — ср. в сказке типа АТ 875,— текст № 11.

2. Приключения Ерэнсэ-сэсэна. Записано в 1960-е годы в с. Темясово Баймакского р-на С. Абсалямовой.— ФФ БГУ, 1960, ед. хр. 27, л. 62—90; БНТ: Сказки, кн. 4, № 4.

1533 (Мудрец делит между спорящими тремя братьями четыре ноги живой козы) + *921С* (Растет ли без дождя прибрежный камыш?) + *921Н* (С чем сравнима смерть жены?) + *1362А* (Четверо в постели: муж, его покойная жена, новая жена и ее покойный муж) + *921** + АТ 920С + частично АТ 922А (Выполнение задачи построить дворец между небом и землей) + АТ 875В + *983А* (Женщина сумела отвратить равнодушного к ней царя, когда он, отведав угощение, замешанное на грудном молоке, стал ее молочным сыном) + *921* (Загадочно показанный мудрецом язык царю, который схватился за голову, означает: беда свалилась на голову из-за длинного языка). О сюжетных типах *921**, АТ 920С, 875В см. в коммент. к предыдущему тексту. К типу *1533* относится также начальная часть текста № 4.

Инонациональные варианты: Армян. ф-р, № 901; Двадцать три Насреддина, № 901 (в коммент. указаны армян, и азерб. вар.); Авар.

ск., № 61 К типу *921Н* приблизительное отношение имеет сербский анекдот «Горе Насреддина» (Двадцать три Насреддина, № 110). Тип *1362* имеет опубликованные персидский, турецкий, азербайджанский, крымско-татарский и аварский вар. (Двадцать три Насреддина, № 65 и коммент.). О сюжете типа 922А см. в коммент. к тексту № 34. Тип *983* имеет казахскую параллель (Потанин, с. 178)

3. **Ерэнсэ-сэсэн и хан.** Записано в 1973 г. в дер. Туишево Абзелловского р-на А. М. Сулеймановым от Зинната Валеевича Валеева, 1902 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 144, л. 479—483; БНТ: Сказки, кн. 4, № 3.

АТ 875В (ср. 1, 2, 11; коммент. к № 1) + отчасти *1260А (Угощение бульоном из прапразайца) + *1833Н* («Где нет мух»).

Другие тюркские варианты: Киргиз. ск., 1968, с. 117 (АТ *1260А); Двадцать три Насреддина, № 863; Узб. НС, II, с. 395—396; Проданный сон, № 73; Потанин, с. 177.

4. **Как Ерэнсэ-сэсэн гусей делил.**— БНТ, 1959, с. 251—252; БНТ: Сказки, кн. 4, № 115. Паспортичка отсутствует.

1533 + АТ 1533 (Дележ гуся или другой птицы, поданной на стол).

О первом сюжетном типе см. в коммент. к тексту № 2. Второй тип учтен у АТ во многих европейских, а также в индийских, филиппинских вариантах. Дополнительно см.: Ск. Афр., № 101; Тинг, с. 191; Марзольф, с. 320; Новак, № 472; Афг. ск., № 33; Райхль, № 36; Баширов, с. 67—68; Ногай. ск., № 36; Двадцать три Насреддина, № 864.

История сюжета 1533 связана с талмудическим сборником «Эхарабати» VII в., норвежской «Магус-сагой» конца XII—начала XIII вв., латинским средневековым сб. «Gesta Romanorum» (№ 205) и более поздними повествовательными сб. на разных европейских языках (напр., немецкими — И. Паули, Г. Сакса). Старейший на рус. яз. вариант рукописного сб. XVII в. «Смехотворные повести», переведенного с польского. В обработке Л. Н. Толстого сказка о дележе гуся вошла в его «Третью книгу для чтения». Восточная лит. обработка — «Рассказ о Лаввахе и ходже Башаре» (Восточная новелла. М., 1968, с. 104—110).

5. **Девушка-калмычка превзошла в остроумии Ерэнсэ-сэсэна.**— Записано в 1971 г. в дер. Абишево Миякинского р-на Г. Ягафаровой от Ямили Юнусовой, 1917 г. рожд.— ФФ БГУ, 1971, ед. хр. 58, л. 2; БНТ: Сказки, кн. 5, № 9.

*923** (Юрта с дырами, сквозь которые проникают солнечные лучи).

Ближние варианты: Калмыц. ск., 1962, с. 237—240; Киргиз. ск., 1962, с. 207—216.

6. **Как Ерэнсэ-сэсэн невесту для сына искал.** Записано в 1958 г. в дер. Тирменево Кугарчинского р-на М. Адельгужиной от Закира Адельгужина, 1886 г. рожд.— ФФ БГУ, 1958, ед. хр. 144, л. 5—6; БНТ: Сказки, кн. 4, № 5.

940А (поиски умной невесты для сына отцом).

Ближние варианты: КС, II, с. 375; Бирюзовый ларец, № 198=Двадцать три Насреддина, № 138.

7. **Ерэнсэ и бай.** Записано в 1979 г. в дер. Нижнее Кубагушево Учалинского р-на А. Мингажетдиновой от Мавзифы Магафуровны Мингажетдиновой, 1901 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 170, л. 5—8; БНТ: Сказки, кн. 5, № 8.

882С (Бай проигрывает пари)

8. **Как Ерэнсэ-сэсэн перехитрил бая.**— БНТ 1959, с. 252; БНТ: Сказки, кн. 4, № 114.

1544 (Батрак разоблачает бая-обманщика и уносит заработанное).

9. **Агзам.** Записано в 1970 г. в дер. Кипчаково Зилайрского р-на Мугаттаровой и Ягудиной от Сиразетдина Аптекова, 1884 г. рожд.— ФФ БГУ, 1970, ед. хр. 14, л. 116—120; БНТ: Сказки, кн. 4, № 6.

921 (Разгадка положительного смысла иносказательной характеристики невесты). Ср.: ФФ БГУ, ед. хр. 74, л. 184—186.

Иноязычные варианты: Каракалп. ск., с. 238—239; Уйгур. ск., 1951, с. 70, 76; Проданный сон, № 41; Глonti, с. 313—314.

10. **О шестидесятилетнем хане, который сватался к девушке.** Записано в 1975 г. в с. Юмагузино Кугарчинского р-на А. Багаутдиновой и Р. Вахитовой от Гайфуллы Суяргулова.— ФФ БГУ, ед. хр. 144, л. 89—91; БНТ: Сказки, кн. 4, № 7.

921 (Мудрая девушка посрамляет сватавшегося к ней хана)

Иноязычные варианты: Чуваш. ск. и лег. 168—169; КНС, II, с. 411—412; Каракалп. ск., с. 129—130; Проданный сон, № 54; Киргиз. ск., 1985, с. 131—132, 147; Тадж. ск., с. 37—38.

Подобные загадки разгадывает девушка в уйгурской сказке, записанной в Китае (Малов, с. 56—57).

11. **Фаукинур.** Записано в 1975 г. на ст. Альмухаметово Абзелиловского р-на С. Кунаевой от Магиры Мансуровой, 1923 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 127, л. 57—60; БНТ: Сказки, кн. 4, № 8.

АТ 875В (См. коммент. к текстам 1—3) +875 (Мудрая девушка) +875Е* (Ожеребились кол, телега или кобыла?).

Варианты типов 875 и 875Е*: БНТ: Сказки, кн. 4, №№ 9, 10.

Сюжет типа 875 имеет всемирное распространение. В фольклорных фондах БГУ и НА имеется до 30-ти башкирских его вариантов. Характерные для типа 875 мотивы получили в сказке о Фаукинур довольно полное сочетание. Некоторые встречаются как эпизоды и в сказках иных типов или получают самостоятельную разработку. Мотив судебного решения спора о новорожденном жеребенке настолько часто получает в фольклорной традиции народов мира самостоятельную разработку, что обозначен у АТ особым номером 875Е*. Есть среди башкирских вариантов типа «Мудрая девушка» отличающиеся редкими, необычными мотивами, как, напр., в указанном выше варианте четвертой книги сказок БНТ 1981 г.: на охоте стрелы хана попадают не в зверей, а в чучела, поставленные девушкой-насмешницей. Хан в отместку требует от нее решения невыполнимых задач. Дополнительно к АТ см.: Марзольф, с. 156—157; ТНТ: Сказки, кн. 3, № 29; Киргиз. ск., 1962, с. 241—245; Бурят. ск., с. 208—220; Абхаз. ск., № 68; Даргин. ск., с. 35—38; Авар. ск., № 38; Глonti, с. 202—206, 265—266. Мотивы испытания царем остроумия девушки и женитьбы на ней известны по древним письменным памятникам Индии — «Махабхарате», «Ятаке». Отражение сказок о мудрой девушке в многочисленных произведениях европейских и восточных литератур, начиная с XV в.— в частности в «Рагнар-саге», апокрифической «Беседе царя Соломона с Морольфом», русской житейной «Повести о Петре и Февронии», «Забавных рассказах про великомудрого и хитроумного советника индийского падишаха Акбара»,— и обратное влияние их на сказочное творчество свидетельствует о многовековом интенсивном творческом взаимодействии фольклорной и книжной традиций.

12. **Дочь, любящая отца, как соль.** Записано в 1975 г. в дер. Сарышево Мелеузовского р-на А. Багаутдиновой и Р. Вахитовой от Минзифы Самигулловны Аминовой, 1900 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 144, л. 161—162; БНТ: Сказки, кн. 4, № 12.

АТ 923 (Как соль).

Вариант: ФФ БГУ, ед. хр. 144, л. 203—204.

Мотив исправления царевной никудышного мужа имеет соответствие в турецких сказках данного типа (ЭБ 256), но отсутствует в подобных европейских сказках, напоминающих первый акт трагедии Шекспира «Король Лир». Дополнительно к АТ см.: СУС, с. 235; Марзольф, с. 171; Каракалп. ск., с. 78—81; Кшижановский, Параллели, 70—75. Ср. индийскую ск. «Мотилал и жемчужины» (Ск. Индии, № 81): радже не нравится ответ младшего из трех сыновей на вопрос «чьей милостью кормитесь?», и в наказание он женит его на глупой нищенке. Лит. обработка сюжета «Любит, как соль» есть в средневековом латинском сб. «Gesta Romanorum» (№ 273).

13. Самый вкусный гостинец. Записано в 1975 г. в дер. Иргизла Бурзянского р-на Р. Асигуловым от Тимерьяна Асигулова.— ФФ БГУ, 1975, ед. хр. 144, л. 160; БНТ: Сказки, кн. 4, № 11.

923 (Самое сладкое — вода).

Ср. узбекскую сказку напоминает начальная часть указанной в предыдущем комментарии каракалпакской сказки (самым вкусным девушка считает соль).

14. Хорошая жена плохого мужа в люди выведет. Записано в 1975 г. в дер. Альмухаметово Абзелиловского р-на С. Кунаевой от Ишмурата Халикова.— ФФ БГУ, ед. хр. 146, л. 421—423; БНТ: Сказки, кн. 4, № 13.

АТ 923В. Ср. след. текст.

В указателе АТ учтены только индийские сказки. Имеются и другие восточные варианты: Каскабасов, с. 256; Азер. ск., 1977, с. 89—95 (в соединении); Осетин. ск., № 80. Мотив «О чем кричали птицы» развивается иногда и в других сюжетах, напр., в сказке бразильских индейцев племени кашинова «О чем кричала сова?» (Проделки хитрецов, с. 526). Ср. отмеченную в указателе Марзольфа под номером *875Д (с. 157) персидскую сказку «О чем смеялись рыбы?»

15. О чем говорили гуси? Записано в 1916 г. на фронте З. Мукминовым от жителя дер. Китайской Шадринской волости Пермской губернии Сулеймана Шайхуллина.— НА, ф. 3, оп. 25, д. 1, л. 395—399; БНТ: Сказки, кн. 4, № 14.

Сюжетное обрамление рассказов девушки относится к типу АТ 923В (отчасти ЭБ 256). См. коммент. к тексту 14. Первый рассказ соответствует притче о женском коварстве из «Истории о семи мудрецах» («Синбад-наме») — ср. текст 81; второй рассказ сходен с сюжетом типа АТ 910 («Три добрых совета»), ср. тексты 113—115.

16. Милосердная жена. Записано в 1975 г. в дер. Гафурово Туймазинского р-на Р. Нафиковой от Абубакира Хальфетдиновича Халфина, 1940 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 63, д. 61, л. 43—44; БНТ: Сказки, кн. 4, № 16.

912 (По совету жены царь выпускает на волю переставшую петь птицу, а потом узников).

Бликий татарский вариант — ТНТ: Сказки, кн. 1, № 44. Другие варианты: Калмыц. ск., с. 119—121; Азер. ск., 1983 г., с. 212—213.

17. Суд царевны.— Бессонов, № 73; обратный перевод на башк. яз.— БНТ: Сказки, кн. 4, № 15.

АТ 976А («Кто великодушной?»).

Сюжет о великодушии, обрамленный повествованием о судебном казусе, учтен у АТ только в индийском материале (5 вар.), а сказки на тот же сюжет, не имеющие такого обрамления (АТ 976), — в редких арабских, шотландских, словенских, русских, турецких, древнеевро-

пейских, испано-американских текстах. Известны также персидские варианты и типа 976А, и типа 976 (Марзольф, с. 179—180). Варианты типа 976А вошли в книгу «Плутовка из Багдада» (с. 346—348, 458—461). В русском переводе печатались также непальская, камбоджийская, уйгурская, казахская, туркменская, курдская, даргинская сказки на сюжет «Кто великодушней?» Кн. о судах, с. 294, примечания к № 67) Данный башк. вар. имеет сходство с текстами сказок «Книги попугая» — «Тути-наме» Зийа-ад-Дин Нахшаби, индийского писателя XIV в., писавшего на языке фарси (ночь II-я), и турецкого переложения «Тути-наме» (см.: ЭБ 348 IV). Другой башк. вар. имеет особое сюжетное обрамление: три брата просят ханшу «рассудить их дело» (Мат. Башк. и Урала, с. 78—79). Такое же обрамление сюжета см.: ТНТ: Сказки, кн. 3, № 36; Проданный сон, с. 327—329; Курд. ск., № 30; Даргин. ск., с. 125—139 и др. История сказок типа «Кто великодушней» восходит к древним повествованиям индийского сб. «Двадцать пять рассказов веталы» и «Шукасаптати» («Сказки попугая»). В древнееврейском талмудическом сб. рабби Ниссими сюжет получил обрамление рассказом о суде царя Соломона, так же и в переводном древнерусском сб. «Толковая палея» 1494 г. Лит. версии сюжета АТ 976 — новелла «Декамерона» Боккаччо (новелла 5 десятого дня) и рассказ Фанклина из кн. Чосера «Кентерберийские рассказы». Сюжет о великодушных поступках, обрамленный повествованием о мудром суде, обрабатывался в эпоху Возрождения итальянскими новеллистами Банделло, Серкамби, Сермени.

18. **Хитрый сапожник.** Записано в 1950 г. в дер. Татлыбаево Баймакского р-на поэтом Нажипом Идельбаевым от Гилмана Муллакаева. — НА, ф. 3, оп. 32, д. 13, л. 15—22; БНТ: Сказки, кн. 4, № 108.

754А (Сапожник и царь: власть и богатство не приносят счастья) Мотив «Пусть стальная сабля станет деревянной» является общим для сказок данного типа и типа АТ 952 (Солдат и царь), но иногда получает и отдельную разработку, напр. — Чуваш. ск., с. 164—165.

В указателе АТ сказки типа 754 учтены в шведском, ирландском, испанском, фламандском, чешском, словенском, греческом и китайском фольклоре. См. также сб. А. К. Сержпутовского «Сказки и рассказы белорусов-полещуков» (СПб., 1911, № 79) — Лит. история сюжета связана с латинским сб. Жака де-Витри «Exempla» (XIII в.), польским сб. фацей-новелл-Никола Рея «Figliki» (1571 г.), басней Жана Лафонтена «Сапожник и банкир» и русскими переделками басни — «Ремесленник и купец» А. П. Сумарокова и «Откупщик и сапожник» И. А. Крылова. Публикуемая башк. ск. имеет не отмеченные в указателях близкие варианты в сборниках фольклора восточных народов СССР, в которых антагонистом героя-бедняка выступает злой хан или шах, царь (Узб. ск., 1980) с. 296—308 — «Сапожник и шахкаландар», Тадж. ск., с. 502—504 — «Умный плешивец»; Глонги, с. 29—32 — «Чувячник».

19. **Как бедняк искал причину неравенства людей.** Записано в 1959 г. в дер. Бурангулово Давлекановского р-на Ф. Бураншиной от Зугры Муллагуловой. — ФФ БГУ, ед. хр. 144, л. 98; БНТ: Сказки, кн. 4, № 31.

АТ 759 (Удивительные решения судебных людских).

В указателе АТ отмечены варианты на европейских языках, а также турецкие и индийские. Дополнительно к ним см.: Арайс — Медне, с. 319. Публикуемый вариант отличается социальной заостренностью сюжета: «Отчего бог терпит на земле несправедливость?» В сопоставительном плане фольклорные и литературные древнееврейские версии рассматриваются в статье Шварцбаума в третьем томе периодического сб. «Fabula» на англ. яз., с. 119 и след.

20. **Царь и дервиш.** Записано в 1980 г. в с. Кулуево Аргаяшского р-на Челябинской обл. А. Сулеймановым от Абдуллы Хайбуллина, 1900 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 170, л. 104—109; БНТ: Сказки, кн. 5, № 110.

795 (Царь наблюдает удивительные поступки людей).

Данный сюжет сродни известному по сказкам-легендам народов Восточной Европы апокрифическому сюжету типа АТ 795: ангел удивляет людей странными поступками (см.: СУС, с. 200). Вместе с тем сказка «Царь и дервиш», в которой действие строится в легендарном духе на контрасте между показной и действительной сущностью житейских нравов, напоминает тип АТ 759 (предыдущий текст)

21. **Старик, отказавшийся от царского трона.** Записано в 1976 г. дер. Ильмаля Зианчуринского р-на Р. Давлетшиной от Гарифа Шакирова, 1915 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 147, л. 459—463; БНТ: Сказки, кн. 5, № 108.

Отчасти АТ 751А* (Бог в гостях) + отчасти 460В (Путешествие на тот свет) + отчасти 759 (Удивительные решения судеб людских).

Первый сюжет учтен в русских, литовских и славянских вариантах, но известны также украинские и белорусские: (СУС, с. 23). Истоки сюжета восходят к джатаку (легенде о рождениях и перевоплощениях Будды) V в., что получил отражение в знаменитом скульптурном рельефе яванского храма Барабудур: в облике странника Будда приходит к зайцу, и тот самоотверженно отдает ему себя в качестве угощения. В сказочном повествовании легенда трансформировалась, слившись с другими сюжетными типами.

22. **Йылкысыбай.** Записано в 1920 г. в Бугурусланском р-не Оренбургской губернии Г. Вилдановым от Габдулнасира Абдулова, 1880 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 32, л. 22, л. 154—161; БНТ: Сказки, кн. 4, № 26.

АТ 889 (Верный табунщик).

Вариант: «Аптырама, буркецэ кэңэш ит» («Если не с кем, советуйся с малахаем»).— ФФ БГУ, ед. хр. 90, л. 39.

УАТ учтен в вариантах на европейских языках. Арабские см.: Шовень, VIII, с. 166. Арабская, напоминающая башкирскую, напечатана на рус. яз. в 1844 г. (ж. «Москвитянин», кн. 1, ч. 1, с. 114—118). Из восточных сказок типа 889 дополнительно к АТ: Каракалп. ск., с. 282—283; Глопти, с. 222—225 (близко соответствует башкирской); Характерный для тюркских сказок эпизод совета честного табунщика со своей шапкой получил в сказке «Йылкысыбай» особенную психологическую выразительность. Формирование на Востоке сказок о правдивом табунщике прослеживается начиная с VII века: см. сказку № 20 тибетского сб. «Игра веталы с человеком» (по московскому изданию 1969 г. с. 110—114). На европейской культурной почве история сюжета связана с латинским сб. XIII столетия «Gesta Romanorum» (текст № 111 по Кембриджской рукописи) и итальянским сб. XVI столетия «Приятные ночи» Джованфранческо Страпоролы (сказка № 5 третьей ночи — о честном пастухе Травальино).

23. **Науширван Справедливый и Хатамтай Щедрый.**— Хусаинов Г. Б. Археография и фольклор. Исследования, записки, извлечения. Уфа, 1982: Рукописный отдел ИИЯЛ БНЦ УрО АН СССР, л. 101—104; БНТ: Сказки, кн. 5, № 12.

889 (Самый щедрый человек).

Другие восточные варианты: Подлинные рассказы о могущественном халифе Харун-ар-Рашиде, острослове Аву Нувасе и хитроумном Джухе/Пер. Р. Алиева и Д. Юсупова. М.: Наука, 1976, с. 235—240; Киргиз. ск., 1985, с. 124—125; Туркм. ск., 1978, с. 158—174. В фольклорной традиции народов мусульманского Востока имена героев этой сказки, встречающиеся в разных легендарных и сказочных сюжетах,

стали нарицательными. Хатамтай Щердый является также героем след. башк. сказки. Происхождение имени Хатамтай, а также имени Отама Щедрого — героя иранской сказки «Отам и Хатам» (в сб. «Сказки и легенды Систана». М., 1981, № 3) — филологи-иранисты возводят к доисламской аравийской легенде о щедром Хатаме из племени Тай.

24. **Хатамтай.** Записано в 1939 г. в г. Уфе писателем Гайнаном Амири от работницы швейной фабрики им. 8 Марта. — НА, ф. 3, оп. 32, д. 20, л. 29—37; БНТ: Сказки, кн. 5, № 109.

922В (Откуда царица достает для раздачи столько милостыни?) Сложный сюжетный тип напоминает АТ 795 (Удивительные поступки на земле). Сводный вариант — БНТ, 1959, с. 191—195.

Подобные сказки есть в иранском материале: «Семь приключений Хатима» (Иранская сказочная энциклопедия, пер. с фарси. — М., 1977, с. 19—57), «Дервиш и Хатемтай» (Сказки Исфахана, с. 136—144), «Отам и Тай» (см. коммент. к предыд. тексту), «Сын рыбака» (Курд. ск., № 59 — в контаминации с АТ 936* — Золотая гора). Вставной рассказ лавочника относится к сюжету АТ 910Д (Сокровища висельника), который встречается в вариантах на европейских языках и в турецком, индийском, арабском, японском фольклоре, а также известен по литературным памятникам XVI—XVII вв. — «В шутку и всерьез» И. Паули (№ 709) и «Пентамерону» Дж. Базиле (IV, № 2). Сюжет рассказа муэдзина напоминает рассказ об утраченной счастливой любви первого дервиша в персидской ск. «Падишах и три дервиша» (Плутровка из Багдада, с. 112—131).

25. **Лукман Хаким.** Записано в 1960 г. в с. Бурангулово Давлекановского р-на Р. Баимовым и Р. Искужиной от Гульямал Кутлугильдиной 1885 г. рожд. — ФФ БГУ, ед. хр. 31, л. 204—208; БНТ: Сказки, № 24.

654С (Лукман Хаким исцеляет царя). Этот сюжет входит эпизодом сказки «Почему перестали убивать стариков» относящейся в основном к типу АТ 981 (НА, ф. 3, оп. 10, д. 39, л. 78—79; зап. в 1939 г. в дер. Аюлытамак Хайбуллинского р-на).

Другие восточные варианты: Тадж. ск., с. 450—455; Узб. НС, II, с. 413—424; Низами. Сборник второй, Баку, 1940 — в повествовании о попытке царя Искандера покорить обитателей моря; Каскабасов, с. 42, 256 (ссылки на казах., туркм., армян. и др. варианты).

В отличие от известного по Корану Лукмана Хакима, проповедовавшего учение ислама, сказочно-легендарный Лукман Хаким — многоопытный и остроумный мастер своего дела. Некоторые башкирские роды считают его своим родоначальником (Башкирские шежере /Сост и ред. Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960, с. 95, 116, 203, 207).

26. **Старик, Хызыр и царь.** Записано в 1970 г. в с. Архангельском, райцентре Г. Мусиной-Бахтияровой от Хабибьямал Юламановой, 1906 г. рожд. — ФФ СГПИ — 70; БНТ: Сказки, кн. 4, № 28.

*656** (Хызыр — покровитель невинно гонимых).

Варианты: Каскабасов, с. 166—173; Уйгур. ск., 1951, с. 126—133; Проданный сон, № 62; Азер. ск., 1977, с. 61—65; Турец. ск., Стеблева, № 49; Курд. ск., № 53; СНП, № 23.

¹ *Хызыр* (от араб. *хидр* — зеленый) — легендарный пророк, святой старик, сочетающий в себе восходящие к доисламским верованиям черты бессмертного духа предков и черты мусульманского пророка-покровителя, таинственного защитника обиженных. У народов Средней Азии бытовало поверье о том, что Хызыр, хранитель живой воды, оказывает в пустыне помощь путникам, изнемогающим от жажды. В отмеченной выше туркменской сказке в роли Хызыра выступает мудрая дочь падишаха.

27. **Догадливые братья.** Записано в 1925 г. в дер. Дингизбаево Пугачевского р-на Куйбышевской обл. поэтом Рашимом Нигмати (информат неизвестен).— НА, ф. 3, оп. 32, д. 22, л. 111—115; БНТ: Сказки, кн. 4, № 30.

АТ 655А.

Варианты: НА, ф. 3, оп. 21, д. 6, л. 209—210; оп. 32, д. 18, л. 154—169.

Дополнительно к АТ: КС II, с. 329; Каракалп., ск., с. 82—88; Узб. НС, I, с. 49—54; II, с. 315—319; Проданный сон, № 56; Абхаз. ск., № 66; Тувин. ск., № 21; Плутовка из Багдада, с. 458—463; Курд. ск., № 30; Систан. ск., № 11; Амхар ск., № 175; Кн. о судах, № 69.

28. **Три каравая хлеба.** Записано в 1963 г. в дер. Тангук Бардинского р-на Пермской обл. С. Галиным от Х. Маклеевой, 1918 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 33, д. 1, л. 51—54; БНТ: Сказки, кн. 4, № 29.

655 (Проницательный старик разоблачает царя). Ср. АТ 655 (Проницательные братья: по незаметным признакам обнаруживают, что жаркое — собачье, вино изготовлено из лозы, возвращенной на кладбище, а царь — незаконнорожденный). Вариант: ФФ БГУ, ед. хр. 145, л. 511. Ближе соответствует публикуемой ск. татарская «Три хлеба» — ТНТ: Сказки, кн. 3, № 28 (ср. там же № 27).

Дополнительно к АТ: Узбек, НС, II, с. 429—449; История сказок типа АТ 655 и 655А, обычно контаминируемых, восходит к древним арабским и европейским лит. памятникам: «Китаб-мурун адхдхабад» («Золотые луга») Мусуди, «Тысяча и одна ночь» («История султана Иемена и трех его сыновей»), «Занимательные рассказы о разных людях» Али Сафи (5-й рассказ главы третьей), византийский роман «Бедный лев» (мудрый старик Лев разоблачает низкое происхождение царя — сына пекаря: см. Фрейбер П., Попова Т. Византийская литература эпохи расцвета IX—XV вв. М., 1978, с. 203), талмудические сборники. Сказочный сюжет о необычайной человеческой проницательности получил затем отражением в басне Лафонтена, повести Вольтера «Задиг», в рассказах Конан-Дойла о Шерлоке Холмсе.

29. **Шакир.** Записано в 1930-е гг. Паспортички нет.— БНТ: Сказки, кн. 4, № 22.

АТ 654В* (Искусный купеческий сын).

Варианты: БНТ: Сказки, кн. 2, № 49; =БНТ, т. 4: ВС, 60; БНТ: Сказки, кн. 4, № 23; БНС, 1969, с. 28—34; 10 неопубликованных текстов имеется НА и ФФ БГУ.

В международном указателе учтен лишь один русский текст. Но известны след. варианты: СУС, с. 171; ТНТ: Сказки, кн. 3, № 52; Каскабасов, с. 32; Узб. НС, I, с. 140—142, II, с. 136—141; Уйгур. ск., 1951, с. 64—69; Бурят. ск., с. 107—111. В некоторых вариантах, напр. в башкирском, что в БНТ, т. 4, есть фантастический элемент в эпизодах встречи героя под землей с ифритом и полета с ним вслед за ушедшим караваном. Иными подробностями осложняется данный сюжет в ск. «Арбуз» (БНТ: Сказки, кн. 4, № 23), соединяясь с сюжетом о подводном царстве — АТ 677.

30. **Умный царь.** Записано в 1961 г. в дер. Кундузлы Пугачевского р-на Саратовской обл. А. Киреевым (Киреем Мэргэном) от Гибадуллы Харисова, 1895 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 21, д. 6, л. 168—170; БНТ: Сказки, кн. 4, № 25.

920Д (Странник, избранный царем, превращает необитаемый остров в благодатный край).

Варианты: Туркм. ск., 1978, с. 32—33.

¹ *Кара-ногайцы.*— После распада Золотой Орды в XV в. значительная часть южной Башкирии находилась некоторое время под властью Ногайской орды.

31. **Царь-пастух.** Записано в 1963 г. в дер. Султанаево Осинского р-на Пермской обл. Ф. Надршиной от Хусаина Кузьяшева, 1898 г. рожд. — НА, ф. 3, оп. 32, д. 1, л. 32—37; БНТ: Сказки, кн. 4, № 27.

Отчасти АТ 757 (Гордый царь) + 888А* (Царевич учится ремеслу). Подобное сочетание мотивов имеется в четырех турецких сказках, учтенных в указателе ЭБ (под № 231).

В сказках типа «Гордый царь», отмеченных у АТ в немногих записях на европейских языках и в индийских, китайских, африканских вариантах, действие развивается в легендарном плане. Мотивами, относящимися к сюжету о гордом царе, башк. ск. ближе к казахской «Пророк Сулейман» (Потанин, с. 159—162) и к киргизской «Азрет-Султан и бедная девушка» (Киргиз. ск., 1968, с. 40—43), чем к восточнославянским сказкам (СУС, с. 190). История сюжета восходит к древнееврейской легенде, связана с арабской «Тысячью и одной ночью» (ночь 463— «Рассказ о царе и ангеле»), «Прикладом о гордом цесаре Иовеннате» из переведенного во второй половине XVII в. с польского на рус. яз. латинского сб. «Римские деяния» и с другими восточнославянскими переводными повестями (о царе Аггее, Газине, Дмитрие Римском). В новое время сюжет обрабатывался А. Барыковой (1883), В. Гаршиным (1886), Л. Толстым (1886), Ф. Волховским (1902), А. Ремизовым (1914—1917), В. Шуратов (1894— на укр. яз.), И. Франко (1896— на укр. яз.). Второй сюжет (АТ 888А*) в АТ учтен только в ирландских вариантах, но известны также другие нац. варианты: Дуинган. ск., № 49; Марзольф, с. 161, № *888В; Ск. татов, № 33; Глоити, с. 16—18; СУС, с. 225; ЭБ, 231; Татар. ск., с. 307—310.

32. **Царь и пахарь.** Записано в 1938 г. в дер. Имяново Балтачевского р-на Л. Кудашевым от Мухаметши Латынова. — НА, ф. 3, оп. 32, д. 26, л. 24—28; БНТ: Сказки, кн. 4, № 21.

АТ 921А (Куда тратятся деньги) + 921Р* («Ощипывание гусей»)

Варианты: НА, ф. 3, оп. 32, д. 1, л. 85—86; ФФ БГУ, ед. хр. 39, л. 141—142; ед. хр. 132, л. 1—5; БНС, 1939, с. 147—148 (АТ 921А)

Иноязычные варианты той же контаминации сюжетов дополнительно к АТ: Арайс-Медне, с. 141—142; СУС, с. 232—234; ТНТ: Сказки, кн. 3, № 9; ФНК, № 80; Чуваш. ск., с. 181—185. Еще в середине века эти сюжеты были соединены в лит. обработках: латинский сб. «Gesta Romanorum» (по изданию Остерлея 1872 г. № 57) и «Новеллино» (Новеллино/изд. подг. М. Андреев и И. Соколова. М.: Наука, 1984, с. 156—158— о кузнеце и императоре). Сюжет типа 921Е⁺ учтен у АТ только в русских вариантах и то неполно, но известны многочисленные его варианты на многих языках мира. См. об этом статьи Л. Г. Барага «Три международных сюжета» (ФН РСФСР, 1986, с. 49—57) и «Gänserupfen» (Enzyklopädie des Märchens. — Berlin—New York. Bd. 5, lief. 2—3. 1986, s. 691—693).

33. **Цена царя.** Записано в 1930-х гг. Паспортчика огеутствует — НА, ф. 3, оп. 10, д. 37, л. 23—25; БНТ: Сказки, кн. 5, № 56.

АТ 922 (Загадки царя).

Вариант: Вестник ОУО, 1912, № 7—8.

Один из широко распространенных международных сюжетов. Начало его формирования на Ближнем Востоке исследователи относят к VII в. и связывают с рассказом вавилонской редакции Талмуда о состязании загадками между Рабби Исуа Бенхананья и мудреца из Афин и с сочинением арабского автора IX в. Ибн Абдьяхакима о горшечнике, ответившем на вопросы короля, что есть бог, где центр земли и т. п. В эпоху средневековья и Возрождения сюжет вошел в ряд европейских повествовательных сборников; в XVIII в. получил отражение в английской балладе Т. Перри «Король и пастух» (1765), известной в русском переводе С. Маршака, потом в немецкой балладе Г. А. Бюргера «Импе-

ратор и аббат» (1784); в XIX в.— в рассказе польского писателя И. Ходзько «Providenta dei» (1862) и в стихотворениях А. Майкова «Пастух. Испанская легенда» (1866), М. Исаковского «Царь, поп и мельник». Для разноязычных европейских вариантов,— в том числе, восточнославянских, характерна сатирическая направленность против духовенства. Ср. ТНТ, кн. 3, № 20, 21; Марзольф, с. 170—171; Ск. татов, № 34. Аналогичные загадочные вопросы и находчивые ответы на них составляют основу отдельных анекдотов о Насреддине (Двадцать три Насреддина, № 686— уйгурский, 688— узбекский, 689— персидский) и о других носящих нарицательные имена восточных мудрецах, напр туркменском Мирали (Проданный сон, № 75).

34. Альмирьян. Записано в 1962 г. в дер. Акъяр Архангельского р-на М. Дильмухаметовым и А. Сулеймановым от Хабиба Шанова, 1915 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 144, л. 32; БНТ: Сказки, кн. 4, № 17.

АТ 922А (Ахияр, или Акир Премудрый)

У АТ учтены неполностью древнееврейские, арабские, индийские, русские, польские, румынские варианты. Дополнительно см.: СУС, с. 235; Узб. НС, II, с. 429—442. Сюжет восходит к сирийской повести VII в. до н. э. об Ахияре-Асаргадоне, известной в переводе на древнерусский язык под названием «Повесть об Акире Премудром» в списках XV—XVII вв. Задачи, которые выполняет герой в этой повести, иные чем выполняемые в сказках. Не имеется в известном сказочном материале вступительный эпизод поступления Альмирьяна-ремесленника на службу к хану Басиру. Необычен эпизод отгадывания загадок дочери стамбульского хана.

35. Кураист. Записано в 1962 г. в дер. Суюшево Кугарчинского р-на З. Клычбаевой от Арслана Султангулова.— ФФ БГУ, оп. 62, ед. хр. 144, л. 41—42; БНТ: Сказки, кн. 4, № 18.

924 (Печальная весть, переданная мелодией курая). Ср. АТ 924, СУС 925 «Новость, доставленная королю». Сюжет бытует также у киргизов и казахов.

36. Как мудрый старик от смерти спасся.— БНТ, 1959, с. 264; БНТ: Сказки, кн. 4, № 19.

927 (Спасает свою жизнь, предсказав, что царь умрет вскоре после его казни).

Ср. узбекский анекдот о Насреддине (Двадцать три Насреддина, № 854) Примыкает к сюжетному типу АТ 927А (Желания осужденного) — варианты турецкие, арабские и латышские учтены международным и национальными указателями типов сказочных сюжетов. История сюжета имеет восточную и западную литературные традиции, связанные с «Занимательными рассказами о разных людях» Али Сафи на языке фарси-кабули (по московскому изданию 1968 г. на рус. яз., с. 31) и с латинским сб. «Gesta Romanorum», № 194.

37. Царь и странник. Записано в 1970 г. в г. Баймаке М. Утябаевой от Нури Янтилина. 1914 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 144, л. 43—44; БНТ: Сказки, кн. 4, № 20.

*927** («Родился, чтобы умереть»)

38. Мудрый старик и глупый царь. Записано в 1936 г. в дер. Каргалы Белорецкого р-на поэтом Мухутдином Тажи от Хусанна Сайфетдинова.— БНС, Ишбулатов, с. 204—207; БНТ, 1959, с. 51—55; БНТ: Сказки, кн. 4, № 32.

В основном АТ 981 («Почему перестали убивать стариков»). Ср. след. текст. В ФФ БГУ и в НА имеются шесть текстов.

Дополнительно к учтенным у АТ испанским, итальянским, греческим, сербохорватским, турецким, индийским вариантам, отметив: СУС, с. 250—251; ТНТ: Сказки, кн. 3, № 1 и примеч. к нему; Каракалп.

ск. с. 198—201; Каракалп. ф-р, т. I (с. 337—338; Киргиз. ск., 1985, с. 146—147; Узбек. ск., 1980, с. 304—308; Проданный сон, № 44, Тадж. ск., с. 560—562, Кумык. ск., с. 6—8; Ногай. ск., 1979, № 44. Международную известность имеет лит. обработка сюжета в «Пентамероне» Базиле (I, 256). По предположению Ф. Паудлера, автора монографии на нем. яз. «Народные повествования о том, как перестали убивать стариков» (FFC, № 121, Хельсинки, 1937), подобные сказки сформировались в античной Греции. Фрагмент сюжета имеется в египетском папирусе, датированном 420 годов до н. э. Эпизод добывания алмаза сходен с бытующей у бурят и эвенков легендой о том, что на дне Байкала бывает видна золотая чаша и возле нее красавица (см.: Шаракшинова Н. О. Бурятское народное поэтическое творчество. Иркутск, 1975, с. 70; Окладников. Олень — Золотые рога. Иркутск, 1961, С. 39—40). В некоторых русских и восточных сказках типа 891 есть эпизод добывания героем отраженной в воде драгоценности. Это золотой кувшин в вариантах сб. «Рус. нар. ск., рассказанные А. Н. Корольковой» (под ред. Э. В. Померанцевой. М., 1969, с. 283—290) и «Народ. ск. Воронежской обл.» (Под ред. А. И. Кретьова. Воронеж, 1977, № 8), это драгоценный камень в узбекских и таджикских вариантах, чудесный меч, как в башк. ск. «Кыран-батыр» (БНТ, т. 3: БС, № 38)

39. Сундук мудрости. Записано в 1979 г в дер. Санктбатталово Баймакского р-на А. Искужиной от Ахмадия Искужина, 1932 г рожд.—ФФ БГУ, 1979, ед. хр. 170, л. 28—29.

Отчасти АТ 981 + отчасти 911* («С паном не водись, с женой не бранись...») О сюжете типа 981 см. в коммент. к предыдущему тексту Сюжет типа 911* отмечен только в русском и литовском материалах

40. Сказка о курае.— БНС, 1969, с. 23—27; БНТ: Сказки, кн. 4, № 35.

АТ 782 («Рогатый царь»).

Варианты: БНТ: Сказки, кн. 4, № 36 БНТ, т. 2; Предания и легенды, № 104. Эта сказка послужила источником либретто балета «Легенда о курае» композитора Р. Хасанова.

Ближние восточные параллели: «Живая старша», 1916, II—III, с. 165—166; КНС II, с. 35; Узб. НС, с. 410—412; Азер. ск., 1983, с. 66—72; Долидзе, с. 246—247. У АТ учтены тексты о царе с ослиными ушами на сербохорватском, греческом, французском, румынском, испанском, русском яз. Известны также болгарские сказки о царе Трояне с ослиными ушами (Болгарско народно творчество, т. 9. София, 1963, с. 292—293). Вместе с тем у АТ под номером 782 значатся турецкие и индийские сказки о рогатом царе, которые представляют особую восточную разновидность сюжетного типа 782. К этой разновидности сюжета и следует отнести многочисленные сказки, легенды народов Востока, в том числе названные выше.

История таких сказок, согласно последним исследованиям, восходит к тотемному иранскому мифу, известному еще 4000 лет до н. э. Позднее на восточной основе сложился в Греции миф о царе Мидасе, наделенном богом Аполлоном ослиными ушами и тщетно пытавшемся скрыть их. Мотивы этого мифа были обработаны Овидием (43 г до н. э.—17 г н. э.) в поэме «Метаморфозы» и неоднократно подвергались лит. обработке впоследствии, напр. в XVI в. И. Паули в сб. «В шутку и всерьез» Независимо от мифа о Мидасе сложилась в эллинистическую эпоху сказка-легенда о двурогом царе Искандере — Александре Македонском, бытующая поныне среди тюркских, иранских народов и народов Кавказа. Она получила отражение в поэме Низами «Искандер-наме» (XII в.) и в восточных, напр. в эфиопской, — версиях народного романа об Александре Македонском. Опосредственное влияние этого романа заметно и в башк. ск. о рогатом Искандере (БНТ: Сказки, кн. 4, № 36)

41 **Тайна.** Записано в 1984 г. в дер. Нижние Балмазы Карандельского р-на Р. Ситдиковой.— ФФ БГУ, ед. хр. 204, л. 1—2.

АТ 782 («Рогатый царь»). См. коммент. к тексту 40. В тюркских и других восточных вариантах нередко встречается мотив: брадобрей, оказавшись не в силах хранить царскую тайну, повергает ее камышам, озеру или тростнику, кричит в отверстие тростника-курая, что царь рогат.

42. **Загадочная сила мелодии.** Записано в 1930-е годы в дер. Таймасово Кумертауского р-на Г.Кубагушевым от местного скрипача Магади бабая, опубликовано в газ. «Совет Башкортостаны» 26 ноября 1987 г.

782А (Скрипач своим музыкальным мастерством исцеляет тяжело больную девушку). Ср. след. текст и легенду «Дочь Тархана и книга «Юсуф и Зулейха» (БНТ, т. 2: ПЛ, № 369)

43. **Целительная мелодия курая.** Записано в 1977 г. в дер. Яныбаево Белокатайского р-на А. Сулеймановым от Гайфуллы Калимуллина, 1894 г. рожд.— ФФ БГУ, 1977, ед. хр. 170, л. 156—167; БНТ: Сказки, кн. 5, № 115.

1650 («Счастье от курая, полученного в наследство») + *782А* (Ср. предыдущий текст). Эпизоды подслушивания героем почного разговора чертей и излечения им царевны имеют соответствия в сказках типа АТ 613 («Правда и Кривда»).

44. **Солдат и царь.** Записано в 1956 г. в дер. Исмагилово Учалинского р-на Х. Гильмановой от Агляма Габдрахимова.— ФФ БГУ, 1956, ед. хр. 62, л. 106—108; Сказки, кн. 4, № 32.

927С («Царь дарит золотую посудину солдату») + АТ 927А* (Старое седло). Сюжетная параллель к первой части — предание о посольстве башкир к Ивану Грозному (Ск. Башк., 1969, № 72— БНТ, т. 2: Пред., № 215. Сюжет типа 927А*, учтенный у АТ лишь в литовских сказках, встречается и в «сказках восточнославянских народов (СУС, с. 236), латышей (Арайс — Медне, с. 333), чуваш (Сидорова, Указатель, с. 171—172)

45. **Ирендик.** БНТ 1959, с. 165—176; Сказки, кн. 4, № 102 АТ 936* («Золотая гора»).

Томпсоном учтены только финские и русские варианты. Дополнительно к АТ: СУС, с. 239—240; Марзольф, с. 172—173; Новак, 53; Арайс-Медне, с. 334; ТНТ: Сказки, кн. 2, № 16, 17; Ахундов, с. 126—167; Левиц, Армян., № 22; Райхль, № 16; Кур. ск., № 59.

46. **Счастье, найденное в пути.** Записано в 1978 г. в дер. Кадырша Зилаирского р-на М. Тагировой от Алтынбики Кунакбаевой, 1925 г. рожд.— ФФ БГУ, 1978, ед. хр. 171, л. 62—65; БНТ: Сказки, кн. 5, № 55.

*952** («Три брата женятся на царевнах-сестрах»). Ср.: БНТ, т. 3: ВС, № 44— «Три батыра» и одноименную татар. ск.— ТНТ: Сказки, кн. 1, № 80. Эпизод похищения у сиящих царевен драгоценностей напоминает сказку «Габдрахман» типа АТ 575 (БНТ, т. 4: ВС, № 58).

47. **Секрет девушки.** Записано в 1964 г. в дер. Мусат Салаватского р-на З. Буляковой от Фатихи Валиуллиной, 1876 г. рожд. — ФФ БГУ, 1964, ед. хр. 79, л. 29—30; БНТ: Сказки, кн. 4, № 46.

АТ 850 («Приметы царевны»).

В указателе АТ учтены варианты на европейских и турецком языках. Дополнительно см.: ФНК, № 65; Арайс-Медне, с. 328; Глонти, с. 243—248. Старейшая лит. обработка сюжета в сб. Д. Базиле «Пентамерон» (Ш. № 5). Из поздних обработок международную известность получила сказка Г. Х. Андерсена «Свинопас». Публикуемый башк. вар. отличается особенными мотивами.

48. **Двенадцать загадок красавицы.** Записано в 1938 г. в г. Стерлитамаке от Нугумана Туйгунова, 1857 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 32, д. 9, л. 61—63; БНТ: Сказки, кн. 4, № 48.

АТ 851А («Турандот»: женихи, не сумевшие отгадать загадки царевны, будут обезглавлены, а отгадавший станет ее супругом) + отчасти 983 («Кого больше — настоящих мужчин или женщин?») — ср. текст 82 и см. коммент. к нему: Ср. след. текст.

Варианты типа 851А: НА, ф. 3, оп. 21, д. 8, л. 321; оп. 60, д. 7, л. 189; оп. 60, д. 3, л. 103; оп. 21, д. 3, л. 321.

В указателе АТ учтены арабские (по Шовеню, V, 191, № 113), литовские и греческие тексты. Дополнительно см.: Казах. ск., 1959, с. 210—213; Калмыц. ск. 1982, с. 122—123; Истребитель колючек, с. 338—340. Литературная традиция их связана с поэмой Г. Низами «Семь красавиц», сказкой персидского сб. «Тысяча и один день», изданного в 1675 г. в переводе на французский язык. На основе сказки назв. сб. К. Гоцци создал знаменитую комедию «Принцесса Турандот» (1762).

¹ *Гадэм (Адам)* — согласно Библии, первый человек.

² *Ной* — мифич. библ. праведник, спасшийся вместе со своей семьей в ковчеге во время всемирного потопа. Вместе с ним спаслись по паре все животные.

49. **Балкантаз.** Записано в 1971 г. в дер. Салихово Кугарчинского р-на Сарией Миржановой от Нагимы Байгузиной, 1915 г. рожд.— ФФ БНТ: Сказки, кн. 4, № 47.

АТ 851А (Руку царевны получит тот, кто отгадает ее загадки). Сюжет осложнен необычными мотивами.

50. **Как царевна выбрала себе мужа.** Записано в 1954 г. в дер. Ишалино Мечетлинского р-на Р. Ахтаровым.— ФФ БГУ, ед. хр. 144, л. 125—127; БНТ: Сказки, кн. 4, № 44.

СУС 940*** («Невеста выбирает самого смелого из женихов»). Ср. украинские сказки, в которых сюжет разработан в анекдотическом плане. (Гнатюк В. Галицько-руські анекдоти.— Етнографічний збірник. Львов, 1917, № 354, 355). Отчасти напоминает башк. сказку русская комическая сказка типа СУС 1730Д* («Женщина испытывает смелость своих влюбленных»).

51. **Бедный зять.** Записано в 1975 г. в дер. Зирикла Мелеузовского р-на А. Багаутдиновой и Р. Вахитовой от Газимы Садыковой, 1895 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 144, л. 172—173; БНТ: Сказки, кн. 4, № 45.

875 («Отец невесты, чтобы посмеяться над неугодным женихом, ставит перед ним трудные задачи»). Первое испытание соответствует одному из традиционных испытаний сообразительности девушки в сказках типа АТ 875 (см. № 11). Сказка «Бедный зять» отчасти напоминает СУС—308*** («Король обещает руку дочери тому, кто переночует с медведем») и тип 976 («Кто великодушной»).

52. **Сказка про солдата.** Записано в 1958 г. в дер. Новохалилово Дуванского р-на Фахриевой от Хариса Гарипова, 1875 г. рожд.— ФФ БГУ, 1958 г. ед. хр. 62, л. 108—110; Сказки, кн. 4, № 49.

АТ 854 («С деньгами все возможно»).

Варианты: Золотой баран — ФФ БГУ, ед. хр. 156, л. 760—761; Играйте, часы — НА, ф. 3, оп. 12, д. 254; Солдат Иван — НА, ф. 3, оп. 32, д. 7, л. 12—14.

В указателе АТ учтены во многих странах Европы, на Ближнем Востоке, в Индии, в Америке. Отметим дополнительно: СУС 854; ТНТ: Сказки, кн. 3, № 47; Глonti, с. 181—184. Героем в вариантах зарубежных народов является обычно не солдат, а принц, пастух, простолюдин;

герой пишет на стене: «С деньгами можно все добыть — даже царевну». Диковинное изделие, забравшись в которое, герой проникает к недоступной красавице, бывает разным: золотой птицей (итальянские и испанские вар.), золотым оленем (немецкие и французские вар.), золотым или медным слоном (индийские вар.), золотым козлом, бараном, большим музыкальным инструментом, напольными часами (восточнославянские и других народов СССР). Чаще всего сказка заканчивается женитьбой героя на царевне, родившей от него ребенка. Сюжет проник с Востока на Запад и получил в XV—XVII обработку в новеллах итальянских писателей — Франческо Белло («Мембрано», 1494, № 1) и Франческо Сансаниво («Сто новелл», 1556, VIII, № 8). Определенное отражение данный сказочный сюжет получил в Тбилисском рукописном варианте азербайджанского эпоса «Кероглы»: герой под видом ашуга ловко проникает во дворец к царевне (см.: Кор-оглы Х. Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М.: Наука, 1983, с. 228).

53. **Как Плешивый солдатом, а потом царем стал.** Записано в 1972 г. в пос. Тубинске Баймакского р-на Б. Ахметшиным от Сафара Ишбердина, 1905 г. рожд. в двух вариантах. Вариант на башк. яз.— БНТ: Сказки, кн. 4, № 50; вар. на русск. яз.— Ск. Башк., 1975, № 27.

СУС — 855* («Солдат берет у царя сто рублей с условием, что сумеет добиться руки знаменитой заграничной красавицы-царевны; жениться на ней»). Ср.: Бессонов, № 69. Сказки этого типа сформировались, вероятно, в русской солдатской среде под влиянием сюжетно близких им и имеющих значительное международное распространение сказок типа АТ 854 («С деньгами все возможно»). В варианте С. Ишбердина есть мотивы, подробности, отсутствующие в других вариантах типа 855*. Сказка насыщена деталями современного быта.

54. **Богатство и ум.**— БНС, 1939; с. 120—128; БНТ: Сказки, кн. 5, № 11.

*855** («Плешивый со спутником проникает к ханской дочери, обратив на себя ее внимание шутовскими выходками») + 1535 («Дорогая кожа».— Заключительный эпизод). Первая часть напоминает сказки типа АТ 559 («Несмеяна-царевна»). Ср.: БНТ, т. 4: ВС, № 56 — «Жемчужный козел».

Иноязычные варианты: Долидзе, с. 218—220; Ск. татов, № 84 — «Счастье и разум». О сюжетах типа 1535 см. в коммент. к тексту 154, представляющем полный вариант.

55. **Плешивый, слепой и байская дочь.** Записано в 1971 г. в дер. Гадельгареево (Шульган) Бурзянского р-на Н. Шункаровым от Янбики Маликовой, 1913 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 65, д. 7, л. 134—136; БНТ: Сказки, кн. 5, № 13.

*855**. Ср. предыдущий текст и см. коммент. к нему.

¹ Здесь обыгрывается идиома «башлы-кузле». Так говорят о вступивших в супружество (букв.— «обрели голову и глаза»).

56. **Кашикарп и Магимугур.** Записано в 1959 г. в дер. Габбасово Зианчуринского р-на А. Зайнуллиным от Махмута Уразаева, 1936 г. рожд.— ФФ БГУ, 1959, ед. хр. 144, л. 176—179; БНТ: Сказки, кн. 4, № 51.

АТ 974 («Муж на свадьбе своей жены»). Этот сюжет чаще всего бытует в соединении с другими сюжетами обычно в финальной части богатырских и новеллистических сказок. Напр.: БНТ, т. 3: БС, № 3, 4, 13, 54 и с. 425 — вар. «Ертаныс» в коммент. к № 38; БНТ, т. 4: ВС, № 66 и коммент. к нему. Ср. также текст № 60 в наст. томе. Происхождение

сюжета восходит к мифологическим представлениям о возвращении человека из царства мертвых, а лит. история связана с «Одиссеей» (финал), тюркскими эпическими сказаниями об Алпамыше, Шасанеме и Гарибе, Ашик Гарибе, Равшане, рус. былиной «Добрыня и Алеша Попович», сербской юнацкой песней «Янович Стоян». В публикуемой сказке своеобразное развитие получили мотивы соперничества байского сына с бедным женихом, возвращения бедняка домой на чудесном коне, исцеления слепой матери и ослепления богатого жениха.

57. **Первая красавица.** Записано в 1963 г. в селе Абзаково Белорецкого р-на А. М. Сулеймановым и Н. Хамитовым от Таибы Гумеровой, 1898 г. рожд.—ФФ БГУ, ед. хр. 20, л. 92—99; БНТ: Сказки, кн. 4, № 52.

АТ 510В («Свиной чехол»). Сказки данного типа, бытующие в разных частях света, но преимущественно в Европе, относятся обычно к волшебным (см., напр., БНТ; т. 3: БС, № 54, и т. 4: ВС, № 66). Публикуемый вариант отличается разработкой сюжета в новеллистическом плане. История сюжета восходит к французскому роману Филиппа де Беомантура о Манекане (2-я половина XIII в.).

58. **Айгуль.** Записано в 1980 г. в дер. Баишево Зианчуринского р-на С. Вагаповым от Зулехи Ялиловны Гумеровой, 1932 г. рожд.—ФФ БГУ, ед. хр. 201, л. 4—10.

АТ 706С («Терпеливая Елена»). Сюжет обычно бытует в форме волшебной сказки. Ср.: БНТ, т. 3: БС, № 54; БНТ, т. 4, ВС, № 66; БНТ: Сказки, кн. 2, № 42, отчасти № 47. См. коммент. к указанным текстам. В ск. «Айгуль» сюжет получил своеобразное новеллистическое переосмысление.

Инонациональные варианты дополнительно к АТ: СУС, с. 177; Узб. НС, II, с. 208—216. История сюжета восходит к средневековой западноевропейской поэме «Майя и Беофлора» и ее переделке — народной лубочной книге «Терпеливая Елена», известной в переводах на разные языки.

59. **О царе, полюбившем во сне царевну-мужененавистницу.** — Бессонов, № 68; в обратном переводе — БНТ: Сказки, кн. 4, № 56.

Ср. АТ 725* («Любовь к приснившейся красавице») + *871** («Девушка-мужененавистница выходит замуж»).

Ближний казахский вар. «Везир». Вместе с тем публикуемая сказка напоминает «Повесть об Ардешире и Хаят-ан Нуфус» и «Рассказ об Ибрахиме и Джамиле» из арабской «Тысячи и одной ночи» (ночи 720—738 и 953—959). Значительно совпадение сюжетов башк. и казах. ск. также с «Рассказом о китайском царе, о том, как везир нарисовал портрет и как царица согласилась выйти за царя» индийского писателя Зийя Нахшаби XIV в., писавшего на персидском языке (Книги попугая — Тути-наме — по-русскому изданию 1979 г., с. 253—258) и с «Повестью о богдыхане Чина, о его сватовстве к царевне Рума...» другого индо-персидского писателя XIV в. (Имад ибн Мухамед ад-Наари. Жемчужины бесед — Джавахир ал-асмар — по рус. изд. 1985 г. с. 300—305). Более поздней (XVII в.) лит. обработкой сюжета является дастан индо-персидского писателя Изятулаха Канбу в его «Книге о верных и неверных женах» (по рус. изданию 1966 г. с. 23 и след.).

60. **Художник и царевна.** Записано в 1949 г. в с. Аскарново, центре Абзелиловского р-на.—НА, ф. 3, оп. 32, д. 28, л. 48—51; БНТ: Сказки, кн. 4, № 54.

Ср. АТ 887А* («Дорогокупленная жена») + 860В («Увезенная на корабле чужая жена») + 974 (См. коммент. к № 56). Ср. отчасти БНТ:

Сказки, кн. 4, № 55— «Приключения Карима». В основном имеет сходство со «Сказкой о Мариам-кушачнице» из «Тысячи и одной ночи» (ночи 863—893)

61. **Вызволение Фатимы.** Записано в 1930-х гг. в дер. Хамитово Абзелиловского р-на К. Рахматуллиним.— НА, ф. 3, оп. 10, д. 37, л. 59—71; БНТ: Сказки, кн. 4, № 58.

855В («Освобождение девушек из гарема»). Эпизод извлечения героем из могилы мнимоумершей гаремной невольницы напоминает сказки типа АТ 855А.

62. **Адгам и Зульхия.** Записано в 1971 г. в дер. Тамьян-Таймасово Миякинского р-на. Р. Гайсиной от Ильгаметдина Базарова, 1879 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 144, л. 219—222; БНТ: Сказки, кн. 4, № 59.

В основном АТ 885А («Мнимоумершая девушка»).

Варианты: НА, ф. 3, оп. 65, д. 6, л. 132—133; оп. 65, д. 3, л. 86—97.

У АТ учтены эстонские, литовские, итальянские, чешские, русские и франко-американские сказки. Дополнительно иноязычные более близкие варианты: ТНТ: Сказки, кн. 3, № 56— «Царская дочь Зульхабира»; Марзольф, с. 160. Они некоторыми мотивами соответствуют «Рассказу о Ганиме ибн Айюбе» из «Тысячи и одной ночи» (ночи 40—45). В этой арабской книжной версии повествуется о любви молодого купца Ганима и найденной им в гробнице оживленной красавицы Кут-аль-Кулуб, невольницы халифа, о гонениях на разлученного с нею Ганима и о том, как восхищенный благородством Ганима халиф отдал ему Кут-аль-Кулуб в жены.

63. **Девичья уловка.** Записано в 1982 г. в дер. Ишбирдино Баймакского р-на Р. Аткиной от Миннур Хакимовны Аткиной, 1938 г. рожд.— ФФ БГУ, оп. 82, ед. хр. 170, л. 80—82; БНТ: Сказки, кн. 5, № 43.

*871*** («Девушка, отказавшая многим женихам, косвенно дает понять, за кого хочет выйти замуж»).

¹ *Красивый, как пиявка* — своеобразное башкирское поэтическое сравнение.

64. **Цена бревна.** Записано в 1980 г. в с. Кулуево Аргаяшского р-на Челябинской обл. А. М. Сулеймановым от Абдуллы Хажиевича Хайбуллина, 1900 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 170, л. 19—26; БНТ: Сказки, кн. 5, № 27.

СУС—859F* («Солдат убеждает муллу, что вернулся с крупными деньгами и женится на его дочери»). Ср. текст 79— вступительную часть.

Русские варианты: фольклор Саратовской обл./Сост. Т. М. Акимова. Саратов, 1941, № 403; Русские заветные сказки, Женева, 1870-е годы, № 65 — частично. В башк. ск. сюжет получил обстоятельную яркую разработку.

¹ ... *не разбили юзлек* — игра слов; «юзлек» имеет значение «сто-рублевка».

65. **Байская дочь и батрак.** Записано в начале XX в. Д. К. Зелениным в дер. Алабуга Карабельской волости Екатеринбургского уезда. Пермской губ. от 35-летнего башкира Мардана Мухаметова.— Зеленин, № 101; БНС, 1959, с. 119—121; БНТ: Сказки, кн. 2, № 20.

АТ 465С («Красавица-жена. Поручение на тот свет»).

Ср. БНТ, т. 4: ВС, № 28—31.

В башкирском сказочном материале, как и в казахском, наряду с волшебными сказками типа «Красавица жена» встречаются новеллистические. К ним и относится «Байская дочь и батрак». Сходные

казахские варианты указаны в монографии С. А. Каскабасова «Казахская волшебная сказка» (с. 15).

66. Хан находит неведомого ему сына. Записано в 1965 г в дер. Шарипкулово Кунашакского р-на Челябинской обл. С. Галиным от Вали Ганеева, 1915 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 21, д. 8, л. 75—76; БНТ: Сказки, кн. 4, № 60.

АТ 873 («Хан узнает в осужденном своего сына и оправдывает его») + отчасти 885А. См. коммент. к тексту 62.

Вариант: НА, ф. 3, оп. 47, д. 20, л. 10.

В указателе АТ учтены датские, ирландские, русские, греческие, испано-американские и французский, индийский варианты. Дополнительно СУС, с. 220; Проданный сон, № 45; Левин, Армян., № 18.

67. Сын Сафи и Гафи. Записано в 1968 г. в дер. Арта-Шигирово Красноуфимского р-на Свердловской обл. Ануром Вахитовым от Хи-диатуллы Абдулхаева, 1902 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 32, д. 1, л. 20—26; БНТ: Сказки, кн. 4, № 61.

АТ 882А («Спор о верности жены») + отчасти 881* («Изгнанная жена в роли врача»).

Варианты типа 882А: след. тексты № 68 и 69; НА, ф. 3, оп. 32, д. 17, л. 209—217; оп. 47, д. 4, л. 107—118; ФФ БГУ, ед. хр. 72, л. 116—117; ед. хр. 145, л. 36—40, 148—155, 164—165; ед. хр. 94, л. 172—173; вариант типа 881*— БНТ: Сказки, кн. 4, № 67 неполный.

У АТ учтены многочисленные варианты типа 882А, записанные на европейских языках, а из восточных — арабские, турецкие, индийские; варианты типа 881* учтены испанские и японские. Дополнительно отметим: СУС, с. 228; Арайс — Медне, с. 329; Кшижановский, 1, с. 269—270; Марий. ск., Четкарев, № 12; СНП, № 48, 56; Авар. ск., № 32; Глonti, с. 94—97; Ск. нар. Филиппин, № 160. Истоки сюжета связаны с «Рассказом о трех яблоках» из «Тысячи и одной ночи» (ночи 19—20). Первые лит. обработки сказок типа 882А в повествовательной, а затем и в драматической форме — французские XIII—XIV вв. В середине XIV в. создан «Декамерон» Дж. Боккаччо, в который вошла новелла (9-я второго дня) данного типа, а через два столетия появилось другое произведение мировой литературы, в котором отразился «Спор о верности жены» — драма «Цембелин» В. Шекспира. Распространению и развитию сюжета в устной традиции способствовали и его переложения в народных книгах на разных языках. Данный башк. вар. отличается обстоятельностью изложения особенно в той части, где оклеветанная жена выступает в роли прокурора, ведет допрос клеветника, его пособницы и своего мужа. Своеобразно разработана вступительная часть, в которой повествуется об отцах героя и клеветника, о женитьбе героя на дочери пастуха.

¹ В полное свое удовольствие, как почки в масле купались — башкирское традиционное образное сравнение.

68. Коробейник. Записано в конце 1930-х гг. в Уфе М. Насыровым от Каримы Насыровой, 1902 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 32, д. 26, л. 171—175; БНТ: Сказки, кн. 4, № 62.

АТ 882А (см. коммент. к предыдущему тексту) + частично 911* («Заветы отца». См. ниже коммент. к тексту 117). В данном варианте своеобразно разработана история женитьбы героя и службы его батраком у неузнанной оклеветанной жены.

69. Купец Гани и везир. Записано в 1959 г. в дер. Бурангулово Давлекановского р-на Ф. Бураншиной от Зугры Муллагуловой, 1888 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 144, л. 457—459; БНТ: Сказки, кн. 4, № 63.

Особая разновидность типа АТ 882 (см. коммент. к тексту 67) Напоминает турецкую сказку о том, как отвергнутый жених царевны оклеветал ее, когда она вышла за другого, и был разоблачен (ЭБ 378). В публикуемой ск. клеветник — не купец, как обычно в сказках о верной жене, а везир, и клеветает не на жену, а на сестру своего соперника — купца, ставшего зятем царя. Эпизод спасения оклеветанной девушкой брата от виселицы и остроумного разоблачения везира совпадают с эпизодами отмеченной в комментариях к предыдущему тексту филиппинской сказки «Верная Клотильда». Вероятно, это объясняется связью сказок отдаленных друг от друга народов с общими для них сюжетными версиями, которые распространены на Востоке.

70. Дочь нищенки. Записано в 1930-х гг. в г. Уфе М. Мухаметьяновой от Усмангали Миннегалеева, 1879 г — НА, ф. 3, оп. 32, д. 17, л. 195—198; БНТ: Сказки, кн. 4, № 64.

Отчасти соответствует типу АТ 880 («Жена выручает мужа») + частично АТ 882А (ср. текст № 67 и см. коммент. к нему). Необычны для новеллистических сказок вступление, напоминающее сюжет о царевне-лягушке (АТ 402) и мотивы соперничества старших царевичей с младшим братом и их жестокого обращения с оклеветанной невесткой. Подобное вступление имеется и в таджикской новел. ск. о невинно гонимой (Оранский И. М. Фольклор гиссарских парья. М., 1977, с. 169) Сказки типа 880 учтены в немногочисленных немецких, финских, ирландских, сербохорватских, греческих и русских вариантах. Дополнительно отметим: Арайс-Медне, с. 329; Авар. ск., № 32 в контам. с АТ 882А) История сюжета связана с немецкой балладой XV в. о графе Римском и с немецкой народной книгой «Александр из Метца». Мотив «Царевна или царица влюбляется в переодетую женщину» напоминает «Повесть о Камар-Замане и царевне Будур» из «Тысячи и одной ночи» (ночи 171—217).

¹ *Одна щека сияла, как луна, другая — как солнце* — традиционная сказочная формула изображения красоты женщины.

71. Царевич и царевна, получившая царство. Записано в 1940 г. в колхозе «Кызыл арыш» Благоварского р-на Р. Гилязовой от Сафуана Гилязова. — НА, ф. 3, оп. 32, д. 29, л. 270—284; БНТ: Сказки, кн. 4, № 65.

АТ 881 («Оклеветанная жена»).

Варианты: Бессонов, № 70; БНТ: Сказки, кн. 4, №№ 66, 67, 92. Ср. ниже текст 72.

В указателе АТ учтены варианты на десяти европейских языках и турецкие (по ЭБ, № 195). Дополнительно отметим: Марзольф, с. 139; Вентцхел, с. 204—207; Новак, № 313; СУС, с. 322; Арайс-Медне, с. 329; СНП, № 46; Узб. НС, II, с. 20—25; Казах. ск., 1952, с. 242; Райхль, № 31; Азербайджанские тюркские сказки. М., 1935, № 46, 47; Долидзе, с. 236—239; СНД, № 40; Осетин. ск., № 69. Своеобразной лит. обработкой сюжета 881 в сочетании с многими мотивами, к нему не относящимися, является обширная «Повесть о Камар аз Замане и царице Будур» из «Тысячи и одной ночи» (ночи 171—217, продолжение — ночь 248). Публикуемая башк. ск. представляет полно и ярко разработанный традиционный сюжет. Необычна для данного сюжета вступ. часть о путешествии героя с братьями по торговым делам. Своеобразно разработан эпизод расправы с оклеветанной женой. Эпизод избрания царя, необычный для сказок типа 881, имеет параллель в некоторых восточных сказках об оклеветанной жене (см.: Сказки, басни и легенды белуджей, М.: 1974, с. 83—88).

72. **Мулла и купеческая дочь Кюнхылу.** Записано в 1975 г. в дер. Калмакларово Салаватского р-на. А. Вахитовой от Кавия Вахитова, 1911 г. рожд.—ФФ БГУ, ед. хр. 144, л. 359—361; БНТ: Сказки, кн. 4, № 90.

АТ 883А («Оклеветанная девушка»). Неполный вариант. Ср.: БНТ: Сказки, кн. 4, № 91 и 92, в котором сюжет 883А контаминирован с АТ 881 («Оклеветанная жена») и разработан сходно с № 71. Неопубл. тексты: НА, ф. 3, оп. 12, д. 204, л. 104; оп. 32, д. 28.

В указателе АТ учтены варианты на европейских языках и турецкие, арабские, берберские, индийские. Дополнительно отметим: Арайс-Медне, с. 239; Маразольф, с. 159—160; Сингаль. ск., № 100; Курдск. ск., № 32; Тадж. ск., с. 421—431; СНП, № 42; Проданный сон, № 55; Узб. НС, 1951, с. 186—191, Циртаутас, № 25; Уйгур. ск., 1976, с. 49—53; ТНТ: Сказки, кн. 3, № 55; Ахундов с. 178—187; Абхаз. ск. № 22; Адыг. ск. № 32; Глonti, с. 152—157, с. 160—170. История сюжета об оклеветанной девушке связана с памятниками восточной литературы «Тути-наме» Нах-шаби и с «Пентамероном» Базиле (II, № 4). Сказочный сюжет 883А на Западе повлиял на творческое развитие средневековой легенды о Геневете, оклеветанной многострадальной дочери графа Брантского, и испытал обратное влияние на легенды, ее обработки в народных книгах и разноязычных сочинениях писателей XVI—XIX вв. Публикуемая сказка и ее башкирские варианты отличаются бытовым мусульманским колоритом, примыкают в основном к восточной традиции данного сюжета, имеют немало характерных подробностей и особенностей изображения персонажей, общих с указанными выше восточными сказочными текстами.

73. **Странные имена.** Записано в 1971 г. в дер. Богданово Миякинского р-на Ф. Гильмановой от Г. Фаткуллиной, 1902 г. рожд.—ФФ БГУ, ед. хр. 64, л. 294; БНТ: Сказки, кн. 4, № 87.

АТ 883С. Сюжет учтен в указателе АТ только в турецком и греческом сказочном материале. См., ЭБ 190.

74. **Муж, которому повезло с женой.** Записано в 1966 г. в с. Курмарлы Архангельского р-на Н. Шункаровым от Хабибъямал Юламановой, 1901 г. рожд.—НА, ф. 3, оп. 61, д. 2, л. 79—81; БНТ: Сказки, кн. 4, № 68.

Своеобразный сплав мотивов новеллистических и фантастических сюжетов: АТ 910В («Добрые советы». См. коммент. к тексту 114) + 1415 (Мена) + 882А («Спор о верности жены». См. коммент. к тексту 67). Освобождение царевны от аждахи напоминает традиционный эпизод богатырских сказок сюжета «Два брата» (АТ 303).

Близкий вариант записан в Архангельском р-не Башкирии в 1960 г.: ФФ БГУ, ед. хр. 145, л. 176—178.

Сюжет «Мена» учтен у АТ преимущественно в вариантах на европейских языках. И также в турецком, индийском, индонезийском, нигерийском сказочном материале. История сюжета связана с китайским повествовательным сб. V в. «Типитака». На сюжетной основе народной сказки типа 1415 написана известная сказка Андерсена «Что делает отец, все правильно».

75. **Оклеветанная царица.** Записано в 1930-е годы, паспортичка отсутствует.—НА, ф. 3, оп. 10, д. 37, л. 73а—74д; БНТ: Сказки, кн. 4, № 89.

АТ 938 («Львица»).

Варианты: БНТ: Сказки, кн. 2, № 48; НА, ф. 3, оп. 32, д. 29, л. 258—268; ФФ БГУ, ед. хр. 83, лл. 38—41. В указателе АТ учтены варианты

на восьми европейских языках и о значительно от них отличающихся индийских и довольно многочисленных турецких (по указателю ЭБ их 27—№№ 136, 291). К последним близки не учтенные у АТ сказки персов (Марзольф, с. 175), народов Памира (СНП, № 26), арабов (по указателю Новака тип 332), абхазов (Абхаз. ск., № 32). К европейской версии сюжета примыкают башкирские, татарские (ТНТ; Сказки, кн. 3, № 54 и в примечании на с. 320—321), украинские и единственный белорусский (СУС, с. 240). В отличие от башкирских и татарских в некоторых русских и украинских сказках данного типа жену увозит враг; лев похищает одного из ее младенцев, а другого воспитывают чужие люди. История сюжета связана со средневековыми литературными повествованиями на древнееврейском и латинском языках, «Житием Евстафия Плакиды», послужившей основой для «Сказания о кесаре Оттоне» в латинском сб. «Gesta Romanorum» переведенному на ряд европейских языков, в том числе на польский в XVI в., а в XVII в. с него на русский. «Житие Евстафия Плакиды» отчасти отразилось в «Декамероне» Боккаччо (новелла 8-я второго дня) и в европейских народных книгах.

76. **Солдат Петр.** Записано в 1939 г. в с. Старокалмашево Чекмагушевского р-на Х. Канзафаровым от Лутфуллы Галимова, 1885 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 12, д. 254, л. 96—103; БНТ: Сказки, кн. 4, 69 АТ 935 («Счастье на чужбине») +880* («Солдат и генерал»).
Вариант: НА, ф. 3, оп. 32, д. 7, лл. 12—14.

Сюжет типа 935 получил здесь неполную разработку, как и в единственной подобной русской сказке (Зеленин, № 17). Оба контанимированных сюжета учтены у АТ только в вариантах на европейских языках. В публикуемой сказке отсутствуют некоторые характерные для сказок других народов эпизоды сюжета «Солдат и генерал».

77. **Салимьян.** Записано в конце 1930-х годов, паспорттики нет.— НА, ф. 3, оп. 32, д. 12, л. 15—25; БНТ: Сказки, кн. 4, № 70.

АТ 888А («Жена купца, переодетая в мужское платье, выигрывает пари у разорившей ее мужа женщины») +217 («Ученый кот роняет светильник»). Подобная контаминация в архивном тексте: ФФ БГУ, оп. 59, ед. хр. 103, л. 43—44.

Первый сюжетный тип учтен указателем АТ только в 17-ти индийских вариантах, а второй — в 20-ти индийских (в большинстве своем контаминированных с типом 888А) и в ряде европейских вариантов. Та же сюжетная контаминация встречается: Сингаль. ск., № 100; Узб. НС, 1980, с. 315—318, Каракалпак. ф-р, с. 229—237, КНС, с. 306—307. Отдельный башк. вар. типа АТ 218— БНТ: Сказки, кн. 5, № 33. Подобную разработку получил сюжет о шуте Балакиреве и коте, наученном держать в лапах светильник, и в русской лубочной сказке, которая издавалась многократно.

¹ *Так, съездив к жене всего лишь один раз...*— Имеется в виду обычай, согласно которому молодая жена до полной выплаты выкупа-калыма оставалась у своих родителей, а муж навещал ее — «кейәүләп йөрөү».

78. **Как мулла женил на своей жене егета.** Записано в 1937 г. в Уфе писателем Гайнаном Амири от народного сказителя-сэсэнна Фарраха Давлетшина (1887—1956).— НА, ф. 3, оп. 48, д. 1—37, л. 377—384; БНТ: Сказки, кн. 4, № 73.

АТ 1359В («Любовника встречает, вместо жены, муж») +860В* («Украденная жена») +1419Е («Подземный ход»).

Первому сюжетному типу соответствует архивный башк. текст: НА, ф. 3, оп. 32, л. 252—265 — «Старик и девушка»: девушка выходит

замуж за старика; любящий ее парень прибегает к разнообразным хитростям, чтобы встретиться с нею наедине.

История типа 1359В восходит к началу XVI в. (см. Г. Бебель. Факции, кн. 3, М., 1970, № 161 — «О купце и прелюбодеянии его жены») Известна также народная итальянская новелла о любовнике, печально обнявшем ночью мужа возлюбленной. Второй сюжет учтен в указателе АТ под номером 860В* только в русском сказочном материале, но встречается и в украинском, белорусском (см.: СУС, с. 219). Под номером 1419Е тот же сюжет учтен в указателе во многих европейских и в некоторых восточных (турецких, индийских) сказках. Дополнительно отметим: Марзольф, с. 212; Глонти, с. 147—150 — «Поп и красивая попадья», с. 364—366 — «Царевич и златокузнец». Особенную международную известность получил этот сюжетный тип по лит. обработкам разных эпох: комедия Т. М. Шлафта «Хвастливый воин» (III в. до н. э.), сказка из «Книги тысячи и одной ночи» о Камар-аз Замане и жене ювелира (ночи 963—967), новелла «Inclusa» («Заточение») из французской и других западных редакций «Истории о семи мудрецах», поэма М. Боярдо «Влюбленный Роланд» (1472) — та ее часть, где повествуется об измене Леодиллы старому мужу и ее похищении Роландом.

79. Как муллы превратились в шайтанов. Записано в 1937 г. писателем Гайнаном Амири от народного сэсэн Башкирии Фарраха Давлетшина (1887—1956). — НА, ф. 3, оп. 48, д. 1—37, л. 372—375. БНТ: Сказки, кн. 4, № 71.

В основном АТ 1730 («Священнослужители на любовном свидании»). Развертыванию этого сюжета предшествует пролог, в котором сочетаются мотивы сюжетных типов АТ 1539 (Шут-бедняк одалживает бадью, чтобы измерить, сколько у него золотых монет. См. текст № 161 и коммент. к нему) и СУС—895F* (Бедный парень обманом женится на дочери богача. Ср. текст № 64 и см. коммент. к нему).

Основной сюжет 1730 осложнен нетрадиционными эпизодами поочередного прихода в гости жен священнослужителей. Своеобразно разработаны эпизоды изгнания «шайтанов» и эпизоды объяснения Тухвая с женами священнослужителей. В НА имеются неопубликованные башк. вар.: ф. 3, оп. 32, д. 19, л. 81—91; оп. 47, д. 27, л. 371—374; оп. 12, д. 243, л. 181—185; лп. 65, д. 3, л. 347—349. В указателе АТ учтены варианты преимущественно на европейских языках, а также африканские, турецкие, индийские. Отметим дополнительно: Ск. Исфогана, с. 167—181; Ск. татов, № 31; Проданный сон, № 57; Мальсагов, № 109; САН, № 47; Осетин. ск., № 90; Каракалп. ск., с. 58—61; ТНТ: Сказки, кн. 3, № 50; Сидорова, указатель, с. 171—172; СУС, с. 354; Кшижановский, II, с. 134; Арайс-Медне, с. 369.

История сюжета прослеживается по памятникам индийской санскритской письменности с III века: «Ятака», «Катхасаритсагара», «Шукасаптати». В индийской версии, целостно представленной в последнем сб., героиня — неверная жена — спасает любовников, которых пригласила к себе. Значительное обратное влияние на устные сказки оказали персидский «Рассказ о сундуке», арабский «Рассказ шестого везира» («Тысяча и одна ночь», ночи 593—596). Из европейских лит. обработок, в которых данный сюжет получил острую социальную направленность против духовенства, примечательны средневековое французское фавль «Constan du Hamel», итальянские новеллы эпохи Возрождения — Маттео Банделло («Новеллы», ч. III, № 43) и Джироламо Парабоско («Потехи», новелла 3), а также русская сатирическая новелла XVII в. — «Повесть о Карпе Сутулове».

80. Мулла-Мукомол. Записано в 1975 г. в дер. Утягулово Зианчуринского р-на от учителя Байсаляма Исянова. — ФФ БГУ, ед. хр. 144, л. 438—440; БНТ: Сказки, кн. 4, 72.

СУС 1730* («Влюбленный священнослужитель вертит жернов») + особая, не отмеченная у АТ разновидность сюжетного типа 1740 («Священнослужители на свидании у чужой жены»).

Вариант: НА, ф. 3, оп. 32, д. 19, л. 81—91.

Известны также: Осетин. ск., № 90; Глonti, с. 151—152. Ср. встречающиеся в восточнославянском (СУС, с. 222—223) и саамском (см.: АТ, с. 300 по изд. 1961 г) материале типа АТ 882А* («Верная жена»).

81. Мачеха, пасынок, царь и сорок везиров. Записано в 1962 г. в дер. Сабаклы Кунашакского р-на Челябинской обл. С. Галиным от Хабиба Диянова.— НА, ф. 3, оп. 21, д. 8, л. 117—119; БНТ: Сказки, кн. 4, № 76. («Царица клеветает на пасынка»).

АТ 875Д*.

Вариант: НА, ф. 3, оп. 65, л. 27, лл. 43—44, ср. (отчасти) вставной рассказ о женском коварстве в тексте 15.

У АТ учтены только литовские сказки (2 вар.). Истоки сюжета восходят к мифам и легендам (греческий миф об Ипполите и библейско-кораническая легенда об Иосифе прекрасном). Широкое международное распространение получил древний лит. памятник, вероятно, индийского происхождения «Синдбад-наме» — цикл повествований, обрамленных историей о том, как оклеветанный царевич был спасен, благодаря заступничеству перед ревнивым царем мудрецов, поведавших ему своими рассказами о коварстве женщин. Старейшая из известных версий «Синдбад-наме» — иранская на языке пехлеви V—VI вв. Переводы и переложения на другие восточные, затем и на европейские языки многочисленны. Одним из таких популярных переложений является лубочный турецкий роман «Сорок везиров». Он получил отражение в башкирской сказке.

82. Солдат и царица. Записано в 1977 г. в дер. Красный пахарь Белокатайского р-на А. Сулеймановым от Шакира Гарипова, 1889 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 144, л. 289—290; Сказки, кн. 4, № 75.

Отчасти напоминает сюжет об оклеветанном царицей пасынке (предшествующий текст), СУС—983* («Кого больше — мужчин или женщин?»).

Варианты: НА, ф. 3, оп. 21, д. 7, л. 111—112. Ср. в сказке «Двенадцать загадок красавицы» (№ 48) эпизод разгадывания загадки о сухих и зеленых деревьях, о мужчинах и женщинах.

Иноязычные варианты: ТНТ: Сказки, кн. 1, № 43; Потанин, с. 159—162; КС III, с. 199; Бурят. ск. 1976, с. 339; Абхаз. ск., № 7.

83. Хитрая жена и солдат. Записано в 1982 г. Г. Хусановым. БНТ: Сказки, кн. 5, № 7.

АТ 1419К* («Жена ловко прячет любовника в разных местах, не давая мужу догадаться, где тот находится»).

Ближкие варианты — русские, фольклорные и лубочные (см.: СУС, с. 298). Менее сходна башкирская сказка с персидской «О молодом исфаганце и жене йездского менялы» («Плутовка из Багдада»).

84. Хитрость женщины. Записано в 1961 г. в дер. Качкиново Больше-Черниговского р-на Куйбышевской обл. С. Сафуановым от Гатауллы Загидуллина, 1892 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 21, д. 6, л. 199—201; БНТ: Сказки, кн. 4, № 80.

АТ 1410 («Исповедь жены ревнивца») + 1418 («Сомнительная клятва»).

Ближкий татар. вар. «Хитрая жена» — Татар. ск., с. 415. Сюжет типа 1410 имеет международную литературную известность по «Декамерону» Боккаччо (1353, 5-я новелла седьмого дня). Столетием раньше «Декамерона» появились повествовательные сборники, в которые вошли варианты сюжета об исповеди жены ревнивца — латинский

«Scala celi» (№ 275) и итальянский «Новеллино» (текст № 5 второго дополнения: по изданию в серии «Литературные памятники» 1984 г. с 145). Неоднократно этот сюжет распространялся в XVI—XVII веках в книгах немецких писателей: «В шутку и всерьез» Иоганна Паули (793) «Книга шванков» Мартина Монтеня (217), «Fastnachtsschpiele» Ганса Сакса (I, № 74; III, № 154). Французское фавльо об исповеди жены ревнивца получило отражение в комедии «Школа жен» Мольера. Сюжет 1418 тоже известен по западноевропейским сборникам, напр., Иоганна Паули (№ 206) и имеет восточные параллели (Рене Бассе. Тысяча и одна сказка и легенда арабов, т. 2, Париж, ц 1887, № 4, на франц. яз.) и в персидской сказке, не учтенной АТ (Марзольф, с. 211—212)

85. Гусь для любовника. Записано в 1930-х годах в райцентре Дюртюли Г. Исхаковым.— НА, ф. 3, оп. 47, д. 21, л. 30—32; БНТ: Сказки, кн. 4, № 77

АТ 1419Д.

В указателе АТ учтены только шведские и индийские варианты, но встречается и в грузинском (Глonti, с. 125—126), персидском (Ск. Исфахана, с. 84—86), арабском (Шовень, VII, с. 39, № 7), мордовском (УПТТМН, т. 3, ч. 1, с. 339—340) сказочном материале. История сюжета связана с восточными анекдотами о Ходже Насреддине, «Декамероном» Боккаччо (новелла 6-я седьмого дня), французским фавльо (Бедье, с. 229—230). Начало сказки напоминает сюжет о любовнике, потребовавшем от жены старика доказательство любви (Декамерон, новелла 9-я седьмого дня).

86. Жена двух воров. Записано в 1940 г. в г. Алексине Тульской обл. Ахметом Исламовым от Мирсая Исхакова, 1905 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 32, д. 19, л. 28—35; БНТ: Сказки, кн. 4, № 78.

*1525Н** («Жена двух воров»). В указателе ЭБ отмечены варианты под номером 340. Параллелью к башк. ск. является персидская «Плутровка из Багдада» в одноименном сб. (с. 27—44). Ср. АТ 1525Н: Варшавский жулик не может украсть у московского часы ночью, московский ворует у варшавского днем.

87. «Любящая» жена. Записано в 1968 г. в дер. Карайганово Ишимбайского р-на Розой Нафиковой от Ишгали Валеевича Сафаргулова, 1911 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 65, д. 3, л. 189; БНТ: Сказки, кн. 4, № 81.

АТ 1350 («Испытание женской верности»).

У АТ, кроме европейских, учтены варианты, записанные в Индии, Африке и Америке. Дополнительно см.: Марзольф, с. 200.

88. Сказка про жнеца. Записано в 1960 г. в дер. Яныбаево Белокаитского р-на С. Карагуловой от Мукаримы Тажетдиновой, 1901 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 144, л. 479—481; БНТ: Сказки, кн. 4, 79.

АТ 1358А («Любовник в виде черта»). Ср. ниже №№ 89, 90.

У АТ учтены литовские, русские и редкие английские, японские варианты. Дополнительно отметим: ТНТ: Сказки, кн. 3, 100; КНС, II, с. 269—274; Чуваш. лег. и ск., с. 179—182; Удмурт. ск. 93; СНД, № 84, Арайс-Медне, с. 349. «Сказка про жнеца» имеет общее в подробностях с рус. вар-ми.

89. Голодный солдат. Записано в 1958 г. в дер. Халилово Дуванского р-на Фахриевой от Халила Фахриева.— ФФ БГУ, 1958, ед. хр. 147, лл. 191—192.— БНТ: Сказки, кн. 4, № 106.

АТ 1358А. Ср. с предыдущим текстом и См. коммент. к нему. Относясь, в основном, к указанному типу, данная сказка отличается отсутствием ряда характерных для него эпизодов.

90. «Говорящая» птица. Записано в 1971 г. в дер. Акбулатово Бурзянского р-на Н. Шункаровым от Нигматуллы Сайфутдинова, 1914 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 65, д. 7, лл. 41—42; БНТ: Сказки, кн. 5, 59.

Разновидность АТ 1358А. Ср. с текстами 88, 89. Эпизод разоблачения неверной жены с помощью «вещей» птицы имеется и в баш. ск., относящейся в основном к типу АТ 449 («Жена-колдунья») БНТ: Сказки, кн. 1, № 92.

Иноязычные вар-ты: КС, II, с. 269—274; Удмурт. ск., № 93; СНД, № 84.

91. Хитрость старого охотника. Записано в 1960 г. в дер. Бурангулово Давлекановского р-на Ф. Бурангуловой от Зугры Муллагуловой, 1898 г. рожд.—ФФ БГУ, ед. хр. 77, л. 52—55; БНТ: Сказки, кн. 4, № 109.

АТ 1380 («Неверная жена и старый муж») +отчасти 1537 («Мертвое тело». См. коммент. к тексту 153). Контаминация сюжетных типов, традиционная для сказок европейских и восточных народов.

Варианты первого сюжета: НА, ф. 3, оп. 10, д. 37, л. 44а—44б; оп. 32, д. 30, л. 29—31; оп. 32, д. 29, л. 149—156; оп. 47, д. 1, л. 42—45; оп. 47, д. 4, л. 87—90; оп. 47, д. 21, л. 295—298; ФФ БГУ, ед. хр. 145, л. 408—409; ед. хр. 147, л. 716—718.

Дополнительно в АТ: Марзольф, с. 205—206 (в пяти из десяти вариантов контаминация с АТ 1537); Афган. ск., № 12; Курд. ск., № 22; СНП, № 58; Амхар. ск., № 79, 80; Сингальск. № 230; Глonti, с. 273—276; Авар. ск., № 29; ТНТ: Сказки, кн. 3, № 98; Удмурт. ск., с. 310—311; Арайс-Медне, с. 351; Кшижановский, II, с. 55; СУС, с. 292—293.

Старейшие письменные версии — индийская («Панчатантра», ок. III—IV в., кн. 3, рассказ 17) и персидская («Синбад наме», IV в.— в рус. пер. XVII в. «История о семи мудрецах»). Европейские обработки: на латинском языке — Симона Пруденция из Орвета; на итальянском яз. Дж. Боккаччо (Декамерон, 3-я новелла десятого дня. XV в.), на немецком яз. шванк Ганса Сакса (XVI в.). Башкирская сказка, как и указанные выше татарская, удмуртская (тоже повествующая о «хитрости старого охотника»), близко соответствует восточнославянским. В одном из архивных вариантов (НА, ф. 3, оп. 10, д. 37, л. 44а—44б), как и в некоторых восточнославянских, любовником является священнослужитель.

92. Избалованная девушка. Записано в 1950 г. в райцентре Дюртюли Гатой Исхаковым.— НА, ф. 3, оп. 47, д. 21, л. 212—215; БНТ: Сказки, кн. 4, № 83.

АТ 900 («Гордая невеста»).

У АТ учтены европейские и редкие варианты, записанные в Турции, Индии, Африке. Дополнительно укажем: ТНТ: Сказки, кн. 3, № 111; Сингальск. № 122. Старейшая лит. немецкая версия относится к 1263 г. и приписывается Конраду фон Вюрцбергу, связана с латинским стихотворением французского автора. Около 1300 г. оно было переведено на исландский язык Ионом Хальдерсоном («Кларуссага»). Сюжет обрабатывался итальянскими новеллистами — Луиджи Аламани («Графиня Тулузская», 1566 г.), и Джамбатистом Базиле («Пентамерон», IV, 10, 1634—1636 гг.). Своеобразное отражение сюжет получил в чешской народной повести о Василии Златовласом, переведенной в XVII веке на русский язык. Датская песня XV в. о гордой невесте явилась источником сказки Г. Х. Андерсена «Свинопас». Особенную популярность имеет подобная сказка братьев Grimm «Король Дроздобород». Ее напоминает башкирская сказка «Избалованная девушка» и восточнославянские (СУС. 226—227), турецкие (ЭБ 190). Вместе с тем башкирская сказка совпадает некоторыми подробностями с сингальской: царь выдает дочь за нищего, над которым она насмеялась. Относительно происхождения сюжета исследователями высказывались различные мнe-

ния. Р. Э. Филлипсон в монографии «Сказки типа «Король Дроздобород» (Хельсинки, 1923, на нем. яз.) доказывает, что данный тип сказки сформировался на средневековой германской культурной почве. Другой исследователь К. Кроон обосновывал предположение, что сказка типа 900, сложившись в своей основе в Италии, проникла оттуда в Испанию и Францию устным путем еще до XIII века.

93. Хадиса, дочь Халика. Записано в 1939 г в колхозе «Кызыл туба» Чекмагушевского р-на Х. Канзафаровым от Лотфурахмана Канзафарова.— НА, ф. 3, оп. 12, д. 254, лл. 1—5; БНТ: Сказки, кн. 4, № 84.

АТ 901 («Укрощение строптивой»)

В архивных вариантах есть своеобразно разработанные эпизоды, которых нет в сказке о Хадисе: 1. Парень берет в жены строптивую женщину, которая была несколько раз замужем, но не ужилась с мужьями; новый муж запрягает ее в телегу вместо лошади (НА, ф. 3, оп. 47, д. 58, л. 149). 2. Муж запрягает жену в телегу, заставляет сажать картошку и т. п. (НА, ф. 3, оп. 32, д. 9, лл. 43—44; оп. 65, д. 3, л. 373—374). 3. Тещу, подстрекающую дочь против зятя, тот запрягает в плуг (НА, ф. 3, оп. 65, д. 3, л. 375—377). 4. Муж запрягает жену вместо лошади и показывает тестю два прутика: молодой гнется, сухой ломается, молодая жена, что молодой прутик (НА, ф. 3, оп. 64, д. 2, л. 86).

В указателе АТ учтены варианты на языках народов Европы и Азии (Индии, Турции), Африки. Многочисленны восточнославянские тексты (СУС, с. 226—227). Дополнительно отметим: ТНТ: Сказки, кн. 3, № 22=Татар. ск. с. 428—429; Мордов. ск., с. 325; Карель. ск., № 47; Глонти, с. 24—25; Мальсагов, № 54; СНД, № 73. История сюжета связана со сказками испанского сб. XIV в. «Принц Луканор» Жана Мануэля, итальянского сб. середины XVI в. «Приятные ночи» Дж. Фр. Страпоролы (ночь XIV, сказка 2) и с комедией В. Шекспира «Укрощение строптивой» (1593) Мотивы этого сюжета имеются в средневековой арабской литературе (см.: Шовень, II, 155, № 24).

94. Лень подвела. Записано в 1975 г. в с. Коварды Гафурийского р-на А. Галиной от Шамсурь Сарышевой, 1897 г. рожд.—ФФ БГУ, ед. хр. 147, л. 627—628; БНТ: Сказки, кн. 5, № 77.

*902** Ср. АТ 902* в русских, эстонских, литовских, словенских, сербохорватских и японских, а также в украинских (по СУСу, с. 227) и латышских (по Арайс-Медне, с. 331) вариантах. В отличие от башкирской сказки в названных иноязычных вариантах жена показывает мужу одну и ту же пряжу; муж берет ее на свадьбу голой, завернув в сноп соломы.

95. Болтливая жена. Записано в 1959 г в дер. Старые Коварды Гафурийского р-на Равилем Бикбаевым от старика Хариса.—ФФ БГУ, 1959, ед. хр. 147, л. 744—745; БНТ: Сказки, кн. 4, № 110.

АТ 1381 («Жена-доказчица») Ср.: Бессонов, № 51.

Архивные варианты: ФФ БГУ, 1971, ед. хр. 145, л. 512; НА, ф. 3, оп. 21, д. 8, л. 91: старик, найдя в поле клад, разбрасывает там конфеты и рыбу, а потом приходит с женой собирать их. Дополнительно к АТ отметим: Курд. ск., № 27; Марзольф, с. 225—227; ТНТ: Сказки, кн. 3, № 85; Чуваш. лег и ск., с. 206—209; карель. ск. № 67; Арайс-Медне, с. 351; Кшижановский, II, с. 56, СУС, с. 293. Старейшая письменная версия — французское средневековое фавльо (Бедье, с. 196, 466)

96. От злой жены убежит даже дью-пярий. Записано в 1973 г в дер. Туишево Абзелиловского р-на Сулеймановым А. от Зинната Валеева, 1902 г. рожд.—ФФ БГУ, 1973, ед. хр. 19, л. 368—371; БНТ: Сказки, кн. 4, № 86.

АТ 1365В («Кошено-Стрижено») +1164 («Злая жена в яме») +1365А («Упрямая жена брошена в реку») Целостный сплав анск-

дотических сюжетов. Первый и третий распространены, в основном, в Европе, но их история связана с Востоком и прослеживается, начиная с китайского повествовательного сб. V в. «Типитака». Старейшая европейская литературная версия типа 1365B — в средневековом латинском сб. «Расширенный Ромуд» (см Басни Эзопа, 1968, с. 212), старейшая европейская версия типа 1365A — в «Speculum exemplogum» Жака де Витри (XIII в.), потом анекдот данного типа вошел в «Книгу лицей» итальянского писателя эпохи Возрождения Поджо Браччолини (первое издание 1452 г.) На Востоке сюжет получил распространение в анекдотах о Насреддине (Двадцать три Насреддина, № 153 — узбек., в коммент указаны турец., азерб., персид., крымско-тат. варианты) и в других устных повествованиях (напр. Армян. ск. с. 142). Оба сюжета обрабатывались поэтами А. П. Сумароковым (басня «Спорщица» — 1762) и Адамом Мицкевичем («Golono — Stryżono» — 1841, «Zona uparta» 1842)

Сюжет «Злая жена в яме» имеет неопубликованный башкирский вар.: НА, ф. 3, оп. 65, д. 3, л. 469. Этот сюжет распространен в устной традиции преимущественно на европейских языках, представлен в международном указателе и турецкими, индийскими сказками. Дополнительно отметим: Марзольф, с. 190; Азерб. ск., 1977, с. 124; САН, № 50; Чуваш. ск., с. 201—204; ТНТ: Сказки, кн. 3, № 101; Арайс-Медис, с. 165—343. История сюжета связана с многими лит. обработками. Например: индийской сб. «Шукаспати», турецкой «Сорок везиров», новеллой «Бельфагор-архидиавол» Н. Макиавелли, шванком «Как черт женился на старухе» Ганса Сакса, сказкой книги «Приятные ночи» (IV, ночь вторая) Джовани Страпоролы, басней «Бельфагор» Ж. Лафонтена, сказка «Как баба черта одолела», К. Тетмайера и пьесой о Бельфагоре, которые шли на сценах английских и французских театров.

97 «Упаси, аллах, от злых жен». Записано в 1973 г. в дер. Туишево Абзелиловского р-на А. Сулеймановым от Зинната Валсева, 1902 г. рожд. — ФФ БГУ, ед. хр. 144, лл. 306—309; БНТ: Сказки, кн. 5, № 75.

*1411** («Муж, насмешливо относившийся к поговорке «Сохрани, аллах, от злых жен», убеждается на собственной участи в ее справедливости») Подобные повествования есть в «Книге о верных и неверных женах» индо-персидского писателя XVII в. Иятуллаха Канбы, изданной в русском переводе в 1966 г. Ср. также дунганский анекдот «Человек, который боялся своей жены» (Дунган. ск., № 54—II).

98. Женское злоязычье. Записано в 1968 г. в дер. Киньябулатово Ишимбайского р-на Н. Т. Зариповым от Файзрахмана Кутлумухаметова, 1902 г. рожд. — НА, ф. 3, оп. 65, д. 3, лл. 476—477; БНТ: Сказки, кн. 4, № 94.

АТ 1353 («Баба хуже черта»).

Варианты: Сказки, кн. 4, № 93; неопубл. — ФФ БГУ, ед. хр. 145, л. 417

У АТ учтены многочисленные европейские, индийские и арабские варианты. Дополнительно отметим: Ногай. ск., 1979, 46; ТНТ: Сказки, кн. 3, № 102. Восточная версия: дружных супругов ссорит раб или невольница, странник, склонные строить козни, натравливать одних на других. — Шовень, II, с. 158, 48, с. 195, 20; Арган. ск., № 235; Ахмар. ск., № 136. Эта версия восходит к сказкам буддийских индийских и китайских сборников III—VIII вв. о том, как шакал поссорил друживших быка и льва или царя зверей с царицей-львицей («Панчатантра», «Типитака», «Ятака») Сюжетная структура сложилась, вероятно, на арабской культурной почве до XII в. Публикуемый башк. вариант примечателен тем, что главным действующим лицом является не злая баба, а корыстная склочница-служанка, что напоминает отмеченные выше

сказки народов Востока. Своеобразен финал башк. вар-та. Отчасти он тоже связан с восточной традицией: братья убитой женщины мстят мужу. В другом башк. вар. (БНТ: Сказки, кн. 4, № 93) немало общего с восточнославянскими сказками этого типа, но есть и оригинальные подробности. Главное действующее лицо здесь ведьма — мэскэй. После того, как шайтаненок не сумел поссорить царя с царицей и был за это наказан главным шайтаном (иблисом), с этим делом справляется мэскэй. Царь, решивший, что жена хотела убить его, преследует царицу, и та спасается в царстве своего отца. Ср. след. текст.

99. **Человек и шайтан.** Записано в 1938 г. в Кармаскалинском р-не С. Хусаиновым.— НА, ф. 3, оп. 10, д. 39, л. 173; БНТ: Сказки, кн. 4, № 95.

АТ 1577 («Человек ссорит дружных слепца и глухого, которых не смог поссорить черт»).

Редкие варианты учтены у АТ в литовском, эстонском, русском, латино-американском фольклоре, но имеются и в архивном латышском фонде (Арайс-Медне, с. 201, 361). История сюжета связана с итальянской и французской новеллистикой средневековья и эпохи Возрождения (Ротунда, индекс К 1081.1; Бедье, с. 477). Обычно в сказках и новеллах данного типа злой человек ударяет слепого по голове, а другой слепец думает, что подали милостыню и требует от того слепого своей доли.

100. **Судьба.** Записано в 1971 г. в дер. Кутаново Бурзянского р-на Н. Шункаровым от Сагиды Алимгуловой, 1906 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 65, д. 7, л. 61—62. Публикуется впервые.

АТ 930А («Предназначенная жена») + *934С* («Смерть предназначена от черного паука»).

Первый сюжет учтен в фольклоре разных частей света, отмечены варианты на десяти европейских языках, а из восточных вариантов — турецкие (по ЭБ 124), индийские, китайские. Дополнительно к АТ отметим: СУС, 237; Кшижановский, II, с. 282; Арайс-Медне, с. 333. Сюжет *934С* связан с поверьем: у башкир, как и у ряда других народов, паук почитался священным насекомым, наступать на которое ногой опасно.

101. **Как сбылся сон царя.** Записано в 1968 г. в дер. Иткулово Ишимбайского р-на Н. Шункаровым от Сабирьяна Гарифуллина, 1892 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 65, д. 3, л. 458—453; БНТ: Сказки, кн. 4, № 88.

АТ 707В («Бова-королевич»). Сюжет учтен у АТ только в русском сказочном материале. Но имеются вар. и на украинском, белорусском (СУС, с. 178—179) и на латышском языках (см.: Арайс-Медне, с. 243). История сюжета связана с французскими эпическими песнями и рыцарскими романами XII—XIII вв. о Бове и их итальянскими переложениями в прозе. В XVII—XVIII вв. «Повесть о Бове-королевиче» получила распространение на рус. яз. Лубочные рус. сказки о Бове издавались в XIX в., и одновременно активно бытовали устные сказки, восходящие к лубку и оказавшие на него обратное влияние. На основе сказки Радищев написал поэму «Бова» (ок. 1800 г.) Ряд эпизодов, характерных для сказок о Бове-королевиче, опущен в башкирском варианте, а некоторые эпизоды переосмыслены до неузнаваемости. Напр., друг героя Полкан (в итальянском рыцарском романе Полукане) заменен егетом, земляком царевича, с которым тот познакомился в ашхане

102. **Сын бедняка и заводчик.** Записано в 1966 г. в дер. Муллакаево Архангельского р-на поэтом Равилем Бикбаевым от Абдрахмана Исянбаева, 1894 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 61, д. 2, л. 49—53; БНТ: Сказки, кн. 5, № 112.

АТ 461 («Марко Богатый»). Всемирно распространенный сюжет, обычно в форме волшебной сказки.

В данном новеллистическом варианте отсутствуют традиционные эпизоды путешествия героя на тот свет, фантастические мотивы, связанные с рождением героя и др. Новеллистические вар. имеются у многих народов, преимущественно восточных. Напр.: Сингаль. ск., № 95; Абхаз. ск., № 80; Глonti, с. 239—242; Казах. ск. 1959, с. 36—42.

103. Хатира. Записано в 1965 г. в дер. Иштуганово Мелеузовского р-на Н. Мухаметшиной от Мухамета Яхина.— ФФ БГУ, ед. хр. 144, л. 475—478; БНТ: Сказки, кн. 4, № 101.

АТ 676 («Два брата и сорок разбойников»).

Варианты: 1. НА, ф. 3, оп. 10, д. 38, л. 13—14: Бедняк «кыптырку», проникает в лесной дом с помощью магического слова «Кыптырку» и похищает сокровище; разбойники под видом купцов приезжают к бедняку; его невеста убивает разбойников.

2. НА, ф. 3, оп. 32, д. 11, л. 65—73 в контаминации с АТ 950—«Сокровища Рампсинита». Старший брат обнаруживает в лесу дворец разбойников, проникает в него и добывает там деньги; младший брат неудачно подражает старшему, его убивают; жена оплакивает охраняемое тело убитого мужа, убедив стражников, что плачет из-за разбитого горшка молока; к старшему брату является атаман разбойников, его убивает жена старшего брата, затем она и муж губят спрятавшихся сорок разбойников.

В указателе АТ учтены варианты, записанные в Европе, Америке, Африке и Азии (турецкие, индийские, китайские). Они восходят к «Рассказу про Али-Бабу, сорок разбойников и невольницу Марджану» (см.: Халиф на час. Новые сказки из книги «Тысячи и одной ночи/Пер. М. А. Салье. М., 1961, с. 297—319). В устной традиции башкир, как и многих народов, сюжет сказки получил своеобразный национальный бытовой колорит. Служанка Хатира играет более значительную роль, чем два брата,— бедный и богатый, выступающие на первом плане обычно в сказках типа 676.

104. Разбойники-бесы. Записано в 1977 г. в дер. Юлдыбаево Кугарчинского р-на Р. Абдульмановой от Рабиги Абдульмановой, 1918 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 141, л. 22—24; БНТ: Сказки, кн. 4, № 98.

АТ 956А («Человек у разбойников»).

Томпсоном учтены только в финском, датском, сербохорватском, греческом, русском и франко-американском материале, но имеются и другие нац. варианты: СУС, с. 245; Арайс-Медне, с. 336. Отдаленно напоминает индийскую сказку «Лаччи и вор»: вор заманивает девушку к себе, принуждает стать его женой; она убивает мать вора и убегает домой; вор со своими друзьями похищает ее; девушка отсекает головы товарищей вора, поджигает дерево, на которое тот взобрался (Ск. нар. Индии, с. 274—276).

105. Девушка и сорок разбойников. Записано в 1974 г. в дер. Якутово Кумертауского р-на Розой Нафиковой от Закиры Байрамгуловой, 1914 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 63, д. 62, л. 62—74; БНТ: Сказки, кн. 4, № 99.

АТ 956В («Девушка у разбойников»).

Варианты: НА, ф. 3, оп. 32, д. 29, д. 97—98; оп. 10, д. 42, л. 64—66, ФФ БГУ, ед. хр. 145, л. 6; ед. хр. 145, л. 8—11; ФФ СГПИ, ед. хр. 14. Ср. БНТ, 1959, с. 218—219.

Томпсоном учтены преимущественно на европейских языках и турецкие (по ЭБ—18 текстов) и индийские. См. также: Марзольф, с. 124—125; Курд. ск., № 56; ТНТ: Сказки, кн. 3, № 40 ранние литературные публикации в итальянском сб. «Новеллино» (№№ 36, 51 по изданию

В. Андерсена). Башкирский вар. отличается обстоятельной драматической разработкой сюжета.

106. **Легко приобретенное.** Записано в 1982 г. в с Темясово Баймакского р-на З. Казыевой от Гайнии Сулеймановой, 1902 г. рожд. ФФ БГУ, ед. хр., 170 л. 112—114; БНТ: Сказки кн 5 118, АТ 210 («Беды от нечаянно найденных вещей»).

Вариант: ФФ БГУ, 1962 ед. хр 147, л. 175.

У АТ учтены варианты на европейских языках (большинство записано в странах Восточной Европы), а также турецкие индийские индонезийские, китайские. Отчасти напоминает басню Эзоп «Летучая мышь, терновник и пырок» (Басни Эзопа/Пер. ст., омен М. Л. Гаспарова. М., 1968, с. 113, № 171)

107. **Секрет счастья.** Записано в 1978 г. в дер Абзаево Кигинского р-на А. Сулеймановым от Тагира Гибадуллина 1898 г. рожд (от него же записан текст 108).— ФФ БГУ, ед. хр 170 л 121 130; БНТ: сказки, кн. 5, № 185.

919 («Бедняк теряет деньги, которые оставляют ему богаты товарищи детства,— обретает богатство своим трудом»).

Вариант — «Три товарища» записан в 1950 г. в районном центре Дюртюли.— НА, ф. 3, оп. 47, д. 21, л. 128—132

108. **Человек и его дело.** Записано в 1977 г. в дер Абзаево Кигинского р-на А. Сулеймановым от Тагира Гибадуллина, 1898 г. рожд. ФФ БГУ, ед. хр. 170, л. 115—117; БНТ: Сказки кн. 5 № 173

*555 («Бог исполняет желания каменщика стать богачом царем солнцем») + *298E* («Кто сильнее солнце, туча скал. или каменщик?»). Ср. БНТ: Сказки, кн. 5, № 134, 135 неопубликованные НА, ф. 3, оп. 32, д. 14, л. 105—106; оп. 32 д. 23; л. 115 116. ФФ БГУ ед. хр. 171, л. 312, 313—314, 315.

Инонациональные варианты: Чуваш. ск., 1984 с. 111—113. Арайс Медне, с. 270; еврейский, записанный в Израиле См указатель Х. Ясона — ж. «Fabula», 1965 VII, с. 115—224.

109. **Ленивый сын.** Записано в 1964 г. в дер Идельбаево Салавского р-на Р. Ильясовым от Кафии Гильмитдиновой. ФФ БГУ, ед. хр. 147, л. 618; БНТ: Сказки кн 5 № 183

*901A** («Избавленный от лени парень благодарит мать»)

Варианты: ФФ БГУ, 1974 ед. хр 4, л 159—169 (в соединении с АТ 675 По шучьему велению), ед. хр. 9, л. 119 130 (в соединении с АТ 559 Царевна Несмеяна).

Инонациональные вар.: Калмыц. ск. с 153 155 Чуваш. лег. и ск., с. 196—197.

110. **Ленивая Аусаф.**— БНС Ишбулатов с 252—253

902 («Ленивая внучка» «Даже переселяясь в другое место оставь свое поле засеянным»)

Чувашский вариант Сидорова Указатель с 196 197

111. **Золотая капля** Записано в 1950 г. в дер Базанчатово Аскинского р-на А. Киреевым (Киреем Мэргэином) от Ахмадинура Киреева 1886 г. рожд. БНТ: Сказки кн 5, № 184

910P («Чашка пота, собранного по капле, источник богатства труженика»).

112. **Мавлихафиз.** Записано в 1967 г. в дер. Ибраево Кигинского р-на М. Х. Мингажетдиновым от Хайбуллы-бабая. ФФ БГУ, ед. хр 147, л. 608—609. БНТ: Сказки кн. 5, № 174.

976* («Притча о сыне бедняка, который, чтобы получить руку царевны, сумел вырастить на скалистой горной вершине сад»).

Имеет сюжетное сходство с поэмой Джованни Боккаччо «Фитокколо» новеллой пятой 10-го дня «Декамерон» и «Рассказом Франклина» из книги Джеффри Чосера «Кентерберийские рассказы». В новелле Боккаччо мадонна Дианора, чтобы избавиться от любящего ее рыцаря Ансальдо, шутя дает обещание полюбить его, если в январе очутится под городом цветущий сад. В чосеровском «Рассказе Франклина» Доригена, преданная супруга рыцаря, чтобы охладить чувства влюбленного пажа Аврелия, «сказала в шутку: «Если в самом деле вы так о мне страдаете, Аврелий, навстречу вам я, может быть, пойду; мне удалите этих скал гряду, что высятся вдоль берега Бретани» (Кентерберийские рассказы, М., 1973, с. 421). Когда чудесно исполнен был этот приказ Доригены, она, как и Дианора в новелле «Декамерона», проявляет готовность исполнить обещание.

113. **Отцовская мудрость.** Записано в 1930-х гг. писателем Гайнаном Амири от народного сэсна Башкирии Фарраха Давлетшина (1887—1956). — НА, ф. 3, оп. 2, д. 238, л. 1—3; БНТ: Сказки, кн. 4, № 40.

АТ 910А («Ум от бедствий»: отец или встречный старик дает юноше советы; тот делает все наоборот и убеждается в отцовской мудрости).

Вариант: ФФ БГУ, ед. хр. 90, л. 244—245.

Ареал распространения таких сказок, как и сказок типа 910В, охватывает не только Европу, но и другие страны света. Нарушаемые заветы в вариантах весьма разнообразны. Близкие башкирским вариантам параллели: ТНТ: Сказки, кн. 3, № 13; Чуваш. лег. и ск., с. 195—198; Марий. ск., с. 232—234. Ср. карельскую сказку о юноше, который раскаялся в пренебрежении отцовскими советами — не ходить три раза подряд в одно место в гости, не брать жену из другой деревни, не давать соседу хорошую лошадь пахать землю (Карель. ск., № 47); амхарскую сказку о юноше, не посчитавшемся с отцовским советом при выборе жены (Амхар. ск., № 116), и сказку народов Памира о юноше, который чуть не заплатил жизнью за то, что пренебрег советами старика: «Не говори, пока тебя о чем-нибудь не спросят; не давай, пока у тебя что-нибудь не попросят; не ходи, пока тебя кто-нибудь не позовет» (СНП, № 5).

¹ *Хан мой, султан мой (Ханым-солатаным)* — традиционное почтительное обращение в сказках.

² *Поминки третьего дня* (букв.: өсөн укытыу) — проводятся в третий день после смерти покойного.

114. **Доброе слово дороже золота.** Записано в 1968 г. в дер. Байгузино Ишимбайского р-на А. Вахитовым от Файзуллы Мирасова, 1887 г. рожд. — НА, ф. 3, оп. 65, д. 3, л. 82—85; БНТ: Сказки, кн. 4, № 39.

АТ 910В («Три добрых совета»).

Варианты: Бессонов, 75; БНТ: Сказки, кн. 4, № 38; НА, ф. 3, оп. 32, д. 19, л. 244—248; ФФ БГУ, ед. хр. 21, л. 32—42.

В АТ учтены преимущественно европейские, а из восточных арабские, турецкие, индийские, индонезийские. Дополнительно отметим: ТНТ: Сказки, кн. 3, № 35; Потанин, с. 147—151; Каракалп. ск., с. 138—140; Дунган. ск., № 32; Марзольф, с. 168; Курд. ск., № 45; Тадж. ск., с. 473—478; Глonti, с. 113—114, 184—196; Осетин. ск., № 52; Абхаз. ск., № 49.

В подобных сказках разных народов, как и в башкирских, нередко встречаются такие наставления: «Поднятую руку не опускай необдуманно», «Не считай самым красивым то, что таким кажется, но считай самым красивым то, что любимо». История сказок типа 910В связана

с древней индийской «Книгой попугая» — «Шукасаптати», притчами средневековых талмудических сборников, книгой итальянского новеллиста XVI в. Дж. Фр. Страпаролы «Приятные ночи» (ночь I, сказка I).

115. Дорого купленный совет. Записано в 1982 г. Г. Хусаиновым Рукописный отдел ИИЯЛ БНЦ УрО АН СССР. Рукопись Хусаинова Г. Б. «Археография и фольклор — 1982» — с. 111; БНТ: Сказки, кн. 5, № 10 АТ 910С («Обдумай прежде, чем начнешь работать»).

Сюжет учтен в арабском (Шовень, VII, с. 140, № 139), турецком (по ЭБ, № 313), индийском, литовском, шведском, исландском, греческом, русском и украинском вариантах. Имеет литературную традицию, восходящую к средневековой латин. повести об императоре Домициане (Средневековые латинские новеллы XII в./Издание подготовила С. В. Полякова. Л.: Наука, 1980, с. 112—116).

116. Егет, звавший на помощь Нужду. Записано в 1983 г. в дер. Карагулово Салаватского р-на Ф. Ганиевой от Садретдина Хурматуллина, 1904 г. рожд.—ФФ БГУ, ед. хр. 204, л. 13. Публикуется впервые.

*910Е** («Совет отца»: «Коль опрокинется, Нужду позовешь»)

117. Заветы отца. Записано в 1905 г. в дер. Верхняя Бикберда Зианчуринского р-на Р. Ильясовым от Зульхизы Ильясовой 1911 г. рожд.—ФФ СГПИ, 1975, л. 25; БНТ: Сказки, кн. 4, № 41.

АТ 911* («Не доверяй секретов жене, не верь клятве в дружбе, не бери займы у только что разбогатевшего») +893 («Испытание друзей»).

Ср. след. текст, представляющий такую же сюжетную контаминацию, традиционную для сказок многих народов. Дополнительно к АТ, где учтены лишь литовские варианты: Арайс.-Медне, с. 331; СУС с. 229—230; Осетин. ск., № 51; Абхаз. ск., № 75; Абазин ск., № 85. Из трех заветов отца в башкирской сказке имеет много параллелей в инонациональных вариантах завет «Не доверяй секретов жене». История сюжета связана с его обработками в средневековых арабских, еврейских, латинских (*Gesta Romanorum*, № 129) сборниках и в более поздних сборниках итальянских новелл.

118. Материнское слово. Записано в 1973 г. в дер. Рахметово Абзелиловского р-на А. М. Сулеймановым от Зутейхи Кашфетдиновой, 1904 г. рожд.—ФФ БГУ ед. хр. 144, л. 131—133; БНТ: Сказки, кн. 4, № 42.

Своеобразная разновидность типа 911* («Не полагайся на богатых друзей, будь ближе к братьям») +893. Ср. предыдущий текст.

Варианты: «Родной не убьет, чужой простит» — НА, ф. 3, оп. 47, д. 1, л. 51; оп. 23, д. 7, л. 57; «Друг и брат» — ФФ БГУ, ед. хр. 18, л. 441

Близкие инонациональные параллели: ТНТ: Сказки, кн. 3, № 15—«Испытание друга»; Чуваш. лег. и ск., с. 198—199—«Родной — через огонь»; Удмурт. ск., с. 252—254—Старший богатый брат забывает бедного младшего, а богатые друзья только за столом помощники; Ахмар. ск., № 183 — «Родственник надежней друга».

119. Загадочные заветы. Записано в 1964 г. в дер. Мусатово Салаватского р-на З. Буляковой и И. Шараповым от Фатихи Валиуллиной, 1876 г. рожд.—ФФ БГУ, ед. хр. 144, л. 126—127; БНТ: Сказки, кн. 4, № 43.

АТ 915 А («Выполнение родительских заветов буквально невысказано или идет во вред делу; их иносказательный истинный смысл разъясняет мудрый человек»).

Варианты: НА, ф. 3, оп. 21, д. 2, л. 154—155; ФФ БГУ, ед. хр. 144, л. 125. Дополнительно к АТ: ТНТ: Сказки, кн. 3, № 6—7; СУС, с. 364; Мальсагов, № 58; САН, № 60; Амхар. ск., № 114. Заветы отца в башкир-

ской сказке имеют в отдельности более или менее близкие параллели в инонациональном материале. Например, завет «Каждую неделю женись» в адыгской сказке, как и в башкирской, означает быть жизнедеятельным, каждую неделю чувствовать себя так, будто только что женился; ср. завет отца в русской и украинской сказках, имеющий тот же смысл: «Каждую неделю надевай новые сапоги». Завет отца в башкирской сказке опустить вспаханное поле бобровым мехом соответствует завету отца в эфиопской амхарской сказке «хорошо огородить дом» в смысле: старательно заниматься хозяйственной деятельностью, отлично обрабатывать поле, дорожа землей.

120. **Толкование.** Записано в 1976 г. в дер. Канакаево Ишимбаевского р-на М. Кульмухаметовой от Насихи Баймухаметовой.— ФФ БГУ, 1976, ед. хр. 147, л. 653—655; БНТ: Сказки, кн. 5, № 111.

915А («Отец истолковывает виденное сыном во время путешествия, как предсказание порочной жизни»). Ср. сказки типа АТ 471, СУС 471** — о виденном на том свете крестником бога и об иносказательном истолковании этого отцом: тощие овцы на хорошем пастбище и толстые овцы на плохом пастбище и т. п.

121. **Горшок с маслом и снаружи приметен.** Записано в 1987 г. в г. Уфе А. Сулеймановым от Ишмырды Хидиатова, 1930 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 204, л. 15. Публикуется впервые.

*940В** («Выбор из двух спящих парней лучшего работника»).

122. **Воспитание бережливости.** Записано в 1975 г. в дер. Амангильдино Абзелиловского р-на Р. Суфияновой от А. Янтуриной.— ФФ БГУ, ед. хр. 146, л. 170—171; БНТ: Сказки, кн. 5, № 182.

*930Е** («Заработанный рубль дороже незаработанного»).

Иноязычные варианты: Азер. ск., 1977, с. 145—146; Глonti, с. 11—12=Долидзе, с. 297—298; САН, № 59.

123. **Как старик подыскивал невесту для сына.** Записано в 1985 г. в п. Дюртюли Р. Ахметовой от Батыра Абдульнагимова, 1907 г. рожд.— ФФ БГУ, 1985, ед. хр. 204, л. 11—12. Публикуется впервые.

940А («Поиски старательной девушки-невесты»).

124. **Как старик своих сыновей испытывал.** Записано в 1981 г. в Уфе А. М. Сулеймановым от Х. Юсуповой, 1912 г. р. ФФ БГУ, ед. хр. 204, л. 6.

940С («Старик выбирает надежного наследника»). Публикуется впервые.

125. **Сухие корочки.** Записано в 1975 г. в с. Максютово Кугарчинского р-на А. М. Сулеймановым от Гибадуллы Биешева, 1898 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 138, л. 494—495; БНТ: Сказки, кн. 4, № 34.

СУС — 981А* («Совет отца беречь объедки спас от голодной смерти»). История сюжета связана с древнееврейской талмудической притчей.

Украинский вариант: Манжура И. И. Сказки, пословицы и т. п. записано в Екатеринославской и Харьковской губерниях. Харьков, 1890, с. 102.

126. **Страдания матери.** Записано в 1979 г. в дер. Ишимбаево Салаватского р-на А. Аминева, Т. Багмановой и Н. Загирова от Ханифы Насыровой, 1920 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 170, л. 119—120. БНТ: Сказки, кн. 5, № 178.

939Д («Слишком поздно: брошенная на произвол судьбы сыновьями больная мать превращается в птицу и улетает»).

127. **Сердце матери.** Записано в 1950 г. в Чишминском р-не Ф. Губаевой.— ФФ БГУ, ед. хр. 147, л. 642—644; БНТ: Сказки, кн. 5, № 175.

939С («Жених убивает свою мать и приносит ее сердце царю, отцу невесты»).

Стихотворный вариант: БНТ: Эпос, кн. 3, с. 188—189; неопубликованная запись — ФФ БГУ, 1950, ед. хр. 94, л. 64—66.

Грузинский вариант: Глonti, с. 307.

В вариантах жених приносит сердце матери по требованию невесты.

¹ ... одна щека сияла, как луна, другая — как звезда — традиционная формула описания женской красоты.

² В прошлом каждый род башкир имел свои атрибуты: тамгу, дерево, птицу и клич. В сказке под беркутом имеется в виду родовой тотем птицы.

128. **Старая мать**— ж. Хэнэк, 1957, № 14, с. 10; БНТ: Сказки, кн. 5, № 177.

АТ 980А («Бабушка или дедушка и внучек»).

Вариант: «Старая мать» (записано в 1972 г. в дер. Абзаново Баймакского р-на Х. Шайдуллиним от Миннибики Асылбаевой, 1917 г. рожд.— ФФ БГУ, 1972, ед. хр. 94, л. 64—68; БНТ: Сказки, кн. 5, № 176) имеет необычный для данного сюжетного типа фантастический финал. Типична такая развязка: отец под влиянием слов сына отказывается от выполнения жестокого обычая.

Сюжет имеет всемирное распространение, но у АТ учтены из восточных вариантов только китайские и японские. Дополнительно отметим: Арайс — Медне, с. 151; Баширов, с. 95; Ск. нар. Филиппин, № 65; Кшижановский, I, с. 287.

¹ ... вслед золу развеяла — по старинному обычаю, рассеивали золу вслед человеку, который стал ненавистным.

129. **Сказка о том, как три башкира восхищались царицей.** К. М.— сь. Башкиры//Русская жизнь.— Спб., 1892, № 265—Зеленин, с. 448—449. В примечании Зеленина отмечено, что данная сказка бытует в Уфимской губернии.

АТ 983 («Все женщины одинаковы»). Ср. след. текст.

В международном указателе учтены только прилагаемый башкирский и индийский (по указателю Тимпсона-Балиса, № 31) СУС, с. 252. Варианты: Известен казах. вариант «Жан и Карашаш» (КС II, с. 391). Сюжетные параллели к башкирской и казахской сказкам находим в древних памятниках восточной письменности. Так, например, согласно летописной легенде, любимая жена Куй-Тимура будто бы сказала заглядевшему на нее приближенному хана, что женщины только кажутся разными, а на самом деле они одинаковы (Рашид-ад-дин. Сборник летописей, том I/Пер. Л. А. Хетагурова, ответ. ред. С. П. Толстов.— М.; Л., 1952, с. 134). Башкирская и казахская сказки также напоминают изречение из древней индийской «Книги попугая»: «У женщин сходны щеки, пуп, зад, а сердце у них свое» (Шукасаптати: Семьдесят рассказов попугая/Пер.*М. А. Ширяева, предисл. и примеч. В. И. Кальянова, М., 1960, с. 53). Сюжет типа 983 отразился также в древнерусском «Житии Петра и Февронии».

130. **Петр Великий.** Записано в начале XX в. в дер. Берденище Миякитинского сельского общества Башкирской Караболской волости Екатеринбургского уезда Пермской губ. Д. Зелениным от башкирского солдата Тайфура Юсуповича Каримова.— Зеленин, с. 447—448.

АТ 983 («Все женщины одинаковы»). См. Коммент. к предыдущему. По утверждению Д. К. Зеленина, данная сказка перешла в устный репертуар башкирского солдата из русского солдатского репертуара.

131. **Охотник Юлдыбай.** Записано в 1975 г. в с. Максютово Кугар-

чинского р-на А. Сулеймановым от Гибадуллы Бишева, 1898 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 38, л. 496—497; БНТ: Сказки, кн. 5, № 186.

920Н («Если идешь на охоту, осмотрительно выбирай спутников»). Притча, имеющая международную известность. Обычно покинутый трусливым спутником охотник, отвечая на вопрос, что шептал ему на ухо медведь, отвечает, что тот осудил покидающего в беде товарища.

132. **Хвастливый охотник.** Записано в 1980 г. в дер. Сафарово Миякинского р-на Г. Ибрагимовой от Хадии Шарафутдиновой, 1902 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 170, л. 131—133; БНТ: Сказки, кн. 5 № 188.

901Д («Хвастун, теряющий чувство меры, теряет и чью бы то ни было поддержку»).

Ср. татарскую сказку «Хвастун» (Татар., ск., с. 433).

133. **Как кончилась дружба между братьями и их женами.** Записано в 1951 г. в дер. Орловка Макаровского (ныне — Ишимбайского) р-на М. Киньябаевым — лесником.— НА, ф. 3, оп. 47, д. 21, л. 1—5; БНТ: Сказки, кн. 5, № 180.

939С («Ссора жен ссору мужей за собой влечет»).

134. **Два мешка грехов.** Записано в 1986 г. в пос. Комсомол Баймакского р-на М. Исмагиловым от Абдулахая Назарова.— ФФ БГУ, ед. хр. 199, л. 257—258. Публикуется впервые.

926Д (Один спутник советует другому, осуждающему чужие грехи, поменять местами мешок чужих грехов, что висит у него на груди, с мешком собственных грехов, что за спиной).

135. **Правда и Кривда.**— Бессонов, № 66; в обратном переводе БНТ: Сказки, кн. 5, № 114.

АТ 613 (новеллистический вариант сюжета о Правде и Кривде) + *975*** (ср. текст № 137 — «Лживый везир» и см. коммент. к нему).

Вариант сюжета 613: «Два мальчика» — БНТ: Сказки, кн. 1, № 107; ФФ СГПИ, оп. 70, ед. хр. 9, л. 6 (зап. в 1970 г. в дер. Калканово Учалинского р-на).

Записанная на папирусе египетская сказка о Правде и Кривде датируется XII веком до н. э. История сюжета связана также с индийским («Катхаритсагара»), китайским («Типитака») и итальянским («Пентамерон» Базиле, I, № 5; V, № 7) фольклорно-литературными памятниками. Дополнительно к АТ: ТНТ: Сказки, кн. 3, № 2, 3; Казах. ск., 1959, с. 255—256; Узбек. ск., 1980, с. 160—164; Туркменские народные сказки Марыйского района/Записал и перевел Н. Ф. Лебедев. М.; Л., 1954, с. 78—82, 126—129; Проданный сон, № 43, Дунган. ск. № 13; Глonti, с. 286—290; Удмурт. ск., № 70.

Наиболее традиционной для подобных сказок и некоторых других тюркских и иных восточных народов (напр., грузин) является начальная часть, в которой повествуется о том, как Правда и Кривда отправились на богомолье в Каабу, Кривда в пути съел припасы Правды, а затем дал ему еду ценой двух выколотых у него глаз. В публикуемом варианте нет характерных для традиционного сюжета эпизодов прозрения героя благодаря подслушанному ночному разговору чертей, исцеления им царевны, женитьбы на ней и растерзания чертями Кривды. Но имеются необычные эпизоды службы Правды у царя, спасения от казни и возведения народом на царский престол.

136. **Три разбойника.** Записано в 1959 г. в дер. Манатау Альменевского р-на Курганской обл. Н. Д. Шункаровым от Миннихмета Каримова, 1906, г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 21, д. 2, л. 134—135; БНТ, Сказки, кн. 4, № 97.

АТ 763 («Деньги — зло»).

Варианты — ФФ СГПИ, ед. хр. 13.

Дополнительно к АТ: ТНТ: Сказки, кн. 3, № 19; Чуваш. лег. и ск.,

с. 184—185; Марзольф, с. 144; Истребитель колючек, с. 243—244; Турец. ск., с. 213.

История сюжета связана с древним индийским буддийским сб. «Ятака» (I, 124), «Тысячью и одной ночью» (ночь 152), лагнобардской хроникой Павла Дьякона, латинским сб. Жака де Витри «Ехемпра». Сюжет обрабатывали итальянские новеллисты, затем Джеффри Чосер в «Кентерберийских рассказах» («Рассказ продавца индугенции»). Он вошел в книгу Н. Гарина-Михайловского «Корейские сказки» (Спб., 1904, № 2). Обрабатывался также татарским писателем Л. Файзуллинским (Собрание его сочинений на татар. яз., Казань, 1970, с. 279). В целом ряде произведений зарубежных писателей нового времени творчески использован данный сюжет: Р. Киплингом («Джунгли», ч. 2), Г. Уэллсом («Сокровища в лесу»). Джеком Лондоном («Ради золота»)

137. **Лживый везир.** Записано в 1903 г. писателем Н. Крашениниковым.— НА, ф. 3, оп. 22, д. 61, л. 11—14; БНТ: Сказки, кн. 4, № 96. *975*** (Второй везир, добившийся клеветой смертного приговора первому везиру, сам обезглавлен палачом). Ср. мотивы этого сюжета в тексте 135.

Инонациональные варианты: Афган. ск., № 51; Курд. ск., № 27 (в конт. с АТ 921А); Алиев—Юсупова, с. 241—244. См. также: Шовень, VIII, № 145В.

138. **Как везир царя в стыд вогнал.** Записано в 1981 г. в дер. Забирово Кунашакского р-на Челябинской обл. А. Сулеймановым от Мавлиды Ибрагимовой, 1910 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 170, л. 134—137; БНТ: Сказки, кн. 5, № 189.

*921А**** («На глупца не надейся, а то осрамит тебя»)

139. **Сыновья-разбойники.** Записано в 1958 г. в дер. Иштуганово Юмагузинского (ныне Мелеузовского) р-на С. Миржановой от Хадии Игибаевой.— НА, ф. 3, оп. 34, д. 15, л. 117—119; БНТ: Сказки, кн. 5, № 179.

СУС 798 («Нагибай дерево, пока молодо»). Ср. АТ 910Е — Наглядное наставление отца сыновьям (сюжет басни Эзопа «Крестьянин и его сыновья»).

Вариант: ФФ БГУ, 1959, ед. хр. 147, л. 629—630: сын, много лет скитавшийся, возвращается к родителям, но отказывает им в помощи,— предлагает отцу согнуть две палки, из ветвей молодого и старого дерева...

140. **В единстве — сила, в разобщенности — гибель.** Записано в 1978 г. в дер. Абзаево Кигинского р-на А. М. Сулеймановым от Тагира Гибадуллина, 1893 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 170, л. 183—188; БНТ: Сказки, кн. 5, № 189.

910Е («Один из семи братьев, поступавший наперекор другим братьям, убеждается в справедливости отцовского наставления»).

141. **Коль пища суждена.** Записано в 1961 г. в дер. Дингизбаево Пугачевского р-на Куйбышевской обл. Киреем Мэргэном от Юмагузы Аиткулова.— НА, ф. 3, оп. 21, д. 6, л. 211.

934Н («Вор, переставший воровать, с голоду не умрет»).

142. **Царь и вор.** Записано в 1963 г. в дер. Сайраново Ишимбайского р-на М. Хасановым и Д. Тикеевым от Сахаутдина Юсупова.— ФФ БГУ, ед. хр. 147, л. 401—405; БНТ: Сказки, кн. 5, № 50.

АТ 950 («Сокровища Рампсинита»). Ср. БНТ: Сказки, кн. 5, № 48—49. См. также след. текст.

Дополнительно к АТ: (ТНТ: Сказки, кн. 3, № 44; КС, I, с. 285—289, Осетин. ск., № 98; Глонти, с. 69—78—Долидзе, № 69; Абхаз. ск., № 59; Чудес. родники, с. 227—239; Мальсагов, № 72; Авар. ск., № 31; Марзольф, с. 178; Новак, № 407; сказки Африки, № 20.

Старейшая версия сюжета о ловких кражах из сокровищницы Фараона Рампсинита (вероятно, имеется в виду Рамзес III) дошла до V в. до н. э. в составе Истории Геродота, кн. 2, раздел 121. Международному распространению способствовали лит. обработки, начиная со средневековья вплоть до недавнего времени. В башкирской и других сказочных традициях бытует преимущественно в соединении с другими сюжетами о ловких ворах. В публикуемом варианте необычное вступление, имеются своеобразные мотивы. Эпизод ночного свидания вора с дочерью царя соответствует, в основном, рассказу Геродота.

143. Как царевич стал вором. Уч. зап. импер. Казанского ун-та, кн. 3, 1861, с. 55—59. Публикация языковеда-тюрколога Н. Ильинского под заглавием «Өс ул» («Три сына»), записано от башкира из рода кыпсак; БНТ: Сказки, кн. 5, № 51.

Вступление напоминает отчасти сказки о вещем сне (АТ 725), отчасти сказки о трех искусных братьях (АТ 654). Далее контаминируются сюжеты АТ 1525Д (Ловкий вор обманывает путников: бросает на дороге сапог, потом другой) +950 (см. коммент. к тексту 142) +951В (Царь вместе с вором отправляется воровать, они расстраивают заговор) +отчасти 1737 (Поп или мулла в мешке).

Сюжет типа 1525Д имеет варианты — БНТ: Сказки, кн. 5, № 45, 120; бытует в соединении с другими сюжетами. У АТ учтены в вариантах на европейских и турецком языках. Дополнительно к ним: Марзольф, с. 215; Осетин. ск., № 96; САН, № 38; ТНТ: Сказки кн. 3, № 45. В той части публикуемой сказки, где развивается сюжет типа 950, как и в первой части, действующие дядя и племянник, персонажи характерные для восточнославянских вариантов. Вору пользуются подземным ходом. Ср. рассказ Геродота о том, как «грабители задумали похитить великие сокровища царя Сарданапала ..., принялись копать подземный ход к царскому дворцу» (История, ч. II, раздел 150). В повествование о воре, продолжавшем обкрадывать «царскую лавку» после гибели дяди, вклинивается сюжет типа 951В. Обычно вор, который отправился воровать вместе с переодетым царем, подслушивает о заговоре и сообщает ему об этом. В данном варианте сам царь подслушивает заговорщиков и с помощью вора разрушает их козни; вор становится царским зятем. Как и многие восточные сказки типа «Сокровища Рампсинита», эта сказка завершается похищением вражеского царя: вор доставляет его в сундуке царю-тестю. Такой финал напоминает сюжет типа 1737.

¹ «Так ведь в случае его смерти твоим мужем стану я». В этих словах героя, обращенных к жене дяди, есть связь с распространенным в прошлом у мусульман обычаем левирата: в случае смерти мужа женщина получала право выйти замуж за его ближайшего родственника, обычно за брата.

144. Как старик-конокрад творил молитву. Записано в 1959 г в дер. Куйсы Сафакулевского р-на Курганской обл. Н. Шункаровым от Загидуллы Шарафутдинова, 1894 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 21, д. 2, л. 432; БНТ, Сказки, кн. 5, № 52.

1525С («Набожный конокрад»).

Ср. татарский анекдот: к вору пришли разъяренные люди за украденной лошастью и застали его на коленях молящимся аллаху; зная, что нельзя прерывать молитву мусульманина, вынуждены были ждать, когда тот поднимется с молитвенного коврика (Баширов, Сто мэээков, 1974, с. 55). Подобный комический эпизод есть в романе башкирского писателя Имая Насыри «Кудей» (см. Соч. в 2-х томах.— Уфа, 1957, т. 2, с. 193).

145. Как Алдар золото украл. Записано в 1979 г. в дер. Ахуновс Салаватского р-на З. Магасумовой и В. Сафиним от Янберди Аллабердина.— ФФ БГУ, 1979, ед. хр. 171, л. 41—42; БНТ: Сказки, кн. 5, № 44.

Отчасти АТ 1525Г (Парень ловко крадет золото, должен быть утоплен в мешке,— спасается... Ср. АТ 1535).

Томпсоном учтены только в финском, эстонском и французском, но встречаются также в украинском и белорусском фольклорном материале (СУС, с. 307). История сюжета связана со сб. шванков XVI в. «В шутку и всерьез» И. Паули (№82). В полных вариантах обычно парень крадет у двух попов лошадей, а у их жен золото.

146. Вор московский и вор питерский. Записано в 1979 г. в дер. Зириклино Мелеузовского р-на Б. Назаргуловым от Мунавры Юсупшиной, 1907 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 147, л. 142—149; БНТ: Сказки, кн. 5, № 48.

Частично АТ 1525Н и Е («Состязание двух искусных воров») +950 (см. коммент. к тексту 142) +1525А («Ловкий вор») +частично 1537 («Мертвое тело» — см. коммент. к тексту 152).

Эпизод встречи искусных воров и состязания между ними является вступлением к повествованию сюжетного типа 950 в сказках разных народов, напр., в русской (Афанасьев, № 390) и турецкой (Турец. НС, 1967, № 77). Геродотовский сюжет представлен в публикуемой сказке в незаконченном виде; воры обкрадывают не царскую казну, а магазин бая и т. д. Традиционный для восточных вариантов эпизод с верблюдом трансформировался в эпизод с бараньей тушкой, вынесенной на базар. Контаминация типа 1525А с типом 950 нередко встречается в разных сказках. Башкирских вариантов этого типа опубликовано пять (БНТ: Сказки, кн. 5, № 45, 46, 49, 113 и публикуемый текст), а неопубликованных в НА и ФФ БГУ—24.

Дополнительные к АТ варианты типа 1525А: (ТНТ: Сказки, кн. 3, № 43, 45; КС, III, с. 236); Марий. ск., с. 212—215; Удмурт. ск. с. 295—300; (ФНК, № 89; Даргин. ск., № 77; Долидзе, с. 194—196. История сюжета связана с книгой арабского писателя X в. Масуди «Зеленый луг», книгой итальянского новеллиста XVI в. Дж. Страпорола «Приятные ночи» (ночь I, сказка 2), сб. немецких шванков И. Паули «В шутку и всерьез» (№ 850) и другими памятниками литературы. Из трех эпизодов воровства эпизод кражи из-под бая кошмы характерен только для восточных вариантов.

147. Два обманщика. Бессонов, № 63. В обратном переводе—БНТ: Сказки, кн. 5, № 47.

АТ 1525Н₄ («Два вора обманывают друг друга и в конце концов мирятся, поделив добычу»).

Сюжет учтен у АТ в вариантах на немногих европейских языках и на персидском, китайском. Но встречается и в сказочном материале других народов Востока: КНС I, с. 227—230; Ногай. ск., 1979, № 37; Калмыц. ск., 1982, с. 170—173; Абхаз. ск., № 84; Долидзе, с. 255—257; Амхар. ск., № 124; Сингаль. ск., № 184 и менее полный вар. № 154. Обозначенные в СУС под номером 1525Н₄ русская и украинские сказки представляют другую разновидность этого сюжетного типа. Публикуемый вар.— один из наиболее полно разработанных. Многие ее мотивы имеют параллели в отдельных инонациональных сказках, указанных выше. Проф. Н. К. Дмитриев отметил, что у башкирской сказки «особая география» — города и страны смешаны воедино. Под городом Крымом «едва ли имеется в виду город Старый Крым, который крымские татары в старину называли Крымом. Мысыр — Египет и, следовательно, опять не город, хотя у арабов иногда так называли и Каир» (сб. Бессонова, с. 364—Примечания к № 63).

148. **Семь воров и храбрый мальчишка.** Записано в 1976 г. в дер. Кадырша Зилаирского р-на М. Тагировой от Гиниата Тулубаева, 1932 г. рожд. — ФФ БГУ, ед. хр. 171, л. 40; БНТ: Сказки, кн. 5, № 40.

*1525Н*** («Мальчик в пустом улье»). Ср. эпизод в сказке № 159. Инонациональные варианты: СУС, с. 307.

149. **Судья и конокрад.** Записано в 1977 г. в дер. Канлы Туркаево Буздякского р-на Р. Нафиковой от Ахметгали Ишбулдина. НА, ф. 3, оп. 65, д. 24, л. 36; БНТ: Сказки, кн. 5, № 53.

АТ 1534 («Шемякин суд»).

В указателе АТ учтены, кроме вариантов на европейских языках, турецкие и индийские. Дополнительно отметим: Подлинные рассказы о Харун-ар-Рашиде, с. 268—272; см. также: Новак, № 398; Марзольф, с. 220—221; Тадж. ск., с. 534—536; Курд. ск., с. 210, № 9; Осетин. ск., № 94; Азер. ск., 1977, с. 328—331; ТНТ: Сказки, кн. 3, № 90; КС, II, с. 250; Амхар. ск., № 103. История сюжета связана с древними лит памятниками Востока (с тибетским сб. «Дзанглуна»), средневековой западноевропейской литературой, напр., с немецким стихотворением XV века «Правда Карла Великого», в котором, как и в названных (казахской и таджикской сказках), повествуется о справедливом остроумном судье. Вероятно, фольклорное происхождение имеет русская сатирическая повесть XVII в. «Шемякин суд». Она послужила основой популярных в XVIII—XIX веках лубочных и связанных с ними устных русских сказок данного сюжета. А те стали иногда переходить в репертуар сказочников других народов страны, творчески изменяясь. Башкирская сказка, подобно татарской «Два брата», близка русским вариантам «Шемякина суда» социально-сатирической заостренностью, но отличается особыми образами и мотивами. В ней повествуется не о бедном брате, а о находчивом конокраде.

150. **Салим, отказавшийся от рая.** Записано в 1968 г. в дер. Гумерово Ишимбайского р-на Н. Шункаровым от Нагима Галимова, 1905 г. рожд., — НА, ф. 3, оп. 65, д. 3, л. 381—384; БНТ: Сказки: кн. 5, № 54.

АТ 1531 («Жизнь есть сон») + 1526 («Старый нищий»).

Такая же контаминация сюжетов в неопубликованной башк. сказке (НА, ф. 3, оп. 10, д. 37, л. 43—44; зап. в 1941 г. в дер. Зайтово Гафуринского р-на) и в варианте сб. «Сказки Ф. П. Госпадаре» (Петрозаводск, 1941, № 67). Первый сюжет учтен у АТ в немногих сказках на европейских и арабском, турецком языках. Его история связана со сказкой («Халиф на час, или рассказ про Абу-Хасана» («Халиф на час», из книги «Тысячи и одной ночи», М., 1961, с. 21—95), с комедиями Э. Кальдерона «Жизнь есть сон» (1632), В. Шекспира «Укрощение строптивой» (пролог), польского драматурга XVII в. Барыки «Из мужиков в короли», произведениями итальянской и испанской новеллистики («Декамероном» Дж. Боккаччо, новелла 8-я третьего дня), новеллой Рохеса Вильядрандо «Сон наяву» (нач. XVII в.), произведениями немецкой литературы эпохи барокко — романом М. Алемана «Жизнеописание плута Гусмана де Альфараче» (1599, ч. I, гл. 14), книгой Г. Ф. Харсдерфера «Женские беседы для игры и забавы» (1642), романом Г. Я. К. Гриммельсгаузена «Симплицимус» (1669, — кн. 2, гл. 5—6), подложным продолжением романа И. Мошероша «Диковинные и истинные видения Филандера из Зиттевальда» (вторая половина XVII в., — эпизод). Сюжет «Старый нищий» учтен в славянском, балтском, венгерском, немецком, французском, фламандском сказочном материале. Герой — озорник и плут — нечаянно убивает стрелой торговца, забирает его деньги, поджигает избу и, пользуясь переполохом, обворовывает магазин и т. п.

151. **Как Харанбай стал невидимкой.** Записано в 1977 г. в дер. Яныбаево Белокатайского р-на А. М. Сулеймановым от Гайфуллы Калимул-

лина, 1894 г. рожд.—ФФ БГУ, ед. хр. 170, л. 16—18; БНТ: Сказки, кн. 5, № 25.

1531 («Обглодав кость сваренного черного кота, бай воображает себя невидимкой»).

Ср. татарскую сказку «Цветок папоротника»: мулла срывает ночью цветок папоротника и берет в рот; работник уверяет его, что он стал невидимым: выведенный из терпения работник топит муллу в реке — тот становится невидимым на самом деле (Татар халык әкиятләре/Ред. Ф. Г. Гайнанова.— Казан, 1964, 316—318 б.).

152. Хитроумный егет. Записано в 1954 г. в дер. Ибраево Зианчуринского р-на Н. Д. Шункаровым от Яхии Юлдашбаева.— НА, ф. 3, оп. 32, д. 35, л. 81—82; БНТ: Сказки, кн. 5, № 31.

АТ 1537 («Мертвое тело»).

Вариант: БНТ: Сказки, кн. 5, № 32; ср. тексты № 91, 146, 154, 181.

Дополнительно к АТ: СУС, с. 315; Марзольф, с. 223; ТНТ: Сказки, кн. 3, №№ 74, 98; Арайс-Медне, с. 397; Сингаль. ск., № 173; Дунган. ск., № 58. История связана с персидским сб. «Царь Афсханеб», арабской «Тысячью и одной ночью» (ночь 25-я, «Сказка про горбуна»), французскими фавльо (Бедье, с. 465), итальянскими новеллами (см.: Ротунда, индекс К-2151), немецким шванком Паули «В шутку и всерьез» (№ 598). В сказке «Хитроумный егет» есть необычные для данного сюжетного типа мотивы:

153. Закир и Шакир. Данных о месте записи в 1922 г. и собирателе, рассказчике нет.— НА, ф. 3, оп. 65, д. 3, л. 143—144; БНТ: Сказки, кн. 4, № 105.

АТ 1535 + отчасти 1537 (См. коммент. к предыдущему тексту). Контаминация сюжетов, нередко встречающаяся в сказках разных народов.

Варианты: Бессонов, №№ 53, 55, 56; См. также тексты № 154, 155, 162. Девять неопубликованных вариантов типа 1535 имеются в НА и ФФ БГУ, в том числе весьма сходные со сказкой «Закир и Шакир» (в контаминации с сюжетным типом «Мертвое тело») и под тем же названием, например: НА, ф. 3, оп. 32, д. 22, л. 143—146; оп. 32, д. 14, л. 39—40— «Старший Иван и младший Иван». Сюжет «Дорогая кожа» имеет всемирное распространение. Дополнительно к АТ варианты: ТНТ: Сказки, кн. 3, № 74; Марзольф, с. 220—221; Дунган. ск., № 58; СНП, № 7; Тадж. ск., с. 483—485; Спиев, «Fabula», 1973, кн. 14, с. 230—233; Узб. НС, II, с. 332—340; Каракалп. ск., с. 230—233; Казах. ск., 1959, с. 306—312; Монгол. ск., с. 29—31; (ФНК, № 72). Старейшей из известных сказок о плуте, которого хотели бросить в мешке в воду, но был подменен прохожим,— в китайском сб. V в. «Типитака» (пер с санскрита). Довольно близко напоминает сказки типа 1535 латинское стихотворение X—XI вв. «Unibos». История сюжета связана также с новеллой сб. итальянского писателя эпохи Возрождения Серкамби и сказкой Андерсена «Клаус большой и Клаус маленький». В публикуемой башк. ск. есть своеобразные подробности.

154. Девять Гундосых и Пискливый. Записано в 1965 г. в дер. Юсупово Кигинского р-на Г. Сафиной от Хариса Мухаметгалина.— ФФ БГУ, ед. хр. 156, л. 112—116; БНТ; Сказки, кн. 5, № 37.

АТ 1535 + отчасти 1537 (См. коммент. к текстам 153 и 154).

Другие башк. вар-ты, в которых сюжет «Дорогая кожа» соединен с мотивами сюжета «Мертвое тело»: «Плешивый Алдар», «Плешивый и два брата», «Младший брат» — Бессонов, №№ 53, 55, 56; «Обманщик» — Зеленин, № 109; БНТ: Сказки, кн. 4, № 129 (отчасти). Неопубликованные: «Девять Тункулдаков и Мимылдак» — ФФ БГУ, ед. хр

л. 39—42; «Девять Тукумбетов и один Алпылдак» — НА, ф. 3, оп. 32, д. 16, л. 33—42; «О попугае и глухих птицах»: в роли Тункулдаков здесь выступают глухие птицы, а в роли Янгылдака (Мимылдака) — попугай — НА, ф. 3, оп. 10, д. 37, л. 57—58. В вар. Зеленина развитие сюжета о гундосом обманщике Тункулдаке и девяти других обманщиках значительно отклоняется от типа «Дорогая кожа» (Бедняки-родители говорят каждой из своих дочерей: «Если хочешь есть, выходи замуж». Поев, девушки отвечают, что теперь сыты и не хотят выйти замуж. Старшую в жены берет Тункулдак и т. д. Весьма сходные иноязычные варианты, в которых ведущими мотивами являются столкновения многочисленных братьев-простаков (Тункулдаков) с хитрым, находчивым братом Мимылдаком или Ялпылдаком, Тазом-Плешивым: ТНТ: Сказки, кн. 3, № 74—«Тугыз», «Тукулдык бер Мимылдык»; Каракалп. ск., с. 107—109—«Один Шинкельдак и девять Донькулдаков», с. 230—233—«Один Янгылдак и девять Тунгылдаков»; Ногай. ск., 1964, с. 109—111—«Шесть Анкылдаков и один Тонькылдак»; Ногай. ск., 1979, № 32—«Семеро братьев»; Казах. ск., 1959, с. 292—294—«Пискун»; Монгольск. ск., с. 29—31—«Коротышка и семеро плешивых».

155. Умный егет и жадные баи. Записано в 1974 г. в дер. Мурадымово Аургазинского р-на студентами (фамилии не указаны) от Сафаргали Абдулнасировича Аитбаева.— ФФ СГПИ, ед. хр. 74; БНТ: Сказки, кн. 5, № 14.

1536В («Выслеженные батраком баи-конокрады пытаются его утопить, но батраку удается утопить их») +отчасти 1535 (см. коммент к № 153).

156. Царь и крестьянин. Записано в 1980 г. в дер. Гадельгареево Бурзянского р-на Р. Асигуловым от Ахметьяна Халиуллина.— ФФ БГУ, ед. хр. 171, л. 34—39; БНТ: Сказки, кн. 5, № 38.

АТ 1538 («Мечь крестьянина») +частично 1528 («Птица под шляпой»).

Сюжет о мести крестьянина учтен в романском, англо-американском, скандинаво-балтском, славянском и турецком фольклорном материале. Лит. история восходит к французскому средневековому роману XIII в. «Труберт» Д. Левизне: сына бедной крестьянки Труберта хозяин замка Гарнье принуждает продать корову по цене козы: Труберт, переодевшись плотником, потом доктором, жестоко избивает своего господина. В середине XIX в. украинским литератором С. А. Асташевским написана на основе сказки типа 1538 стихотворная «Сказка о пане старосте Каневском» (см.: Кшижановский, I с. 287). Подобная белорусская сказка получила отражение в романе З. Бядули «Соловей» В башкирской сказке сюжет деформирован и осложнен необычными мотивами.

157. Кыркалдар. Записано в 1979 г. в дер. Зириклино Мелеузовского р-на Батыром Назаргуловым от Фатимы Насыровой, 1907 г. рожд.— БНТ: Сказки, кн. 5, № 5.

АТ 1538* («Шут-невеста»).

Томпсоном учтен только в русском сказочном материале, но встречается и в украинском, белорусском (СУС, с. 317), а изредка и в других нац. вариантах: Tille V. Supis českých pohádek. Dílu II, sv. 2.— Praha 1937, 141—143; Арайс-Медне, с. 357; Казах. ск., 1959, с. 346—348; от части ТНТ: Сказки, кн. 3, № 40. Тюркоязычные варианты отличаются бытовым мусульманским колоритом и особыми мотивами.

158. Как бай залаял по-собачьи. Записано в 1938 г. С. Латыповым.— НА, ф. 3, оп. 10, д. 37, л. 77а—77б; БНТ: Сказки, кн. 5, № 15.

СУС 1538*** («Барская, или байская собака»).

Вариант: ФФ БГУ, ед. хр. 90, л. 37.

Инонациональные варианты: СУС, с. 317; Каракалп. ск., с. 56—57 — «Собака и бай»; Уйгур. ск., с. 44—47 — «Бедняк Хасан и Махмут-бай»; ФНК, № 76 — «Помещик и мужик»; Чуваш. ск., «Хозяин и работник» — Сидорова, Указатель, с. 276. Нерусские вар. находят соответствие в русском фольклоре и, по-видимому, генетически связаны с ним. Из примечательных подробностей публикуемого башк. вар. отметим: бедняк, вступает в сговор с ворами; баю приходится раскошелиться, чтобы бедняк молчал о его позоре.

159. Как Алдар царским зятем стал. Записано в 1968 г. в дер. Гумерово Ишимбайского р-на Н. Шункаровым от Нагима Галимова, 1905 г. рожд. — НА, ф. 3, оп. 65, д. 3, л. 330—335; БНТ: Сказки, кн. 4, № 126.

АТ 1542 II (Шутки или «Мешок обманов» дома оставил) +1530 («Держит березу») +654В* («Купеческий сын») +отчасти 1528 («Птица под шляпой»).

Варианты первого сюжетного типа: БНТ: Сказки, кн. 4, № 127, отчасти № 128 (см. текст 160).

Томпсоном учтены варианты на европейских и турецком яз.; Сюжет о «мешке обманов» бытует также в виде анекдотов о Насреддине или о Хитром Петре — см.: Двадцать три Насреддина, № 391 — болгарский вариант, в Примечаниях на с. 519. отмечены турецкие, азербайджанские, узбекские, персидские, татарские и аварские варианты.

Башкирские вар. типа 1530: Бессонов, № 64 и след. ниже тексты. У АТ учтены варианты на европейских, африканских и турецком яз. Дополнительно: Абхаз. ск., № 72; КС, II, с. 310; Чуваш. ск., с. 236—245. О типе 654В* см. коммент. к тексту 29. Связь сюжета о купеческом сыне с типами 1542 II и 1530 здесь неорганична. Своеобразно разработаны эпизоды вымогания Алдаром денег у жены муллы, продажи Алдаром самого себя в рабство, возвращения его из подземного мира к кушам-караванщикам.

160. Хан и Алдар. Записано в 1965 г. в дер. Ново-Байрамгулово Учалинского р-на Д. Игликовой от Васфиямал Габдрахмановой. — ФФ БГУ, ед. хр. 147, л. 116—118; БНТ: Сказки, кн. 4, № 128.

АТ 1542 II +1530 (См. коммент. к предыдущему тексту) +1539 («Шут»).

Последний сюжет является ведущим. Его варианты: Бессонов, №№ 53, 55, 64. См. также тексты 162 и 163.

Неопубликованные: НА, ф. 3, оп. 10, д. 43, л. 6—9; оп. 20, д. 39, л. 23—24; ФФ БГУ, 1973, ед. хр. 21, л. 134—137.

У АТ учтены преимущественно европейские варианты сюжета «Шут», а из восточных турецкие, индийские, индонезийские, китайские и некоторых народов Африки. Дополнительно отметим: СУС, с. 317—318; Новак, тн. 441, № 6—9; Марзольф, с. 224, № 1—7; Осетин. ск., № 97; Глonti, с. 130—136 = Долидзе, с. 117—121; Мальсагов, № 114; Каракалпак. ф-р, с. 278—280; КС, III, с. 244; ТНТ: Сказки, кн. 3, № 71, 81; Удмурт. ск., с. 249—251; ФНК, № 71; Арайс-Медне, с. 357; Ск. нар. Филиппин, № 152; Сингаль. ск., № 180; Кшижановский, II, с. 84—86. Мотив «Ученый заяц» встречается и в некоторых других тюркских вариантах типа 1539 (ЭБ № 176, IV, 351). Лит. история этого сюжета так же, как и сюжета типа 1535, восходит к латинскому стихотворению X или XI в. «Unibos». Старейшая лит. обработка в сб. Дж. Страпоролы «Приятные ночи» (ночь I, сказка 3). Мотивы данного сюжета встречаются в восточных анекдотах о Насреддине (См.: Двадцать три Насреддина, № 365, Даргин., с. 83—87).

161. Как Алдар бесов изгнал. Записано в 1966 г. в с. Абзаново Зианчуринского р-на С. Валеевым от Хади Валеева. — ФФ БГУ, ед. хр. 156, л. 302—304; БНТ: Сказки, кн. 5, № 1.

Отчасти АТ 1539 (См. коммент. к предыдущему тексту) +1530 (Ср. тексты 150, 160 и см. коммент. к ним) +1730 («Священнослужители на свидании у замужней женщины». Ср. текст 79 и см. коммент. к нему). 1730 осложнен рядом мотивов. Мулла, муэдзин и кадий раздетые спасаются бегством. Переодевшись в священнослужителя, неузнанный, Алдар приезжает к мулле, муэдзину, кадию, выдает себя за уполномоченного муфтия.

162. **Проделки Алдара.** Записано в 1938 г. Н. Асанбаевым.— НА, ф. 3, оп. 32, д. 77, л. 79—80; БНТ: Сказки, кн. 4, № 129.

АТ 1539 (См. коммент. к тексту 160) +1535 («Дорогая кожа». См. коммент. к тексту 153).

Традиционная для сказок многих народов контаминация сюжетов. Эпизоды с «чудесным» котлом-самоваркой и «чудесной», испражняющейся будто бы золотом лошадью, встречаются часто в тюркских, восточнославянских и других вариантах сюжетного типа «Шут». В данном вар. сюжета «Дорогая кожа» есть и необычные мотивы: Алдар помогает баю зарезать восемьдесят коров и содрать с них шкуры; жалуется на бая становому и получает вознаграждение; покупает другому баю «ковер-самолет» и учит его летать. Оригинально разработана вступительная часть «Алдар вместе с соседом крадет корову и разоблачает сообщника». Сатирическая социально классовая направленность получает в этой сказке яркое выражение.

163. **Плешивый Алдар и муллы.** Записано в 1962 г. в дер. Курамшино Аргаяшского р-на Челябинской обл. Ф. Надршиной от Бики Фазылхановой, 1931 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 21, д. 8, л. 107—108; БНТ: Сказки, кн. 4, № 130,

АТ 1539 (См. коммент. к тексту 161) +1536В («Бродяга или мужик, солдат хоронит одного за другим нескольких убитых мулл или попов, монахов, панов»). Вариант такой же контаминации сюжетов: БНТ: 1959, с. 208—219. Неопубликованные варианты: НА, ф. 3, оп. 32, д. 11, л. 240—247; д. 19, л. 41—46; д. 29, л. 113—119; ФФ БГУ, ед. хр. 98, л. 255—259.

Такая контаминация сюжетов встречается и в восточнославянском сказочном материале. В сказках, где сюжет 1536В получает самостоятельное развитие, герой убивает трех любовников жены (чаще всего мулл) и нанимает бродягу или мужика, солдата, чтобы сбросил труп одного из них в реку, затем подсовывает второго и третьего; бродяга бросает в реку и встретившегося живого муллу, приняв его за вновь ожившего утопленника. У АТ учтены, наряду с вариантами типа 1536В на двенадцати европейских языках, арабские, турецкие, индийские. Дополнительно отметим: СУС, с. 311;— Ск. нар. Филиппин, № 153; Дунган. ск., № 60; Афган. ск., с. 172—174; Ск. Исфахана, с. 179—180; Марзольф, с. 222—223; Абх. ск., № 63; Арайс-Медне, с. 257; Кшижановский, II, с. 83—84. История сюжета прослеживается по средневековым французским фавльо с XIII в. (Бежье, с. 236—256), по итальянским новеллам XI—XII вв. (Ротунда, индекс К 2322) и по шведской народной книге 1641 г., в которую сказка вошла под заглавием «Женщина и три рыцаря» (Юнгман, с. 306, № 1536В). Эпизод с «чудесной» тубетейкой встречается нередко в сказках типа «Шут» разных частей света, напр., в европейских и в филиппинских, сингальских вариантах.

164. **Как Алдар землю продал.** Записано в 1930-х годах в дер. Базанчатово Аскинского р-на писателем Киреем Мэргэном от Ахмадинура Киреева, 1886 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 170, л. 1—3; БНТ: Сказки, кн. 5, № 2.

1539Д («Хитрец семикратно продает один и тот же участок земли»).

Вариант: ФФ БГУ, ед. хр. 34, л. 255—259,— Алдар продает одну и ту же корову трем муллам, им же продает «чудесную» шапку, «чудесную» палку, якобы оживляющую мертвых (*1539Д* +1539)

Ср. восточные анекдоты о торговле, расплате и хитроумных расчетах в кн. «Двадцать три Насреддина»— с. 126—154.

¹ Имеется в виду Коран.

165. **Хитрый шакирд.** Записано в 1975 г. в дер. Максютово Кугарчинского р-на А. Сулеймановым от Гибадуллы Бишева, 1898 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 147, л. 204—209; БНТ: Сказки, кн. 4, № 125.

АТ 1540 («С того света выходец»). Вариант:— НА, ф. 3, оп. 10, д. 37, л.

У АТ, кроме вариантов на европейских языках, учтены тексты на восточных языках, записанные в Палестине, Турции, Индии, Индонезии. Дополнительно отметим: СУС, с. 319—320; Марзольф, с. 225; Спиес, с. 208 и след.; Амхар. ск., № 163, 164; Глонти, с. 107—108, 263—265—Долидзе, с. 253—254; ТНТ: Сказки, кн. 3, № 130; Чуваш. ск., с. 176—177; Арайс-Медне, с. 357; Кшижановский, II, с. 86. История сюжета восходит к латинскому стихотворению, изданному в 1509 и к «Фацетиям» Г. Бебеля (кн. 2, № 50), «Басням и шванкам» (кн. 5, № 596), «Fastnachtspiele» (кн. 2, № 22) Г. Сакса и по поздним лит. обработкам, в частности по польской интермедии XVI в. «Wdowies z usagem niebeskim». Башкирская сказка «Хитрый шакирд» отличается оригинальной заключительной частью.

166. **Как Таз братьев своих проучил.** Записано в конце 1930-х годов Л. Башировым.— НА, ф. 3, оп. 32, д. 14, л. 257—258; БНТ: Сказки, кн. 4, № 124.

1541С («Младший брат разрушает замысел старших братьев обокрасть старуху»).

167. **На воре шапка горит.** Записано в 1971 г. в дер. Ишбулдино Абзелиловского р-на М. Фаттаховой от Галияна Фаттахова.— ФФ СГПИ, 1971, ед. хр. 13, л. 121; БНТ: Сказки, кн. 5, № 42.

*1546** («Вор выдает себя, услышав, что «у вора на шапке солома горит»).

Напоминает индийский анекдот о Бирбале — Забавные рассказы про великомудрого и хитроумного Бирбола. М., 1978, с. 19.

168. **Ялангасбай и Алдар.** Записано в 1962 г. в дер. Абзаново, Архангельского р-на М. Ульметаевой от Сахипьямал Юсуповой.— ФФ БГУ, ед. хр. 147, с. 133; БНТ: Сказки, кн. 5, № 3.

СУС 1547*** («Баю холодно в шубе, работнику тепло в худой одежде»). Ср. вар. сл. текст. Финал напоминает сказки типа АТ 545В («Кот в сапогах»).

Ср. казахскую сказку «Чудесная шуба Алдара-Косе» (КС, I, с. 207—208), подобные русские сказки (СУС, с. 324), а также мордов. ск., с. 362—363.

169. **Бай и батрак.** Записано в 1975 г. в дер. Абитово Мелеузовского р-на Б. Назаргуловым от Гайнуллы Рахметовича Хайруллина, 1937 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 156, л. 345—356; БНТ: Сказки, кн. 5, № 21.

СУС 1547*** («Баю холодно в шубе, работнику тепло в худой одежде»). Ср. предыдущий текст и см. комментарии к нему. Отчасти напоминает сюжетный тип СУС 1525В* («Нужда»). См. тексты 188.

170. **Вареная железка.** БНТ 1959, с. 270; БНТ: Сказки, кн. 4, № 107 АТ 1548 («Солдат варит суп или кашу из топора или железки») Дополнительно к АТ: ТНТ: Сказки, кн. 3, № 129; СУС, с. 324—

325; Арайс-Медне, с. 358. История сюжета восходит к новелле итальянского писателя XVI в. Дж. Серкамби.

171. **Кунай и Купай.** Записано в 1956 г. в г. Троицке Челябинской обл. А. Харисовым от Исмагила Рахматуллина.— БНТ, 1959, с. 186—188; БНТ: Сказки, кн. 4, № 111.

АТ 1562С* («Скупой старик») + отчасти 1563 («Хитрец получает у бая разрешение взять шило, но берет в жены байскую дочь»).

В фольклорных фондах БГУ, СГПИ и НА есть 14 подобных сказок. В них, напр., «Кунай» (НА, ф. 3, оп. 65, д. 2, л. 47—49), сюжет о скупом старике развивается так: Кунай и бай ведут между собой разговор загадками: жена бая тайком кладет мужу горячую лепешку; Кунай, прощаясь, обнимает хозяина и обжигает ему грудь.

Сюжет типа 1562С* отмечен только в русском фольклоре. Публикуемый вар. отличается оригинальной разработкой эпизодов обильного угощения, подмены гостем своей лошади, байской. Ср. Афанасьев, № 520. Сюжетный тип 1563 учтен в многочисленных вариантах на европейских языках и известен по древним арабским литературным памятникам (См.: Шовень, VI, с. 342, № 180), а также по сборникам немецких шванков XVI в. В других вариантах работник, который должен принести две вещи, спрашивает хозяина: «Обеих?»; получив утвердительный ответ, насилует жену и дочь хозяина или двух дочерей хозяина.

172. **Скупой старик и Таз.** Записано в 50-х гг. в пос. Дюртюли (райцентр) Гатой Исхаковым.— НА, ф. 3, оп. 47, д. 2, л. 124—127; БНТ: Сказки, кн. 4, № 112.

АТ 1562С*.

Ср. предыдущий текст, от которого отличается стихотворным зачином и тем, что скупой сам выдает свою дочь за Таза.

¹ *Карун* — нарицательное имя скупца, известного по арабским сказкам, легендам и религиозным книгам.

173. **Мэргэн.** Записано в 1972 г. в дер. Базаргулово Учалинского р-на А. Ягудиной от Гульзифы Гиниатуллиной, 1902 г. рожд.— СГПИ.— 72; БНТ: Сказки, кн. 4, № 113.

*1563** («Обмен простой палки на золото»).

174. **Два соседа.** Записано в 1980 г. в дер. Ибраево Кигинского р-на С. Гайсиной от Шакиры Шакировой, 1904 г. рожд.— ФФ БГУ, 1980, ед. хр. 170, л. 27; БНТ: Сказки, кн. 5, № 28.

*1624В** («Вор и хозяин краденого»). Ср. АТ 1624В*— сюжет, учтенный в литовском, украинском и белорусском сказочном материале: настигнутый вор как ни в чем не бывало возвращает хозяину краденое:— Это гусыня? А я-то думал, что гусак.

175. **Харанбай и Зиннат-агай.** Записано в 1938 г. писателем Шакиром Насыровым в дер. Ибрагимово Гафурийского р-на.— БНТ, 1959, с. 174—175; БНТ: Сказки, кн. 4, № 119.

АТ 1626 («Кому достанется еда»).

Варианты: НА, ф. 3, оп. 10, д. 43, л. 1—2; оп. 12, д. 254, л. 92; оп. 12, д. 264, л. 108—110 (стихотворный текст); оп. 12, д. 254, л. 86; оп. 32, д. 12, л. 104—105, 117—118.

У АТ учтены на европейских языках записанные в странах Европы и Америки, а также индийские и японские варианты. Дополнительно отметим: СУС, с. 336—337; Курд. ск., № 16; Казах. ск., 1959, с. 354—355, 356—357; Каракалп. ск., с. 100—106; Узб. НС, I, с. 328—330; Кумык. ск., с. 3—5; Авар. ск., № 13—СНД, № 15; Глonti, с. 104—105; Молдав., с. 91; Сидорова, Указатель, с. 179; Арайс-Медне, с. 363; Кшижановский, II, с. 104.

История сюжета связана со сб.: «Gesta Romanorum» (См.: Средневековые латинские новеллы XIII в. /Пер. ст. и коммент. С. В. Поляко-

вой. Л., 1980, № 49); «Skala celi», № 414; итальянскими новеллами (Ротунда, индекс К-444). Публикуемая башк. ск. отличается сатирической заостренностью социально-бытового сюжета и выразительными подробностями виденного каждым из трех путников во сне.

176. **Всезнающий Тыз-Быз.** («Кузнечик»). Записано в 1969 г. в дер. Идрисово Салаватского р-на Г. Ягалумовой от Тагира Ягалумова, 1929 г. рожд. — НА, ф. 3, оп. 65, д. 27, л. 36—37; БНТ: Сказки, кн. 5, № 57. АТ 1641 (Гадатель-Всезнайка).

Варианты: БНТ. Сказки, кн. 5, № 58; — НА, ф. 3, оп. 32, д. 17, л. 100—104; оп. 64, д. 3, л. 157—159, 448—449; ФФ БГУ, ед. хр. 23, л. 64—69, ед. хр. 147, л. 315—317.

У АТ учтены наряду с многочисленными сказками на европейских языках турецкие, берберские, индийские, индонезийские, китайские. Дополнительно отметим: сказки: СУС, с. 339—340; Ск. нар. Филиппин, № 156; монгол. ск., с. 99—103; Сингаль. ск., № 193, 194; Новак, тип. 467; Марзольф, с. 233—234; Курд. ск., с. 40—43; Тадж. ск., с. 467—472; глонтти, с. 207—208, Ногай. ск., 1964, с. 80—81, даргинцев, кумыков, лезгин (Халилов, № 55, 60, 74); Каракалпак. ф-р, с. 256—260; Туркмен. ск., с. 42—46; Казах. ск., 1959, с. 316—322; ТНТ: Сказки, кн. 3, № 87; Удмурт. ск., с. 277—279; Арайс-Медне, с. 364; Кшижановский, II, с. 111—112.

История сюжета восходит к памятникам индийской лит. на санскритском яз. — «Гунадхия» (I—II вв. н. э.), «Катхасагара» (XI в.) и связана с древним монгольским сб. «Волшебный мертвец» («Шидихюр», VII—VIII вв.). Старейшая европейская обработка такой сказки — в сб. повелл итальянского писателя Серкамби (ок. 1400 г.). В XVI в. сюжет обрабатывался Страпоролой (сб. «Приятные ночи», ночь XVI, сказка 6), Паули (сб. «В шутку и всерьез», № 791, 818 по изданию Больте), Бебелем (сб. «Фацетии», кн. 2, № 112). Из позднейших литературных сказок типа 1641 замечательна сказка Алексея Ремизова «Догадливый» в его книге «Докука и балагурье» (1914). В публикуемой сказке есть необычные мотивы: Тыз-быз выступает один против вражеского войска и возвращается с победой, женится на царской дочери.

177. **Торговец и крестьянин.** — БНТ: Сказки, кн. 5, № 29.

1644 («Торговец отказывается дать обещанное вознаграждение крестьянину и оказывается в дураках»).

178. **Денег нет, ума много.** Записано в 1986 г. в дер. Комсомол Баймакского р-на М. Исмагиловым от Абдулхая Назарова. — ФФ БГУ, 1986, ед. хр. 204, л. 3.

1650А («Богатство, добытое с помощью золы»).

179. **Старик-пастух.** Записано С. Г. Сафуановым в 1961 г. в дер. Кунакбаево Перелюбского р-на Саратовской обл. от Гульгайши Байрамгуловой, 1902 г. рожд. — НА, ф. 3, оп. 21, д. 60, т. I, л. 185—187; БНТ, Сказки, кн. 1, № 106.

1651 («Счастье от овечьей шкуры»). Разновидность сюжетного типа АТ 1651 («Счастье от кошки»), который учтен у АТ на многих европейских языках и в турецких, индийских, индонезийских вариантах. Дополнительно отметим: Марзольф, с. 239—240.

История сюжета прослеживается с IV в., когда в странах Средиземноморья получил известность анекдот о продаже моряками за баснословную цену кошки в далекой стране, где кошек не знали. Рассказы об этом вошли в исторические хроники XII в. — персидскую Васифа и немецкую (на латинском яз.) Альбрехта фон Штаде. В XVII веке в гробнице мэра Лондона Ричарда Виттингтона, умершего в 1423 г.,

был обнаружен скелет кошки, и тогда стали устно распространяться рассказы о том, что в молодости Виттингтон, путешествуя по морям, разбогател от продажи кошки в стране, где развелось много мышей. Рассказы о счастье от кошки со временем трансформировались в сказках. В башк. сказке сюжет осложнился мотивами, не имеющими параллелей в других вариантах: старик-пастух получает шкуру овцы от волка, съевшего овцу, передает шкуру купцам и т. д.

180. **Начало богатства** — в цыпленке. Записано в 1979 г. в дер. Каранаево Мечетлинского р-на В. Магасумовой от З. Р. Ахметьяновой, 1922 г. рожд.— ФФ БГУ, 1979, ед. хр. 170, л. 30—31; БНТ: Сказки, кн. 5, № 34.

АТ 1655 («Хитрец-странник на каждом почлеге получает от хозяина дома более ценную птицу или домашнее животное, чем имел») Ср. АТ 170; БНТ, т. 4: ВС, № 97. См. также след. текст.

В отличие от сказок типа 170 — о лисе-страннице, бытующих преимущественно в странах Запада, сказки типа 1655 имеют немало восточных вар-тов. Дополнительно к АТ турецким, индийским, китайским, африканским отметим: Казах. ск., 1959, с. 253—255— «Ловкий обманщик»; Калмыц. ск., 1982, с. 36—39— «Кедя»; Ск. нар. Филиппин, № 75— «Как заплатив один сентаво, Хуан женился на принцессе».

181. **Посошок**. Записано в 1941 г. в г. Уфе Х. А. Курбанаевой.— НА, ф. 3, оп. 10, д. 3, л. 137—142; БНТ: Сказки, кн. 5, № 35.

АТ 1655 (См. коммент. к предыдущему тексту) + 1537 («Мертвое тело». Особая разновидность — «За мертвое тело — живую девушку», см. коммент. к тексту 153).

Традиционная контаминация сюжетов. Ср.: БНТ: Сказки, кн. 5, № 36— «За мертвую — девушку живую». Неопубл. вар-ты: Казахский вариант: Казах. ск., 1982, с. 253—256; НА, ф. 3, оп. 60, л. 450—452; ФФ БГУ, ед. хр. 170, л. 32—33; ед. хр. 61, л. 43—44. В вариантах хитрец, получив за мертвую девушку, поет:

За лопату — пшеницу,
За пшеницу — курицу,
За курицу — гуся,
За гуся — быка.

За быка — мертвую девушку,
За мертвую — живую девушку,
Поднявшись на вершину горы,
Поцелую тебя, моя красавица.

Финал сказки «Посошок» не имеет аналога.

182. **Алдар и генерал**. Записано в 1981 г. в пос. Каратал Баймакского р-на Р. Каскиновой от Зулехи Байгутлиной, 1907 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 170, л. 4—5; БНТ: Сказки, кн. 5, № 4.

АТ 1677 («Генерал или министр высиживает на яйцах цыплят»).

Ср. русский текст, записанный в Белорецком р-не — Ск. башк., 1969, № 20; другой фольклорный рус. вар.— о шуте Балакиреве и генерале — в сб. «Сказки Ф. П. Господарева», 1941, № 29. В русских лубочных изданиях анекдотов о шуте Балакиреве данный анекдот «Наседка» печатался в дореволюционное время 30 раз. В опубликованном материале фольклора восточных народов СССР есть только один вариант — «Апенди и глупый везир» (Киргиз. ск., 1962, с. 328—329). Он соответствует анекдоту о Балакиреве и генерале.

История сюжета связана с западной новеллистикой эпохи Возрождения. В указателе АТ учтены итальянские, испанские, венгерские, эстонские и сербохорватские тексты.

183. **Как два шакирда уразу продали**. Записано в 1978 г. в дер. Рысаево Белорецкого р-на Р. Талиповой от Гульемеш Латыповой, 1898 г. рожд.— ФФ СГПИ, 1978; БНТ: Сказки, кн. 5, № 39.

1705В («Рой ос в мешке вместо святого поста — уразы»). Ср.: АТ 1705В* («Преподобный шершень»).

Вариант в ФФ СГПИ, 1978, зап. в дер. Яйкарово Абзелиловского р-на от Н. Х. Хибатуллиной: старик продает глупцам сундук, в котором находится рой диких пчел, убедив, что это его вера.

¹ В сказке обыграна идиома «держаться уразу» (поститься), схожая с таким житейским выражением, как «держаться (в хозяйстве) корову».

184. Шумбай. Записано в 1964 г. в дер. Таваканово Мелеузовского р-на З. Уразбаевой от Фахернисы Шагаровой, 1896 г. рожд.— ФФ БГУ, 1964, ед. хр. 92, л. 39—43; БНТ: Сказки, кн. 4, № 104.

АТ 1725 («Влюбленный поп»).

В фольклорных фондах (НА, ФФ БГУ) имеется 15 неопубликованных башкирских вариантов (Сулейманов А. М. Изучение сказки как художественного целого. Уфа: БГУ, 1984, с. 15—33, на башк. яз.).

У АТ учтены на многих европейских языках и в турецком, индийском фольклорном материале. Особенно близкой сюжетной параллелью к публикуемой башк. ск. и ее архивным вариантам является одноименная татар. ск. (ТНТ: Сказки, кн. 3, № 73; в переводе на русский яз.— «Находчивый Шомбай»: Татар. ск., 1986, с. 366—370), имеющая многочисленные татар. варианты. Отметим также другие параллели к башкирской сказке, не учтенные у АТ: Монголь. ск., с. 103—106 — «Хитрец»; СНП, № 58 — о пасынке, мачехе и ее любовнике.

185. Мулла и егет. Записано в 1966 г. в дер. Тавакачево Архангельского р-на Равилем Бикбаевым от Яныбая Исянбаева, 1894 г. рожд.— НА, ф. 3, оп. 61, д. 2, л. 33—34; БНТ: Сказки, кн. 5, № 24.

АТ 1735 («Кто отдаст последнее, получит десятирицею») + 1642 V («Ловкач оправдывается на суде, вместе с тем присваивает коня и одежду истца»). Ср. след. два текста.

У АТ 1735 учтен в вариантах, записанных в Европе и Америке на европейских языках. СУС, с. 355. Тат. вар.— ТНТ: Сказки, кн. 3, № 91 История сюжета 1735 связана со средневековыми французскими фавльо (Бедье, с. 451—452), немецкими шванками (Паули. В шутку и всерьез По изд. Больте № 324). Сюжет типа 1642 V распространен в разных частях света, его история связана с «Пентамероном» Базиле (I, № 4). Героем подобных анекдотических восточных сказок выступает иногда Ходжа Насреддин: Анекдоты о Ходже Насреддине и Ахмет-Ахасе/Подгот. текста и предисл. С. Коцюбинского. Симферополь, 1937, № 11 (=Двадцать три Насреддина, № 370); Похождения Ходжи Насреддина/пер. с узбекского А. Рахими и М. Шевердина. Таш., 1965, № 71. Публикуемый башк. вар. имеет близкие параллели в русском сказочном материале.

186. Мулла, бедняк и казый. Записано в 1925 г. в Челябинской обл. Б. Альметьевым от Хакима Байганова.— НА, ф. 3, оп. 26, д. 1, л. 195—201; БНТ: Сказки, кн. 4, № 116.

АТ 1735 + *1534* («Суд казыя, в доме которого ночью спрятался под нарами бедняк, в пользу этого бедняка»). О первом сюжетном типе см. в коммент. к предыдущему тексту.

187. Приключения крестьянина. Паспортичка отсутствует. Запись на башкирском яз. 1930-х годов: НА, ф. 3, оп. 10, д. 37, л. 163; БНТ: Сказки, кн. 4, № 117.

АТ 1735 (См. коммент. к тексту 187) + 1610 («Дележ награды»)

Сюжет типа 1610 учтен у АТ в вариантах на европейских языках, а также в индийском, арабском сказочном материале. Дополнительно отметим: Глонти, с. 206—207. История сюжета связана с сочинением арабского писателя X в. Масуди «Зеленый луг». В научных исследова-

ниях (А. Вессельского, В. Юнгмана) есть сведения о том, что подобные сказки бытовали в Италии, Испании, Франции и Англии еще в XIV—XV вв. Из ранних европейских лит. обработок этого сюжета известен немецкий шванк книги И. Паули «В шутку и всерьез» (по изданию Больте № 614) Башк. вар. отличается бытовым мусульманским колоритом.

188. **Бай Нужду повидал.** Записано в 1939 г. в г. Уфе Миргасимом Фазлиахметовым.— НА, ф. 3, оп. 18, д. 17, л. 149; БНТ: Сказки, кн. 4, № 123.

СУС 1525В* («Барин хочет узнать, что такое нужда»). См. тексты 169, 170.

Ближние татарские варианты: ТНТ: Сказки, кн. 3, № 83— «Нужда», в примеч. на с. 334 указаны шесть архивных татарских текстов.

189. **Нужда утопиться бая заставила.** Записано в 1975 г. в дер. Абитово Мелеузовского р-на Б. Назаргуловым от Гайнуллы Хайруллина, 1937 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 149, л. 124—125; БНТ: Сказки, кн. 5, № 20.

АТ 1775 («Голодный барин или бай, поп, мулла, на ночлеге») + отчасти СУС 1525В* (См. коммент. к предыдущему тексту).

Вариант: НА, ф. 3, оп. 10, д. 38, л. 29—30— «Как бай страдал от Нужды», зап. в 1938 г. в Осинском р-не Пермской обл.

Первый сюжет учтен у АТ в фольклоре многих народов Европы и Америки, а также в китайском сказочном материале. Старейший лит. текст — немецкий шванк XVII в. Первая русская публикация в полулубочном сб. Е. Хомякова «Забавный рассказчик». СПб, 1791, с. 70—71 Контаминация сюжета типа 1775 с мотивами сюжетного типа «Нужда» (ср. текст 185) характерна для восточнославянской традиции. Мотив самоубийства изголодавшегося и одичавшего бая в известном сказочном материале параллелей не имеет.

190. **Кучер проучил скрягу-бая.** Записано в 1975 г. в дер. Ташбулатово Абзелиловского р-на С. Кунаевой от Гизатуллы Ахмадина.— ФФ БГУ, ед. хр. 127, л. 56; БНТ: Сказки, кн. 4, № 121.

1775В («Бай перестал быть скрягой»). Отчасти напоминает древнегреческий миф о том, как Прометей обманул Зевса, обложив сверху рога и копыта кусками жертвенного мяса, а самые вкусные куски мяса скрыл под ними. Ср. казахскую сказку «Как Алдар еще раз обманул черта» («Алдарзын Шайтанды тагы бер алдаганы»). См.: Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963, с. 68—70, 429; Турсунов Е. Генезис казахской бытовой сказки. Алма-Ата, 1973, с. 26—27; венгерскую сказку «О том, как бедняк черта обманул» (Венгер. ск., с. 117—118).

191. **Как бедняк избежал наказания.** Записано в 1938 г. в дер. Аюлытамак Хайбуллинского р-на от Ахтяма Ятимова.— НА, ф. 3, оп. 10, д. 39, л. 28; БНТ: Сказки, кн. 5, № 26.

СУС 1796* («Кобыла умнее»).

Ср.: туркменскую сказку «Умный осел везира» (Туркмен. ск., с. 64); украинский сб. «Українська сатира та юмор» / Відп. ред. Ю. М. Соколов. К., 1940, с. 177—178: мужик дважды колотит попа, ходившего к его жене, и убеждается, что кобыла умнее попа, так как перестала тянуть в болото после одного удара кнутом. В башк. сказке сюжет осложнен мотивами социального протеста.

192. **Сказка о земле.** Записано в 1967 г. в дер. Бургаджино Мечетлинского р-на Р Ахтаровым от Курбана Сарварова, 1904 г. рожд.— ФФ БГУ, ед. хр. 7, л. 171—172; БНТ: Сказки, кн. 4, № 122.

2400 («Старики соглашаются уступить чужеземцу столько земли, сколько успеет обежать от восхода до захода солнца»).

Варианты: Башк. ск., 1969, № 13; Ск. башк., 1975, № 42=БНТ, т. 2: ПЛ, № 224, 225; Эпич. жанры устн. нар. т-ва. Уфа, 1968, с. 278—279. Лит. обработка — рассказ Л. Н. Толстого «Сколько человеку земли нужно» (1885). Он явился откликом писателя на возмущившее его расхищение башкирских земель в пореформенную эпоху, которое напомнило ему предание о скифах из «Истории Геродота» (кн. IV, раздел 7). О подобном скифскому обычае башкир уступать жадным пришельцам столько земли, сколько успеет обежать за день, есть сведения в статье этнографа С. М. Пономарева «С Урала» в журнале «Русский вестник» 1886 г., кн. 2, отд. I, с. 182. В «Сказке о земле» и в других устных повествованиях, записанных в последние десятилетия от башкирских рассказчиков, вероятно, сказалось обратное влияние популярного толстовского произведения на фольклор.

ГЛОССАРИЙ*

В скобках башкирское написание слова, когда оно отличается от русской транскрипции.

Абзый — обращение к старейшему мужчине у юго-западных башкир, а также у татар.

Абыстай — жена мусульманского священнослужителя.

Азан (араб.) — приглашение на молитву в мечеть, возвещаемое с минарета.

Айдук! (*Әйзүк!*) — Добро пожаловать!

Албасты (*албаҫты*) — антропоморфное мифическое существо, которое башкиры представляли в образе женщины с висячими грудями и мохнатыми, непричесанными волосами. По древнему поверью, албасты наваливается ночью на спящих, сует им в рот свою грудь, как бы желая принудить сосать.

Атак — возглас, выражающий удивление.

Байбися (*байбисә*) — жена бая.

Бауырхак (*бауырһак*) — круглые шарики сдобного теста, сваренные в масле.

Бэбэй туй (*Бәпәй туйы*) — пир, праздник в честь новорожденного, (новорожденной).

Бэй (*бәй*)! — возглас, выражающий удивление.

Вилайет (араб.) — волость, область. В сказке употребляется в значении «царство».

Дерхим (*дирһем*) — средневековая арабская монета.

Дульдуй — исламский мифический крылатый конь (то же самое, что и тулпар).

Ензә (*еңзә*) — жена старшего брата или старшего родственника.

Казый (араб.) — букв.: тот, кто решает. Мусульманский судья, являющийся духовным лицом.

* В глоссарий в основном включены слова, не объясненные в предыдущих томах.

Кайным (кайным) — тесть мой.

Карун — скупой, жадный, скряга.

Карындык — оконное отверстие, затянутое брюшиной.

Ката (ката) — национальная обувь из кожи и домотканого сукна, украшенная орнаментом (ср. «сарык»).

Кирэгэ (кирэгэ) — решетчатый каркас юрты.

Куся (күсә) — безбородый.

Кыл-кумыз — старинный смычковый башкирский народный музыкальный инструмент.

Мусафир (араб. мосафир) — странник.

Мутавали (араб.) — заведующий (делопроизводитель) мечети или медресе.

Назир (араб.) — начальник какого-либо ведомства, министр.

Остабика (оҫтабикә) — жена мусульманского священнослужителя или бая.

Сагарак — круглое отверстие на верху юрты.

Сарык — чарык, старинная обувь с кожаным носком и суконным голенищем (ср. «ката»).

Сырахана (һырахана) — букв.: сыра или хыра — пиво; хана — помещение. Пивная.

Табын — накрытое скатертью место для еды, обычно на нарах.

Тилеугез — муж. прозвище: букв.: тиле — дурной, үгез — бык.

Тавяф (араб. Тәуаф) — совершающий обход, объезд; твердить, сосредоточиться.

Шуба-басау — шуба, сшитая из лисьих шкурок.

Ямагат (йәмәғәт) — жена; общественность.

СОДЕРЖАНИЕ

	Текст	Коммент
Бытовые сказки и их разновидности	5	
Новеллистические сказки		
1. Турахан, Янебахан и Ерэнсэ-сэсэн. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	14	438
2. Приключения Ерэнсэ-сэсэна. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	19	439
3. Ерэнсэ-сэсэн и хан. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	25	440
4. Как Ерэнсэ-сэсэн гусей делил. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	27	440
5. Девушка-калмычка превзошла в остроумии Ерэнсэ-сэсэна. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	28	440
6. Как Ерэнсэ-сэсэн невесту для сына искал. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	29	440
7. Ерэнсэ и бай. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	30	440
8. Как Ерэнсэ-сэсэн перехитрил бая. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	32	440
9. Агзам. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	33	441
10. О шестидесятилетнем хане, который сватался к девушке. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	35	441
11. Фаукинур. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	36	441
12. Дочь, любящая отца, как соль. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	39	441
13. Самый вкусный гостинец. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	40	442
14. Хорошая жена плохого мужа в люди выведет. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	40	442
15. О чем говорили гуси? <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	42	442
16. Милосердная жена. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	45	442
17. Суд царевны. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	46	442
18. Хитрый сапожник. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	48	443
19. Как бедняк искал причину неравенства людей. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	52	443
20. Царь и дервиш. <i>Перевод Р. Б. Ахмедова</i>	53	444
21. Старик, отказавшийся от царского трона. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	56	444
22. Йылкысыбай. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	58	444
23. Науширван Справедливый и Житамтай Щедрый. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	62	444
24. Хатамтай. <i>Перевод Р. Б. Ахмедова</i>	65	445

25. Лукман Хаким. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	70	445
26. Старик, Хызыр и царь. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	72	445
27. Догадливые братья. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	73	446
28. Три каравая хлеба. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	74	446
29. Шакир. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	77	446
30. Умный царь. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	80	446
31. Царь-пастух. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	81	447
32. Царь и пахарь. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	84	447
33. Цена царя. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	88	447
34. Альмирьян. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	89	448
35. Кураист. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	95	448
36. Как мудрый старик от смерти спасся. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	96	448
37. Царь и странник. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	96	448
38. Мудрый старик и глупый царь. <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	97	448
39. Сундук мудрости. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	99	449
40. Сказка о курае. <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	101	449
41. Тайна. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	103	450
42. Загадочная сила мелодии. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	104	450
43. Целительная мелодия курая. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	105	450
44. Солдат и царь. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	110	450
45. Ирендык. <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	111	450
46. Счастье, найденное в пути. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	115	450
47. Секрет девушки. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	117	450
48. Двенадцать загадок красавицы. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	119	451
49. Балкантаз. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	120	451
50. Как царевна выбирала мужа. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	123	451
51. Бедный зять. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	125	451
52. Сказка про солдата. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	126	451
53. Как плешивый солдатом стал, а потом и царем. <i>Записи Б. Г. Ахметшина</i>	128	452
54. Богатство и ум. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	132	452
55. Плешивый, слепой и байская дочь. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	134	452
56. Кашкарп и Магимугур. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	136	452
57. Первая красавица. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	138	453
58. Айгуль. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	141	453
59. О царе, полюбившем во сне царевну-мужененавистницу. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	145	453
60. Художник и царевна. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	146	453
61. Вызволнение Фатимы. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	150	454
62. Адгам и Зульхия. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	155	454
63. Девичья уловка. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	158	454
64. Цена бревна. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	159	454
65. Байская дочь и два батрака. <i>По публикации Д. К. Зеленина</i>	164	454
66. Хан находит неведомого ему сына. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	169	455
67. Сын Сафи и сын Гафи. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	171	455
68. Коробейник. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	175	455
69. Купец Гани и везир. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	179	455
70. Дочь нищенки. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	181	456

71. Царевич и царевна, получившая царство. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	184	456
72. Мулла и купеческая дочь Кюнхылу. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	193	457
73. Странные имена. <i>Перевод Р. Н. Зариповой</i>	194	457
74. Муж, которому повезло с женой. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	196	457
75. Оклеветанная царица. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	198	457
76. Солдат Петр. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	204	458
77. Салимьян. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	210	458
78. Как мулла женил на своей жене егета. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	220	458
79. Как муллы превратились в шайтанов. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	224	459
80. Мулла-мукомол. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	230	459
81. Мачеха, пасынок, царь и сорок везиров. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	232	460
82. Солдат и царица. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	233	460
83. Хитрая жена и солдат. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	235	460
84. Хитрость женщины. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	237	460
85. Гусь для любовника. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	239	461
86. Жена двух воров. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	240	461
87. «Любящая» жена. <i>Перевод Р. Н. Зариповой</i>	243	461
88. Сказка про жнеца. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	244	461
89. Голодный солдат. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	246	461
90. «Говорящая» птица. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	247	462
91. Хитрость старого охотника. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	248	462
92. Избалованная девушка. <i>Перевод Р. Н. Зариповой</i>	250	462
93. Хадиса, дочь Халика. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	253	463
94. Ленъ подвела. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	258	463
95. Болтливая жена. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	260	463
96. От злой жены убежит даже дью-пярий. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	261	463
97. «Упаси, аллах, от злых жен». <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	263	464
98. Женское злоязычье. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	264	464
99. Человек и шайтан. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	265	465
100. Судьба. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	266	465
101. Как сбылся сон царя. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	267	465
102. Сын бедняка и заводчик. <i>Перевод Р. Н. Зариповой</i>	271	465
103. Хатира. <i>Перевод Р. Н. Зариповой</i>	275	466
104. Разбойники-бесы. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	277	466
105. Девушка и сорок разбойников. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	279	466

Назидательные сказки-притчи

106. Легко приобретенное. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	284	467
107. Секрет счастья. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	285	467
108. Человек и его дело. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	289	467
109. Ленивый сын. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	291	467
110. Ленивый Аусаф. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	291	467
111. Золотая капля. <i>Перевод Р. Б. Ахмедова</i>	292	467
112. Мавлихафиз. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	295	467
113. Отцовская мудрость. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	296	468
114. Доброе слово дороже золота. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	298	468
115. Дорого купленный совет. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	300	469

116.	Егет, звавший на помощь Нужду. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	301	469
117.	Заветы отца. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	302	469
118.	Материнское слово. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	303	469
119.	Загадочные заветы. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	305	469
120.	Толкование. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	306	470
121.	Горшок с маслом и снаружи приметен. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	307	470
122.	Воспитание бережливости. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	307	470
123.	Как старик подыскал невесту для сына. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	309	470
124.	Как старик своих сыновей испытал. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	310	470
125.	Сухие корочки. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	311	470
126.	Страдания матери. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	312	470
127.	Сердце матери. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	313	470
128.	Старая мать. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	314	471
129.	Сказка о том, как три башкира восхищались царицей. <i>По публикации Д. К. Зеленина</i>	315	471
130.	Петр Великий. <i>По публикации Д. К. Зеленина</i>	315	471
131.	Охотник Юлдыбай. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	317	471
132.	Хвастливый охотник. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	318	472
133.	Как кончилась дружба между братьями и их женами. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	320	472
134.	Два мешка грехов. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	322	472
135.	Правда и Кривда. <i>Перевод Р. Б. Ахмедова</i>	322	472
136.	Три разбойника. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	323	472
137.	Лживый везир. <i>Перевод Р. Б. Ахмедова</i>	324	473
138.	Как везир царя в стыд вогнал. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	326	473
139.	Сыновья-разбойники. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	327	473
140.	В единстве сила — в разобщенности гибель. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	328	473
141.	Коль пища суждена. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	330	473

Сатирические и юмористические

142.	Царь и вор. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	331	473
143.	Как царевич стал вором. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	334	474
144.	Как старик-конокрад творил молитву. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	337	474
145.	Как Алдар золото украл. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	339	475
146.	Вор московский и вор питерский. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	340	475
147.	Два обманщика. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	345	475
148.	Семь воров и храбрый мальчишка. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	348	476
149.	Судья и конокрад. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	349	476
150.	Салим, отказавшийся от рая. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	350	476
151.	Как Харанбай стал невидимкой. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	353	476
152.	Хитроумный егет. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	355	476
153.	Закир и Шакир. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	356	477
154.	Девять Гундосых и один Писклявый. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	359	477

155.	Умный сгет и жадный бай. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	363	473
156.	Царь и крестьянин. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	367	478
157.	Кыркалдар. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	369	478
158.	Как бай залаял по-собачьи. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	371	478
159.	Как Алдар царским зятем стал. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	373	479
160.	Хан и Алдар. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	377	479
161.	Как Алдар бсов изгнал. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	380	479
162.	Проделки Алдара. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	382	480
163.	Плешивый Алдар и муллы. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	385	480
164.	Как Алдар землю продал. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	386	480
165.	Хитрый шакирд. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	388	481
166.	Как Таз братьев своих проучил. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	390	481
167.	На воре шапка горит. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	392	481
168.	Ялангасбай и Алдар. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	392	481
169.	Бай и батрак. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	393	481
170.	Вареная железка. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	395	481
171.	Кунай и Купай. <i>Перевод Г. Г. Шафикова</i>	396	482
172.	Скупой старик и Таз. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	400	482
173.	Мэргэн. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	403	482
174.	Два соседа. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	404	482
175.	Харанбай и Зиннат агай. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	404	482
176.	Всезнающий Тыз-Быз. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	407	483
177.	Торговец и крестьянин. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	409	483
178.	Денег нет, ума много. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	410	483
179.	Старик-пастух. <i>Перевод Д. Даминева</i>	411	483
180.	Начало богатства — в цыпленке. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	412	484
181.	Посошок. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	414	484
182.	Алдар и генерал. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	417	484
183.	Как два шакирда уразу продали. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	418	484
184.	Шумбай. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	420	485
185.	Мулла и сгет. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	424	485
186.	Мулла, бедняк и казый. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	425	485
187.	Приключения крестьянина. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	426	485
188.	Бай Нужду повидал. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	427	486
189.	Нужда утопиться бая заставила. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	427	486
190.	Кучер проучил скрягу-бая. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	430	486
191.	Как бедняк избежал наказания. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	430	486
192.	Сказка о земле. <i>Перевод М. А. Гафурова</i>	431	486
	Комментарии	433	
	Глоссарий	488	

Печатается по решению
ученого совета ордена «Знак Почета»
Института истории, языка и литературы
Башкирского научного центра
Уральского отделения АН СССР

Литературно-художественное издание

**БАШКИРСКОЕ
НАРОДНОЕ
ТВОРЧЕСТВО,
т. 5**

БЫТОВЫЕ СКАЗКИ

Редактор *Ю. Андрианов*
Художник *А. Лутов*
Художественный редактор *Х. Насыров*
Технический редактор *Н. Зарипова*
Корректоры *И. Пастушкова, Л. Семенова, О. Каюмова*

ИБ № 4132

Сдано в набор 16.07.90 Подписано к печати 26 11 90 Формат бумаги 84×108¹/32. Бумага
тип № 2 Гарнитура литературная Печать высокая с фотополимерных форм. Услови
печ л 26,04+0,42 вкл Услови кр -отт. 27,72 Учетн -издат. л 29,74+0,46 вкл
Тираж 50 000 экз. Заказ № 103 Цена 4 руб

Башкирское книжное издательство.
450000, Уфа-центр, ул Советская, 18
Уфимский полиграфкомбинат Госкомиздата Башкирской АССР
450001, г Уфа-1 проспект Октября, 2

Scan Kreyder - 04.04.2016
STERLITAMAK

